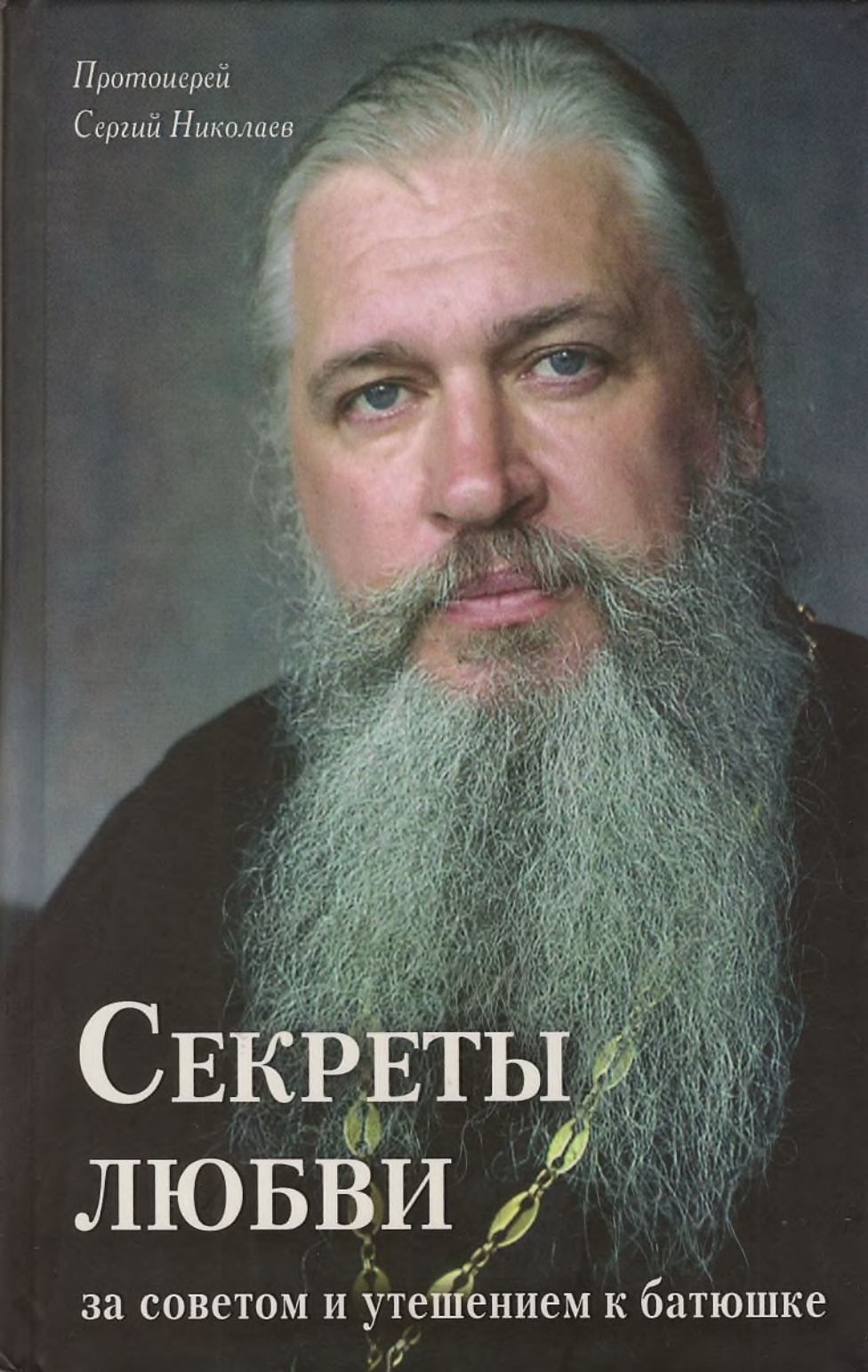
Протоиерей
Сергий Николаев



Секреты любви

за советом и утешением к батюшке

Протоиерей Сергий Николаев

Секреты любви

ЗА СОВЕТОМ И УТЕШЕНИЕМ К БАТЮШКЕ

Проповеди и размышления

«Ковчег»
Москва
2012

УДК 271.2
ББК 86.372
Н 63

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

Н 63 **Николаев Сергий,** ***протоиерей.***

Секреты любви. За советом и утешением к батюшке. *Проповеди и размышления.* — М.: «Ковчег», 2012. — 672 с.

Сборник известного православного автора, протоиерея Сергия Николаева, поднимает самые насущные вопросы нашей повседневной жизни: как жить в семье, как воспитывать детей, как относиться к друзьям и недругам, как бороться со своими грехами. И конечно — как благодарить Господа за Его бесчисленные благодеяния...

ISBN 5-98317-265-4

Подписано в печать 04.09.12. Формат 84×90$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Гарнитура «NewtonC». Тираж 5000 экз. Заказ № 6130.

Издательство «Ковчег». Москва, Савеловский проезд, д. 8

**Оптовая и розничная книжная торговля:
Москва: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98**

**Книжный интернет-магазин
издательства «Ковчег»:**

izd-knigi.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати - ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru, e-mail: order@gipp.kirov.ru

© Сергий Николаев, протоиерей, 2012
© Верстка, оформление «Ковчег», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ И СЕМЬЯ

О браке 8
Задолго до свадьбы 20
К женихам и невестам 35
О семейном счастье и семейном несчастье .. 68
Разочарование 69
За что мне это? 72
Кто в доме главный 74
Совет да любовь 79
Милосердие в семье 80
Взаимная уступчивость 84
Родные и близкие 85
Самая горькая обида 91
Как стать кроткой голубкой? 95
Невидимое благо 106
Украшение Божиего мира 113
Крестины 115
Детские секреты семьи 127
Детское счастье 136
Чтобы Ангел не улетал 137
Как и сколько бывать ребенку на службе ... 142
«Научи нас молиться» 150
Вопрос возраста 153
Пост ребенка 160
Нужно ли заставлять? 164

Дитя непослушное 167
«Скажи мне, кто твой друг» 171
Отношение к святыне 177
Любящее сердце 184
Развод 188
Одиночество 198
Иконы в доме 208
Домашние заботы 217

ДРУГ — УСЛАДА ЖИЗНИ

Как ходить в гости 222
Как принимать гостей 238
Традиции 238
Беседа 247
Кого пригласить 251
Друг — услада жизни 257
По просьбе друзей 257
Как собирали компанию для будущей жизни 259
Чужих нет, везде — свои 267
Имеющий друга имеет другого себя 270
О жертвенности 278
Связь не прерывается 281
Если тебя обидели 285

О НАШИХ НЕМОЩАХ

О грехе сквернословия 293
Православным о моде 307
Старость у телевизора 317
Мелочи от лукавого 333
Тем, кто боится будущего 343
О пророчествах вообще 343
О дне и часе 346

У каждого есть свой день и час 347
Почему «время уже коротко»? 350
О смертном страхе 352
О страданиях 355
О Промысле 360
О войнах 362
«Если возможно, да минует Меня чаша сия» 365
«Это были образы для нас» 368
«Приходит время покаянья и молитв» 373
Об унынии 381
Не стройте вавилонской башни 384
О времени 389
Больным и здоровым 394
Болезнь как лекарство 396
Болезнь как школа 402
Правильные и неправильные страдания 407
Пусть сначала придет Господь 414
Доктора и лекарства 419
Духовная составляющая 428
Особенная милость 435
Неудобные пациенты 437
Прививки 443
Неспокойные пациенты 445
Особенности пожилого возраста 448
В вашей семье — больной 451
Как вести себя с безнадежно больным? 458
Режим 465
Самозванная болячка 471
Божий светильник 478
Час потехи 486
О стыде и бесстыдстве 515
Нагота телесная 517
Чувство стыда —
безусловное отличие человека 522
Перед Богом и людьми 526

Нарочно для родителей 530
К женщинам 537
Вредный стыд 539
Легкий крестик 545
О грехе невежества 553
Нужна ли внешность духовной жизни? 565
«Бог в душе» 565
«Невидимая» вера 568
Зачем нужны посредники? 571

ЖИЗНЬ КАК ЧУДО

Первая исповедь 575
О молитве 585
«Время веселое поста» 594
Всемирное понятие — пост 594
Испытание верности 595
О воздержании 598
Воспитание 601
Послушание Церкви 604
Против власти плоти 606
Боязнь поста 607
Что можно сказать будущей маме? 613
Пост, молитва и секрет молодости 616
Пост не только на пищу 619
О «постных грехах» 621
Дорога, работа, больница 627
Особый пост — среда и пятница 630
Пост по обету 631
Траур 633
Наказание за нарушенный пост 635
«Время веселое поста» 638
Число и праздник 641
О милостыне 645

О поминовении усопших
и родительских субботах 658
«Молитесь друг за друга» 658
О родительских субботах 659
Трогательный обычай Троицкого семика ... 662
*Родительские субботы Великого поста
и субботы поминовения воинов* 664
Радоница 665
Даже самая малая молитва много значит 667
Поминовение умерших — дело благодатное ... 670

ДОМ И СЕМЬЯ

О БРАКЕ

«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему... И создал Господь Бог... жену, и привел ее к человеку... Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть... И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» (Быт. 2, 18, 22, 24; 1, 28).

Так повествует Священное Писание о установлении на земле Господом брака и освящении первой семьи. По сей день почти у всех народов существуют брачные торжества с ритуальными действиями, то есть брак освящается.

Отношение к браку и семье — один из основных вопросов любого мировоззрения. Так, например, христианский брак освящается Церковью и имеет силу и качество Таинства.

Сегодня, являясь невольниками общественного мнения и средств массовой информации, мы не замечаем, как постепенно искажается и утрачивается смысл многих, казалось бы, незыблемых, вечных понятий. Сильно исказилось и понятие брака и семьи. Но какую бы личную позицию ни занимал человек в

вопросе брака, подспудно в нем живет истина, что семья — это счастье, покой, любовь. Семья — остаток рая на земле, — говорили святые отцы. Но как обрести этот рай?

Отрадно, что у части молодежи, особенно христианской, сейчас есть стремление устроить свою семейную жизнь не кое-как, а прочно опираясь на традицию, на благословение Церкви. Поэтому несколько слов о браке, как его понимает Православная Церковь, о браковенчании будут не лишними.

Для православного христианина, как учит Церковь, существуют только два состояния относительно брака. Это либо честный законный союз, освященный Церковью в Таинстве браковенчания, либо целомудренная жизнь. Любая внебрачная связь определяется как блуд. Кое-кто пытается обвинить такой взгляд на брак в несовременности, несоответствии духу времени, а также извинить незаконные союзы общей греховностью, упадком нравов, общепринятостью. Но Православная Церковь всегда руководствовалась не духом времени, а Духом Истины. И грех остается грехом независимо от времени, места и отношения к нему общества. Просвещенный Святым Духом апостол Павел писал: «Не обманывайтесь: ни блудники... ни прелюбодеи... — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9–10).

Собственно целью брака является удовлетворение потребности к плотскому единению, которая вложена Богом в природу человека, а также деторождение. Брак искореняет невоздержание и распутство. «*Во избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Кор. 7, 2), — учит Апостол.

Взаимное влечение мужчины и женщины имеет целью не только деторождение. Брак подразумевает взаимное духовное возвышение, восстановление

в человеке его первоначальной красоты — «образа и подобия Божия». Любовь, приобретаемая в браке, имеет необычную творческую силу и благодатный характер. Сам «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16). Эта любовь позволяет мужу видеть в своей избраннице не ту личность, что видят все, а ту, кем она назначена быть у Господа и кем она должна стать. Жена же видит в муже личность, способную и обязанную помочь ей реализовать в себе то, что назначено Богом. Такой любви сопутствует высокая нравственная обязанность мужа по отношению к жене и доверие и послушание жены в отношении к мужу. Эту любовь нельзя сравнить ни с тем чувством взаимной склонности, симпатии, влюбленности, что предшествует браку, ни, тем более, с чувством похотного раздражения, что заставляет искать и находить предмет страсти, удовлетворяемой во временном союзе.

Таинственно и непостижимо происходит в браке соединение двух личностей в «одну плоть». «Тайна сия велика...» (Еф. 5, 32), — говорит Апостол о браке.

Вспомните, как расправляются нахмуренные лица, с какой нежностью смотрят случайные свидетели свадьбы на молодых. В это время и самый грубый человек воздержится от грубости, смехотворец сомкнет уста, плачущий улыбнется. С таким же чувством мы смотрим на младенца. Но брак — это тоже рождение, новое рождение двух людей в новую «единую плоть». «До брака, — писал отец Александр Ельчанинов, — человек скользит над жизнью, наблюдает ее со стороны, и только в браке погружается в жизнь, входя в нее через другую личность. Это наслаждение настоящим познанием и настоящей жизнью дает то чувство завершенной полноты и удовлетворения, которое делает нас богаче и мудрее».

Благословив первую чету, Господь дал ей во владение всю землю. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт. 1, 28). И сейчас человек, получивший в браке новое видение мира, из зрителя превращается в хозяина, призванного хранить этот мир, не вредить ему своими поступками, по возможности улучшать. Вот почему у многих народов в языке существуют два различных слова для женатого и неженатого человека, для замужней и незамужней женщины. Юноша и мужчина, девушка и женщина — это не только возрастные или физиологические категории, это категории качества, категории зрелости ума, поступков, взглядов.

Столь очевидно изменение в душевном складе человека после брака, что часто родители шалопая-сына или строптивой дочери полагают свои надежды на исправление чад именно в браке. «Женится — переменится», — говорит пословица.

Священник Александр Ельчанинов писал: «Брак — посвящение, мистерия. В нем полное изменение человека, расширение его личности, новые глаза, новое ощущение жизни, рождение через него в мир в новой полноте».

Церковь создание семьи освящает в Таинстве бракосочетания, одном из семи Таинств Православной Церкви. Так высоко почитается ею брак. Сам Господь Иисус Христос Свое служение человечеству начал чудом на брачном пире в Кане Галилейской.

Кто имел возможность несколько раз наблюдать венчание, мог заметить, как меняется настроение новобрачных во время Таинства. Такие разные в начале священнодействия — собранные и суетные, серьезные и легкомысленные, молящиеся и просто

ожидающие — молодые как бы постепенно «дозревают». Церковные и малоцерковные, они одинаково переживают торжественность и неповторимость происходящего с ними. И в то время, когда новобрачные стоят перед аналоем с зажженными свечами в руках, — это уже совсем другие люди. Сквозь человеческий характер в них проглянул образ Божий, то, что объединяет всех людей.

Это преображение всегда отрадно сердцу священника, потому что еще раз дает увидеть воочию не всегда видимое величие человека.

В Таинстве браковенчания Церковь своими священнодействиями и молитвословиями низводит на брачующихся благодать. Благодать эта и возжигает ту любовь, о которой святитель Иоанн Златоуст сказал: «Брачная любовь есть сильнейший тип любви. Сильны и другие влечения, но это влечение имеет такую силу, которая никогда не ослабевает».

Слова «любовь», «любить» употребляются во множестве значений. «Люблю грозу в начале мая...», «Какой же русский не любит быстрой езды...», «Я вас любил...», «Любите ли вы сыр?» Все это ближе к симпатии, расположению, очарованию, приятным ощущениям. Любовь же — дар Божий. «Потому что любовь от Бога», — говорит апостол Иоанн Богослов. Как и любой дар, этот дар Божий можно принять, а можно и отвергнуть, можно хранить, а можно и потерять.

Иногда мне случается слышать недоуменные вопросы о распадении венчанных браков. Но венчание — не сертификат на любовь, на счастливую и безоблачную семейную жизнь. Так же, как Крещение — не пропуск в Царствие Небесное. Но подобно тому как «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12), так

и земной рай — семья — дается только беспрерывным усилием, ежедневным трудом.

В словах апостола Павла, читаемых на бракосочетании, заключено все, что можно порекомендовать брачующимся для принятия и сохранения этого дара Божия, дара любви. Слова эти хорошо бы знать и помнить всем семейным людям. «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены мужьям во всем» (Еф. 5, 22–24).

Единая плоть, в которую соединяются супруги, должна, естественно, иметь одну голову. Разумно, если эта глава — муж. Мужчина сотворен ранее женщины, сотворен как самостоятельное лицо, женщина же сотворена как помощница ему: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18), — читаем в Священном Писании. Женщина никак не ниже мужчины достоинством, но она иная. Впервые проявив самостоятельность, послушав обольстителя змия, первая женщина совершила и первый грех. Ева нарушила Господню заповедь не есть «плодов дерева, которое среди рая» (Быт. 3, 3). Мало того, она склонила к греху и мужа: «Взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3, 6). Тем она навлекла проклятие на землю. За этот проступок Господь наказал ей, а в ее лице и всем женщинам, вечное послушание мужу. На этом послушании жены и зиждется домашний мир.

Послушание вовсе не означает бесправие. Жена — это первый помощник мужа, участник семейного совета. Иногда в семьях, где жена верующая, а муж неверующий или хладный к вере, женщина думает, что ее неповиновение и строптивость оправ-

даны. Нет. Ей-то надо как раз более следить за собой. Апостол Петр писал, что те мужья, которые не покоряются слову Христову, могут быть приобретены для Церкви, то есть приведены в христианство «житием жен своих», «когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие» (1 Пет. 3, 1–2). Именно к повиновению мужу призывает Апостол.

Но что же говорится мужу во время бракосочетания? «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь *(общество верующих)* и предал Себя за нее» (Еф. 5, 25). «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф. 5, 28–29).

Обязанность мужа — любить свою жену. И не только любить, но и заботиться о ней, «питать и греть», а кроме того, муж отвечает за жену перед Господом, потому что, вступая в брак, он обязуется заботиться и о ее душе, чтобы представить ее Господу «не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5, 27). Конечно же, такую обязанность можно выполнить только при полном доверии и послушании жены. И не нужно размышлять: достоин ли муж послушания, достойна ли жена любви. Сказаны эти слова всем мужьям и женам, хорошим и плохим, всем без исключения. Это единственный рецепт счастливого супружества.

Вспомним традиционное пожелание новобрачным: «Совет да любовь». Это состояние согласия и любви возможно только в браке. Оно вполне сравнимо с тем состоянием, в котором пребывает Бог. Совет и любовь — это то, что соединяет три Лица Пресвятой Троицы в единое целое. Потому только в благословленном Церковью венчанном браке воз-

можно осуществление в жизни этой формулы: совет да любовь. Конечно же, не без нашего участия. Если от нас будет исходить совет, то есть единогласие, уступчивость, мир, — то от Господа — любовь.

Во время венчания на брачующихся возлагают венцы. Это и символ славы честного супружеского союза, и символ мученичества. Да, брак — это и добровольное мученичество. Апостол Павел честно предупреждает желающих вступить в брак: «Таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль» (1 Кор. 7, 28).

Что же это за «скорби по плоти»? Любая обязанность, как бы приятна они ни была, неизбежно когда-нибудь расходится с нашими желаниями. Происходит это от нашего несовершенства. Любимое дитя может раздражать усталого отца. Непонятливость жены может угнетать мужа. Временное невнимание мужа печалит жену и так далее. Люди несовершенны. А терпеть надо. Это обязанность. Нарушить ее — клятвопреступление. Это и есть «скорби по плоти». Жене хочется к подруге, а муж — глава семьи — против, приходится уступить. Мужу хотелось бы купить мотоцикл, а тут надо террасу пристраивать: семья-то растет. Это тоже «скорби по плоти».

Указывая на обязанность мужа любить свою жену, апостол Павел вспоминает о любви Спасителя к Церкви (обществу верующих) и говорит о жертвенности этой любви. И супругам многим приходится жертвовать ради друг друга, ради совета, мира и любви. Но так постепенно мученический венец становится венцом славы. В прежние времена в христианской Церкви новобрачные после венчания еще семь дней носили венцы, и лишь на восьмой день священник торжественно снимал их. Эти венцы показывали всем, что благодать, данная при венчании,

пребывает с брачующимися и своей помощью делает их подвиг супружества как бы уже свершившимся и увенчанным славой.

Как при Крещении человеку дается Ангел Хранитель, так и при венчании семье дается Ангел Хранитель семьи, который будет помогать сохранять мир и любовь в семье.

Большое значение для счастливого брака имеет правильный выбор супруга. Приступая к какому-либо делу, будь то строительство дома, посадка сада или починка мебели, мы стараемся узнать как можно более о предмете. Расспрашиваем людей опытных, читаем пособия, сообразуем свои возможности, материальные и физические ресурсы. И это правильно. Но удивляет, что такое важное дело, как брак, построение семьи, часто пускается на самотек, происходит как-то само собой. Как будто знания по этому вопросу относятся к врожденным инстинктам и не требуют участия разума. Но это не так.

Выбор супруга — важнейший в жизни выбор. Прежде в выборе жениха или невесты участвовали родители. Позже у родителей брали благословение, а выбор оставался за молодыми людьми. Теперь же молодые сами решают свою судьбу, не обращаясь за советом к родителям. Результат не замедлил сказаться. Появилось много неустойчивых браков. Участились разводы. Опыт Церкви показывает, как отражается благословение родителей на жизни семьи. «Благословение отца утверждает домы детей» (Сир. 3, 9). Понятие родительского благословения не совсем укладывается в рамки нашего разума, потому что относится к понятиям духовным. И независимо от того, принято это или не принято, современно или устарело, умны ли, понятливы ли сами родители, — родительское благословение есть величайшее благо, и пренебрегать им — безумие.

Именно родителям в большей мере ведомо наше душевное устроение, некоторые, может быть, фамильные черты характера. Как люди старшие и имеющие опыт, они более трезво могут взглянуть на будущего зятя или невестку. И то, что не понравится родителям, скорее всего в будущем не понравится и нам, потому что нас объединяют с родителями семейные черты не только внешности, но и характера, взглядов. Иногда сильное чувство заставляет пойти молодых против совета близких, и часто такой брак бывает трудным.

Расхожее мнение, что «сердцу не прикажешь», может стать оправданием нелепого брака по страсти, по непреодолимому, казалось, чувственному влечению. Здесь уместно напомнить яркий пример из литературы. Умнейший человек Пьер Безухов женится на бездушной и развратной Элен (Л.Н. Толстой, «Война и мир»).

Иногда случается очарование необычной личностью человека, его душевным эмоциональным складом, характером, талантом. В самонадеянности влюбленному кажется, что он ради своей любви может преодолеть все: разницу в воспитании, умственном развитии, темпераменте, возрасте. Такова любовь Дездемоны и Отелло с ее трагической развязкой, Печорина и Бэлы. Из реальной жизни можно вспомнить женитьбу графа Шереметева на своей крепостной актрисе. Брак был недолог и несчастлив.

Ни выбор по страсти, ни душевное очарование, ни надежды на свою мудрость не могут нас обезопасить от ошибки. «Без Бога ни до порога», — говорит пословица. И действительно, как и во всем, в выборе супруга пробным, краеугольным камнем является Христос. Пусть главенствующей будет для вас общность по духу. Ведь плоть немощна, дух же бодр и может преодолеть все, по словам Спасителя (Мф. 26, 41).

«Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление *(смерть),* а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 7–8). Не только телесных, внешних достоинств нужно искать в избраннике или избраннице, не образованного ума, не эмоциональности, но, прежде всего, достоинств духовных. Таких, как терпение, верность, смирение, богобоязненность, сострадательность, милосердие. Все это гораздо ценнее и более потребуется в супружеской жизни, чем самая привлекательная внешность, самый изощренный ум. «А Татьяна — не сметана, не щи ею белить», — говорит пословица.

К тому же внешность очень зависит от состояния души человека. Миловидная девушка может стать сварливой женой. «Злость жены изменяет взгляд ее и делает лице ее мрачным, как у медведя» (Сир. 25, 19). Юноша, пристрастившись к винопитию, также скоро потеряет свою привлекательность. В то же время «жены, светящиеся душевной красотой, со временем все более обнаруживают свое благородство, и тем сильнее становится привязанность и любовь их мужей» (свт. Иоанн Златоуст). Какую роль в выборе супруга играет материальная обеспеченность? «Жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15), — говорит Спаситель. Нельзя основывать свой выбор исключительно на достатке человека. Недоверие и ревность, уныние — типичные спутники подобных союзов. Тем не менее, расчет все же должен быть. Где жить и на что жить — не последние вопросы. Легкомысленно оставлять их решение «на потом». Здесь опять уместен совет родителей.

Нужно помнить и то, что, становясь одной плотью, супруги объединяют не только свои доброде-

тели, но и недостатки. Жена-сплетница может «заразить» и мужа злословием, а у ленивого и нерадивого мужа и жена может вскорости стать неряхой.

Поэтому такое значение приобретает церковность жениха и невесты, то есть насколько они действительно, а не на словах христиане. Действенно ли их стремление изжить свои недостатки, проявляется ли их любовь в молитвах друг за друга? Можно ли их будущую семью назвать «домашней церковью»? Многое может сделать молитва любящего сердца. Все мы хотим жить в браке счастливо. Нет горя горшего, чем неудавшаяся семейная жизнь. Все становится не мило, если нет мира и покоя в доме. Как нужны доверие и уважение жены и верная, надежная опора в муже! Но хорошо, когда к нашим желаниям и усилиям присоединяется и помощь Божия.

Об этой помощи, о благословении брака говорится в молитвах, которые священник читает на венчании: «Боже пречистый... благослови брак сей и подаждь рабом Твоим сим... живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, семя долгожизненное, о чадех благодать... Даждь рабе сей во всем повиноватися мужу, и рабу Твоему сему быти во главу жены... Даждь им... единомыслие душ и телес... сопрязи *(соедини)* я *(их)* в единомудрии, венчай я в плоть едину... Подаждь рабом Твоим сим... неувядаемый славы венец».

К пожеланию совета и любви для тех, кто сопряжен в браке, хотелось бы добавить слова святителя Василия Великого: «Любите... хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими». Аминь.

ЗАДОЛГО ДО СВАДЬБЫ

С каких лет девочки представляют себя невестами, а мальчики задумываются над словом «жених»? Не серьезно, а как бы вскользь, играя. Лет в семь, восемь, десять? Но случается это со всеми. А вскоре и близкие, увидев племянника или соседку, скажут: «Гляди, подрос-то как, прямо жених!», «Совсем невеста». Полыхнут жаром щеки, опустит ресницы девочка, а отрок и вовсе уйдет с глаз. Стыдно. Но пройдут два-три года, и уж не конфузятся от этих слов молодец и девица, а, напротив, еще расправят плечи да головой тряхнут — выросли. Заканчивается детство-отрочество, где вся жизнь игра да забава, родительская любовь да строгая опека. Приближаются совершенные годы — время самому совершать жизненный путь. Юность — самая яркая, самая замечательная, но и самая ответственная и опасная пора. Кажется, и рядом она, самостоятельность, но как дойти до нее, не упав, не покалечив тела, не повредив душе? Эту недолгую дорожку между родительским домом и своей семьей, своим домом можно назвать наиболее трудным отрезком жизненного пути.

Это время первых важных решений и выборов. И самый главный из них — выбор спутника, выбор супруга. Для православного человека, для молодых людей из семей с традиционным укладом жизни та-

кой выбор совершается один раз, и потому ответственность за него ни с чем не сравнима. Можно сменить институт или техникум, профессию, поменять работу, дом и даже страну, в которой живешь, но супруг выбирается окончательно и навсегда.

«Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6), — говорит Спаситель на вопрос о расторжимости брака.

Жена — не рукавица: с белой ручки не стряхнешь да за пояс не заткнешь.

На установку единственности брака никак не может влиять увеличивающееся количество разводов, неполноценных семей, семейных трагедий. Этот печальный опыт должен скорее призвать как юных, так и их родителей более трезво и ответственно взглянуть на создание нового союза. Этот печальный опыт понуждает и семейных, и только надеющихся вступить в брак чаще прибегать к помощи Того, Кто единственный в силах помочь нам создать счастливую семью и сохранить ее: Господь Вседержитель — единая Причина гармонии вселенной, единая Причина мирового порядка, «потому что Бог не есть *Бог* неустройства, но мира» (1 Кор. 14, 33).

Самая большая трудность в создании супружеского союза та, что юные и, конечно, неопытные дети не совсем доверяют своим имеющим опыт супружеской жизни родителям или духовным наставникам. «Если бы молодость знала, если бы старость могла», — говорит пословица. Но не хочет молодость слушать советов, кажется ей, что ее сердечко и затуманенная любовным туманом головка — лучший и мудрейший советник в мире. Повернет голову сын-молодец на отцовские слова, поднимет бровь: «А почему это?» Да и сделает по-своему. Улыбнется дочь на материнский вопрос, скажет ла-

сково, отведя глаза: «Все в порядке, мама». И оставит матери ее догадки да тревоги.

Эх, кабы вместе-то решать этот вопрос о суженом! Но для того и готовиться надо было загодя.

В прежнее время забота о будущей свадьбе не настигала родителей внезапно. Почти с рождения собирали для девочки имение-приданое, прикидывали заботы женитьбы сына. В богатых домах высших сословий записывали за детьми различные блага: деревеньки, дома, откладывали деньги. В крестьянской семье девушке готовили укладку-сундук: шубы, одеяла, платья, рушники. Парню копили на свадьбу. Не зарекаясь от раздела, старались заготовить лишние сани, прикупить лесу, инструмент. Уже младенчик имел свою собственность: принято было дарить «на зубок», а позже к именинам «денежку» на будущее хозяйство. Таким образом, ребенок с самого детства, встречаясь с предметами и разговорами, касающимися его будущего брака, задумывался о самостоятельной семейной жизни.

Свадебные торжества были самым ярким событием в череде семейных праздников. Они выделялись своими длительными и устоявшимися обрядами, совершенно особыми и пышными платьями. Подарками. Песнями. Продолжались не один день. Гостей на свадьбах бывало помногу. Это тоже имело свое воспитательное значение. Старшая сестра или тетя, соседка в свадебном наряде, «как царевна», становилась центром внимания всей семьи, всей улицы, прихода. Девочка глядела, примеряя мысленно к себе такую необычную заботу и любовь близких и, конечно же, богатое платье. Мальчик смотрел на старшего родственника или братова приятеля и тоже размышлял о небывалом почете, которым окружают жениха. Надеялся когда-то испытать

то же. В разговорах дети долго обсуждали свадебные подарки, перечень которых по обычной случайности становился достоянием родных и соседей.

Эти подарки также пленяли детское воображение. «Почему, за что ему такое уважение и дары? Что он такое сделал, чем заслужил?» — думало дитя. Спрашивали мать, отца. «Будешь трудолюбивой и скромной, и тебя возьмут замуж. Сошьем тебе красивое платье». «Будь хорошим помощником отцу, не лодырничай, не озоруй — хорошую девушку за тебя отдадут», — отвечала, наверное, мать. От подарков и сапог внимание ребенка переключалось на добродетели. Добродетель получала реальную награду — право быть завидной невестой, завидным женихом. Грех так же имел видимое и ощутимое наказание. «Кто тебя возьмет, неумеху?!», «Кого за тебя отдадут, непутевый?!»

Когда-то внимание наших соотечественников не было так рассеянно. Волнение за здоровье римского папы или небывалый паводок в Бразилии не беспокоили сердец. Зато более душевных сил оставалось на свои, семейные дела и заботы. К будущему браку сына или дочери подготавливались нешуточно. Нравственность, трудолюбие, религиозность, хозяйственные навыки, опрятность, здоровье, послушание родителям, забавы возможных кандидатов в родню не ускользали от внимания окружающих. Все впечатления и сведения укладывались в памяти до времени, чтобы потом сделать единственно правильный выбор для счастливой судьбы дочери или сына. Своему «товару» также старались придать вид, дабы потом не было укоров от родственников. «Мать по пяти раз заставляла перестирывать. По углам платком проводила, проверяла, чисто ли. Говорила: „Как замуж пойдешь, на мне грех будет, что неряху

вырастила". У ворот тоже не задержишься, обязательно из дому крикнут, что нечего, мол, улицу высматривать», — рассказывала одна женщина о своем воспитании.

И мальчики, и девочки помнили, что «хорошая слава лежит, а худая бежит», и старались не дать повода для худой славы, ведь расплатой за шалость в будущем мог стать позорный отказ при сватовстве, а то и одиночество.

То, что мысли подростка часто обращались к будущему браку, не означает, что у него развивалась плотская мечтательность. В этих думах не было ничего похотного. Свадьба притягивала воображение юных тем, что высвечивала, открывала для окружающих настоящее достоинство человека. Это не всякий мог осознать, но каждый чувствовал.

«Господи, Боже наш!., что *есть* человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его» (Пс. 8, 2, 5–7), — говорит Псалмопевец об удивительном достоинстве человека, о том достоинстве, что дал человеку Господь, поставив его царем и владыкою окружающего мира.

Во время браковенчания перед стоящими в царских венцах молодыми трижды произносит священник эти слова: «Господи, Боже наш, славою и честию венчай я (их)». В этот момент не только жених и невеста, но и их друзья и подруги, оказавшиеся рядом, все, кто задумывался о будущем супружестве, переживают обязательную для себя необходимость соответствия такой славе, этому образу царя и царицы, венцам, возлежащим на главах. Здесь понятие чести реально и ощущается воочию. Для мо-

лодых венчание — Таинство, для окружающих — проповедь.

Уже не вышитый рушник, умение месить пироги или вырезать кудрявый наличник, а близость образу Божию занимают воображение. Чистота и целомудрие мыслятся как единственное достойное свадебных венцов украшение. И согласно с тем звучат родительские наставления о девичьей чести, о славе молодца. Не для себя, не ради славы у соседей и даже не ради суженого нужна эта чистота, а ради Господа, ради правды.

Согласие церковного и родительского воспитания и заботы о своих чадах имело результатом то, что почти сто процентов девушек и подавляющее большинство юношей сохраняли чистоту тела до венца.

«Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, тоже считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация... Даже парень из хорошей семьи, но с клеймом греха, терял звание «славутника», и гордые девицы брезговали таким» (В. Белов, «Лад»).

Такому парню уже не могли доверить честь нести хоругвь или икону во время крестного хода или на церковные торжества.

Не сохранившая себя девушка просто не имела права на брак. Все, наверное, знают о мазании ворот дегтем и т. п.

Кто-то скажет: нынче все иное,
Кто-то скажет: это в старину...

И приведет примеры распущенности нравов нынешнего дня. Конечно, нравственность в нашем об-

ществе не в почете, но и римское общество времен святых Апостолов было никак не выше в этом отношении. Скорее, мы идем на полшага сзади в смысле развращенности. И все же написано было апостолом Павлом Послание к Римлянам. Не к одному или двум, а к целому обществу. Будем надеяться, что у нас есть для кого проповедовать.

Прошлое не умирает, хорошее прошлое может назидать и сегодня. В добрых семействах забота о будущем браке детей не откладывается на определенное время. Родители помнят, что дитя нужно не только выкормить, выучить, но и воспитать достойными мужем или женой, достойным гражданином.

Примеры брачного союза, свадьбы, любви и верности обязательно используются православными родителями при воспитании. Не раз и не два напомнит мать, что хорошая невеста или хороший жених могут быть наградой послушанию, трудолюбию, молитве.

Вспоминается случайно увиденная сценка. Во дворе на лавочке сидела пожилая женщина, а рядом играли дети. У одной девочки лет девяти с языка привычно слетали грубые слова. Женщина повернулась к ней: «А ты знаешь, что из-за таких грязных слов ты замуж не выйдешь. Никто не захочет на тебе жениться». Девочка убежала. Но через некоторое время вернулась, подошла к лавочке, встала перед женщиной и твердо сказала: «А я уже больше не ругаюсь». Надо сказать, что такой мгновенный результат вдохновил и меня несколько раз использовать этот прием.

В привычных детству сказках частый сюжет — преодоление трудностей в поисках невесты, умение заслужить жениха или невесту, помощь суженому. Характерна свадебная концовка многих сказок как

апофеоз земного счастья. Такие сказки читаются детьми в раннем возрасте и очень недолго и не успевают развить в них греховной мечтательности, но несут свою положительную нагрузку воспитания. Тем более, что особенность нашего времени — развитие негативного отношения к семье и браку, принижение и искажение значения семьи. Потому православная семья должна закрепить в ребенке отношение к браку как к благу, к земному счастью.

Известно, что основа семейного воспитания — пример родителей. Поэтому так важно для них не соблазнить «малых сих» (Мф. 18, 6), не подать детям дурного примера ссор, обманов, семейных хитростей, измен, неуважения друг к другу. Да и не поверит дитя тем, кто сам не смог осуществить счастливый брак. «На своем молоке обожглись, на чужую воду дуют», — вспомнится сыну в ответ на нравоучение отца.

Не один раз мне пришлось слышать от молодых людей, что в детстве им довелось быть свидетелями ссор родителей. Эти непонятные ссоры угнетали, обижали, причиняли боль, наполняли сердца страхом. В это время маленький человек принимал решение «никогда, никогда не жениться». Позже такое неприятие супружества прошло, но не сразу и не просто.

Использование в воспитании свадебно-брачного символа может преследовать только цель побуждения в ребенке желания нравственного улучшения или служить для формирования отношения к супружескому союзу как к Самим Богом данной прекрасной форме земного бытия.

Неправильное, не вовремя сказанное слово о любви, неверный акцент могут, напротив, способствовать растлению детского сознания. Привести к раннему пробуждению чувственности, к кокетству,

любовной мечтательности. Помню, как одна тетя, желая поговорить с восьмилетней девчушкой, стала расспрашивать малышку, есть ли у нее мальчик, где она с ним познакомилась. Не то чтобы женщина не ориентировалась в детских проблемах, нет, у нее самой есть дети, причем того же возраста.

Еще одно воспоминание. В школе силами первоклашек поставили спектакль по сказке «Золушка». В финальной сцене королевского бала мальчик и девочка, игравшие главных героев, должны были танцевать вальс. Дети пытались кружиться на расстоянии вытянутых рук, естественная скромность понуждала их отвернуться друг от друга. Но педагоги и родители поправляли малышей, устанавливая пару в позу взрослых влюбленных, забавляясь унижением детской стыдливости.

Нередко родители неразумно пекутся о внешней привлекательности своих ребятишек, наряжают девочку, как барышню-невесту, а мальчика, как кавалера. Украшают одежду детей символическими сердечками. Девочкам надевают дамские украшения, сережки, колечки, бусы. Здесь уже не до ожидания жениха как награды за трудовые и нравственные достоинства, а воспитание желания и умения увлечь собой, соблазнить. Не надежда на хорошую невесту, а умение выставиться, пустить пыль в глаза. В неуместных нарядах не по возрасту дети очень рано начинают чувствовать себя достойными внимания, завидными невестами и желанными женихами.

Учтите, родители, что «блудная брань усиливается от пяти причин: от празднословия, тщеславия, многого сна, от склонности к красивой одежде, от пресыщения» (преподобный авва Исаия. См. «Отечник»).

Рассказывала молодая женщина: «В седьмом классе девочки разделились на барышень, которые

интересуются мальчиками, и на «ботаников» (так называют в школе прилежных учеников). Одни влюблялись, писали записочки, кокетничали, вольничали. Другие — сидели за книжками, гуляли по часам, слушали родителей, краснели от вольного слова. Через пятнадцать лет оказалось, что все «ботаники» достаточно удачно вышли замуж, имеют хорошие спокойные семьи, а их влюбчивые одноклассницы в большинстве своем бессемейные: кто развелся, кто кое-как устроился, а у кого-то тяжелые семьи».

Это характерно. Примеров таких множество. *Обидно, что начало такой ранней влюбчивости* часто полагают сами родители. Быть может, и не желая того.

«Пища, одежда, кров — это хоть и немалое, но не главное. Главное есть обезопасение от неприятностей вовне. Орлиные крылья покрывают вас. Клюв орла и когти его готовы на поражение всякого, кто покусится причинить вам оскорбление или неприятность. Это благо ничем не заменимо», — писал о родительской заботе святитель Феофан Затворник.

Сегодня родительские крылья должны быть необыкновенно мощными, чтобы защитить дитя от потока пошлости и грязи, обрушившихся на общество. Символика греха окружает нашу жизнь повсеместно. Кино, реклама, музыка, телевизор, радио, книги полны символов блуда, вызывая в человеке постоянное похотное раздражение. Взрослый человек, чтобы не повредить своей душе, не осквернить, приучается жить в этом мире, как в пустыне, не поднимая глаз, храня слух и зрение от ненужных образов, не любопытствуя, а главное, оберегая себя молитвой — противоядием и оружием против бесовского ополчения. Дитя же беззащитно. Оно еще не видит и не знает опасности, а потому отражать ее должен родитель.

«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33), — говорит Апостол. И в первую очередь родительские крылья должны защитить ребенка от средств массовой информации, заменивших в наше время дурные компании. Лучше вообще не иметь дома телевизора и радио, чем позволять детям бесконтрольно пользоваться ими.

Сейчас возраст любовных отношений и переживаний очень понизился. Откровенные ухаживания и влюбленности можно наблюдать даже в начальной школе. Что ж, то, что совсем недавно было бы стыдно обнаружить или сыграть, теперь получило право на жизнь благодаря множеству детских спектаклей и фильмов, где такие влюбленности норма. Существуют даже детские сериалы, где обязательной, чуть не главной нитью в сюжете проходят вздохи и томления почти младенческой любви.

Круг чтения ребенка также требует контроля и отбора. Хорошо, когда родитель знает, *какой у дочки тайный том дремал до утра под подушкой.*

Ведь литература может быть нравственной и развращающей. Даже в угоду общественному мнению, создавшему список мировых шедевров и талантливых произведений, обязательных для прочтения культурным человеком, все же не следует давать детям соблазнительных романов и грубых повестей. Несколько неблагосодержательных книг вполне можно заменить книгами историческими, описательными. Такое исключение никак не повредит развитию вашего ребенка.

Неплохо знать и друзей своих детей. «Отец всегда спрашивал: „А кто у него или у нее родители? А где живет? А какие у нее отметки?“ Этими вопросами

он как бы понуждал меня выбирать друзей в своем кругу, своего кругозора», — вспоминала отеческую заботу одна женщина.

Надо заметить, что такие установки помогают в дальнейшем найти спутника жизни не в «стране далекой», а в своем кругу. Что немаловажно для счастливого брака. Про «неровнюшку» и в песне поется, неравенство в любом смысле переживается в семье очень трудно.

Конечно, ребенка в кармане не вырастишь. Любой человек должен пройти через соблазны и искушения. *Но пусть это случится не через нас, не по* нашему невниманию и попустительству. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7), — предупреждает Спаситель.

«Наши дети знают о грехах и пороках гораздо больше нас, никакие запреты не оградят их от мира», — говорят некоторые. Да, дети, безусловно, знают многое. Но именно домашние запреты позволят им отделить в своем сознании «чашу Господню» от «чаши бесовской» (1 Кор. 10, 21).

Уроки семейной школы определяют многое в дальнейшей самостоятельной жизни человека. Именно по домашнему типу мы выбираем себе супруга или супругу, строим семейную жизнь, воспитываем детей. «Яблочко от яблони недалеко падает», — говорит пословица. Но все это происходит как-то помимо сознания. А в пору «юности мятежной» молодое поколение, как правило, пытается как-то уменьшить воспитательный элемент родительской опеки. Когда наступают последние годы школьной учебы, мнение подростка уже не всегда бывает согласно с мнением родителей, не всегда подчиняется ему. Поэтому хорошо, чтобы в семье

к этому времени сложилась практика обращаться к третьему авторитетному лицу. Это обычно бывает духовник, приходской священник, у которого исповедуются все члены семьи, или старец. Он-то и поможет согласовать мнения отцов и детей. Прежде такая практика была обычной.

В это время устанавливаются и крепнут дружеские союзы, и усиливается влияние на подростка его окружения. Иногда я вижу пары или целые стайки друзей или подружек, приходящих на исповедь. Хорошо, когда основой дружеского союза является Православие. Но нередко дети лишены возможности общения с верующими сверстниками вне храма. Помню, как одна мама возила свою дочку на другой конец Москвы к единственной верующей подружке, с которой они познакомились в паломнической поездке. Случается, что хорошую компанию для ребенка приходится искать родителям.

А от дурной отвращать. Вспоминается мне еще одна мама. В многодетной православной семье мать стала замечать перемены в старшей дочери. Девочка начала хуже, небрежнее учиться, стала отговариваться от посещения храма, полюбила длительные прогулки, долгие беседы по телефону. Однажды мама оказалась случайной свидетельницей разговора дочки с подругой. Это был грубый, безнравственный, недостойный девочки-христианки диалог. После услышанного мама пыталась образумить девочку, объяснить гибельность отступничества от веры, от нравственных принципов семьи. Дочка вспылила, желая отстоять право на собственные взгляды. Мать родительской властью посадила свою шестиклассницу дома под замок, прервав все контакты с внешним миром, не сделав исключения даже для школы. Эта мама понимала, что науки только

полезны, но благочестие — обязательно. Через какой-то срок женщина нашла возможность устроить дочь в православную гимназию. Наняла репетиторов, девочка выправилась, стала лучше учиться. А когда прошло еще полгода, бывшая самовольница уже просто не могла понять, что ее могло привлекать в тех пустых, грубых и опасных беседах, от которых спасла ее мать.

По словам святых отцов, наилучшими хранителями чистоты являются вера и милостыня. С самого раннего детства ребенка нужно приучать к милостыне. Когда, придя в храм, мы видим у входа нищего, то пусть дитя подаст ему милостыню, ребенок же может положить нашу лепту и в церковную кружку. Научите вашего малыша радоваться, делая подарок, навещая больного друга, уступая место в автобусе, помогая слабому. Милостыня — это свободное дело любви к ближнему. Любовь к себе растлевает душу. Любовь к ближнему — уцеломудривает.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7), — обещает Спаситель. Милостыня защитит наше дитя и в будущем веке, и в этой жизни. Милостыня — обязательная спутница девственности. «Как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни» (святитель Иоанн Златоуст).

Часто вспоминаю я одну московскую старушку. Девочкой-подростком ходила она с подружками помогать в военный госпиталь. Выполняли они работу санитарок Христа ради. Я читал письма, что присылали ей раненые после выписки. Это были очень чистые, удивительно целомудренные письма. Никаких шуток, никакой вольности. В письмах к ней, совсем юной девушке, обращались не как к Любочке, а называли Любовью Тимофеевной.

В пятнадцать лет она выучилась печатать на пишущей машинке, чтобы помогать Церкви. По вечерам они с подругой приходили в Донской монастырь, где жил тогда Патриарх Тихон. Они помогали переписывать и печатать для него. Святитель Тихон жил очень скромно, можно сказать, в нищете. Каждый вечер один добрый человек приносил ему две маленькие булочки. Одну святитель отдавал своим юным помощницам.

Я помню фотографии Любови Тимофеевны — она была редкой красавицей. И эту красивую, с живым характером девушку духовник благословил на одиночество в миру. Наше общество переживало тяжелое время, но любовь к милостыне охраняла ее от соблазнов и нечестного к ней отношения все годы.

Никакие внешние обстоятельства, нравственная распущенность и привычный в обществе разврат не освобождают родителей от заботы и ответственности за целомудрие и воздержание детей. Время святителя Иоанна Златоуста так же, как и наша современность, не отличалось особой строгостью нравов, однако мы читаем: «До времени брака воздерживайте их (юных) увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами».

Но более всех средств вразумит, накажет и сохранит дитя родительская молитва. «Чтобы детям благословил Господь избежать опасностей, надо молиться день и ночь. Бог милостив, Он имеет много средств предотвращать, какие нам и в голову не придут. Бог всем правит», — ободряет нас святитель Феофан Затворник.

Счастье будущего брака детей не принадлежит только детям, родители также разделят его, но забота об этом счастье начинается с заботы о благочестии детей.

К ЖЕНИХАМ И НЕВЕСТАМ

Страшное поругание любви происходит сегодня в мире. Сброшены покровы с греха, и грех назвали любовью. Блудницу называют невестой и развратника — женихом. Но скверный брак не может насытить плоти, а лишь распаляет страсти. «Будут есть, и не насытятся; будут блудить, и не размножатся; ибо оставили служение Господу» (Ос. 4, 10). Этот внешний по отношению к Церкви мир живет по своим законам, поклоняется своим богам, имеет своих проповедников.

«То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Девушки скрывали свою невинность, супруги — верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения — признаком утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными» (А.Н. Толстой «Хождение по мукам»). Кажется, что о нашем времени написаны эти слова. Таков мир, что живет рядом с церковной оградой. Мы не можем уйти от этого соседства, не можем спрятать от него наших детей. Этот мир и это время — Божия данность, определенная для испытания нашей веры.

«Испытание вашей веры производит терпение» (Иак. 1, 3), а «терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное» (Евр. 10, 36), — читаем у святых апостолов.

Желающий спасения может только противостоять греху, не обвиняя никого, не ропща на обстоятельства, помня, что

«Бог... Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью» (желанием) (Иак. 1, 13–14).

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2, 15), — говорит Апостол. Но не любить мир не значит не любить тех, кто живет в этом мире. Только будущий век положит пропасть между чистым и нечистым, отделит сынов Света от детей тьмы. А сейчас, пока не произнесено еще судное слово, немало людей, познавших пустоту внешней жизни, приходят в церковную ограду в поисках истинной любви, ища спасения. Еще неокрепшие в вере, но полные решимости, начнут они устраивать свою жизнь не по прихотям мира, а по церковным заповедям. И потому для кого-то много раз еще придется повторять то, что уже сказано, объяснять то, что, казалось, давно ясно.

«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2, 18). Особенно нехорошо, трудно одному проходить путь спасения. Потому и благословляет Церковь брак, и живущие в миру знают преимущества супружества перед вольной волей. Ведь даже одиночество ради Господа — монашество — связано обетом послушания. Послушания духовнику и священноначалию. А значит, и монашествующий не один совершает свое поприще. Мирянину же лучшая доля — семья.

Семья так много значит для нашего спасения, что ее называют малой Церковью, поэтому создание столь важного союза, безусловно, должно серьезно обсуждаться.

Сейчас люди в Церкви быстро «взрослеют», то есть их воцерковление происходит достаточно скоро. Молодые люди, выросшие в церковной среде, и те, кто пришел недавно, как-то почти незаметно выравниваются. Отрадно и то, что их становится все больше, а значит, и браки между «своими», церковными, стали чаще.

Вспомним, какие основные качества выделяют жениха и невесту, ставят их на особое место в обществе? Любовь и целомудрие. Если о любви сейчас стали говорить гораздо больше, то о целомудрии стараются молчать.

То, что разврат повсеместен, ничего не меняет в отношении к нему Православной Церкви. Естественным он кажется только неверующим. А Церковь надеется видеть новобрачных чистыми и целомудренными и возлагает на них венцы, воздавая честь их целомудрию и сохраненному девству. В руки жениху и невесте даются зажженные свечи, также знаменующие целомудрие и чистоту будущих супругов. Кстати, если оба в брак вступают повторно, то свечей уже не зажигают, именно по той причине, что в брак вступают уже не девственники.

Символ чистоты невесты — ее белое платье, свадебная фата. «Голубица моя, чистая моя!» (Песн. 5, 2), — скажет жених при виде ее. Но если сам он не сохранил чистоты, то грех его замарает и голубиную чистоту милой. Не случайно неверующие девушки, не ведающие Божиего воздаяния, не хотят сохранять девственность до свадьбы. Не для кого. «Он ведь придет уже поживший, — говорят они, — так что,

какой смысл мне беречься». Блудный грех как раз и характерен тем, что очень заразен, не имеет границ. Всякий другой грех имеет как бы свой небольшой регион действия, а блудный расползается во времени и пространстве.

Но как ни страшна статистика добрачных связей, мы всегда можем указать на добрый остаток. «Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток» (Рим. 11, 5), — говорит Апостол.

Большинство церковной молодежи считает желательным для себя сохранение чистоты тела до брака. Но случается и невыполнение этого установления. Причиной же выставляются обстоятельства, неосторожность, безволие. Но причина падения скорее в том, что когда-то произошло согласие с греховным помыслом и внутреннее растление.

«А если видимо соблюдаешь тело свое от растления и блуда, внутренне же ты любодействовал и творил блуд в помыслах своих, то прелюбодей ты перед Богом и не принесет тебе пользы девственное тело твое» (преподобный Макарий Великий).

Любопытство к нескромным разговорам, изображениям, книгам, мечтательность, бездеятельность разбудили чувственность и нечистые мысли. Отсюда и грех.

«Как юноше содержать в чистоте путь свой? — Хранением себя по слову Твоему» (Пс. 118, 9), — говорит Псалмопевец. А слово Божие, через Апостола: «...не сообщаться с блудниками... не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником... с таким даже и не есть вместе» (1 Кор. 5, 9–11), «Не обманывайтесь: ни блудники... ни прелюбодеи... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9).

Спаситель называет прелюбодеем и того, кто разжигается похотью на чужую красоту. «...Я говорю

вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). В мире есть необратимые процессы. По опыту мы знаем, как легко разбивается от неосторожности или даже по умыслу сырое яйцо. Раз — и готово! Но потом «вся королевская конница и вся королевская рать» не смогут собрать этого шалтая-болтая. Так же необратимо повреждение целомудрия в человеке. Бороться с растленным воображением или растленной плотью затем предстоит всю жизнь.

«Худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33), — предупреждает Апостол, поэтому православным юношам и девушкам следует избегать компаний с вольными разговорами и поведением. Когда же избежать такого общения невозможно, «иначе надлежало бы вам выйти из мира *сего*» (1 Кор. 5, 10), по словам Апостола, то нужно научиться уклоняться от бесед, вечеринок, совместного провождения времени.

«Когда я еще жил в миру, — вспоминал преподобный оптинский старец Варсонофий, — товарищи называли меня идеалистом. Бывало, придут звать меня куда-нибудь: „Устраивается пикник, целой компанией едем за Волгу с самоваром и закуской. Будет очень весело!“ — „Сколько же это стоит?“ — „По десять рублей с человека“. Вынимаю деньги и отдаю за себя, чтобы не получить упрека, что уклоняюсь из корыстных побуждений, а потом в день пикника заболеваю некоей политической болезнью и остаюсь дома... А наутро товарищи говорят: „Был он?“ — „Нет, не был“. — „Ну, конечно, — рукой махнут, — ведь он у нас идеалист“».

Вроде и не побрезговал компанией и на своем настоял.

Впрочем, молодые люди, знакомые с культурой поста, не затруднятся такими дипломатическими отказами. Ведь во многих семьях, где есть дети-школьники, родители умеют без насилия над ребенком и без обиды для окружающих избегать новогодних школьных елок и представлений, попадающих на конец Рождественского поста, а также участия в других светских праздниках, не вписывающихся в православный календарь.

Трудно в юности сохраниться от любовной мечтательности. Особенно она привычна девушкам. Беда в том, что эти грезы «не стоят на месте», а обязательно развиваются. Если когда-то думы такого рода не покидали пределов дозволенного, просто дальше было как-то «некуда» думать, то сейчас, когда воображение и память каждого человека засорены греховными впечатлениями, навязанными нам миром, остановить мысль на какой-то грани бывает трудно. И все же, несмотря на то, что невинность как категория незнания греха постепенно изнашивается, невинность как категория несогласия с грехом и отторжения от себя греховных помыслов остается обязательной для всех, независимо от времени и обстоятельств.

Впрочем, против такой мечтательности есть лекарство. Молодые годы, как правило, годы учебы, время освоения профессии. Несомненно, что образование удобнее получить до брака. Не случайно сложилась поговорка: «Женатому учиться — время ушло». Добросовестная учеба обычно не оставляет времени на пустые мечты. Если же юноша или девушка не учатся, то в семье всегда найдется для них занятие там, где нужна их помощь. Во все годы, а особенно в юности, бездеятельности нужно бояться как огня. «Труд есть страж добродетели», — читаем в «Цветнике духовном».

«Кто в праздности живет, тот непрестанно грешит», — писал святитель Тихон Задонский. В прежнее время барышни из семей, в которых домашнее хозяйство не требовало их участия, обязательно вышивали, вязали салфеточки или детскую одежду для старшей замужней сестры — никогда не оставались в бездеятельности. Рукоделие как средство занять себя, удалиться от праздности было свойственно и замужним дамам, не обремененным семейными заботами. Все, наверное, помнят, из чего состояло пансионное воспитание девушки по Гоголю: французский язык, «фортепьяно, для доставления приятных минут супругу» и «вязание кошельков и других сюрпризов» («Мертвые души»). Смешно-то смешно, а тем не менее чьи-то прапрабабушки не выезжали в гости без ридикюля с рукоделием, да и дома, если и сидели без дела, то не сложив руки, а с иглой или спицами. Занятие всегда можно найти, а праздность расслабляет волю.

Отеческой заботой полны письма преподобного оптинского старца Макария. В одном из них читаем: «Невозможно же быть вам в совершенном бездействии физическом: тогда и страсти больше будут беспокоить».

«Не предавайся большим рассеянностям, которые бывают часто сопряжены с потерею интересов и нравственности», — писал он же о развлечениях. Недолгие и невинные удовольствия и развлечения, как дань человеческой слабости, не возбраняются православному человеку. Они дают передышку нашим мышцам и нервам, способствуют большей работоспособности. Но развлечения рассеивают сознание, в это время оно подобно заболтавшемуся с прохожим часовому, и греху легче проскользнуть мимо стражи. Поэтому выбор развлечений следует

строго определить для себя, и не нужно смущаться принятыми в мире нормами, но ориентироваться только на Божии заповеди. «Весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19), — говорит апостол Иоанн Богослов и ласково назидает: «Возлюбленный! не подражай злу, но добру» (3 Ин. 1, 11).

Об одном таком «неблагополучном» развлечении — танцах — есть смысл поговорить особо.

Танцы существуют у всех народов. Изначально эти ритмические движения разделялись на несколько видов — в зависимости от целей, которые они преследовали. Танцы, возбуждающие чувственное желание, предшествующие соитию; военные танцы, сообщающие боевой дух, и особые ритуальные танцы, используемые жрецами или их окружением для оккультных целей: вызывания духов и т. п. Из этого набора наиболее употребляемыми и получившими развитие оказались чувственные танцы. Они-то и легли в основу всех современных как народных, так и классических танцев, а также балета. Да-да, балета! Вся эстетика балетного искусства основана на возбуждении и удовлетворении чувственной, похотной стороны человеческой личности. Об этом откровенно говорят движения и сами костюмы танцоров. В сознании наших соотечественников понятия балет и разврат долгое время непременно соседствовали. У А.Н. Островского в одной из пьес есть замечательная фраза: «Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится» («Бешеные деньги»).

Что касается танцев как бытового развлечения, то это собственно игра в «любовь» на своем уровне. Небольшой театр. В танцах незаметно растворяется и теряется стыдливость. В танце на вполне «законном» основании можно обнять, приласкать мало-

знакомого, а то и вовсе незнакомого человека. Не случайно различные развращающие программы для подростков рекомендуют танцы и совместные спортивные занятия как «средство преодоления стыдливости», а мы назовем это разрушением целомудрия. Святые отцы всегда советовали избегать касания как возможного побуждения к греху.

«Всякое прикосновение мужчины и женщины неприлично, всякое сладострастие под тенью великих крыльев любви — целомудренно», — говорит святитель Григорий Богослов. Имеется в виду, конечно, брачная любовь. Одна девушка-студентка рассказывала, что среди ее многочисленных знакомых лишь один юноша имеет привычку деликатно отодвигать локоть или колено, когда рядом с ним за столом или на занятиях оказывается девушка. Остальные молодые люди совершенно не озадачивают себя такими тонкостями и не меняют ни позы, ни лексики в присутствии сокурсниц. Видимо, это и есть результат такого танцевально-спортивного воспитания — вести себя со всеми, как с близкими родственниками, и дай Бог, чтобы такая фамильярность, или семейственность, закончилась на этом уровне.

«Так же и танцы, которые назвал один мудрый проповедник „Иродиадино искусство“ и которые мир считает невинным удовольствием в обществе, а в сущности оные греховны», — писал преподобный Макарий Оптинский одной матери, воспитывающей сыновей.

В жизни приснопамятного владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, был такой случай. Вскоре после войны попал он как-то на танцплощадку. Встал в стороне и смотрел на танцующих. Вдруг перед глазами его слева направо как бы развернули свиток, и он увидел тан-

цующих с собачьими и свиными рылами вместо лиц. Это было необычайно страшное зрелище: танцующие бесы. Длилось такое видение недолго, свиток вновь свернулся, теперь уже справа налево, и перед будущим владыкой опять танцевали люди. В эти мгновения, как рассказывал владыка Иоанн, решилась его дальнейшая судьба.

«Горе миру от соблазнов... — говорит Спаситель. — Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный» (Мф. 18, 7–8). Конечно, проще избегать от юности соблазнительных обществ и ситуаций. Но случается, что и сам человек сознательно становится причиной соблазна. Нередко девушки и даже девочки приучаются кокетничать. Быть может, вначале это происходит на уровне игры. «В ней проснулась женщина», — сказала одна мама о своей шестилетней кокетке-дочери. Нет, в ней проснулась не просто женщина, а женщина-грешница.

Скромность — добродетель и украшение девушки. Скромность — от слова скрыть. «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной *красоте* кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3, 3–4), — обращается к женам и девицам Апостол. Желание обратить на себя внимание, кокетливость можно обозначить как наглость, как поведение, рассчитанное на посторонний взгляд. Но удовольствие привлечь к себе внимание, наслаждение вниманием могут иметь непростые последствия.

«Хотя ты не говорила и не произносила тех слов блудницы: „Прииди и поваляемся в похоти“, — не

произносила языком, но говорила видом, не произносила устами, но говорила походкою, не приглашала голосом, но приглашала яснее голоса глазами. Хотя, пригласив, ты не предала саму себя; но и ты не свободна от греха; ибо и это — особый вид прелюбодеяния; ты осталась чистою от растления, но телесного, а не душевного; и у тебя совершен грех вполне если и не через совокупление, то через зрение... Как ты думаешь быть чистою от греха, совершив его вполне? Ты сделала совершенным прелюбодеем того, кто прельстился этим твоим видом; как же ты можешь не быть блудницею, когда дело твое оказывается прелюбодеянием?» — читаем у святителя Иоанна Златоуста.

Кокетливость легко может довести до греха, так как возбуждает страсти, а страсть бывает заразительна. Если какая-то девушка думает раскраской лица и разными вычурными нарядами помочь себе сделать счастливый брачный выбор, то усилия ее тщетны. Подобные наглядные знаки могут увлечь лишь действительно увлекающегося человека, возбудив в нем любовь-страсть. А страстная любовь очень быстро проходит.

«Из многих опытов видно, что кто по страсти вступает в супружество, то не бывает счастия: страсти остынут и любовь исчезнет», — писал преподобный Макарий Оптинский своей корреспондентке. Так же и преподобный Амвросий Оптинский не рекомендовал жениться или выходить замуж по страсти.

Когда девушка желает замужества — это доброе желание. Но желать замужества не значит стремиться к браку любыми путями. Чистота, целомудрие, богобоязненность, кротость и терпение привлекут к такой душе благословение Божие гораздо вернее, чем разные ухищрения внешние. Народная мудрость гово-

рит, что на всяк товар есть свой купец. И не следует брезговать той внешностью, что дал вам Господь, лучше вы себе не нарисуете. К тому же внешняя красота требует особенной осторожности, так как привлекает к себе не только добрые взгляды. Красивой девушке труднее сохранить себя. «Девство и красота воюют друг на друга», — говорит пословица.

«Потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие», — повторяет расхожее мнение герой Шекспира («Гамлет»).

Желание украсить себя нарядами должно быть тоже осмотрительным. Очаровательный вид не всегда бывает на пользу.

Рассказывала молодая верующая женщина: както вечером она сошла с электрички и пошла через лесок на дачу. Вдруг услышала сзади быстрые тяжелые шаги. В голове сразу промелькнула мысль: «Зачем я надела эти светлые брюки». Она как-то сразу соединила свой нескромный наряд и ту опасность, которую ощутила за спиной. Человек, что догонял ее, действительно хотел совершить насилие. По милости Божией неразумная модница смогла вырваться от него. Потом ей еще долго пришлось бежать, и все это время она твердила: «Господи, помоги, я больше никогда не надену брюки». И действительно, она их больше не носила.

Гораздо более косметики и нарядов послужит свахой молитва. Молитва о женихе вполне может быть включена в утренние молитвы, если девушка определила для себя путь спасения в браке. Просить Господа можно обо всем потребном, а желание жить в браке — это желание жить по заповедям Божиим, ведь основная цель брака — сохранять человека от

блуда. «*Во избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Кор. 7, 2), — писал Апостол.

В семьях, где есть девицы на выданье и юноши, готовые к браку, хорошо иметь обычай чтения акафистов святителю Николаю, покровителям супружества мученикам Гурию, Самону и Авиву, святым Петру и Февронии Муромским. Можно заказывать и молебен этим святым. Всякое дело лучше делать с Господом, с молитвой.

В Москве, в Брюсовском переулке, в храме Воскресения Словущего есть чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших». Перед этой иконой молятся родители девушек-невест и юношей-женихов, прося Пречистую об устроении брака детей. Молятся и сами молодые девушки и юноши, вверяя заботу о своей судьбе Царице Небесной. Начало этой традиции положило чудо.

Московский житель, когда-то имевший достаток, впал в бедность и никак не мог выдать замуж своих дочерей. Дошло до того, что и питаться ему с семейством стало нечем. Этот почти отчаявшийся человек имел привычку молиться перед образом Божией Матери «Взыскание погибших». И Пречистая Дева не оставила несчастного отца. Вскоре дочери его благополучно вышли замуж, и он поселился у одной из них. Случай этот стал известен, и к чудотворному образу стали стекаться верующие не только из московских семейств вымолить жениха или невесту, приезжают и из других городов и весей.

Мне вспоминается один забавный случай. Знаком я был с одной маленькой семьей: мамой и дочкой. Девушка оканчивала техникум и, не имея привычки к шумным молодежным компаниям, была не прочь выйти замуж. Одна беда: женихов в округе не

было. Конечно, по совету духовника и мама, и дочка молились, чтобы была воля Божия, и надеялись, что Господь пошлет человека. Также по благословению съездили они в Москву к чудотворной иконе «Взыскание погибших», заказали молебен. Через небольшое время опять съездили. И, веря в заступничество Царицы Небесной, взяли за правило ездить к чудесному образу регулярно. Может быть, раз в два месяца, не помню. Прошло где-то полтора года. И однажды мама пришла брать благословение на брак. Нет, не дочери. Сама мама, более десяти лет прожившая без мужа, вдруг неожиданно выходила замуж. Причем жених объявился не какой-нибудь, а верующий, красивый, работящий. А еще через год или полтора вышла замуж и дочка.

Есть в жизни события, устройство которых разумнее доверить Господу, а не рассчитывать на свои силы. «Возверзи *(возложи)* на Господа печаль твою, и Той тя препитает» (Пс. 54, 23), — говорит Псалмопевец. В отношении брака — это лучшая рекомендация.

Как и любое наше прошение, просьба-молитва о браке не должна игнорировать волю Божию. Лучше, чтобы молитвенное пожелание заканчивалось словами: «Но пусть будет не как я хочу, а как Ты, Господи. Да будет во всем воля Твоя. Аминь».

Московский старец святой праведный Алексий Мечёв в одном из писем упоминал такой случай. Девушку бросил жених. Батюшка посоветовал ей молиться об устроении ее жизни, но не с прежним женихом, а с кем угодно будет Богу. Но девица в молитвах настаивала на соединении с бросившим ее молодым человеком. Что же? Он вернулся. Они повенчались. А через короткое время муж уже окончательно бросил ее.

Не всегда наша молитвенная просьба может быть исполнена скоро. Иногда мы просим неполезного для спасения.

Бывает и такое. Обвенчаются молодые, отшумит свадьба, и забудут они в своем счастье и молитву, и церковь, и Бога. И так все хорошо. Все-то станут любоваться друг на друга, ворковать в своем гнездышке. И ничем, кроме пожара, их оттуда не выставишь. Хорошо еще, если Господь приглашение пришлет не слишком грозное: болезнь там какую или ссору, а случаются и более страшные напоминания.

Потому Господь и медлит с ответом на наши просьбы, что бережет нас от себя же. Ждет, может, мы и дозреем.

Придет дочка к отцу: «Папа, купи мне новую шубку». — «А зачем тебе?» — спросит родитель. — «Пойду в ней на улицу, все скажут: „Какая красивая девочка!“ А подружки во дворе просто умрут от зависти». — «Нет, — скажет отец, — походи пока в старой». Придет другая дочка: «Купи мне, папа, новую шубку». — «А зачем тебе?» — «Пойду я в новой шубке в церковь в воскресный день. И тепло в ней, и празднично». — «Что ж, видно, не миновать обновки».

Так и Господь на наши молитвы. Кому полезно — даст, а кому нет — повременит.

Помню такой случай. Девушка хотела иметь семью. Деток очень любила. О муже-помощнике мечтала. В церковь она начала ходить недавно, и взгляды ее, жизненные понятия менялись на глазах. Вначале она просто хотела любви, заботы, семейного тепла. Молилась, просила Господа. Постепенно стала понимать преимущества семьи, где оба супруга верующие. Ждала. Молилась. Прошел не один год. Одиночество ее стало менее горьким, она узнала счастье церковной семьи, своего дела в Церкви. Те-

перь брак мог бы только дополнить то, что она уже имела. И Господь послал ей человека. Познакомились они в храме, понравились друг другу и через какое-то время поженились. А случись это раньше, кто знает, часто ли видели бы мы ее в храме.

Каждый священник имеет немалый опыт человеческих судеб, и, наверное, каждый может сказать, что подавляющее число несчастий, угнетающих человека, — семейные скорби. «Таковые будут иметь скорби по плоти», — говорит Апостол о вступающих в брак, и опыт подтверждает, что семья — это обязательные скорби, обязательный крест. Правда, скорби бывают разные. Многое в семейной жизни зависит от прежнего поведения жениха и невесты. Их добрачная жизнь обязательно окажет влияние на атмосферу в семье, на здоровье будущих детей. Тот, кто не бережет своей чистоты до брака, сам лишает себя семейного покоя.

Как когда-то библейский Исав, не желая потерпеть голод, продал свое первородство, право на наследство, за чечевичную похлебку, так иногда неразумные юноши и девушки отдают свою поистине царственную чистоту, единственное личное достояние за насыщение любопытства, неосознанного греховного желания, за какое-то сиюминутное утверждение себя. Как же жаль бывает потом!

«Столько вокруг семейств, а много ли любящих пар подходят к браку, сохранив телесную чистоту?» — спросит кто-то.

Да, живут люди и с раковой опухолью, и с язвенной болезнью, и с астмой. Привыкают и даже забывают, что были когда-то здоровы. Но вряд ли кто стал бы специально отягощать себя такими страданиями.

«Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег

ею; так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех» (святитель Иоанн Златоуст). От первоначального греха, вставшей между супругами неправды — дальнейшая ревность, недоверие, закрытость, себялюбие, измены.

Священник Михаил Труханов в книге «Мысли христианина о браке» пишет: «Человек порочный, искавший любви на стороне, не может искренно любить свою жену. Прошлое встанет призраком между ним и ее чистотой, и этот призрак отравит минуты счастья, сделает невозможным это счастье... Такой человек развратит и жену, потому что внесет в храмину семьи разлагающий аромат преступной любви. На этом основании преподобный Феодор Студит (IX в.) считает безусловно необходимым, чтобы чистый соединялся с чистой, невинный с невинной... Соединение невинной с человеком морально павшим кажется уродством».

«Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и незаконно, в одно тело. По этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем на исповеди при непременном условии, чтобы покаявшийся оставил его, но очищение и отрезвление тела и души от блудного греха требует продолжительного времени, чтобы связь и единение, установившиеся между телами... и заразившие душу, обветшали и уничтожились» (святитель Игнатий (Брянчанинов)).

«Юношей также увещевай быть целомудренными», — писал Апостол (Тит. 2, 6).

О целомудрии девушки долгие века даже не рассуждали, считая девственность естественным добрачным состоянием. Отношение к девушке, не сохранившей себя до брака в чистоте, у многих наро-

дов схоже. Сама природа женская так устроена, что грех этот не может быть скрыт и обязательно обнаружится. В израильском обществе, по Моисееву законодательству, «если... не найдется девства у отроковицы», предлагалось побить «ее камнями до смерти» (Втор. 22, 20).

С наступлением христианской эры нравы стали мягче, но все же общество относилось довольно долго к этому греху особенно нетерпимо. У нас в Отечестве еще в XIX веке не сохранившую себя девицу ожидало всеобщее презрение, отторжение от общества, грубые насмешки и выходки, мазанье дегтем ворот и т. п. Конечно, замуж она уже выйти не могла и, как правило, искала, куда скрыться с глаз. В мусульманской среде такое отношение сохранилось и по сей день. И это не случайная жестокость.

Дело в том, что первый физический контакт производит в организме женщины колоссальные изменения и сопровождается такими огромными физическими и психическими нагрузками, что может происходить лишь в атмосфере брака, покоя и любви. В том спокойствии, которое дает ей сознание своего права и защиты этого права со стороны общества и родных.

В противном случае, по мнению доктора медицинских наук профессора Вл. Барабаша, психическая перегрузка может вызвать патологические изменения, мутации генотипа женщины, и в дальнейшем вероятность рождения у нее генетически больного ребенка увеличится. Таким образом, если добрачный контакт произойдет даже накануне свадьбы по настоянию жениха или по собственному недомыслию невесты, то свое негативное действие на будущее потомство он все же окажет.

В прежнее время ребенка, рожденного вне брака, называли ублюдком, то есть рожденным от блуда. Согласитесь, что слово это несет в себе не только характеристику незаконнорожденности, но и некий оттенок психофизической неполноценности.

Увеличение количества в нашей стране добрачных связей сопровождает увеличение генетических заболеваний. И что характерно, в регионах с мусульманским населением, где девственность невесты обязательна, таких заболеваний почти нет.

Легкомысленное отношение к добрачному сожительству не только подрывает здоровье нации, оно прямая угроза самому существованию нации, так как ведет к ее вырождению, считает профессор Вл. Барабаш. Только забота о генофонде народа, о его будущем может объяснить ту, казалось бы, непримиримую жестокость, с которой общество отторгало от себя утратившую невинность девушку.

Причиной падения молодых может стать юношеское нетерпение, любопытство и даже боязнь одиночества.

«Итак, чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака», — советует святитель Иоанн Златоуст.

Это же мнение находим и у протоиерея профессора В. Зеньковского: «Чем раньше юноши и девушки вступят в брак, тем легче дастся им внутренняя гармонизация их существа». И.С. Тургенев также высказывался о преимуществе ранних браков, где происходит общее «взросление» личностей. Такие супруги, по словам святителя Иоанна Златоуста, «будучи незнакомы с привычками посторонних людей будут взаимно подчиняться друг другу».

Преподобный Макарий Оптинский, отвечая своей корреспондентке, писал: «При замужестве должна отдать себя в неволю; к чему в юных летах удобнее бы можно было себя приучить».

Все это, конечно, не значит, что создавать семью следует сразу же по достижении совершеннолетия. Отнюдь. Молодые люди имеют различные характеры, воспитание, темпераменты. Живут в различных обстоятельствах. Кто-то может подождать до конца учебы в институте или достижения некоторой самостоятельности, чем очень облегчит себе первые годы семейной жизни. Не случайно говорят, что для щей люди женятся, а для мяса замуж идут. И если девушке варить щи, хозяйничать — дело, как правило, с детства знакомое, то юноше — будущему кормильцу, чтобы заработать на мясо, надо еще подучиться.

Правда, есть и нетерпеливые, таким «лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7, 9).

Иногда решение ускорить свадьбу вызвано страстным любовным чувством. Поддаваться такой любви очень неразумно.

«...Вы хотите жениться по страсти; тут уже совершенно толку не будет, это мне довольно известно на многих партиях», — предупреждает в одном из писем преподобный оптинский старец Макарий.

В браке спокойном, разумном супружеская любовь с годами лишь возрастает. В браке, заключенном по страсти, любовь, удаляясь от своего первоначального пламени, становится, напротив, все холоднее. Предмет страсти теряет свою привлекательность и может стать даже ненавистен. Ведь страстная любовь себялюбива.

Но именно в этом случае, когда страсть уже завладела сердцем, особенно трудно бывает отказаться

от желаемого. Святитель Иоанн Златоуст предлагает таковым лекарство: разлуку и время.

Для семейной жизни надобно искать не какой-то африканской страсти или феерической любви, а человека. И человека религиозного. Религиозность избранника, его православие должны стать отправной точкой мнения о нем.

Правило 72-е Шестого Вселенского Собора просто запрещает верующим вступать в брак с неверующим: «Не подобает смешивать несмешаемое, ниже совокупляти с овцою волка, и с частью Христовой жребий грешников. Аще же кто постановленное нами преступит: да будет отлучен».

«В самом деле, во имя чего будет создаваться семейный союз, если один из супругов пламенеет любовью к Богу, а другой, отвергая само бытие Бога, поносит Его... Это уже не есть единение образов Божиих „в плоть едину“, но только их плотское единение и по сути дела, не человеческое супружество в единомыслии душ и телес, но оскотиненная жизнь их участия в совокуплении», — пишет протоиерей Михаил Труханов.

Полноценный союз может быть только о Господе. Семья это не когда двое, а когда трое: муж, жена и Господь. В письмах преподобного Макария Оптинского есть такой ответ на вопрос о замужестве: «...хотя бы он и нравился вам, но если нет прочной веры и благочестия, то не советую вам посягать за такого, а если — истинный христианин и сын Православной Церкви, благочестив, то советую, при содействии помощи Божией».

Союз о Господе обязательно привлекает к себе благодать Божию. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20), — обещает Господь. Семейный союз Апостол уподобляет союзу

Христа и Церкви. Жизнь в нем не скучные будни, а праздник брака, где в супругах всегда пребывает свадебная радость жениха и невесты. В таком союзе нет греха предпочтения любимого Господу, но супруги оба во всем предпочтут заповедь Божию, а общая для двоих цель — жизнь в Господе покроет мелкие несогласия. Здесь супруги не угождают плоти, но любовью служат друг другу (см.: Гал. 5, 13). Здесь супружеская любовь, по словам Григория Богослова, и в сладострастии остается целомудренной.

Не где-то в дальней стороне, а среди своих, в Церкви ищи себе суженую или суженого, и Господь благословит твой брак, потому что начало его — общая любовь к Богу.

Есть на памяти случай. Один верующий молодой человек, наскучив холостой жизнью, захотел жениться, но при том затруднялся выбором. Духовник посоветовал ему молиться, да пошлет Господь ему человека: «Приглядывайся в храме, не найдешь ли кого». Но тот все никак не решался сделать выбор. Не только в своем приходе искал, но даже ездил по другим храмам. «Все они не яркие, не привлекательные, — говорил он, — хорошие, красивые, но...» Смотрел он плотскими очами. Но, по словам Апостола, «не живет... в плоти моей... доброе» (Рим. 7, 18). В конце концов женился он на неверующей девушке. Через год супруга оставила его. Трагедию покинутый муж переживал тяжело, но понял, что напрасно сам не пустил Христа в свою семью. Найти верующего супруга или супругу возможно, надо просто знать, чего ты ищешь в человеке.

Спросил я как-то одного батюшку, счастливого в семейной жизни, как он познакомился со своей матушкой. «Пришло время, пошел на регентское отделение (женский класс церковных дирижеров),

выбрал, познакомился, женился», — отвечал он. — «Долго выбирал?» — «Да нет, недолго. Вижу, верующая, благочестивая, из хорошей семьи, а в остальном они все похожи». Наверное, так оно и правильно.

В житии святой благоверной княгини Февронии Муромской описывается такой случай. Плыла княгиня Феврония в лодке по реке. Сидел неподалеку от нее кормщик, и почувствовала княгиня, что смотрит он на нее с вожделением да с греховным умыслом, хотя сам и женат. Попросила его княгиня выпить речной воды, зачерпнув ее с левой стороны лодки, а когда исполнил, попросила почерпнуть с правой стороны да тоже выпить. «Одинакова ли вода?» — спросила княгиня. «Одинакова», — ответил кормщик. «Так же одинаково и естество женское», — сказала княгиня.

И, конечно, не столько красы, а более добродетели нужно искать в избраннике, в избраннице.

«Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей» (Прит. 31, 10–11), — говорит Премудрый.

«Если ты здоров и она здорова, друг другу нравитесь и невеста благонадежного поведения, и мать имеет хорошего некропотливого характера, то и можешь вступить с нею в брак», — советовал преподобный Амвросий Оптинский.

В женихе внешность и веселый характер также не основные качества. Гораздо важнее его религиозность, послушание Церкви, богобоязненность, доброта, хорошее воспитание. Если сама невеста девушка хорошая, чистая, то со временем она «увлечется» даже некрасивым мужем. Для нее счастье уже

просто в замужестве, в возможности иметь детей, свой дом.

«За мужем жена всегда госпожа», — говорят в народе. Для ровного настроения в семье важно некоторое равенство в супругах, одинаковость. Схожее воспитание, образование, возраст. Оптинские старцы советовали выбирать, чтобы супруг был своего круга, предостерегали от «неровнюшки». Как говорится: «Князю княгиня, боярину Марина, а всякому своя Катерина».

Когда у молодого человека или девушки появится склонность к кому-то и приходит на ум: «Уж не это ли моя судьба?» — то, как и во всяком важном деле, самое время прибегнуть к помощи Божией для разрешения своих сомнений.

Мы говорим об избранниках — суженый, суженая, то есть те, кого избрать судил нам Бог. Мы желаем, чтобы наш выбор совершился по воле Божией, а не по нашему произволу. Но надобно уметь дать место Божией заботе о нас. Преподобный Амвросий Оптинский предлагал молиться о совершении своей судьбы с известным человеком и во время молитвы внимательно прислушиваться к собственному сердцу. Если появится беспокойство, то лучше отказаться от задуманного брака; если же чувство сердечного покоя ничем не возмутится — то решаться на брак.

Время от влюбленности, от избранности до свадьбы играет немалую роль в дальнейшей судьбе семьи. Неразумно особенно сокращать этот срок. Молодым нужно еще и еще приглядеться друг к другу, проверить себя. Если чувство не может выдержать единого года, то как же рассчитывать на целую жизнь? Никак нельзя жениться или выходить замуж в состоянии любовного угара, в опьянении чувств.

Но, напротив, с «бодренным сердцем и трезвенною мыслью», как просим мы Господа в утренней молитве, с «пожданием», как советуют святые отцы, следует решать важнейшее дело брака. Время может открыть в избраннике новые неизвестные черты, и не обязательно они придутся по нраву. В таком случае еще не поздно расстаться. Вспомним, что ухаживания наших дедушек и бабушек длились годами, зато и чувства их были выверены и браки крепче.

Несомненно влияние характера жены на взгляды и поведение мужа. «Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет», — говорит народный опыт. Поэтому нелишне узнать поточнее да заранее этот норов, не завел бы он куда не надо.

Хорошо, когда соединяются молодые люди, долгое время знающие друг друга. Рядом живут, вместе учатся, знакомы семьями, вместе работают. В таком браке меньше неожиданностей. Если же этого нет, то знакомство лучше несколько затянуть. Познакомиться с родителями, по народной примете: «яблочко от яблони недалеко падает». Присмотреться к друзьям. Само жилище может многое сказать о человеке. Посмотри, не найдешь ли больших противоречий между воображаемым и реальным обликом претендента.

А много ли сможет увидеть и рассудить юный несовершенный ум? Но и самый искушенный и самый мудрый человек не может увидеть и просчитать всего. Здесь нужно нечто большее, чем мудрость, нужна помощь Божия — благословение, молитва.

Прежде за советом и за благословением на брак было принято обращаться к духовнику или старцу. Среди писем оптинских старцев есть немало ответов касательно брака. Есть благословения, есть советы за и против.

Обязательным было всегда и благословение родителей. Родительское сердце находится в постоянном молитвенном предстоянии перед Господом за свое дитя, и потому родительское благословение так действенно, так созидательно.

В Древней Церкви брак мог быть заключен только с благословения епископа. «А те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти», — писал священномученик Игнатий Богоносец. В Русской Церкви долгий период заключения брака также начинался с уведомления архиерея и с его благословения. Венчать брак мог только приходской священник жениха или невесты, то есть духовник, знающий свое чадо и небезразличный к нему. Молодые сообщали священнику о решении вступить в брак, а священник уже объявлял о предстоящем браке в храме. Если через некоторое время от прихожан не поступало никаких сведений о препятствии к браку, то совершалось обручение и венчание. Запись о венчании скреплялась подписями свидетелей и приходского священника.

До 1775 года венчание отстояло от обручения на некоторое время, дабы жених и невеста имели возможность еще раз осмыслить и полнее подготовиться к предстоящему браку. Обручение как бы скрепляло брачный договор.

Но даже после того, как церковное обручение стали совершать одновременно с венчанием, период последнего раздумья не упразднился. Оставалось семейно-общественное понятие сговора, то есть договора между родными или близкими жениха и невесты, семейного благословения на брак. Сговор отстоял от венчания на различные необязательные сроки.

Таким образом, брак никогда не заключался очень скоро, подготовка к нему проходила несколько этапов и включала в себя заботу и участие многих лиц.

И сегодня молодые люди из церковной среды, прежде чем окончательно принять решение о браке, приходят к духовнику за советом и благословением. Приводят к духовнику и своих избранницу или избранника. Благотворность такого поступка даже трудно изъяснить. Здесь и благодать священнического благословения, и мудрый совет опытного человека, и молитва, сопутствующая задуманному делу. А главное, Сам Господь через духовника или старца подает совет вопрошающему Его!

Когда же пара установилась, получила благословение, и милые могут назвать себя женихом и невестой, наступает время удивительных по своей тонкости отношений. Казалось бы, чувства уже определились, решение принято и не тайна для близких. Невидимые, но вполне ощутимые нити связывают два любящих сердца, они уже какая-то общность, они теперь не сами по себе, а принадлежат друг другу. «Я **твой** жених, ты **моя** невеста, это **наше** будущее», — говорят молодые. Они, кажется, вполне готовы чувствовать себя семьей. Они торопятся.

Но эта общность — лишь желание общности. Принадлежность друг другу — лишь желание принадлежности. У них есть только желание, но нет пока ни прав, ни обязанностей. Жених и невеста — еще не семья. Это удивительное состояние права и бесправия, свободы и связанности. Как же распорядиться этим временем?

Брак дает возможность двум разделенным полом человеческим личностям преодолеть свою половинчатость, стать «одной плотью». «И будут два одною

плотью» (Мф. 19, 5), — говорит Господь о супругах. Стремление к такому плотскому единению в природе человека и не является чем-то греховным. Греховной может быть лишь форма этого единения. Единственной законной, с точки зрения соборного разума Церкви, для воцерковленных людей является форма венчанного брака. Плотская близость до брака — блудодеяние. Из этого положения мы видим, что отношения жениха и невесты даже после так называемой помолвки не имеют свободы, а все еще связаны обязанностью хранения девственности.

Конечно, если у молодых есть личный опыт воздержания и совместный опыт воздержания от вольного обращения, то им не тяжко будет оставаться под бременем заповеди. И награда их будет совершенна.

Но жаль, когда по распущенности, по неосторожно допущенной в сердце страстности или какому-то неразумному желанию оказать доверие супружеские отношения начинаются ранее брака.

Иногда мы видим, как распадаются вполне сложившиеся пары прямо накануне свадьбы. Часто это случается оттого, что преждевременная плотская близость не удовлетворила ожиданиям и представлениям о семейном счастье. А не удовлетворила она потому, что является всего лишь частью жизни в браке и, может быть, даже не главной ее частью. Плотская близость не исчерпывает всего многообразия семейных отношений и никак не может дать представления о них. Та полнота, что заключена в семье, может осуществиться только в браке и никак не за оградой его.

Я знаю, что слишком многие скажут, что нежизненно требовать и ожидать сохранения целомудрия до венца. Почему же нежизненно, если это есть в нашей жизни. «Ибо если бы не было много других

юношей, целомудренно живущих и прежде и теперь, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не могли подавить пламя вожделения? Те, которые могли, будут вашими обвинителями, ибо они одной с вами природы», — повторим мы слова святителя Иоанна Златоуста.

Во времена пророка Илии народ Израильский отвернулся от Истинного Бога, убил своих пророков и стал поклоняться Ваалу. «Остался я один, но и моей души ищут» (3 Цар. 19, 10), — сокрушался Илия. Но Господь ответил ему: «Я оставил между Израильтянами семь тысяч [мужей]; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его» (3 Цар. 19, 18). Если и великий пророк не увидел этих семь тысяч праведников и считал себя единственным не отвратившимся от истинной веры, то вправе ли кто обобщать грех, обвиняя всех в беззаконии? Впрочем, для нас гораздо понятнее не тот, кто, говоря о привычности и массовости греха, защищает тем самым право на грех, а те, кто спрашивает, как избежать его.

Свое целомудрие нужно постоянно и сознательно отстаивать даже среди самых, казалось бы, тяжелых обстоятельств.

«Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, — пишет святитель Иоанн Златоуст, — если будем удаляться от того, что вредит. И вообще ничто не трудно при нашем хотении, равно как ничто не легко при нашем нехотении. Мы над всем властны». Было бы желание, а средства найдутся. Но даже если совершена ошибка, она не дает санкции на дальнейший грех.

Помню, зашел я в один дом в пятницу вечером. Хозяин на кухне с бутербродом и чашкой чаю сидит.

Бутерброд с колбасой. Вздыхает, ест. «Понимаешь, утром спросонья забыл, какой день, съел яичницу, теперь уж все равно. Пост-то нарушил», — объяснил он. Вот такое частное богословие.

Греховное падение отнюдь не похоже на падение с балкона — остановиться можно на любом этапе. И это нужно обязательно сделать. А дальше — покаяние, борьба с помыслом возврата к греху, молитва, ожидание исцеления.

Для молодых людей, чья духовная жизнь включает в себя обязательное и частое испытание совести — исповедь у духовника, сохранить себя в чистоте даже под натиском соблазнов вполне выполнимая задача. Грех начинается с помысла, с мысли, как с малого зернышка. Именно на этом этапе его легко вымести из сердца. Правда, есть некоторое затруднение с высказыванием страстных плотских помыслов. Иные молодые люди из чувства стыда умалчивают о грехе, успокаивая себя «неважностью» и «несерьезностью» его и таким образом пропускают благоприятный момент для пресечения. Зернышко прорастает, укореняется, и через некоторое время на его месте уже шумит ветвистый баобаб. Теперь даже если грех удастся выкорчевать, то рана останется на всю жизнь.

Преподобный Макарий Оптинский давал такую рекомендацию: «Касательно же того, что вы затрудняетесь сказать духовнику о некоторых предметах, скажу вам: мысленные приражения страстных плотских помыслов не изъясняйте подробно, а просто говорите: „побеждаюсь плотскими помыслами“; довольно и сего». «Телесное вожделение увядает от исповеди более, чем от поста и бдения», — писал святитель Игнатий (Брянчанинов).

Если же согласие с помыслом выразилось уже в каком-либо действии, то опять же стыд не должен

стать препятствием к исповеди, напротив, переживание этого стыда можно назвать началом врачевания. Есть высказывание, что «блудные грехи стыдом сгорают».

Но можно ли назвать грехом некоторую чуть большую, чем с чужими, близость или свободу обращения во время ухаживания между женихом и невестой? Разве пожатие руки или скромный поцелуй двух влюбленных — грех?

В XVII веке такого вопроса не задали бы. Ведь жених и невеста зачастую впервые видели друг друга уже в церкви во время венчания (здесь имеется в виду первый брак). Через столетие при сговоре жених и невеста иногда могли обменяться клятвенным поцелуем. Вот и все, что касается добрачной близости. Правда, в следующем веке жених и невеста имели уже некоторую свободу обращения. То есть они могли какое-то непродолжительное время оставаться наедине. Но понятия о чести и достоинстве в каждом сословии были развиты настолько, что ничего предосудительного при такой видимой бесконтрольности, как правило, не случалось. Впрочем, в разные времена бывали и соблазненные девицы, и попавшие в расставленные сети невольные женихи. Но это было редким исключением и в основном в среде людей, оторвавшихся от привычных семейных и домашних традиций — наемных рабочих, прислуги, в фабричной среде. Причем для такого исключительного несчастья нужно было, чтобы хотя бы один из пары шел на заведомо нечестный поступок.

. . . . . увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честного маской.

Н.А. Некрасов

В то время как сегодня падение совершается зачастую как бы против желания обоих. Опыт страстных впечатлений, который имеет сегодня даже самый чистый и внимательный к себе молодой человек от навязанных ему миром образов, волей или неволей попадающих в поле зрения, быстро разрушает невинность неведения и подавляет стыдливость. В этой атмосфере греховного знания самый братский поцелуй, самое невинное объятие скоро переходят в объятия страстные.

Вот вполне церковная пара. Оба настроены на целомудренность добрачных отношений. Но оба не остерегаются некоторой почти дружеской близости. И ситуация стремительно уходит из-под контроля. Оба считают, что только чудом, может быть, по чьей-то молитве, не случилось несчастья накануне свадьбы.

Да, несчастья. По-другому не скажешь. Так нарушивший пост лишает свой праздник полноты.

Счастье предбрачного времени не в поцелуях и объятиях, а в его торжественности, возвышенности. Не спешите скорее пройти это, казалось бы, промежуточное положение. Насладитесь им. Ожидание всегда настроено на идеал. Это наиболее счастливая пора. Идеал вашего брака должен как-то созреть, выстроиться, оформиться перед вашим внутренним взором.

Состояние жениха и невесты можно определить как предстояние перед раскрытием будущей тайны и началом новой жизни. В нем есть надежда, и даже уверенность, что там в этой новой жизни смогут раскрыться все таланты, все возможности. Это состояние знакомо каждому христианину и связано с надеждой прихода на брачный пир в Царстве Сына, с переходом в Жизнь Вечную, в Царство Небесное.

Не случайно в Евангелии Царство Небесное не единожды уподобляется браку и брачному пиру.

Подобное состояние переживает ставленник перед рукоположением или послушник перед пострижением в иноческий образ. Там, за гранью — иной мир, иная жизнь, новая полнота жизни.

У всех народов брак обязательно имеет какую-то форму. В христианстве брак освящается в Таинстве Браковенчания. Брак становится священным союзом. В атеистическом обществе существуют брачные договоры, официальная регистрация. В иных религиях имеются брачные обряды, в самых примитивных человеческих обществах есть общественная традиция. То есть переход от холостой жизни к семейной обязательно включает в себя общественную огласку, свидетельство нескольких лиц. Официально заявленная семья имеет поддержку и защиту общества, ее жизнь охраняется семейным законодательством, семейной традицией. Этим как бы воздвигается ограда семьи. Собственно, это и есть семья, в отличие от самочинного совместного сожительства. Жизнь в семейной ограде совершенно не похожа на жизнь вне ее. Человеку, не имевшему семейного опыта, невозможно проникнуть сознанием в эту жизнь. «Тайна сия велика» (Еф. 5, 32), — говорит Апостол. «Запертый сад... заключенный колодезь, запечатанный источник» (Песн. 4, 12). Остатком рая на земле, малой Церковью назвали семью святые отцы. Не спешите протягивать руку к душистым ветвям за оградой. Войдите в сад, и там вы узнаете новую жизнь. Но пусть «не войдет в него ничто нечистое» (Откр. 21, 27). Ни образа, ни воспоминания, ни обмана. И если в эту ограду вы внесете лишь свою чистоту, то в ней всегда будет чисто.

О СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ И СЕМЕЙНОМ НЕСЧАСТЬЕ

Ближние, близкие, родные... Самая искренняя и самоотверженная любовь связывает родных людей. Но почему-то именно родные, близкие зачастую приносят нам и самую болезненную обиду, самую неутолимую скорбь. В семейной жизни так часто печаль и радость, боль и ласка идут рядом, рука об руку, что порой и не знаешь, где кончается семейное счастье и начинается несчастье.

«А мне вас жаль» (1 Кор. 7, 28), — сочувствует апостол Павел вступающим в брак. И опыт говорит, что, как бы ни был благополучен брак, как бы ни были благочестивы и мирны супруги, им не избежать семейных печалей. «Скорби по плоти» (1 Кор. 7, 28), — называет эти печали Апостол.

Наши «скорби по плоти» бывают вызваны волнением за здоровье и жизнь домочадцев, заботой о служебном поприще супруга, о благополучной учебе детей, об устройстве домашнего быта. Иногда нас печалит необходимость уступить или ограничить себя. Но такие скорби не отвращают от брака, они, напротив, укрепляют его, «содействуют любви», по словам святителя Иоанна Златоуста. Для семейного человека семья — тот райский уголок, где возможно и естественно исполнение Божией заповеди любви к ближнему.

Правда, источником семейных скорбей не всегда служат любовь и забота о домочадцах. Зачастую они

проистекают от любви к себе. От пристрастия к себе родятся семейные ссоры, обиды, уязвления, обманы, отчаяние. Это тоже «скорби по плоти», но они делают брачную жизнь скучной, наполняют тоской, разбивают сердце.

«Сколько благ происходит из того, что нет раздоров у жены с мужем, и сколько зол бывает... когда они ссорятся... никакое благоденствие не может радовать мужа и жену, если они в раздоре друг с другом» (святитель Иоанн Златоуст).

Безрадостная семейная жизнь, что может быть печальнее? Когда и откуда приходит эта печаль в семью? Быть может, стоит еще раз задуматься об этом?

Разочарование

Если говорить о разочарованиях, то они неизбежны в семейной жизни, особенно в начале ее, ведь ожидание семейного счастья всегда настраивает на идеал, а идеальных людей нет. Да и запросы наши порой противоречивы. Сегодня мы ждем от милой песен, а завтра тяготимся весельем. То, что нравилось в женихе, не обязательно понравится в муже. Впрочем, несовпадение мечты и реальности не должно приводить молодоженов в отчаяние. Потому что каждый человек прекраснее любого выдуманного образа. Каждый человек — это целый мир и мир живой. И скорее всего, все те замечательные качества, которыми наградило избранника ваше воображение, со временем раскроются в нем. В нем откроется и доброта, и преданность, и глубина, и мудрость. Согретый солнцем любви, он постепенно сбросит с себя, как лишнюю одежду, все то, что разъединяет, что рознит его с любимым.

В браке нередко и самый закоренелый злодей не может противостоять творческой силе любви. Иногда мы встречаем семьи, где муж или жена, а то и оба супруга состоят как бы из одних видимых недостатков. Но даже со стороны бывает видно, как преданы, добры, заботливы они друг к другу. И в дурном человеке образ Божий не исчезает окончательно, но он обязательно виден через любовь.

Не знаю, как сейчас, а в недалеком прошлом некоторые профессиональные преступники (воры в законе) не имели права заводить семью. Не столько потому, что семья связывает, а скорее потому, что любовь преображает человека.

Преступный мир выставлял такое условие, чтобы не потерять собрата. Любовь пробуждает уснувшую, иногда, казалось, умершую совесть. Любящий своей верой может возродить божественные свойства души любимого. «По вере вашей да будет вам» (Мф. 9, 29).

Во время венчания священник спрашивает жениха и невесту: «Имаши ли, *(имя)*, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти *(взять)* себе в жену сию...» Или: «в мужа сего...» И каждый отвечает: «Имам, честный отче». Эти слова вовсе не означают, что я, мол, имею непринужденное желание и твердое намерение быть супругом этого человека, если он не будет отличаться от созданного в моем воображении образа, придуманного представления о нем. Вовсе нет. В данном случае положительный ответ на вопрос священника означает, что жених и невеста имеют твердое намерение жить в браке со своим избранником, несмотря ни на какие разочарования и даже изменения, которые могут произойти с ним. Кроме, конечно, вины прелюбодеяния.

Сразу вспомнились несколько почти одинаковых семейных судеб. Девушка не смогла выйти замуж за

человека, в которого была влюблена. Вышла за другого, уже не по пылкой любви, а, как говорят, по склонности. Но, став супругой, не сумела простить своему мужу его несхожести с девичьей мечтой. Все в нем казалось ей несовершенным. Хороший, добрый, умный человек потерял веру в свои силы и постепенно стал походить на характеристику своей жены: скучный неудачник, недотепа.

Есть и другой пример. Молодая жена была уверена, что ее муж — самый замечательный человек в мире. Его недостатки казались ей всего лишь переменной облачностью, чуть затмевающей солнце. Она поставила для себя задачу и затем прекрасно ее выполнила: убедила и создала условия своему солнышку сиять во всей его славе. Но как это было? Супругу тревожило несколько непопечительное отношение мужа к будущему, к карьере, его невысокое образование, его приверженность к веселым застольям, его нецерковность. Она как-то исподволь убедила его, что с его способностями он запросто окончит институт. И он, не оставляя работы, может быть и не совсем запросто, но окончил его. По косвенному совету жены выучил три языка. Столь напряженный график упразднил большую часть легкомысленных развлечений, отвлек от некоторых неблагополезных знакомств. Направив усилия мужа на учебу, жена взяла на себя часть традиционно мужских семейных забот.

При этом нельзя сказать, что она стала кормщиком семейного корабля, упразднила главенство мужа. Нет, ее супруга никак не назовешь покорным «подкаблучником». Напротив, это очень мужественный, волевой человек, привыкший к личной ответственности, правильно определивший свое место в семье. Моряк по призванию и по профессии, он

имеет свой твердый взгляд на права женщин, согласный с морской традицией, ограничивающей даже пребывание женщины на борту судна.

Вот на эту морскую жилку и понадеялась Антонина, когда воцерковляла мужа. Она сразу поняла, что одной ей с таким делом не справиться. Это ведь не попросить мужа в подарок к своим именинам, чтобы он бросил курить. И она прибегла к помощи покровителя мореплавателей — святителю Николаю. Несколько лет каждую ночь она читала акафист Мирликийскому Чудотворцу. Любящая супруга рассказывала мужу о всех чудесных случаях спасения на море, что встречались ей в духовных книгах или устных рассказах верующих. Вымолила. На долгое время любимым храмом ее мужа стал храм святителя Николая в Хамовниках. А позже свойственная всем морякам любовь к порядку и мужскому братству сделала его почитателем монастырской службы, и теперь он прихожанин одного из московских мужских монастырей.

Есть такое выражение: «любовь слепа». То есть любовь не видит недостатков. Но любовь в то же время обладает и какой-то особой, повышенной зоркостью. Любовь умеет увидеть в любимом то, чего не видят окружающие. То, что видит в человеке Господь.

За что мне это?

Причину недовольства своим браком чаще следует искать в себе, а не в избраннике. Иногда неприязненные настроения в семье имеют свои корни в добрачной жизни супругов или одного из них.

Так, страдающему от злобных нападок жены, от ее беспричинной брани святитель Иоанн Златоуст поясняет: «Испытай самого себя: не делал ли ты сам

чего-либо в молодости против женщины, — и вот рана, нанесенная тобой женщине, врачуется женщиною, и язву чужой женщины, как хирург, выжигает собственная жена». Конечно, несладко бывает принимать обиды за давнишний грех, но именно такое горькое лекарство дает грешнику Господь.

Случается, что жена страдает, видя недостаточное доверие и уважение к себе мужа, некоторую закрытость его. Но, быть может, есть и ее вина в этом? Может, пренебрегла она когда-то честным браком и не сохранила своей чистоты до замужества? В таком случае, как же она претендует на звание госпожи, если сделалась служанкой греха? На этот свой грех нужно досадовать ей, а не на пренебрежение и недоверие мужа. Немало времени пройдет, пока она своей целомудренной жизнью и верностью, любовью и заботой сможет вернуть себе в браке утраченное в грехе достоинство.

«Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и незаконно, в одно тело. По этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем на исповеди, при непременном условии, чтобы покаявшийся оставил его, но очищение и отрезвление тела и души от блудного греха требует продолжительного времени, чтобы связь и единение, установившиеся между телами... и заразившие душу, обветшали и уничтожились» (святитель Игнатий (Брянчанинов)). И потому добрачный грех жены супруг, может, и не совсем осознанно, переживает как измену. Это долго непроходящая сердечная обида. В конфликтных ситуациях, которые случаются в любом семействе, прошлая вина обязательно добавит масла в огонь ссоры.

Нередко греховное прошлое супругов отзывается ревностью. Во всяком случае, некоторое недоверие

будет долго нарушать целостность и простоту семейных отношений. С годами, конечно, любовь покроет все, изгладит из памяти, исцелит. Но эти годы надо еще прожить, не потеряв любви.

Лучшее лекарство в таких случаях — это искреннее раскаяние, исповедь (у духовника), внутренний плач о своем грехе. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4), — обещает Спаситель. Раскаяние настраивает нас на согласие с наказанием и даже на некоторое ожидание и желание его как искупления греха.

Мне вспоминается рассказ одной мамы. Ее семилетняя Настя вбежала в комнату в слезах. «Мама, мама, побей меня! Что я наделала! Я забыла убрать куклины туфли! Ксюша (сестричка-ползунок), наверное, проглотила их, ей теперь будут резать животик. Мама, побей меня скорее!» — плакала малышка, не в силах нести тяжесть своего греха. Увы, среди нас, взрослых, так мало плачущих: «Господи! Господи! Я согрешил, побей меня скорее!» — напротив, мы только и ищем, как нам увернуться от заслуженного шлепка. А жаль...

Нередко, получив выговор или пережив какую-то неприятность, мы испытываем облегчение, словно заплатили часть долга. Осознавая свои грехи против ближнего, мы становимся более терпимы друг к другу. Нам легче сдержать свое раздражение и неудовольствие.

Кто в доме главный

Вопрос, казалось бы, праздный, ведь Господь определил главенство мужа. «Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела: Но как Церковь повинуется Христу,

так и жены своим мужьям во всем» (Еф. 5, 23–24). Однако «самое, казалось бы, простое, но и самое трудное — решимость занять в браке каждому свое место: жене смиренно стать на второе место, мужу — взять тяжесть и ответственность быть главой», — писал священник Александр Ельчанинов. Легко ответить словами и нелегко ответить на вопрос о главенстве самой жизнью семьи. Но «если есть эта решимость и желание — Бог всегда поможет на этом трудном мученическом... но и блаженном пути», — заключает тот же автор.

Человек, когда он занимает свое место, чувствует себя как рыба в воде, он чувствует себя счастливым. Тогда открываются его таланты, реализуются способности. Он не только счастлив сам, он счастливит окружающих его. Он полезен для близких, он приятен, он вызывает к себе любовь. Смиренная, послушная жена всегда желанна, всегда любезна мужу. Он вспоминает о ней с нежностью. Строптивая, своевольная жена не может рассчитывать на искреннюю любовь, муж обнимет ее с печальным вздохом. Строптивость жены убивает у мужа желание сделать что-то хорошее не только для нее, но и для дома. «Опущенные руки и расслабленные колени — жена, которая не счастливит своего мужа» (Сир. 25, 26).

Семейное главенство мужчины вложено в него Господом. «Он будет господствовать над тобою» (Быт. 3, 16), — сказано жене. И любой муж, будь он даже по характеру «муж-мальчик, муж-слуга, из женихиных пажей», возможно и безотчетно, чувствует это, для него противоестественно быть под властью жены. Если жена в семье и добьется победы, главенства, это будет победа мнимая, победа над любовью. И в муже станет постепенно зреть некоторое неуважение и даже презрение к ней. Мало того, он со вре-

менем начнет искать, как «вывернуться», уйти от этой ситуации. Такой уход не обязательно выразится в закрытости, обособленности, любви к аквариумным рыбкам или мужской компании, он может совершиться и порочным образом.

Жена, конечно же, более других знает слабости и недостатки своего мужа. Ее беспокоит вероятность житейских ошибок, что проистекают от этих качеств. Она пытается предостеречь мужа, указать на возможную опасность или неприятность. Такая забота естественна и никак не угнетает главу семьи. «Не забудь позвонить NN», «как приедешь, сразу смени обувь», «договорись со слесарем», — кто из мужей не слышал подобных напутствий? И если слова эти сказаны не тоном начальника, дающего указания нерадивому работнику, но звучит в них лишь ласковое напоминание отягченному многими трудами мужу, то весь день сопровождают они супруга чувством уверенности в семейном покое и порядке.

А сколько счастливых минут и часов приносит супругам милый обычай вечерних обсуждений предстоящих дел, не только семейных, но и служебных?! Всякий план, всякий проект, прошедший «семейное согласование», становится более жизненным, более реальным, укрепляется совместной молитвой. В этом случае радость удачи сердечно разделяется «соавторами» и вырастает в семейный праздник. Ну а горечь неудачи обязательно растворится во взаимном сочувствии.

Но иногда жена не доверяет ни добронравию, ни рассудительности мужа, старается держать, как говорится, под контролем все его даже мельчайшие действия. Такая мелочная опека и постоянный контроль вызывают чувство протеста.

«Что я? Царь или дитя? —
Говорит он не шутя. —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

А.С. Пушкин

Причем хлопнуть дверью муж может и окончательно. Я припоминаю несколько разводов, причина которых — непомерная властность жен.

Женское любоначалие прежде всего оборачивается против самой женщины. Взяв на себя бремя власти, она очень быстро утрачивает женственность. В ней как-то незаметно пропадает особенная женская мягкость, простота обращения, сострадательность, удивительное чисто женское милосердие. Как говорится, сама себя раба бьет, что нечисто жнет.

«Всякий раз, когда мой прогноз в отношении какого-либо дела, где мы с мужем оказались не согласны, не оправдывается, я испытываю чувство досады. Это бывает даже в том случае, когда правота мужа оборачивается личной или семейной выгодой. Где-то в глубине души я готова потерпеть несчастье, пожертвовать достатком, лишь бы вышло по-моему, лишь бы открылась моя правда. А если семья сталкивается с какой-либо неприятностью, предсказанной мною, я не забуду сказать мужу: „Я же тебе говорила“. И, несмотря на общую печаль, я обязательно почувствую, может, совсем мимолетное, но уже привычное злорадство». Это слова женщины, честно взглянувшей на свое стремление к главенству и ужаснувшейся открывшейся перед ней бездне.

Для самых несмиренных любительниц семейного соревнования я расскажу небольшую поучительную историю. Вспоминается мне одна московская семья. Муж и жена, когда поженились, не были церков-

ными людьми. Кажется, кто-то из них не был даже крещен. В браке жена с первых дней как-то безусловно взяла на себя руководство мужем-провинциалом. Так продолжалось несколько лет. Супруга не замечала ни профессионального роста мужа, ни изменившегося к нему отношения окружающих, ни его страданий от навязанного семейного бесправия. Не знаю как, но в семье совершился приход к вере. Супруги стали посещать храм, соблюдать установления Православной Церкви. Но и здесь, в новом деле, супруга не хотела уступать своего первенства. Иногда это первенство выражало себя в несколько комичных формах: если муж делал поясной поклон, то жена делала обязательно земной; если муж кланялся один раз, то супруга — трижды.

Чтобы быть всегда первой, жена начала читать Священное Писание и Священное Предание, знакомиться с духовными людьми. Стала регламентировать жизнь мужа с помощью святоотеческих текстов. Можно сказать, устами святых отцов пороки его обличать. Тут уж бедный супруг с кручины отправился тайно по старцам ездить — просить, не благословят ли его на развод. На развод его, конечно, не благословили, а посоветовали потерпеть еще да помолиться.

А супруга? Она не оставляла своего стремления быть более благочестивой, чем муж, быть более грамотной, более церковной. И она начиталась, надышалась, сроднилась с Православием. Когда-то не желавшая ни в чем смириться перед мужем, она смирилась перед Господом и заняла в семье то место, которое подобает жене-христианке. Я уже давно не видал ее. Но, по рассказам знакомых, она сильно изменилась и душевно, и внешне. Ее трудно узнать.

Так раскрывается, расцветает человек в счастье, в душевном покое, на своем месте.

Совет да любовь

Может ли быть счастлива семья, где муж и жена свели свои взаимоотношения только к выполнению долга, семейных обязанностей? Не печально ли слышать жене: «Мое дело — принести зарплату, твое — сварить обед. Чего же тебе еще?» И не всякий муж бывает в восторге, найдя вечером на столе записку: «Суп на плите, котлеты в холодильнике. Я ушла к Маше». Не приятнее ли ему было бы сесть за накрытый стол, почувствовать заботу о себе во вкусе любимого блюда, поделиться в семейной беседе дневными заботами, выговориться, услышать ободряющее ласковое слово, может быть, совет? Ведь нигде так не может открыться человек, как перед своим вторым «я», перед супругой или супругом. А тут: «Ушла к Маше». Разве это встреча? «Что ж, пойду к Мише», — решит огорченный муж.

Любовь не ограничивает себя законом, она ищет, чем доставить радость. Помню, как в одно дождливое и пустое по плодам лето знакомая хозяйка каждый день ходила в лес, а вечером закрывала в малюсеньких, от детского питания баночках компот из горсти черники или пару соленых сыроежек для своего мужа Алеши. Всего два десятка ягодок в день, но в каждой из них — любовь. Вспоминается мне еще одна супруга. Выйдя из дома, она всегда могла быть уверена, что где-нибудь в ее сумочке, в кармане или книге лежит шутливая стихотворная записочка от мужа. Зная ее склонность к беспричинной грусти, он писал ей по нескольку таких записочек в день.

В семье нередко даже среди вполне безупречных отношений может родиться обида. Одна женщина очень тяготилась домашними хлопотами, да, видимо, она и не имела навыка в них. Но, пересилив себя, супруга делала в доме все необходимое. Каждую работу она выполняла не из любви к порядку, а из любви к мужу, ее вдохновляла надежда, что мужу будет приятно заметить то или иное в доме. А муж, конечно же, не замечал ее стараний. Ведь это так обычно — чистый пол, суп, скатерть, свежая рубашка. Это как бы само собой было всегда, от сотворения мира. Жена грустила и унывала, возможно, она ничем и не заслужила похвалы, но можно сказать хорошие слова и помимо заслуг, от любви. «Не делай того, что печалит ближнего, но будь вежлив в обращении со всяким», — говорит преподобный Ефрем Сирин. Невнимание иногда печалит ближнего более, чем ссора. Не только женщины нуждаются в похвале и утешении, но и сильным мужчинам нередко нужна домашняя поддержка. Кто как не жена порадуется удачному делу, похвале начальника, предстоящей награде? И почему бы ей не сказать о своей радости? Или, напротив, промолчать, не обсуждать нечаянную ошибку мужа?

Милосердие в семье

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Дела милосердия привлекают к нам милость Божию, за них мы удостаиваемся прощения грехов. В браке между супругами милосердие пребывает неотлучно. Оно пребывает в любви, заботе, прощении, сострадании. «Не по хорошу мил, а по милу хорош», — говорит пословица. Не только за прекрасные качества любим мы супруга, а по любви

прощаем ему его недостатки, а, случается, и вину перед нами.

Любовь проявляет себя в сострадании немощам супруга, будь то болезнь, неумение что-либо сделать и даже греховная привычка. «Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2), — учит апостол Павел. Все, что удручает милого нам человека, все его бремена, по закону любви тяготят также и нас. Сострадание побуждает нас помочь ему. Не осуждать, не раздражаться, а именно помочь.

Если супруг станет озвучивать каждую ошибку жены: «опять пригорело», «как обычно, забыла купить», «об этом тебя просить бесполезно», то этим он вряд ли поможет ей справиться со своей бесхозяйственностью.

Ведь не всегда двоечник виноват в своей двойке, а если и виноват, то не каждый может ее исправить. «Научи, а потом обличи», — советует опыт. Исправлять двойку по ведению хозяйства (или другой грех) нужно точно так же, как двойку по физике — спокойное доброжелательное объяснение, домашнее задание, проверка исполнения. И, конечно, молитва. Молитва любящего поможет исправить любую «двойку».

В знакомой семье жена ни уговорами, ни гневными обличениями, ни презрением, ни угрозами не могла отлучить своего слабого мужа от греха винопития. В какой-то момент она даже отчаялась. Но однажды в храме ей попалась на глаза брошюра с акафистом иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша». Она купила ее, прочла, узнала о чудотворной иконе и поехала в Серпухов. Еще по дороге в монастырь она приметила двух привычно нетрезвых приятелей и мысленно усмехнулась: «Тоже, наверное, за

тем же едут». Сама Лариса как-то не привыкла особенно сострадать пьяницам, насмотрелась дома на своего и потому несколько удивилась, когда двух ее попутчиков не только пустили в храм, но и позволили поскорее приложиться к образу. Здесь не осуждали, а сострадали грешнику. Но еще более удивилась она, когда кто-то из этих двоих, пребывающих в, казалось, бесконечном похмелье незнакомцев, достал из замызганного пакета припасенную заранее посудинку для святой воды и маленький пузырек для освященного маслица. Может быть, тогда впервые она почувствовала мужнину беду, его страдания, а не только свои. Она взяла водички, масла. Привезла домой. Стала терпеливо «отпаивать» мужа, молилась. Уже несколько лет он не пьет.

Сейчас во многих православных храмах устраиваются еженедельные чтения акафиста перед иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша». Если вам случится попасть на этот акафист, обратите внимание на молящихся. Большей частью это жены мужей-пьяниц. Со слезами стоит иная страдалица, не о себе она умоляет Владычицу, а о беспутном супруге, укравшем у нее радость жизни. Каждую неделю приходит она сюда, изруганная, обворованная, быть может, битая, но любящая. Простившая. Это удивительно, как «любовь... милосердствует» (1 Кор. 13, 4), прощает всякую вину, всякую обиду от любимого! Вспоминаются мне некрасовские строки о запойном буяне:

Но как ни буен был отец,
Угомонился, наконец.
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже...

Одна женщина вспоминала из детских лет: отец сильно пил, и мать часто ругалась с ним. Конечно,

она была во всем права, но стоило ей, как последнее средство образумить мужа, крикнуть: «Разведусь!», и мое детское сердечко замирало, сжималось от горя, руки и ноги холодели, становилось невыносимо страшно: «Пусть он будет всегда пьяный, грязный, буйный, какой угодно, но пусть он будет!».

С любящим Бог. Но «если ты, человек, не прощаешь *всякого согрешившего против тебя*, то не утруждай себя постом и молитвой. Бог не примет тебя» (преподобный Ефрем Сирин).

Сострадать, то есть страдать вместе, разделять горести, выпадающие на долю семьи, — супружеский долг. Он естественно свойственен любящим супругам. В то время как упреки в какой-либо независящей от супруга неустроенности, например, в бедности, многоразличные обвинения — «из-за тебя», не назовешь иначе, как предательством. Даже, когда по неумышленной вине или неосторожности одного из супругов семья попадает в невыгодное для нее положение, теряет какую-то привилегию или достаток, то другому супругу уместнее посочувствовать *виновнику беды, уже наказанному* общим убытком, «простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» (2 Кор. 2, 7), как советует Апостол.

Кто оказывает милость ближнему, тот найдет милость у Господа, но «суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 13), — напоминает святитель Иоанн Златоуст. Милосердие — не только залог будущего помилования, оно уже здесь, на земле усвояет нам счастье ровного расположения духа, чистой по отношению к ближнему совести, душевного покоя. Это поистине милость Божия.

Взаимная уступчивость

Соединенные в «одну плоть» (Быт. 2, 24), супруги все же имеют каждый свой характер, свои привычки да и свои грехи. Эти иногда совсем мелкие «разности» и бывают причиной многих недопониманий и конфликтов. «Если ты — это я, то почему ты не любишь клюквенный кисель?» Действительно, почему? Не сразу и не вдруг меняются вкусы и привязанности. Но терпение и взаимная уступчивость обязательно сгладят в семье начальные шероховатости, создадут атмосферу благодарности и погасят ссоры. Конечно, уступчивость мужа должна восприниматься женой, как свободное проявление любви, которая «не ищет своего» (1 Кор. 13, 5), а не как передача ей семейной инициативы. Потому что «досада, стыд и большой срам, когда жена будет преобладать над своим мужем» (Сир. 25, 24).

Любящие супруги не станут отстаивать, как последний бастион, свое право любить голубые занавески или живопись Ван Гога. И поэтому очень скоро их взгляды на многие вещи становятся общими. Тут, смотришь, появляются у них и семейные блюда, и особый домашний стиль, и схожие вкусы. Разногласия же по более серьезным проблемам уже не принимают форму сражений, но это семейное обсуждение, совет. «Как нет ничего выше любви, так, напротив, нет ничего хуже ярости и гнева. Лучше пренебречь полезным и необходимым, чтобы избежать гнева» (преподобный Иоанн Кассиан Римлянин).

В своей семье муж и жена могут достичь согласия, договориться о всяком деле. Даже там, где нет единства взглядов. Ведь самоотверженность обязательно присуща любви. Как принесенный от любви дар одинаково счастливит и того, кто дарит, и того,

кто его получает, так уступчивость — дар своего согласия с милым — радует обоих супругов. Нередко семейное обсуждение привлекает внимание кого-нибудь из родных и близких. Чаще всего родителей. Здесь мамам и папам нужно быть очень осторожными, чтобы своим вмешательством не разрушить единомыслия в молодой семье.

Преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Ум — хорошо, два — лучше, а три — хоть брось». И, действительно, между супругами согласие может быть достигнуто по любому вопросу. Путем ли длительных обсуждений, уговоров или просто любезной уступки. Это согласие полюбовное, и никто не чувствует себя ущемленным. Но с вмешательством третьего лица согласие зачастую становится вынужденным. Двое против одного. В таком случае для кого-то из супругов пренебрежение его мнением может показаться несправедливым. Если подобные ситуации «легкого» давления чьих-либо папы или мамы будут частыми, то в обиженном супруге может развиться мелочное упрямство, желание обязательно настоять на своем во всякой несущественной мелочи, как бы в противовес другим недобровольным уступкам. А скапливающиеся обида и раздражение обязательно усложнят отношения как с родителями, так и между супругами.

Родные и близкие

Обычно молодые хозяева очень тревожатся за суверенитет своего дома и болезненно воспринимают родственную, то есть слишком откровенную критику и настойчивые советы родных. Старшее поколение поступит мудро, если станет снисходительнее смотреть на фасон мебели или дверных ручек в доме

своих детей, если не будет навязывать необходимость включить или исключить из быта молодой семьи те или иные мелочи.

«Будем выше всего ценить единодушие в семье и все будем делать так и направлять к тому, чтобы в супружестве постоянно сохранялись мир и тишина», — эти слова святителя Иоанна Златоуста можно адресовать как супругам, так и их близким, ведь мир в семье немало зависит от отношений с родными, с родителями и от отношения родителей к семье детей и к их дому.

Забота о детях не прекращается с вступлением их в брак. Но она принимает иные формы. Теперь уже неуместны постоянная опека и подсказка. На многие ошибки просто придется закрыть глаза, дать возможность детям «насладиться» самим некоторыми жизненными синяками и ссадинами. Хозяйственные советы также должны иметь свою меру. Кстати, именно ничем не оправданное мелочное вмешательство в чужое хозяйство часто и приводит к противостоянию невестки и свекрови, зятя и тещи, а бывает, что матери и дочери. Конечно, у иной мамы вполне хватит сил, вкуса и умения не только на свой дом, но и на дом дочери, дом невестки. Пожилая женщина имеет и опыт, и навык, но... Сколько счастья, сколько покоя, сколько надежд в словах «мой дом»! Один из главнейших этапов жизни — иметь свой дом. Закончить школу, получить профессию, жениться, иметь свой дом. Каждая девочка играет в «свой дом», каждая женщина надеется, что когда-то у нее будет своя кухня, свои окна, свой сервант. Она повесит на окне свои занавеси, расставит в серванте свои вазочки, чашки. Пусть даже она это сделает безвкусно или беспорядочно. В этом своем безвкусном беспорядке столько радости! Не грех иметь си-

ние, желтые, зеленые или полосатые обои, грех — *печалить хозяйку недоверием к ее вкусу*, тяжеловесными настойчивыми советами на правах родни. Ведь совет можно рассматривать как милосердное участие лишь тогда, когда он дается один или два раза. Если даже самый полезный совет повторяется несколько раз, то это уже посягательство на свободу того, кому он дается. Стоит ли ценой печали и уныния насаждать в чужом доме свой взгляд на пирожки и сковородки?

Близкое родство располагает к простоте обращения. Но простота все же не исключает некоторого такта. Ведь говорят же о некой простоте, что она хуже воровства. Одна свекровь жаловалась на невестку, что та бывает холодна и не особенно разговорчива с ней, что никогда сама не позвонит, не расскажет, как дела. Холодность и даже грусть невестки при встрече с матерью мужа не были изначальными, но появились как результат слишком откровенных оценок свекровью хозяйственной деятельности или бездеятельности молодой хозяйки. «Я ж ей по-простому, по-родственному говорю, а она обижается. Что уж, я и сказать не могу, я ведь не к соседке пришла, а к сыну в дом». Вот-вот, соседку то мы пожалеем, а свои пусть прощают. Но «в том и благородство, в том и свобода, чтобы никому не говорить ничего унизительного, хотя бы иной и был достоин этого» (святитель Иоанн Златоуст).

Причиной неприязненных отношений к родным и близким может быть основанное на опыте или безосновательное подозрение в том, что те могут оказать неблагоприятное для семьи влияние на *супруга или супругу. Наговорить, настроить.* Мне случалось много раз слышать рассказы о «кознях» свекровей или тещ, тестей, золовок и прочей родни.

Чаще всего это домыслы, фантазии, но, к сожалению, от них не так-то просто отмахнуться. Стоит подозрениям укорениться в сердце, как возникает целая лавина: пропадает простота, рождается лукавство, появляются обиды, а затем и жалобы, несправедливые упреки, клевета, ненависть. То-то радуется бес, когда в сознании добровольной жертвы своей неприязни прямое становится кривым, правда — ложью, добро подозревается во зле, простота в лукавстве. «Нашего полку прибыло!» — вопит он, прыгая за спиной разобиженной невестушки или тещи. «Лукавый человек — соимянник и сообщник диаволу, потому что и Господь научил нас называть диавола лукавым», — читаем у преподобного Иоанна Лествичника.

Особенность таких подозрений в том, что их трудно доверить и обсудить с супругом или супругой, так как они касаются близких им людей. Также трудно и самому разобраться в своих подозрениях по предвзятости мнения, по приверженности к себе. Однако можно посоветоваться с духовником и обязательно нужно молиться о подозреваемом или причинившем досаду родственнике. «По мере того как будешь молиться за оклеветавшего, Бог будет открывать соблазнившимся истину о тебе» (преподобный Максим Исповедник).

Когда-то только в деревнях, а теперь уже и в городской среде стало частым обвинение неполюбившегося родственника в колдовстве. Обычно обвиняют женщин. «У снохи мать-то ведьма, они сына-то приворожили, а теперь издеваются, он раньше таким не был». «У меня свекровь, видно, колдует, мужа хочет со мной разлучить». «Как отдам детей бабушке, они обязательно после заболеют, может, она как-то на них действует?» Ну, что тут скажешь?

Можно только предостеречь: «если жалоба несправедлива, то делается клеветой» (святитель Григорий Богослов) и напомнить слова Спасителя: «каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить» (Мф. 7, 2). Обычно подозрения в «заговорах» и «наговорах» имеют под собой одну почву — нечистую по отношению к подозреваемому совесть, когда ненавистными становятся уже не поступки, а сам человек, что бы он ни делал. Во избежание трагической ошибки, пособничества демону, «ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44), разумнее поискать причину несчастий не у сватьи или тещи, а гораздо ближе — в себе.

Беда семьи, когда родители после брака сына или дочери не хотят ограничить своего влияния на чадо, объясняя это тем, что никак нельзя доверять дочь неразумному мужу, что нельзя допустить, чтобы жена-мотовка совсем задурила голову сыну. Если родители пытаются объяснить своему ребенку особенные, замеченные ими дурные свойства или черты характера его жены или мужа, они вместо помощи принесут своему детищу только горе. Любящему человеку совсем не нужно знать о недостатках любимого, ему это всегда больно.

Неспокойные мамы и папы иногда, чтобы избежать недоверчивости влюбленного чада, придумывают особые тонкие способы «открыть глаза» сыну или дочери на своего избранника. Разворачиваются целые семейные интриги, не с целью разлучить, а с целью как-то обезопасить свое дитя от возможных дурных действий супруга. Есть и еще одна форма «защиты» ребенка от «жестокого мужа» или «бездушной жены» — это постоянная поддержка его в семейных ссорах и неурядицах. Не в смысле жалости, а в смысле объединения против супруга. В та-

ком случае семья очень быстро делится на два враждующих лагеря.

Молодые супруги, чтобы избежать подобных войн или семейных интриг, поступят разумно, если не будут «выносить сор из избы», станут избегать жалоб, не будут обнажать недостатки избранника. Всякие же осудительные в отношении мужа или жены речи следует сразу же пресекать, даже если они говорятся любимой мамой или милым отцом.

«Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2, 24), — говорит Господь, полагая условием создания брака оставление прежней семьи. Это совсем не значит, что надо бросить своих родителей, перестать с ними общаться, не помогать им, а означает переход в новое, более близкое родство. Если мать и дитя — это первая степень родства, то муж и жена — это нулевая степень родства. Это одно целое. Одна плоть. Для мужа нет человека ближе жены, для жены нет человека ближе, чем муж. «Тайна сия велика» (Еф. 5, 32). Не противостоять этому таинственному единению, противопоставляя одного супруга другому, но, напротив, содействовать ему своими советами, молитвами, заботами — вот лучшая опека любящих родителей.

В негативной оценке характера нового родственника, как правило, виновата обычная ревность. Рассказывала одна женщина. Когда брат ее женился, то жена его вначале не вызывала у родни никакой неприязни. Но постепенно взгляд на невестку стал определяться. Она уже казалась капризной, неумной, бессердечной и лукавой женщиной. В каждом ее действии теперь виделся какой-то особый умысел. Моя рассказчица очень жалела своего «несчастного» брата. Хорошо еще, что молодая семья жила от-

дельно, и отношение к невестке не имело поводов обнаружиться. Неожиданно брат умер. Теперь делить стало некого, и словно пелена упала с глаз. Ненавистная родственница явилась совсем в ином свете. «Стало понятно, что это ревность очернила в нашем сознании простую, разумную и душевную женщину», — закончила моя знакомая свой рассказ.

Самая горькая обида

Особый род вины в браке — супружеская измена. Грех прелюбодеяния настолько мерзок, что оскорбленному супругу позволяется покинуть обидчика, развестись с ним (см.: Мф. 5, 32). Но супружеская измена — это не всегда брачно-любовные отношения с третьим лицом. Изменой можно назвать любое свободное от супружеских уз состояние. К нарушению супружеской верности вполне относятся флирт, кокетство, известные нескромные разговоры, холостяцкие развлечения. Эти привычные в наше время «вольности» возникают тогда, когда супруг (либо супруга) как бы покидают на время свое брачное положение и переходят на холостое. Но брак состояние постоянное и таких временных «отлучек» не терпит. Именно на этой почве происходят в семье самые яростные споры, рождаются самые горькие обиды.

При этом надо заметить, что в привычном, никогда не исчезающем даже при долгом расставании чувстве несвободы, в неизменном ощущении себя супругом мы переживаем одну из удивительных радостей брака. В дневнике священника Александра Ельчанинова есть такая запись: «Истинная любовь переживает как измену и грех против любимого человека всякое наслаждение, всякое сильное впечатление, пережитое врозь, всякое общение с другими

людьми — даже принятие пищи, приготовленной чужими руками.

В любви — действительное, реальное слитие воедино; отсюда и эта боль всякого разделения, всякого небытия воедино».

Мне вспоминается знакомый священник. Как-то после долгих уговоров и просьб своей матушки он согласился купить себе костюм. Уже держа в руках покупку, он никак не хотел покинуть магазин, а все упрашивал матушку, чтобы та купила себе шляпу, чем очень смешил ее, потому что шляп матушка не носила. Но отец Геннадий не мог один переживать радость обновки, ему непременно хотелось, чтобы и у жены его было немножко личного приятного переживания.

Измена или даже подозрение в измене порождает ревность. «Не будь ревнив к жене сердца твоего, и не подавай ей дурного урока против тебя самого» (Сир. 9, 1), — учит Священное Писание. Ревность — это страшный зверь, пожирающий покой, свободу и саму любовь. Ревность лишает счастья и ревнивца, и того, кого он ревнует. А если кто подает повод к ревности, то он подобен поджигающему свой дом. «Жесток гнев, неукротима ярость; но кто устоит против ревности» (Притч. 27, 4), — говорит Премудрый.

Когда мужа или жену беспокоит что-то в поведении супруга, то лучше сразу же прямо переговорить об этом, может быть, объяснение как-то развеет подозрения. Если этого недостаточно, то любящий супруг постарается изменить, насколько возможно, обстоятельства, вызвавшие беспокойство. Изменит манеру общения с каким-то человеком или сократит время бесед; может быть, просто откажется от встреч с ним. Ведь семейный покой важнее всякого удовольствия. Такие супружеские исповеди-беседы

очень важны, потому что помогают пресечь зло в самом начале. Кроме того, они могут указать на некоторые, не всегда заметные опасности. Так, например, когда-то усвоенный кем-то из супругов тон бесцельного кокетства может поставить его в двусмысленное положение перед людьми, с которыми он общается, посеять в ком-то надежды на особые отношения, даже побудить к действию. Тон игривого, кокетливого разговора может быть нечаянно перенят от собеседника или собеседницы. Однако, независимо от своего происхождения, он способен соблазнить кого-то из свидетелей на домыслы, развивающиеся в сплетни, а это, независимо от доверия к ним, всегда обидно для супруга.

Немного людей ставят себе целью супружескую измену, но все чаще встречается грех «случайного» («невольного», «незапланированного») прелюбодеяния. Обычно это происходит от того, что человек не видит опасности тех или иных ситуаций, не уходит от них, надеясь на твердость своих убеждений.

«Не выходи навстречу развратной женщине, чтобы как-нибудь не попасть в сети ее. Не оставайся долго с певицею, чтобы не пленниться тебе искусством ее. Не засматривайся на девицу, чтобы не соблазниться прелестями ее... Отвращай око твое от женщины благообразной и не засматривайся на чужую красоту: многие совратились с пути чрез красоту женскую; от нее, как огонь, загорается любовь. Отнюдь не сиди с женою замужнею и не оставайся с нею на пиру за вином, чтобы не склонилась к ней душа твоя, и чтобы ты не поползнулся духом в погибель» (Сир. 9, 3–5, 8–11). Нет ничего предосудительного, если что-либо похожее повторит жена мужу или муж жене как предостережение в особый момент. Это не пустая ревность, а забота о своем семейном достоянии.

Если же муж или жена, заметив в себе ревнивое чувство или тревогу, не сможет сказать об этом супругу, а тот заметит эту болезненную реакцию на некоторые действия или лицо, то пусть он сам (или она), не обижаясь незаслуженным подозрением, начнет такой разговор или, мысленно разобравшись в ситуации, по возможности, упразднит ее. В ревности следует как можно быстрее покаяться на исповеди, чтобы не дать ей вырасти, как раковой опухоли и завладеть всем существом. «Люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные» (Песн. 8, 6).

Ревность не всегда возникает как реакция на реальную ситуацию. Чаще это реакция на предполагаемую возможность такой ситуации. Она начинается с недоверия супругу, то есть, фактически, с клеветы на него. Бороться с такой болезненной ревностью очень трудно, так как невозможно устранить внешнюю причину ее, причина находится в самом ревнивце. Относиться к подобному несчастью нужно с состраданием, как к душевному недугу, а «лечить» его следует исповедью.

Ревнивым чувством диавол пытается уязвить каждого человека, но не всегда ему это удается.

Одна женщина, никогда не замечавшая за собой ревности, неожиданно во время долгой болезни стала ревновать мужа. Ее саму удивляло настойчивое внимание, с которым она прислушивалась к его телефонным переговорам, она до минуты просчитывала время его внедомашних занятий. Бедная супруга, как заправский криминалист, выспрашивала, сопоставляла, анализировала. Будучи нездоровой, она некоторое время не могла попасть на исповедь к духовнику и очень страдала, хотя где-то и догадывалась о бесовских нападках.

Через некоторое время появились и «доказательства» вины мужа. Ночью позвонила какая-то женщина. Через пару дней опять. Потом еще. После одного такого звонка муж уехал. Не знаю, допрашивала ли жена его по возвращении или нет, но вскоре бедная страдалица все же попала в храм к священнику на исповедь. Это несчастье случилось с грамотной, церковной супругой, и поэтому она каялась в своем грехе, а не жаловалась на грехи мужа. В тот же день она, подняв на телефонный звонок трубку, услышала в ней хорошо знакомый голос сотрудницы мужа, обязанностью которой было сообщать ему время очередного заказа на работу. Это ее голос в безумном волнении не узнавала несколько дней назад попавшаяся на бесовскую проделку женщина. Но для нее эта история оказалась хорошим уроком.

Как стать кроткой голубкой?

Кротость делает нас наследниками благ земных здесь и Царства Небесного в будущем. Как смирение противостоит гордыне, так кротость противостоит всякому гневу и раздражению. Кроткое сердце — мирное сердце, и в семье кротость — самая главная добродетель, хранительница мира.

Если, например, «жена будет готова терпеть и раздражительного мужа, а муж не станет раздражать жену гневливую, то между ними водворится совершенная тишина, и жизнь их будет подобна пристани свободной от волн» (святитель Иоанн Златоуст).

Терпение упреков и даже несправедливостей, терпение дурного расположения духа супруга, терпение внутренних семейных и внешних, от мира, горестей. Что более украсит женщину, чем кротость? И что более украсит семью, чем кроткая жена?

«Кроткая жена — дар Господа, и нет цены благовоспитанной душе» (Сир. 26, 17). Вы замечали, как легко бывает в доме, где тихая, кроткая хозяйка? Ее кротость гость чувствует, как особую ласку, ему кажется, что здесь его непременно любят. Он знает это, даже и без приветных слов.

И, напротив, как бы красива и остроумна ни была строптивая женщина, какие замечательные яства ни поставила бы она на стол, в доме ее гость чувствует себя скованно и неуютно.

Но не все рождаются кроткими. Характеры бывают вспыльчивые и раздражительные от природы, от неправильного воспитания. Как же укротить свою гневную реакцию, свое несогласие?

«Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1, 19–20), — писал Апостол. Замедленная реакция на обиду или какое-то несогласие в семье — вполне доступная для всех форма кротости.

Знакомый священник рассказывал, что его матушка, даже в самых невероятно огорчительных ситуациях никогда не ропщет на супруга, не попрекает его. Самое большое недовольство ее проявляется в молчании. «Она просто на некоторое время замолкает». Это не мстительное молчание и пренебрежение, а устранение от разговора на время, чтобы не сказать лишнего, дабы душевное волнение улеглось. И нельзя сказать, чтобы его супруга была необидчива и нераздражительна, но она не дает своему гневу подняться выше гортани и достичь языка.

Знаю я несколько женщин, для которых семейный опыт, что гневаться — себе дороже, вылился в оригинальную практику. Так одна строптивица га-

сит свое гневное чувство стирая белье, другая сразу берется за мытье полов.

А еще вспоминаю я супругу, которая сердечное волнение, рожденное обидой или ссорой, смиряет чтением Псалтири. Уходит в другую комнату и читает несколько псалмов. «Первые строчки зачастую просто дрожат перед глазами, но к концу кафизмы настроение неизменно выравнивается», — рассказывала она.

В «Отечнике» можно прочесть: «Гнев укрощается псалмопением, долготерпением и милосердием» (авва Евагрий). И если терпение и милосердие, по нашей греховности, не всегда пребывают с нами, то читать мы все умеем.

«Для гнева не будет места, если ты освободишься от пристрастия к себе самому», — говорит святитель Иоанн Златоуст. Ссора рождается там, где нет единения в одну плоть, где самолюбец ищет удовлетворения личному чувству справедливости, личному желанию. Но именно в семье мы часто бываем свидетелями чуда, когда любовью побеждаются даже законы естества, земной логики. Когда вдруг суровое становится мягким, себялюбивое — нежным, самовольное — послушным.

Приведу небольшой литературный отрывок о первой семейной ссоре Левина (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»):

«Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам. Он испытывал в первую минуту чувство, подобное тому, какое испытывает человек,

когда, получив вдруг сильный удар сзади, с досадой и желанием мести оборачивается, чтобы найти виновного и убеждается, что это он сам нечаянно ударил себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль.

...Естественное чувство требовало от него оправдаться, доказать ей вину ее, но доказать ей вину значило еще более раздражить ее и сделать больше тот разрыв, который был причиною всего горя. ...Оставаться с таким несправедливым обвинением было мучительно, но, оправдавшись, сделать ей больно было еще хуже».

Это удивительное чувство двуединства дается пережить всякому супружескому союзу. И замечательно то, что в семье нередко несправедливость, нечаянно причиненная обида, даже семейная ссора могут не уменьшить супружескую любовь, но, напротив, как-то обновить, раскрыть ее. Такие нечастые волнения дают возможность почувствовать и проявить свою любовь в терпении, прощении, благодарности.

Скорби внешнего мира, неожиданные препятствия планам, тяжелая обстановка на работе, усталость иногда приводят в раздражение и доброго человека. Иной раз супруг может принести в семью гневные речи, необоснованные упреки, обиды. Мудрая жена не вспыхнет ответным пламенем злобы, она даже не станет оправдываться, если муж несправедливо, под горячую руку обидит ее. Раздражение и гнев, не найдя нового топлива в домашней ссоре, постепенно угаснут, и муж в своем сердце обязательно будет благодарен терпеливой и кроткой супруге.

Вступать в пререкания и объяснения с разгневанным супругом или супругой так же неразумно, как и самому гневаться. Состояние гнева наиболее

схоже с тяжелой болезнью, а гневная речь с болезненным бредом. Ее следует (в момент ссоры) и рассматривать как бред, то есть бессвязную и бессмысленную речь, не подлежащую коррекции. Как не станем спорить и доказывать что-либо не в меру хмельному человеку, но дождемся, когда у него пройдет опьянение, так не стоит спорить и с разгневанным, но лучше дождаться, когда он придет в себя, «отрезвится».

Конечно, легко сказать — «потерпи». А каково бывает вытерпеть! Но здесь каждый может найти свою манеру, приспособиться. Мой знакомый художник часто попадал в ситуацию бурных творческих споров. Стоило беседе из теплой фазы перейти в горячую, он начинал легонько позевывать перед началом каждой фразы, и таким образом не доводил спор до «кипения». Зевок несколько расслабляет, после него не так-то просто сказать резкость. Однако лучшее средство укрепить свое терпение — прибегнуть к молитве. Кратенькой, привычной молитве: «Господи, помилуй» или «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (грешную)», «Пресвятая Богородица, спаси нас». Можно, про себя, конечно, прочесть молитву «Да воскреснет Бог...» или 90-й псалом, потому что ответное «возбуждение гнева производит ссору» (Притч. 30, 33) и может рассматриваться как одоление бесовскими силами.

Когда самолюбец видит невозможность удовлетворить своему самолюбию, то гневается на того, кто препятствует ему в этом. «И потому старается помочь делу гневом, то есть отомстить, что свойственно злобе» (святитель Тихон Задонский).

Вспоминается мне семья, где муж всякое свое неудовольствие оформлял в отъезд к маме. Иногда семейное наказание супруга или супруги выража-

ется в убийственном молчании, в отказе от обеда: «Мне не хочется». Медея, чтобы отомстить мужу, убила своих сыновей. Впрочем, такая жестокая месть встречается и в наше время.

В одном доме, когда мама чувствует себя обиженной супругой, она умоляет шестилетнего сына: «Не будь таким, как твой отец! Только не будь таким, как твой отец!». Более гуманным было бы просто ударить малыша скалкой. У ребенка не может быть плохого отца или плохой матери. Для детского сердечка разделение с отцом, даже по моральному признаку, так же страшно, как сиротство, может, страшнее сиротства.

В другой семье жена, уходя от мужа, чтобы досадить ему, разделила детей, двойняшек-шестилеток, Петра и Павла. Правда, она через некоторое время одумалась, и мальчики живут теперь вместе.

«Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29), — говорит Спаситель. Пусть ни власть, ни слава, ни богатство, но «кротость ваша да будет известна всем человекам» (Флп. 4, 5).

Особенность брачного союза — право и обязанность супругов содействовать духовному возрастанию друг друга. Возрастанию в Боге. При этом семейное главенство мужа подразумевает его ответственность за духовную жизнь семьи. Его назидания, увещевания, предостережения жена и домочадцы должны воспринимать исключительно как проявление заботы о них, а не как ущемление прав.

«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна»

(Еф. 5, 25–27), — говорит Апостол, уподобляя любовь и заботу супруга любви Христа к Церкви. Муж не может быть безразличен к пятнам на совести жены, к ее порокам, но должен помочь ей избавиться от них. Разрешить проблему духовного очищения и возрастания только в семейных рамках невозможно, и потому еще одна обязанность мужа — наблюдать за церковной жизнью семьи. За посещением храма, участием в Святых Таинствах.

Супружеская любовь и единение укрепляются и освящаются совместным чтением молитв, утреннего и вечернего правила. Мы знаем, как содействует душевному расположению и хорошим отношениям общая трапеза, семейные обеды и ужины. В некоторых домах это единственное время мирного общения, единодушия. Но общая молитва умиротворяет и объединяет супругов несравненно более. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20), — обещает Спаситель. Общая молитва супругов способна погасить всякую ссору, разрешить недоумения, утишить боль обиды, подвигнуть к раскаянию в причиненном зле. Это время возрождения и обновления любви, «потому что любовь от Бога» (1 Ин. 4, 7).

Когда вся семья в церковный праздник исповедуется и причащается, то праздник становится полнее, радостнее. Ведь уборка дома и пироги к Троице всего лишь материальный символ истинной чистоты и истинной Трапезы праздника. В такие дни, несмотря ни на какие случайности, даже в тревожной, неспокойной семье между супругами должно сохраняться единодушие.

Есть у меня знакомая хозяйка. Она помнит режим исповеди и причастия всех своих многочисленных домочадцев. Перед праздником она обязательно

спросит каждого, когда кто собирается причаститься. Ведь не всегда бывает возможность всем причаститься в один день. Она незаметно немного «подтолкнет» нерадивых, подготовит маленьких. «Как бывает тяжело, когда кто-то остается на праздник без причастия. И сам грустит, и нам его жалко», — говорит она.

В семье каждый человек стоит на своей ступеньке духовной лестницы. Кто выше, кто ниже. И кому-то приходится потихонечку подтягиваться.

Например, пост. Пост — это ограничение в пище и время духовного делания. В пост семейные настроения очень зависят от хозяйки, от ее умения и желания накормить. «Целый день готовлю, — рассказывала одна православная мама и бабушка, — сколько ни поедят, а все равно через полчаса, смотришь, то один, то другой на кухню идут. Каждый день пироги пеку, нельзя же иначе. Мужчины в доме, они, когда голодные, — злющие». Вот и выспрашивают хозяюшки друг у друга: «Что готовишь да как готовишь?» — записывают, пробуют. У иной и невольные постники довольны бывают. А с голоду-то, пожалуй, еще больше нагрешишь. Бабушка моя говорила: «Что пьяного молитва, то голодного пост».

Впрочем, бояться кухонных трудов не стоит. К преполовению поста плоть обычно смиряется и многого не требует. Поедят домочадцы кой-чего, да и немного, и ладно.

Вспоминается семья. Верующий церковный муж и крещеная, но не церковная жена. Муж ходит в храм, молится, причащается, постится. При этом любящая жена готовит ему с учетом его больного желудка разнообразнейшую, вкуснейшую и полезнейшую еду. Но церковное возрастание супруги муж оставил на ее личное усмотрение. Решил не подвер-

гать насилию. Жена каждую свою минуту посвящала заботе о любимом, но в духовной жизни была вялой. Тут-то и сказать ей: «Пойдем, Маша, в церковь». Да она бы за ним на Камчатку пошла, а он все ждал «духовного пробуждения». Ушла потом Маша.

Вспоминается другая семья. В субботу вечером муж спрашивает супругу: «Ну что, завтра в Ризоположения или у Ильи Обыденного молимся?» — «Да я не знаю, у меня голова...» — сомневается в своем здоровье жена. «Хорошо, будь по-твоему, можно и до Иоанна Воина доехать, там не так душно», перенимает инициативу муж. Теперь жене вроде и неудобно на своих отговорках настаивать. Насилие? Самое малое. Воспитания без насилия не бывает. А мужу за жену еще и ответ держать.

Еще в одном доме жена никак не хотела читать духовную литературу. От беллетристики не оторвешь, и читает, и беседы о прочитанном беседует, а как что-либо духовное возьмет, странички две-три прочтет и отложит. Муж начал по вечерам ей вслух читать. Немного прочтет, поговорит, еще почитает. И увлек.

«В браке праздничная радость первого дня должна продлиться на всю жизнь; каждый день должен быть праздником, каждый день муж и жена должны быть новы и необыкновенны друг для друга. Единственный путь для этого — углубление духовной жизни каждого, работа над собой», — писал священник Александр Ельчанинов. В наш храм приходит молиться пожилая пара. Несмотря на свой солидный возраст и долгую совместную жизнь, они производят впечатление молодоженов. Их любовь и интерес друг к другу ничем не проявляются, но постоянно заметны. И видно, что этой какой-то почти бесплотной молодостью они обязаны своей православной

вере, своей общей семейной духовной жизни, постоянному обновлению.

Семью называют малой Церковью, и муж занимает в ней место священника. Этим обусловлено послушание ему домочадцев, его права и обязанности по отношению к ним. Каждому главе семьи хорошо бы знать слова, что стоят на обратной стороне священнического креста: «Образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою». Муж обязан быть во всем образцом для близких, не соблазнять их на непослушание своим недостойным поведением. Когда Спаситель был в доме начальника мытарей Закхея, то, услышав о намерении хозяина совершить благородный и милосердный поступок, «сказал ему: ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 9). Так Спаситель за заслуги главы семьи оказал милость его близким.

Быть начальником, священником и учителем в семье нелегко. Если надеяться только на свои силы. Но «возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя», — обещает Пророк (Пс. 54, 23). С молитвой и с надеждой на Господа многое можно сделать. Я знаю семьи, где даже упрямицы-жены, для которых дело чести — ни за что не уступить мужу, все же через некоторое время смирялись и склонялись к церковной жизни. Вспоминается забавный случай, как одна «свободолюбивая» супруга решила уступить только наполовину и сказала: «Я из четырех постов выбрала для себя два Великий и Успенский, остальные поститься не буду. В церковь тоже буду ходить только на литургию, а на всенощную не стану». Правда, продлилась такая половинчатость недолго, возможно, с год. А затем, поверив словам Спасителя, что «возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия

Божия» (Лк. 9, 62), бывшая строптивица окончательно вошла в церковную жизнь.

Есть на памяти еще одна семья, где жена, вняв проповеди мужа и сердечно склонившись к вере, приняла и церковный устав жизни, но, не желая терять своей самостоятельности, ходит молиться отдельно от мужа, в другой храм. Будем надеяться, что временно.

Можно заметить, что в семьях, где и муж, и жена верующие и церковные, реже встречаются необычные, страшные трагедии, катастрофы. Вроде и не без скорбей живет семья, но несчастья ее какие-то более сглаженные, спокойные.

Сейчас не редкость семьи, где один супруг верующий, а другой нет, или один живет по церковному Уставу, а другой не считает это обязательным для себя. И, случается, что тяготеющий к духовной жизни супруг вдруг начинает ощущать свое некоторое превосходство над нецерковным. Выражается это в пренебрежении мнением, непослушании, самооправдании. «Что такого умного может сказать мне жена, если она и в церковь-то не ходит, и святых отцов не читала?» — «Как же это я буду слушаться неверующего мужа? Куда он меня заведет?» — «Конечно, лгать — грех, но он же все равно неправославный», — думают такие горе-христиане.

Приходит нецерковный муж домой, а ужина нет. Часов в девять открывается дверь, и супруга благостным голосом сообщает: «На всенощной была, завтра у нас престол. С праздником, дорогой!». И сказать-то ей вроде нечего. Там праздник духа, а здесь горе желудка, низменные какие-то желания.

Я знаю семью, где муж стал православным недавно. Но еще до крещения он знал и любил православные праздники. Перед тем как уйти к всенощ-

ной службе, жена готовила любимые мужем блюда, оставляла на столе или плите особенный ужин. В воскресенье ходила на раннюю службу и в девять с небольшим уже была дома, муж обычно только просыпался. В двунадесятые праздники обязательно, как и положено по Уставу, покупала и ставила на стол вино. К Рождеству и Пасхе дарила подарки. А главное, супруга старалась всегда быть безупречной женой, хозяйкой и матерью. На этой семье, можно сказать, исполнились слова апостола Петра: «жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое богобоязненное житие» (1 Пет. 3, 1–2).

Когда человек приходит к вере, в особенности, когда он становится церковным, он испытывает необычайную радость. Радость рождения. Радость перехода из духовного небытия в бытие. Хочется поделиться этой радостью с близкими, хочется научить их этой радости. Но не стоит спешить. Нельзя вдруг влить в чашку целый кувшин воды. Не всегда наши близкие бывают способны воспринять нашу радость. Духовные ценности, сокровища души, раскрытые перед неготовым человеком, попираются им, уничижаются, а иногда озлобляют его. И нам придется отвечать за оскорбление святыни, за богохульство, на которое соблазнили мы ближнего. Разумнее подождать и делиться своей радостью по капельке, выбирая для этого особенные случаи и особенные слова. Более слов назидает ближнего наша любовь.

Невидимое благо

Отношения супругов в семье, их сердечные настроения всегда остаются тайной для внешнего че-

ловека. Даже родные и близкие, а может быть, они-то и в большей степени, не могут судить о внутреннем мире семьи. Отчего так желанна бывает семейному человеку его несвобода, связанность заботами, постоянное пленение чувств и мыслей? Откуда вдруг берутся в своевольной женщине такая доверчивость и подчинение мужу? «Тайна сия велика» (Еф. 5, 32) и для самих супругов.

Любовь отворяет в нашем сердце иногда, казалось, наглухо запертые дверцы добродетелей: терпения, прощения, милосердия, кротости, послушания, смирения, сострадания, жертвенности. Так супруги в семье являются друг для друга как бы источником, питающим их нравственное и духовное возрастание. Такое взаимное влияние зачастую не видно извне. Иной брак кажется постороннему человеку нелепым, ненужным и даже гибельным. Хорошо, если это совсем посторонний человек, и он не поделится своими наблюдениями с кем-нибудь из супругов. Вот, казалось бы,

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна...

А.С. Пушкин

Может, ей оставить недостойного мужа и найти достойного? Но, поразмыслит посторонний человек, печаль супруги не всегда печаль о себе, это печаль о любимом. Не о том, что избранник недостоин ее, но о том, что жизнью своею он делает себя недостойным спасения. Это уже «печаль ради Бога» (2 Кор. 7, 10). Такая печаль родится от любви и сама в свою очередь родит молитву. Молитва преображает молящегося, усвояет его Богу. Молитва «за други

своя» (Ин. 15, 13), молитва за милого преклоняет Божие милосердие к нему. За веру и неотступную просьбу хананеянки Господь исцелил от беснования ее дочь (Мф. 15, 22–28), начальнику синагоги Иаиру Господь вернул дочь, воскресив уже умершую девицу (Мк. 5, 22–23; 35–43), по вере сотника исцелил его слугу (Мф. 8, 5–13). Молитва любящего супруга или супруги поможет исцелиться от дурных свойств и даже воскреснуть любимому.

Для кого-то тяжелый крест семейной жизни может явиться тем единственным легким жизненным крестом, что дал Господь для спасения.

Одна женщина страдала в браке. Несколько раз просила она благословения оставить совершенно опустившегося и потерявшего человеческий облик супруга, но духовник благословлял ей потерпеть. Устав от скорбей, она все же развелась с мужем. Через год эта женщина прислала духовнику письмо из онкологической больницы. Начиналось оно словами: «Батюшка, я все поняла. Надо было терпеть». Без креста Господь не оставил, но новый крест оказался тяжелее.

В тяжелом браке, как в тяжелой болезни, человек смиряется. Семейными скорбями, может быть, «выбаливает» грехи. Добро, когда за сегодняшней, возможно, и несправедливой обидой видим будущее благо. «Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет. 2, 19).

Семейная скорбь бывает настолько всепоглощающей и всепроникающей, что не оставляет страдальцу на земле ни места, ни времени душевного покоя. Исход из этого плена — обратить свои духовные очи к горнему миру. «Нет другого утешения в страданиях, как рассматривать их на фоне „того мира“;

это и по существу единственная точка зрения верная, — писал священник Александр Ельчанинов. И он же: — Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни».

Иногда мне встречаются люди, мужчины ли, женщины, церковные и малоцерковные, в которых угадывается какой-то духовный капитал, потенциальная правота. Это отпечаток безропотно перенесенных страданий — единственной личной ценности каждого человека, его личное сокровище. Его крест. Правда, без покаяния и самый тяжелый крест не дает нам спасения. И даже напротив, такой крест может создать у страдальца иллюзию святости. «Я столько вытерпела от своего мужа, что Господь мне простит мои грехи», — думает иная жестоковыйная мученица. В таком случае и духовный капитал будет тем богатством, о котором сказано: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24).

Те же, для кого слезы о потере земного счастья, земных радостей, о земном несовершенстве послужат лишь образом и началом слез о духовном несовершенстве любимого, семьи, себя самого, тот обретает слушателем Господа, Утешителя и Благодаятеля, потому что «близ Господь сокрушенных сердцем и смиренных духом спасет» (Пс. 33, 19).

Иногда Господь, словно заботливый Садовник, семейными скорбями отсекает неплодоносящие ветви наших дурных свойств и наклонностей.

Одна церковная женщина после замужества сократила, упростила свою церковную жизнь. Перестала ездить к духовнику, на службу попадала реже и в разные храмы, довольствуясь формальной исповедью у незнакомых батюшек. Муж ее неожи-

данно привел в дом подругу, не навсегда, а, как он объяснил, ненадолго, на месяц-другой, для того, чтобы поставить «точку» в своих прежних отношениях с ней. От такого несчастья у бедной супруги духовную леность как рукой сняло. Она вспомнила и о недостойной исповеди, и о духовнике. Конечно, больно, но Господь выбирает указку для каждого сообразно его характеру.

Помню еще одну семью. Жена вела рассеянный образ жизни. Время проводила с бессемейными подружками. Мало заботилась о сыне, одарив этой заботой бабушку. Мужа не только не слушалась, но и не уважала. Он начал пить. Последовали неприятности на работе. Не сразу, но Божия подсказочка достигла сознания супруги. Она оставила своевольные отлучки к подругам, погоню за нарядами. Занялась домом. Можно сказать, вернулась в семью. Правда, потом ей пришлось долго вымаливать мужа, разлучать его с самозванным бесом пьянства.

В воспоминаниях о князе В.А. Черкасском упоминается, что первые годы он был довольно холоден к страстно любящей его жене. Но случилось ей заболеть, как он обнаружил такую сердечную о ней заботливость, что сомнения в его любви пропали.

Такие поистине животворящие связи несчастья и счастья или блага в семье не видны никому. Промысл Божий может иногда лишь угадываться нами.

В одном из писем преподобного Антония Оптинского есть указание на частую причину домашних нестроений: «Замечательно, что в коем доме сохраняется взаимно между собой мир и любовь, то это диаволу, как нож острый в горло». Бес — завистник блаженной участи человека, беспрерывно пытается похитить ее у него. Он нередко бывает провокатором семейных ссор и распрей. Иногда супруги, уже

накричавшись, нашумевшись, потрудившись во взаимном уязвлении, вдруг обнаруживают, что не могут вспомнить причины ссоры или удивляются несоответствию этой причины и разрушительных в отношении семейного мира последствий. «Бес попутал», — догадываются они. Но бес бесплотен, у него нет ни злого языка, ни сдвинутых бровей, ни грубых рук, ни презрительной складки губ. Это мы выполнили бесовскую работу ссоры, криков, злых слез. У разумных супругов такая беспочвенная ссора, впрочем, как и любая другая, обязательно закончится взаимным покаянием, прощением и примирением. В этом случае не стоит откладывать на завтра. Бес известен тем, что «похищает грехи» из памяти, угашает стыд и печаль вины. «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26), — назидает Апостол.

Священник Александр Ельчанинов размышлял о некоторой пользе семейных ссор: «Часто ссоры происходят от упреков жены, которые тяжело принимаются мужем, даже если эти упреки правильные (самолюбие). Надо разобраться, откуда эти упреки: часто они от желания жены видеть своего мужа лучше, чем он есть на самом деле, от повышенной требовательности к нему, то есть от своего рода идеализации. В этих случаях жена является совестью своего мужа, и нужно так и принимать ее упреки. Мужчина, особенно в браке, склонен опуститься и успокоиться на эмпирической данности. Жена отрывает его от нее и ждет от мужа большего. В этом смысле наличие семейных столкновений, как это ни странно, — доказательство осуществившегося (а не только спроектированного) брака, и в этом новом человеке, слившемся из двух, жена играет роль совести.

Вот почему между близкими людьми ссоры иногда даже полезны — в огне ссоры сгорает весь мусор

обид, недоразумений, копившийся иногда долго. И после взаимного объяснения и исповеди наступает чувство полной ясности и спокойствия — все выяснено, ничего не тяготит. Тогда развязываются высшие способности души, и, общаясь взаимно, договариваешься до удивительных вещей, достигается полное единодушие, единомыслие».

Понятно, что включать третье лицо в отношения супругов неразумно. Заглянув в любую семейную «лабораторию», и самый близкий человек ощутит себя «неспециалистом», не способным вмешаться в тонкий процесс семейных отношений. «Милые бранятся — только тешатся» — открывает семейную тайну народный опыт. «Третий — лишний» — известный «стоп-сигнал» на пути излишнего влияния и сожаления родных и близких супругов. Однако это не исключает заботы о милых чадах и друзьях-подружках. Молитва о спасительном совершении супружеского поприща вашими близкими поможет успокоить родительское сердце и душевное волнение друзей, а также окажет существенную, пожалуй, самую существенную помощь семье.

Откровенность в семейных проблемах, апелляция к родителям или друзьям с несправедливой супружеской обидой не лучший способ усовершенствования своей семейной жизни, так как советы близких могут быть односторонними и предвзятыми. В прежнее время, а в некоторых церковных семьях и по сей день, с такими проблемами обращались к духовным людям. К приходскому священнику или известному старцу. Изданные письма многих духовников прошлых лет содержат в себе немало ответов и на вопросы о семейных делах. Совет духовника может выразиться в рекомендации внешнего действия, или, напротив, в предостережении от

неверного поступка. Духовник может указать на последствия, на внутреннюю, духовную причину проблемы, не всегда заметную супругам. Возможность использовать огромный опыт различных судеб и данная при рукоположении благодать священства поможет ему, пусть даже не всегда ученому и опытному священнику, дать мудрый совет.

Впрочем, и самый замечательный священник — не фокусник и не разрешит ваших недоумений и не избавит от печалей всего лишь по вашему желанию, без вашего участия.

Священник Александр Ельчанинов писал: «Большинство неразрешимых жизненных противоречий, несчастий, внутренних затруднений, о которых слышишь на исповеди, происходит оттого, что люди живут вне Церкви, а искать разрешения своих трудностей приходят в Церковь. Ни решимости переменить свою жизнь, ни даже мысли об этом; поэтому Церковь и бессильна им помочь. Войдите в Церковь, примите весь чин церковной жизни, и тогда трудности разрешатся сами собой».

Украшение Божиего мира

Святитель Иоанн Златоуст утверждает, что на семейном мире «утверждается благосостояние всего мира». «Смотри, — говорит он, — мир состоит из городов, города из семейств, семейства — из мужей и жен. Итак, когда возникнут ссоры между мужами и женами, низвратятся города, а затем и весь мир должен наполниться смутами и войнами». Этими словами Святитель возлагает на супругов ответственность за мировые судьбы. Действительно, если люди не могут объединиться в мирной семье, то могут ли они иметь прочное государство, составлять собой народ?

Искать семейного согласия и счастья в совокупности тех или иных благ бессмысленно, так же, как и ожидать прихода Царствия Божия от каких-либо внешних условий. «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 20–21).

Если внутренний наш мир — это Царствие Божие: сердечный покой, смирение, кротость, долготерпение, милосердие, благость, вера, любовь, — то он обязательно отразится и во внешней жизни, в первую очередь, в семейной. Но если внутренний наш мир — это распря, интрига, себялюбие, гордыня, любоначалие, тщеславие, то он тоже проявится во внешней жизни, и, скорее всего, в семейных горестях.

Стремясь к семейному согласию, будем помнить, что это великое благо дает нам возможность радостной и спокойной жизни, способствует общему согласию и служит нашему спасению. И еще вспомним слова Священного Писания, что украшение мироздания — это «единомыслие между братьями и любовь между ближними, и жена и муж, согласно живущие между собою» (Сир. 25, 2).

КРЕСТИНЫ

Тысячу лет на Руси радость о рождении человека для жизни земной соединялась с радостью о рождении его для Жизни Небесной. В Таинстве крещения чадо земной семьи становилось чадом Церкви и наследовало обетование Вечной Жизни. Много веков почти сразу же за рождением дитяти его крестили. Случалось иногда, хотя и редко, что православный человек по греховной слабости жил в невенчанном браке, бывали обстоятельства, когда усопший не мог быть отпет и предан земле. Но не было в русских семьях некрещеных.

Дитя — благословение Божие, и родители понимали, что за вверенную им святыню новой души они дадут ответ Господу в день Суда. Желая своему чаду счастья и понимая свою ответственность перед Начальником жизни, православные родители стремились отдать Богу Богово, то есть крестить дитя как можно ранее. Ребенок для родителей мыслился не только как одна из радостей семейной жизни, помощник в заботах, надежда немощной старости, но и как молитвенник о живых и усопших своего рода.

За годы антирелигиозного террора и духовного пленения успели разрушиться и обветшать храмы, исчезнуть некоторые традиции, растворилось в обыденном духовное знание, приземлились чаяния. Так, во многих семьях нарушилась традиция: родился —

крестился. Сегодня возрождаются из руин не только храмы, реставрируются и православные обычаи, традиции православного быта. Что ж, «время молчать и время говорить» (Еккл. 3, 7), — сказал Премудрый. Поговорим о крещении. О крещении младенцев.

Собственно, духовная жизнь ребенка начинается задолго до крещения. И даже до рождения. Начинается она с браковенчания родителей. Для будущего человека небезразлично — родиться в венчанном браке или нет. Ведь невенчанный брак не только неблагодатен, это — грех. А дитя несет на себе грехи своих родителей. Таков закон. Кстати, генетика или педагогика скажут то же: дитя расплачивается за грехи родителей.

Для будущего ребенка небезразличен и день зачатия. Дитя, зачатое в пост или те дни, когда Православная Церковь благословляет воздерживаться от супружеского общения, — также понесет на себе грех родительского невоздержания и непослушания Матери Церкви. Такие дети, по наблюдениям верующих врачей, хуже поддаются лечению, у них чаще проявляются наследственные заболевания, а также «запланированная» несдержанность и своеволие, а значит, они труднее поддаются воспитанию. По преданию, Иуда Искариот был зачат в пост.

По учению Православной Церкви, жизнь новой души начинается с момента зачатия. Именно этим временем определяются многие физические и душевные свойства будущего человека. Это также необходимо учитывать добродетельным супругам.

Будущие мамы заботятся, чтобы в их пище было много витаминов и, напротив, стараются исключить пусть любимые, но не безвредные для ребенка продукты. Это правильно. Но православная супруга, находясь в ожидании, заботится не только о физическом

здоровье своего будущего чада, но и о его душе. В это время она чаще посещает богослужение, чаще прибегает к спасительным Таинствам исповеди и причастия. Домашняя ее молитва становится более сосредоточенной. К кому обращены слова ее молитвы? Конечно же, к Той, Которая Сама носила в Себе Спасителя, — к Богородице. Добродетельная супруга закажет и молебен перед иконой Божией Матери, именумой «Феодоровская». По преданию и опыту многих жен, через эту икону помощь Божией Матери плодоносящим проистекает наиболее обильно.

Но вот наступает время родин. Женщина обязательно должна причаститься как можно ближе к сроку. Пора спросить у родственниц и подруг или купить в церкви образ Божией Матери «Помощница в родах». Я знаю одну такую иконку, которая уже несколько лет переходит от одной мамы к другой. Во скольких роддомах она побывала с ними за это время! Небольшой отпечатанный образ, наклеенный на картонку. Но чудотворный.

Наконец ребенок родился. При первом же свидании мама осенит его своим нательным крестом. А в молитве поблагодарит Господа за счастливое разрешение. Теперь она будет кормить, любить его и молиться о своем младенце.

А что же отец, бабушки, дедушки? Она закажут благодарственный молебен Спасителю и Богородице перед Ее иконой Тихвинской. К Тихвинскому образу Божией Матери еще не раз обратятся родители со своими заботами. Эту икону вполне можно назвать «Помощница в воспитании».

Обязательно следует посмотреть в церковный календарь и узнать, в день какого святого родился младенец. Не важно, кто это будет, святой или святая. Угодник Божий не безучастен к вашему счастью. За-

помните его имя, а позже скажите его сыну или дочери. Найдите и прочтите его житие. В Божием мире случайностей не бывает, во всем есть Промысл.

Живо ощущая взаимосвязь родин и дневного святого, любящие родители или родственники в достаточных семьях в прежнее время могли заказать икону с образом этого угодника. Иногда такой образ жертвовался в храм. А, например, в Кремле, в церкви Рождества Богородицы, был устроен придел во имя Никиты Столпника, в память дня рождения супруги царя Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны.

Наступает пора выбрать младенцу имя. В Православной Церкви существует специальный чин наречения имени, где есть «Молитва во еже назнаменати отроча, приемлющее имя во осмый день рождения своего».

К выбору имени должно подходить со всей ответственностью. Имя — это не просто сочетание звуков, красивое слово. Через свое имя ребенок будет допущен к участию в Таинствах Церкви. Отец Самсона Маной в беседе с Ангелом спросил: «Как тебе имя?» — и получил ответ: «Что ты спрашиваешь об имени моем? оно чу́дно» (Суд. 13, 17–18). Так же «чу́дно», то есть таинственно, имя каждого человека. Христианское имя чудесным образом связывает нас с тем святым, имя которого мы носим. Удивительное чудо соединения земного и небесного!

Обычно новорожденному дают имя святого, в день которого он появился на свет, либо святого, чья память приходится в один из последующих нескольких дней. Иногда имя дают по благословению священника, или называют одним из привычных имен рода, или именем особо любимого и почитаемого угодника.

Вот что писал об имени одного святого святитель Иоанн Златоуст: «Самое имя это считали и украшением родства, и утверждением дома, и спасением для называющихся им, и утешением любви; и как седящие во тьме, как скоро зажжена одна лампада, зажигают от нее много светильников, и каждый вносит их в дом свой, так точно и тогда, когда имя как свет явилось в городе, каждый вносил в свой дом имя этого блаженного, как бы зажигая светильник и как бы приобретая через такое название сокровище бесчисленных благ».

В Священном Писании мы не раз встречаем указание на высочайшее значение имени. Господь, как знак своего обетования, изменил данные при рождении имена Авраама и Сарры, Исаака и Иакова. Ангел Господень указал Захарии имя его будущего сына — Иоанна Предтечи. Архангел Гавриил велел праведному Иосифу дать имя Иисус Младенцу, Которого родит Мария: «И наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1, 21). Спаситель переименовывает Симона в Петра: «*поставил* Симона, нарекши ему имя Петр...» (Мк. 3, 16). Гонитель Христа Савл после духовного прозрения расстается не только с заблуждениями, но и со старым именем и становится апостолом Павлом. «Однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20), — сказал Спаситель о именах праведников, принадлежащих Царству Небесному.

Неразумно и недальновидно поступают родители, дающие своим малышам имена-клички, называющие их вычурными экзотическими или полуэкзотическими именами. Откуда берутся в русских семьях Илоны, Русланы, Янины, Нелли? Что это, желание выделить, указать на необычность своего

дитя? Нет, не выделить, а отделить, исключить из цепочки родовых имен своей семьи, своего народа.

Если родители назвали ребенка неправославным именем, то при крещении ему дается второе имя. Но такого раздвоения лучше избегать. Есть и еще одно странное поветрие — записывать в метрики неполные, уменьшительные имена: Ася или Стася вместо Анастасии, Лина вместо Ангелины.

Красивых имен в православном календаре множество, и за каждым — святой или святая. К тому же в житии каждого угодника Божия есть что-то особо близкое вам. Читайте жития, и сколько имен станут для вас желанными!

Возьмите имя Димитрий. Это имя носил Димитрий Солунский, воин, не отрекшийся от Христа и в самых страшных мучениях. Это имя прославил благоверный князь Димитрий Донской — победитель на Куликовом поле, надеждою на Божию помощь и благословение Сергия Радонежского преодолевший робость перед непобедимым доселе врагом. Это имя преподобного Димитрия Прилуцкого, от юности возлюбившего Бога паче всех земных радостей, ученика Сергия и основателя знаменитой обители. Вспомним и благоверного царевича Димитрия Угличского — кроткого и боголюбивого отрока. Вспомним святителя Димитрия Ростовского — мужа величайшей учености, любящего учителя и смиренного инока.

Или имя Нина. Его носила святая равноапостольная Нина, дочь благородных и благочестивых родителей, от детских лет мечтавшая послужить Богу и Его Пречистой Матери. Юной девушкой отправилась она в чужую незнакомую страну и приобрела для Господа целый народ. Нину называют просветительницей Грузии. Разве, прочтя житие этой удиви-

тельной подвижницы, предпочтете вы дать дочери имя Нинель?

Кстати, одна из форм антирелигиозной войны — разлучать человека со святым именем, заменять его кличкой. Призывы отказаться от христианских имен характерны для так называемой великой французской революции или для нашего общества после октябрьского переворота. Отношение к религии в обоих случаях было однозначно — ненависть и война.

Нет ничего плохого, если мы своих детей зовем в быту уменьшительными или ласковыми именами: Саша, Лена, Петенька, Гоша... Но все же следует называть ребенка полным именем. Слыша имя своего небесного покровителя, дитя становится как бы ближе к нему. Кроме того, в произнесении имени есть и призывание Божиего угодника.

Если вы выбрали имя или, положась на волю Божию, благодатную и спасительную для нас, решились назвать дитя именем святого, в день которого оно родилось, то хорошо бы вам приобрести и образ этого святого. Как только ребенок сможет различать изображения, ему можно показывать икону с «его» святым, называть имя, обращая внимание на одинаковость звучания двух имен. «И здесь Ольга — и там, на иконке, Ольга».

Впоследствии обязательно нужно рассказать ребенку житие угодника Божия. А когда дитя подрастет, ему хорошо бы выучить молитву тому святому, чье имя он носит.

Имя выбрано, пора позаботиться о крестных. Для крещения младенца необходим восприемник, или, как его еще называют, крестный. Для родителей крестный их ребенка — кум, а крестная — кума. Обычай иметь при крещении поручителя восходит к первоначальной Церкви. Прежде поручитель приво-

дил желающего креститься взрослого человека в церковь и свидетельствовал перед епископом или пресвитером благочестивую жизнь кандидата, его готовность к принятию в Церковь. Сам же поручитель обязывался наставлять своего крестника в основах веры и церковной жизни. При крещении поручитель принимал крещаемого от купели и поэтому назывался восприемником. В крестильных книгах имена восприемников записывались вместе с именами крестников. После крещения связь крестного и крестника укреплялась, возникало духовное родство.

При крещении младенцев одно время сами родители воспринимали своих детей от купели и поручались воспитывать их в правилах веры. Но позже была узаконена единая практика для младенцев и для взрослых.

Функции крестного непростые, и подчас удивляешься, с какой легкостью соглашаются стать крестным или крестной. А ведь именно забота об участии крестных привела к спору: следует ли крестить младенцев, не лучше ли подождать, пока ребенок будет в состоянии понять, что с ним происходит. Церковный писатель Тертуллиан, защищая эту позицию, писал: «Зачем без крайней нужды подвергать восприемников опасности? Они могут умереть и не выполнить данного обета». То есть не успеть воспитать крестника для жизни в Церкви и невольным грехом навлечь на себя гнев Божий.

Крестный обязуется наставлять крестника в духовной грамоте, молиться о нем, следить за его воспитанием и принимать в нем участие. На крестного ложится и часть ответственности за поступки своего крестника. В Православной Церкви существует понятие духовного родства. Мистическая связь крест-

ника с крестным не заканчивается с земной жизнью, но продолжается в Вечности.

К сожалению, нередко родители не задумываясь приглашают в восприемники своему чаду людей малоцерковных, а то и вовсе неверующих, соображаясь причинами приятельства, уважения или просто некоторой корысти. Появились даже заочные восприемники, когда «крестный» не присутствует во время крещения, а только считается крестным. Такое отношение к восприемничеству говорит о полном непонимании его сути.

Во время крещения младенца восприемник за него трижды отрекается от сатаны, трижды исповедует сочетание Христу и веру «Ему, яко Царю и Богу». Восприемник читает за своего крестника Символ веры, то есть молитву «Верую», в которой отражены все основы христианского вероучения. Восприемник принимает крестника от купели. Во время помазания святым миром держит его на руках и потом трижды обносит вокруг купели. Чего никак не может сделать заочный крестный. Кроме того, от восприемника требуется еще молитвенное участие в происходящем таинстве.

Родители должны ясно осознавать, что омытый в купели крещения их младенец *причисляется к лику святых*. Поэтому будет грехом доверить принятие его от купели человеку неблагочестивому, явному грешнику. Символично и ношение на руках вокруг купели. Восприемник как бы обещает не оставлять новокрещенного младенца, воспитывая во Христа крестившегося, помогая ему во Христа облечься.

Как физическое родство отражается в физических чертах ребенка и он повторяет своих родителей, так и духовное родство может отразиться в духовном облике. Ведь восприемника или восприем-

ницу называют духовным отцом и духовной матерью или крестным отцом и крестной матерью.

В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» читаем: «Восприемниками не могут быть явные грешники, невежды и монашествующие», последние как отрекшиеся всяческого родства. Для крещения младенца, да и взрослого — как младенца духом — необходим один восприемник. «Женщины пусть будут восприемницы детей женского пола, а мужчины восприемниками мужского пола», — гласит 22-е правило Первого Вселенского Собора. Но возможно иметь и двух восприемников — мужчину и женщину, если они не состоят в браке.

Существует еще один оттенок восприемничества. «Восприемник нарицается отцом по рождению от Духа Святого и, в силу сего значения нарицаясь тем самым братом отцу и матери по плоти воспринятого им, состоит с ними во второй степени родства» («Свод указаний и заметок по вопросам пастырской практики»). Это родство плотских и духовных родителей носит название кумовства. Духовное братство также имеет свои обязанности и связывает кумовьев обоюдной молитвой и взаимной услужливостью. Но неразумно было бы искать в кумовстве лишь материальных выгод. Поэтому, выбирая крестного своему ребенку и духовного брата себе, лучше искать человека верующего, молящегося, обязательно церковного, а не богатого, уважаемого по мирским качествам или милого приятеля. «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

Коль скоро выбрано имя и восприемник — пора и крестить. Не рано ли?

Время крещения младенца строго не определено. В древней Церкви было несколько традиций. Крещение на восьмой день после рождения как бы за-

няло место ветхозаветного обрезания, которое было принято совершать в этот день. Оно и называется «нерукотворным обрезанием». Одно время преобладало мнение, что крестить должно в первый день. Западная Церковь довольно долго держалась именно этого обычая. В воспоминание иудейского закона приносить младенца в 40-й день в храм, по которому и Дева Мария принесла в храм Младенца Христа, — крестили в 40-й день.

На Руси в первые века христианства крестили большей частью в 40-й день, когда и для матери заканчивались по закону дни очищения и она после прочтения над ней специальных молитв могла присутствовать при крещении своего ребенка. Если ребенок рождался слабым и была опасность, что он умрет, не дожив до крещения, то его крестили и ранее 40-го дня. Со временем возобладала практика не затягивать с крещением и крестить как можно ранее, в XVIII–XIX веках — между восьмым и пятнадцатым днем.

Впрочем, срок могут определить сами родители по обстоятельствам. Не следует только очень затягивать. Крещение вводит человека в ограду церковную, созидает его членом Церкви, а значит, Церковь молится о нем. При крещении младенцу придается Ангел-хранитель. После крещения дитя уже можно причащать. Именно младенцу необходимо и желательно частое соединение с Господом, поэтому у младенца и нет препятствия для причастия. Дети, которых регулярно приносят в церковь и причащают, очень отличаются от своих сверстников. «Таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14).

Меня всегда удивляло, как церковные дети самого маленького возраста моментально находят друг друга. Как они безошибочно определяют «своих»

в песочнице. Это «свое» — Христос, изобразившийся в них от частого приобщения. Такое дитя особенно мило родителям. Впрочем, мы не обсуждаем достоинства крещения, мы уверены в необходимости его. Вопрос лишь — когда? Пора.

«...У тебя есть младенец? Не давай времени усилиться повреждению, пусть освящен будет в младенчестве и от юности посвящен Духу» (Святитель Григорий Богослов). Аминь.

ДЕТСКИЕ СЕКРЕТЫ СЕМЬИ

> Господь, создав человека, благословил первую семью: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28). Условием владения землею, всеми ее благами было положено умножение рода...

Все реже слышен младенческий плач из крестильной пристройки в нашем храме. Приходят креститься взрослые, приводят детей-школьников, крестятся и пожилые. Но все меньше приносят новорожденных. Если у наших бабушек было четверо-пятеро детей, то у мам уже двое-трое, а современные супруги рождают двоих, а все чаще одного ребенка. Почему? Говорят, что жить становится труднее, жизнь дорожает и усложняется, поэтому, мол, и не рожают. Так ли это?

В июльско-августовском номере «Дневника писателя» в 1876 году Ф.М. Достоевский опубликовал статью под названием «Детские секреты». В ней он обратил внимание наших соотечественников на некое европейское новшество. Во Франции в среде зажиточных буржуа стали множиться семьи, имеющие всего двоих детей. Что же, казалось, странного? Иногда Господь и вовсе не дает чете потомства, иногда родится один, а иногда два ребенка. Но Федор Михайлович подметил, что это малочадие поразило только определенный слой общества. Богатых. И сде-

лал естественный вывод: планируемая рождаемость. Дабы не делить капитал, не уменьшать богатства.

Экономисты и демографы знают, что самая низкая рождаемость не там, где низкий уровень жизни, а наоборот, в странах с наиболее высоким уровнем. Таков парадокс: чем больше у человека пряников, тем меньше он желает ими делиться.

В 1876 году писатель говорил о планируемой рождаемости как о чем-то чудовищно безнравственном. Его беспокоило и то, что грех уже перешагнул порог одной касты и появляется в сельских семьях. Федор Михайлович писал, что скоро такие семьи появятся и в Берлине. Это было всего чуть более ста лет назад. Но ему не могло даже пригрезиться, до чего вскорости дойдет это «планирование» в нашей стране. Что Россия в двадцатые годы узаконит аборты. Что в нашей стране в конце восьмидесятых врачи обоснуют и разрешат стерилизацию женщин. И даже будут рекламировать «безболезненную, бескровную и безвредную» операцию. А в конце двадцатого столетия в России смертность в два с половиной раза превысит рождаемость! За один век в сознании людей как бы поменялись полюса добра и зла.

История народов Земли не знала такой самоубийственной морали, такого взгляда на деторождение, который господствует сейчас в мире. У всех народов многочадие всегда считалось благословением Божиим. Бездетность или малочадие воспринимались как наказание. Нынче все наоборот. Демографы подсчитали, что для того, чтобы численность населения оставалась на одном уровне, необходимо, чтобы в семье рождались три-четыре ребенка. Ведь до брачного возраста не каждый доживет. Кто-то не вступит в брак. Кому-то болезнь помешает иметь детей. Так что в нормальной семье для продолжения рода не-

обходимо родить не двоих, а троих или четверых детей. А много ли у нас таких семей? Нет. Общее мнение — это один, два ребенка. Но третий лишний. Его уже трудно прокормить, трудно воспитать. На троих, якобы, не хватит ни средств, ни времени.

Есть в нашем храме прихожанин. У него трое детей. Несколько лет назад он попал в аварию, стал инвалидом. Собирали его, как он говорит, по кусочкам. Когда выписался из больницы, жене пришлось уйти с работы, чтобы за ним ухаживать. Родные переживали за судьбу детей. Ребятам грозил интернат. «Куда ты их столько наклепал? — говорили близкие. — Как их теперь растить?» — «Я их не клепал, я их рисовал», — отвечал отец. Любовь и ответственность за судьбу детей сделали чудо. Никто не попал в детдом. Николай не только поднялся с постели, он сделал для своих детей то, что не всякий здоровый родитель в силах сделать.

Дети его удивительно вежливы, трудолюбивы, образованны. Кроме общеобразовательной они закончили еще и художественную школу. Отец оборудовал в доме прекрасный спортзал. Старшие поступили в институт. Девочка пока еще не закончила школу, но она уже выделяется среди сверстниц своим воспитанием, трудолюбием. Такую невестку с радостью примут в любую семью.

А год назад случилось в доме Николая Григорьевича несчастье: погиб по трагической случайности один из сыновей. Горе тяжелое и ничем не восполнимое. Но и оно не придавило семьи. Прошли первые тяжелые месяцы и забота о двух оставшихся детях помогла родителям, утишила их боль. Жизнь в семье все такая же полноценная. Правда, Николай Григорьевич иногда говорит: «Я рассчитывал на троих».

Детская смертность у нас немалая, да и не только у нас. Если не болезнь, то опасные шалости, аварии на дорогах, случайности могут привести к трагедии. Мне не раз приходилось отпевать единственного в семье ребенка. Более страшное несчастье трудно себе представить. Хорошо, если родители еще молоды и смогут как-то восполнить потерю, родив другое дитя. А если нет?

Мы так самоуверенны, считаем себя умнее и образованнее своих предков. Но наивно думать, что секреты планирования рождаемости были не известны нашим «дремучим» и «некультурным» пращурам. Это действительно *детские секреты.* Но прежде подобное отношение к деторождению считалось чудовищным грехом. В Библии упоминается некий Онан, которого Господь покарал смертью за такое «планирование». В древности закон наказывал за этот грех смертью.

Когда после революции во время глумления над Церковью и религией «культура семейных отношений» достигла, вернее, настигла наш народ, то многочадие стали почитать как бы за отсталость, темноту, почти вредительство. Ведь дети мешают женщине быть активной участницей политических и трудовых событий в жизни страны.

В одной близкой мне семье долгое время как бы противостояли два взгляда на деторождение. Брат и сестра, родившиеся в начале века, имели свои семьи. Сестра вышла замуж за служащего, впоследствии инженера, и родила трех дочерей, а брат, большой партийный начальник, имел сына. «Некультурность, темнота», — упрекал брат сестру за многочадие. На одну небольшую зарплату сестра с мужем вырастили и выучили своих дочек. Сумели дать им высшее образование, выдали замуж за хороших людей,

понянчили внуков. Вырастил и выучил сына и брат. И вот на пенсии оказались они на летние месяцы соседями в разделенном отцовском доме в деревне. На одной половине всегда народ, уж кто-нибудь обязательно приедет из города. То пироги пекут, то именины справляют, самовар со стола не сходит. А брат выйдет со своей тихой половины на дорожку: «Когда-то мой Володька приедет...» Сын у него хороший парень, но заботиться-то он не привык ни о ком. Вот и не едет по месяцу и дольше. Заболел «культурный» брат, полежал, полежал дома — сыну на работу надо, его жене тоже. Отдали его в хороший дом престарелых. Там он и умер через короткое время. Среди чужих людей. А сыну теперь под пятьдесят, детей нет и уж, наверное, не будет. Молодому пожить хотелось, боялся обузы, а потом уж так жизнь сложилась. Вот оно, «культурное» планирование, чем обернулось.

Желание получить в жизни больше материальных благ само по себе не греховно. Важно, какой ценой достаются нам эти жизненные победы. Иногда такие радости бывают горьки.

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей.
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Н.С. Гумилев «Дон Жуан»

Да, многочадие — это трудно, но это и большое счастье. Недавно в нашем храме мы отпели и похоронили одну прихожанку. Сиротой она вышла замуж. Муж тоже одинокий был, небогатый. Работали,

рожали детей. Началась война, ушел муж воевать и погиб в первый же год. Осталось четверо сироток, младшему полтора года. Эта женщина одна вырастила их, с малолетними сама поставила новую избу. И кто утешал ее в самые несчастные, голодные и холодные дни? Дети. Женила сыновей. Девочек выдала замуж. Мне довелось пожить у нее лето. Внуки и правнуки то и дело забегали в избу: «Бабуленька, бабуленька...» Всю-то свою многочисленную родню она любила, и о всякой их нужде и радости помнила. Это ли не счастье!

Много лет помогает убираться в нашем храме пожилая женщина. Ее мать осталась вдовой с восемью детьми в тридцать три года. Позже она говорила: «Трудно мне было растить вас, детки, зато как радостно было смотреть на вас, когда вы все вместе идете».

Апостол сказал о женщине: «...спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. 2, 15). Это естественный путь для женщины-христианки. Положить душу свою за других, за чад. Глава же семьи, муж, должен помнить, что отказываясь от рождения детей, он отказывается от Богом данного креста, а это, по словам святых отцов, приводит к тому, что человек получает новый, более тяжелый крест. В чем он? Это знает только Господь. Но крест этот будет.

Одна из наследственных болезней малочадия — трудности будущей семьи «одиноких» детей. Один ребенок, да, пожалуй, и два воспринимаются родителями как полная личная собственность. Ведь с двумя детьми, кажется, еще можно справиться самостоятельно. Взял по ребенку в руку и веди их по жизни. А когда их становится трое и не вмещаются они в двух материнских руках, не уследишь за ними

парой глаз, тогда мать невольно взмолится: «Помоги, Господи!». И оставит часть забот на Божию волю. Можно сказать, что с каждым ребенком родители все настойчивее и настойчивее призывают в семью Господа. Хоть труднее кажется, а и милости Божией больше. «Ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9), — сказал Спаситель. Родители и в дальнейшем заботу о судьбе такого воспитанного совместно с Господом ребенка разделяют с Божией заботой. Единственным же сыном или дочерью родители не хотят делиться ни с Господом, ни с будущим супругом или супругой. Отсюда слишком пристальное внимание родителей к новой семье, активная опека, ревность. Такая навязчивая позиция часто бывает причиной разладов, ссор и даже разводов. Здесь малочадие родителей может стать причиной будущего несчастья внуков.

Кроме того, хорошо бы помнить и о годах немощи. Ведь на семью из двоих взрослых приходится четверо родителей-стариков.

Двое супругов были единственными детьми в семьях. Вначале заболела одинокая мама жены. Привезти ее к себе не было возможности. Жене пришлось уехать ухаживать за матерью. Болезнь затянулась, молодая мама взяла к себе ребенка. Тем более что в это время заболела мать мужа. Два молодых супруга вдали друг от друга исполняли свой долг попечения о престарелых родителях, практически не имея возможности встреч. Через два года семья распалась. У меня на памяти есть и еще подобные случаи.

Я преподаю в московской гимназии имени Нестора Летописца. Там учатся дети из православных, церковных семей. Среди моих учеников многие имеют по нескольку братьев и сестер. Я могу отметить, что эти дети добры, они более настроены на

действенную помощь, они лучше понимают чужую индивидуальность. И еще одна особенность. Эти дети более семейны, то есть крепче связаны со своей семьей. И когда появляется соблазн, через который проходят большинство подростков: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел», — то отойти, хотя бы внутренне, от своей семьи, ее морали, привычек, быта ребенку из многодетной семьи труднее. Инерция большой семьи — сильнее. То есть шанс увидеть в потомстве свое «я» у многодетных родителей несравненно больше.

Да и моральная атмосфера в многодетных семьях здоровее. Там меньше супружеских ссор и недоразумений, порожденных часто призраком свободы, которую малочадные супруги постоянно отстаивают друг у друга. В многодетной семье родители вынуждены жить детскими интересами. А там, где родители не преследуют свои личные эгоистические цели, там и дети реже бывают эгоистами.

Вопрос деторождения один из самых трудных. Даже в некоторых христианских, церковных семьях он является камнем преткновения. *Веря* в Бога, мы не всегда *доверяем* Ему. Не верим в Его непрекращающуюся ни на минуту заботу о нас. Не верим в Промысл Божий. Малочадие — результат этого неверия. Такая позиция по отношению к Господу — безблагодатная и не привлекает к нам помощи Божией, потому что такая позиция есть оскорбление Его благости и человеколюбия.

Все блага мира — солнце и дождь, пища и здоровье, материальное благополучие и душевный покой, — все от Господа. Верующий человек на опыте знает, как спорится труд, благополучно совершается дело, когда на них есть благословение Божие. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5), — предупреждает Господь.

преждает Спаситель. Предупреждает тех, кто надеется только на свои силы. И мы можем заметить, как нередко упорный и разумный труд не приносит ожидаемых результатов. Как плоды труда пропадают зря. «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» (Пс. 126, 1). «Аще не Господь...» Собственно, *детские секреты семьи — это вопрос доверия и любви к Господу.*

«Таковых есть Царствие Божие», — уподобил Спаситель детей небожителям (Мк. 10, 14). И никто так, как дитя, не воплощает собой бескорыстную и беспредельную любовь Божию. Дитя — это и есть сама любовь, и поэтому оно наиболее близко к Богу, сущность которого также — любовь. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). «Кто примет сие дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Лк. 9, 48), — сказал Спаситель. Не отвергать, а принять сие дитя во имя Христа надлежит христианским супругам. Аминь.

ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Редко бывает спокойно родительское сердце. С рождения ребенка и до конца жизни не покидают его заботы и тревоги за любимое дитя. У православных родителей это беспокойство реализует себя в молитве за детей, в стремлении к личному благочестию. У людей неверующих или нецерковных оно проявляется в страхах и предчувствиях. И конечно, каждый родитель желает счастья своему ребенку и старается сделать все для этого. Только в чем оно, счастье?

Корень этого слова — «часть». С-часть-е. Счастливый человек — это человек, живущий с частью чего-то, имеющий какую-то часть. Часть какого-то Блага. Блага общего для всех. Всеобщего. Всемирного. Безмерного. Неиссякаемого Блага. И это Благо есть Бог! Счастливый — имеющий общую часть с Богом. Живущий в Боге. И чем ближе человек к Богу, тем он счастливее.

Верующий, церковный человек никогда не скажет про себя, что он несчастен. Но заметьте, что и неверующий человек счастлив лишь тогда, когда он, сам того не зная, живет по Божиим заповедям, вложенным Господом в сердце каждого человека. Он счастлив чистой совестью, действенной любовью, исполнением долга, личной жертвой. Правда подчас слово счастье прилагают к различным временным удовольствиям, жизненным победам, небывалой удаче. Да, человек радуется окончанию института,

выздоровлению, защите диссертации, крупной премии, рождению ребенка. Но это счастье временное, оно хрупко и недолговечно. Оно не полно. А главное, счастливым можно быть и без всего этого.

Так какое же мы можем дать нашим детям полное, настоящее счастье? Мы не можем. Счастье это может дать только Господь. А мы можем поставить их на путь к этому счастью. Воспитать верующими и церковными. Для жизни с Богом.

Чтобы Ангел не улетал

Первые два-три года пребывания младенца в семье настолько радостны для родителей, что остаются на всю жизнь одним из самых сладких воспоминаний. Нет темы, на которую женщина даже в преклонные лета говорила бы с таким воодушевлением и интересом, как о рождении и первых годах жизни своего ребенка. И никогда лицо мужчины не покажется нам столь мягким и нежным, как при воспоминании о младенческом возрасте сына или дочери.

Младенца часто сравнивают с Ангелом. Приходит мне на память многодетный папа Вячеслав. Когда, после рождения четвертого сына, года на четыре численный рост семьи прекратился, Вячеслав вздыхал: «Нет Ангела в доме. Все в нем не так. Непорядок. Нужен Ангел». Видимо, поэтому пятого, долгожданного Степашку, и звали в семье несколько лет Ангелом. Помню, что в это время наши телефонные переговоры с многодетными кумовьями постоянно прерывались родительскими репликами: «Иван, куда поволок Ангела, положи его на кровать... Минька, забери у Ангела вилку... Поменяй у Ангела ползунки...»

Да, счастливое время, прекрасное время. Кажется еще долго-долго будешь наслаждаться этим свалившимся с Неба счастьем. Но вдруг замечаешь, что ангельское постепенно отходит от младенца. И вот в нем проявляется какая-то необоримая капризность, деспотизм, своеволие. «Может быть, пора заняться воспитанием? — думают родители. — Правда, он еще такой кроха».

Рассказывают, что к одному старцу пришла за советом женщина. «Отче, два месяца назад у меня родился сын, с какого времени я должна его воспитывать?» — спросила она.

Старец ответил: «Ты, мать, опоздала на одиннадцать месяцев». Другими словами, воспитание ребенка следует начинать с зачатия. Собственно о судьбе своего будущего ребенка, о его воспитании мы должны задумываться еще раньше. До свадьбы. При выборе супруга или супруги. Но коль скоро семья уже сложилась, то обсуждать проблему выбора мы не станем. Однако обратим внимание на то, в каком браке живут родители. Венчанный это брак или невенчанный.

Конечно, оформленный по гражданским законам брак — тоже брак. Но союз, не благословленный Церковью, не покрытый Божественной Благодатью в Таинстве браковенчания похож на дом с раскрытой кровлей. Жить в нем, бесспорно, можно, но дожди и снег будут омрачать эту жизнь, ветер станет приносить всякий мусор, выдувать тепло. Особенно тяжело жить в таком доме ребенку. Взрослые как-то притерпятся, живут не замечая, а младенец существо нежное — любой сквозняк чувствует.

Отличаются ли дети, рожденные в венчанном браке, от детей неосвященного союза? Безусловно, отличаются. Мало того, бывает, что в невенчан-

ном браке дети просто никак не рождаются. Не хотят. И часто бесплодным супругам дитя посылается вскоре после бракосочетания. В наше время даже в Церкви, к сожалению, встречается немало невенчанных супружеских пар. Или, может быть, правильнее сказать: временно невенчанных супругов. И поэтому у священника есть возможность наблюдать состояние семей до венчания и после него. И детей, рожденных до венчания и после него. Дети законного брака спокойнее. Во всех отношениях.

Обратите внимание, что во время таинства Крещения маленькие дети ведут себя по-разному. Кто-то кричит, а кто-то молчит. Причины тому могут быть разные, но, замечу, что кричат и капризничают в основном дети нецерковных родителей. Невенчаных, не причащающихся.

Для православного человека жить в невенчанном браке грех. Разве не грех сознательно отвергать благословение Божие, участие Божие в вашей семейной жизни? Откуда же появились в нашей Церкви невенчанные супруги и родители? Обыкновенно это люди, которые пришли к вере недавно и затянули, по легкомыслию, свое дальнейшее воцерковление. Возможно, они считают, что венчание уже ничего не изменит в их жизни и в жизни их детей. Или это так называемые «смешанные» пары, где один супруг верующий, а другой не очень.

Первым следует все же, несмотря на сомнение и лень, узаконить свой брак, даже если он приближается к юбилейной дате, а жизнь к закату. С грехом нужно расставаться здесь, до могилы. Вспомните, что родительский грех обязательно отражается на детях. И на взрослых детях тоже. Кстати, и на внуках.

Что касается «смешанных» семей, то верующий супруг должен постараться ласковыми уговорами

и просьбами, подкрепленными безупречным поведением, склонить неверующего или нецерковного супруга к венчанию. А если пока невозможно достичь согласия по этому вопросу, то православный супруг обязан на исповеди обязательно каяться в невольном грехе невенчанного брака. И молиться, обязательно молиться, просить Господа, Его Пречистую Матерь о помощи, чтобы венчание все же состоялось.

Мы знаем, как трудно растить ребенка одному родителю. Дети неполных семей — это очень трудные дети. Но и при двух родителях семья не всегда полна. Мама, папа и Христос — вот тот состав воспитателей, который необходим ребенку. Поэтому так важно для родителей узаконить свой брак через Таинство браковенчания, так много значит для ребенка церковная жизнь семьи, участие родителей в Таинствах.

Церковное воспитание, как мы уже говорили, следует начинать с нулевого возраста. В период беременности одни мамочки часто бывали в храме, прикладывались к иконам, исповедовались, причащались Христовых Таин, молились, пили святую воду. Другие мамы, убоявшись духоты и скопления народа, не посещали церковь, совершали прогулки по бульвару или сидели в палисаднике. И детки также ведут себя по-разному. Одни младенцы чувствуют себя в церкви спокойно, пространство храма для них «свое», хотя они никогда и не видели его. Другие — беспокоятся, капризничают, тяготятся. Это не «свое» для них. Хотя плакать в храме могут, конечно, и «свои», церковные детишки, но это случается редко и плачут они иначе.

Воспитание, которое мать может дать своему ребенку до его рождения, так сказать, внутриутробное воспитание, незаметно усваивается им из ее благо-

честивой, церковной жизни. Именно ради будущего ребенка так часто приходит она в храм, быть может, выбирая для посещения спокойные малолюдные будние дни. В заботе о нем она часто исповедуется и причащается. И младенец радуется, приобщаясь вместе с матерью, освящаясь от православных святынь: икон, святой воды, просфоры.

В Евангелии говорится, что когда Дева Мария вошла в дом родственницы своей Праведной Елисаветы, бывшей тогда на шестом месяце беременности, то у Елисаветы взыграл младенец во чреве и она сказала: «И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем» (Лк. 1, 43–44). Радостно! Радостно он взыграл! Так же радуются и другие младенцы, еще не увидевшие свет, когда мамы их бывают в храме.

Когда в церковь приносят младенца, особенно когда его подносят к Чаше для Причастия, легко отличить дитя церковных родителей от нецерковных детишек. Спокойно лежит малыш на руках у одной мамы, вертится, пытаясь спрятать личико, у другой. Еще за несколько шагов видит священник дитя из нецерковной семьи и уже готовится к тому, что может произойти у Чаши. Как жалко бывает смотреть на кричащих, отворачивающихся от Причастия, сжимающих ротик малюток. Что их так пугает? В храме благолепие, рядом мама или бабушка, что же кричит он, выгибается дугой, сучит ножками? Это кричат родительские грехи, это они отворачивают от Благодати малютку. У этого крохи еще нет ничего своего, только рот и нос, ножки и ручки, а грехов своих нет. Есть лишь маленькие семена грехов родителей. И если родители сами не оставляют

своих грехов, не каются в них на исповеди, не укрепляют свое стремление к праведности Причастием, если они не желают жить с Богом, то и дитя их будет бояться Господа, станет бояться Чаши.

Детишек, которых часто причащают, сразу видно. Удивительно, как легко они находят друг друга в любой компании. Без лишних слов и объяснений. Они могут быть разными, шалунами и паиньками, «шустриками» и «мямликами», но есть в них общее: какая-то особенная тишина, душевный покой. Они более управляемы, послушны, и ангельское в них сохраняется дольше.

Как и сколько бывать ребенку на службе

Семилетнему малышу вряд ли кто предложит ведерную лейку для поливки огорода. Дадут поменьше. Учитель физкультуры не установит для первоклассника планку на метровой высоте. Еще не время. Нагрузку для ребенка увеличивают постепенно. Ее определяют годы и физические силы. Возрастает дитя, возрастают и требования к нему. А как нам определить религиозную «нагрузку» ребенка? Когда и сколько он должен пребывать в храме, какие молитвы учить?

Наверное, многим родителям приходилось слышать на многолюдной праздничной службе: «Зачем вы детей-то мучаете, пусть бы погуляли во дворе, все равно они ничего не понимают». Наверное, поэтому некоторые родители из жалости к деткам приходят со своими чадами в храм прямо к концу службы, к Причастию: благо, до семилетнего возраста ребенок может не исповедоваться. Проведут или пронесут сына или дочку от паперти до Чаши и обратно — вот и весь праздник Рождества, весь Ни-

колин день. С такой жалостью трудно воспитать церковного человека.

К храму, к церковной службе ребенка нужно приучать с пеленок, с первых месяцев и даже недель. Пространство храма особенное, сам воздух в нем иной. И наша церковность напрямую зависит от того, сколько времени мы провели в этом пространстве, как долго мы дышали этим воздухом. Не думайте, что младенец не слышит и не понимает происходящего вокруг него. Его сознание впитывает в себя звуки и образы и, быть может, он переживает службу гораздо полнее, чем взрослые. Обратите внимание, как часто маленькие дети первых полутора лет жизни внимательно и долго смотрят под купол храма. Особенность освещения, дальность изображений, недоступная младенческому оку, не позволяют им разглядеть и осознать роспись на куполе и под ним. Однако меня много раз удивлял именно осознанно-внимательный взгляд и радостные улыбки младенцев, глядящих вверх. Нередко дитя протягивает ручку, показывает маме или папе что-то в вышине. Быть может, это «горний Ангелов полет», который не видим мы, взрослые?

Ранний возраст, когда от ребенка не требуется напряжения собственных сил для присутствия на богослужении; возраст, когда он «ходит» и «стоит» еще на маминых ножках, — самое благоприятное время для воспитания у него привычки к церковной службе. Если это время упустить, пожалеть усталую маму или младое дитя, то позже на воцерковление ребенка родителям придется потратить гораздо более сил.

Характеры у малышей разные. Бывают непоседы от рождения. Такому не под силу долгое пребывание на материнских руках или стояние на одном месте. Ему нужна смена впечатлений. Как же мамы актив-

ных детишек решают проблему тихого пребывания на службе? Посмотрите, как мать шепчет что-то своему чаду на ушко, лишь только заметит кисло-скучающую гримаску на милом личике. Подышит в макушку, даст поиграть лоскутком или маленькой игрушкой, переменит положение, а с ним обновится для малыша и внешний мир — лица, роспись. Поднесет к иконе, к подсвечнику (дети любят глядеть на огонь). Малютку качнет на руках, двухтрехлетнего погладит по спинке, поднимет на минуту-другую на руки. Отведет в сторону, расскажет тихо что-нибудь соответствующее дню или службе. Зачастую матери приходится более заботиться о поведении своего непоседы на службе, чем самой участвовать в ней. Это жертва. Материнская жертва, прокладывающая тропку в Царство Небесное. И для дитяти и для матери.

Стоять с малыми детьми в храме — тяжелый труд. Поэтому обычно матери ищут для себя случай побывать на службе без детей. Спокойно помолиться, поисповедоваться, причаститься. Близким желательно постараться и обеспечить им такую возможность.

Где удобнее на службе стоять с ребенком? Заметьте, люди в храме находят себе место в зависимости от своего внутреннего состояния, настроения. Кто-то стоит ближе к алтарю, кто-то в середке, кто-то в самом конце. Молиться можно везде, но все же обстановка и окружение оказывают влияние на наше чувство. Чем ближе мы к священнодействию, тем менее рассеивается наше внимание, тем полнее наше участие в общей молитве, тем проще нам на время оставить попечения житейские, забыть о домашних заботах. Удаляясь от алтаря, мы невольно косвенно включаемся в тихую, но неизбежную суету

перемещений, приветствий. Краем глаза мы замечаем передвижения вновь пришедших, опоздавших на службу или заглянувших в храм на малое время по какой-то надобности. Здесь труднее сосредоточиться. Здесь волны мирских забот еще не улеглись, не успокоились, шепот вопросов и замечаний мешает молитве. «Впереди-то я стою — ног под собой не чую, а если сзади встану — только о ногах и думаю», — говорила одна пожилая прихожанка.

Дети чувствуют обстановку так же, как и взрослые, но на них она оказывает большее действие. Ребенок пытается подражать тем, кто рядом. «Почему кому-то можно говорить или принять вольную позу, а мне нельзя?» — думает он, вернее, даже не думает, а просто делает то же самое.

Опыт многих родителей показывает, что стоять с ребенком впереди легче. Благодать священнических молитв, близость святого Престола, Святых Таин, молитвенное пение хора, явственнее слышимые слова службы, лики святых, словно глядящие из горнего мира через окна-иконы яркого иконостаса — все это оказывает свое благотворное воздействие на ребенка. Впереди он свободно может наблюдать красоту внешнего действия церковной службы. Это удовлетворит детской потребности впечатлений и смены событий.

Вспоминаются мне долгие пасхальные службы в Троице-Сергиевой Лавре. В небольшом Троицком соборе детишек обычно стараются поставить впереди, против боковых дверец алтаря. Находятся они там одни без родителей. Даже малыши. И что замечательно, те ребятишки, что стоят или сидят на складных стульчиках, а порой и лежат на полу в середине храма неподалеку от своих родных, переносят трудности ночной службы тяжелее. Хотя

находятся, казалось бы, в более комфортных условиях.

Помню, как однажды в этом соборе два брата — Сережа и Паша О. разделились на пасхальной службе. Вначале братья стояли со всеми ребятишками впереди, а потом кто-то из них, кажется, Паша, ушел к маме и через некоторое время сомлел и уснул на постеленной на полу одежке. К концу службы мама разбудила его. Вид у Паши был усталый, он куксился и всхлипывал. К Чаше привычного к церковной службе отрока пришлось почти нести. Большой уже в сущности парнишка, он плакал от усталости. Брат же был весел, чувствовал себя бодро, несмотря на бессонную ночь.

Близость алтаря помогает детям участвовать в общей молитве, настраивает быть внимательными. Святыня прогоняет всякие дурные мысли и... темные силы, нашептывающие их. Если служба переживается ребенком, то она не утомляет его, а укрепляет.

Кстати здесь вспомнить и о торжественных, праздничных, особенно многолюдных богослужениях. Нужно ли приводить детей на престольные праздники, на особенные архиерейские службы? Или «пожалеть» их, не мучить теснотой и духотой?

У торжественной многолюдной службы, кроме духоты, есть и другие качества. В архиерейской службе мы можем видеть особую полноту церковного богослужения. И воспринимается она иначе, чем обычная. На этой службе даже усталые и немощные люди стоят легко. Да и многолюдство престольных праздничных служб не безусловно отрицательная характеристика. Общее народное воодушевление, общая любовь к празднику или святому, объединяющие всех переживания евангельского со-

бытия или события из истории Церкви способны «зажечь», вдохновить и равнодушного.

Рассказывала пожилая женщина, недавно пришедшая в Церковь. Великим постом она впервые попала на вечернюю службу с чтением Великого покаянного канона святого Андрея Критского. Службы эти очень многолюдны, ведь первые четыре вечера Великого поста все православные христиане стремятся обязательно быть в храме. Моя рассказчица очень сожалела, что не имела при себе текста и мало что поняла из читаемого, но при этом она переживала счастье быть «вместе со всеми». Не теснота, не духота этой многолюдной службы запомнились ей, не утомительные с непривычки земные поклоны, а то, что она почувствовала себя в единстве со своей Церковью.

Точно так же и слабое малое дитя, быть может, и не понимая достаточно того, что объединило на торжественной праздничной службе так много молитвенников, незаметно проникается чувством единства с Церковью, роднится с ней, становится частицей Православного народа. Такие не частые, конечно, паломничества в другой храм, к праздничной службе откроют перед ребенком мощь Православия, его всенародность, соборность.

И все же, как быть с капризными непоседами? Как поступить, если дитя мешает людям молиться, если оно своим поведением нарушает благолепие церковной службы? В таком случае маме или бабушке придется отойти с малышом к дверям или вовсе выйти из храма. Но выйти не на год, не на полгода, а ненадолго. Ребенку можно дать передышку, но не волю. Там, в отдалении, есть возможность, никого не смущая, растолковать ему, какого поведения вы от него ожидаете, или просто успокоить ма-

лыша. И еще подумать. Подумать, почему ваше дитя так неспокойно на службе. Может быть, вы редко приходите в храм, может быть, вы сами давно не исповедовались и не причащались. Возможно, есть какой-нибудь иной изъян в вашей духовной жизни. Дитя, как барометр, непременно реагирует на состояние духовной атмосферы в семье. Хотя, понятно, бывают и другие причины неправильного поведения ребенка в храме: недомогание, усталость и тому подобное.

Тем родителям, дети которых плохо ведут себя в церкви, следует навести порядок в своей духовной жизни и, конечно, молиться, просить о помощи Пресвятую Богородицу. Православные матери особенно почитают Тихвинскую икону Божией Матери. У Ее образа они молятся о здоровье, о послушании своего малыша, о прибавлении разума, о благочестивом его устроении. И в ответ на сердечную материнскую молитву Царица Небесная никогда не отказывает в милости.

«При деле Бог ума прибавит», — говорит народная мудрость. Материнское желание видеть своего ребенка достойным прихожанином, благочестивым молитвенником в церкви обязательно найдет, как себя реализовать. Во время службы, приноравливаясь к возрасту, ребенку можно объяснить то, что происходит перед ним, обратить внимание на какие-то действия священнослужителей, их одежду, роспись и убранство интерьера. Настроить на участие в общем деле.

«Скоро выйдет диакон и скажет... Сейчас будет каждение, надо поклониться... Смотри, сейчас откроют Царские врата... Это Херувимская песнь, постой спокойно... Скоро будут все петь „Верую“... Когда диакон скажет: „Господу помолимся“, ты

тоже тихонько помолись, чтобы была хорошая погода, чтобы вырос отличный урожай, поскорее поспела клубника... Помолись о мирном времени, чтобы не было войны, чтобы никого не убивали... чтобы не случилось землетрясения и наводнения»... Такие или примерно такие слова вы можете сказать тихонько на ухо вашему юному прихожанину, чтобы он не просто отбывал необходимый «срок службы», а поучаствовал в ней по мере сил, чтобы возбудить внимание утомившегося ребенка.

Одна малышка с большой неохотой вставшая по утрам, часто по воскресеньям говорила: «Можно я еще посплю, вы идите в церковь без меня, а я посплю». Но мама ей напоминала: «Как же ты не пойдешь в церковь? Выйдет из алтаря отец диакон, посмотрит: все ребятишки пришли, а Лены нет. Он очень огорчится». И маленькая Лена, пожалев отца диакона, надевала платье. В храме она спешила пройти вперед и с нетерпением ждала каждого выхода диакона. После службы она обычно рассказывала: «А меня отец диакон видел. И когда говорил: „Миром Господу помолимся“ — видел. И когда с кадилом был — тоже видел, и когда все „Отче наш“ пели — видел. Очень обрадовался».

И все же бывает, что ребенок совсем не готов к тому, чтобы стоять впереди. Какое-то время он будет проводить свой церковный день неподалеку от паперти, в притворе. Но и здесь его никак нельзя пускать в «одиночное плавание» и вольное хождение во время службы. Все время он должен быть под наблюдением взрослого, который вовремя пресечет шалости или несоответствующее месту поведение.

И еще. Мы уже говорили, что поведение ребенка на службе, его желание и нежелание быть в храме в

немалой степени определяется духовной жизнью его родителей. Если родителям в тягость церковная служба, то и дитя тяготится ею. Если мама рассеянно смотрит по сторонам или, более того, переговаривается во время службы со знакомыми, то и ребенку скучно в храме. Если в семье воскресное посещение храма может быть отменено из-за генеральной уборки, огорода, ремонта автомобиля или приезда любимого родственника, то вряд ли можно ожидать от ребенка благоговейного отношения к церковной службе. А с возрастом у него тоже найдутся свои дела «поважнее», чем храмовая молитва: лыжная прогулка, встреча с приятелем. Словом, церковность родителей, их отношение к духовной жизни, состояние их совести обязательно отразятся на церковности их ребенка.

«Научи нас молиться»

Удивительно, как похожи на нас наши дети, как умело подражают они нам! Наблюдая за нами, учатся говорить, брать ложку, качать головой, открывать дверь... жить. Наблюдая за нами, учатся они молиться. Кроха стучит себя сложенными пальчиками в лоб, показывая маме первое движение крестного знамения, полностью воспроизвести которое он еще не в силах. Ребенок наклоняет головку перед иконой — кланяется, приближает личико к образу — целует. Все эти действия усвоены им из быта семьи. Это начало молитвы, маленькие зернышки, из которых с помощью папы и мамы вырастет духовная пшеничка — хлеб жизни.

К молитве, как и к храму, дитя необходимо приучать с самого малого возраста. Ребенок должен знать, что его родители молятся. Ему нужно это ви-

деть. Молитва матери и отца должна быть для него привычна. И тут есть некая тонкость.

Рассказывала как-то одна знакомая. Она никак не могла приучить старшего сына к чтению. Уговаривала, рассказывала интересные повести и все удивлялась: «Да как же тебе не скучно без книг, без чтения?» На это мальчик ей ответил: «Да ведь ты сама никогда не читаешь». И тогда мама вспомнила, что она действительно никогда не читает... при детях. Днем у нее совсем нет времени. Только после того, как она уложит всех спать, закончит свои домашние дела, она берет книгу. Это бывает уже ночью. Значит, ее мальчик никогда не имел и не имеет перед собой доброго примера. И все ее слова о чтении книг воспринимаются им как сухая теория, а не как личный опыт.

То же самое может случиться при воспитании у ребенка привычки молиться. Если ребенок не имеет примера родительской молитвы, причем непосредственного, видимого примера, то объяснить ему необходимость молитвы будет очень трудно. Как правило, родители, особенно мать, просыпаются раньше, чем дети. После пробуждения взрослые молятся, выполняют какие-нибудь необходимые по дому дела и лишь потом будят малютку. То же происходит и вечером — родители читают молитвенное правило, когда ребенок уже спит. И вот оказывается, что такой, казалось бы, естественный режим, имеет очень существенный изъян: ребенок не видит родительской молитвы. Наверное, стоит подумать о изменении режима.

Вид молящейся матери, стоящей перед святыми иконами, поклоны, коленопреклоненная молитва оказывают на душу ребенка гораздо более воздействия, чем самые авторитетные объяснения и указа-

ния. Образ материнской молитвы запечатлеется в его душе навсегда. Он встанет преградой на пути разрушительных веяний современного нецерковного или, вернее, антицерковного мира, укажет путь в сомнениях, научит, утешит в печали. Заметьте, почти невозможно быть просто свидетелями молитвы. Когда мы видим молящегося человека, мы невольно, пусть на несколько мгновений, «присоединяемся» к нему, то есть наше внимание, чувство обращается к Богу, к горнему миру. У нас появляется «настроение» молиться.

Но, конечно, не стоит превращать молитву в воспитательный спектакль. Ребенок видит неправду лучше, чем взрослый. Он может увлечься ненадолго впечатлением, но быстро поймет фальшь, и скоро вы увидите не молитву, а лишь «игру», лицемерное подражание.

Совсем маленького ребенка можно, взяв на руки, поднести к иконам, прочесть с ним, то есть за него «Отче наш», «Богородицу», «Верую», молитвенное обращение к Ангелу хранителю, к святому угоднику, имя которого носит малыш. Перед кормлением младенца не забывайте читать «Отче наш» или «Очи всех на Тя, Господи, уповают», крестить пищу и самого едока. После того как младенец поел, обязательно прочтите благодарственную молитву и опять перекрестите малыша.

Так, понемногу, ребенок выучит свои первые молитвы. Согласуясь с возможностями младенца, вы со временем «подключите» его к общей семейной молитве. Обычно первая молитва, которую может повторить дитя, это «Господи, помилуй». Если вы считаете, что вашему сыну или дочери пока еще трудно стоять рядом с вами те несколько минут, пока вы вслух читаете утреннее или вечернее молитвенное

правило, то пускай дитя послушает какую-то его часть. И поучаствует, трижды произнеся: «Господи, помилуй». Потом ребенок освоит молитвословие: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», и своим звонким голоском произнесет начальные слова молитвенного правила всей семьи. Затем «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»... Все чаще и чаще будет слышен его голос у икон. Выучит малыш и «Отче наш», и «Царю Небесный». А когда он научится читать и укрепится телесно, можно будет отметить ему в молитвослове несколько посильных молитв, и он сможет читать правило вместе с мамой. По очереди. Одну или две молитвы прочтет мама, одну — сынок, еще несколько — мама, и опять — сынок.

Кроме молитв с определенным известным текстом, малыша обязательно нужно научить молиться своими словами. О заболевшей бабушке или маме, о благополучном учении старшего брата, о личных нуждах. Пусть он сам, по-своему, разговаривает с Господом, Пресвятой Богородицей, Ангелом хранителем, святыми угодниками. Но при этом, какими бы искренними и сердечными ни были «собственные» детские молитвы, не следует, довольствуясь ими, оставить или отложить заучивание молитв из молитвослова. Впрочем, если ребенок действительно искренен, нелицемерен в своих «придуманных» молитвах, он с охотой выучит и несколько «взрослых» молитв, которые непременно должен знать каждый. Тем более, что их и не так много.

Вопрос возраста

Знаю, что иногда родители боятся перегрузить своих питомцев обязательной церковностью. Хождением в храм, молитвами, постом, считая, что на-

стойчивость в этом смысле может вызвать в ребенке неприязнь к Церкви, к религии. «Вот подрастет, тогда сам будет ходить в храм, будет молиться, а пока пусть погуляет», — думают «добренькие» мамы и папы. «Если его принуждать, то он станет лицемерно выполнять все необходимые внешние действия, а душа его при этом будет холодна», — строят они свои прогнозы. Но это неверно.

Все полезные навыки лучше прививать в раннем детстве. В еще бессознательном, что ли, состоянии. Как говорят, усваивать с молоком матери. Одно из основных свойств младенца — это доверчивость. Дитя, особенно до семи лет, открыто миру, оно без устали впитывает в себя впечатления, не рассуждая, добро это или зло, хорошо или плохо. В эту пору самое время дать ребенку как можно больше хороших добрых впечатлений.

Храм. Есть ли на Земле более прекрасное место для воспитания?! Воспитания в любом понимании. Замечательные архитектурные формы, ни с чем не сравнимый интерьер, полный возвышенных символов. А разве не воздействуют на душу ребенка церковная живопись, церковное пение, призванные отразить небесную гармонию? Ребенок привыкает к красоте, проникается прекрасным.

В памяти младенца запечатлеются торжественные, даже символично-величественные движения священнослужителей, их особенные праздничные яркие облачения. Запечатлеется стройный чин православного богослужения. Никакие специальные гимназии, гувернеры, системы воспитания не смогут сделать для развития наших детей столько, сколько может дать им регулярное посещение храма, присутствие на церковной службе. Сейчас я говорю о восприятии ребенком только внешней культуры.

Но существует еще и особенное духовное воздействие. В пространстве храма меняется даже взрослый, сложившийся человек. Вспоминается мне увиденная однажды сценка.

В храм вошли четверо молодых людей, крепкие юноши лет по шестнадцать—восемнадцать. У самого входа трое стали в плотную шеренгу, четвертый пристроился чуть сзади. Нарочито не сдерживая громкой поступи, они двинулись вперед с таким видом, с каким входят на дискотеку или молодежную тусовку в поисках приключений. «Ну, кому мы здесь не нравимся?» — безмолвный лозунг подобных выходок. Руки плотно вдвинуты в карманы, локти расставлены, взгляды задиристо ищут ответного взора. Ребята прошли до середины храма. Остановились. Было видно, что они ждут. Но приключения никакого не намечалось, никто их не остановил, не подошел с замечаниями или нравоучениями. Все были заняты своим и общим — молитвой. Уйти сразу после такой боевой проходки казалось неудобным и ребята остались на какое-то время стоять среди прихожан. Они оглядывались по сторонам, с любопытством смотрели на диакона и священника, когда он выходил на амвон. Грозная удаль начала исчезать. Постепенно напряженные плечи и спины их обмякли, руки полезли из карманов, локти прижались, ребята как бы поуменьшились в объеме, наглый взгляд пропал. Прошло минут десять, теперь они могли уйти, без ущерба для своего авторитета, но притихшие юноши медлили. Наконец, один молча тронул соседа за локоть, тот кивнул и тихо, гуськом, чтобы не помешать молящимся, они направились к выходу. Всего-то и пробыли они в храме пятнадцать, от силы двадцать минут, вряд ли они поняли что-либо из богослужения, вряд ли разобрали, что на-

рисовано на стенах, какие иконы были рядом с ними, но сама обстановка, служба, общая молитва, воздух храма усмирили их буйство, принесли покой в души.

Конечно, ребенку, и именно малому ребенку, нужно больше бывать в храме. А для родителей это наиболее простой и естественный способ развития эстетических понятий и взглядов в своем чаде, а также простой и естественный способ внушить ему в этом святом месте и многие этические понятия и нормы.

Известно, что если в пору младенчества ребенка не приучить к труду, то есть выполнять какие-то полезные действия независимо от своего желания, то в дальнейшей жизни ему придется на нелюбимое или на несвоевременное, по его понятиям, дело тратить гораздо более сил, так как немалая часть их уйдет на преодоление себя. А еще чаще такой человек будет стараться уйти от всякой ситуации, которая ему придется не по нраву. И не всегда достойным образом.

Молитва это тоже труд, и к ней нужно приучать с младых зубов. Не страшно, что ребенок не все понимает в словах молитвы, пусть он сначала выучит ее, понятие придет позже с объяснениями, с возрастом. Ведь даже нам, взрослым, не всё и не все молитвы достаточно понятны. О самом привычном молитвословии можно говорить так много, что не уместить и в целую книгу. Однако мы молимся, произносим известные слова, не всегда постигая их глубинный смысл и силу.

«Ты не понимаешь, зато бесы понимают и трепещут», — ответил один старец на жалобу о непонятных словах молитвы.

Расскажу вам одну, достаточно страшную историю.

Один человек сознательно выбрал для себя путь преступника, научился разным магическим действиям и заклинаниям нарочно, для того чтобы войти в контакт с нечистой силой, ища у диавола поддержки в своих преступлениях. Не раз он попадал в тюрьму, но относился к этому как к временной неприятности, за которой последуют новые «удачи» и счастливая сладкая жизнь. Постепенно он дошел до самого тяжкого преступления. За вооруженный грабеж и убийство его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

Пока шло следствие, человек тот находился в общей камере. Один заключенный, зная, что соседу грозит «вышка», дал ему листок с молитвой. Но тот стал смеяться. Он не привык обращаться за помощью к Богу и не верил, что Он может ему помочь, он верил только в силу диавола.

После приговора осужденного перевели в одиночную камеру. Он как-то тупо думал о том, что его ожидает, а чаще вспоминал свою полную приключений жизнь. Неожиданно он услышал смех. В камере никого не было, но смех повторился. Потом еще и еще. Это был подленький довольный смех обманщика. И заключенный понял, что смеются над ним, он понял и кто смеется. Тот, кого он всегда просил о помощи, тот, кто, как привык он считать, помогал ему быть «хозяином жизни». Бес обманул его, завлек в камеру смертников и теперь смеялся над ним. Осужденному стало страшно. Страшно, как никогда не было, даже смертный приговор не вызывал у него такого страха. Он не знал, как ему победить этот леденящий ужас. Вспомнил, что в кармане куртки лежит листок с молитвой, который он почему-то сохранил. Достал его и начал читать непонятные слова. Молитва была короткой. Он читал ее раз, и два, и

три... десятки раз. Страх пропал. В душе созревало раскаяние. Смех больше не повторялся.

Вскоре осужденному сообщили, что смертную казнь ему заменили колонией особого режима. Какое счастье, что в кармане лежал этот листок!

Молитва всегда должна быть рядом. В особо опасных обстоятельствах мы вспоминаем Бога, вспоминаем как Всемогущего Защитника и Помощника. Но не все могут просто, как дитя, обратиться к Нему своими словами. Бывает, страх так сковывает сознание, что оно просто не в силах подсказать эти слова. Бывает, отчаяние и уныние парализуют волю и опять мы не знаем, что делать. И тогда в каком-то кармашке памяти находим знакомое: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...», «Живый в помощи Вышняго...» — или иную молитву. Не задумываясь над смыслом, мы повторяем то, что вложили в наше сознание мамы и папы, когда мы были еще маленькими. Слова молитвы, как зажженная свеча, прогонят мрак уныния и страха, словно боевой меч, обратят в бегство врагов.

Как-то я оказался в доме, в подвале которого начался пожар. Жильцы верхних этажей с тревогой ждали пожарных. Идти вниз было небезопасно, так как в лестничный проем, как в аэродинамическую трубу втянуло весь едкий дым от горящей изоляции электрических коммуникаций. На соседнем балконе стояла женщина. Она беспрерывно повторяла молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». Более она, по всей видимости, ничего не знала. Конечно, повторяла она молитвы, не задумываясь над смыслом, механически, и все же это были молитвы. Обращение к Богу.

Мы не знаем, какой будет судьба наших детей. Мы можем лишь надеяться, но не гарантировать их

жизненный путь. Не случайно сложилась поговорка: от сумы да от тюрьмы не зарекайся, то есть в жизни у всякого человека могут случиться любые горести и испытания. Воспитывая свое дитя, мы должны помнить, что в дальнейшем мир будет стараться разрушить то доброе, что построили мы в его сознании, в его душе. Скоро, очень скоро у него появятся новые авторитеты и они могут быть нецерковными людьми. У него будет учитель или учительница, а для ребенка это безусловный авторитет, и мы знаем, что не все, далеко не все педагоги верующие, среди них бывают и богоборцы, и сектанты. Друзья-одноклассники тоже не все православные, а среди них может случиться яркая привлекательная личность совершенно чуждых взглядов. Через нецерковную среду, через книги, телевидение, разрушительное современное искусство мир обязательно попытается втянуть наших детей в водоворот яркой, шумной, но пошлой и бессмысленной жизни без Бога и без Церкви. И нужно успеть напитать их церковностью — любовью к Богу, к Его Святой Церкви, осознанным отношением к ее таинствам, ее святым, любовью к чистоте, сознанием скверны греха.

Опыт говорит, что дети в четырнадцать—семнадцать лет нередко охладевают, теряют интерес к церковной жизни, пробуют отойти от уклада семьи, от ее традиций. Еще раньше, лет в двенадцать—тринадцать, они уже пытаются расширить свою самостоятельность, подвергают критике, не всегда явной, мнение родителей. Этому возрасту уже не так легко объяснить или внушить что-либо, противопоставить что-то соблазну. Вот он, сын, и взрослее, и умнее кажется, а в то же время и закрытее, и недоверчивее. Привлекает подростков и разнообразие, новизна. В это время обычно ребенок поддается со-

блазну уйти «в дальнюю сторону» (Лк. 15, 13) от привычного, семейного. И не во всем родители в силах остановить его. Но если у ребенка есть опыт церковной жизни, участия в Таинствах, опыт молитвы и поста, то этот опыт, как якорь удержит его от страшного, не даст пропасть, поможет вернуться.

В нашей памяти воспоминания детства занимают особое место. Книгу детства мы готовы читать и перечитывать много раз. Но как счастлив человек, вспоминающий церковное детство! Вспоминающий годы, когда среди любящих, добрых, милых лиц родных совсем рядом были Боженька, Богородица, Никола Угодник, Ангел хранитель. Когда сердце было чистым, Господь был ближе, а любовь и вера были такими, какими они бывают только в детстве. Душа помнит счастье детской молитвы, праздничного причастия, ярких огоньков всенощной службы, запах кадильного дыма! Она помнит их ярче, чем усталость, раннюю дорогу, подавленное желание движения и свободы. Этой душе есть куда вернуться из самых дальних стран, из самых глубоких бездн!

Пост ребенка

Слово ребенок происходит от слова раб. То есть человек с ограниченной волей, не принадлежащий себе. Такова уж участь ребенка в семье. «Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего» (Гал. 4, 1), — сказано у Апостола. Но в русских семьях ребенка часто называли еще и батюшкой. «Петенька, батюшка, прими блинок», — подаст мать любимцу румяный масляный блин. «Вот и Семен-батюшка идет, рукавицы красные, валенки росписные», — радуется Семушке крестная. А девочку могли назвать матушкой. «Ну, матушка, на-

плакалась — теперь песни пой», — скажет, качнув люльку, бабушка внучке.

И правда, не долог век человеческий, быстро подрастут сынок да дочка. Сами станут старшими над отцом-матерью. Кормильцами, поильцами, защитниками. А после смерти родителей и молитвенниками за них. Потому и «батюшка», потому и «матушка». В этих словах приоткрывалось будущее.

Однако только через послушание, доверие и смирение перед родителями из подневольного маленького раба — ребенка, мог вырасти настоящий хозяин, господин в доме, а не похититель родительского достояния, оскорбитель отцовства.

Перед Господом все мы дети. Даже взрослому человеку, самому большому, самому «главному» в этой жизни необходимо помнить и чувствовать свое рабство, свою детскость перед Отцом Небесным. Пост помогает, удерживает нас в этом детском послушании. Он, как проверка сыновнего чувства. И только смирившийся перед Господом, послушный Его заповедям, достигает обещанного наследства — Царства Небесного. Пост воспитывает, пост охраняет нас от наших слабостей, укрепляет волю к добру, помогает бороться с грехом. Каждый верующий знает, насколько необходим пост. Он необходим всякому человеку. Но более всех пост необходим ребенку.

Жаль только, что не все православные родители понимают необходимость поста для ребенка. Много разных объяснений находят они для своей неразумной жалости. «Потребности растущего организма, закладка здоровья на всю жизнь...» — говорят мамы и бабушки, подкладывая в пятницу Вовочке или Машеньке мясную тефтельку. Здоровье — это хорошо, оно необходимо, но заметьте, что постящиеся дети болеют ничуть не чаще непостящихся, они не

слабее своих сверстников, есть некоторые болезни, которые у постящихся ребят встречаются реже. Конечно, если скоромную пищу просто изъять из рациона, то ребенок ослабнет. Необходимо ее чем-то заменить. И замену не обязательно искать среди экзотических фруктов или орехов. Наши отечественные зерновые, бобовые, корнеплоды, тыква, кабачки, растительные масла вполне могут заменить на время мясо и молоко. Нужно только подумать, что и как приготовить. Можно самим подумать, а можно прочесть, спросить.

Легкомысленно со стороны родных пренебрегать детским постом. Мол, не велик грех. Знаете поговорку: «Смолоду прорешка, под старость дыра». Сначала пост отменяется в угоду растущему организму, потом в угоду учащемуся организму, далее по просьбе или уже по требованию, изнемогающего в тяжелых трудах организма и, наконец, по дряхлости или болезни организма увядающего. После смерти поститься уже нет надобности.

Прежде в русских семьях младенец постился сразу же, как заканчивалось грудное вскармливание. По прежним обычаям — с полутора лет. Может быть, это был не всегда полный «взрослый» пост, но это уже был пост. И не слабые, вялые тугодумы вырастали из таких деток: Илья Муромец, Александр Невский, Кузьма Минин, Михайло Ломоносов, Александр Суворов, Гаврила Державин, Дмитрий Менделеев... Да что там говорить, хорошие вырастали люди. Сильные, умные, благочестивые.

Приходится иногда слышать, что младенцу, то есть ребенку до семи лет, как существу чистому, почти равноангельскому, поститься не нужно. Пост помогает нам почувствовать и осознать свою греховность, зачем же, мол, он безвинному ребенку.

Вспомните, что пост был установлен Самим Господом. Заповедь поста Господь дал Адаму еще в Раю. Адаму, первому человеку, который еще помнил и ощущал на своем лице дыхание Бога, своего Творца. Господь дал заповедь поста еще до грехопадения. Чистый, безгрешный Адам нуждался в посте. Так же нужен пост и самому чистому ребенку.

Давайте повнимательнее приглядимся к нашим «ангелам». Упрямство, непослушание, капризы, жестокость к животным, обманы — все это начинается обычно еще до семи лет. Отчего происходит большинство детских грехов? Оттого, что дитя неправильно понимает свое место в мире. Ребенку кажется, что он уже сам может решить, можно или нельзя, хорошо или плохо. Дитя забывает о своей спасительной зависимости и готово поверить, что все может, имеет право. И точно так же, как пост «возвращает в себя», отрезвляет взрослого человека, так же он приводит в разум ребенка. Это замечательный помощник в воспитании.

Заметьте, как неполезно человеку иметь все, что ему хотелось бы. Ведь только совершенный человек имеет совершенные желания. И Господь по милосердию «тормозит» наши неразумные хотения. Пост более всего помогает умерить неполезные аппетиты и в прямом и в переносном смысле. И у ребенка особенно.

У малышей пост — это просто перемена питания, да, может быть, лишение какой-нибудь любимой вкусноты: мороженого или яичка, кто что любит. А для более старших деток пост — не только в постной еде, но и особенное время, когда не смотрят телевизор, чаще бывают в церкви, с особенным вниманием относятся к своим поступкам и мыслям, больше читают духовную литературу. Постом деткам

к молитвенному правилу можно добавить несколько земных поклончиков перед сном. Быть может, с особенной покаянной молитвенной просьбой, своими словами. Святые отцы говорят, что пост без молитвы не полон. Вот и подумайте, обсудите вместе с сыном или дочерью, какую личную, собственную покаянную молитву-просьбу можно добавить им в пост. Понятно, что хочется попросить новую игрушку или сапоги, или ранец. Но пусть это будет просьба о духовной помощи. «Господи, помоги мне не драться в школе» или не сплетничать, не болтать на уроках. «Помоги, Господи, мне не огорчать маму, не обижать младшую сестру».

Нужно ли заставлять?

Иногда дети, которые в раннем детстве любили ходить в храм, искренне молились и с удовольствием читали книжки о вере и о святых, в старшем возрасте охладевают к Церкви, к молитве, к духовной литературе. Как в таком случае поступить родителям? Настаивать на выполнении хотя бы внешних действий и проявлений церковной жизни или отпустить дитя «на волю», боясь развития в нем ханжества и лицемерия?

Преподобный Амвросий Оптинский в одном из писем предлагает такое рассуждение: «Если не можем мы душевно, то по крайней мере телесно и видимо да держим себя благоприлично. Телесное и видимое благоприличие может приводить нас к благому устроению внутренних помыслов. Как Господь прежде создал из земли человека, а потом уже вдохнул в оное бессмертную душу, так и внешнее обучение и видимое благоприличие предшествует душевному благоустроению».

Пока возможно, следует уговорами и просьбами поддерживать в детях хотя бы внешнюю церковность. И обязательно в своих родительских молитвах просить Господа, Его Пресвятую Матерь, угодников Божиих помочь сохранению в ребенке веры, не дать ему отойти от Церкви. У некоторых детей такой период охлаждения к церковной жизни длится не очень долго. Через какое-то время юноша или девушка, словно пробудившись от какого-то сна, вновь возвращаются на прежнюю стезю, и теперь церковность их более осознанна, более самостоятельна. Хотя, конечно, для кого-то такой период может затянуться, кто-то отпадет и совсем. Но родительское сердце никогда не отчаивается, в этом его особенность. Родитель, любой родитель любого ребенка верит в возможность возвращения «блудного сына», и это Божие свойство: ждать с раскрытыми объятиями, с готовым на радость сердцем: «Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 24).

И послушное и непослушное дитя в воле Божией, на нее обязательно должен надеяться каждый родитель. На всеблагую волю Господа. «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс. 54, 23), — сказано у Псалмопевца. Отвечая на письмо одной матери, преподобный старец Макарий Оптинский писал: «Возложа попечение о детях своих на Господа, находишься спокойною, что Он устроит по Своей благости: и если будет воле Его угодно, чтобы они (дети) познали тяжесть суеты мира сего ранее твоего, то и это Он силен устроить, если им будет полезно. Ты старайся воспитывать их православно-религиозно, смиренно; насади на юных сердцах их семена добродетелей, и насажденное в юности принесет плод в свое время, аще бы и укло-

нились мало через соображение. Это я вижу на многих и даже на ближних».

Своим разумом трудно и даже невозможно «просчитать», как поступить в том или ином случае, воспитывая дитя. «И тут подобает иметь мудрость, но не своим разумом, а молить Господа, да упремудрит вас, как поступать в воспитании детей, и да сохранит их от тлетворного духа вредных обычаев мирских. На сей вопрос не могу ничего больше ответить» (Письма преподобного Макария Оптинского).

Пушкин про эти годы верно заметил: «ветреная младость, которой ничего не жаль». Молодость не имеет опыта, не знает, чем отзовется в будущем тот или иной поступок. И поэтому ей не жаль терять то хорошее, что она имеет.

Юности свойственно особенное желание свободы. Это желание свободы и самостоятельности нормально в молодых людях, и к нему нужно подходить с пониманием. Ведь любой человек должен раскрыть и проявить в жизни свои таланты, выразить свою уникальную личность, то, что вложил в него Господь. И юность ищет, торопится. Она вообще тороплива. Ну и пусть ищет, пусть торопится найти «свое». Ведь дело, которое нам по сердцу, «свое» дело мы изучаем и совершаем быстрее и лучше. Наиболее удачно и наиболее полно раскрывается в нас тот талант, который нам по нраву. Так что поиски своего пути — дело благое. Но все же проходить они должны под родительским надзором. Задача родителя не сковать по рукам и ногам, а уберечь, направить. В каждой семье эта задача решается по-своему.

Что касается церковной жизни, то я не сторонник того мнения, что родительская настойчивость в этом вопросе может вызвать в ребенке устойчивое негативное отношение к Церкви. Сейчас в Церковь

возвращаются люди, церковный опыт которых прервался в детстве или юности, много лет назад. Вспоминают: «Ходил с бабушкой в церковь, причащался...», «Мать в детстве водила в храм...», «Знаю „Отче наш“ и „Богородицу“ — бабушка научила, когда я маленький был». Вспоминают с благодарностью к родным. И ни разу ни один верующий, ни один атеист, противник Церкви не сказал мне, что охота молиться и ходить на церковную службу у него пропала из-за того, что его водили в храм в детстве против его воли. Напротив, многие пожилые люди сожалеют, что их родители не были настойчивы в религиозном воспитании. Известны упреки родителям: «Если бы мама меня заставляла...». Вспоминается персонаж пьесы Николая Васильевича Гоголя: «Мой отец... Он и не думал меня выучить французскому языку. Я был тогда еще ребенком, меня легко было приучить — стоило только посечь хорошенько, и я бы знал, я бы непременно знал» («Женитьба»). Да, только с годами, с личным опытом дано нам понять, как хорошо быть послушным ребенком.

Дитя непослушное

«Яблочко от яблоньки недалеко падает, — говорит пословица и порой добавляет, — но далеко откатиться может». Бывает, что у хороших родителей растет дитя непослушное, злое. Отчего? Или, может быть, для чего дается родителям такое испытание — непослушное дитя?

О женщине Апостол сказал: «...спасется через чадородие» (1 Тим. 2, 15). Вот иногда трудный ребенок и спасает маму, а то и всю семью. В каждом приходе есть семьи, которые привела в Церковь болезнь малютки.

Порой живет человек, не выходя ни чувствами, ни мыслью за пределы житейских своих интересов. Ходит на работу, сажает яблони, любуется закатом. Все сам по себе. Без Бога. Может, и слышал он про Него, может, и верит, что есть Господь, да не пускает он Христа в свою жизнь. И без Него хорошо живется человеку. Вера вроде есть, да мертвая она, потому что «вера без дел мертва» (Иак. 2, 20). Как отрезвиться ему от своего безумия?

Сколько раз уже стучал Господь в его сердце! Сколько раз человек мог услышать Его голос! Весь мир природы, его красота и совершенство говорят нам о Боге. «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18, 2). Открыты и действуют многие храмы Божии, и верующие знакомые есть у каждого человека. Отечественная история и культура на каждой своей страничке вспоминают о Боге и о Церкви. Но не слышит человек, не отзывается, не открывает своего сердца! И тогда Господь, не желая погибели человека, дает ему горькое лекарство от глухоты сердечной, от забывчивости — попускает временное несчастье, останавливает на время привычное налаженное течение жизни. И самое действенное для родителей лечение — болезнь ребенка. При этом болезнь может быть и телесной и нравственной. Но не спешите горевать над сокрушенным родительским сердцем. Нередко с горя начинается восхождение человека, а то и всей семьи. В горе мы поднимаем глаза к небу.

На памяти у меня много интересных судеб, где церковная жизнь начиналась с молитвы за трудное дитя.

Вспоминается одна мама. Поздний, долгожданный ребенок, слабый здоровьем, с неустойчивой, подвижной психикой. Первый год жизни младенца

был сплошным кошмаром для родителей. Папа и мама спали по очереди по часу, по два, весь день не спуская ребенка с рук. Чем старше становился мальчик, тем большая тревога одолевала родительское сердце. Сын рос капризным, непослушным, склонным к каким-то диким шалостям. Удивительно, но при внешней схожести он, казалось, ни одной чертой своего характера не походил на родителей, словно был из другой семьи. Мать стала молиться, ходить в церковь. Ребенка крестили. Мать брала сына на службу, он причащался. Через какое-то время выходки мальчика все реже огорчали близких. А когда у него родились брат и сестра, то в этом маленьком «варваре» открылся кладезь нежности!

Пожалуй, не скажешь, что мальчик стал во всем примерным ребенком, отличником в школе, что его поведение не беспокоит родителей. Нет, как и всякая мама, его мать не знает покоя. Она ругает его за лень, помогает исправлять отметки, расстраивается, если он не идет с ней на церковную службу. Она молится о нем, она плачет, она тревожится за его судьбу. Но она видит, что он изменился, он не такой, каким был и каким мог бы стать, не приведи она его в Церковь. И она сама не такая, и муж, и малыши... Она знает это и счастлива, что все так случилось. Иногда она вспоминает: «Он был таким неуправляемым в детстве. До семи лет я водила его на шарфике, как собачонку». И потом, вздохнув, добавит: «Зато он привел меня в Церковь».

Заболевшее или «зачудившее» дитя словно говорит своим родителям: «Посмотрите, все ли у вас в порядке. Может быть, ваша родительская молитва так тиха и невнятна, что Господь не слышит ее?»

Когда одной девочке врачи поставили страшный диагноз, мама ее каждый вечер шла в храм и

молилась. Она рассказывала: «Каждое утро везу в лабораторию анализы, оттуда на работу, потом за ответом и в храм. И так месяц за месяцем. Я тогда на Иерусалимском подворье все полы слезами вымыла — молилась о Катюше. Через какое-то время врачи стали сомневаться в правильности диагноза, провели еще несколько обследований и сняли его совсем».

Как может родитель повлиять на судьбу ребенка? Прежде всего занявшись своей судьбой. Кто я такой, чтобы Господь слышал меня? В Евангелии говорится: «...мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9, 31). Благочестие родителей обязательно отразится на жизни их чад. Если в вашем доме беда, если дитя огорчает вас, вспомните: давно ли вы исповедовались и причащались, нет ли на совести у вас каких-либо забытых грехов. Поспешите в храм на исповедь, подготовьтесь и причаститесь. Состояние вашей души очень важно для детей.

И молитесь. Молитесь за своих детей. Молитесь, никогда не отчаиваясь, за самых непутевых, за самых грешных деток, за верующих и неверующих, за церковных и нецерковных. Молитесь.

Закончить эту главу мне хотелось бы стихотворением нашего современника Леонида Васильевича Сидорова о молитве старушки матери:

Люблю подслушивать их моления.
Не по требникам и молебникам,
А по сердцу они лишь читаются.
Примерно так они изливаются:

«Уж кончаю жизнь эту бренную.
Услышь, Владычица, рабу смиренную!
Не за себя молю мою Заступницу
За сына пьяницу, за дочь распутницу.

Мои же все уже иссякли силушки,
Одной лишь жду себе сырой могилушки,
Спаси, помилуй их, погибающих,
Про Царство Божие позабывающих!

О них здесь молится родная матушка.
Спаси, помилуй их, Спаситель Батюшка!

Никола милостив, ты будь хранителем,
Защитой верною, путеводителем,
Прости за все, за все моей беспутнице...»
И вновь, со вздохами, опять к Заступнице:

«Скорбящих Радосте, услыши в старости
О детках гибнущих Тебя просящую!..»
А дальше слов уж нет, они теряются
И слезы жаркие лишь проливаются...

«Скажи мне, кто твой друг»

Родители отвечают за свое дитя перед Богом. И родительская обязанность — охранять ребенка от злых соблазнов. Поэтому все родители хотят, чтобы их дети дружили только с хорошими девочками и мальчиками. «С кем поведешься, от того и наберешься», — учат они своих деток, побуждая их внимательно относиться к выбору приятелей. Раннее детство послушливо, оно легко следует родительским словам. Да и то сказать, куда ему и деться-то! Но подрастет дитя и все больше у него свободы не только в движениях, но и в симпатиях, и во мнении. И тогда родителям приходится объяснять своему сыну или дочери, почему им не следует проводить время в той или иной компании. И здесь для восприятия родительского слова очень важным является навык исповеди. Церковный ребенок отличается самоконтролем. Он привык испытывать свою

совесть: «Хорошо это или плохо? Грех или нет?» Верующий человек относится ко всему сознательно. Для него невозможно бездумное отношение к жизни. Православный ребенок умеет и готов обсуждать и осуждать свои поступки, и задача родителя лишь чуть показать, обнаружить ошибки, не всегда видимые ребенком, предупредить об опасности духовной болезни.

Родителю нужно чаще говорить с ребенком, интересоваться всем, что происходит в его жизни. И, конечно, его знакомствами и занятиями вне дома. Не осуждать его приятелей, но обсуждать поступки.

«Пошли с ребятами на пустырь, разожгли костер, напекли ворованной картошки, рассказывали грубые анекдоты что доброго ты приобрел на этом „пикнике"? А сколько потерял? Любое свое занятие человек освящает молитвой. А ты молился перед тем, как полакомиться ворованной картошкой? Где, ты думаешь, был твой Ангел хранитель, когда ты слушал грязные истории? Он отошел от тебя и плакал. Его отогнали грубые слова и смех», — объясняет мама сыну неприглядную сторону его прогулки.

Или пытается открыть дочери глаза на ее поступок: «Мальчишки закидали снегом? Столкнули с горки? Да ведь вы сами хотели внимания. Громко смеялись, кривлялись перед ними, чтобы вызвать их интерес. Вот и „заинтересовали". Ну и что ж, что нога теперь болит, это она твою совесть будит. Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес ходила. Так-то. Не кокетничай. А синяки тебе для памяти, чтобы подумала, о чем сказать на исповеди».

Церковный подросток может критически отнестись к замечанию родителей, но авторитет Церкви для него безусловен. Обращая внимание сына или

дочери на греховную сторону поступка, родитель, как правило, говорит не свое мнение, но мнение Церкви. И ребенок это чувствует и доверяет ему. Но для этого родителям нужно быть религиозно грамотными, знать Священное Писание, объяснения святых отцов. Суждение, предлагаемое ребенку, не может быть суждением одного лишь своего суетного ума, но должно отражать взгляды Церкви. Если отец или мать не слишком сведущи в каких-то вопросах, то они могут и должны обращаться за разрешением их к духовнику или авторитетным людям Церкви.

Случается, что подросток и сам видит негативные стороны жизни какой-нибудь компании, но тем не менее не покидает ее. Ведь не всегда нам хочется совершать только правильные поступки. Вспоминается поговорка, сложившаяся еще до крещения мордвы: «С боярами знаться — честно, с попами — свято, а с мордвой, хоть грех, зато лучше всех». А тут еще юношеское любопытство да самомнение. Кажется, что можно как-то воздействовать на приятелей, отвлечь от дурных привычек. Как это ни печально, но такой подвиг мало кому по плечу. Святитель Григорий Богослов говорит: «Легче заимствовать порок, нежели передать добродетель, так как скорее заразишься болезнью, нежели сообщишь другому свое здоровье». Трудно остаться неповрежденным в безнравственном обществе. «Такова уж немощь человеческая, что добрый человек, вступив в общество злых, становится сам злым, между тем, как эти редко делаются добрыми» (святитель Иоанн Златоуст). Апостол Павел писал: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33).

Бесцельные хождения по улицам — не лучшее провождение времени. Именно в это время, вдалеке от родительских глаз и завязываются неблагополуч-

ные знакомства, совершаются необдуманные поступки. Прежде были такие понятия: уличные мальчишки, дети улиц, беспризорники. Так называли детей, которые проводили все свое свободное время на улице без присмотра. Обычно родители предостерегали своих детей от сближения с вольным племенем Гаврошей и Геккельбери Финнов. Конечно, и из уличных мальчишек и девчонок со временем вырастали обычные и приличные взрослые люди, но именно эта среда давала и дает большинство изломанных судеб и человеческих трагедий.

Не все родители имеют возможность целыми днями не спускать глаз со своего чада. Время наше трудное, часто и папе и маме приходится трудиться с утра и до ночи, чтобы обеспечить жизнь семьи. Увеличилось и число неполных семей, там уж и говорить нечего — мамы трудятся не покладая рук. Кажется, какой уж тут присмотр! Но присматривать — не значит не спускать глаз. Присматривать можно по-разному. Часто именно в трудовых семьях растут более «правильные» дети.

Многодетная семья. Пятеро детей. Теперь они уже взрослые. «На улицу гулять? Нет, не гуляли. Только когда пошлют куда-нибудь. По дому много работы было. Маму очень жалели, старались помочь. Мама была строгая, но мы эту строгость не замечали. Она не запрещала ничего, но как-то у нее все выходило по-своему. Спросишь ее: „Можно, я пойду погуляю?“ — „Можно, дочка. Только ты сначала уроки сделай, а потом молоко отнеси“. Я уроки сделаю. Жду пока скотину пригонят. Мать подоит, я возьму молоко и иду на другой конец улицы в дом, куда мы молоко носили. Обратно иду медленно, по сторонам гляжу, остановлюсь на минутку. Приду домой, а мама мне говорит: „Вот и хорошо, доченька.

Вот ты и прогулялась, свежим воздухом подышала. Уж и вечер наступил, пора ужин готовить. Помоги мне". А без толку мы на улице не гуляли».

Как-то вечером, ожидая застрявший на верхних этажах лифт, оказался я невольным слушателем чужого разговора. Соседка, давно разведенная мама, говорила с сыном-пятиклассником, видимо, она только что вернулась с работы. «Творог купил?» — спросила она полузакрыв глаза. «Купил», — ответил отрок и далее последовал доклад о поглаженной рубашке, сваренной и поставленной в подушки каше, о каких-то условленных с мамой домашних работах и подробное описание выполненного школьного задания. Мама все выслушала и тут же, не теряя времени, определила урок на следующий день. За недолгим диалогом осветилась картина жизни маленькой семьи. Увиделись отношения между матерью и сыном, их взаимная забота, постоянная память друг о друге.

Когда ребенок с раннего детства приучен трудиться, имеет свои обязанности, личную нагрузку, возрастающую год от года, то у него не так много бывает свободного времени для пустых гулянок. И труд делается его воспитателем.

«А как же детские игры, пребывание на свежем воздухе? — спросит кто-то. — Неужели запереть дитя в четырех стенах, лишить радости дружеского общения?» Ни в коем случае. Дитя должно и дышать, и играть, и дружить. Но...

Игры и гуляния должны быть строго регламентированы во времени и в пространстве. Чем дольше ребенок находится вне дома, тем менее он ощущает на себе его влияние. Чем дальше он от дома, от своего двора, от родных окон, тем более свободным (не в лучшем смысле этого слова) он себя чувствует. Это

необходимо учитывать. Родители всегда должны быть готовы ответить на вопросы: «Где ваш ребенок? Когда он придет?» А ребенок всегда должен чувствовать и помнить границы. Временные и территориальные. Разумеется, с возрастом и время, проведенное вне дома, и дистанция до родного подъезда увеличиваются. Но границы эти расстояния все же имеют.

Что же касается общества, то родителям обязательно следует знать с кем проводит время их сын или дочь. «Как зовут твоего приятеля? Сколько ему лет? Как он учится? Кто у него родители? Есть ли у него брат или сестра? С кем он дружит? Что читает? Кем он хочет стать?» — не стесняйтесь и не забывайте задавать эти вопросы своим детям. И делайте выводы. Надобно и познакомиться с друзьями своих детей. Такое знакомство может оказаться полезным и вам, и вашему ребенку, и его другу.

И еще. Бывает, что рядом с нашим ребенком оказывается явно порочный человек, а мы из какой-то ложной деликатности боимся проявить решительность, оградить свое дитя от контактов с ним. Вроде не хотим осуждать человека, ведь и наше чадо не безупречно, что уж других судить. Нам неудобно показать кому-то, что мы гнушаемся его обществом, сторонимся. Мы боимся обидеть. Но ведь гнушаемся мы не Мишей-сквернословом, не Валей-распутницей, а грехом. Оберегаем дитя от греха. Это ведь наша обязанность.

В жизни случаются такие ситуации, которые невозможно разрешить абсолютно «безгрешно». Так, например, защищая слабого, можно ударить обидчика. Можно сильно ударить, и не один раз, если это необходимо. Иногда мы совершаем малый грех, дабы не совершить больший. Так что, если мы невольно и

обидим кого-то тем, что удалим своего сына от его общества, сделать это тем не менее нужно. Пока дитя еще в вашей власти, всеми силами удерживайте его от опасных контактов. Объясняйте, предлагайте альтернативу, требуйте послушания, изобретайте всякие способы... «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного», — говорит Апостол (1 Тим. 5, 8).

Отношение к святыне

В воспитании очень большое значение имеет ежедневное соприкосновение со святыней. Нательный крестик, иконы, святая вода, просфора, домашнее Евангелие — все это оказывает заметное влияние на любого человека, а тем более на детей.

Младенец, даже самый маленький, ни на минуту не может оставаться без крестика. Врачебный осмотр, купание, детский сад, урок физкультуры — не причина для того, чтобы снять с ребенка крест. В житии святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских рассказывается о таком случае. Невестка князя Петра, жена его брата, расчесывала волосы и нательный крестик запутался в них. Она сняла его и тут же попала под власть беса. Бес долго мучил ее, пока деверь с помощью Божией не освободил несчастную женщину.

В местности, где я служу, помнят и почитают матушку Евфросинию из Песьян. Похоронена монахиня Евфросиния на нашем церковном кладбище, рядом с папертью. Знают и помнят ее очень многие наши прихожане, приезжают помолиться к ней на могилку и издалека.

Несколько лет назад начали мы собирать и записывать воспоминания о матушке Евфросинии, та-

ких историй собралось у нас на целую книгу, ведь когда-то за помощью и за советом в Песьяне ездили со всего Подмосковья.

Вспоминает Таисия Федоровна Я.

«В 1965 году заболела у меня дочка Юлия. Было ей пять лет. Тает и тает на глазах. Возраст самый резвый, самый радостный, а она: „Мама, я полежу. Мама, я лягу". Ходила я с ней в больницу. Всю ее обследовали, все анализы провели. Не поймут, что с ней. Ни здоровая, ни больная.

Посоветовали мне съездить к матушке Евфросинии. Поехала я с дочкой в Песьяне. Зашли мы к матушке в дом, а она глянула на меня, на дочку и говорит, резко так говорит: „Сняли кресты-то!" Мы ведь тогда опасались с крестами ходить. А девочка у меня к тому же в садик ходила. И я боялась, что крест на ней кто-нибудь увидит. Матушка нам и говорит: „Наденьте кресты. Закажи в церкви молебен. Никакая она у тебя не больная. Поправится".

Я крест на себя и на дочку надела. Молебен в церкви отслужили, и пошла моя девочка на поправку».

В доме у православного человека обязательно находятся святые иконы. В церковной семье даже младенцы чувствуют, что икона — это не просто картинка или деталь обстановки, как часы или ваза на серванте. Благоговейное отношение родителей к святому образу передается и ребенку. Входя в разум, дитя уже «понимает» икону. Она соединяет для него два мира: он смотрит на Боженьку и Боженька смотрит на него, он видит Николая Угодника и Святитель Николай видит малютку. Да и все святые и Богородица видят его из иконы. Всё видят. И хорошее и плохое. И поэтому стыдно и страшно делать плохое. Особенно рядом с иконой.

Ребенку нужно обязательно рассказывать, кто изображен на иконе, что там нарисовано, что происходит. Рассказывать о жизни святых. Пусть дитя видит, как папа и мама молятся, «разговаривают» со святыми угодниками, пусть учится обращаться к святым со своими просьбами.

Помню, как маленькую Настю попросили помолиться святым врачам бессребреникам Косме и Дамиану о здоровье знакомой девочки. С того дня стоило ей услышать о том, что кто-то заболел, как она тут же просила знакомых угодников Божиих помочь больному. На следующий день Настя обязательно интересовалась: не поправился ли больной, и если улучшения не наступало, то продолжала просить святых Косму и Дамиана о помощи.

В храмах в то время можно было купить иконы Спасителя, Божией Матери, Святителя Николая, может быть, еще Преподобного Сергия Радонежского и великомученика Пантелеимона. И, пожалуй, все. Но Насте повезло. Ей передали подарок из православного монастыря близ Иерусалима, и это была иконка святых Космы и Дамиана. Мы устроили эту икону на стене пониже других икон, чтобы Насте были видны любимые ею угодники и чтобы она могла приложиться к образу сама, в любое время.

Однажды во время ужина позвонил мне кум и сказал, что Данилка, мой крестник, заболел. Эту печальную новость я сообщил жене. Настя, не мешкая, соскользнула со стула и бросилась к двери. «Косьма и Демьян! Косьма и Демьян! Помогите Данилке!» — кричала она на бегу, словно хотела, чтобы ее было слышно в комнате, где находилась икона. Она добежала до места, встала перед образом и перевела дух. «Святые Косьма и Демьян, помогите Данилке от

температуры», — произнесла она тихо, почти шепотом. Здесь, она знала, святые слышат ее.

Особенное отношение воспитывается у ребенка к святому Евангелию, к книгам о Спасителе, о Его Пречистой Матери, о святых угодниках и прочим духовным книгам. Семейное Евангелие должно иметь в доме свое особенное место. Духовной литературе определяется своя полка или шкаф. Детские книги религиозного содержания тоже не могут стоять вперемежку со сказками и стишками.

После утренних молитв мы достаем заранее разрезанную просфору и все домашние съедают по частичке, запивая ее крещенской водой. Не забывайте дать ложечку святой воды и крошку просфорки и вашему младенцу. С какого возраста? Для воды вообще не существует возраста, ее можно пить сразу же после крещения, а с размоченной крошкой просфоры младенец справится даже в два месяца.

Просфору и святую воду мы потребляем натощак, но для младенчика это правило соблюдается не так строго. Хотя лучше давать просфору и воду до кормления.

Святая просфора и крещенская вода — наше ежедневное малое причастие. Эта святыня укрепляет наши телесные силы, просветляет разум, укрепляет волю к добрым делам, защищает от дурных помыслов. Как отец, могу заметить, что для детей святая вода и просфора необходимы. Если родители, а это забота скорее матери, приучат своих деток после утренней молитвы непременно съедать частичку святого хлеба и запивать ее крещенской водой, то детки станут расти более крепкими, умными, послушными. В них будет меньше капризов и недовольства.

Перед соприкосновением со святыней мы совершаем крестное знамение. В просфоре и святой воде

перед нами Сам Господь. Не забудьте напомнить это своим детям. Просфору не съедают между прочим, как и крещенскую воду не пьют на ходу, словно чашку чая, торопясь в школу. Святыню должно принимать достойно. Благоговейно.

Вот, кажется, простая привычная вещь — просфорка после молитвы. Однако она многое, многое может сделать для нас, и даже незаметно изменить нашу жизнь. Вспоминается мне одна беседа.

Было это давно. Случилось мне провести несколько летних дней в подмосковной деревне у своей бабушки. На один из них пришелся церковный праздник, сейчас уже и не вспомню, какой именно. Приходской наш храм находится в нескольких километрах от деревни, в селе Лузгарино. Туда мы и поспешили на службу летним утром.

В то время жил там на покое замечательный старец — игумен Серафим. Позже, в схиме он получил имя Симеон. Схиигумена Симеона знали и почитали не только в окрестностях села, приезжал к нему православный люд отовсюду. Из Москвы, Санкт-Петербурга, из других городов ехали за советом, для умной беседы.

После литургии мне посчастливилось недолго поговорить с отцом Серафимом. Кто когда-либо встречался с этим незаурядным человеком, навсегда запомнил, как располагала, влекла к себе его светлая личность. На церковном дворе к отцу Серафиму беспрерывно подходили за благословением, с вопросами. Разговор наш ежеминутно прерывался, к тому же было заметно, что батюшка куда-то торопится и я напросился к нему в гости на вечер.

Наша вечерняя беседа длилась долго. Игумен Серафим рассказывал случаи из своей жизни, и, удивительно, в его рассказах я услышал немало ответов

на свои невысказанные вопросы. Батюшка словно знал, «видел» меня, понимал все мои сомнения.

Чудесный это был вечер. Хозяин вышел проводить меня до калитки. На зеленом лужке перед палисадником ожидали моего возвращения жена с ребятишками и двоюродная сестра. Я подозвал их, чтобы и они могли получить благословение и напутствие старца. Прощаясь, я спросил у отца Серафима совета: на что, по его мнению, нам следует обратить внимание, что наиболее важно в нашей духовной жизни. Батюшка уже устал, выглядел утомленным, но тут он оживился. «Когда вы в воскресенье будете приходить из храма, — начал он свое поучение, — то воскресную просфору разрежьте на малые кусочки и положите в какое-либо место. Каждое утро после молитвы берите все по частице просфоры и съедайте ее, запивая крещенской водой». Старец посмотрел на малыша, сидевшего у матери на руках и добавил: «Можно частичку опустить в святую воду и размочить ее, чтобы не было жестко. Так нужно делать каждый день, во всю жизнь не оставлять этого правила. Нам обязательно надлежит бывать в храме, молиться, исповедоваться и причащаться. Но про водичку крещенскую и просфорку тоже никогда не забывайте. Это великая святыня. От нее вы будете потихоньку, незаметно для себя изменяться, и все у вас будет правильно, все хорошо». Отец Серафим говорил горячо, даже дал рекомендации, как именно хранить разрезанную просфору, чтобы она не заплесневела.

Тогда я внутренне несколько растерялся, услышав такой «простой», обыкновенный совет. Видимо, ждал от старца более «духовного» напутствия. Мне показалось странным, что, узнав меня за вечер достаточно хорошо, игумен посоветовал мне то, что я

очень хорошо и давно знаю и выполняю. «Наверное, я так утомил отца Серафима, что он сказал мне первое, что пришло ему в голову», — подумал я. Удивляло только то, с каким чувством он говорил, как искренне заботился объяснить нам значение этого ежедневного привычного действия.

Прошли годы. И случилось однажды, что там, где я жил, не было в доме просфоры и святой воды. Период этот длился недолго, может, десять или двенадцать дней. Жаль было, конечно, что так вышло, но делать было нечего, дня через два я уже особенно и не вспоминал об этом. И только вернувшись в привычную обстановку и в первое же утро потребив после молитвенного правила частицу просфоры и крещенскую воду, я понял, как трудно, как серо, как пусто нам без этой святыни. Понял и вспомнил старца Серафима.

Не только на себе, но теперь уже и на детях могу я видеть благотворное воздействие святыни. Случается, что по недосмотру матери или из торопливости кто-то из детишек позабудет на какое-то время о просфоре и святой воде и начинают происходить с ним какие-то странности. То отметку плохую получит, то на сестру или брата накричит, проявится в нем какое-то тупое упрямство. Но стоит вернуться к благодетельной привычке — и все налаживается, утихают капризы, переламывается болезнь, появляется усидчивость.

Наверное, большинство наших грехов происходит от безволия. «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19), — говорит о себе апостол Павел. Надо заметить, что безволие — характер нашего времени. Особенно оно привычно для современного подростка. Причин тому много и не все их мы в силах устранить. И потому, дорогие

родители, если вы хотите укрепить волю ваших деток, чтобы они могли противостоять внешнему злу, не поддаваться греховным соблазнам, победить свои внутренние нравственные недуги (а они есть у всех), то не забывайте, никогда не забывайте о ежедневной частице просфоры и крещенской воде. И этой частичкой святого хлеба и глотком воды Господь также просветит и укрепит ваших детей. Аминь.

Любящее сердце

Наверное, нет среди русских людей ни одного читателя, который не знал бы замечательной сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек». Удивительно легко вошла она в русскую литературу и в народную память. Аленький цветочек... Символ любящего жертвенного сердца, он прижился в нашем сознании, словно был там всегда, от рождения.

Родительская любовь всегда жертвенна. Должна быть такой. Это любовь, о которой Спаситель сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Но родительская любовь не должна быть любовью без памяти. Без памяти о Боге. Здоровье, образование, нравственное воспитание, достаток — все это добрые спутники на жизненном пути, и родители не зря отдают так много сил и средств для того, чтобы дитя имело их. Но здоровье может утратится от случайности или недуга; образование — остаться невостребованным для жизни; да и нравственность часто претерпевает изменения в нашем обществе с условной моралью. О имуществе, что и говорить, дело известное — сегодня есть, а завтра нет.

Потери и страдания ждут на жизненном пути каждого человека. Но живущий в Боге не страдает бес-

плодно, его страдания не бессмысленны. Он знает, что от «скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» (Рим. 5, 3–5), не обманывает. Верующий человек может сказать про себя словами апостола Павла: «Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа...» (2 Кор. 12, 10). Верующий в Бога действительно не боится жизни, он всегда благодушествует. Теряя, он не впадает в уныние, приобретая — не привязывается сердцем. «Ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15). Православного человека отличает удивительная внутренняя свобода, позволяющая ему жить **полной** жизнью, а не выживать. Господь каждому человеку вложил в душу дар любви, веры, милосердия, стремления к познанию, сострадания, благодарности... Верующий в Бога не прячет свои таланты, боясь оскудения, но напротив, он ищет, как развить и приумножить их. Апостол говорит: «Они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью» (2 Кор. 8, 2). Церковная жизнь, жизнь с Богом для нас — постоянный источник радости.

Воспитать ребенка в православной вере и трудно, и очень просто. Как истинное сокровище — вера бесценна, но это не сокровище внешнего мира, которое можно добыть, купить, заработать, надеть на себя или положить на полку. «Царство Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21), — сказал Спаситель. И если есть это сокровище веры и любви к Богу в родительском сердце, то дитя непременно увидит и пожелает его. А если нет...

Для того чтобы воцерковить ребенка, подарить ему счастье жизни в Церкви, родителям нужно самим жить жизнью Церкви, самим знать и исполнять

то, к чему призывают своих детей. Невозможно научить ребенка любить Бога, если сам не любишь Его «всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37). Не научишь сына молиться, если сам молишься с ленью, бесчувственно. Не полюбит дитя Божественную литургию, если ты стоишь на службе с холодным сердцем. Не поверит наше чадо Евангелию, если мы не исполняем заповедей Господних. Верующий родитель — апостол для ребенка. А апостолы привлекали людей не доказательствами, а своей искренней верой. Верой, которая живет не страхом или надеждой, но живет любовью.

Любовью дух кипит к Тебе, Спаситель мой.
Не радостных небес желаньем увлеченный,
Не ада мрачного огнями устрашенный
И не за бездны благ, мне данные Тобой!

И жар таинственный мне в сердце проникает;
Без Рая светлого пленил бы Ты меня,
Ты б страхом был моим без вечного огня!
Подобную любовь какая цель рождает?

Душа в любви к Тебе надежд святых полна;
Но так же и без них любила бы она.

И. Козлов

Но бывает, что человек чувствует в себе потребность бывать в храме. Там ведь действительно хорошо, и душа ощущает это. И так проходят годы, и есть уже привычка ходить в церковь, а осознать свое чувство, осмыслить цель человеку лень. Хорошо мне в храме и все! Это не есть духовная жизнь, и она не станет примером веры для ближнего.

Священник Александр Ельчанинов писал: «Для воспитания детей — самое важное, чтобы они ви-

дели своих родителей, живущими большой внутренней жизнью». Ребенок не обязательно осознает и обдумывает происходящее перед ним. Но он ежедневно назидается, соприкасаясь с искренней верой. Для воцерковления детей нужны не рассуждения и правила, а практика церковной жизни, совершающаяся у них на глазах.

И это, пожалуй, самое большее, что могут сделать родители для воспитания православного сознания в своих детях.

РАЗВОД

Развод сегодня стал вполне привычным разрешением неудачно сложившейся семейной жизни. Привычным настолько, что не только неверующие, но и православные супруги стали соблазняться возможностью «исправить ошибку», «начать новую жизнь» и т. п. Желая как-нибудь «позаконнее», с точки зрения православия, удовлетворить своему намерению, они нередко обращаются к священникам с просьбой рассказать о разводе.

Прежде всего, обратимся к Евангелию. «И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 3–6).

Тысячу лет назад, просветившаяся светом христианства языческая Русь с ее многоженством, покупными и пленными наложницами и многими противонравственными обычаями приняла не только духовный Закон Божий, но на основе его изменила и свои государственные законы. Еще святой Владимир пытался усвоить Руси новое брачное законодательство. В Уставе князя Ярослава читаем,

что разлучение жены и мужа возможно только в случае вины государственной измены, злоумышления (покушения) на жизнь мужа, измены мужу, отлучки жены на длительный срок без разрешения мужа, злоумышления (кражи) на имущество мужа или Церкви. И все!

Не дозволялось ни мужу, ни жене покидать больного супруга. «За слепоту или лихой недуг или долгую болезнь нельзя разлучать, то же и жене мужа». Пресекалась Уставом и привычная в язычестве замена жены. В случае, если муж оставлял жену и брал себе другую, то независимо от того, сколько времени длился новый брак и родились ли в нем дети, новый союз обязательно расторгался и первая жена вновь утверждалась в своих правах. От мужа требовалось «первую жену держати по закону, а будет лих до нея того достоит казнити». Позже появилось одно дополнение. Брак мог быть расторгнут, если один из супругов желал принять монашество, а другой не препятствовал этому.

Такой взгляд на развод в русском обществе не изменялся почти до самой революции 1917 года. К этому времени брачное законодательство относительно расторжения брака состояло всего из нескольких статей устава Духовных Консисторий. Брак мог быть расторгнут в случае, если один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния. В случае безвестного отсутствия одного из супругов в течение пяти лет или по оскорблению чистоты брака прелюбодеянием. При этом виновная сторона лишалась права вступать в новый брак. Брак мог быть расторгнут и по неспособности одного из супругов к брачному сожитию. Но в этом случае он расторгался не ранее чем через три года после обращения, при этом

должна быть доказана добрачная физическая неспособность супруга. Последние две причины требовали свидетельств и доказательств, получить которые было весьма непросто. Поэтому и развод по ним был затруднителен.

Революционный переворот 1917 года опрокинул не только государственные, но и нравственные устои. Новое законодательство позволяло оформить развод сразу же и по просьбе всего лишь одной стороны. Нередко случалось, что другой супруг даже не знал, что брак расторгнут. Такое разрушение семьи было необходимо известным силам для разрушения нашего государства. Кстати, то же самое пережил и французский народ во время французской революции. Но, вернувшись в Россию, заметим, что, когда на развалинах империи Советы начали строить свой «новый мир», престиж семьи вновь пришлось укреплять, и развод стал в глазах общества крайней и нежелательной мерой. Семьи сохранялись с помощью парткомов, профкомов и домкомов. Еще бы! Государство начинается с семьи, и состоит из семей, и построить его, минуя эту основную ячейку общества, невозможно. Это к тому, что говорить сегодня, что семья уже отживает свое и отмирает, значит настраивать себя и общество на скорый конец нашей цивилизации.

Последнюю русскую революцию восьмидесятых годов тоже сопровождают разрушение нравственных принципов, культивирование чувственности, попытки узаконить, хотя бы в общественном сознании, проституцию, гомосексуализм, порнографию. Соответственно растет и число распадающихся семей.

А Православная Церковь и сегодня повторяет слова Апостола: «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем...

и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор. 7, 10–11). И Христос Спаситель все Тот же. И ныне, и присно, и во веки веков. И слова Его те же: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6). Но жизненна ли такая позиция в наше время? Около двух тысяч лет назад, когда были произнесены эти слова, они смутили даже близких учеников Иисуса. «Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19, 10). В таком противоречии были слова Спасителя с тем миром, в котором они прозвучали.

Рим, владевший тогда почти всей Европой и Ближним Востоком, подчинил себе и Иудейское царство. В отношении брака римские языческие законы мало чем отличались от иудейских. Римское общество, хотя и придерживалось узаконенной моногамии, но лишь внешне. Наложницы-рабыни были в обычае во многих семейных домах. Привычными для семейного человека были и кратковременные любовные связи со свободными женщинами. Развод, как и заключение нового брачного союза, был незатруднителен. Чувственность не ограничивали ни законы, ни общественное мнение. Содомия и кровосмесительные союзы были обыкновенны. Трагедия Эдипа, перенесенная на римскую почву, воспринималась, как фарс. Нерон имел любовников. Цицерон подшучивал над Катуллом, «путаясь» в родственных связях его возлюбленной, то ли сестры, то ли жены своего брата. Таков был «истлевающий в обольстительных похотях» (Еф. 4, 22) Рим I века — самое культурное общество языческого мира.

Но и мир иудейский, мир избранного народа, уже давно жил не Божьим законом, не благодатными пророчествами, а Талмудом, толкованиями и обычаями, часто приспосабливающимися к ситуа-

ции. И хотя здесь нравы были более сдержанными, но и здесь сластолюбец всегда мог удовлетворить свое желание и привести в дом новую жену. По Моисееву законодательству, «не нашедшую благоволения» (Втор. 24, 1) в глазах мужа жену можно было отпустить, дав ей разводное письмо. Такой закон был дан Моисеем, знавшим жестокосердие своих соплеменников, дабы оградить несчастную женщину от произвола мужа, может быть от смерти, защитить от ревнивой ненависти соперницы. Этой свободой развода пользовались часто.

И вдруг среди «умножившегося греха» (Рим. 5, 20) слова Спасителя: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6), «Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует» (Мф. 19, 9). И слова эти не канули в пустоту. Уже через несколько лет апостол Павел напоминает: «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор. 7, 10–11). В словах Апостола не просьба или объяснение идеала, но властное повеление, констатация долга: «Не я повелеваю, а Господь... не должен..., не должна...».

Причин, по которым супруги решаются на развод, кажется много, но все они сводятся к одной: непониманию сущности брака. Если видеть в браке лишь удобную форму получше, поприятнее, повеселее пожить, то причин для неудовлетворенности появится множество: «ушла любовь», «он (или она) не понимает меня», «оказалось, что мы разные люди», «полюбил (или полюбила) другую», «надоели скандалы», «он (или она) пьет», «не могу видеть тещу (или свекровь)», «не сошлись характерами». Это

языческое понимание брака, отказ от страданий, от утеснений. Но душа устает без креста, без страданий. Это не странно. Ведь «всякая душа по природе своей христианка» (Тертуллиан). Не случайно и обветшавший в утонченном разврате Рим, и детски-бесстыдная языческая Русь вместе с учением Христа легко приняли и давно забытое, но вложенное в каждого человека Творцом понятие целомудренного, чистого, спасительного служения друг другу в семейном союзе.

Сегодня мы обладаем драгоценным состоянием. Это тысяча лет христианства на Русской земле. Тысячу лет наши предки берегли святость брака, сию великую тайну соединения двух в единое. Девять веков расторжение брака в России почти не совершалось. В нашем национальном характере — семейное терпение, взаимное прощение и услужливость супругов. Такой характер сложился благодаря принятой в плоть и кровь евангельской проповеди.

Православными супругами брак и принимается, как удобное для спасения состояние. Они ищут в браке не только личных удовольствий, но и возможности деятельной любви и заботы о другом человеке. «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп. 2, 4), — наставляет апостол Павел. Заботу и любовь к ближнему, завещанную Спасителем, легче и естественнее проявить в семье к самому близкому человеку супругу, с которым вы — одна плоть. Естественно взять на себя труд терпеть его недостатки, грехи болезни. «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2), — говорит божественный Апостол и повторяет: «Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4, 32).

Супруги-христиане не только «одна плоть», они близки друг другу и по духу, «близки Кровию Христовою» (Еф. 2, 13), для таких супругов терпение друг друга — добродетель, и в кратковременных, как и всё в этой жизни, горестях они видят несение креста Христова, то есть путь к Жизни Вечной, а в своих страданиях смотрят «не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4, 18). Это вечное — будущая вечная жизнь, величайшая награда терпению. Впрочем, знакомство с вечной участью начинается здесь, на земле. Здесь мы делаем первые шаги как на пути к раю, так и на пути к аду. Супружеская верность и терпение обязательно получают воздаяние уже в этой жизни.

И все же... приходят за советом и благословением на расторжение брака. Приходят под влиянием временного настроения, приходят в отчаянии: «Не могу больше так жить». Такое отчаяние подобно отчаянию самоубийцы: «Не могу больше так жить». То есть жить могу, а «так» не могу. Вспомним, что самоубийц не отпевают в церкви, не поминают на церковной службе, в общей молитве. Потому, что это бесполезно. Их будущее — геенна огненная, рядом с Иудой. Не завидна и загробная участь разводящихся для того, чтобы вступить в новый брак, Спаситель недвусмысленно называет таковых прелюбодеями. Во времена Иисуса прелюбодеев наказывали, как и убийц, — забивали насмерть камнями. Сегодня мы говорим: прелюбодеяние — это смертный грех. Не в том, конечно, смысле, что за прелюбодеяние следует наказывать смертной казнью, а констатируя то, что прелюбодеяние приводит к омертвению души, и она становится невосприимчивой благодатной заботе Господа.

Смертный грех в первую очередь сказывается на детях. Господь предупреждает: «Дети прелюбодеев будут несовершенны, и семя беззаконного ложа исчезнет» (Прем. 3, 16). Посмотрите вокруг, как возрастает число несовершенных физически и нравственно детей, увеличивается родительское горе. К тому же эти дети, даже преступные дети, будут свидетелями против своих родителей на Страшном Суде. «Ибо дети, рождаемые от беззаконных сожитий, суть свидетели разврата против родителей при допросе их» (Прем. 4, 6).

Дети, пережившие развод родителей — истинные страдальцы неудавшейся семейной жизни. Если для взрослого человека, оставленного, брошенного супруга развод становится неизлечимой травмой, то что говорить о хрупкой детской психике? Дитя обречено на любовь. Даже к преступному родителю. Рассекая «единую плоть» брачного союза, родители должны осознавать, что рана проходит по телу и душе их детей. Дети развода действительно бывают несовершенны. Для полной реализации того, что было заложено в них природой, им не хватает ни физических, ни душевных сил. Треть, четверть или половину этих сил «съели» каннибалы родители. Именно слабость душевная и телесная — причина алкоголизма, наркомании, криминальной судьбы, а потому и недолгой жизни многих детей распавшихся браков.

Но и в личной жизни гнев Господень поражает страданиями тех, кто, желая лучшего, менее обременительного или более сладостного союза, расторгнул первый. Так когда-то Господь обрек на страдания целый народ, в чем и упрекает Пророк своих единоплеменников: «За то, что Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно, между тем как она

подруга твоя и законная жена твоя» (Мал. 2, 14). Не оставлена без скорбей и та, «которая оставила руководителя юности своей и забыла завет Бога своего» (Притч. 2, 17). Отвергая крест тяжелой семейной жизни, мы берем другой, по уверениям святых отцов, более тяжелый. Стоит ли?

Тараканы в квартире — большое неудобство, но не причина оставлять ее и переезжать. С тараканами нужно бороться, очищая свой дом и делая его пригодным для жилья. Так же и в семье, когда в ней есть проблемы. Все семейные неурядицы — не от внешних условий, не от характера супруга, а от наших же собственных грехов. От самолюбия, неумения терпеть чужие недостатки, отсутствия сострадания, своеволия, любоначалия, высокомерия. Вот эти-то свои грехи и нужно выживать из душевного дома, как тараканов. Тогда понемногу и улягутся волнения. И в своем сердце и в сердце супруга. Как жилище требует ежедневной уборки и заботы, так и семейная жизнь требует от нас ежедневного подвига.

«Претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13, 13), — обещает Спаситель. Надо терпеть, как терпим мы больное или беспокойное дитя, как терпим болезнь. Ведь терпим же мы какую-нибудь гноящуюся незаживающую язву. «А если невмоготу?» Что ж, пойди к хирургу, он отсечет тебе больную руку или ногу и живи так, без руки или ноги. По словам Апостола, «если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим» (1 Кор. 7, 11). Впрочем, спокойная, но одинокая жизнь, даже после самых жестоких семейных бурь, скоро наскучит. Ибо «не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф. 19, 11), — предупреждает таковых Спаситель. Поэтому лучше еще раз подумать.

Имея возможность наблюдать опыт многих семейных трагедий, скажу, что часто, насытившийся одиночеством или скоропалительным новым союзом бывший супруг или супруга больше вспоминают не ссоры, крик и злоречие, а «жену юности», милого и желанного мужа, их тревожит вместе пережитое, общие вещи. Чтобы утишить боль воспоминаний, им приходится вновь и вновь доказывать прошлую вину другого и свою правоту. Доказывать себе и близким; особенно хочется доказать тем, кто никогда не примет сердцем этих доказательств и не поймет их, — детям. И еще можно заметить, что созданные после развода семьи очень похожи на прежние. Как говорится: тем же манером, да на те же грабли. Даже внешность и характер новых избранников чаще всего напоминают бывших. Только приобретенный с годами опыт терпения и смирения в семье может переменить ситуацию, и домашние бури в семье стихнут.

ОДИНОЧЕСТВО

Апостол о сущности Божией говорит: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), и в каждом человеке, как существе, созданном по образу и подобию Божию, заложена возможность и необходимость любви. Невозможно счастье для человека без любви.

Младенец, не отводящий взгляда от лица матери; мать, жертвующая здоровьем, достоянием и самою жизнью для ребенка; супруги, бывшие когда-то далекими и любовью связанные в единую плоть; воин, отдающий жизнь «за друга своя» (Ин. 15, 13), люди, случайно соединенные несчастьем, делящиеся последними крохами друг с другом; сестра, едущая за тысячу верст навестить больного брата; сострадание к бедному, больному, несчастному... Жалок тот, кто видит во всем этом лишь инстинкт, обыкновенную норму, подчинение закону, привитую воспитанием мораль. Нет, все это — любовь, Божий закон, написанный в нашем сердце.

Тяжело человеку одному, когда нет объекта любви. Некого любить, невозможно пережить счастье согласия. Ведь Сам Господь пребывает в любви и согласии как Нераздельная Троица: Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух. В Книге Бытия читаем: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18). Таким образом, получила благословение первая семья, и человек смог переживать сча-

стье любви не только к Богу как существу высшему, но и к равноценной личности — другому человеку. И если такая общность, как семья, есть, по уверениям святых отцов, остаток рая на земле, то одиночество, по некоторым свидетельствам, — одна из адских мук. Так, мучимый в аду грешник, по воле Божией отвечавший земному человеку, говорил, что для них (находящихся в аду) величайшая отрада — увидеть лицо другого человека, стоящего рядом (Житие святого Макария Великого). Только увидеть!

Мучительно и здешнее земное одиночество. Поэтому одинокий человек, сирота, вдовица, странник, чужеземец, волей Божией занесенный в соседство к нам, всегда вызывали сочувствие и жалость, желание помочь. Быть может, сегодняшняя беседа, посвященная одиночеству, принесет кому-то облегчение или прояснит что-то в скорбной ситуации.

Множество людских судеб, с которыми сталкивается священник, позволяет сделать кое-какие наблюдения. Можно заметить, что не всегда причиной сердечной скорби одинокого человека является более тяжелое, чем у семейных, материальное положение или неустроенность быта, отсутствие защиты от недобрых людей и обстоятельств.

Часто одиночество переживается как невостребованность, невозможность приложить свои силы. «Не для кого стараться», — говорят иногда. Переживается одиночество как невозможность разделить с кем-то горе и радость. «Есть много славы-почестей, но с кем их разделить», — жалуется молодец в песне. Одиночество переживается и как невозможность единомыслия с кем-то, кто хотя и рядом, но не понимает нас, не единомыслен с нами. Татьяна Ларина «в семье своей родной казалась девочкой чужой». Разное бывает одиночество, но никто на земле не

избегнет пережить его хотя бы совсем мимолетно. Да было бы и жестоко лишить человека этой скорби-печали, за которой, как и за всеми скорбями нашими, — святая и благая воля Божия о нас.

Православный человек, оказываясь в какой-либо горестной ситуации, привык обращаться к себе с вопросом: «Чего ждет Господь от меня в этом искушении? Как мне достойно решить задачу, поставленную передо мной?»

Попробуем и мы задать себе этот вопрос. Сетуя на свое незваное одиночество, вспомним, что то же одиночество бывает и желанным. Монашество. Моно — значит один. Монах — одинокий. Собственно, монашество как образ жизни появилось давно. Желание постоянно быть с Богом, желание сосредоточенной, ничем не рассеиваемой молитвы — беседы с Господом, стремление посредством молитвы и размышления познать Его и освятить себя подвигало некоторых христиан обрекать себя на одинокую жизнь и даже искать уединения в удалении от общества еще на заре христианства.

Наверное, каждый замечал, как молитва ищет одиночества. Любой из нас желает хотя бы на некоторое время остаться один на один с Господом. Даже в семье, которую мы называем малой Церковью, совместная семейная молитва не исчерпывает нашего молитвенного стремления. Ведь, соединенные в одну плоть, мы все же остаемся отдельными духовными единицами, не теряем своих особенностей, личных качеств.

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф. 6, 6), — сказал Спаситель, и не единожды в день мы входим в комнату и затворяем дверь, если даже комната эта наше сердце. Не еди-

нужды в день наши глаза и уши, наши чувства закрыты для мира.

Сам Спаситель уединялся на сорок дней в пустыне для молитвы. Для молитвы уходил Он и на гору Фавор, взяв с Собой только троих учеников. В Гефсиманском саду Спаситель, отделив опять же только троих из двенадцати, удалился с ними, а потом покинул и этих троих. Он «отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился...» (Лк. 22, 41), — читаем в Евангелии. Любое действие, требующее участия всего человека, всего сердца его, всей души и всего разумения, требует и одиночества.

Постом мы очищаем себя, мы воздерживаемся не только от некоторой пищи, но ограничиваем себя и в общении. Нет шумных и веселых дружеских застолий. Меняется и сам характер бесед. Супруги воздерживаются от близких отношений. Не в почете долгие гостевания. Даже телевизор мы исключаем из нашего быта. И все это добровольное ограничение не тяготит верующих, ведь время поста — это время серьезной духовной работы.

Значит, для каждого человека одиночество бывает желанным или, по крайней мере, не тягостным. Если оно необходимо для спасения.

Но посмотрите, быть может, и наше вынужденное одиночество не чуждо Божией заботе о нас и дано нам для спасения и спасения любимых нами.

Вот пример. В начале прошлого века в Петербурге умер придворный певчий, полковник. Умер неожиданно, оставив молодую вдову Ксению. Можно сказать, что в этот день умерли два человека: муж и жена. Ксения совершенно изменила свою жизнь. Любовь к мужу она проявляла не в горестных воздыханиях и сетованиях, не в глубоком трауре, а в заботе о его загробной участи: в молитвах и щедрой

милостыне. Известно, что милостыня искупает многие грехи. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», — обещал Спаситель, и Ксения, вопреки неуместной заботе родных, раздала почти все, что имела. Сама же, отрекшись благ мира сего — общественного положения, имущества, крова, доброй одежды, внешнего ума и красоты, — украсила себя редким и трудным подвигом юродства. За свои добрые дела блаженная не хотела себе никакой награды. Она любила, чтобы ее называли именем ее покойного мужа, дабы благодарность людская прилагалась не к ней, а к нему.

Жизненная катастрофа не помрачила рассудок молодой женщины, а напротив, правильно приняв волю Божию, она просветилась светом Христовым. Святая блаженная Ксения Петербургская, моли Бога о нас.

Это один пример. А вот другой. В Московском Кремле взрывом бомбы был убит московский градоначальник Великий князь Сергей Александрович Романов. Его супруга, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, удивительно мужественно перенесла потерю горячо любимого мужа. И здесь любовь проявилась в заботе о душе погибшего: в молитве и щедрой милостыне. В горе Господь становится ближе, и, однажды ощутив эту близость, мы не хотим терять ее. Елизавета Феодоровна оставила многие попечения и заботы, связанные с придворной жизнью Великой княгини и сестры Государыни. Она основала Марфо-Мариинскую обитель и все свои силы отдавала служению ближним, подвизаясь в госпиталях, тюрьмах, утешая, вразумляя и молясь за скорбных и обремененных.

Такой она была до последних минут своей жизни. Во время мучительной казни, на которую ее обрекли безбожники большевики, она молилась, помогала

страдавшим вместе с ней. Один из казненных был впоследствии найден с искусно наложенной ее рукой перевязкой. Ее чудный голос, певший псалмы Давида, умолк лишь с последним дыханием.

Православная Церковь прославила преподобномученицу Великую княгиню Елизавету в лике святых. Было ли ее одиночество мучительным? Скорее всего, нет. Ушел муж, но ближе стал Господь. Многие сильные душевные переживания, свойственные человеку: горечь утраты, разлуки, одиночества даны нам не для того, чтобы угнетать наш дух, склонять к унынию. Это чувство, скорее, призыв к действию. Не следует нам пытаться избавиться от этих переживаний, отталкивать их, искать забвения.

Я помню, как-то мой знакомый неожиданно очень дешево купил мебель. Он объяснил необычайно низкую цену: «Одна женщина похоронила любимого мужа и теперь продает всю обстановку и его личные вещи, чтобы ничего не напоминало о нем и не расстраивало ее». Странная любовь. У православных есть милый обычай дарить на поминках вещи умершего близким на молитвенную память, как напоминание о заупокойной молитве — нашем долге перед умершим.

Однажды меня попросили отслужить панихиду на могиле. Просительница, ветхая уже старушка, ввела меня в оградку семейного захоронения, где находилось несколько могил. Некоторые из них имели на памятной дощечке по два и по три имени. «Кто же у тебя здесь похоронен?» — спросил я. — «Да все мои здесь. Отец, мать, муж. Это первый сын. Вот невестка, это дочь. Сын. Внуки... — перечисляла бабушка. — Всех похоронила, одна теперь». — «Сколько же тебе лет?» — «Да уж девяносто второй, — вздохнула она. — И чего живу?» Действительно, казалось, жить бы тем детям и внукам, а не этой уставшей от

лет женщине. Вспомнил я, что часто вижу ее в церкви на службе и не в первый раз иду с ней на могилки. Молится она, молится одна из всего рода. Значит, нужна им ее молитва. Сами-то они стали бы молиться о своих ушедших, да и о себе? Не знаю. А к ней, вдове-молитвеннице, вполне можно отнести слова Апостола: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах...» (1 Тим. 5, 5).

Одинокому человеку легче прилепиться к Церкви. Одинокий много может сделать ради Христа. Человек, не связанный семейными обязанностями или не имеющий в семье какого-то постоянного большого дела, иногда берется помогать в своем приходском храме и обретает в нем и дом, и семью, и спасение. «Бог одиноких вводит в дом» (Пс. 67, 7). В Божием доме можно найти множество дел, работ и забот. Мыть, учить, стирать, считать, рисовать, красить, готовить еду, читать, петь, шить, строить... Здесь любая работа соединена с мыслью о Боге, с молитвой. Всякое дело ради Христа растворяет горечь одиночества.

Уход за больными, милостыня, забота о храме, посещение одиноких и скорбных — все это приближает нас к Господу, значит и к радости. Как женщина-христианка, имеющая детей, спасается послушанием закону и чадородием (1 Тим. 2, 15), так не имеющая детей, одинокая женщина спасается послушанием — терпением воли Божией и добрыми делами. И часто «у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (Гал. 4, 27), если эти дети — добрые дела, дела спасения.

Подумаем, быть может, наше одиночество лишь зов к более активной любви к Богу и ближнему?

Мне хочется рассказать, как началось и как окончилось одиночество раба Божия Евгения Ш.

Семейная жизнь Евгения сложилась не совсем обычно. Его жену, гражданку другого государства, обязали выехать из нашей страны. Супруги имели двоих маленьких детей, которых мать вынуждена была взять с собой. Разлука могла продлиться неопределенно долго. Было это еще при советском режиме, и, по имевшемуся законодательству, муж не мог даже навестить свою жену. История печальная, и что же?..

Многие прихожане московских храмов и Троице-Сергиевой лавры помнят и молятся о рабе Божием Евгении. Его никогда не видели унывающим. Казалось, что он знал всю православную Москву, обо всех молился. Он был каким-то всеобщим крестным. Привел в Церковь и помог воцерковиться множеству людей. Его синодик (поминальный список) был необычайно длинным. Приходилось не раз слышать о чем-то долгом или длинном: «О, это длиной с Женин синодик». Имена, написанные в тетради, были для него живыми. Если, зная его как молитвенника, его просили помолиться о человеке, попавшем в беду или необычайные обстоятельства, то Евгений обязательно записывал имя в свою тетрадку, иногда поминал годами, не забывая тех жизненных обстоятельств, в связи с которыми ему назвали это имя. Часто спрашивал: «А как поживает такой-то, выздоровел? Что он поделывает сейчас?» Поистине, «у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа».

Почти не имеющего родственников в Москве, проводить его в последний путь пришли многие. Священник известного московского храма, где отпевали Евгения, сказал, что никогда не видел такой многолюдной заупокойной службы.

Правда, характеры бывают разные. Одни люди общительны и энергичны, другие застенчивы.

Горит, как маленькая свечечка, православная душа к Господу, горит, мерцает, освещая лишь малое пространство рядом с собой. И почти никто не знает, не видит, как совершается спасение этой кроткой и смиренной души. Дал человеку Господь крест — неизлечимую болезнь или одиночество (оно ведь тоже почти болезнь), и терпит человек, несет свой крест без ропота. И, конечно, такое сиротство, нищета одиночества привлекает Божие милосердие. «Призри на меня и помилуй меня, ибо я одинок...» (Пс. 24, 16). Терпение своего креста — это один из путей к спасению.

Лет десять назад умер чтец одной московской церкви, уже очень пожилой человек. Был он одинок. Тихий, скромный, совсем незаметный. Не имел никакой профессии. Служил, где придется, и молился. Последние годы работал чтецом в храме. Безропотно нес он свой крест одиночества, видимо, не очень-то легкий. Таинственно и невидимо для окружающих совершается восхождение человека к Богу. Но, встречая таких кротких и смиренных сердцем людей, как Леонид В., понимаешь буквальность слов апостола Павла: «...доколе не изобразится в вас Христос» (Гал. 4, 19). Спокойно и мирно отошел к Господу Леонид. После него осталось много стихов. Из них понятнее стал нам этот милый человек. Не тоской, не унынием наполнены их строки. В них тихая и умная печаль одиночества.

Как чувство боли телесной дано нам для нашего блага, чтобы остановить какое-либо опасное действие или указать на скрытую болезнь, так и душевные скорби и утеснения призваны остановить нас на гибельном пути, разбудить, отрезвить. Хорошо, когда мы можем понять это.

Один отец, умирая, позвал к себе сына, отличавшегося беспутной жизнью и не поддающего-

ся никаким вразумлениям. «Сын мой, — сказал старик, — я оставляю тебе большое наследство, но прошу тебя выполнить мою последнюю просьбу. Сорок дней после моей смерти приходи сюда, в эту комнату, и сиди в ней совсем один три часа». Сын обещал, и после смерти отца приступил к исполнению обещанного. Первые дни юноша нервничал, ходил из угла в угол, ждал с тоской, когда же пройдет урочное время, представляя себе все радости и утехи, что ждали его за дверью. Потом он смирился, стал проводить неизбежное время одиночества спокойнее. Затем принялся размышлять о себе, о своей греховной жизни, о жизни других, о советах и упреках почившего родителя. К тому времени, как истекли сорок дней, юноша совершенно переменился и вошел в разум. Далее он стал вести жизнь степенную и не растратил, как многие ожидали, отцовского наследства, а умным ведением хозяйства приумножил его. Эта история, рассказанная одним старцем, говорит нам о необходимости одиночества для осмысления себя. Для раскаяния. С этой же целью мы ставим ребенка на некоторое время в угол. А некогда военная и чиновничья Россия знала гауптвахту и домашний арест. Смысл в них тот же: одумайся! Спаситель не случайно говорил Апостолам: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13, 37). Святые отцы повторяют нам о постоянном трезвении. Такому пробуждению от житейского сна, отрезвлению от страстей способствует именно одиночество.

Как бы горьки ни были для нас смерть близкого человека, разлука, ограничение общения, вспомним, что все это совершается не без ведома Начальника жизни. И если мы верим в благость и спасительность для нас воли Божией, то и в самые горестные минуты скажем: «Господи, да будет воля Твоя». Аминь.

ИКОНЫ В ДОМЕ

Материальный мир, окружающий нас, мир предметов — ежедневных свидетелей нашей жизни — не безгласен. Жилище человека расскажет о хозяине, пожалуй, больше самого хозяина. И если православный человек на улице, в автобусе, в магазине ничем внешне не выделяется, то дом его все же имеет свои особенности. А потому не лишним будет поговорить об эстетике православного дома.

Приходской священник часто бывает в жилищах своих прихожан. Его призывают освятить квартиру, отслужить домашний молебен, зовут к больному совершить Таинство елеосвящения (соборование). Во время таких посещений я всегда обращаю внимание, какое место отведено домашним иконам, как они содержатся, есть ли перед ними лампадки или подсвечник. Есть ли в доме Евангелие, духовные книги.

Радостно бывает встретить красиво оформленный, поддерживаемый в чистоте, живой святой угол с иконами, зажженную перед ними лампадку, чистую пелену под образами. Сколько любви в такой заботе! Да это и естественно. Самое дорогое для нас — Бог. Потому и дороги нам изображения Спасителя, Пречистой Его Матери, угодников Божиих — святые иконы.

Но жаль бывает хозяина или хозяйку дома, где сиротливо выглядывает с комода или серванта прислоненный к случайной вазочке покоробленный бу-

мажный образок в пол-ладони, да еще покрытый пылью.

Иногда, особенно в тех семьях, где православная церковная традиция как-то прерывалась, верующие и вполне благочестивые хозяева не знают, как им лучше устроить новые для их дома святые иконы, лампады, подсвечники. Ведь икона — это святыня, но она и изделие, имеющее свою форму, вид, цену. Как «вписать» ее в сложившуюся привычную обстановку?

Прежде все убранство крестьянской горницы шло от красного, или святого, угла с иконами. Даже само название «горница», вероятно, происходит от горнего места (по-русски — небесного, верхнего), то есть места, где находится часть неба — святые иконы. И сегодня лучше определить для икон удобное, красивое место в свободном углу или на стене, даже если это потребует некоторой перестановки.

Во время молитвы или в праздники перед иконами зажигают лампаду или свечу. Пламя горящей лампады, стремящееся вверх, — символ нашей молитвы, нашего горения к Богу. Можно заметить, что лампадка безопаснее в быту. Но все же для торжественных или особенных случаев хорошо иметь в доме подсвечник и свечи. Лампады бывают нескольких видов: подвесные и стоячие. Хозяин дома, исходя из красоты и удобства, может выбрать себе ту или иную.

Икону принято ставить не прямо на полку, а на небольшую красивую салфетку, или, как ее называют, пелену. Она может быть украшена вышивкой, кружевом, оборкой. Здесь вполне могут выразить себя фантазия, вкус и умение хозяйки.

Если нет свободного угла или удобной части стены и при этом жаль нарушить сложившийся ин-

терьер, то иконы можно поместить на книжной полке, комоде, невысоком серванте, пианино. Временно, конечно. В таком случае следует обратить внимание на то, какие книги стоят на полке, вполне ли они сочетаются со стоящей над ними святыней. Может, лучше убрать их или по крайней мере закрыть чем-нибудь. Посмотрите, не стоят ли рядом с иконами фарфоровые собачки, подарочные чашечки или другие не очень нужные здесь бытовые украшения. Нелепо выглядит под иконами и телевизор. И еще одно условие: над иконами ничего не располагают. Часы, картины, фотографии и прочее должны занять место несколько в стороне. Так когда-то не позволялось строить здание выше храма в непосредственной близости к нему.

Присутствие святыни в доме обязывает хозяев заботиться не только о внешнем благолепии интерьера, но и о внутреннем содержании, то есть подвигает их к благочестию. Обязательно посмотрите, все ли в вашем доме находится в соответствии со святыней, нет ли противоречий.

В «Древнем патерике» можно прочесть случай, происшедший с одним отшельником. Как-то во время молитвы инок увидел Пресвятую Деву, стоящую на пороге его келии. Она, казалось, собиралась войти, но потом отошла и исчезла. Видение повторилось, и опечаленный отшельник обратился к Богоматери: «Владычица, почему ты никак не хочешь войти в мое жилище?» На что Божия Матерь отвечала: «Как я могу войти туда, где находится враг мой». Отшельник долго размышлял над словами Пречистой Девы и вспомнил, что в его келии среди книг стоит книга с трудами некоего еретика, которую инок забыл отдать хозяину. Тотчас отшельник вынес книгу из келии.

Если семья дружная, то такие «враги» после обсуждения на семейном совете, также могут быть вынесены из дома. А они есть почти у всех. По этому поводу мне вспоминаются два случая. Однажды пригласили меня отслужить молебен в доме, где, по словам хозяев, было «нехорошо». Несмотря на то, что дом был освящен, в нем ощущался какой-то гнет. Обходя комнаты со святой водой, я обратил внимание на комнату юноши, сына хозяина, где на стене висел плакат, посвященный известной рок-группе. Причем известной своей сатанинской направленностью.

После молебна, за чаем я осторожно, зная о фанатичной преданности некоторых молодых людей своим кумирам, попытался объяснить, что «нехорошо» в доме вполне может происходить даже от таких плакатов, что подобные изображения как бы пытаются противостоять святыне. Юноша молча встал и снял обсуждаемый плакат со стены. Выбор был сделан тут же.

А вот в другом доме нерешительность хозяев лишила их замечательной святыни. Одному человеку благочестивая старая женщина подарила прекрасную икону — «Явление Божией Матери Преподобному Сергию Радонежскому». Икона была прекрасна сама по себе, да к тому же была написана и подарена своей владелице известным иерархом Русской Православной Церкви. Новый владелец нашел для драгоценной святыни место на стене в гостиной, но, к сожалению, напротив висели три гравюры в прекрасных рамах, три женских портрета: Венеры, Леды и Клеопатры. Близкие склоняли хозяев снять эти изображения мировых блудниц, дабы они не висели напротив Богородицы, но нежелание разрушить интерьер и не совсем правильно воспринятое

понятие культуры не позволило им сделать верный выбор.

На следующее утро, рано, так рано, как только позволяет приличие, раздался телефонный звонок: благочестивая старушка умоляла вернуть ей икону и вернуть скорее. «Я не спала всю ночь, мне казалось, что что-то случилось с моей иконой. Я дам вам другую, а эту привезите ко мне, я отдам ее вам впоследствии», — просила она. Конечно же, святыня вернулась к своей прежней владелице, а любители старинных гравюр получили в подарок другую икону. Ее поставили в другой комнате на полочку среди других икон, так как она по своим размерам и исполнению более подходила туда. Не знаю, случайно или нарочно Любовь Тимофеевна выбрала замену. Это тоже был образ Божией Матери, назывался он «Млекопитательница». Быть может, здесь был намек на духовный возраст ее приятелей? Правда, урок не прошел даром: через некоторое время место сомнительных портретов заняли три пейзажа.

Иногда возникает вопрос: в доме несколько комнат, где уместнее расположить иконы? Особого правила нет. Но молитесь вы чаще в той комнате, в которой спите. К тому же молитва требует некоторого уединения. «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне...» (Мф. 6, 6), — читаем в Евангелии. Значит, в спальне разумно иметь иконы, перед которыми вы будете читать утренние и вечерние молитвы.

Если у вас есть детская комната, то в ней обязательно должна находиться икона. Ребенок часто по-своему, по-детски обращается к «Боженьке», хорошо, если при этом он может видеть образ. Кроме

того, любая святая икона — чудотворная, и она чудесным образом охранит ваше дитя.

Вспомните, что в общей комнате собирается вся семья, здесь часто происходит общая трапеза, и здесь также должен находиться святой образ. Не забудьте и про кухню. Там хозяйка проводит большую часть времени. Кухня — место будничных завтраков и ужинов. Молитвы перед и после вкушения пищи лучше произносить, обратив взгляд на икону. Итак, пусть иконы будут в каждой комнате и на кухне. «...Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2, 8), — говорит Апостол. «На всяком месте...»

Есть еще один вопрос. Какие иконы лучше иметь дома? Здесь так же нет правила, а есть лишь благочестивая традиция. Большинство наших молитв обращено к Спасителю и Божией Матери. Разумно иметь дома образ Господа Иисуса Христа и Его Пречистой Матери.

В русском православном доме чаще всего вы встретите триптих: Спаситель, Богородица и Святитель Николай. Почитание в России Святителя Николая настолько широко, что вряд ли какой святой может сравниться в этом смысле с Мирликийским чудотворцем. Причина тут простая: как известно, к высохшему колодцу за водой не ходят. Святитель Николай любим и почитаем у нас как скорый помощник, заступник и великий чудотворец. Почти в каждой семье имеется опыт его чудесной помощи.

Благочестивые люди обычно имеют образ своего небесного покровителя, чье имя они носят. Иногда тот или иной угодник Божий оказывается чем-то близок нам. Мы находим в его жизни какую-нибудь близкую или любимую нами черту характера, нас

восхищает какое-то деяние или чудо, сотворенное по его молитве. Появляется желание иметь дома образ этого святого. Конечно, молитва перед ним будет особенно сердечна. Наше патриотическое устроение, любовь к Отечеству может выразить себя в особом почитании и теплой молитве перед образами Преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского, праведного Иоанна Кронштадтского, благоверных князей Александра Невского, Даниила Московского и Димитрия Донского. Любовь к России неразделима с любовью к чудотворным иконам Заступницы Усердной, Божией Матери, через которые столько чудес проистекло на нашу землю. Это иконы Владимирская, Казанская, Тихвинская, «Державная» и многие другие.

Праздники Господские и Божией Матери также изображаются на иконах. Можно иметь дома икону Сретения, Благовещения, Крещения, Покрова Божией Матери.

Всмотритесь в икону «Рождество Христово». Какой тихий, мирный, семейный, именно семейный образ. Бог-Младенец и взирающие на Малютку в тихом умилении Мать и Обручник; пастухи, поклоняющиеся Спасителю, со страхом и радостью простого и верного сердца; мудрецы-волхвы, принесшие дары-символы, знак того, что земная мудрость всего лишь часть мудрости небесной. Мирная ночь, а над всем Вифлеемская звезда. Сколько мыслей и молитв родится рядом с этой иконой...

А взгляните на образ «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Родители привели единственное, долгожданное, любимое дитя в храм для того, чтобы оставить его там. Девочке всего три года. Как милы малютки в это время, как чисты и невинны! Как ласкает родительское сердце один вид их! Но где лучше

сохранить и укрепить эту чистоту? В храме. Иоаким и Анна отдали Марию на воспитание в храм. Смотрите, родители, и ваше дитя должно чтить Закон Божий, и вашему ребенку необходимо быть в храме. Взирая на этот образ родительского подвига и надежды на Бога, молитесь о своих чадах, размышляйте о своих обязанностях.

Сколько необходимого для нашей души найдем мы, глядя на икону «Сретение Господне». *Сретение — встреча* по-славянски, то есть встреча Спасителя и старца Симеона. Какие замечательные слова произнес Богоприимец Симеон, приняв на руки Младенца Иисуса: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Лк. 2, 29). Потому что было праведному старцу откровение, что не умрет он до той поры, пока не увидит Христа Спасителя. И мы при встрече с Господом, будь то в молитве, в Его храме, в чтении Священного Писания, у мощей Его святых угодников, также расстаемся с земным, временно умираем для забот и скорбей этой жизни. «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко...»

Почему бы вам не иметь образа Животворящей Троицы: три Ангела, сидящие за трапезой, — символ бесконечной любви и единения.

А какое утешение для православного человека видеть распростертый над миром омофор Богородицы на иконе праздника Покрова Божией Матери. Не отчаивайся человек — и над тобою покров Заступницы Усердной.

Иконы сейчас можно приобрести разные. Любой освященный образ — святыня. И бумажная литография, и воспроизведенный художником-иконописцем, и старинный фамильный образ, и приобретенный в антикварном магазине раритет все это икона. Конечно, приятно иметь высокохудоже-

ственный образ, написанный грамотным специалистом-изографом, такие сегодня можно купить в Троице-Сергиевой Лавре, Московском Даниловом монастыре, где есть свои художественные мастерские. Замечательно, если дома есть старые семейные иконы. Но не следует пренебрегать и современной репродукцией. В Крыму, в Ливадии, в императорском дворце, в кабинете святого царственного страстотерпца Императора Николая II, стены буквально заполнены иконами. Старинные, драгоценные по письму иконы, а рядом простенькие «деревенского» письма, а кое-где литографии и фотографии. И все эти святыни — и дорогие, и скромненькие — встречали молитвенный взор святого человека, стоявшего с умиленным сердцем перед ними. Думается, что дело здесь не столько в том, какая икона перед нами, но и в нас самих. Мне приходилось видеть равнодушные пустые лица и перед Владимирской иконой Божией Матери, и перед Троицей письма Андрея Рублева. «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21), — сказал Спаситель.

Хочется пожелать вам, чтобы святые иконы чаще пребывали перед вашим взором, подвигая к молитве и богомыслию, вознося над мирской суетой, утишая страсти и исцеляя болезни. Аминь.

ДОМАШНИЕ ЗАБОТЫ

Крестный ход, молебен у памятника или у школы, освящение дома или офиса... Мы уже успели привыкнуть к людям в длинной одежде, идущим по улице, стоящим рядом с нами в транспорте и магазине. Верующие и неверующие знают сегодня даты православных праздников. Церковные термины обычны в газетных статьях, радио- и телепередачах. Буквально за считанные годы общество сменило гнев на милость, и слово «священник» произносится уже не с брезгливым страхом лишней проблемы, а с некоторым даже уважением. А несколько лет назад в анкете в графе «профессия» обычно ставили не «священнослужитель», а «служитель культа».

Многие годы с наших глаз, из нашего словаря, из памяти изгонялось все религиозное, православное, церковное. Храм называли памятником архитектуры, икону — памятником искусства. Страшно страдала русская литература. Слова *Бог, Господь, Божия Матерь* печатались только с маленькой буквы в ущерб правде и смыслу. Можно вспомнить издание сказок Пушкина, где в сказке о Мертвой Царевне выражение «и к обедне умерла» заменили на «и к обеду умерла».

В конце пятидесятых или в начале шестидесятых вышло постановление, запрещающее духовенству показываться в общественных местах, то есть везде, кроме храма и личного жилища, в духовной одежде (рясе, подряснике). Были запрещены все требы вне

церковной ограды. Нельзя было освятить квартиру, соборовать на дому, служить панихиду на могилах.

Протоиерей Виктор Ш. вспоминал, как в бытность его в Рязани местный уполномоченный по делам религии, человек вообще-то не суровый, выговаривал ему: «У нас на площади памятник вождю стоит, а вы мимо него в поповской одежде каждый день в собор ходите. Изберите другой маршрут, а то могут быть неприятности».

В конце восьмидесятых началось потепление, тактика властей изменилась. Церковная жизнь вышла за ограду храма. Вновь зазвучали колокола, долгие годы молчавшие, якобы по просьбе общественности.

Помню первый молебен в соседнем селе. Такой молебен некогда ежегодно служили в свой особый день в каждой деревне. Теперь он вновь соединил в сознании наших прихожан жизнь церковную и домашнюю, трудовую, семейную.

После общего молебна мы ходили по домам, пропев у икон тропарики, кропили святой водой жилье, сараи, домашнюю живность, огород. Бог везде, мы помним о нем не только в храме и дома у святого угла, но и в саду, на работе, на службе, в хлеву, за верстаком.

В некоторых домах старики плакали. Помню одного, встретившего нас словами: «Я уж не чаял, что доживу, что вновь увижу священника в доме».

Этот первый наш деревенский молебен запомнился мне особенно. Это был праздник и для жителей и для духовенства. Мы увидели, что православная нива — не один лишь участочек в церковной ограде, это все русское поле, когда-то взлелеянное и засеянное русским священством. Пусть оно и поросло несколько сорняками, но много на нем и здорового колоса. И эта нива ждет своих делателей.

Еще одно воспоминание. Нам нужно было перейти на противоположную сторону Горьковского шоссе, чтобы попасть к другому ряду домов. День был воскресный, москвичи возвращались с дач, и машины тянулись тремя беспрерывными пестрыми лентами. Но когда наша группа встала на разделительный газон, весь поток остановился и нам стали махать из окон: «Проходите!» И здесь мы опять увидели русскую ниву — труды и любовь православного духовенства, что взращивало ее много веков. Мы убедились, что скуфья и ряса иногда могут заменить слово, и по-своему неглуп был тот премьер-безбожник, когда запретил их, как запретил и проповедь. Особенный вид священника в его духовном платье, с особенной прической, крест на груди напоминают людям о религиозной жизни, о забытом в суете Господе, о «долгах наших». Одна встреча со священнослужителем вне церкви, куда у многих нет еще привычки и желания ходить, способна стать зерном будущей церковности. Мне вспоминается замечательное стихотворение Вл. Карпеца:

На Шуваловском погосте
Похоронена родня.
Мы приходим к деду в гости.
Это скучно для меня.

Я кручу рукою веник,
Где-то колокол гудит,
А для бабушки священник
Дымным ладаном кадит.

Я боюсь его. Мне страшен
Дым кадила, крест и гроб.
В страхи детские окрашен
Этот рыжий русский поп.

Это он людей хоронит,
Это он такой злодей,
Это он зерно заронит
Веры будущей моей.

Мудро поступают те хозяева, что, приглашая священника для молебна, стараются подгадать время, когда в доме собираются все — и верующие, и маловерные, и вовсе неверующие домочадцы.

Вспоминается мне, как недавно освящал я дачу у двух наших милых прихожанок. Мама и дочка никак не могли подвинуть к Крещению главу семьи. Он вроде и не против, да на шестом десятке лет это не так-то просто. На молебне, когда освящали дом, постоял он со свечечкой перед иконами, побеседовал за ужином с гостями, а утром пришел в храм принять Святое Крещение. И первое, о чем спросил новокрещеный Владимир: «Когда можно венчаться?»

Молебен на освящение дома, молебен у могилки, молебен у постели больного, молебен в неблагополучном доме о умножении любви и искоренении всякой ненависти, молебен на начатие дела у лежащих на траве бревен и кирпичиков, молебен о путешествующих... «Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк. 11, 24), — говорит Спаситель.

Бабушка моя Прасковья Андреевна о бездождии говорила:

«Раньше-то такой засухи и не было. Давно бы священника позвали, молебен отслужили, промочило бы.

Напал как-то на лен червь, — рассказывала она, — страшный такой, невиданный. Голову с хвостом сложит, потом вытянется, шагнет во всю длину. С былины на былину шагает, с нивы на ниву пере-

ходит. Послали за батюшкой. Всей деревней с иконами вышли на поля. Отслужил батюшка молебен. Пошли обратно. А лен-то чистый стоит, червяки на земле свернувшись лежат, аж почернели».

Как-то, прочитывая на молебне имена с записочек о здравии, в недоумении останавливаюсь: «О здравии козочек Красули и Милки». После молебна спрашиваю одну прихожанку. «Моя, — говорит, — записочка. Что же делать-то? Хворают мои козочки, вот и заказала святым Власию и Афанасию молебен». Добрая хозяйка у Красули и Милки, повезло козочкам. Правда, в записочке следовало указать имя хозяйки, потому что молимся мы о ней. Так что, горюя о затянувшемся ремонте автомашины, не пишите «О здравии ВАЗ–2104», а пишите имя владельца.

В центре Москвы в старом доме жила семья. Бабушка, отец с матерью и две малютки. Квартира их была очень неудобной и ветхой. К тому же она была мала для семьи. Но возможности получить новую не предвиделось. Однако жильцы не унывали и часто заказывали молебен у чудотворной московской иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в надежде на помощь Царицы Небесной. Неожиданно, каким-то таинственным или, лучше сказать, чудесным образом квартиру признали аварийной и семье срочно выдали ордер на новую. А случилось это в один из Богородичных праздников.

Не бойтесь обременить Господа своими просьбами-молитвами. Молиться ***можно*** о всяком благе, молиться ***нужно*** о всякой заботе. Чтобы получить потребное от Самого Господа, потому что от Него — лучшее. Ибо «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1, 17). Аминь.

ДРУГ — УСЛАДА ЖИЗНИ

КАК ХОДИТЬ В ГОСТИ

Благочестивую и спасительную традицию гостеприимства дополняет не менее благочестивая традиция посещать близких, то есть ходить в гости. Хорошо живется православному человеку! Ну какие могут быть у него дела и планы в Троицу или в праздник Преображения Господня? Вряд ли кто станет в этот день копать или сеять, стирать или строить. Праздник есть праздник. Праздник свободен от работы, это день церковной молитвы, день благочестивых занятий, день милосердия. «Но разве неблагочестивое занятие — вскопать грядку под огурцы?» — спросит кто-то. Самое благочестивое. Но в другой день. Праздничный день отдан Богу, он вмещает в себя гораздо более, чем огурцы, крыша, водопровод. Он на земле, но принадлежит будущему Царству, Царству Небесному.

Еженедельный праздник — воскресенье — прежде называли неделей, от «не делать»: это день, когда не делают, не работают. Отсюда получил свое название понедельник, то есть день, идущий за (по-славянски «по») неделей. Воскресный день всегда

посвящен церковной службе. Четвертая заповедь гласит: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу Богу твоему» (Исх. 20, 8–10). Также стараемся мы освободить от обыденных дел великие и двунадесятые праздники, особо чтимые дни. Когда в советский период для многих наших сограждан невозможно было не выходить на работу в дни церковных праздников, некоторые православные христиане свой заработок праздничного дня выделяли на милостыню и таким образом работали в этот день как бы не на себя, а на ближнего, на Церковь, в конечном итоге на будущую жизнь.

В праздник, посвятив часть дня молитве, церковной службе, общению с Богом, остаток его посвятим общению с ближними. Откликнемся на приглашение и пойдем в гости. Даже если вы и устали и трудна дорога, все равно не стоит отказываться от этой возможности оказать свою любовь. Не пустое это занятие — ходить в гости, и плодов оно принесет не меньше, чем самая длинная огуречная грядка.

Живущему в мире человеку, особенно в современном мире, очень трудно поддерживать свою церковность. Без общения с православным обществом, с другими церковными людьми она как-то незаметно изнашивается, растворяется или вырождается в какую-то частную интерпретацию церковности, то есть в церковность «как я ее понимаю». Соль перестает быть соленой.

«Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» (Мф. 5, 13), — говорит Спаситель принимающим Его учение. Как же нам сохранить соль, мудрость, истину своего христианства? Не уклоняться от Бо-

жественной истины нам помогает участие в церковной жизни. Прежде всего это молитва и участие в Таинствах Церкви. Молитва и Таинства объединяют нас в единую Церковь Христову. Исповедь и причастие поддерживают это единение в Теле Христовом. Чтение Священного Писания и Священного Предания, духовных авторов также помогает не потерять христианские ориентиры. Но как поддерживает нас пример живого Православия! Общение о Господе, общение в любви со своими, с единоверцами, укрепляет веру, назидает, отрезвляет от заблуждений.

В непринужденной гостевой домашней обстановке высказываются задушевные мысли, задаются тревожащие душу вопросы, из тех, которыми за их множеством и кажущейся неважностью мы не решаемся обеспокоить духовника. Но не пусты эти вопросы, не мелки переживания! Из жизненных, бытовых мелочей складываются и большие поступки.

Мелочи как бы высвечивают и скрытое благородство души, и тайные ее недуги. Говорите о мелочах! Советуйтесь!

Дружеский совет и назидание в теплой беседе принимаются как ласка, как забота. Принимаются легко, без обиды и настороженности. А сколь часто и без слов обличения на фоне другой жизни мы видим свои ошибки и несовершенства! Тут же мы видим и пример, как устранить, изжить, исправить их. Мелочи быта, увиденные ближе взаимоотношения в семье друзей позволяют нам узнать своих близких с еще незнакомой нам стороны. Как-то косвенно, без откровенных объяснений, дойдет до нас весть о их благочестивых делах, быть может, духовном подвиге. Чуть колыхнется, чуть приоткроется завеса, за которой втайне совершается тонкая духовная ра-

бота. Опытные христиане не освещают сами своих добрых дел, но «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5, 14), и сами окружающие их вещи, где-то невзначай оброненное в задушевной беседе слово не дадут остаться свече под сосудом — откроют нам дела благочестия наших друзей.

В гостях, за столом люди легко знакомятся, сходятся, узнают друг друга. Это время, когда можно завести полезное знакомство, самому обрести возможность оказать кому-то помощь. Иногда мы годами бываем знакомы с человеком, где-то мимолетно видимся, кланяемся, задаем пару вежливых вопросов, но не становимся год от года ближе. В гостях вдруг это многолетнее расстояние сокращается, и мы оказываемся близкими друзьями. За столом, в праздник есть возможность приглядеть себе невесту или жениха или попристальнее приглядеться к уже отмеченному в сердце человеку.

В гостях мы зачастую встречаем людей интересных, умных, особенных. Быть даже только слушателем иных бесед — большая удача. Я помню, как бабушка моя часто говорила, проводив гостей:

Один цветочек дикий
Попал в букет гвоздики
И от нее душистым стал и сам.
Хорошее знакомство — прибыль нам.

Напитаться за беседой в доме друга ароматом умных и особенно духовных речей действительно прибыль.

Приглашением нам оказывают честь. Призывая в свой дом, хозяева показывают нам любовь, желание быть близкими, поддерживать дружеские отношения. Бессердечно было бы отказаться от приглашения. Только самые неотложные дела, болезнь или забота

о другом человеке могут извинить наш отказ. В торжественный и счастливый день именин, браковенчания или освящения нового дома так хочется видеть рядом родные и милые лица близких! Так горестна в этот день разлука со своими! И в день памяти, день скорби по ушедшим, мы ждем близких нам.

Надо заметить, что жизнь церковной общины, ее жизнестойкость, ее духовное здоровье можно усмотреть именно из таких гощений и застолий. Если на приходе сложились по душевной склонности или иным каким свойствам, например, родства или соседства, небольшие общества прихожан и они в дни Ангела или в другие праздники встречаются за столом, не ради, конечно, еды и питья да бесчинного веселья, а как единомышленники, соратники в деле спасения, то можно сказать, что на приходе есть церковная община. В противном случае общины как таковой нет, есть просто прихожане одного храма.

Что ж, если ходить в гости не только приятно, но и полезно, спасительно — пойдем в гости. Не забудьте захватить с собой небольшой подарок. Даже если вы идете не на именины и не на свадьбу, лучше прийти с подарком. Вспоминается мне Зинаида. Живет она в Москве, но на летнее время уезжает в деревню. В своей ягодной стороне наваривает Зинаида неимоверное количество варенья да насушивает невиданное количество грибов. Зато зимой достанет баночку малинового или черничного, или кулек с грибочками и идет в гости. Зайдет ли к ней кто, опять откроет Зинаида шкафчик, достанет баночку и подаст гостинчик.

Приходит мне на память еще один замечательный человек — Николай С. Он был человеком очень общительным и имел множество знакомых. Его часто приглашали и к нему часто приходили в гости. Он

был необыкновенно доброжелательным и любящим. И его любили. Любили как приветливого и заботливого хозяина, как тихого, спокойного и душевного гостя. Когда Николай заходил к кому-то домой, то всегда приносил с собой какой-нибудь небольшой дар. Провожая, также дарил что-нибудь. Зарабатывал он немного и, конечно, дарить дорогие подарки не мог. В дом, где есть дети, он носил либо небольшую дешевенькую игрушку, блокнот, авторучку, либо какую-то вещицу, имеющую ценность только для ребенка: красивую картонную коробочку от чего-то, пластмассовую ложечку для куклы из самолетного обеденного набора, вырезанную картинку. Хозяйке он мог подарить катушку каких-нибудь ярких или прочных ниток. Когда Николай приносил пакетик липкого чак-чака, я знал, что недавно к нему приезжали родные из Нижнего Новгорода или Уфы, если он приносил немного восточных пряностей, я догадывался, что Николай побывал у своего друга-индуса. Почти всякий гостинец, который получал он, оказывался потом подарком в другом доме.

Через два года после смерти Николая, он приснился моему сыну. Во сне он спросил: «Ты меня помнишь?» На что Сережа ответил ему: «Помню. Ты — дядя Коля». «А ты помнишь, я тебе экскаватор подарил?» — спросил его Николай. Проснувшись, Сережа сразу вспомнил, что некоторое время не поминает в молитвах умершего дядю Колю, подарившего ему экскаватор. Собственно наши дары и предназначены для того, чтобы продлить время общения, даже тогда, когда мы выйдем за дверь, пусть это будет и последняя дверь нашего мира. Они для памяти, для молитвы.

Каждый человек имеет свой характер, свои привычки, каждый дом — свои порядки, особенности.

Придя в чужой дом, было бы бестактным навязывать хозяевам свои порядки. Когда-то первые монастыри Египетской и Иудейской пустынь имели различные уставы. Иноки, для духовной пользы иногда посещавшие соседние или дальние обители, говорили: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». И принимали на время тот порядок, который был принят у приютивших их хозяев. Древняя истина не обветшала и для нашего времени.

В чужом доме мы видим только внешнее его устроение, но не видим, чем оно поддерживается, не знаем причин, сложивших его, а потому даже добрые советы наши должны быть обдуманны и взвешенны. Не стоит особенно спешить со своими добрыми намерениями. Иногда наш нескромный вопрос может вызвать тяжелые воспоминания, возобновить угасшую ссору, дать толчок семейному разладу.

Видел я в одном доме забавное явление. Над небольшим пространством цветочного горшка возвышалось семь или восемь земных колючих кактусов. Их общее начало от единого корня и общий дом — цветочный горшок заставляли их тесно прижиматься друг к другу своими колючками и тем не менее они выглядели веселыми и дружными. Этакая пушистая семейка, хотя колючки их оставались острыми и цепкими. Мы все немного похожи на колючие кактусы. И немалых усилий стоит нам приноровиться друг к другу, притереться к чужим колючкам. Спокойный и веселый вид еще не означает отсутствия проблем в доме. Приглашенному человеку, гостю, нужно быть очень внимательным и осторожным, чтобы своими действиями или словами не нарушить того зачастую болезненного единства в семье или обществе, куда он попал.

«Желаю, чтобы вы были мудры на добро...» (Рим. 16, 19) говорит Апостол. Данный не вовремя совет, неуместная шутка могут оказаться разрушительными для семейного мира ваших друзей, хотя и вызваны они самыми добрыми чувствами. Умейте быть приятным, деликатным гостем, смиритесь с тем, что каждый человек волен в своем — в своем быте, в своих семейных отношениях, в своих привязанностях, в своих ошибках.

Рассказывают, что древний философ Диоген из Синопы был всеми покинут и одинок: «из-за бедности он никого не мог принимать, а другие не хотели оказывать ему гостеприимство, страшась его страсти обличать и вечного недовольства словами и поступками ближних» (Элиан «Пестрые рассказы»).

А вот история об удивительном устроении инока одного из древних монастырей. Когда он входил в келью к брату и видел ее убранной, он говорил: «Как заботится брат о чистоте души своей, так же заботится он и о чистоте кельи. Как в душе его все ясно и прибрано, так же чисто и прибрано в его келье». Если же в жилище брата он заставал беспорядок, то говорил: «Этот брат серьезно занят своим спасением, все мысли его устремлены к горнему миру и нет в них места земным попечениям».

Умение не видеть, не замечать грехов и недостатков ближнего гораздо более ценится в госте, чем зоркий глаз обличителя. Даже те несовершенства домашнего быта хозяев, которые не исключают нашего совета и вмешательства, все же пусть останутся на некоторое время как есть, подождут подходящего часа и настроения. В дружеском общении это время обязательно наступит.

«И если... тебе предложат какого яства, не подобает хулить его, говорить: „гнило“ или „кисло“,

„пресно“ или „солоно“, „горько“ или „протухло“, „сыро“ или „переварено“, или высказывать другое какое порицание, но подобает, как дар Божий, всякую пищу хвалить и с благодарностью есть, тогда Бог пошлет на нее благоухание и обратит ее в сладость» («Домострой»). Особенно невежливо и даже грешно показывать свое недовольство угощением. Сел за стол — ешь со смирением, что предложат, если, конечно, еда не в разлад с Уставом. Нужно иметь уважение и к пище, и к трудам хозяйки. Все, что окажется на вашей тарелке, следует съесть, чтобы оставшаяся еда не оказалась потом в помойном ведре. Автор «Домостроя» предупреждает против небрежного отношения к еде: «У некоторых боголюбцев в изобилии бывает еда и питье, и все, что останется нетронутым, убирают, потом еще кому-то сгодится. Если же кто неуч и невежа, не рассуждая все блюда подряд начинает, уже насытясь и не заботясь о приличии и сохранении блюд, — будет такой обруган и осмеян и обесчещен от Бога и людей».

При выборе места за столом можно вспомнить евангельскую притчу: «...когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место» (Лк. 14, 8–9). «Домострой» же как бы добавляет к этим словам: «Когда на трапезе поставят перед тобой многоразличные яства и пития и если кто-то будет из приглашенных знатнее тебя, не начинай есть раньше его; если же ты старший по чести, то поднесенную пищу по обстоятельствам начинай есть первым». Впрочем, излишнее, часто напускное смирение, вынуждающее к долгим уговорам,

так же тягостно воспринимается хозяевами и другими гостями, как и бесчинная неделикатность.

Если случится кому попасть в дом, где не соблюдаются постные дни, то, не смущая хозяев проповедью церковного устава, садитесь за стол и, присмотрев на нем что-нибудь постное, положите себе на тарелку, не привлекая внимания. Обычно мы бываем заранее подготовлены к такой ситуации, принимая приглашение от нецерковных родственников и знакомых. Когда это люди близкие, то, подтверждая свое согласие прийти в гости, попросите заранее приготовить и поставить на стол какое-нибудь постное кушание. Когда такой заказ неуместен по каким-то причинам, то будьте готовы огорчить хозяев своей непривычной для них «диетой» и, чтобы не остаться на весь вечер голодным, подкрепитесь немного дома.

Пятница. Дорогого гостя ждут с нетерпением. В его честь накрыт роскошный стол. Накануне хозяева весь вечер обсуждали меню праздничного ужина. И вот звонок. Приветствия. Гость подходит к столу.

Пред ним ростбиф окровавленный
. . . . . .
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Да... Ему жаль стараний добрых хозяев, жаль понесенных ими расходов, долгого труда хозяйки на кухне. Жаль. Но все же это не повод для нарушения поста. «Всякого человека, кто и каков бы он ни был... до тех пор должно любить, пока эта любовь согласна с любовью Божией. А в противном случае любовь к человеку должна уступить любви Божией» (святитель Тихон Задонский). Нужно как-то утешить ми-

лых людей, перевести разговор на другую, «несъедобную» тему. Кстати, невозможность разделить общую трапезу очень хорошо маскируется беседой. Участие гостя в разговоре, интерес к нему сгладят неловкость, успокоят хозяев. Впрочем, вспомните, что любая диета, связанная с нездоровьем, всегда извиняет отказ от пищи, никого не обижает. Чем же забота о телесном здравии предпочтительнее и понятнее заботы о духовном здравии?

Мы упомянули о застольной беседе. Собственно, это, наверное, главное блюдо всякого застолья. Для гостя важно не стать горькой приправой к яствам, стоящим на столе, и самому не отравиться, не «проглотить» чего-нибудь ядовитого в непристойной беседе. «Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны» (Тит. 3, 9), — учит Апостол, предупреждая наше пустословие. Иногда за столом как-то незаметно возникает спор о совершенно никого не касающихся вещах. Здесь уместно вспомнить слова Писания: «Не спорь о деле, для тебя ненужном» (Сир. 11, 9). Если же разговор идет о незнакомом или малознакомом предмете, то можно воспользоваться народной мудростью: «Не стыдно молчать, как нечего сказать».

«А дурных и пересмешных и блудных речей не слушать и не говорить о том», — назидает автор «Домостроя». Если в обществе, куда вы попали, начинаются грубые неблагочестивые беседы, то вы вправе вежливо, отпросившись от дальнейшего гощения, удалиться. Но делать при этом высокомерно-презрительный вид совсем ни к чему. Осуждение замарает вас не менее, чем соучастие в грехе.

Есть гости, умеющие сами направить беседу, есть гости «запасливые». Один мой знакомый, поэт Дми-

трий С., когда приходит в гости, всегда приносит папочку со стихами и чтением их радует хозяев. Отец Алексий Грачев часто приезжал к близким друзьям с гитарой и пел духовные канты. Помню, как на Сырной седмице в гостях у одного московского батюшки отец Роман (Тамберг) вышел в прихожую и вернулся с гуслями и листочками текстов и очень утешил всех своим замечательным пением. Впрочем, он часто по просьбе пел в гостях. А кто-то умеет рассказывать тонкие по юмору истории. Умение и желание послужить своим талантом друзьям в недолгое счастливое время отдыха, застолья очень ценятся в госте и заслуживают ему общую любовь.

Оглянитесь, вспомните, нет ли среди ваших близких и знакомых кого-либо, кому необходимо ваше участие. Старики родители, одинокие родственники, требующие поддержки в духовном становлении друзья. Две мамы познакомились, гуляя с малышами во дворе. Обе церковные, но одна ездила с детьми по праздникам в храм, а другая никак не могла преодолеть страх перед перегруженным московским транспортом. Как-то пригласила боязливая мама свою подругу на ужин. Посидели, поговорили — и стали ездить в храм вместе.

Устроили Алексей и Наталия дома детский праздник. Пригласили на него и крестных родителей своих детишек, а через несколько дней вся семья причастилась, хотя в течение долгого времени не могли этого сделать.

«Если мертвым горящим углем чрез приближение зажигается другой мертвый же холодный уголь: не тем ли более сердце, одушевленное живою верою и молитвою, может возжечь тот же огонь в другом, даже и совсем холодном, даже в полумертвом сердце?» — писал святитель Филарет Московский.

Я вспоминаю, как помогли мне в годы духовного становления встречи-беседы с церковно грамотными друзьями и знакомыми. Их церковная жизнь складывалась под опытным духовным руководством и во многом служила для меня примером. Помню частые, интересные разговоры в Теплом Стане у Игоря К., его чистую уютную кухню, где подолгу сидели мы за чаем и где на столе обязательно стояли два ярких майоликовых блюда. В одном всегда лежали финики и инжир, в другом — сухари и сушки. Какими вкусными казались мне эти липкие мятые финики, большие коричневые брикеты которых были в то время непременной частью ассортимента каждого овощного магазина и даже палатки и стоили они тогда дешевле сахарного песка.

«Он принес ему гроздь фиников...» — рассказывал хозяин какой-нибудь поучительный пример из жизни святых отцов Египетской или Иудейской пустыни, и надоевшее в детстве дешевое лакомство обретало для меня какой-то новый, почти духовный вкус. Необычными казались мне и покрытые белым налетом сушеные ягоды инжира, которые Игорь называл библейским словом «смоквы». Я благодарен этому милому человеку за его терпеливые долгие беседы, за его ненавязчивую заботу. Я вспоминаю, как иногда, накануне какого-либо церковного праздника, словно предчувствуя мою слабость, он звонил мне и, сказав несколько общих слов, прощаясь, весело спрашивал: «Ты завтра на раннюю или на позднюю?» Или: «Ты в Ризоположения или в Хамовники?» Конечно, я не мог высказать ему всех тех оправданий, которыми мысленно только что утешал свою нерадивость, готовность пропустить богослужение. Я отвечал: «На позднюю», — или: «В Хамовники», — и мне казалось, что я сам решил это и сам

никогда и ни за что не променяю праздничной службы на обыденные дела.

Наше время особенно тем, что в Церковь пришло много новых людей. У них есть желание жить религиозной жизнью, но не всегда они знают, как это сделать. Зачастую новому в Церкви человеку кажется затруднительным выполнить даже простые рекомендации священника. Непонятно, как, каким образом, сделать то-то и то-то. Такому человеку нужен церковный друг. Друг-апостол. Нужен жизненный пример. Не все знают, как попросить священника освятить квартиру, отслужить домашний молебен, пособоровать больного родственника. Кого-то интересует, как приготовить свое жилище для освящения, сколько времени займет молебен, нужно ли собирать всех домочадцев? Задать эти вопросы батюшке многие стесняются, а обсуждая проблему со знающим приятелем, можно разрешить все свои недоумения.

Но общение, хождение в гости к единомышленникам, к единоверцам необходимо не только незнающим и неуверенным в себе людям. Не менее необходимо оно и людям, слишком уверенным в себе, думающим, что они-то как раз очень хорошо знают, как нужно спасаться. Кстати, этот грех присущ почти всем нам.

Случается, что, кроме Таинства крещения, некоторые христиане выражают свою религиозность лишь захаживанием время от времени в храм для возжигания там свечей и, быть может, литературно-философскими спорами и беседами о Боге и религии. Пребывать в такой духовной инфантильности можно годы и годы, а то и всю жизнь. И опять же, общение с церковными, приглашение к себе или хождение в гости, живой пример благочестивой жизни может исцелить от этого недуга.

Заметим, что и среди церковных людей, грамотных верующих встречаются личности, да и целые семьи, пребывающие в какой-то неестественной, ненормальной религиозной восторженности или сентиментальности. Это состояние религиозного романтизма лечится также общением, примером. Кстати, если у вас нет церковных знакомых, то всегда можно обратиться к своему приходскому священнику с просьбой порекомендовать какого-нибудь человека или семью для общения. Ему будет нетрудно подобрать знакомство по схожести взглядов, характеров, по близости жительства. Он с удовольствием познакомит вас.

Наше время — время частых обманов. Ложью богаты многие так называемые «религиозные» и «христианские» теле- и радиопередачи, книги, газетные статьи. Это время, о котором Спаситель сказал: «Многие лжепророки восстанут, и прельстят многих» (Мф. 24, 11), время расколов, ересей, сект. Сегодня нам очень нужно держаться вместе, «чтоб не пропасть поодиночке». Там, где мы собираемся ради Господа, ради Истины, ложь рассеивается, потому что Господь посреди нас. И приходскому священнику гораздо удобнее, посещая дома своих прихожан, встречать в них не только одну семью, но и друзей хозяина, беседа в этом случае бывает гораздо плодотворнее.

И еще хотелось бы заметить, что особенно необходимо нам посещать друг друга во времена скорбные, тяжелые, тревожные. И не только для того, чтобы плакать вместе. Скорее наоборот. «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених?» (Мф. 9, 15). Мы не должны унывать даже в самых печальных обстоятельствах. Пока у нас есть Церковь, пока у нас есть Таинства — есть Исповедь,

есть Причастие — у нас есть причина для радости. Правда, что на радость не всегда хватает душевных сил. Дружеское участие как раз и помогает развеять настроение печали и уныния. Но как? По-разному. Кто как умеет. Но я знаю, что для поднятия духа веселость и шутка бывают уместны даже в самых житейски безнадежных обстоятельствах. Я вспоминаю, как приезжали в больницу к Ирине Владимировне отец Алексий Грачев и отец Роман (Тамберг), как умели они живо и непринужденно говорить и шутить в палате и даже петь для обреченной, для умирающей уже женщины. И видно было, какая это поддержка в ее долгих страданиях!

По приглашению и по зову сердца ходите в гости друг к другу. Как любовь к Господу подразумевает отношения с Ним, так и заповеданная любовь к ближнему выражает себя в отношениях с ним. Эти отношения — наше участие в счастье ближнего и наша помощь в несчастье. Апостол говорит: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15). И потому, если ты зван на пир — спеши. Господь введет тебя в дом друга участником его радости. За дружеской трапезой Сам Господь посреди нас, ибо обещал Он: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20).

«Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь» (Песн. 2, 4).

КАК ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ

Традиции

Гостеприимство — одна из древнейших традиций человечества. Особое положение, определенный статус гостя есть почти у каждого народа. Да и известная поговорка «Гость в дом — Бог в дом», отразившая мистический, таинственный смысл древней традиции, встречается на многих языках мира. В некоторых обществах существует целый обряд или кодекс встречи и принятия гостя.

Из Священного Писания мы можем вспомнить, как однажды праотец Авраам в жаркий час дня пригласил трех путников отдохнуть в тени дерева у своего шатра. «И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал [ей]: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы. И побежал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его. И взял масла и молока и теленка приготовленного, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели» (Быт. 18, 6–8). Авраам, уже старец в преклонных летах, сам бежит навстречу путникам, спешит дать указания жене, бежит в полдневный зной на поле, чтобы выбрать лучшее животное, сам берет угощение и ставит гостям на стол. «Смотри, как все делается — со скоростью, с пламенным усердием, с радушием, с радостию и большим удовольствием! Сам

все делает и предлагает! Он даже не признал себя достойным сесть вместе с ними, но когда они ели, он стоял перед ними под деревом. Какое величие страннолюбия! Какая глубина смирения! Какая возвышенность боголюбивой души!» — восхищается праведным старцем святитель Иоанн Златоуст. И отнюдь не знал Авраам, Кому оказывал он милость, но называл Гостя Владыкою и Господином, умаляя себя до раба.

Так же и племянник Авраама Лот, увидев двух незнакомых путников, «встал, чтобы встретить их, и поклонился лицем до земли и сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встаньте поутру и пойдете в путь свой» (Быт. 19, 1–2). А приняв и угостив гостей, Лот готов был пожертвовать честью и жизнью своих дочерей-невест, да и собственной жизнью, чтобы защитить незнакомцев от нечестивых жителей города. И только вмешательство самих Ангелов — а это они явились в виде путников — спасло семью праведника.

Таков был древний обычай — видеть в госте посланца Господа. Об этих событиях напоминает апостол Павел: «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13, 2). Для христиан особенно свят обычай гостеприимства. Ведь Господь наш Иисус Христос более трех лет был в трудах проповеднических вне дома. «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову», — говорил Он (Мф. 8, 20). Во время странствий Спаситель постоянно пребывал чьим-нибудь гостем. Его принимали под свой кров апостол Петр и начальник мытарей Закхей, праведный Лазарь и сестры его Марфа и Мария, Симон прокаженный и многие другие.

Обычай гостеприимства и в дальнейшем послужил апостольской проповеди христианства. Святые апостолы переходили из города в город, из страны в страну, останавливаясь на жительство не только в домах своих единоверцев, но и у случайных людей. И на Руси, и в христианской Европе много веков свято соблюдалась традиция принять странствующего по святым местам человека. Паломника, пилигрима — как называли его на Западе, странного — как называли его у нас на родине. Такого боголюбца обязательно пускали на ночлег, кормили, снабжали, по возможности, необходимым, а зачастую давали и немного денег на свечку, на маслице для лампады, принимая посильное участие в богоугодном деле.

Гостеприимство дает нам замечательную возможность проявить любовь к ближнему. Эта любовь выражает себя в милосердии, смирении, сострадании и даже жертвенности. Когда случится гостю прийти в дом, хозяин жертвует своим досугом, покоем, а иногда, ради пришедшего, откладывает и какое-нибудь немаловажное дело. С самого порога гостю оказывают особую честь. На время гощения он ставится как бы на первое место домашней иерархической лестницы. Сам хозяин и владыка дома служит ему, его пожелания стараются исполнить все домочадцы. С гостем делят семейную трапезу и нередко к будничным блюдам добавляют и особенные — праздничные. Потому что приход гостя — это праздник.

Говоря о будущем Суде, Спаситель указал на праведников, достойных Царства Небесного: «...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня...» (Мф. 25, 35). И когда те недоуменно спросили: «Господи!.. когда мы видели Тебя странником, и приняли?» (Мф. 25, 38) — Спаситель ответил: «...истинно говорю вам: так как

вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). В воспоминание слов Спасителя и говорим мы: «Гость в дом — Бог в дом». В той же беседе Спаситель хладность к гостю уподобляет хладности к Себе, к Господу (см.: Мф. 25, 41–42).

Итак, гостеприимство спасительно для христианина. Бывают случаи, когда гостеприимство возвышается до подвига. Много лет длится мое знакомство с Ниной Дмитриевной М. Она пожилая женщина. Прежде Нина Дмитриевна жила с семьей в Воронеже. Вспоминая детство, она рассказывала, что в доме у них почти всегда жили какие-нибудь *терпящие от властей* люди. Это было время гонений на Церковь. Многих церковных работников, диаконов, священников, даже епископов да и просто авторитетных, известных в церковной среде людей осуждали на долгие годы лагерей или ссылок, лишали прописки и определяли местом жительства отдаленные от родных мест или приходов города. Для местных жителей дать приют этим страдальцам значило поставить себя под угрозу репрессий. Отец Нины Дмитриевны был человеком религиозным и более богобоязненным, нежели властебоязненным, он не мог отказать в помощи несчастным, он принимал под свой кров гонимое духовенство и всех верующих. Одно время в их доме, рассказывала Нина Дмитриевна, жил известный в городе юродивый. Власти не однажды вызывали хозяина дома, предупреждали, арестовывали, пытались воздействовать своими методами. В ЧК его жестоко избивали. Через некоторое время семья переехала в Москву. Кое-кто из старых москвичей, прихожан храмов центра Москвы, еще помнит Дмитрия Горбатенького, как его тогда называли. «Множественные переломы ре-

бер, полученные от побоев в ЧК, не позволяли отцу распрямиться. Он так и остался до конца дней горбатеньким», — вспоминала Нина Дмитриевна.

Не только кров и пищу делим мы с гостем. Наше участие в его жизни может выразить себя в беседе, поучении, совете, обсуждении. В прежнее время так и говорили: «ходить на беседу» или «в беседу». В помещичьих усадьбах и городских палисадниках даже были такие открытые небольшие флигельки для приема гостя — беседки. Правда, беседа с гостем — это не всегда приятное и беспечное препровождение времени, это и труд. Перечисляя свои особые страдания и труды, апостол Павел пишет: «Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей...» (2 Кор. 11, 28). Но никакие тяготы, никакие несвоевременные заботы и хлопоты в оказании гостеприимства не могут огорчить любящее сердце.

Невозможно представить себе быт православной семьи, исключающий прием гостей и хождение в гости. Религиозные праздники, семейные торжества, родины, именины, крестины, свадьбы, посещение родных, друзей... Русская традиция не позволяла даже нелюдиму избежать гощения. Вспомним гоголевского Плюшкина с его заплесневелым сухарем и очищенным от мух и букашек ликерчиком в «тулупе» из пыли.

В России в прежнее время большие церковные праздники, двунадесятые или храмовые, престольные, праздновались не один день. В праздник следовало обязательно побывать на церковной службе, а затем оказать любовь ближнему — принять гостей и самому сходить, а то и съездить в гости. Свадьба, как наиболее яркий, значительный семейный праздник, также продолжалась несколько дней — молодые навещали и принимали родню. Рождество,

Пасха, Троица, Покров — каждый праздник имел не только свои духовное значение и умозрительное содержание, но и в бытовом плане отличался: настроением, привычными развлечениями, вкусом еды.

В русском бытовом календаре были специальные гостевые периоды. В первую очередь, это Святки. Русский бытописатель Сергей Максимов называл Святками период от «Николы зимнего», 19 (6) декабря, по Крещение, 19 (6) января. На самом деле Святки — это Святые дни от Рождества, 7 января (25 декабря) по Крещение, это знает всякий церковный человек. Но не случайно малоцерковный писатель С. Максимов несколько спутал дни Святок. Он исходил в своем определении из характерного для Святок обязательного хождения в гости и приема гостей. И соединил вместе два гостевых периода русского народного быта. Дело в том, что «Никола зимний» звался еще и «Николой гостевым»: по устойчивой традиции от дня святого Николая и до последней перед Рождеством седмицы было принято ездить в гости. Это время нетяжелого «рыбного» Рождественского поста, время передышки в крестьянском труде и, конечно, время благочестивых дел. Одно из таких дел — навестить родных. Кроме того, если вспомнить об особом почитании у нас Святителя Николая и что Никольские храмы и Никольские престолы наиболее часты в России — в каждом третьем, если не во втором храме есть престол святого Николая Чудотворца, — то становится понятным, что в день 19(6) декабря та крестьянская семья, которая не принимала пришедшую на престольный праздник родню, уж непременно гостила у «хозяев» престола по соседству. Такой, можно сказать, общероссийский престольный праздник не мог, конечно, закончиться в два–три дня, переходы из одного дома

в другой, от одной деревни в другую длились по десять–двенадцать дней. И все же это был пост, гощение более сводилось к визитам, посещению, нежели к шумному застолью, «гулянию», как говорили прежде.

Веселье начиналось после Рождества, на Святках. Следующие «веселые гости» были в Сырную седмицу, так называемую Масленицу, перед Великим постом. Светлая седмица после Пасхи также относилась к гостевому периоду, но он не имел такого вольного характера, как Святки или Масленица. На Светлой было принято приглашать в гости духовенство, часто бывать на службе, поздравлять близких и дальних родственников, навещать «несчастненьких» в острогах или больницах, кормить нищих.

Заметьте, что немало церковных праздников попадает на время самых неотложных сельскохозяйственных работ. Например, «Никола летний» (9/22 мая), святых апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля), летняя Казанская (8/21 июля), Преображение Господне (6/19 августа), Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа). И все же если бы мы с вами могли заглянуть в избу какого-нибудь жителя села Казанское 8/21 июля лет, скажем, сто тому назад, то непременно увидели бы за праздничным столом рядом с хозяевами их родственников, свойственников, кумовьев.

Кроме храмовых праздников был еще свой праздник у каждой деревни, а в городах у каждой улицы. Были и часовенки, где совершались деревенские молебны. В деревне, из которой родом моя бабушка, таким праздником, деревенским престолом, был праздник Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня. Еще лет пять назад в этот день к ней обязательно приезжали в гости родственницы

или подруги, хотя молебны в деревне много лет уже не служат, а на месте часовни давно вырыт пруд. В соседней деревне престол бывал в день святого пророка Илии, и туда в этот день нередко хаживала в свою очередь бабушка. Прежде — для того, чтобы поучаствовать в празднике, а заодно зайти в гости к родне, а позже — по привычке выбирала Ильин день просто для родственного визита. Такие хождения на деревенские праздники были приняты повсеместно. Это, конечно, не значит, что все жители деревни Андроново или села Васютина 26/9 июля шли в гости к жителям деревни Михалево на деревенский праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Конечно, нет. Но из окрестных деревень обязательно были гости на деревенском престоле. Может, и не с каждого двора, но приходили. Приходили старики, пожилые, не очень занятые работой и почитающие бытовые порядки и обычаи, ценящие родственные связи. Шли молодые, легкие на подъем и еще не обремененные семьей, благодаря нерастраченным силам успевающие наверстать в работе ушедшее на гощение время. Шли дети, охочие до впечатлений. Ходили и обыденками, то есть на один день, возвращаясь вечером, ходили и с ночевками.

Конечно, есть люди, да, впрочем, они были и в прежнее время, которые, не сумев увидеть смысла в такой щедрой трате времени на любовь к Богу и любовь к ближнему, подозревают в традиции русского гостеприимства и хождении на праздники лишь склонность к безделью и винопитию. Но вспомните, что Россия особо бедной никогда не была. До известных событий начала века. Перед революцией Российская Империя была одной из богатейших и перспективнейших мировых держав. Как-то все успевали и помолиться, и поработать, и в гости схо-

дить. Мне не раз приходилось слышать от пожилых людей, что тех, кто работал в церковные праздники, не любил гостей и жалел времени самому сходить в гости, называли жадным и не уважали. Кстати, добра за такой скупостью, как правило, не накапливалось, а уж радости в доме, конечно же, тоже не было, потому что радость о достатке мелка и мимолетна.

Сразу приходит мне на память Алевтина Федоровна — наша прихожанка. Живет Алевтина Федоровна своим домом, отдельно от взрослых семейных сыновей. Хозяйство у них с мужем немалое: дом, огород, сад, скотина. И посадить, и прополоть, и накосить, и накормить, и подоить, и починить — все нужно сделать в свой черед, а муж у Алевтины Федоровны еще пока не на пенсии. Однако и праздничная церковная служба, и прием гостей — обязательная часть быта этой семьи. При этом можно заметить, что и хозяйственная часть — чистота, урожай, уход за животными, усадебные постройки — не только на должной высоте, но может служить образцом крестьянского быта в наше время.

Традиция праздничного родственного стола не прерывалась в доме у Алевтины Федоровны. Ее отец Федор Григорьевич Слепцов был человеком уважаемым, прилежным к Церкви, одно время работал помощником по хозяйству при нашем храме. Мама, воспитывая восьмерых детей, несмотря на занятость, умела приветить родню в праздники. «Гости бывали часто. Помногу. Только угощение было победнее. Картофельная запеканка, винегрет, в хорошую пору — студень, — рассказывала Алевтина Федоровна. — Правда, и народ был попроще. Приходили с ночевками. От стола в ночь домой не ходили, не ездили, разве кто рядом жил, по соседству. Укладывались в рядок на полу, покрывались своими

пальтишками или какой хозяйской одежонкой. Никто не роптал. Сейчас-то, конечно, простынку, наволочку, одеялко даю, сейчас потоньше, так сказать, народ, обидеться могут».

Иногда Алевтина Федоровна помогает принять гостей у нас в церковной сторожке. Загодя старается все прибрать, почистить. «Гость недолго гостит, да много видит», — объясняет она свою суету. Она никогда не унывает от стопок грязных тарелок и вилок, ждущих ее рук после обеда. Гость для нее свят. «Какие люди, какие беседы!» — говорит Алевтина Федоровна с умилением после каждого приезда гостей.

Через гощение поддерживаются всяческие и особенно родственные связи. Можно сказать, что оно объединяет родню. В семьях с традиционным укладом стараются родниться, то есть поддерживать отношения, и с самыми дальними родственниками. А как это возможно? Ведь заглазная память недолговечна да и холодна. Отогревается эта родственная память более всего при встрече. В гостях. Таким образом как бы сохраняется, оживляется понятие общности рода у всех, кто народился от какого-то корня. А в конечном итоге — общность народная.

Беседа

«Если выставляешь пришедшим угощение, пусть перед началом трапезы священники восславят Отца и Сына и Святаго Духа, затем Пресвятую Богородицу; и если едят с молитвой, в молчании или ведя духовную беседу, Ангелы невидимо предстоят и записывают добрые дела, и еда и питье в сладость бывают, — учит „Домострой“. — А коли будут при этом бесстыдные речи, блудное срамословие, смех, глумление, гусли, пляски, рукоплесканья, кривлянья

и всякие игры и песни бесовские, — тогда, как дым отгоняет пчел, отойдут Ангелы Божии от такой трапезы и смрадной беседы. А бесы возрадуются и налетят, почувствовав свободу...»

Как же дать беседе нужное направление? К этому должны стремиться все сотрапезники и в первую очередь хозяин дома. Сам день праздника или именин, освящения дома, приезда какого-нибудь значительного лица или любимого друга, окончания какого-либо дела определит в какой-то степени тему беседы. Главное, чтобы в своих разговорах беседующие не ударялись в страстные споры, неблагочестивые шутки, пустые сплетни. Ведь нелепо было бы, собравшись за столом в один из Святых рождественских дней или в праздник Святой Троицы провести время за спорами о политике или за обсуждением грехов или достоинств совсем незнакомых нам знаменитостей театрально-концертного или научного мира. Удивительное чудо застольного единства обязательно должно быть использовано для главного в нашей жизни дела — спасения.

Что свело нас и объединило за столом? Любовь. Завещанная Господом любовь: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Во время дружеского застолья, в дружеской беседе мы наслаждаемся этой любовью, наслаждаемся общением друг с другом. Нам хотелось бы, чтобы это счастливое время продлилось как можно долее, никогда не кончалось. Пусть и беседа наша будет настроена на Вечную Жизнь.

Вспоминается мне любезный сердцу друг отец Алексий Грачев. Как он умел любую тему, любой рассказ, любое самое малое и простое высказывание поднять, вывести на более высокую орбиту, связать с Вечностью! Стояла ли на столе черешня, он тут же вспоминал райские сады, заходил ли разговор о ма-

шине, он среди всевозможных конструкторских или других особенностей находил в ней связь с движением к спасению. Он был замечательным гостем и замечательным хозяином. Он умел *вести стол*. Это, собственно, один из видов служения ближнему — вести застольную беседу. У хорошего хозяина разговор за столом редко распадается на несколько малых бесед. У отца Алексия застольная беседа превращалась в настоящую проповедь, хотя нельзя сказать, что говорил только один хозяин. Интерес к разговору никогда не ослабевал в сотрапезниках. Внимание всех было устремлено на очередного оратора, которого как-то «заводил» или вызывал на речь отец Алексий. Реплики с мест хотя очень оживляли беседу, но не создавали беспорядочного шума. Для многих гостей участие в подобном застолье было равно прочитанной книге, услышанной проповеди, серьезной духовной беседе.

Праздничная трапеза с друзьями — время отдыха. Мы можем его украсить застольным пением. Есть много духовных или народных песнопений, которые развлекут и утешат нас в час досуга. Вспоминается одна интересная застольная песня. Поют ее все сотрапезники, а состоит она из одного куплета, который повторяется столько раз, сколько человек сидят за столом. При этом каждый раз меняется одна строка. Если, например, во главе стола сидит Николай, то мы поем:

Благодатный дом,
Святитель отче Николае в нем
и Спаситель пребывает.
Яко с нами Бог.

Окажется, что за Николаем сидит Нина, поем: «Святая равноапостольная Нина в нем». Переходя

от одного гостя к другому по кругу, мы таким образом перечислим всех небесных покровителей сотрапезников. Такое песенное общее призывание святых можно назвать общей молитвой.

Песни за столом исполняются группой певцов, а может петь кто-то один. Пение можно вынести за рамки трапезы.

Когда только появились первые записи песен иеромонаха Романа (Матюшина), то, еще как бы не наслушавшись их, не решаясь самим исполнять, в некоторых домах, я помню, включали эти записи во время или после застолья и прослушивали несколько песен, обсуждали их, радовались замечательному явлению.

В некоторых семьях к приему гостей родители подготавливают небольшой детский концерт. Это могут быть песенки или стихи, музыкальные вещицы. Возможно, и взрослые в тесном кругу расскажут или даже покажут небольшие забавные сценки. Домашний театр, где разыгрывались несложные миниатюры, не был в прежнее время редкостью во многих семьях. Я помню, как две наши прихожанки, учащиеся взрослого класса приходской воскресной школы, утешили нас сценической шуткой про Курочку Рябу, которую неожиданно для всех разыграли после рождественского обеда тут же, у стола. Позже такие сценки стали традицией на праздничных обедах во время Святок и всем, конечно, они пришлись по вкусу. Если хозяин застолья сам хороший рассказчик, он может иметь на памяти две-три интересные истории для рассказа их за столом, а если не вполне обладает этим талантом, то неплохо, если он не забудет пригласить такого умельца. Кстати, давайте порассуждаем, кого пригласить.

Кого пригласить

Апостол Павел предостерегает от общения с явными грешниками, то есть с людьми, называющими себя христианами, но тем не менее не желающими расставаться со своими грехами. «Я писал вам в послании — не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы нам выйти из мира *сего*. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1 Кор. 5, 9–11). Различное отношение к тому или иному событию или явлению, разномыслие, вполне обычно даже между близкими людьми, но чего ради мы будем объединяться за праздничным столом с человеком, который открыто глумится над Законом Божиим, с, так сказать, убежденным грешником? Однажды, когда Спаситель беседовал с народом, «пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его» (Мк. 3, 31). «И отвечал им: кто Матерь Моя и братья Мои? И обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мк. 3, 33–35). Так определил Спаситель близких.

Любить мы должны всякого человека, но приглашаем к себе в дом все-таки по выбору. Даже там, в будущем веке, в Царстве Небесном, праведникам уготованы различные обители. «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2), — говорит Спаситель. В Царстве Небесном все пребывают в любви, но не все вместе. Тем более следует на земле, собирая

людей, ориентироваться на общность по интересам. А главный у нас интерес — спасение.

Иногда рядом с нами оказываются люди малоцерковные или вовсе не церковные, но как бы расположенные к воцерковлению и, быть может, ждущие попутного ветра. В таком случае мы можем помочь этому ожиданию, проявить свои миссионерские, апостольские дарования. И один из способов — пригласить такого человека в гости. Дать ему возможность присмотреться к образу жизни, послушать разговоры, проникнуться духом церковного семейства. Но, конечно же, следует уклоняться от общения с еретиками, богоотступниками, сектантами. «Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них» (Рим. 16, 17), — заботливо назидает Апостол. Зачастую нам кажется, что мы настолько крепки в вере, что вряд ли кто сможет смутить нас. Напротив, мы верим, что сами вразумим заблуждающегося. Нередко такое самомнение оборачивается трагедией. Немало людей совращаются в ереси и расколы только от неосторожных бесед с противниками Православия. Апостол любви — Иоанн Богослов, проповедующий, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), тем не менее говорит: «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2 Ин. 1, 10–11).

Жилище христианина освящено, в нем находятся святые иконы, в нем мы молимся. Можно сказать, это домашняя церковь. Поэтому и относиться к дому следует соответственно. «Не всякого человека вводи в дом твой» (Сир. 11, 29), — сказано в Библии. Человек чуждого духа незаметно для нас вносит в наш дом свое, оставляет некий духовный след. «Посели в

доме твоем чужого, и он расстроит тебя смутами и сделает тебя чужим для твоих» (Сир. 11, 34), — предупреждает Священное Писание.

Окружение современного христианина обязательно включает в себя и некоторое число нецерковных или просто неверующих людей. Это могут быть соседи, родственники, сослуживцы, педагоги. Не всегда мы можем уйти от общения с ними, да это и не нужно, но, принимая такого человека в своем доме, отнюдь не стоит приноравливаться к его привычкам. Если к вам зашел в пятницу ваш нецерковный начальник, не ставьте на стол колбасы и не угощайте его сливочным мороженым, но напротив, дайте не признающим поста людям убедиться, что пост — это не голод, что постная еда может быть вкусной.

Однажды Зинаиду, очень страдавшую от временных разлук с сыром и молоком, пригласили Великим постом после соборования отобедать в дом к одному иконописцу. Когда она увидела заставленный яствами стол, она воскликнула: «Как вкусно, оказывается, можно поститься!» И с тех пор Зинаида поняла, что недовольство постной пищей проистекает, в основном, от нежелания потрудиться на кухне, и виноваты в этом мы сами, а не церковный устав.

Замечательная хозяйка Алевтина Федоровна во время поста обычно готовила для непостящихся гостей скоромную еду, а для себя ставила на стол постную. Наверное, происходило это не столько от человекоугодия, сколько от многолетней привычки как-то затенять, не выказывать свою церковность. Но в какой-то из праздников, пришедшихся на постный день, Алевтина Федоровна все же решилась сервировать уставной постный стол. Она очень беспокоилась и, видимо, на славу постаралась, чтобы угостить родню. Угощение, конечно, всем понрави-

лось и, что еще немаловажно, возрос авторитет хозяйки и как стряпухи, и как верующего человека.

У церковной хозяйки стол более разнообразен. Церковный календарь и церковная традиция помогают смене ассортимента блюд, зависящей от дня и от праздника. Если вы только начинаете входить в ритм церковной жизни, не стесняйтесь своего «бедного» постного стола, но посоветуйтесь с другими хозяйками, украсьте его необычными для вашего круга яствами и смело приглашайте гостей. У писателя Семена Писахова есть рассказ «Как купчиха постилась», автор две страницы занял только перечислением постных кушаний, которыми утешала себя «благочестивая» купчиха. Кончается рассказ репликой врача, вызванного к объевшейся постнице.

Особенно дурно угощать непостной едой постящегося человека. Хозяин ставит своим угощением гостя в ужасное положение. Гостю трудно обидеть хозяина отказом и в то же время невозможно нарушить установление Церкви. В жизни преподобного Силуана Афонского был такой случай. Святой Силуан по любви к хозяину, случайно спутавшему дни, съел поданный ему скоромный обед. По его словам, ел он эту пищу, как падаль. Если, принужденный вашим гостеприимством или любовью, гость вкусит в вашем доме неуставную пищу, то знайте — для него это будет очень мучительно, как бы изыскано ни было ваше угощение.

* * *

В «Домострое» особо оговариваются гости жены, то есть хозяйки. Женские гости. И, конечно, достойно внимания гощение, а особенно беседа двух-трех соседок, подружек, родственниц. «Хорошим женам пригоже встречаться не ради еды и питья, но

ради доброй беседы и ради науки, чтобы запоминать все для себя впрок, а не пересмешничать и ни о ком не сплетничать. Если же спросят о чем про кого или даже начнут выпытывать, то отвечать: „Не ведаю я ничего такого, и не слыхала, и не знаю, и сама о ненужном не спрашиваю, ни о княгинях, ни о боярынях, ни о соседях не пересуживаю"». То есть встречи-беседы подруг должны иметь целью обмен хозяйственным опытом или сердечный совет, утешение, но не сплетни и пересуды.

Я слышал, что один священник своим прихожанкам советует говорить по телефону (а это тоже гости, так сказать, заочные) не более десяти минут. А за каждую последующую минутку делать земной поклон. Поговорят Валентина Викторовна с Марией Николаевной двадцать минут, положат трубочки и сделают каждая по десять поклончиков. Пройдет несколько месяцев и утихнет болезненный зуд срочно поделиться новостью из чужой биографии, похвастаться обновкой, пожаловаться на зятя. Давно уже не убегает молоко, не пригорает каша и даже на антресолях порядок. Да что телефон! Вполне можно и заглянувшую на чашку чая соседку или пришедшую по-свойски, без зова, подружку, угостив и приветив, вежливо вскорости и проводить, сославшись на свое несвободное положение хозяйки, жены и матери. В своих действиях жене следует руководствоваться настроением мужа, его реакцией на домашнюю беседу приятельниц или на долгий телефонный разговор и не испытывать его терпение и семейный мир на прочность ради своего удовольствия поболтать. Даже нужный разговор, если он вызывает раздражение у главы семьи, лучше перенести на потом.

Автор «Домостроя» советует женам: «В гости ходить, и к себе звать, и пересылаться, с кем велит

муж, и коли гостья зайдет или сама где будет, сесть за столом — лучшее платье надеть и воздерживаться всегда хмельного питья...» «...А коли случатся гостьи, потчевать их напитками как пригоже, самой же хмельного питья пьянящего не пить». И можно заметить, что традиция жене не пить хмельного в отсутствие мужа долго сохранялась в нашем народе. Еще в XIX веке за столом пили сладкую наливочку разве старушки да свободные вдовушки, а мужней жене пить без мужа считалось неприличным.

Веками складывались обычаи и правила приема гостей, обязанности хозяина по отношению к гостю. Вся христианская традиция гостеприимства зиждется на любви и желании проявить ее. Эта традиция помогает нам преодолеть печаль одиночества, которую неизбежно переживает хоть изредка каждый человек. Собственно, эта печаль происходит от разлуки с Господом. Адам оплакивал и переживал ее после изгнания из рая до конца жизни. Мы преодолеваем разлуку с Богом в молитве и Таинствах Церкви. Естественно для нас и стремление к общению, к единению с ближним, несущим в себе образ Божий. Невидимого Бога мы любим в видимом человеке.

В церковный праздник, в именины, в торжественный день венчания мы оказываемся вместе, за одним столом. Это счастливое время бывает недолгим, но вспоминаем мы о нем часто и с любовью. И хочется сказать о нем словами Псалмопевца: «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132, 1).

ДРУГ — УСЛАДА ЖИЗНИ

Знакомый, приятель, друг... Промысел Божий часто ставит нас рядом с новым человеком, предлагая новые встречи, связи, союзы. От того, как сложатся наши отношения с окружающими нас людьми, зачастую зависит не только наша здешняя, земная жизнь, но и будущая. Во всяком случае именно они, отношения с ближними, более всего оказывают влияния на нашу духовную жизнь.

По просьбе друзей

В Евангелии есть трогательный рассказ о том, как Спаситель исцелил расслабленного, тяжко больного человека за веру его друзей.

Иисус проповедовал в Галилее, и со всех сторон стекались к Нему люди. Они приходили, желая услышать нового Пророка и получить облегчение от своих недугов. Однажды, когда Иисус находился в доме, «принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мф. 9, 2).

Каждый из нас имеет немощи. И физические и духовные. И, конечно же, происходят они прежде всего от наших грехов. Знаем мы, что надо бы нам каяться, просить у Бога помощи, но подчас нет на

это сил, нет решимости бросить грех. Бывает, что мы унываем от недостатка веры, от тяжкой болезни, от кажущейся безвыходности положения. Или от многих, слишком многих грехов. Евангельский рассказ ободряет нас и говорит нам, что мы можем прибегнуть к помощи друзей, других людей. Помощь Божия может прийти к нам и по их молитвам.

Даже святые просили молиться о них. «Молитесь также и о нас», — просит апостол Павел (Кол. 4, 3). Верующие люди часто обращаются друг к другу с просьбой помолиться. В нездоровье, в горе, в семейной заботе. Помолиться об успехе в каком-то деле.

Одна женщина, имеющая трех детей и не очень церковного мужа, имеет также обычай в случае болезни детей или при семейной размолвке просить знакомых помолиться о детях, о муже, о себе. Она говорит, что если каждый хоть одно словечко скажет Богу, то до Господа обязательно дойдет просьба.

Наверное, у всякого православного человека есть такой духовный опыт, каждый из нас когда-то испытал на себе силу дружеской молитвы.

Несколько лет назад ушел в иной мир некто Евгений. Он много страдал от болезней и от неустроенности жизни. Про себя он говорил: иногда бывает так плохо, что просто трудно вынести. И вдруг — раз, и все наладилось, значит, кто-то обо мне помолился.

Есть минуты, когда для меня
Не мила никакая отрада,
Как бы душу мою хороня,
Обступают ее силы ада.
Всем знакома такая беда!
Не спастись одному среди битвы,
Не дают нам погибнуть тогда
Друг за друга святые молитвы.

Виктор Афанасьев

В нашей семье лет двадцать назад заболели сразу два близких родственника. Оба попали в больницу в тяжелом состоянии. Прогнозы были самые неутешительные. Мы с женой обзвонили всех (почти всех) знакомых с просьбой помолиться о больных. И случилось настоящее чудо. Оба, хотя и пережили тяжелые операции, но выжили. И я уверен, что Господь продлил их жизнь за молитвы, которые о них возносились.

Как собирали компанию для будущей жизни

Случай исцеления расслабленного за веру его друзей нашел отражение у трех евангелистов. В Евангелии от Марка говорится, что «пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный» (Мк. 2, 3–4).

Удивительно трогательная картина, пример деятельной любви и заботы о близком человеке. Увидев невозможность внести больного в дверь, друзья не повернули обратно, но нашли остроумный выход: влезли на крышу, да еще прокопали в ней отверстие. Не остановило их и то, что подобный поступок должен был выглядеть странным в глазах окружающих. И любовь четверых имела плод — больной получил исцеление. Для нас — а у нас у всех есть близкие люди, друзья, приятели, — для нас большая отрада сознавать, что и мы, как четверо друзей расслабленного, имеем возможность помочь тем, кто нам дорог.

Но не всегда это просто. Случается, что тоже приходится «лезть на крышу», но уже по другой причине.

Людей духовно расслабленных сегодня немало. Причем не каждый хочет духовно окрепнуть и исцелиться. Не все видят для себя необходимость в церковной жизни. При этом у многих из них есть церковные друзья, родственники, сослуживцы. Они-то, друзья, и «приносят» зачастую таких «расслабленных» в Церковь. Порой мы видим, как рядом с человеком, которого мы привыкли видеть в храме на службе одного, вдруг появляется его жена или дети, родители, друзья. Как они попали сюда? Любовь и терпеливая молитва близкого человека привели их к Богу.

Приходит мне на память одна супружеская пара. Оба многие годы не задумывались о вере. Но пришло время, и с помощью Божией жена познакомилась с верующими людьми, вспомнила, что живет в православной стране, что храмы вокруг открыты, и начала ходить в церковь. Вы, наверное, не раз наблюдали, что происходит с человеком, когда он открывает для себя неведомые ему до той поры духовные сокровища церковной жизни. Для него действительно начинается новая жизнь. И сколько бы ему ни было лет, он чувствует себя в эту пору юным, полным сил, готовым на многие свершения. Даже плоть его становится словно несколько тоньше, легче. Для него как будто уменьшается земное притяжение. Заботы и проблемы также «теряют в весе». Радость — привычное чувство этой поры. И конечно же, ему хочется, чтобы так же радостно и легко было его близким. Но не так-то просто, оказывается, привести в храм даже любящего мужа. И тут настает время подвига для верующего родственника или друга.

Помню, как приезжала на службу М.В., молилась, потом иной раз оставалась на трапезу, чтобы обсудить с настоятелем возможную помощь храму.

Два, а то и три часа проводила она на приходе, а муж ее в это время сидел в машине за церковной оградой и ждал. Он никак не соглашался заглянуть в церковь или выпить в сторожке чаю. Ситуация, скажем, даже несколько комичная. Это был упорный «расслабленный», «расслабленный» по собственной воле. Наверное, к «расслабленности» примешивалась немалая доля мужского самолюбия. Казалось — ничто не может сдвинуть его с водительского кресла.

Но однажды мы решили устроить встречу всех благотворителей, которые участвовали в строительстве здания Воскресной школы нашего прихода. Нужно было как-то отблагодарить помощников, и кроме ужина в программе намечался небольшой концерт наших певчих. По-дружески поддержать меня приехал из Москвы священник Алексий Грачев. Многие, наверное, знают, что он был замечательным певцом и музыкантом и часто в небольших компаниях исполнял духовные песни. Кассеты с записями этих песен, где он аккомпанирует и поет с архидиаконом Романом (Тамбергом), пользуются неизменным спросом не только среди православных уже много лет.

Приехала на встречу и М.В., привез ее, как обычно, муж. Службы в этот день не было, гости съезжались долго, все бродили по территории между храмом и школой. Кириллу (все-таки сорвалось!) наскучило сидеть в машине, и он вошел в ограду. Уж не помню как, но нам удалось уговорить его сесть с нами за стол.

Вечер получился превосходный. Много было сказано теплых слов, много спето песен. Отец Алексий особенно нас утешил. Но я заметил, что он то и дело поглядывает на нашего нового гостя.

Когда наступило время прощания, мы в какой-то момент оказались рядом с супругами. Отец

Алексий обратился к убежденному «неприхожанину».

— Вас зовут Кирилл? — и, не дожидаясь ответа: — А вашу маму зовут... — он назвал имя. — А жили вы прежде... — отец Алексий назвал местность в Москве, потом улицу, дом.

Собеседник не знал, что и думать. Мы, признаюсь, тоже. Между тем отец Алексий продолжал:

— Хотите, я скажу, какая у вас была квартира?

И тут же назвал количество и расположение комнат и какая стояла в них мебель.

— В коридоре находилась швейная машинка, — улыбаясь закончил он.

Кирилл, стараясь скрыть удивление, молчал. Он внимательно смотрел на отца Алексия, то ли пытаясь что-то вспомнить, то ли примирившись с удивительной прозорливостью современных православных батюшек.

— Здорово? А? — не выдержал отец Алексий. — А теперь до свидания!

И чтобы не раскрыть фокуса, отошел в сторону. Супруги уехали.

— Просто мы с Кириллом в детстве жили в одном доме и были друзьями. Потом мои родители оттуда уехали. Он меня не узнал, слишком много лет прошло, и я к тому же сильно изменился. Да он и не ожидал меня увидеть в таком качестве, — объяснил отец Алексий.

Потом мы много раз вспоминали этот случай, весело представляя удивление Кирилла, его недоумение. А потом...

Потом Кирилл стал не только привозить на службу жену, он стал нашим прихожанином. Он исповедуется, причащается и строго следит за тем, как идет церковная жизнь семьи: не нарушается ли

устав, не страдает ли благочестие. Он муж и отец, и чувствует себя ответственным.

Молитвы близкого человека — жены — конечно, не могли не быть услышаны. Господь обязательно привел бы Кирилла к вере. Но Промыслом Божиим к этим молитвам добавились еще и молитвы друга детства, священника. Помня отца Алексия Грачева, его умение дружить и любить, думаю, что он тоже помог воцерковлению, и не просто подвинул, а можно сказать, «втолкнул» Кирилла в Церковь.

В книге «Луг духовный», где собраны случаи из жизни древних христианских подвижников, записанные в VII веке блаженным Иоанном Мосхом, есть рассказ об обращении языческого философа Евагрия.

Епископ Синезий, прибыв в город, где находилась его кафедра, встретил там одного философа, по имени Евагрий, своего школьного товарища и искреннего друга. Но Евагрий как был когда-то язычником, так и остался. Епископ Синезий поставил себе целью и главной заботой, ради той любви, какую он издавна питал к другу, отвратить Евагрия от идолослужения. Он подолгу и часто разговаривал с философом, убеждал его уверовать в Христа и принять Его учение. Но Евагрий говорил: «Все это кажется мне обманом, насмешкой и пустыми словами». Синезий не отставал и старался подтвердить правоту своих слов доказательствами.

Долго епископ добивался своей цели, пока, наконец, не обратил философа в христианство и затем крестил его с детьми и всеми домочадцами.

Крестившись, Евагрий дал епископу три динария золотом и сказал: «Прими от меня три динария, раздай бедным и дай мне удостоверительную грамоту, что Христос воздаст мне за это в будущей жизни»,

так как слышал это от Синезия. Взяв деньги, епископ охотно дал ему грамоту.

Через несколько лет Евагрий тяжко заболел. Перед кончиной он попросил своих детей: «Когда будете хоронить меня, вложите грамоту в мои руки и похороните меня с ней». Он также просил никому не говорить об этом. Дети исполнили желание отца.

На третий день после погребения Евагрий явился в сновидении епископу Синезию и сказал: «Пойди и в гробу, где я лежу, возьми свою грамоту. Я получил что следует. Вполне удовлетворенный, я не имею более никакой претензии на тебя и в удостоверение тебя в этом я расписался на твоей грамоте».

Епископ не знал, что дети покойного похоронили его вместе с грамотой, но когда он рассказал им сон, они сознались в этом.

Синезий, взяв детей, духовенство, знатных жителей города и некоторых простых граждан, пришел к могиле философа. Могилу разрыли, раскрыли гроб: философ лежал и держал в руке грамоту. Ее развернули; в конце, за словами епископа, была свежая приписка: «Я, Евагрий-философ, тебе, святейшему епископу господину Синезию, желаю радоваться. Я получил по твоей расписке, вполне удовлетворен и не имею никакой претензии на тебя из-за того золота, которое я дал тебе, а через тебя Христу Богу и Спасителю нашему».

Так, через обращенного им к Господу школьного товарища, епископ Синезий и жители города стали свидетелями удивительного чуда.

Среди воспоминаний бывшего наместника Троице-Сергиевой лавры, архимандрита Кронида (Любимова), есть рассказ известного московского профессора-хирурга Ф.И. Синицына о друге своей юности, сокурснике-студенте.

«Этот юноша, — рассказывал Синицын, — по душе своей во всех отношениях был идеальным человеком, добрым и милостивым. Но он проявлял полнейшее неверие в Бога. На этой почве у меня много раз бывал с ним горячий спор. Друг мой был слабого здоровья. У него быстро развивалась чахотка. Сердце мое разрывалось от скорби, что юноша умрет в неверии. Надеясь на помощь Божию, я и сам лично стал молиться о нем усиленно и просил знакомых священников совершать о нем молитву.

Врач, лечивший больного, сообщил мне, что он безнадежен и жить ему осталось три дня. Помолившись, я стал просить друга покаяться и приобщиться Святых Христовых Таин. Но просьба моя неприятно подействовала на больного, и он в раздражении сказал: „Оставь меня в покое и больше об этом мне не говори". Я не мог выдержать скорби и заплакал. Видя мои слезы, он стал меня успокаивать. Я же, заметив, что он смягчился, опустился перед ним на колени и воскликнул: „Коля, друг мой! Ты ведь знаешь мою беспредельную дружескую любовь к тебе. Прошу тебя, ради этой любви и дружбы обрадуй меня! Не смею более просить тебя о приобщении Святых Христовых Таин, если не вмещает этого душа твоя. Но хотя бы ради нашей святой дружбы покайся перед Богом при посредничестве отца духовного как свидетеля твоего покаяния перед Богом".

Подумав немного, он ответил, что во имя нашей дружбы всей душой желает сделать мне приятное и готов исполнить мою просьбу. Радости моей не было предела. Тотчас же был приглашен больничный священник.

По мере искреннего своего раскаяния и сознания своей виновности перед Богом больной, видимо, все более и более смягчался сердцем. Наконец он запла-

кал, потом зарыдал и воскликнул: „Теперь я вижу и сознаю свою вину пред Богом. Прошу вас, батюшка, если вы найдете возможным, ради милосердия Божия, удостойте меня причащения Святых Христовых Таин".

Когда друг принял Святые Таины, на лице его отразились радость и блаженство. Он с чувством глубокого смирения обратился ко мне и сказал: „Федя, если бы ты знал, как я несказанно счастлив! Радости моей нет границ. И все это ради беспредельного милосердия Божия и твоей истинно святой дружбы. Благодарю тебя от всей души!"»

Настойчивость друга, его молитвы и уговоры имели плод — больной умер, примирившись с Господом. Перед смертью он попросил совершить над собой Таинство елеосвящения и сразу же по завершении его, впав в забытье, скончался.

Был у меня друг, татарин Наиль, в крещении — Николай. К православию он пришел уже зрелым человеком, поэтому верующих знакомых у него почти не было. Но любить и дружить он умел необыкновенно. Поэтому, наверное, через какое-то время крестилось большинство его родственников и друзей. А те, кто уже был крещен, стали ближе к Церкви. Так что Николаю не было одиноко в его новой церковной жизни.

Мне вспоминается, с какой горячностью он убеждал своих друзей и родных. Если это были русские друзья, он пытался уязвить их совесть словами: «Как тебе не стыдно! Это же твоя родная религия. Все твои предки были православными. Молились, ходили в церковь. Твоя обязанность перед ними, перед своей историей — быть православным. И в воскресенье твое место в храме! Я татарин, вырос в татарской деревне, у меня вся родня мусульмане, а я крестился,

хожу в храм, в ваш храм! Слушаю службу и читаю молитвы на вашем церковнославянском языке!..» Для соплеменников же Николай находил примеры в житиях святых. Он разыскал истории жизни почти всех православных святых и подвижников из татар, турок, узбеков. Его темпераментные яркие рассказы были очень убедительны, благодаря им несколько соплеменников Николая крестились и стали церковными людьми. Причем такими же горячими в вере, как и сам Николай. Сейчас он уже умер, но к нам в храм приезжают и мне звонят те бывшие «расслабленные», которых он познакомил с Христом.

Чужих нет, везде — свои

Есть люди, имеющие свойство быть внимательными ко всякому человеку, оказавшемуся рядом. Каждый-то им интересен, каждому они готовы стать ближе.

Вспоминается мне вечер памяти протоиерея Геннадия Огрызкова. Огромный зал, полный народа. И среди присутствующих немало людей, которые когда-то познакомились с отцом Геннадием не в Церкви, не когда пришли к нему как к священнику. Многие знали его когда-то как одноклассника, как сокурсника, как собеседника, соседа, приятного знакомого. Некоторые сами никогда не задумывались о вере и о Боге. Но отец Геннадий молился о всех, кого любил, кого помнил. Он напоминал о них и Богу. Так его друзья и близкие входили в Церковь.

Отец Геннадий молился не только о тех, кого знал лично. Он очень любил стихи Булата Окуджавы и молился о том, чтобы поэт пришел к вере. Мы знаем, что перед смертью Булат Окуджава принял святое Крещение и поминаем его с именем Иоанн.

Наверное, отец Геннадий был одним из тех, по чьим молитвам это произошло.

Однажды, незадолго до рукоположения во священника, я задал отцу Геннадию вопрос: какое главное свойство священника? Отец Геннадий ответил: «Открой свое сердце и впусти туда всех». Сам он, конечно, имел такое «расширенное», по словам Апостола, сердце. «Любящий другого исполнил закон» (Рим. 13, 8). Отец Геннадий имел талант любить каждого, кто нуждался в его любви.

Вспоминается мне еще одно «широкое» сердце. Сердце, в котором многим было не тесно. Эту женщину, она уже преставилась ко Господу, звали Татьяной Всеволодовной. Она была юристом и часто бескорыстно помогала тем, кто нуждался в юридическом совете или поддержке. Была она общительной, и кого бы ни встречала на своем жизненном пути, всех пыталась привести к Богу.

Дом, где жила Татьяна Всеволодовна, имел большое подвальное помещение, в котором когда-то размещались комната домкома, актовый зал и комнаты для занятий различных кружков. Во время «перестройки» кружки исчезли, площадь освободилась. Татьяна Всеволодовна уговорила своего начальника, состоятельного и влиятельного человека, на благотворительный поступок: купить спортивные тренажеры и оборудовать в одной из пустых комнат бесплатный тренажерный зал для местной молодежи. Она договорилась с местной администрацией, и в подвале поставили несколько тренажеров. В соседнем же актовом зале Татьяна Всеволодовна устроила Воскресную школу для взрослых, в которой мне посчастливилось некоторое время преподавать Закон Божий. Правда, не по воскресеньям, а по четвергам.

Расчет Татьяны Всеволодовны был простой. Ребята, которые приходили «качаться», из любопытства заглядывали в открытые двери зала, где проходили занятия школы (а двери мы всегда оставляли открытыми), и нередко оставались послушать. Тогда разговоры о Боге были новостью.

Потом, когда молодежь немного попривыкла к такой спортивно-духовной программе, Татьяна Всеволодовна стала устраивать для них беседы и в неформальной обстановке. С пирогами, с чаепитием.

Через какое-то время она уже брала некоторых ребят с собой в церковь на службу. И надо сказать, часть этих юношей воцерковилась.

Замечу еще, что и постоянные слушатели Воскресной школы все были знакомыми Татьяны Всеволодовны.

Ей было свойственно удивительное умение увидеть ближнего во всяком человеке. В соседе, в хулиганистом подростке, в пьянице-сотруднике, в беспутной девчонке. Татьяна Всеволодовна не только воспринимала их как ближних, она словно каким-то внутренним оком видела их уже исправившимися, примиренными с Богом. Потому она так искренне старалась поучаствовать в их жизни, научить, предостеречь. Помочь им открыть дверь в Церковь.

Ближнего дарит нам Господь. Дарит, чтобы мы могли исполнить Его заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». В отношениях с ближним решается наша будущая судьба. Только возлюбленный нами может открыть нам Царство Небесное.

Иногда весь мир вокруг нас представляется нам враждебным. И кажется, что нет рядом ни одного человека, о котором мы скажем: «Он такой же, как я». Мир может быть враждебным, но человек обязательно есть. Мы просто не видим его. Это оттого,

что внутри нас что-то мешает его увидеть. Чаще всего это грех. Грех осуждения, надменности, холодного сердца.

В православном молитвослове есть замечательная молитовка. Коротенькая молитва о умножении любви. Любви, которой нам часто не хватает.

«Союзом любве апостолы Твоя связавый, Христе, и нас, Твоих верных рабов, к Себе тем крепко связав, творити заповеди Твоя и друг друга любити нелицемерно сотвори молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче».

Попробуйте иногда читать ее, вспоминая искреннюю любовь святых апостолов и первые христианские общины, где люди жили в такой любви и доверии друг к другу, что не желали иметь даже личного имущества. И, конечно, вспоминая жертвенную любовь к нам Христа.

Вы увидите, как со временем что-то изменится в вас. И вокруг. Потому что мир вокруг нас меняется, когда меняемся мы.

Имеющий друга — имеет другого себя

В Евангелии говорится, что постель с больным несли четверо. Этих людей объединила вера и любовь к своему другу. В наше очень непростое время понятие дружбы претерпевает сильные изменения. С ним происходит то же, что и с другими благородными явлениями. Слово остается. Явление же постепенно исчезает.

Почему? Да потому, что узаконился грех, беззаконное стало законным. «И по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь», — предупреждал Спаситель (Мф. 24, 12). Дружба — это тоже род любви. Охладевает и она.

Сегодня дружба — это, по большей части, приятные или полезные отношения. Они ограничены своеобразными рамками. В счастье и удаче — друг, в беде и несчастье — сам по себе. Нет места жертвенности. А дружбы и любви без жертвенности не бывает. Без жертвенности это просто слова. Но если из нашей жизни уйдут любовь и дружба, то можно считать, что битву за вечную жизнь мы проиграли.

Человек может почувствовать недостаток витаминов в организме, но редко кто ощущает в себе дефицит любви к ближним. Зато, пусть бессознательно, ему дается почувствовать, как этот дефицит лишает его будущего. Поэтому он и стремится пожить «вовсю» и скорее здесь, на земле. Чтобы успеть все съесть, все выпить, все заработать, все купить, все иметь. Потом-то ничего «хорошенького» не дадут.

И все же, какую бы нечестивую жизнь ни вел человек, каким бы безбожным и грешным он ни был, как некую духовную генную память несет он в себе память и веру в настоящую любовь. Сам не сознавая того, он тоскует о ней, надеется встретить ее. Как верим мы в справедливость, которой даже никогда не встречали в этом мире.

Мне вспоминаются давние годы и один приятель. Жизнь он проводил не очень благочестивую, вечно в каких-то полузаконных, по тем временам, коммерческих предприятиях. Он легко знакомился, быстро становился близким человеком. Много и часто говорил о дружбе. Но его дружеские союзы обычно имели какую-нибудь определенную цель. Он легко обманывал своих друзей, если это было ему выгодно. Но он по-настоящему страдал, когда обманывали его. Он возмущался: «Как! Ведь мы друзья! Ведь я сделал для него то-то и то-то, я помог ему в том-то и в том-то! Я был ему как брат!»

Позже я понял, почему он так ярко, так искренне говорил о дружбе. Он верил в нее. Это была его мечта. Но на осуществление ее у него не хватало сердца и воли.

Дружба — это особенный род любви. Удивительно бескорыстной любви. Это чудесный дар, данный нам Богом сверх всех радостей этой жизни. Даже супружеская любовь имеет в себе некоторую корысть. Родственная любовь возникает от естественных законов. Но дружество рождается сверх законов естества. Оно словно проекция или отсвет любви будущего века.

Как это происходит? Никто не может сказать. Это тайна.

В моей жизни было два случая, когда я приобрел искренних друзей как бы помимо собственного желания. Один из них я расскажу.

С отцом Алексием Грачевым я познакомился по телефону. Тогда он был просто Алешей, врачом-педиатром в одном московском роддоме. Познакомился я с ним по известным семейным обстоятельствам: в этом роддоме находилась моя жена. В день, когда я забирал супругу с новорожденным сыном, я впервые увидел Алешу. Он выглянул из окна и помахал нам рукой. Мы уже садились в машину, и в ответ я помигал фарами. Вот собственно и все. Дальнейшего развития отношений тогда не предвиделось. Во всяком случае, до следующего посещения роддома.

Но оказалось, что этот день был последним днем Алешиной работы. Он как раз заполнял тогда обходной лист, необходимый для увольнения. А через неделю у него начинались вступительные экзамены в духовную семинарию.

Таким образом, вскоре, через Троице-Сергиеву лавру и семинарию, круг наших друзей и знакомых

сделался общим. И мы часто встречались у кого-нибудь дома или на церковных праздниках. И все же особого интереса, как и прежде, это общение у меня не вызывало.

Скоро он стал священником, затем рукоположили и меня. А через какое-то время я заметил, что часто, через разных людей, получаю от отца Алексия приветы и что он особенно внимателен ко мне при встречах. Я видел, что он как бы стремится к более близким, более сердечным отношениям.

Но мне в ту пору казалось, что мы с ним совершенно разные. Что у нас разное воспитание, разные увлечения, разное прошлое. Кроме того, я был вполне доволен тем общением и друзьями, которых имел. И потому был несколько прохладен с новым знакомым. К тому же я знал, что друзьями отец Алексий богат и без меня, богаче меня в несколько раз, и значит, мое нежелание сближаться — не обездолит его. Мы оставались просто приятелями.

Однажды у меня дома образовалась некоторая проблема, которую я не знал, как разрешить. Неожиданно позвонил отец Алексий, и я на обычное «как дела?», тоже совершенно неожиданно для себя, подробно изложил ему мою ситуацию. Он сразу же «включился» в проблему. «А я на что?» — спросил он и предложил свою помощь. Он сделал это так легко, а главное убедил меня, что у нас все получится, что я согласился.

Проблему мы решили. А потом долго сидели на нашей кухне, пили чай, разговаривали и пели. Мне в тот день как раз подарили (и тоже друг) новую гитару, а отец Алексий был превосходным музыкантом, песни нас и сблизили. С этого вечера наши отношения изменились. Прошло немного времени, и все придуманные мной «разности» пропали. Общего оказалось так

много, что мне временами стало казаться, что мы с ним выросли в одной квартире, гуляли в детстве в одном дворе, учились в одном классе. Биографии у нас были, конечно, разные, но на жизненном пути нашлось очень много общих точек. Даже быт родителей был похожим, вплоть до мебели в их квартирах. И если начать перечислять наши общие «точки», то и вам покажется, что мы росли в одном доме. Мне было странно, что я прежде не видел этого.

Через какое-то время мы оказались соседями. Мне не очень хотелось переезжать именно в этот район, слишком удаленный от привычных мест. Но трижды квартирные агенты по каким-то непонятным причинам привозили меня к одному и тому же подъезду одного и того же дома. Рядом с домом отца Алексия Грачева. На третий раз я смирился. Потом несколько лет мы жили рядом. Эти годы благодаря ему я вспоминаю как долгий праздник. Как удивительный подарок от Господа.

Мы стали часто видеться, но сблизил нас не столько совместно проводимый досуг (ведь у священника не много свободного времени), сколько множество общих дел, пусть и небольших. Казалось, они возникали сами, пользуясь удобным случаем близкого соседства.

Постепенно жизни двух людей, двух семей пересекались, переплетались, прорастали друг в друга.

Однажды я заболел воспалением легких. Потребовалось делать уколы, и я договорился со знакомой медсестрой, жившей несколькими этажами ниже. Когда отец Алексий узнал об этом, он возмутился.

— У тебя есть кум (а мы к тому времени стали еще и кумовьями), врач высшей квалификации! Что я тебе, укола не сделаю?! Завтра же отменяй медсестру!

И несмотря на мои возражения, что у него и так не хватает времени, что у него три храма и семья, он приходил ко мне дважды в день и делал уколы. При этом он почему-то очень радовался.

— Ну как? — говорил он, заглядывая в глаза. — Здорово у меня получается? Почувствовал хоть что-нибудь?

Когда у меня возникало какое-нибудь затруднение, отец Алексий просил меня не искать помощи у кого-либо другого, а предлагал непременно свою. Когда же узнавал, что я не решился его в чем-то побеспокоить, — огорчался: «У тебя, что, кума нет?»

Кто сам испытал и знает, что такое настоящая дружба, тот, конечно, согласится со словами святителя Иоанна Златоуста и порадуется, читая их:

«Верный друг поистине — услада жизни. Верный друг поистине — твердый покров. Чего, в самом деле, не сделал бы друг искренний? Какого не доставит он удовольствия? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на бесчисленные сокровища, и все это — ничто в сравнении с искренним другом. Но скажем прежде, сколько удовольствия заключает дружба в себе самой. Взирающий на друга просветляется от радости, тает от удовольствия и соединяется с ним по душе каким-то особенным союзом, заключающим в себе неизъяснимое наслаждение. Он оживает духом и окрыляется даже при одном только воспоминании о нем. Я говорю о друзьях искренних, единодушных, готовых умереть друг за друга. Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себе обыкновенных приятелей, сообщников застольных, друзей по одному имени. Кто имеет такого друга, о каком говорю я, тот поймет мои слова... Так друг мил, что даже места и времена становятся любезны от него. Как светлые тела разливают свет

на окрестные предметы, так друзья самим местам, в которых случалось им бывать, сообщают свою любезность. И часто бывает, что посетив эти места без друзей, мы плачем, вспоминая о тех днях, в которые были здесь вместе, и рыдаем. Невозможно, однако, словами выразить, сколько удовольствия доставляет присутствие друзей; это понимают только те, которые испытали. Без зазрения можем просить услуги или принимаем услугу от друга. Когда они приказывают нам, мы им благодарны, и скорбим, когда они стесняются...

В самом деле, пусть лучше солнце померкнет для нас, чем чтобы мы лишились друзей. И я скажу, почему это. Многие, взирающие на солнце, находятся во тьме, а богатые друзьями никогда не бывают скорбны. Я говорю о друзьях по духу, ничего не предпочитающих дружбе.

Какое хочешь представь себе удовольствие, низкое ли, благородное ли, — сладость дружбы будет выше всех их. Укажи даже на сладость меда, но и мед делается приторным, а друг никогда, пока остается другом; напротив, любовь к нему более и более возрастает, между тем проистекающее из нее удовольствие никогда не производит пресыщения. С другом иной с удовольствием может жить и в ссылке; а без друга и дома жить не радостно. С другом и бедность не тяжела; а без него в тягость и здоровье и богатство. Имеющий друга — имеет другого себя. Жалею, что не могу объяснить этого примером; ибо сознаю, что все сказанное будет гораздо менее того, что следовало бы сказать».

Когда мы встречаем дружественных между собой, то сам вид их радует нас и умягчает сердце. Потому что, где любящие, там Господь. «Вы научены Богом любить друг друга», — говорит Апостол

(1 Фес. 4, 9). Не могу удержаться, чтобы не рассказать случай, когда дружеский союз двух незнакомых мне людей порадовал меня не своим видом, а... на слух.

Однажды вечером раздался телефонный звонок.

— Привет, — произнес незнакомый мужской голос. Приветствие прозвучало так тепло, словно незнакомец был уверен, что необычайно обрадует меня.

Я машинально ответил.

— Ну? — мягко подвигая меня к ответной радости, продолжил мой собеседник. — Я уже жду.

— Кто это? — спросил я, хотя уже понял, что просто кто-то ошибся номером и не догадывается об этом.

— Кто, кто... Сосед! — Это слово голос произнес особенно задушевно.

Мне стало жаль, что оно относится не ко мне, и я спросил, так, на всякий случай.

— Какой сосед?

— Сосед может быть только один! — уверенно-радостно сказал незнакомец. Он все еще думал, что попал к другу и тот случайно не узнает его. За сердечными интонациями стояла целая история. Мне опять стало жаль своей непричастности.

— Вы ошиблись, — со вздохом признался я, и мы повесили трубки.

Случай, кажется, обыкновенный. Подумаешь, ошиблись номером. Но прошло уже почти двадцать лет, а он нет-нет да и всплывет в памяти. И опять я пытаюсь представить себе тех друзей, их радость даже от телефонной встречи. Их настроенность друг на друга, когда не надо много говорить и называть себя, а лишь сказать: «Я жду». Я вспоминаю слова, искренне счастливые нотки голоса. И мне почему-то радостно.

О жертвенности

Положение друга, безусловно, приятно. Но в дружбе, как и в браке, непременно есть место жертве. Причем, если в браке эта жертва может быть несколько вынужденной, то в дружбе она совершенно добровольная. Как жертва Спасителя.

«Луг духовный» предлагает нам рассказ о двух иноках-друзьях. Молодые люди были так дружны, что дали друг другу обещание никогда не расставаться. Но со временем один из них подвергся плотской брани и решил уйти из монастыря в мир. Другой брат, чтобы не оставлять его одного, пошел вместе с ним и горько плакал, когда тот вошел в дом блудницы.

Совершив грех, инок не захотел вернуться в монастырь и остался в миру. Ради него остался в миру и добродетельный брат.

Оба они трудились на строительстве некой обители. Причем согрешивший каждый день получал плату за двоих и уходил в город, где тратил деньги на распутство. Между тем другой брат постился и молча делал свое дело. Об этом доложили настоятелю, авве Авраамию. Тот, призвав инока, спросил у него, почему он не ест, не пьет и весь сосредоточен в себе. Тот открылся во всем и сказал: «Ради брата я терплю все это, да видит Бог скорбь мою и да спасет его». Авва Авраамий, выслушав, произнес: «Господь даровал тебе душу брата твоего». Как только авва отпустил работника, тот встретил своего друга. «Возьми меня в пустыню, — воскликнул друг, — да спасется душа моя!»

Они немедленно отправились в пустыню и затворились в пещере у Иордана. Там согрешивший брат, премного усовершенствовавшись в Боге, скончался.

А друг его, приложивший столько сил для его спасения, остался жить в той же пещере, чтобы, согласно обещанию, не разлучаться с братом до самой смерти. Там он и умер.

«Кто от всего сердца желает исправить заблудшего человека, тому Сам Господь помогает», — писал святитель Николай Сербский.

Хороший друг часто готов пожертвовать ради друга своим временем, силами, достатком. А иногда и судьбой. И при этом, лишаясь чего-то, он бывает счастлив. Потому что дело помощи другу уже само в себе несет неизъяснимую награду. Потому что в это время с нами Христос.

Мне посчастливилось в течение нескольких лет быть рядом с человеком, именно так понимавших *дружбу*.

Кто был знаком с архидиаконом Романом (Тамбергом), помнят, что он был необыкновенно щедр к друзьям. Он делился всем, что у него было, и обыкновенно раздаривал все, что к нему попадало. Однажды учащиеся Духовной Академии получили от каких-то благотворителей гуманитарную помощь в виде черных кожаных полуботинок. В те времена одежду и обувь, да и все прочее, у нас не покупали, а доставали. С трудом. Особенно трудно было достать именно обувь и именно черную. Хотя, может быть, мне так казалось, потому что служить можно только в черных ботинках, и мы вечно их искали. У отца Романа, тогда еще иеродиакона и студента, были те же проблемы. Поэтому черные ботинки ему были вовсе не лишние. Однако они оказались у меня.

Он протянул мне коробку как-то неожиданно, между прочим. Это был не день именин или рождения, не какой-либо праздник. Он просто произнес:

«На!» Словно это само собой подразумевалось, и он выполнил мою просьбу. Я удивился. Открыл коробку, достал башмак. Удивился еще больше, таких ботинок и достать было нельзя. Взглянул на нарочито равнодушное лицо отца Романа.

— Твой, твой размер, — сказал он. — Подходят?

— Подходят. Конечно, подходят! — мне было приятно, что он помнит, какой у меня размер.

Но я не знал, откуда у него эти ботинки. Я подумал, что он их где-то купил. К тому же он был студентом, а я все-таки получал зарплату, поэтому я спросил:

— А сколько они стоят?

— А сколько стоит дружба? — услышал я в ответ.

Дарил он легко и как-то очень просто. Причем, по случаю и без случая. Но всегда именно то, что было нужно. Он умел настроиться на другого человека, помнил о его привычках, увлечениях, о его потребностях.

Друг всегда мог рассчитывать на его горячую поддержку.

Когда умер отец Геннадий Огрызков, осиротевшие прихожане обращались к священникам, близко знавшим отца Геннадия, с просьбой взять их приход и заменить им духовного отца. В горе люди как бы забыли, что у каждого пастыря есть свой приход, и он не может бросить людей, с которыми его связывают точно такие же близкие отношения.

Но отец Роман, как всегда приняв дело своего друга близко к сердцу, бросился уговаривать батюшек. В горячности он даже думал сам принять священнический сан и проситься на приход отца Геннадия. В это время у нас с ним вышла некоторая размолвка. Он упрекал меня:

— Твой друг пал на поле брани. Ты должен встать на его место и продолжить его дело!

Это было его — ради друга забыть все, забыть себя. Он был счастлив монастырской жизнью рядом с близкими по духу людьми. Но он был готов и отказаться от этого счастья.

Связь не прерывается

Смерть друга — тяжелое испытание. Но смерть не может полностью лишить нас отношений с нашими близкими. Просто эти отношения становятся другими. Память о радостных днях общения живет в нас не для того, чтобы угнетать нас печалью, а чтобы мы молились о наших ушедших. Ради этих сердечных молитв Господь может оказать милость тем, кто был нам дорог. И даже изменить их загробную участь.

Святитель Григорий Двоеслов рассказывает, что в их монастыре жил монах, который в келье скрывал золото, что было запрещено уставом. Об этом узнали другие монахи, и святитель Григорий запретил инокам навещать согрешившего брата, дабы побудить того к раскаянию.

Инок тот был очень болен и вскорости умер. Похоронили его вне монастырского кладбища, а золото бросили на могилу.

«Через тридцать дней, — говорит святитель Григорий Двоеслов, — мне стало жаль его. И я велел отслужить по умершем тридцать заупокойных литургий, а также всем творить общую молитву о нем». В самый день, когда была совершена последняя, тридцатая литургия, он явился во сне своему родному брату и сказал: «Доселе, брат, я жестоко и страшно страдал, теперь же мне хорошо и я нахо-

жусь во свете». Так покойный был избавлен от муки ради спасительной, принесенной ради него, жертвы.

Несколько лет назад в автомобильной катастрофе погибли два друга, священник Алексий Грачев и архидиакон Роман (Тамберг). Они ушли из жизни неожиданно, ушли молодыми, обоим не было сорока. Они не жили беспечно, но, наверное, и не рассчитывали, что жизнь оборвется так рано и вдруг. Как у всех людей, конечно, были и у них какие-то грехи, но были и добродетели. Дружные между собой, они были друзьями и для многих других людей, с которыми сталкивала их жизнь. На заупокойную службу, на панихиду по ним собралось огромное число, просто море народа. Потому что в жизни они были очень любящими и дружественными.

И уже несколько лет, в какую бы церковь я ни попадал, мне отрадно бывает еще раз отметить, что и здесь молятся о упокоении иерея Алексия и архидиакона Романа. А раз Церковь молится, мы верим, что не бесполезно.

Мы молимся за ушедших друзей, родных, благодетелей. И, счастливые люди, мы можем помолиться не только о тех, кого лично знали при жизни, но и о тех, кто своим талантом, своими идеями или гражданским подвигом близки нам. Чей жизненный путь восхищает нас, чьи произведения дают нам минуты утешения, отдохновения от суеты. Мы можем помолиться о загробной участи Пушкина, Гоголя, Достоевского, Глинки, Шишкина, Нестерова, Поленова, Бунина, Шмелева. Наше патриотическое чувство может выразить себя в молитве за Суворова, Державина, Шишкова, Столыпина, Жукова. Мне известно, что многие священники имеют синодики, по которым они на службе поминают великих людей

России. Немало в нашей Церкви и мирян, в чьих поминальных списках нашлось место любимому писателю, поэту, ученому или государственному деятелю.

Надежда на дружеские молитвы о нас умаляет сам страх смерти. Вспоминается мне в связи с этим замечательное стихотворение Дмитрия Сергеевича Соколова.

Когда уйду навеки
С лазоревой земли,
Не всхлипнут горько реки,
Не встанут корабли.
Не остановит птица
Над миром свой полет.
Лишь добрый друг проститься,
Помолиться, придет.
Поставит тихо свечку,
Прошепчет надо мной:
Спаси его, Превечный,
Спаси и упокой.
В безмерной тяжкой стыни,
В бессветной западне
Молитвами святыми
Лишь он поможет мне.
Сквозь ледяную бездну
Среди кромешных туч
Лишь он, родной, любезный,
Пришлет мне теплый луч.
И скорбная могила
Уже не так страшна,
Пока горит кадило
И ектенья слышна.
Качается кадило,
Плывет пасхальный глас...
О Господи, дай силы
Мне встретить смертный час.

Мысли о смерти для обычного человека — не самые приятные. Но помнить и думать о смерти нужно, ведь смертная память прогоняет грех. «Кто помолится о нас, когда мы уйдем? — невольно думаем мы, вспоминая о смертном часе. — Кто подаст записочку, придет на могилку?» И вместе с тем вспоминаем о близких, о тех, с кем мы дружественны. И печаль растворяется, становится светлее. «Богатые друзьями никогда не бывают скорбны» (святитель Иоанн Златоуст).

* * *

Дружба — это одна из возможностей наслаждаться взаимной любовью. Возможность видеть себя со стороны. С особой остротой переживать свои ошибки и грехи. Учиться великодушию и благородству.

«Сердце наше расширено. Вам не тесно в нас» (2 Кор. 6, 11). Если мы любим, мы впускаем человека в свое сердце. Беды и радости делаются у нас общими и, служа ему, мы словно служим себе. Служим молитвой и поступками. Служим живым и уже ушедшим. Жертвенная помощь и молитва о других привлекают к нам благодать Божию, делая нас по-настоящему счастливыми. И утешая надеждой на встречу в Царстве Небесном. Аминь.

ЕСЛИ ТЕБЯ ОБИДЕЛИ

Немирный дух, поразивший в последние годы как общество в целом, так и множество отдельных его членов, пытается сегодня как бы узаконить некоторые ставшие привычными грехи против ближнего: мстительность, осуждение, недоверие, недоброжелательность, ненависть. Поэтому нелишним будет сказать о том, как Православная Церковь учит относиться к тем, кого мы считаем своими противниками и врагами, к «ненавидящим и обидящим нас».

Человек сотворен по образу и подобию Божию, и как Вселюбящему Богу несвойственно не любить кого-либо, так и человеку это несвойственно. Ненавидящий ближнего (даже виноватого) поступает против своей природы, ломая и уродуя ее. Великим богатством считаем мы здоровье. Как печалит нас даже малая потеря его! А вот ущерба, нанесенного своей душе, мы часто не замечаем. Хотя драгоценнее человеческой души нет ничего в мире. Весь этот прекрасный мир, что окружает нас, когда-нибудь окончит свое существование, обратится в прах. Душа же человека будет жить вечно. Ради ее спасения пролил Свою Божественную Кровь Иисус Христос, Сын Божий. «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 3, 36) — говорит Спаситель.

Не повредить своей душе, не нарушить своего божественного устроения, не преступить закона любви к ближнему вот правила, которыми руковод-

ствуется православный христианин в своих отношениях с любым человеком, помня, что каждый человек, как бы испорчен и греховен он ни был, несет в себе образ Божий. Это отсутствие злобы и желание добра даже врагу отразилось в православной молитве «О ненавидящих и обидящих нас»: «Господи... ненавидящих и обидящих нас прости, и от всякаго зла и лукавства к братолюбному и добродетельному наставь жительству».

Случается, что поступки нашего противника или большой ущерб, нанесенный им, а главное, наше духовное несовершенство не позволяют нам увидеть в нем не только образа Божия, но и образа человеческого. Не будем спешить с осуждением. Обратимся сначала к своей совести. Так ли уж мы чисты сами? Ведь не может вор судить вора, клеветник — клеветника? Разговор идет о личном осуждении, так как судья, человек хотя и не без недостатков, однако судит преступника, потому что судит не личным судом, а согласно имеющимся законам.

Многие из нас не видят своих грехов и потому не способны осудить себя. Кто-то скажет: «Я никогда не совершал такого-то греха, он мне не свойствен, и потому могу судить другого». Так ли это? Возьмем страшный грех — человекоубийство. От него отрекается большинство. А апостол Иоанн Богослов советует не обольщаться: «Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца» (Ин. 3, 15). Грех начинается с помысла, с мысли, и если не укротить его, вырастает в действие. Но он один и тот же — убийства, сребролюбия, клеветы. Кто из нас поручится, что не имел злой мысли против кого-то? Что не испытал хотя бы мимолетной, совсем «безобидной» зависти (грех против десятой заповеди)? Какие же из нас судьи? Оставим суд Тому, Кому он и принадлежит,

Единому Безгрешному, Сыну Божию. Люди, внимательно следящие за состоянием своей совести, поддерживающие ее в «рабочем состоянии» частой исповедью, как правило, редко осуждают, зная на опыте, как трудно сохраниться от греха. Они сочувствуют грешнику, как сочувствовали бы больному. Грех — та же болезнь. Болезнь души.

Кроме того, будем помнить и обещание Спасителя: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете и судимы, и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7, 1–3).

В одной обители умирал нерадивый монах. Братия, зная о его беспечной жизни, ожидали увидеть мучительную агонию грешника, но брат встречал смерть в покое и радостно. «Как же так? — спросили его. — Ведь ты всю жизнь не радел о спасении, почему же ты спокоен?» — «С тех пор, как я переступил порог этой обители, я не осудил ни одного человека и знаю, что на мне исполнятся слова моего Спасителя: „Не судите, да не судимы будете», — и потому я умираю спокойно“, — отвечал брат.

«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12, 21), — учит Апостол. Не подбрасывать поленья ненависти в костер вражды подобает нам, а гасить его личным примером добра и беззлобия. Станем надеяться и на совесть противника. Потому что совесть есть общий Божественный закон, данный при рождении каждому человеку. «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Рим. 12, 20), — советует апостол Павел, сравнивая пробудившуюся совесть человека с горящими угольями.

Знакомая маленькая девочка из православной семьи както подверглась враждебным нападкам и обидам со стороны своей одноклассницы. Обидчица

толкала, щипала и словесно выражала свою неприязнь. Бабушка юной христианки советовала ей отстаивать себя ответными толчками, остроумными замечаниями или, в конце концов, жалобой учительнице. Но девочка отвечала: «Ничего, я потерплю, а она привыкнет ко мне и полюбит». Действительно, в скором времени ее противница не только отказалась от вражды, но из обидчицы превратилась в лучшую защитницу. Так беззлобие и терпение маленькой первоклассницы пробудили совесть подруги и заставили девочку отказаться от дурных действий и даже загладить их добрыми делами.

В нашем отношении к обидчику, злобствующему на нас, пусть примером послужит Сам Спаситель, молившийся на Кресте о распинающих Его, да не вменит им Господь вины, «не ведают бо что творят». Будучи всемогущим Богом, он не карает зломыслящих, предающих и распинающих Его. «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 44–45).

В книге Деяний святых апостолов мы читаем о мученической кончине архидиакона Стефана: «...и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савл, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил. Савл же одобрял убиение его» (Деян. 7, 58–60; 8, 1). Не отомстить, а простить молит праве-

ник Господа. И случается, казалось, невозможное. Савл, дышавший «угрозами и убийством на учеников Господа» (Деян. 9, 1), становится апостолом Христа. Первоверховным апостолом Павлом.

Желание настоять на своем, любоначалие и семейная ревность нередко создают среди сотрудников или родственников длительные тяжелые противостояния не только двух личностей, но иногда и целых лагерей противников. Бывают случаи, на первый взгляд, безнадежные, когда угасить неприязнь какой-то одной стороны невозможно. Конечно, терпение и кротость как-то усмиряют эту вражду. Но зачастую их-то нам и не хватает! И здесь, как и во всякой печали, мы можем припасть к Источнику и Подателю всех благ, ко Господу. «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает...» (Пс. 54, 23), — говорит Пророк.

Вспоминается мне история, происшедшая в знакомом семействе. Верующая девушка вышла замуж за крещеного, но совершенно не церковного человека. Привела она мужа в свою семью. Через некоторое время молодой человек занял активную противоцерковную позицию, и отношения между родственниками стали очень тяжелыми. Особенно часто в религиозных или антирелигиозных спорах сталкивались зять и теща. Взаимным претензиям, словесным уязвлениям, прямым оскорблениям и придиркам не было конца. Не избегали в семье и действий, способных досадить противнику. Новые родственники мужа, люди верующие, пытались сдерживать свою неприязнь, каялись на исповеди во враждебных выпадах. Но молиться о зяте категорически отказывались. И в записочках «о здравии», что подавали в церкви, никогда не писали имени Александра. «Как же о нем молиться, ведь он Бога отвергает,

про Церковь гадости говорит», — объясняла теща. И все же склонилась на уговоры священника, начала подавать в церкви «о здравии», поминать в молитве за родных. Вражда стала утихать. Через полгода молодые обвенчались, зять стал ходить в церковь, исповедоваться, причащаться. Долго не мог привыкнуть к посту, но и здесь справился.

Легко молиться за милых родных, за благодетелей, за друзей. Молитва за врага не легка. Мы считаем обидчика недостойным нашей молитвы, недостойным милости Божией, недостойным спасения. Но если мы потрудимся, преодолеем свое настроение, обиду, осуждение, то молитва наша, трудовая молитва будет не только ходатаицей за нашего противника, но и заступницей за нас. «Спаси, Господи, раба Божия (имя неприятеля) и сия ради молитвы помилуй мя грешнаго», — молимся мы о причинившем нам печаль. Ради моей молитвы о враге, помилуй мя, Господи.

Ситуации вражды и напасти иногда попускаются, дабы мы могли проявить себя в них как христиане. Ежедневно в молитве Господней «Отче наш» мы не раз повторяем: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Мы просим Господа оставить, простить, забыть наши грехи. Но ставим выполнение этой просьбы в зависимость от своего прощения обидчикам, от своей незлопамятности. Смеем ли мы произносить эти слова, храня в памяти обиду на чью-то вину против нас, поминая бывшее зло, даже если мы и не отвечали на них каким-либо действием. «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк. 11, 25–26), — остерегает

Спаситель. Состояние памятозлобия безблагодатно и утяжеляет все наши грехи.

Сердце наше уязвляет не только на нас направленная ненависть и вражда. Мы сочувствуем и сострадаем своим ближним и дальним, оказавшимся жертвами чьей-то неприязни, злого дела. Это чувство в нас законно. Жалость к несчастному побуждает нас на милосердную помощь, побуждает к жертве, действию, молитве. Но случается, что наше сочувствие находит себя лишь в ненависти к обидчику, в мстительном и гневном против него чувстве. Мы просто расширяем круг своих врагов, создаем привычку немирного настроения.

Обратимся к своему сердцу и посмотрим, какой дух преобладает в нем? Дух любви и мира или дух обиды, злобы и гнева? Не о нашем ли времени слова Спасителя: «...И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф. 24, 12). Умножающиеся в мире беззакония, тиражируемые печатью и телевидением, наполняют наши сердца не столько сочувствием и состраданием к жертвам, сколько ненавистью и злобой к людям, которых мы никогда не знали и не узнаем, иногда давно уже умершим. Наше личное чувство справедливости требует наказания, ум, помраченный ненавистью, изобретает месть. До любви ли тут? А так ли нужно наше душевное участие во всех мировых скорбях? Тем более, что тревожащие нашу душу события преподаются в частной интерпретации, а зачастую и вовсе в искаженном виде. Что, кроме осквернения собственной души, принесут наши проклятия в адрес почившего государственного деятеля, «наломавшего дров», или в адрес персонала какой-нибудь кейптаунской больницы, дурно обращающегося с пациентами? Как часто милые семейные вечера и застолья

омрачаются обсуждением политических интриг, преступлений и катастроф! Знакомая всем картина, когда люди методично обсуждают проступок чиновника, артиста, какого-то видного человека, живущего или даже умершего. Выкладываются одно за другим доказательства вины, подозрения. И со все возрастающим гневом или злобной иронией вершатся «суд и расправа».

Кажется, Ангел покинул беседу и мрак сгущается над обезумевшими людьми. На моей памяти немало внутрисемейных противостояний, ссор и обид родилось в таких обличительных беседах-приговорах.

Доискиваясь истины в истории, политике и частной жизни, надо быть осторожными, чтобы истина не приобретала нам новых и новых врагов, чтобы в погоне за справедливостью не оскудевали мы любовью. Ведь даже праведный гнев — все же гнев. А гнев — бесплоден. Он не созидает жизни, не дает радости. «Гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1, 20), — говорит Апостол.

Однажды, видя неуважительное отношение к Спасителю со стороны жителей некого селения, ученики Его вознегодовали: «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9, 54–56). Будем и мы аристократами духа, спасительного духа любви. Мир всем. Аминь.

О НАШИХ НЕМОЩАХ

О ГРЕХЕ СКВЕРНОСЛОВИЯ

Грехи языка — одни из самых труднопреодолимых, и потому так часто появляется соблазн как-то оправдать их, посчитать незначительными, не заметить. К сквернословию, особенно последнее время, так привыкли, что многие его действительно не замечают и удивляются, что слова эти все еще считаются нецензурными.

Слово... Звук, живущий доли секунды и пропадающий в пространстве. Где он? Пойди, ищи эти звуковые волны. Слово... Почти нематериальное понятие. Кажется, и говорить-то не о чем. Но слово — то, что уподобляет человека Создателю. Самого Спасителя мы называем Божественным Словом. Творческим словом Господь создал из ничего наш прекрасный мир. Греки называли его космосом, что значит красота. Но и человеческое слово обладает творческой силой и воздействует на окружающий мир. Слова, которые мы произносим и слышим, формируют наше сознание, нашу личность. А наши сознательные действия оказывают влияние на ту среду, в которой мы живем. Наше слово может со-

действовать Божьему замыслу о мире и человеке, а может и противоречить ему.

Церковь всегда призывала быть внимательными к слову и особенно остерегала своих чад от греха сквернословия. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе...» (Еф. 4, 29), — учит Апостол. «А блуд и всякая нечистота... не должны даже именоваться у вас» (Еф. 5, 3), — настаивает он. Не случайно Апостол назвал эти слова «гнилыми». Святые отцы говорят, что блудные грехи смердят. Сквернословие же, или так называемый мат, по своей тематике относится к блуду. И смердит. Хотя не все это ощущают — придышались. И что удивительно, запах только что съеденной котлеты сразу же стараются приглушить жевательной резинкой, поту с помощью какого-то снадобья из баллончика вообще перекрыли дорогу наружу, чтобы как-нибудь не «запахнуть» на людях, туалетную бумагу стали делать с фруктовыми отдушками, а духовного зловония от матерщины совершенно не чувствуют. И даже женщины.

Есть тропическое растение — скопелия. Цветы его само совершенство формы и цвета. Но невероятно! От палево-оранжевых светящихся лепестков исходит запах гниющего разлагающегося мяса. Когда из прекрасных женских уст вылетает матерная брань, я всегда вспоминаю оранжерею, нежные восковые лепестки и страшное зловоние над ними. И опять недоумеваю, зачем было укладывать в модную прическу волосы, подбирать фасон и расцветку костюма, подправлять какие-то изъяны на лице, чтобы потом всю эту работу разрушить ураганом грязных слов? Речь наиболее явно обнаруживает нас, позволяет видеть истинное лицо. «Заговори, чтобы я увидел тебя», — это изречение принадлежит Сократу, мудрейшему из древних греков. Женщина с грубой лексикой

может выглядеть привлекательно, только пока она молчит. Или за стеклом, как и цветок скопелии.

Обыденность и распространенность греха почти «узаконила» его. И мало кто задумывается, какая беда для общества и для каждого из нас кроется в матерной брани. Мистические корни этого явления уходят в глубокую языческую древность. Люди дохристианской эпохи, чтобы оградить свою жизнь от злобных нападок демонического мира, вступали с ним в контакт. Этот контакт мог быть двояким. Демона либо ублажали, превознося его и принося ему жертвы, либо пугали его. Так вот, пугали демона именно скверной бранью, демонстрацией своего непотребства. Подобное можно наблюдать в начале драки. Когда противники, делая свирепую гримасу, кричат друг другу о своей жестокости, о своей гневливой невменяемости, о готовности совершить тот или иной гнусный поступок. То есть придают себе более скверности, чем есть на самом деле. Для страха или от страха. Но и призывали демона теми же словами, демонстрируя свою одержимость, свою готовность к единению с ним.

Таким образом, мат являлся языком общения с демоническими силами. Таковым он и остался. И относят его к инфернальной, то есть демонической, адской лексике. Через скверные слова человек сам отдает себя в руки беса, становится одержимым. Некоторые, наверное, знают, что избавиться от привычки матерной брани труднее, чем от курения. Годы и годы приходят многие люди с этим грехом на исповедь, пока, наконец, освободятся от него.

В медицинской практике известно такое явление: в некоторых случаях, при параличе, когда полностью отсутствует речь, и человек не в силах выговорить ни «да», ни «нет», он может, тем не менее,

совершенно свободно произносить целые выражения, состоящие из непечатной брани. Явление странное, но не одиночное. Мне самому дважды доводилось сталкиваться с подобным.

Некоторое время назад, мы с семьей сняли на лето дом в деревне. Через улицу, в доме напротив, жил парализованный мужчина. Он был почти недвижим, только одна его рука немного шевелилась. Днем родственники выносили его на деревенскую улицу, и, подложив дощечку, укладывали на зеленом лужке перед воротами или усаживали, прислонив к стволу дерева. Что ж, дома, в четырех стенах больному, конечно, было скучно, а на улице — все же хоть какое-то развлечение. Как-то раз, стоя возле своей калитки, я вдруг услышал громкую брань. Через несколько секунд она повторилась. Потом еще. Это было странно, так как местные жители тогда громко вслух, да еще рядом с духовным лицом не ругались. Я оглянулся. Улица была пуста. Только больной сосед лежал на своей дощечке, выражение лица его было, как всегда, неопределенно. «Но ведь не послышалось же мне? Откуда могла быть эта брань?», — подумал я. Тут из калитки вышла жена. Она и объяснила, что паралитик часто произносит эту непристойную фразу. Причем только ее. Зато четко и внятно, как здоровый. Произносит с различными интонациями. Этой фразой он выражает просьбу, гнев, недовольство, жалобу. Ею же здоровается и сообщает о самочувствии проходящим мимо знакомым. Когда ему что-либо нужно, он кричит ее не переставая, пока не услышат в доме. Позже мне не раз пришлось убедиться в этом.

Второй раз с похожим случаем я столкнулся так же в сельской местности. Мне необходимо было узнать один адрес и, чтобы расспросить о нем, я постучался в дверь первого попавшегося мне на дороге

дома. Изнутри что-то ответили и я, знакомый с деревенскими привычками, без лишних церемоний переступил порог застекленной террасы. Тут же раздалась громкая брань. Желая объяснить, что я не вор, я сделал шаг в сторону человека, сидящего в глубоком старом кресле в углу террасы. Но тот опять выкрикнул непристойное выражение, причем повторил его несколько раз подряд. При этом интонации его голоса вовсе не соответствовали теме. Было впечатление, что мужчина кого-то зовет столь необычным образом. Долго мне раздумывать на эту тему не пришлось, так как в террасу вошла хозяйка. Она поздоровалась и сразу же извинилась за мужнину брань: «Вы нас простите. Уж так вышло, что после инсульта у него вся речь отнялась, а вот эти слова остались. И теперь он только одно и может, что ругаться... Мы и сами измучились, и перед соседями стыдно...».

Такая странность говорит о многом. Получается, что так называемый мат проходит по совершенно иным нервным цепочкам, чем остальная речь. Не бес ли, используя греховный навык человека, оказывает ему такое «благодеяние», демонстрируя свою власть над частично омертвелым телом? А что же будет после смерти? Власть демона станет полной и окончательной.

Одну девушку, после воцерковления, очень интересовала судьба ее умершей бабушки. Дело в том, что бабушка ее была верующей, молилась, постилась, и девушка была уверена в том, что ее благочестивая бабушка находится в раю. Но ей хотелось удостовериться в существовании рая, поэтому девушка молилась и просила Господа как-то открыть ей — как же там ее бабушка.. Однажды бабушка приснилась ей и сказала, что она находится а аду, потому что при жизни, хотя и ходила в церковь, постилась и молилась, но при этом часто ругалась

сквернымиловами. А «злоречивые... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10).

Святитель Григорий Двоеслов рассказывал историю, случившуюся в Риме.

«В нашем городе один человек, всем известный, имел сына лет пяти, которого очень любил и воспитывал без всякой строгости. Мальчик, которого все ублажали, привык произносить скверные бранные слова, и какая бы мысль ни приходила ему в голову, он тотчас же начинал по привычке злословить, бранил не только людей, но, случалось, дерзал хулить и, страшно сказать, Самого Бога, произнося хулы на святые предметы. А отец не запрещал ему говорить те хульные скверные слова. Во время моровой язвы, бывшей у нас за три года перед сим, мальчик тот разболелся к смерти, и когда отец держал его у себя на коленях, то, по рассказам лиц, которые там находились сами, пришли нечистые бесы взять окаянную душу мальчика. Мальчик, увидев их, затрепетал, закрыл глаза и стал кричать: „Батюшка, отыми меня от них! Отыми!“ и со страшным криком спрятал свое лицо за пазуху своего отца, стараясь как бы укрыть себя. Отец, смотря на малютку, как он трепетал, спросил: „Что ты видишь?“ Мальчик отвечал: „Пришли черные люди, хотят меня взять...“ — и, сказав сие, стал произносить скверные и богохульные речи, к которым привык, — и тут же умер».

Сквернослов не только отдает свою душу во власть бесов, он влияет на состояние душ и здоровье окружающих его людей. Всякое слово несет в себе информацию, которая воздействует на наше сознание, изменяет его. В лучшую ли сторону преобразует его скверная брань? Раз услышанное слово живет в нас до конца жизни. Анестезиологи рассказывают, что под наркозом, когда ослабевает воля, случается, что человек, никогда в жизни не произносивший

скверных слов, скажет что-либо из когда-то услышанной брани.

Можно добавить, что брань деструктивна и в отношении здоровья. Произнесенное или услышанное бранное слово оказывает на нас действие, сопоставимое с легким сотрясением мозга. У писателя Фазиля Искандера упоминается случай, когда здоровый и сильный мужчина, услышав матерную брань, бледнеет и падает в обморок. «Не могу привыкнуть», — смущенно говорит он.

Один мой приятель, молодой человек, хотя, по своему воспитанию, и относился к матерщине неприязненно, но особо сильно на нее не реагировал. Когда же он стал ходить в церковь, молиться, исповедоваться и причащаться, то реакция его на этот предмет изменилась. Как-то раз Великим Постом пошел он в баню. Для него, как и для многих русских людей, баня всегда была большим удовольствием. Но в тот раз ему не повезло: рядом с ним два приятеля горячо обсуждали какие-то общие дела и непрестанно сквернословили. Не бранились, а так, походя, пересыпали свою речь матерными словами. Молодой человек сначала почувствовал себя неуютно, потом его стало слегка подташнивать, а потом, как он рассказывал, он чуть было не потерял сознание. Перед глазами все поплыло, и он чудом не грохнулся на каменный пол. Понятно, ведь с церковной жизнью изменилось и его окружение. Сквернословия рядом с собой он уже давно не слышал, потому так и откликнулся его организм на ненароком услышанную брань — тошнотой и головокружением. Неприятное впечатление было таким сильным, что от удовольствия попариться ему на некоторое время пришлось отказаться.

Разрушая юношескую стыдливость и возбуждая нечистые пожелания, сквернословие мостит дорогу к

разврату. Целомудрие и чистота не смогут ужиться со скверными словами. Дети, не довольствуясь отвлеченными звуками, обязательно будут стремиться узнать значение услышанного. Растление «малых сих» лежит на совести сквернослова. «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7), — остерегает Спаситель.

Впрочем, не только у детей, но и у взрослых сквернословие заглушает, придавливает чувство стыда. Стыдливость же, как говорит святитель Иоанн Златоуст, «Бог вложил в природу нашу» чтобы она предохраняла нас от греха. Ту же мысль находим и у святителя Григория Нисского: «Великим и сильным оружием к избежанию греха служит обыкновенно хранящийся в людях стыд, для того, думаю, и вложенный в нас Богом, чтобы такое расположение души производило в нас отвращение от худшего». По мнению святых отцов, «наибольший стыд происходит от обнажения наготы телесной» (свт. Димитрий Ростовский). Матерная брань, символизируя это обнажение, заставляет преодолеть этот наивысший градус стыда, разрушая его защитную стену, повергая человека в бесстыдство. Ведь «презрение стыда есть бесстыдство» (свт. Григорий Богослов). Там же, где нет стыда — нет Бога.

Неустойчив, хрупок мир в семье сквернослова. Брань возбуждает и раздражает человека. Но самое большое несчастье в такой семье — это судьба детей. Дети, слыша грязную речь, сами приучаются сквернословить. Умственное развитие таких детей заметно заторможено. Чем ранее внимание ребенка обратится к половой сфере, тем более в таком низменном и примитивном отображении, тем медленнее будет его духовное и умственное развития. Есть наблюдения, что рост таких детей заметно замедляется, и они не «добирают» того, что вложено в них природой.

Те родители, которые не стесняются в выражениях, должны помнить, что сквернословие, уничтожая в ребенке чувство стыда, является мостиком к дальнейшим преступлениям. Ведь изгоняя из дома стыд, они изгоняют и лучшего воспитателя. «Ибо стыд часто больше страха обучал избегать дел несообразных» (свт. Григорий Нисский). Пусть не ищут они потом виноватых в случае несчастья с сыном или дочерью — они сами запланировали его.

Среди воспоминаний преподобномученника архимандрита Кронида (Любимова) есть такое:

«Лет двадцать назад, когда я был еще в обители преподобного Сергия, пришел помолиться преподобному Сергию, угоднику Божию, крестьянин Иаков, прихожанин храма той местности, где я родился, и зашел ко мне. Видя необыкновенную грусть на лице его, я спросил о причине его грусти, и он поведал мне следующее: „У меня есть сын, младенец лет шести, который привык к такому ужасному пороку срамословия и ругани матерным словом, от которой даже я, мужчина, прихожу в смущение и ужас. Пробовал было наказывать, после наказания бросал в подпол, но все это не помогает, мой сын хуже озлобляется и с таким ожесточением произносит ругань, что даже чернеет в лице, и тогда страшно бывает смотреть на него". Ясно, что к душе малютки приразился дьявол и понуждает его к сквернословию. Я спросил отца, откуда же малютка мог научиться такому ужасному сквернословию. Тогда крестьянин сознался, что причина сего — он сам. „Я, — сказал он, — имею эту привычку сквернословия, когда бываю в нетрезвом виде. Вот о сем-то я больше всего и скорблю, что сам насеял эти погибельные плевелы в душе невинного ребенка". Видя его смущение душевное и слезы, жаль мне было от всей души сего страдальца, но помочь ему в горе я

ничем не мог, кроме искреннего сердечного слова утешения. И вместе с тем посоветовал ему всю скорбь души своей излить перед мощами преподобного Сергия, и, как живому, поведать ему печаль своего сердца, и просить его дивной помощи себе и страждущему погибельным недугом малютке. Через год после сего свидания с Иаковом, я виделся с ним на родине и спросил о малютке. Слезы обильной струей потекли из очей Иакова при вопросе о сыне. Успокоившись, он сказал мне: „Дивен Бог во святых Своих. Молитвами и предстательством преподобного Сергия малютка мой за последнее время совсем перестал сквернословить, да и сам я теперь, благодарение Богу, водки уже не пью".

Нередко люди, подверженные греху сквернословия, чтобы как-то оправдать себя, говорят, что их вынуждает к сквернословию среда, в которой они живут или работают, что не получили они в детстве правильного воспитания. Приведу такой пример. Работала у нас на приходе женщина, помогала готовить пищу. Приходила она всегда с маленькой внучкой. Приготовит обед, накормит всех, потом уберет посуду, помоет полы, а домой не идет. Все ищет, что бы еще сделать. Ей, бывало, говорят: «Да иди ты домой. Не мучь ребенка». А она улыбнется виновато, а домой все равно не идет. Сама-то она не жаловалась, а знакомые ее потом рассказали, что в квартире у нее настоящий ад. Все ее близкие: муж, сын и дочь постоянно пьют. Каждый день пьяные компании, крики, скандалы и, конечно, все матом. Внучка ее, можно сказать, зачата, родилась и живет в постоянной матерщине. Для малышки отказаться от матерных слов, все равно как от части себя. От руки, или ноги, или от собственной кожи. Всего-то один или два дня в неделю приводила ее бабушка в церковь. Но через какое-то время девочка не только перестала произносить грязные слова,

но и других детишек, не сдержавших свой язык на церковном дворе (тут уж речь не о мате, а о прочих грубых словах), останавливала: «Нельзя так говорить, ты ведь причащаешься». Малышка сделала свой выбор, хотя живет все в той же «тяжелой» квартире.

Прежде матерную брань называли еще солдатскими словами. Не в том смысле, что ею пользовались только воины, а в том, что распространено сквернословие было большей частью в солдатской среде. Среде людей, лишенных на двадцать пять лет семьи, общения с родными, привычной крестьянской работы, оторванных от родных мест. Людей, отчаявшихся в своем будущем. Позже язва сквернословия поразила и рабочую среду, где люди жили почти в таких же отчаянных обстоятельствах: без семей, без привычных отношений, сегодняшним днем. Все это были люди, с точки зрения основного населения, несчастненькие, попавшие в тяжелые обстоятельства. Их жалели, но тех, кто перенимал их дурные привычки, осуждали.

Наверное, это в советское время появился тип начальника-демократа, демонстрирующего свою близость к народу именно употреблением крепких слов. Даже выражение появилось: «сказать крепко, по-русски». Хорошо бы знать, что слова эти в большинстве своем отнюдь не русского происхождения. Русский же человек, хотя бы в своих идеалах, отличался всегда целомудрием. Это целомудрие и стыдливость отразились в национальной одежде и в национальном быте, удивлявших своей строгостью и чистотой нравов иностранцев. При благочестивых царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие было положено телесное наказание. Для этого по рынкам и площадям ходили переодетые чиновники, схватывали ругателей и тут же, на месте, для примера другим, наказывали их розгами.

Сегодня удивляет то, что многие образованные люди стали позволять себе эдак «тонко интеллигентно» выругаться, возможно, желая показать этим свою широту взглядов. Так и просится на язык Достоевский: «Широк русский человек, хорошо бы сузить». В России к образованному человеку всегда относились с уважением. Образованный человек именовался личным почетным гражданином. Университетское образование приравнивалось к офицерскому чину и давало права личного дворянства. Знание почиталось. Глядя на образованного человека, простые люди как бы говорили себе: «Мы по темноте своей можем впасть во многие грехи и ошибки, но он-то знает, где свет, он человек грамотный».

Знание помогает человеку воссоздать в себе образ Божий. Именно это понятие — воссоздание образа Божия — и отражает слово «образование». Поэтому грязная ругань в устах интеллигента особенно недопустима. «От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).

Кто-то может сказать, что сквернословие не брань, что слова произносятся механически, отстраненно от смысла. Появилась даже некоторая «мягкая» форма сквернословия, когда грубые слова заменяются другими, но ставятся во фразе на привычные места. Иногда даже спрашивают, возможна ли такая замена. Хорошо еще, если спрашивают, а не утверждают. В таких случаях мне вспоминается вопрос Любочки из «Пошехонской старины»: «Маменька, под какое декольте шею мыть? Под большое или под малое?» (Салтыков-Щедрин). Шею нужно мыть, чтобы она была чистая, а от сквернословия следует отказаться совсем и окончательно. Мы не можем отнести слова-заменители к обычным словам-паразитам, засоряющим речь. Разве что прирав-

пяв их к энцефалитным клещам. Ведь сущность сказанного проглядывает и сквозь завесу. Так, никого не оставляет в неведении звуковая пищалка, прикрывающая теле- и радиоматерщину.

Народ по-славянски — *язык*. Язык — это то, что объединяет народ. И характеризует его. Немецкий философ и лингвист В. Гумбольт формирование и развитие национального характера, культуры и быта народа ставил в прямую зависимость от его языка. Язык, несомненно, оказывает влияние и на исторический путь народа. Так можем ли мы быть легкомысленны в этом вопросе?

Древние демонические культы Ближнего Востока, от которых к нам пришло большинство этих слов, использовали их в ритуальных действиях, сопровождавшими человеческие жертвоприношения. И как раньше таким образом призывали демонов, так и сегодня человек, произносящий их, призывает на свою голову беса. Вопрос о допустимости мата это вопрос веры. Для православного человека достаточно сознания того, что Господь *не любит* этих скверных слов. Примером тому можно привести одно из посмертных чудес святого праведного Симеона Верхотурского, случай, вошедший в его жития.

«В 1711 году, в апреле месяце один монастырский старец, по имени Иаков, внимательно слушал Божественную литургию и старался отрешиться мыслею от всего земного. Тихо стоял он в молитвенном умилении. Вдруг при возгласе: „со страхом Божиим и верою приступите“, он упал ниц и лежал долгое время без чувств. Когда же он пришел в себя, то рассказал следующее:

При взгляде на образ Пресвятой Богородицы, именуемой Одигитрия, его вдруг объял страх. Что с ним дальше было он не помнит, лишь помнит одно, как предстал перед ним праведный Симеон и, при-

коснувшись к нему, сказал: „Встань, поди и объяви всем, чтобы воздерживались от сквернословия и от слов бранных, иначе Господь пошлет на людей и на скот их голод и мор. Пусть все усердно молятся Господу, Его Пречистой Матери и всем святым, пусть весь народ отслужит молебное пение об отвращении гнева Божия".

Кроме того, праведный Симеон приказал Иакову рассказать о сем архимандриту и воеводе, дабы люди раскаялись в своих прегрешениях и молились бы об избавлении от праведного гнева Божия, что и было исполнено всеми с величайшем усердием».

Нам только кажется, что сегодня мы сильны и независимы со своим научно-техническим прогрессом. Что способны строить свое благополучие по своему желанию. Но что мы можем, если Господь за наше нечестие не даст нам Своей благодати, не благословит наши труды? От нашей, как нам кажется, небольшой слабости страдает вся наша жизнь. И личная, и семейная, и государственная. Поэтому, устраивая эту жизнь, прежде всего послушаемся голоса Церкви, говорящей нам через апостола Павла: «Отложите... сквернословие уст ваших» (Кол. 3, 8).

Впрочем, чем более молитв, священных и духовных текстов произносит и читает человек, тем проще и естественнее ему бывает отказаться от грубых слов. Потому что, как говорит Апостол, не должно из одних уст исходить благословение и проклятие. Также, как «и один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (Иак. 3, 12).

ПРАВОСЛАВНЫМ О МОДЕ

Помните детскую игру? «Барыня собралася на бал. Белый с черным не берите, *да* и *нет* не говорите. Что изволите надеть?» Трудно было нарядить и выпроводить эту самую барыню. Только когда это было? Теперь проще. Теперь и на бал, и к соседу, и в магазин, и на пикник одеваются одинаково. И в церковь так же...

Летним воскресным днем выйдешь на церковный двор — и Николай Васильевич Гоголь так и отзовется в памяти: «Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж». Или с поправкой на современность: «Это сам Пекин, Стамбул, Дели...» Спешат под звон колоколов братья и сестры в сияющих пижамно-спортивных костюмах, в изысканных шортах и майках, представляющих собой наглядное пособие по английской грамматике. Роскошные сарафаны, едва касающиеся плеч и исчезающие, не достигнув коленей. Яркие набедренные повязки «от Миклухо-Маклая». Трикотажное нечто, знакомое прежде лишь гуттаперчевому мальчику и канатоходцам. Все это, переливаясь самыми заграничными красками, спешит к молитве. Лишь несколько благочестивых женщин медлят у входа, повязывая на голове пущенную меж локонов ленту, чье назначение — символизировать собой целомудренный покров, завещанный Апостолом.

Что ж, о вкусах не спорят, — считают некоторые. Почему же? Вкус бывает хорошим и дурным, вкус воспитывается. И тем более стоит поговорить о культуре одежды, что наш костюм — дело не только личное и не только внешнее. Всякая материальная культура есть отражение во внешней жизни отношения к культу — объекту поклонения, будь то истинный Бог, ложные кумиры или идеология. Таким образом, наше внутреннее христианское устроение может отражаться в культуре одежды и культуре поведения. Не имея в виду назидать все общество, адресуюсь лишь к тем, кто посещает храм.

Обратимся к истории вопроса. К истокам. К народному костюму. Россия — страна православная. Именно христианским религиозным воззрениям подчинена эстетика нашей народной одежды. Причем подчинена в большей мере, чем удобству носки.

Народный костюм — это костюм по преимуществу крестьянский. Когда-то наши соотечественницы пололи, сажали, запрягали лошадь, доили коров, убирали за животными, косили и жали, одетые в длинные широкие юбки. И так много веков. При отсутствии водопровода, стиральных порошков и стиральных машин. Сегодня редкая, даже верующая, женщина не имеет брюк, хотя бы для сельскохозяйственных работ, походов за грибами и ягодами. Видно, ослабели наши соотечественницы в благочестии. В Священном Писании читаем: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор. 22, 5). А 62-е правило Шестого Вселенского Собора гласит, что таковых надлежит «отлучать от общения церковного». Правила этого, кстати, никто не отменял.

Вы не найдете в народном костюме ни короткого рукава, ни вольного выреза. А ведь климат в прежнее время не был прохладнее. Мужской костюм состоял из длинной, до колен, рубахи навыпуск и широких шаровар, или, как их раньше называли, портов. Если мужчина выходил со двора, то поверх рубашки всегда надевал кафтан — длинную верхнюю одежду ниже колен. Кафтан, в зависимости от времени года, мог быть теплым или легким. Женщины носили сарафан поверх длинной рубашки обязательно с длинными рукавами. Сарафан расширялся практически от плеча и не имел ничего общего с той одеждой, которую мы привыкли видеть на артистках различных ансамблей народного танца или песни. Выходя из дома, женщина или девушка еще поверх сарафана надевала душегрею — пышную, нарядную оборку на коротких бретелях, достигающую талии. В особо торжественных случаях, например, идя в церковь, надевался шугай — одежда, похожая на душегрею, но с рукавами. Платье никогда не прилегало к телу, не подчеркивало, не выказывало его формы. Но при этом всегда имело свою собственную эстетическую форму, позволяющую любоваться человеком, не оскверняя себя и его нечистыми мыслями.

Почти до конца прошлого столетия юбка практически закрывала ноги женщины, причем так одевались не только в России, но во всех христианских странах. До восемнадцатого века одежда до колен закрывала и ноги мужчины, а праздничное мужское платье носилось по щиколотку. Мужская сорочка еще в начале двадцатого века носилась навыпуск, прихваченная пояском. Даже в самую жаркую пору, на самых грязных работах — на покосе, при ловле рыбы, на огороде, при чистке хлева — крестьянин

никогда не снимал рубахи, предпочитая намочить или измазать ее, но не обнажать тела.

Что это — дремучее невежество? Самоистязание? Нет. Целомудренная одежда наших предков была призвана охранять стыдливость женщины, не раздражать и не уязвлять взгляда мужчин, не разжигать похоти. Понятие о святости брака, чистоте и непорочности брачного ложа, обязанность воспитания в целомудрии и телесной чистоте своих детей, отношение к греху блуда — вот что легло в основу народного костюма.

Развитие промышленности привело к изменению уклада жизни и повлияло на костюм. Все это совпало с гонением на Православие и оскудением благочестия. С восемнадцатого века, сначала поневоле, благодаря внутренней государственной политике, а затем просто благодаря постоянному дурному примеру полностью изменился русский костюм. *Все, нем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный и по Балтическим волнам за лес и сало возит нам, все, что в Париже вкус голодный, полезный промысел избрав, изобретает для забав, для роскоши, для неги модной...* — все это наполнило гардеробы и помыслы наших вельможных предков. Потом, как водится, спустилось к служилому дворянству, купцам, чиновникам, мещанам, мастеровым и даже достигло крестьянства.

Теперь одежда не укрывала от греха, а прямо звала к нему. Появилась мода. А с нею зависть. Появилось желание приобретения нового костюма: нового фасона, цвета материи. С новыми приобретениями расцвело тщеславие, жажда восхищения. Начались увлечение драгоценными украшениями, тяга к роскоши. Началось обнажение. Женщины обнажили головы, мужчины отвергли бороды и обна-

жили свое лицо. Декольте у женщин и рейтузы у мужчин сделались обязательными при дворе. Соблазнителя стали именовать поклонником. Недостойное поведение располагающей к блуду женщины получило название привлекательности, очарования, по-французски — шарма.

И все же всегда существовало место, куда почти до самого последнего времени никто не решался войти в неподобающей, «не в брачной одежде» (Мф. 22, 11). В достаточных домах каждый член семьи имел особую праздничную одежду для посещения церкви. Иногда так и говорили: «пасхальная юбка», «обеднишняя пара», или «обеднишнее платье», то есть платье, в котором ходили к обедне. Как бы беден ни был человек, но в церковь он старался прийти чистым и опрятным. Как бы богат он ни был, в храм шел в скромной одежде, без излишеств. Здесь был предел любому щегольству, любому кокетству. Не только в храм, но даже мимо церковных ворот старались не ходить в неблагочестивом виде. Так одно лишь воспоминание о Боге может изгнать грех.

Традиционно мужчины надевали темную пару, то есть брюки и сюртук, позже пиджак, но обязательно, при любой погоде на рубашку надевалась верхняя одежда. Женское платье, не обязательно темное, а скорее светлых праздничных цветов, было скромного (то есть скрытного, скрывающего) фасона, всегда имело длинный рукав и уместную длину. Украшения в церковь носить было не принято. Голова женщины в храме всегда должна быть покрыта, преимущественно платком, хотя высшее сословие носило и шляпки, но небольшие, простые, не мешающие прикладываться к иконам или к кресту.

Вернемся все же к сегодняшнему дню. Нельзя сказать, что прежнее благочестие полностью утра-

чено. Как раз большая часть верующих приходит в храм в подобающем костюме, независимо от возраста. Ведь одеться благочестиво не значит одеться некрасиво или смешно. Вполне можно совместить и моду, и возраст, и благочестие, и вкус. Дело в нашем отношении к предмету. Ведь, если вы пойдете на прием к главе администрации по вопросу необходимого вам жилья или выделения земельного участка, вряд ли вы решитесь заглянуть в кабинет в футболке, спортивных брюках и тапочках. А если представить, что вас пригласили на аудиенцию к шведскому королю, то не в сарафане же или бермудах пойдете вы во дворец.

Нет, вы отнесетесь к выбору гардероба очень ответственно. Почему же так безответственно некоторые из нас одеваются, идя в храм, который мы называем домом Божиим? Отчего кто-то гладит брюки и рубашку перед тем как предстать перед земным начальством, а на молитву — беседу с Богом — одевается кое-как? Хватит, мол, с Него и спортивных штанов. Отчего? От отношения к Богу. Именно от этого и зависит наша культура. Действительно ли мы считаем Его Отцом, Начальником, Судьей или низводим Творца до уровня служебного духа, призванного давать нам утешение, радости, избавление от печали и прочие блага по нашему высочайшему повелению.

Да, «по одежке встречают», — говорит пословица. Но иногда эта одежка такова, что, встретив гостя, хочется тут же и проводить его. Куда спешишь ты, матушка, раскрасив лицо, взбив пышным облаком замученные волосы и неся на себе замысловатый наряд? В дом молитвы? Здесь, в храме, все, что служило предметом твоих забот — прическа и платье и измененное лицо, — все это лишь обличит тебя. Твою суетность и тщеславие, себялюбие и зависть. Где-то в другом месте не так будут заметны эти грехи. Но в

храме... Впрочем, если ты так невнимательна к своей душе, то позаботься хотя бы о других. Твой вид будет искушением для многих. Он развлечет, склонит к осуждению, уязвит обидой. Потому что весь наряд твой рассчитан на зрителя. И назначение его поражать, возбуждать любопытство, разрушать покой окружающих. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Неразумно относиться к одежде легкомысленно, считая, что прикрывающее тело платье никак не связано с нашей личностью, с душой, с будущей жизнью. Наше платье отражает наше внутреннее устроение, тщеславие и смирение, развращенность и целомудрие. Не случайно Спаситель души уподобляет одежде и о чистой от грехов душе говорит как о брачной одежде.

Мы знаем, что не только мощи святых оказывают чудотворения, но даже их платье. Одежда апостола Павла имела чудесную силу, «так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19, 12). Не случайно кусочки ткани и даже ниточки от одежды святых вкладывают в мощевики и бережно хранят, вставляя в иконы и кресты.

Как самая близкая нам материя, одежда может и сама оказывать влияние на нашу душу. Святитель Феофан Затворник советовал не брать одежды от людей страстных, подверженных какому-либо греху, и даже не касаться их вещей, во избежание, так сказать, «духовной заразы».

Неблагочестивый наряд оскорбляет и подавляет стыдливость, дает свободу блудным помыслам, способствует развращению своего обладателя. Иная думает, что она дразнит только других своим вызывающим платьем, а на самом деле это одеяние разжи-

гает ее чувственность. Даже простое щегольство не остается безнаказанным. Прежде знали, что девушка-щеголиха — ненадежная жена. И умные родители избегали посылать сватов за такой невесткой.

Всякий грех начинается с помыслов, с мысли. Иногда помысел так и не завершается действием. Но тем не менее греховная мысль все же оказывает свое разрушающее действие на нашу душу, особенно если мы даем ей развитие в своем уме, так сказать, сознательно «репетируем» грех. Отвечать за такие «репетиции» нам также придется. «Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28), — говорит Спаситель. Если туалет или внешний вид женщины может уязвить вожделением кого-либо, то и ей придется разделить вину сердечного прелюбодеяния с тем, чей взгляд она уязвила. А разве не на раздражение чувственности рассчитано большинство сегодняшних туалетов? Так любая вызывающе одетая женщина может понести наказание вместе с блудницами. И стоит ли, прилагая грех ко греху, увлекаться нарядами, идя в церковь?

Отношение к косметике в христианской традиции всегда было однозначным. «Ибо отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели тебе мало того, что сотворил Бог? Следовательно ты, считая себя искуснейшею художницею, принимаешься исправлять то, что создано Богом», — обличает Иоанн Златоуст.

Раскраска лица порицается вообще, но тем более она неуместна в храме. После службы мне приходится стирать следы помады с напрестольного креста и Евангелия. Следы помады пестреют на иконах. Были случаи, когда с краской на устах дерзали подходить к Причастию. Что тут можно сказать? «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Только глубоким невежеством можно несколько оправдать подобное кощунство.

Конечно, волосы — это украшение женщины. И относиться к этому украшению нужно бережно. Господь дает всякому именно те волосы, которые более всего сочетаются с лицом. Поэтому искажать природу своих волос — только уродовать себя. Лучшее — враг хорошего. «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?» — писал апостол Павел (1 Кор. 11, 14–15), возводя прическу до символа. Существуют даже исследования, позволяющие определить зависимость поведения человека от длины его волос. Так, например, замечено, что девочки, у которых не стригут волосы, растут более послушными. Слишком короткие волосы у мальчиков или у мужчин увеличивают безразличие к опасности. Это было использовано римскими военачальниками.

Некогда остригали волосы лишь у блудниц. Остриженная коса была как бы позорным клеймом. В XVIII столетии в России появились женщины-актрисы, они также стригли волосы. Правда, их положение мало чем отличалось от положения наложниц. В конце XIX века барышни-курсистки уже щеголяли своей стрижкой как символом свободы от родительской власти. Впрочем, не все. Большинство кос исчезло во время революции. Революционерка и коса или комсомолка и коса как-то не совмещались.

Впрочем, любую женскую прическу, идя в храм, следует покрыть головным убором. Лучше платком. По словам апостола Павла: «всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо *это* то же, как если бы она была обритая. Ибо если жена не хочет покрываться,

то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается» (1 Кор. 11, 5–6). Кстати, многие благочестивые женщины именно платок, как наиболее легко заменяемую часть одежды, стараются подобрать под цвет праздника. Ведь каждый праздник в Православной Церкви имеет свой цвет. Так, Господские праздники — Рождество, Крещение, Сретение, Преображение — служатся в белом облачении. Праздники, посвященные Богородице или Ее чудотворным иконам, — в голубом облачении. «Троица» — в зеленом. Зеленое облачение бывает также на службе преподобному. Мученикам положена служба в вишневом. Святителю — в золотом или желтом. В Пост облачение черное или фиолетовое. На Пасху — красное.

Как уже говорилось выше, носить украшения в церковь не принято. В последние годы появилась неправильная манера носить православный нательный крест поверх одежды или на короткой цепочке, так, что его видно при открытом вороте рубашки. Таким образом, крест используют как декоративную деталь туалета, он низводится на степень кулона, значка, украшения. Это оскорбление святыни. В православной традиции носить крест на груди обязательно под одеждой. Вера — дело сердечное, внутреннее, она не афиширует себя. Против внешних атрибутов благочестия не раз предостерегал Спаситель.

И еще раз хочу напомнить слова Божественного Апостола: «Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением *волос*, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию» (1 Тим. 2, 8–10). Аминь.

СТАРОСТЬ У ТЕЛЕВИЗОРА

Сказано: «Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела...» (Втор. 5, 12–14). Такая заповедь и труда и праздника дана Господом человечеству на все дни его. Для православного сознания праздник всегда связан с Господом. «День седьмой — суббота Господу, Богу твоему». Праздник — это святыня. «...Ибо в шесть дней создал Господь море, небо и землю и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний *(то есть день покоя)* и освятил его» (Исх. 20, 11). Этот день (в христианской традиции — это воскресенье) выделен особым молитвенным общением с Господом, Божией Матерью, святыми угодниками, посещением храма, делами милосердия, дружеской беседой с единомышленниками, собравшимися во имя Господа, праздничной трапезой.

Не только воскресенье почитают православные люди. Не работают в двунадесятые праздники, если есть возможность, то стараются отметить дни чудотворных икон Божией Матери или почтить какого-либо угодника Божия. В праздничный день мы прилагаемся памятью к событиям, освятившим его, опять переживаем их, торжествуем вместе с Церковью Небесной. Многие верующие держатся тра-

диции причащаться в дни праздников, что делает их радость еще совершеннее. Прежде существовала, да и теперь не угасла еще традиция: те, кто по каким-либо обстоятельствам не смог оставить работы в день праздника, свой дневной заработок жертвует в церковь, как бы считая этот день нерабочим.

Таков праздник для православного человека. Его духовный смысл освящает и отдых от трудов, и плотскую радость праздничной трапезы, и душевную радость дружеской встречи, где Господь посреди нас. «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20), — обещал Спаситель.

Но есть праздник — святой и спасительный. И есть праздность — греховная и гибельная. Раньше, если человек бездельничал, о нем говорили: он празднует лодыря. Кто-то празднует память святителя Николая, кто-то — Георгия Победоносца, а ленивец празднует лодыря. Конечно, бездельник ни в ком не вызывает симпатии. Но мы не будем вспоминать всяческую леность, а поговорим лишь о некой, почитающейся законной, праздности, чья безнравственная сущность не всегда бывает видна. Но для нас она как раз сугубо опасна.

Двадцать, тридцать, а то и сорок и более лет отдает человек активному труду, питаясь от своей профессии, от своей работы. Но приходит день, и привычная трудовая деятельность заканчивается, наступает заслуженный, как о нем говорят, отдых. Иногда выход на пенсию совпадает с возрастной усталостью, не позволяющей работать далее, с семейной необходимостью ухода за больными или помощи родным. Но чаще начало пенсионной жизни всего лишь календарный срок. Конечно, в 60 лет не поработаешь, как в 30, но силы еще есть. И здесь жизнь пожилых людей складывается по-разному.

Ко мне однажды обратилась женщина: «Я слышала, что у вас некому готовить для причта, можно я помогу вам?» Она профессиональный повар, недавно ушла на пенсию. «Моя мама перед смертью мне наказала, чтобы я, выйдя на пенсию, шла работать в храм, Христа ради», — пояснила она. С того дня уже несколько лет Евдокия кормит нас, печет для храма просфоры, выполняя материнское благословение. Этот случай типичный. Немалая часть работ в храмах лежит на пенсионерах или на людях, имеющих свободное, праздное, как раньше говорили, время.

К концу жизни человек слабеет силами. Он не может уже выполнять привычную работу. Как правило, к этой поре дети подросли и не требуют заботы, напротив, они сами оказывают помощь родителям. Что же делать пожилому человеку?

Наши предки не представляли себе жизни бездеятельной. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю» (Быт. 3, 19), — заповедал Господь труд. «Доколе не возвратишься в землю», то есть до самой смерти. Только деятельность эта в старости другая. Отошла многозаботная, шумная жизнь большой семьи. Не так, как в молодости, тревожит суета мирских перемен. «Пусть себе бежит и меняется время, пусть спешат за ним молодые, а мне пора думать о вечности. Вспомнить и восполнить то, чего не успел за суетой», — думает пожилой человек. И, свободный от домашних занятий и обязательного труда, чаще бывает на службе в церкви. Он может потратить свои душевные силы и время на дела милосердия.

В прежнее время в благочестивых семьях пожилые люди, исполнив свой родительский и семейный долг, передав хозяйство молодому поколению, не-

редко уходили в монастырь. В достаточных семьях освободившиеся от обязательных забот старики брали на воспитание сиротку или ребенка у малообеспеченных родственников. Помогали бедной родственнице-невесте выйти замуж или племяннику-студенту окончить курс. Принимали у себя нищих и странников. Брали на себя заботу о престарелых. «Дохаживали» убогих и калек.

Расскажу, как оригинально и мудро распорядилась своими предзакатными годами одна моя знакомая старушка. Оставила она работу, когда ей было уже около семидесяти. И стала проситься у детей в богадельню, в дом престарелых. Дети у нее все хорошие, жили ладно, не ссорились. Растерялись они. Что же это мать, места что ли они для нее пожалеют или куска? Зачем такой позор: мать в богадельню? Но старушка крепко на своем стояла. С большим трудом устроили ее в интернат. И ведь совсем не потому, что боялась стать обузой для любимых детей, ушла она туда. Искренняя христианка, она боялась бездействия, праздности. Уж и послужила она ближнему напоследок! И уборщицей, и санитаркой, и сиделкой была у себя в богадельне. «Присядет на полчасика на диванчик в коридоре и опять спешит куда-то. Скребет — моет, моет — скребет, как век не работала!» — рассказывали после ее смерти соседи по интернату. Помню, и молитвенница она была изрядная. Царство ей Небесное, рабе Божией Марии.

Удел пожилого человека — это молитва и милостыня. Для него после многих дней труда наступила суббота покоя. Покоя от многих житейских забот, покоя от страстей, которые зачастую смиряются к старости. Теперь можно исполнить давнюю мечту: съездить к киевским угодникам или в Оптину. Можно побывать на престольных праздниках, у чу-

дотворных икон. Насладиться беседой с людьми духовными. Можно почитать духовные книги, просветить свой осуетившийся ум. Можно помолиться, не отвлекаясь, не торопясь. Можно побеседовать со своей совестью, испытывая ее на забытые, не видимые прежде грехи. Господь милосерд. Он дал нам время очиститься покаянием и загладить милостыней свои ошибки. Он дал нам перед концом это время покоя и, может быть, даже телесной немощи для нашего спасения. Часто старость становится праздником души. Светлая, мудрая, спокойная старость верующего человека.

Никто не знает сроков своей жизни. Умирают младенцы и отроки, юноши и зрелые мужи. Мы во всякое время должны быть готовы дать отчет в своих делах. В молодые и средние годы жизненная суета и заботы отягощают наш ум, приземляют его. Но если человеку посчастливится дожить до старости, пусть воспримет он последние годы как особую милость, дар Божий. И отнесется к этому дару с благоговением.

В недавние годы, зайдя в церковь, мы видели там в основном людей пожилых. Это не был только остаток дореволюционных прихожан. В семидесятые годы это были уже совершенно советские пенсионеры. Верующие молодые и трудящиеся люди не всегда могли победить в себе страх общественного осуждения и служебных неприятностей, связанных с посещением церкви. Они надеялись на будущее. Либо «Бог орду переменит», либо настанет хоть с возрастом свобода от всех профкомов, завкомов, парткомов и домкомов. А старикам надеяться — нет времени. У них будущее — вечность. И перед страхом вечной гибели преодолевали страхи перед семейными неурядицами и общественным поношением. Это ведь было время, когда за верующую маму

вызывали «на ковер», а внука-пионера заставляли отречься от бабушки-христианки.

Сегодня в храмах пожилых людей стало в процентном отношении много меньше. Есть храмы, особенно городские, где их совсем мало. Хорошо, что в церковь пришли молодые. Но очень жаль, что не все пожилые люди, считающие себя верующими (а таковых подавляющее большинство), бывают на праздничных богослужениях. Где же они? Чем заняты их мысли и сердце?

Как часто, прожив честную трудовую жизнь, но не стяжав навыка молитвы, поста, исповеди, церковной жизни, люди лишают себя последнего праздника и будущей награды. Иногда мы укоряем молодых празднолюбцев в том, что они прожигают жизнь. Но у тех есть хоть какая-то надежда на перемену. А у праздного старика — нет. Он в праздности и вовсе сжигает свою жизнь. Я имею в виду даже не праздность дел — дела, может быть, какие-то и можно найти, — а праздность стремлений и упований. Праздность духа.

Кому-то кажется, что нет ничего зазорного в длительных бесполезных беседах, сидении у телевизора, в мечтании за книгой. «Я всю жизнь работала, — скажет иная, — могу я хоть теперь отдохнуть?» Нет, не для отдыха даны нам эти годы. Трудись, «доколе не возвратишься в землю», — заповедал Господь. «Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут вредить ей», — читаем у преподобного Исаака Сирина. Праздность порождает пересуды и сплетни, любовь к ненужным новостям, злоязычие, желание роскоши, зависть. Праздность может стать отправной точкой любого греха. «Кто в праздности живет, тот непрестанно грешит», — писал святитель Тихон Задонский. «Да уж какие тут грехи, на склоне

лет?» — отмахнется кто-то. А грехи все те же, что и в прежние годы. Гордость, гнев, блуд, сребролюбие...

«Притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и *бывают* не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно» (1 Тим. 5, 13), — писал в I веке Апостол о праздных женщинах. Теперь же не нужно ходить по домам. Болтливость нашла посредника в телефоне, а праздное любопытство легко удовлетворить, включив телевизор. Как сладко в покое часами следить за чужим домом, чужой жизнью. Да и какой жизнью! Роскошной, праздной и такой элегантной! Чем наполнены все эти многочисленные сериалы, как путы связавшие волю, разум и тела наших современников? Что делает эти фильмы так похожими друг на друга? Вожделение. Постоянное и всепроникающее вожделение. Желание чувственной любви, богатства, мести. Что хорошее возбудят эти чужие, как нам кажется, страсти в нашей душе? Все, что они сами есть: блуд, сребролюбие, гордость! Хорошее приобретение! Особенно на исходе лет.

Неразумно и самонадеянно считать себя защищенным от влияния нескромных зрелищ многолетним навыком нравственной жизни. Вот что писал об этом святитель Иоанн Златоуст: «Ибо когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом воспламенишь в себе сильный пламень. Когда видишь женщин, являющихся полуобнаженными, когда зрелище и песни не что иное выражают, как только одну преступную любовь: то как, скажи мне, можешь ты после сего быть целомудренным, когда такие рассказы, зрелища и песни уступают место таким же сновидениям, — потому что душе прирож-

денно видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает».

Старая пословица «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» вполне может звучать в наше время так: «Скажи мне, что ты смотришь (или читаешь), и я скажу тебе, кто ты». Подобный ищет подобного. В том, что мы читаем и смотрим, мы ищем олицетворение желаемого. Незаметно мы отождествляем себя с героем или героиней, примеряем к себе разыгрываемую ситуацию. Стоит ли в пожилом возрасте, когда

Сердце — времени послушно
Бьется ровной чередой...

возвращаться в мир любовных и страстных переживаний, да еще обязательно греховных?

Русский писатель Борис Шергин, уже приближаясь к пределу жизни, записал в своем дневнике удивительное рассуждение о страстных мечтах в старости. Вот небольшая выдержка: «Жар молодого цветущего тела, сила юной крови — от всего этого как бы хмелеет мысль-воображенье юноши, невольно уступает и подчиняется этому хмелю. Но эти «страстные мечты» отнюдь не суть естественное свойство человеческого мозга. Этому положено свое время. Страстный хмель с годами должен пройти. Ум, мысль, воображенье должны снова стать чистыми, ясными, способными к восприятию иного сознания, должны взойти на ступень высшего мироощущения.

Но как часто с человеком бывает такая беда: «страстные мечты» засядут в мозгу, и полюбит человек ими услаждаться. Страстной хмель должен налететь и вылететь, налетать и вылетать. И чем старше становится человек, тем реже и реже чад-то этот туманит воображенье. А бывает, страстные-то по-

мыслы прочное гнездо совьют себе в нашем сознании. Полынным медом обволокут, залепят наши сердце и ум. Здесь уже не молодая кровь и плоть будет смущать ум и воображенье, а воображенье, ставшее распутным, и ум, сделавший себя развратным, начнут впрягать наш телесный состав в несвойственную ненужную работу. Человеку-то по годам пора хвалиться и радоваться о «почестях высшего звания», а человек — от в низинах похоти, как свинья в грязи роется».

Весь этот красочный мир, истлевающий в обольстительных похотях и приковывающий наше ненасытное око к экрану, призван именно разжигать нашу чувственность, будить «страстные мечты». И осквернившееся воображение действительно впрягает наше тело в несвойственную ему в пожилом возрасте работу. Наши глаза и уши, наполненные страстными, чувственными образами, дают толчок увядающей уже гормональной системе, насилуют естественный ход жизни. Возникают нежелательные явления в органах малого таза, у пожилых женщин обостряется забытая уже мастопатия. Как блудные грехи истощают и калечат тело, так блудные помыслы расслабляют разум. Пора покинуть «цветущий сад молодости», вспомнить о своих летах. Кстати, знайте: раковая клетка — это просто обычная клетка, но только отказавшаяся стареть. Все клетки нашего организма проходят неизбежный цикл: молодость, функциональный период, увядание, старение, смерть. А те клетки, которые не желают стареть, образуют опухоль. В человек все связано: тело, душа, дух. Будьте бдительны, чтобы ваши тело и разум не стали раковой опухолью для духа.

Блудная страсть, если она укореняется в человеке, ведет его к безумию. Частое наказание для

блудников — это так называемое размягчение мозга, психическое заболевание. В недавнем прошлом, к слову, всякое психическое нездоровье считали следствием именно этого греха. В этой суровой каре, в недуге безумия сказалась особая милость Божия. Ведь страсть блуда, допущенная в сердце, очень трудно преодолима, а ответственность за нее сурова. С безумного же много ли спросишь?

В Библии, в Книге наставлений Иисуса, сына Сирахова, читаем: «...три рода *людей* возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке» (Сир. 25, 3–4).

Все приятные любования похождениями красавца Родригеса или обворожительной Марии не что иное как грех против седьмой заповеди: «Не прелюбодействуй». Нужно дать себе в этот отчет и не ссылаться на то, что все, мол, смотрят. Не беспокойся, места в аду хватит. Господь целые города-государства предал огню за блудные грехи. Так что массовость — не оправдание. И не объяснение. Не только красочными фильмами и сериалами привлекает телевизор праздного человека. Иному кажется, что он познает через телеокно мир, упражняет интеллект. Возможно. Но скорее, это просто способ забыться в мечтах, провести время.

В прежние годы праздный человек занимал себя игрой в карты, в недавнем прошлом стучали во дворах в домино, проводили время за сплетнями и слухами. Но где-то в сознании жило ощущение пустоты и греховности этих занятий. Наше время лукаво. Теперь благодаря техническому прогрессу «домино» и «слухи» прочно укоренились в наших домах на правах предметов первой необходимости. Много вы видели домов, где нет телевизора?

Сто лет назад кого мог осудить любитель справедливости? Дюжину соседей, пяток родственников да двоих-троих чиновников местной администрации. А какие возможности сегодня? Сегодня нам доступна для обсуждения-осуждения жизнь сотен, даже тысяч людей. Политики и киноактеры, журналисты и художники, военные и торговцы — все в нашей власти, все ждут нашего справедливого суда. А если мы затрудняемся, то за нас этот суд произнесут наши помощники: режиссеры и ведущие телепрограмм. Нам останется только послушно принять их мнение.

Какие слухи заставляли трепетать сердца наших соотечественников полтора эдак века назад? Ну разве что приезд какого-нибудь «Белого арапа из Белой Арапии». А теперь? Сколько катастроф, убийств, ограблений, землетрясений доступны нашему взору и слуху! И жутко, и жалко, и давление поднялось... и оторваться невозможно.

Тщеславный интеллект день за днем распутывает политические хитросплетения, услаждается угадыванием закулисных тайн. Сопоставляет, угадывает и видит на шаг вперед. Год за годом кто-то добровольно несет бремя домашнего политика.

Можно поучаствовать в викторине-шоу или в каком-нибудь интервью со знаменитостью. Еще раз почувствовать свою значительность. Круг телевизионных интересов может быть обширен и ум постоянно занят, но не принесет эта занятость никакого плода, кроме пустой гордости, тщеславия и безвозвратно потерянного времени.

«Таковых удаляйся», — писал Апостол, определяя их как «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3, 7). Не лучше ли нам самим удалиться от телевизора, хотя бы частично? Не сам телевизор, а наше несовершенство

делает для нас гибельным время, проведенное у экрана.

«Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает» (1 Кор. 10, 23), — говорит апостол Павел. Нам кажется, что телевизор — забава для нас. Но со временем роли меняются. Сегодня уже черный ящик забавляется нами. О его здоровье мы заботимся не меньше, чем о своем. Его несовершенство печалит нас, как несовершенство близких родных. В одной семье, чувствуя свою зависимость от телевизора, решили избавиться от него. Позже хозяйка призналась, что некоторое время она переживала состояние человека, потерявшего самого дорогого друга. Иному зрителю или зрительнице кажется, что они смотрят свои любимые передачи лишь оттого, что у них нет другого занятия. Но какую досаду, раздражение и даже гнев встретит любимая внучка-малышка, если попросит починить карандаш во время сеанса, или милая приятельница, позвонившая по телефону. Как вино, как наркотик, как любая страсть, телевизор порабощает нас. Участие во всех мировых скорбях и принятые к сердцу переживания героев фильмов выхолаживают душу. Телевизор активизирует на время эмоциональную жизнь, но не дает работы душе. А праздность для души гибельна. «Душа, не упражняющаяся в добрых делах, а по природе своей непрестанно стремящаяся к деятельности, по необходимости предается злым делам» (святитель Иоанн Златоуст).

Такие злые дела, как сплетни, пересуды, пустословие, неразделимы с праздностью.

Привычка переживать множество придуманных или искаженных авторским мнением судеб, встреченных на экране, дает ложное ощущение опытности, питает самомнение. Приверженность телеви-

вору не расширяет кругозор, а, наоборот, ограничивает его. Имея долгое время общение не с реальной жизнью, а с ее отражением, человек постепенно начинает чувствовать себя автором, относясь и к реальной жизни, как к отраженной, навязывая ей усвоенные стереотипы, искаженно переживая реальность. Это чувство авторитета толкает его на осуждение, позволяет вмешиваться в жизнь близких и не очень близких людей, заставляет болезненно воспринимать невозможность поправить или объяснить чужую ошибку, словно чужая жизнь всего лишь продолжение фильма или книги. Это проявление ограниченного мироощущения болезненно как для самого «автора», так и для его близких. Неразборчивое чтение и увлечение экраном развивают мечтательность. То, что мы увидели или прочли, будет жить в нас до самой смерти. Стереть из памяти зрительный образ невозможно. Согласитесь, что воспоминания-переживания увиденного не раз и не два возвращаются к нам после того, как погас экран. Иногда пройдет много лет, вдруг выплывет из памяти какой-нибудь отрывок фильма, вовсе и ненужный нам. Построенные в форме длительных сериалов фильмы как раз и опасны тем, что человек месяцами живет в состоянии некого опьянения, перебирая постоянно в памяти знакомое и выстраивая возможные варианты. Увлеченный сериалами зритель обязательно в мыслях становится автором, занимая бесполезной работой свой ум. Наивно недооценивать разрушительное действие такого снаопьянения. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41), — говорит Спаситель и повторяет: — «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13, 37). «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыка-

ющий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8), — предупреждает апостол Петр. «Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться» (1 Фес. 5, 6), — призывает апостол Павел. Не случайно так настойчиво и многократно остерегает нас от духовного сна Священное Писание. Сон души — это вечная смерть.

Сожаление вызывает в нас молодой человек, пребывающий в радостном опьянении жизнью, не заботящийся о своей душе. Мы сожалеем, но где-то сочувствуем ему. Но неизвинителен пожилой человек, проводящий последние годы в опьянении чуждыми и нереальными, неблизкими ему судьбами, забывший о своей судьбе.

Зачем на закате дней эта пустая забава: яркий калейдоскоп, меняющий не только картинки, но и мнения, мораль, смешивающий в своей темной утробе чистое и нечистое, свет и тьму, Христа и Велиара, храм Божий и идолов? Слишком самонадеянно для нас думать, что мы можем разделить и разгадать эту мозаику. «Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении» (2 Пет. 2, 18). «Они прельщают неутвержденные души» (2 Пет. 2, 14). Как будто о наших средствах массовой информации сказал эти слова Апостол. У пожилого человека часто ухудшается слух, слабеет зрение. Да у него и нет в них такой надобности, как в прежние годы. Его слух и зрение чаще обращены внутрь, в свое сердце. Наступила пора духовной работы. Понять себя, помолиться, очиститься, побелеть совестью, как белеют с годами волосы. До слухов ли тут, до чужих ли грехов? Со своими бы расквитаться.

Я знаю немало людей, которые свой отдых сочетают с благотворительным трудом в Церкви. Веро-

ника несколько лет каждый отпуск ездила в Псково-Печерский монастырь, выращивала там цветы. Кто был в этой обители, те помнят, какое обширное там цветочное хозяйство, оно требует не только труда, но и умения. Уйдя на пенсию, В. пошла работать в один из монастырей. Клавдия всякое лето работала на строительстве храмов каменщицей. Антонина, московская пенсионерка, хозяйка многочисленной семьи, в свободное время помогает в храме, то на кухне, то за свечным ящиком, куда благословят. А если свободного времени немного, то обязательно навестит одну из опекаемых ею одиноких старушек. Многие верующие в отпуск ездят в паломническую поездку помолиться в какой-нибудь полюбившейся обители. Ведь молитва — это тоже труд. Вспомним пророчицу Анну, вдову, «которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк. 2, 37).

Ваши родные и близкие, живые и умершие, ждут вашей помощи. Ждут вашей молитвы. Вы свободны от ежеминутной суеты трудовой и семейной жизни, у вас есть время помолиться о них. Посмотрите, какие длинные списочки-записочки о здравии и о упокоении подают старые люди в храме. Может быть, этот старик остался один из всей родни и один молится за всех усопших. Как нужна им его молитва! Он знает свой долг, поминает их, заказывает панихидки, подает записочки. Скольких людей вспомнит иная старушка в своей молитве, многие из них уж забыли ее давно, живут где-то вдали, а она о них молится. Делился как-то своим опытом один человек, сам искренний молитвенник: «Бывает день — тяжело на душе, все кажется плохо. А потом вдруг раз — и прошло уныние. Значит, помолился кто-то о тебе. Или бывает, совсем у греха стоишь, да вдруг

опомнишься. Опять кто-то помолился». Если вы испытывали такое светлое легкое чувство, вдруг неожиданно пришедшее на помощь вам, — знайте, и о вас кто-то помолился. Живой или уже умерший. Молитесь и вы за своих.

Почему в тяжелых обстоятельствах, в беде, сами будучи уже немолодыми, мы вспоминаем мать? Мы вспоминаем ее как самую любящую, самую действенную защитницу. Иногда в этом воспоминании о матери — последняя наша надежда. Не только детская память заботливых материнских рук, оберегающих нас, но более вера в материнскую молитву дает нам эту надежду. Потому что молитва матери — самая святая молитва. Плачет над могилой старика отца седой человек. Почему? Не вечно же мучиться старому и больному телу? Не известна нам участь ушедших из жизни, а на земле он потерял молитвенника о себе.

Если не пришлось вам в вашей жизни заботиться о душе своей, молиться, каяться, милоствовать, то начните сегодня, дожив до возраста разумного и ответственного, сказав себе: «До сих пор мы не сделали ничего, начнем труд (душевного спасения) хотя теперь». И тогда скучная праздность сменится праздником, радостью о Господе. Старость ваша не будет уныла и жалка, она станет колыбелью нового человека. И к вам будут слова Апостола: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Аминь.

О чем бы мы ни подумали, наша мысль представит собой цепь образов. Все для человека в этом мире имеет свой образ: зрительный, звуковой, эмоциональный и даже духовный. Роль образа в нашей жизни необычайно велика.

Сам Господь являлся человеку через образ. Авраам принимал Бога в образе трех странников (см.: Быт. 18, 1–16). Моисей увидел куст горящий и несгорающий, «и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей!» (Исх. 3, 4). Пророку Илии открылся Господь в веянии тихого ветра (см.: 3 Цар. 19, 12).

Спаситель мира Иисус Христос, Сын Божий принял образ человеческий. Он родился, жил, страдал и был распят как Человек.

Бесплотные Ангелы являлись людям в различном образе, чаще всего в образе прекрасных юношей. Угодники Божии, которым довелось коснуться тайны загробного мира, рассказывали об откровении в конкретных образах.

Мы можем вспомнить духовный опыт М.Ю. Лермонтова, запечатленный в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива». Право же, стоит перечесть его. Именно образ красоты земного мира, будь то «росой обрызганный душистой» цветок или «студеный ключ», играющий в овраге, подвигает поэта воскликнуть: «И в небесах я вижу Бога».

А мне вспоминается несколько похожий случай, который я слышал от одного охотника. Как-то на охоте он заблудился. Дело было в Сибири, в местах безлюдных и диких. Заблудиться там — верная гибель. А тут еще непогода, страх. Ночью, плутая, поднялся он на невысокую сопку и, усталый, отчаявшись, уснул. Утром, еще не открывая глаз, по теплым, ласкающим лицо лучам солнца, по чудесному пению птиц он понял, что опасность миновала, что Господь не оставил его. Что Он здесь. В синем небе, в ярком солнце и особенно в безвременном (была осень) пении птиц охотник почувствовал Божию любовь. Уже ничего не боясь, он встал, оглядел с горы местность и по некоторым признакам определил, как ему выйти к поселку.

Один мой знакомый обрел веру в Бога, когда у него родился ребенок. Этот человек ученый-ботаник и хорошо знает естественный природный мир. Он вдруг увидел, что все прекрасные гармоничные законы этого мира не могут объяснить в полной мере появления и существования новой разумной и самостоятельной жизни, нового человека. Отчего одно присутствие его, его вид, любое движение наполняют наше сердце любовью? Откуда это? Пытаясь проникнуть в тайну, он и обрел Бога.

Женщине, отрицающей существование Бога, показали фотографию недавно умершего старца, человека святой жизни: «Ты говоришь, что Бога нет, а что ты можешь сказать об этом человеке, который прожил всю жизнь с Богом?» — «Это святой», — ответила женщина, вглядевшись в лицо подвижника, и больше уже не безумствовала в безверии.

Через образы солнечного утра, радостной улыбки ребенка, лик подвижника Господь становится ближе и понятнее нам. Но мир полон не только светлых об-

разов. Силы зла, бесплотные демоны также прячутся в каком-либо образе. И не всегда этот образ имеет внешне что-то демоническое. «Потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 14), — предупреждает Апостол.

Не так-то просто толкнуть в греховную бездну человека верующего, старающегося жить по заповедям, внимательного к своей совести, да еще живущего в стране, где тысяча лет православной традиции закрепилась в народном языке, народном быте, национальном характере, отразилась в прекрасных образах христианской архитектуры и литературы, живописи. Когда откровенный соблазн невозможен, враг действует через привлекательный, но обманный образ. А мы не всегда можем распознать в нем хитрую бесовскую приманку, не всегда увидим коварную западню.

Одна из уловок диавола — «князя мира сего» (Ин. 14, 30) массовость, обычность, популярность греха. Механика обмана здесь проста: то, что известно всем, — правда; то, что делают все, — правильно; то, что едят все, — безвредно; то, что нравится всем, — красиво.

«Обычай — деспот меж людей» — то, что обычно, почти обязательно. Вот тут-то и кроется ошибка. Обратимся хотя бы к отечественной истории.

Много веков русское дворянство (да и не только русское — можно сказать, вся европейская христианская аристократия) было поставлено в деспотическую зависимость превратно истолкованного понятия чести. Вдумайтесь, что такое честь? В христианской стране не станут почитать грешника. Нет, образ честного человека — это образ человека, не запятнавшего себя грехом. Запятнать же честь — значит отстаивать свое право не совершать бесчестного, то

есть греховного поступка. Прекрасный образ! Но сколько веков рыцари чести, христиане-аристократы бились на мечах, саблях и шпагах, стреляли друг в друга из пистолетов, отстаивая не честь, а какой-то нелепый призрак чести! Необдуманное слово, мрачный взгляд, неумышленное движение, сплетня могли в одно мгновение обратить вчерашних друзей в смертельных врагов. Один становился человекоубийцей, другой погибал и погибал навечно, ибо умирал с жаждой убийства в сердце. А диавол в сторонке смеялся над одураченными людьми.

Дуэль зачастую связывала общим грехом сразу несколько человек. Кроме противников, хоть как-то заинтересованных в поединке, привлекались еще и секунданты, или свидетели убийства. И совесть последних могла оставаться спокойной, настолько дело казалось обычным.

В 1894 году в России специальным распоряжением Военного ведомства были введены поединки офицеров, разработаны и утверждены законные (вдумайтесь, законные!) правила этих поединков. Дуэль могла быть даже настойчиво рекомендована офицерским судом чести, который был в каждом полку, дивизии, и рекомендована людям, совсем не считающим себя оскорбленными, не желающими убийства. В случае отказа от поединка офицер должен был уйти в отставку. Штатский человек мог быть принужден к дуэли общественным мнением, и также отказ от поединка карался потерей уважения общества. Офицерский суд чести не раз рекомендовал и самоубийство, то есть грех, который никогда не может быть прощен. «Тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мк. 3, 29), — сказал Спаситель, и потому самоубийц даже не отпевают в церкви, не служат по ним панихиду, не по-

минают на церковной службе. Куда уж дальше! А ведь было принято... Петр Николаевич Краснов, генерал царской армии, упоминает несколько таких случаев. Так, офицерский суд чести вынес решение застрелиться офицеру, который не мог отомстить своему обидчику — мастеровому, ударившему его и скрывшемуся в толпе. Нелепый случай и трагедия.

Еще один обычай-деспот. Привычка к нескромным нарядам, нецеломудренное поведение, кокетство, вольное обращение с противоположным полом разрушают природную стыдливость женщины, делают ее малочувствительной к греху. Это понятно любому христианину. Однако...

Представьте себе хотя бы литературно-кинематографический образ светской красавицы XVIII–XIX веков. В открытом бальном платье, с умением и желанием нравиться, владеющая наукой светского флирта, окруженная поклонниками... Как трудно не преступить грани в таком положении. Укоры совести очень быстро затушевываются обычностью. Наташа Ростова, впервые надевшая бальное платье, «казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не уверили, что это так необходимо надо» (Л.Н. Толстой «Война и мир»). И, если уж использовать этот литературный пример, разве не принятая в свете вольность обращения женщин и девушек с молодыми людьми — причина трагедии Наташи, ее нелепой страсти к глупому Анатолию?

Мы можем вспомнить не литературную, но реальную трагедию, соединившую в себе оба общественных порока. Наталья Николаевна Пушкина столкнулась с настойчивым ухаживанием влюбленного повесы. Молодая женщина объяснилась с ним, взывая к его чести, пыталась образумить Дантеса. Но

тщетно. А тут клевета, общественное мнение, вспыльчивость мужа и... русская трагедия. «Невольник чести», — как верно сказал о Пушкине другой поэт.

Время может изменить свое — временное. Меняются архитектура зданий, одежда, отношения к жизненным ценностям, язык, философия, государственные границы, климат... Но не ослабевает и не меняется злоба демонского мира, не прекращается охота за душами. Сеть образов-ловушек сегодня стала намного плотнее, чем в прошлом веке. Ведь увеличилась возможность тиражирования: печать, радио, телевидение. Убыстрился и сам темп жизни, людям просто некогда задумываться над сменяющимися вокруг них мелочами. А зря, про диавола говорят, что он прячется в мелочах. Пожалуй, не станем обсуждать соблазны, обрушившиеся в последнее время на нас, взрослых, а обратимся к «малым сим», нашим детям.

Ребенка можно уподобить зеркалу, отражающему в себе все, что находится рядом. Поэтому родителям следует быть особенно внимательными ко всему, с чем соприкасается их дитя: к телепередачам, одежде и даже игрушкам.

Да, игрушкам. Тысячи лет дракон отождествлялся в сознании человека с древним змием — диаволом. В нас генетически заложен страх и отвращение к дракону. Вспомните Змея Горыныча русских сказок. Икона «Чудо Георгия о змие», образ Георгия Победоносца, прекрасного юноши-воина, пронзающего копьем отвратительного дракона — вот единственный образ взаимоотношения добра и зла, света и тьмы, святости и греха в православном сознании. Но откуда ни возьмись появляется на телеэкране, а потом и на прилавках магазинов милый недотепа Дракоша и опрокидывает все ориентиры в детской го-

ловке. Кого теперь пожалеет ваш малыш: Горыныча или Ивана Царевича? Не заплачет ли он о участи змия перед образом Георгия Победоносца?

Это не мелочь и не случайная мелочь. Смеются с полок магазинов дракончики, допотопные монстры, крокодильчики, которые даже у дикарей считаются символом беспросветного зла. А за ними — гримаса хохочущего беса.

Существует наука о воздействии образа на человека. Это вполне серьезная наука. Реклама и политика, например, никак не могут обойтись без образа. Диавол тоже политик и торговец, ему надо продавать вам свой товар — грех, и здесь он использует и чью-то неразборчивость в средствах наживы, и чью-то невнимательность, равнодушие к мелочам, лень.

Мы покупаем продукты и складываем их в полиэтиленовый пакет-сумку, которую нам могут предложить в магазине. Мы часто и не обращаем внимания на рисунок. Мне, например, случалось обращаться в храме к степенным и вполне добродетельным женщинам, держащим в руках откровенную порнографию. «Мы не заметили», «мы не подумали», «других в продаже нет», — говорили они и ставили свечи перед образом Божией Матери. Разве это мелочь?

В наш храм приходит один человек. Он иногда приносит продукты к столу причта. И когда я вижу в церковной сторожке на лавочке пакет с пингвинами или попугаем, я знаю: приходил Николай. Он ни разу не принес свой дар в пакете с нескромным рисунком. Не только в церковь, и в дом он не принесет грубого изображения. Он любит и уважает свою жену, детей и бережет их. Значит, все же можно и подумать, и найти.

Случается, мы ругаем сына за курение, а школьную сменку кладем ему в сумочку с рекламой сига-

рет, вина. Не следует недооценивать возможностей рекламы, становиться самим пособниками зла. «Не участвуйте в бесплодных делах тьмы» (Еф. 5, 11), — говорит Апостол.

А не приходилось ли вам видеть школьников в футболках и свитерах, на которых отпечатан оскал вампира или бесстыдная сцена? Мне приходилось. И что печально, я видел в лице ребенка некоторое единомыслие с изображением. Но ведь не сам же он купил себе этот свитер? Скорее всего, не сам он и стирает и гладит его. Не о таких ли родителях слова Спасителя: «...кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18, 6).

Образ, часто являющийся перед нами или особенно сильно нас взволновавший, способен оказать влияние и на психику, и на тело, и на саму нашу душу. Помните сказку о Мертвой Царевне?

...И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела,
Да на снег лишь и глядели...

А.С. Пушкин

Так объясняет мачеха белизну лица красавицы-падчерицы.

«С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши... и со строптивым развратишися» (Пс. 17, 26), — читаем у пророка Давида. Или коротко в пословице: «С кем поведешься — от того и наберешься». Поэтому-то, от кого и чего будет набираться ваш ребенок, должно быть под вашим неусыпным вниманием. Я имею в виду отбор телепередач для ваших детей.

«Как! Пятилетняя! — прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, — это... что же такое? ...Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка» (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»). Здесь ужас человека, в кошмаре увидевшего улыбку блуда на лице ребенка, одно из самых потрясающих мест романа «Преступление и наказание». Сегодня мы не находим ничего «бесконечно безобразного и оскорбительного» и не содрогаемся в ужасе, видя томно-развратную улыбку на личике первоклассницы. Не тот век. И нет ничего необычного в том, что бедная девчушка незаметно вживается в образ красивой и веселой тети, которую видит по вечерам из-за плеча мамы в телевизоре. У тети так много красивых платьев, у нее красивый дом, машина, ее так все любят. «Ах, какая тетя! Вот вырасту большая...» И образ уже живет в детской головке, меняется взгляд, походка, жесты.

А мальчики отождествляют себя с любой сильной и везучей личностью из телевизора. Будь то убийца, вор, вампир или даже робот. Как хорошо никого не бояться в этом страшном мире. А еще лучше, если все боятся тебя! Русские мальчики, еще недавно ходившие в форменных кительках и курточках и чутко делившие драку на честные и бесчестные удары, где вы? Посмотрите на устрашающие гримасы и жуткие крики, молотьбу по воздуху всех этих каратэ, конфу и ушу, в которых нет места благородству и жалости! Это наши дети. «Образ мира сего» (1 Кор. 7, 31), мелькающий на телеэкране, глядящий с конфетных оберток и пакетов, так исказил лица, движения и души «малых сих».

Мне случилось увидеть, как малыш семи лет, нежно любящий свою младшую сестренку, вдруг не-

ожиданно развернулся на одной ноге и с диким воплем ударил ее другой по лицу. Потом мальчик заботливо утешал сестру и сам плакал. Одна женщина рассказывала мне точно такой же случай с ее старшим сыном. Там выпад закончился сотрясением мозга у младшего мальчика. Что это? Откуда? Это работает образ.

Беседуя с мамами и папами о детских проблемах, я часто сталкиваюсь с двумя полярными настроениями. Одни родители уверены, что не имеет смысла перегораживать ручеек в целом океане зла. Ребенок, мол, все равно услышит и увидит все негативные образы мира. Спаситель же сказал — «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17, 1). Неуместна и пассивная позиция в этом деле. «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4, 17).

Другие родители в растерянности вопрошают: «Как же уберечься?» Спаситель не раз повторил своим ученикам: бодрствуйте. «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13, 37). Постоянное внимание к окружающему, испытывание, какого духа то или иное явление, должно быть свойственно каждому верующему. «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8). На оборотной стороне крестика, покоящегося на груди вашего ребенка, написано: «Спаси и сохрани». Это молитва. Слова эти с надеждой не раз произносят родители, прося Господа спасти и сохранить их дитя. Но эти же слова — заповедь родительского долга. У тебя есть дитя, спаси и сохрани его от греха, от злого человека, от злого дела, от злого образа. Аминь.

ТЕМ, КТО БОИТСЯ БУДУЩЕГО

Вешнему миру Судом Божиим определен конец. Где-то во времени ждет его «день Господень... тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3, 10). В годы народных бедствий, мировых катастроф и стихийных катаклизмов разум человеческий все более обращается к страшным пророчествам о кончине мира. И наше время никак нельзя назвать временем покоя и благоденствия. Напротив, мы переживаем годы, особенно обильные людским горем, войнами, стихийными разрушениями и горькими прогнозами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что пророчества и предсказания так занимают умы наших современников. И хотя в православном сознании вера в благой Промысл Божий значительно умеряет тревогу о будущем, священникам все чаще приходится слышать тревожные вопросы о Конце Света, грядущих на вселенную бедствиях, о переменах. Как ответ на такие вопросы и написаны эти строки. Мы не станем здесь исследовать и объяснять различные пророчества, сроки и приметы, а коснемся только нашего отношения к ним.

О пророчествах вообще

Пророчества, как и чудеса, являются признаком сверхъестественного откровения. Православный

человек не может не верить в чудеса и пророчества. И Ветхий, и Новый Завет содержат немало пророчеств. Они необходимы в религиозной жизни. По словам Апостола, они говорятся «людям в назидание, увещание и утешение» (1 Кор. 14, 3). Правда, пророчества, по большей части, имеют неясный, прикровенный, таинственный характер. Истолковать то или иное высказывание бывает не под силу простому человеку. Не все даже очень сведущие в Писании люди имеют дар разумения пророчеств. И потому часто мы сталкиваемся со слухами, полными своевольных толкований, смущающих неутвержденные умы.

В житиях святых и жизнеописаниях подвижников благочестия можно увидеть, что дар предвидения был у многих угодников Божиих. Так, например, преподобный Матфей Прозорливый Печерский, подвизавшийся в XI веке, получил свое прозвание именно по этому дару. Прозорливыми были и многие оптинские старцы. Мы можем догадываться, что есть и в наше время люди святой жизни, имеющие дар предвидения. Но часто людская молва наделяет этим даром по своей прихоти людей, вовсе его не имеющих и даже не претендующих на него. Еще чаще изречения прозорливцев, истинных или ложных, просто перетолковываются по-своему и разносятся по православному миру в совершенно преображенном виде. На редком приходе не бродят рассказы о тайных «прозорливцах» и «святых». Отрадно, что люди ищут святости, жаждут прикоснуться к ней, получить духовное руководство. Но жаль, что в таких поисках им зачастую не хватает духовной трезвости.

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4, 1), — предостерегает Апостол. Еще в Ветхом Завете указывается

на различие между истинным и ложным пророчеством, а если мы задумаемся о источнике явления, то вспомним, что первым лжепророком был диавол. Он соблазнил людей блистательной будущностью: «будете, как боги» (Быт. 3, 5), и, последовав его ложному пророчеству, они лишились рая.

С чудесами и пророчествами следует быть особенно осторожными. Как увлекшийся предсказаниями рыночной гадалки часто остается без кошелька, так увлекшийся самочинными пророчествами и толкованиями тоже может оказаться обкраденным. С той, правда, разницей, что «цыган лишь обманет, а злой человек до сердца достанет». Духовный урон ни в какое сравнение не идет с материальной потерей.

Кстати, не всем и не всегда полезно бывает знать некоторые пророчества. Например, книга «Откровение святого Иоанна Богослова», или «Апокалипсис», написана очень прикровенно, сложным языком, в ней, можно сказать словами апостола Петра, «есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания» (2 Пет. 3, 16). И я знаю, что некоторые духовники не рекомендуют читать ее постоянно, как другие послания святых апостолов, но лишь изредка. Чтобы избежать искушений. Часто мы бываем излишне любопытны к тому, что ждет нас в грядущем, и соблазн личных толкований и прогнозов здесь очень велик. Вспомним также, что Спаситель упомянул о грядущем разрушении Иерусалима при всех, но конкретную картину будущей кончины века дал лишь некоторым апостолам наедине.

У кого-то может возникнуть вопрос: а может, вообще ни к чему в нашей жизни пророчества, если понять их нам не всегда доступно? Пока пророчество не свершится, оно, действительно, не совсем

ясно, но по свершении предсказанного события, как бы печально оно ни было, нас утешит то, что это еще одно доказательство, что не человеческое своеволие, не хаос правят миром, но над всем Замысел Божий.

Когда после рождения Иисуса родители принесли Его, по обычаю, в храм, встретил их святой старец Симеон. Взяв Младенца на руки, сказал он Матери Его: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец» (Лк. 2, 34–35). В то время эти пророческие слова были не вполне понятны Марии, но когда на Ее глазах совершилась Крестная Жертва, и Ей Самой оружие материнской скорби прошло душу, Она, конечно, вспомнила их. И они еще раз подкрепили Ее уверенность в том, что не трагическая случайность, а Промысл Божий разлучает Ее с Сыном.

О дне и часе

«Приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?» (Мф. 24, 3). Также и мы приступаем к пророчествам и преданиям: «Когда? И какой признак?» На вопрос апостолов не ответил Спаситель прямо, случится это через год или через тысячу лет, в марте или в декабре, но сказал: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24, 36).

Собственно, в точном знании времени нет нужды и нам. Наш вопрос о сроках продиктован более житейскими заботами и страхами, чем исканием духовной пользы, потому что как жить в преддверии ми-

ровой катастрофы, как подготовиться к ней, Спаситель конкретно и исчерпывающе сказал: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих *бедствий* и предстать пред Сына Человеческого» (Лк. 21, 34–36).

Спаситель предлагает нам бодрствовать на всякое время, независимо от того, далек или близок день Второго Пришествия, чтобы быть всегда готовыми «предстать пред Сына Человеческого».

Спрашивая о дне и часе событий, мы бываем похожи на ленивого школьника, кричащего с улицы: «Мама, мне можно еще погулять или пора делать уроки?» Нам не полезно знать, случится ЭТО в 2002 году или в 2102-м. Кто-то может совсем загуляться и не успеет приготовить свой урок. Кто-то, как злой раб, «скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами» (Мф. 24, 48–49). «Есть еще время, успею», сделает свой вывод нерадивый. Вспоминается своеобразная ирония масленичной поговорки: «Не завтра говеть, согрешу — попляшу».

У каждого есть свой день и час

Впрочем, как бы далеко ни отстояло от нас время грозных событий, для нас этот срок не имеет особого значения. Ведь для каждого из нас когда-то наступит свой «день и час», от которого «не спасется царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея» (Пс. 32, 16). От смерти не защитят нас ни богатство, ни сила, ни знания, ни

юный возраст. Смерть причину сыщет. Мы видим, что сегодня смерть становится все более неожиданной, все более безвременной и нелепой. Зайдите на кладбище, посмотрите на таблички, и вы увидите, как помолодела в последние годы смерть.

...Дни наши сочтены не нами.
Цвел юноша вечор, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу...

А.С. Пушкин «Скупой рыцарь»

Катастрофы на дорогах, несчастные случаи, умножившиеся смертельные болезни, словно тихая война, уносят от нас молодых. Мне, священнику, случается все чаще видеть родителей у гроба сына или дочери. И может быть, немало молодых людей, кого отпеваем и хороним мы сегодня, задавали себе вопрос, коснутся ли их грядущие на вселенную бедствия или хватит на их век спокойной жизни? А теперь для них этот вопрос уже закрыт. «Конец жизни каждого имеет такую же силу для отзываемого в будущую жизнь, как и кончина мира» (святитель Иоанн Златоуст).

«Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Пет. 3, 3–4), — писал Апостол. И мы встречаем таких «наглых ругателей», пытающихся навязать нам легкомысленный взгляд на происходящие события и грядущее.

«Сколько раз, — говорят эти беспечные люди, — человечество ожидало уже Конец Света и сколько раз оно ошибалось? За неопровержимые знамения принимали кометы, войны, чумные поветрия. От-

куда вы знаете, что на этот раз вы не ошибаетесь и «уже близко, при дверях»?» (Мф. 24, 33). Так говорят они, словно сами собрались жить на земле вечно, и не придет когда-то их личный конец света, их смертный час, «как тать ночью» (1 Фес. 5, 2) и не «постигнет их пагуба, подобно как мука родами *постигает* имеющую во чреве» (1 Фес. 5, 3). Словно там, за чертой, не ждет беспечную душу «великая скорбь, какой не было от начала мира» (Мф. 24, 21). Ибо «страшно впасть в руки Бога живаго» (Евр. 10, 31) душе не готовой, отягченной грехами и нераскаявшейся.

Апостол заметил, что недоверчивыми к пророчествам будут люди «поступающие по собственным своим похотям» (2 Пет. 3, 3), то есть рабы своих страстей и желаний, не хотящие принять нетяжкое иго Христово и жить по Закону Божию. Такие люди не верят ни в Страшный Суд, ни в возмездие. Бесполезно говорить с ними о пророчествах, им вовсе не нужно Царство Небесное, их царство на земле и бог для них — плоть.

Собственно истинное пророчество и истинное чудо имеют целью побудить нас к молитве и покаянию. Это как бы маленькая искра из Царства Света, она согревает сердце, как Божия ласка, но она и высвечивает все пятна на нашей совести. Потому так естественно в нас молитвенное и покаянное чувство после прикосновения к настоящему чуду или пророчеству. Но есть люди, не ищущие покаяния, ибо «более возлюбили тьму, нежели свет» (Ин. 3, 19). Для них пророчества, особенно пророчества о Конце Света, о Втором Пришествии, о Странном Суде, как горящие уголья, и они стараются извергнуть их из своего сознания. Так некогда жители Гергесинской окрестности просили Спасителя покинуть их пределы, потому что желали только одного — пасти

своих свиней, и не видели пользы для себя в слове Божием (см.: Мф. 8, 28–34). Мы поступим разумно, если, встретив в ком-то особенное неприятие разговоров о пророчествах и признаках времени, прекратим беседу, «отойдем от пределов», как отошел Спаситель от страны Гергесинской. Совершенно ни к чему рассыпать духовный жемчуг перед тем, кто не созрел для слова Божия, кто желает пока еще пасти свои страсти. Не станем разжигать ссоры, «к миру призвал нас Господь» (1 Кор. 7, 15).

Почему «время уже коротко»?

«Дети! Последнее время» (1 Ин. 2, 18), — писал апостол Иоанн Богослов девятнадцать веков назад. К своим современникам апостол Павел обращался, как к «достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11). «Время уже коротко» (1 Кор. 7, 29), — говорил он же. С тех пор прошло почти две тысячи лет — срок, кажется, немалый. Нет ли здесь какого-то противоречия, позволяющего нам надеяться, что этого короткого времени еще довольно впереди? Что его довольно для нас, для наших детей, внуков и правнуков. Надеяться мы, конечно, можем, но эта надежда никак не упростит нашей жизни.

Две тысячи лет назад история человечества разделилась на ветхую и новую. Нашу, или новую, эру открыло воплощение Бога Слова, рождение Иисуса Христа. Надо заметить, что к этому времени человечество уже исчерпало свои творческие силы. Жизнь народов текла однообразно. Различные цивилизации, развиваясь, проходили через свою высшую точку, потом постепенно скользили вниз, угасали и давали место следующему народу пройти свой путь. Как слепец или заплутавший в ночном лесу человек

идет по кругу, так проходили свой путь религии, философии, науки, социальные отношения. Молодые племена и народы, идущие на смену уходящим, ждал тот же путь слепца.

Проникая в суть ветхой истории, мудрейший из людей диктовал писцам: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1, 9–10).

Так было, пока не родился в Вифлееме Спаситель мира. «Он спас их от бедствий их; вывел их из тьмы и тени смертной, и расторгнул узы их» (Пс. 106, 13–14). Закончилась ночь человечества, закончилось блуждание в потемках, засиял день. «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12), — говорит о Себе Спаситель. И еще: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Если грех держал ветхое человечество в темнице, то Христос Спаситель своей Крестной Жертвой внес плату за всех, выкупил всех из нее, показал путь в Жизнь Вечную. «Древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17), — писал Апостол. С Искупительной Жертвы начался новый, последний период истории человечества. Последний, потому что второго искупителя не будет. Милосердием Божиим человеку даровано все необходимое для спасения. В Таинствах Христовой Церкви верующий соединяется с Богом, его усердие к добру получает поддержку благодати. Воскресение Христово открыло врата Царства Небесного. Что еще нужно человеку? У нас нет причин ждать какого-то особенного, иного времени. Воспользуемся последним, которое дает нам Господь для покаяния, для исправления жизни, потому

что, по словам Апостола, именно для того и длится наше время. «Не медлит Господь *исполнением* обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет. 3, 9).

О смертном страхе

И «люди будут издыхать от страха и ожидания *бедствий*, грядущих на вселенную» (Лк. 21, 26), — говорится в Евангелии о последних временах. Да, страх смерти часто ослабляет, отравляет человека. Но более человека неверующего. Всякий христианин уже в этой земной жизни как бы перешагивает грань, ощущая себя не только «сыном века сего», но и «сыном будущего века». Его личная будущая жизнь в какой-то мере реальна для него и сегодня. Молитва, церковная служба, переживание христианских праздников, покаяние, причастие — все это относится и к этой жизни, и к будущей. И поэтому страх перехода в вечность в верующем человеке как-то умерен. Гораздо сильнее действует в нас страх будущего Суда, который и называется Страшным Судом.

Зачастую человек, переживший смертный страх, более вспоминает не о телесных мучениях и обстоятельствах, но о страхе прямо сейчас, сию минуту предстать перед Судией. В таком случае смертный страх бывает полезен как отрезвляющее средство. Отрезвляющее от «пьянства страстей», от нерадения о душе.

Потому Господь и попускает нам видеть страдания и самим переживать их. Чтобы разбудить, отрезвить. Когда в Иерусалиме по приказу Пилата совершилось страшное злодеяние — несколько галилеян было убито во время жертвоприношения, так, что кровь

жертв смешалась с кровью жертвенных животных, то некоторые люди пришли к Иисусу, чтобы рассказать Ему о совершившемся. «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13, 2–5). Смертный страх, вид смерти, ожидание бедствий обязательно должны вызывать в нас страх греха и раскаяние. Если воспоминания о страшных пророчествах Второго Пришествия тревожат твою душу, не прогоняй тревоги, но прими ее как голос совести. Этот страх ведет не к смерти, а к жизни.

«Во всех делах твоих помни о конце твоем, и вовек не согрешишь» (Сир. 7, 39), — учит Писание. Обращаясь к своей духовной дочери, преподобный оптинский старец Анатолий (Зерцалов) писал: «А теперь только похвалю, что ты поумнела, то есть стала поговаривать о смерти». Смертная память — черта добродетельная в христианине.

Многие святые отцы говорили о пользе посещения кладбищ и размышлений о смерти. Но порой мы встречаем в человеке панический страх смерти, боязнь кладбища, одного вида гроба, ужас перед покойником. Все это — печальные свидетельства того, что эта душа еще не приступала к покаянию. По верному замечанию поэта, «и страх живет в душе страстьми томимой» (А.С. Пушкин). Душа наша знает гораздо более, чем мы. Она более нас может предвидеть свою посмертную участь. Потому она часто и трепещет и тоскует при напоминании о смерти. У святых людей, у праведников не бывает такого

страха. Апостол Павел писал: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп. 1, 23).

«Страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью. А кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни» (преподобный Исаак Сирин).

Несколько лет назад у одной нашей прихожанки умерла мама-старушка. Всю жизнь она прожила с Богом, молилась, ходила в церковь. В девичестве даже просила благословить «в монашки», но батюшка благословил Марину замуж.

Знали ее за особенную молитвенницу, и до конца жизни осталось за ней деревенское прозвище — «Маришка с книжкой». Называли ее так, потому что не расставалась Марина с Псалтирью. За год до своей смерти хоронила она сестру. После похорон присела старушка у могилки, обвела вокруг взглядом и сказала: «Ох, как хорошо здесь, прямо не уходила бы, так здесь и осталась. Да нельзя мне пока, рано. Вы уж потом меня тут и схороните, рядом с сестрой». Стали ей говорить: «Что ты о смерти-то, ты ведь совсем здоровая, еще поживешь». — «Да разве я смерти боюсь? Я ее как праздника жду. Мы ведь после смерти куда идем-то? К Господу. Разве ж это не радость?!» — отвечала Марина.

Умерла она ранним утром в день Рождества Христова, престольного праздника ее родного храма. Умерла легко и быстро, как говорят, «от сердца». Дочери перед концом сказала: «Бога не забывай».

Среди настенных картинок-лубков, которыми в прежнее время простой народ украшал свой домашний быт, одним из самых излюбленных был сюжет с изображением смерти. Обычно это был многочастный лубок, где изображались царь на троне, кавалер

на коне, купец, простолюдин, пахарь и даже какое-то духовное лицо, то есть представители всех сословий, а в конце рисовалась ожидающая всех смерть. Смерть изображалась в виде человеческого скелета, обязательно с косой и целым коробом разных инструментов за плечами. Инструменты предназначались для мучений, из короба торчали пилы, клещи, крючья. Случалось, что смерть рисовали как нежданную посетительницу. Например, стоящую за плечом считающего деньги богача. Или у порога пиршественной залы. На картинках обязательно делались пояснительные надписи, какое-нибудь краткое нравоучение.

Лубочные картинки, изображающие смерть, напоминающие о смерти, были настолько популярны, что многократно перерисовывались в различных вариантах, переиздавались более современными средствами печати и окончательно исчезли из русского быта всего лет 30 назад. Помню, что в детстве мне в нескольких домах довелось видеть их, прикрепленными к стене рядом с иконами.

О страданиях

Пророчества о последних временах содержат много указаний на будущие бедствия. «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24, 7), «тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга» (Мф. 24, 9–10); «тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Мф. 24, 21). Не один раз случалось слышать вопрос: для чего, зачем чело-

вечеству переживать такие бедствия, так много страданий, тем более перед концом?

Знаю я одного неверующего очень старого человека, он мечтает умереть во сне. Знаю и некоторых других, желающих для себя нечаянной, незаметной смерти: мгновенной, не затрудняющей сознание. Конечно, боль и страдания мало кто назовет желанными, поэтому Церковь и молится о безболезненном конце жизни: «Христианский кончины живота нашего, безболезнены, непостыдны, мирны и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове, просим» (Просительная ектения). Но, заметьте, просим мы не только безболезненной кончины, но кончины христианской, непостыдной, мирной, молимся, чтобы нам было что ответить на Страшном Суде Христовом. И просьба о безболезненной смерти не самая главная в нашей молитве.

Для православного сознания характерна скорее боязнь скоропостижной или внезапной смерти. Именно той мгновенной, о которой мечтают нецерковные люди. Православные, особенно, кто бывает в опасных для жизни ситуациях или болен смертельной, чреватой неожиданным разрешением болезнью, молятся великомученице Варваре, надеясь ее заступничеством избежать внезапной смерти, чтобы не умереть без покаяния, без Причащения Святых Таин. Известно, что эта Святая имеет от Господа особую благодать избавлять обращающихся к ней от внезапной и скоропостижной смерти. На иконах святая Варвара иногда изображается со Святой Чашей, так как известно много явлений угодницы Божией со Святыми Таинами к умирающим. Небольшие иконки великомученицы Варвары мы можем увидеть прикрепленными в кабинках автомобилей: ведь управление автомаши-

ной, к сожалению, слишком богато печальными неожиданностями.

Наша исповедь часто бывает привычно вялой, и только скорбь и особенно близость смерти способны как-то оживить или «подстегнуть» наше покаяние. Особенно страшно, когда внезапная смерть застигнет человека в каком-то грехе. В гневе, например, или непримирившимся с близкими, поэтому так необходимо для верующего человека хотя бы небольшое время конкретной подготовки к смерти для завершения своих земных дел, к которым относится и покаяние. К тому же предсмертные болезненные страдания могут послужить частичным искуплением какого-то греха.

Покаяние подразумевает не только констатацию факта самого согрешения, но и исправление жизни, может быть, какого-то искупления, заглаживания действием. В Евангелии упоминается мытарь Закхей, должность которого была связана с притеснением ближнего, про покаяние этого человека мы можем сказать, что это удивительно яркий пример искреннего и действенного покаяния. Закхей не сказал: «Я виноват, Господи, больше не буду». Он сказал: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8). И услышал в ответ: «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 9).

Последние перед смертью дни или часы, даже минуты не бесполезны. Это время деятельного покаяния. На смертном одре легче отдаются долги как материальные, так и духовные. Говорятся слова примирения. Делаются распоряжения о последней милостыне, зачастую нашей единственной заступнице за гробом. Мгновенная смерть хороша только для праведника.

То, что не полезно каждому человеку, не полезно и многим. Не полезно и человечеству в целом. Как могут быть необходимы предсмертные скорби и тревоги одному — так необходимы скорби и страдания всему миру перед его кончиной.

Время скорби бывает особенно благодатно для души. «Скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах» (Пс. 114, 3), — говорит Пророк. Это время особенной близости к Богу. В записной книжке священника Александра Ельчанинова есть такая мысль: «Болезнь — самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу. С выздоровлением эта возможность отходит в бесконечную даль». Кроме того, страдания плоти удаляют нас от греха. «Ибо страдающий плотию перестает грешить» (1 Пет. 4, 1).

Вот несколько слов из воспоминаний нашего соотечественника, жившего в XIX веке: «Начавши играть в карты, я к ним пристрастился и считал почти напрасно прожитым тот день, в который мне не удавалось играть в карты. Это препровождение времени превратилось скоро в страсть, и мы проводили вечера и даже ночи за картами, так что иногда прямо из-за карточного стола поутру, напившись чаю, отправлялись на службу. К счастью моему, я как-то занемог и дня два оставался один. Письма Киреевского, беседы с Одоевским, Хомяковым и некоторыми другими друзьями и собственное неудовлетворение ведомою мною жизнью заставили меня опомниться, и я решился более в карты не играть» (А. Кошелев «Записки»). Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Без страданий жизнь человека не может быть полноценной. Без страданий она бледна и невыразительна. Человек не страдавший, даже если он добродетелен, редко интересен. Общение с ним, ско-

рее, скучно. Не имевший опыта скорби, он мало способен к деятельной любви, к состраданию. Заметьте, что жизнь литературного героя всегда трагична. Любая добродетель не так украсит душу, как мужественно перенесенное страдание.

Добродетель в нас может быть естественной, врожденной, незаметно воспитанной средой. Иногда она не стоит человеку особенного труда. Вспомним евангельскую историю о богатом юноше, который соблюдал все заповеди. Он спросил у Иисуса: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Вместо ответа Спаситель задал юноше вопрос о соблюдении заповедей. «Учитель! все это сохранил я от юности моей», — ответил тот (Мк. 10, 20). Возможно, этот юноша происходил из богатой семьи, получил хорошее воспитание, имел прекрасные наследственные качества, никогда не попадал в соблазнительные обстоятельства, искушения. Бремя Божиих заповедей было ему легко и привычно. Но когда Спаситель предложил юноше расстаться с богатством, тот не захотел притеснить себя и «отошел с печалью» (Мк. 10, 22). История богатого юноши послужила примером для воспитания и вразумления многих поколений христиан. Но, увы, это отрицательный пример.

Мы все желаем спасения. Но часто мы хотим получить его, оставив при себе все свои богатства: здоровье, имение, покой, счастье общения с близкими. И когда Господь для каких-то целей ограничивает наши земные привязанности, лишает нас их, мы страдаем. Страдаем, не в силах потерпеть лишения, страдаем потому, что не верим в заботу о нас Господа, страдаем, потому что не хотим терпеть волю Божию.

Такое страдание не спасительно. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Мы должны быть убеждены

только в одном, что Бог все посылает для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его».

О Промысле

Переживая самое тяжелое горе, самое нелепое и, казалось бы, незаслуженное несчастье, «мы должны веровать, что есть Промысл, все содержащий и все связывающий в мире» (святитель Григорий Богослов). Духовная мудрость видеть Промысл Божий во всякой счастливой и несчастливой ситуации отразилась в поговорке: «Принимай и каменья с благодареньем». Даже если это очень болезненные каменья.

Известный французский математик Паскаль был глубоко религиозным человеком. В двадцать четыре года он перенес тяжелую болезнь. В молитвенном размышлении Паскаль писал: «Ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня; не допусти же меня прогневать Тебя моим нетерпением... Даруй мне, Господи, силу одинаково относиться ко всем событиям, ибо мы не знаем, чего просить нам и чего желать, не впадая в самонадеянность и не становясь судьею и ответчиком за последствия, кои Твоей премудрости, по всей справедливости, угодно было сокрыть от нас... Не знаю, что может быть полезно для меня, здоровье или болезнь, богатство или бедность, или что бы то ни было в мире. Суждение об этом превышает силы человеческие и ангельские, оно сокрыто в тайнах Твоего Промысла, которому поклоняюсь, не дерзая проникать в него».

Есть у меня знакомая семья. Про нее можно сказать, что это настоящая малая Церковь. Когда самое

старшее поколение этой семьи было еще молодым, случилось в доме несчастье. Заболела маленькая дочка, а врачебная ошибка привела к тяжким и непоправимым последствиям — девочка почти полностью потеряла слух. Молодая мать не была тогда церковным человеком, отец, кажется, и вовсе не был крещен. Но, как говорится, беда путь укажет. Стала А.П. ходить в церковь, молиться, просить у Бога помощи. Стала и девочку свою носить в храм, причащать. Шли годы. Подросла дочь, она и не знала жизни вне Церкви. Почти не слыша церковной службы, она необыкновенно чувствует ее. Она часто и помногу молится. Господь послал ей хорошего любящего мужа, замечательных деток.

В этой семье, как и в каждом доме, бывают и скорби, или, как сейчас говорят, — проблемы. Но они какие-то тихие, разрешимые, не страшные. Наверное, потому, что они правильно, по-церковному решаются. С Богом, с молитвой. Как-то спросил я у А.П.: «Если бы не случилось с дочкой беды, пришла бы ты в Церковь?» «Наверное, нет, — ответила она, — может быть, ходила бы, ставила свечки, а вот Бога бы так не узнала». «А хотела бы ты, чтобы этого несчастья тогда не произошло?» Она задумалась: «Нет. Пусть, как есть. Слава Богу за все».

Отец Александр Ельчанинов записал в дневнике: «Мне часто кажется, что все шипы и тернии нашего жизненного положения точно устроены Богом для уврачевания именно нашей души. В своей жизни я вижу это с полной отчетливостью».

В одной семье росла девочка. Тихая, богобоязненная, благочестивая. Ходила с родителями в церковь, исповедовалась, причащалась. В пятнадцать лет она неожиданно умерла. После отпевания кто-то из знавших ее подошел к духовнику: «Зачем она

умерла? Она была удивительным примером для прихожан, для одноклассников. Она была радостью и утешением для родителей. Она была такая замечательная. Зачем она умерла?» Священник ответил: «Иногда из хорошего ребенка вырастает плохой взрослый. Посмотрите, сколько в мире страшных преступников, отчаявшихся, забывших Бога. Каждый из них когда-то был невинным младенцем. Случается, что Господь забирает из этого мира дитя, чтобы из него не выросло чудовище».

У матери умер единственный сын. Умер в тридцать два года, совершенно неожиданно. Вот что она сказала: «Господь его пожалел. Он у меня видный, красавец, но одинокий. Знаю, что любил погулять. Греха этого за ним много было. Были и обиженные. Вот Господь и пожалел его, чтобы больше не нагрешил».

О войнах

Даже такие массовые бедствия, как землетрясения или войны, в которых за огромным количеством горя, кажется, совсем не видно добра, обязательно содержат в себе благую часть. «Война не может быть духовным исцелением для христианина, — писал архиепископ Иоанн (Шаховской), — но для человека, погруженного в развратную своекорыстную жизнь, война может быть даже единственным средством отрезвления. В этом и смысл войны как промыслительного попущения, отвлечения человека от мелкой себялюбивой жизни к жертвенной; от ада похотей и страстей к граням подлинного бытия. Для христианина война может быть огрублением, оземлением, погружением в плотскую стихию; для себялюбивого «плотского» человека война может быть

восстановлением в подлинной духовной жизни». Вспомним, что участники Отечественной войны 1941–1945-х годов, фронтовики, многие годы воспринимались в народе как совесть нашего времени.

Отечественная война вместила в себя целый океан человеческого горя, унесла десятки миллионов жизней, но в нашей памяти эти годы словно озарены ореолом святости. Великие народные страдания, миллионы жертв и подвигов «за други своя» освятили их. И если нам случается встретить молодого соотечественника, который не знает о Сталинградской битве, о блокаде города на Неве, о Курско-Орловской дуге, он кажется нам ущербным, а за его незнанием проглядывает предательство.

Когда я вижу документальные кадры первых послевоенных хроник, я каждый раз поражаюсь чистоте и открытости лиц. Это удивительно правдивые лица. В них видны настоящее мужество, настоящая радость, настоящее горе. Сегодня мы видим похожие лица только в храмах, на церковной службе. Может быть, кровь, пролитая за Отечество, за ближних, омыла многие грехи этих воинов. Говорят, что на Курских полях во время сражения не раз видели на воздухе лестницу, по которой души убитых солдат поднимались в Небо. Спаситель сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), и воины-защитники, исполнившие заповедь любви, наверное, удостоились особых наград от Господа.

Конечно, война — это сгустившийся, умножившийся и безудержный грех. Но, по словам Апостола, «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20). Война отрезвила многие умы. К молитве вернулись и те, кто, казалось, совсем отвык от нее. За каждого русского солдата кто-нибудь мо-

лился. Мать, жена, бабушка, тетка, дед. В храмах молились за Отечество, за воинство, за близких. И сколько было чудес в эти годы! Сохранилось много воспоминаний, мы можем познакомиться с ними по книгам, услышать от свидетелей.

В деревне, где жила моя бабушка, жил один отъявленный безбожник. Был он до войны каким-то чиновником и потому был для жителей некоторой властью. Заходил тот человек к кому-нибудь в избу и командовал: «Иконы убрать. Еще раз увижу иконы в избе — отберу». Жена у него была верующая, но иконы в комнатах, конечно, держать не осмеливалась. С войны богоборец вернулся совсем другим человеком. Вошел он в деревню днем. К нему, конечно, свои деревенские: «Здравствуй, земляк!» — а он молча к дому идет, рта не открывает, кивнет только соседу или соседке. За фронтовиком уже целая толпа спешит, мальчишки бегут, а он не останавливается. Вошел в избу, жену спрашивает: «Где у тебя иконы?» Та уже по лицу догадалась, что скрываться не нужно. «На чердаке», — говорит. Достал солдат иконы, обтер, на полку поставил. Упал перед ними на колени, в землю кланяется. Потом только здороваться, обниматься, целоваться, на вопросы отвечать стал. Люди, конечно, такой перемене в безбожнике дивятся. А случилась с ним на фронте история, которая всю его жизнь переменила. Он ее потом кое-кому рассказывал. Очнулся он раз после боя контуженый или раненый в чистом поле или в лесу, не помню. Ни своих, ни немцев не видно. Куда ушли, неведомо. Местность тоже незнакомая. Встал солдат и пошел по какой-то тропе. Встретился ему прохожий и говорит: «Ты в ту деревню не ходи, там немцы, а иди, милый человек, к той стороне». И указал дорогу. Повернулся солдат спросить, как

деревня называется, а прохожего и нет. Добрел он до деревни, а там, действительно, его часть на ночлег остановилась. Пошел к начальству. Зашел в избу, и на полочке, в красном углу того прохожего и увидел. Стояла там икона Святителя Николая. Сам Святитель, выходит, дорогу ему указал. Случай этот не остался у солдата в памяти бесполезным воспоминанием. Принесло зернышко свой плод. Всю дальнейшую жизнь трудился тот человек в сельском храме. Сначала сторожем, а потом пономарем.

Святитель Василий Великий говорит: «Из случающихся с нами бедствий некоторые постигают в наказание за грехи, другие для исправления нравственности в искушаемых, третьи — для истребления безнадежных». Война соединила все виды бедствий. Но, наверное, каждое из них имеет и какую-то благую цель.

«Если возможно, да минует Меня чаша сия»
(Мф. 26, 39)

Святые отцы, хотя и объясняют благотворную сторону скорбей и лишений, однако советуют: «Не должно самому кидаться в искушения прежде времени, до Божия на то попущения, а напротив того, надобно молиться, чтобы не впасть в искушения» (святитель Василий Великий). И мы просим в молитве: «Отче наш... не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Мф. 6, 9–13).

Не всякая душа готова достойно пережить несчастье. Одни и те же скорби одну душу возносят к Господу, а другую низвергают в ад. Вспомним Евангелие. Когда распяли Спасителя, то той же казни подвергли и двух злодеев, распяв одного по правую,

а другого по левую сторону Господа. «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?» (Лк. 23, 39–40). Благоразумный разбойник на кресте покаялся, признал себя достойным казни и просил Иисуса о милости: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23, 42). И после смерти душа благоразумного разбойника пошла в рай, а нечестивого в ад. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Бог для того и попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают и теряют бывшее у них благочестие, когда постигают их бедствия». Мы не знаем своего сердца и не можем быть уверены в том, что достойно переживем несчастье.

Смерть любимого человека. Она способна приблизить нас к Господу, но она же может и разделить с Ним. В.А. Жуковский приводит слова своего друга поэта П.А. Вяземского, сказанные им в минуту горькой утраты, когда закрылись глаза его любимой дочери: «Великое дело милости Божией над нами совершилось; мы своими глазами видели, как наша милая дочь перешла к Небесному Отцу своему; она принесла Ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с Ним примиренную душу. И теперь мы знаем, что ей дано все то, чего бы никакой силою нашей любви мы не могли ни дать, ни сохранить ей в здешней жизни... Будем смиренны, и, чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости, за себя будем покорны, за нее радостны и благодарны». Какая удивительно живая вера слышится в этих словах!

Но вспоминается и печальный пример, слова женщины, мать которой умерла от рака. «Я в цер-

ковь больше ходить не буду. Мама и молилась, и в церковь ходила, а ей ничего не помогло». Рассказывали, что в 1924 году в одной семье отец, узнав о смерти любимого вождя, снял с полки иконы и изрубил их. То ли выразил этим свой ропот, то ли окончательно отрекся от Господа.

Кто может сказать про себя, что готов к искушению? Апостол Петр обещал: «Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26, 35), однако трижды отрекся от своего Учителя в страшную ночь. Потому Спаситель и говорит: «Молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих *бедствий*» (Лк. 21, 36). И Православная Церковь молится «о еже сохранитися граду сему и святому храму сему и всякому граду и стране, от глада, губительства, труса *(землетрясения)*, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников и междоусобныя брани; о еже милостиву и благоуветливу быти Благому и Человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев, на ны движимый, и избавити ны от належащаго и праведнаго Своего прещения *(наказания)*, и помиловати ны» (Прошение на литии).

Если, не повредив свой душе, мы можем избежать искушения, то лучше для нас избегать его. Рассказывал о себе один из подвижников нашего времени, почивший не так давно. Шел он как-то весной в монастырь. Шел долго, устал, промерз, но так горячо было его желание попасть в обитель, что он не останавливался на отдых. Наконец, уже ночью, подошел он к реке. Монастырь находился на другой стороне, а здесь, недалеко от берега, стоял монастырский скит. Зашел странник расспросить, как ему пройти на другую сторону. В доме в ту пору находилось несколько человек братии, они ему и ответили, что лед по весне уже ненадежен, ночь тем-

ная и до утра к монастырю никак не попасть. А как рассветет, то всех их, Бог даст, отведет провожатый. Но пылкий подвижник, как его ни отговаривали, не захотел ждать и пошел один. Про себя он рассказывал, что всегда крепко надеялся на помощь Божию и с самого детства был у него такой молитвенный дар, что все, чего бы ни просил он, — все получал. Это и придало ему уверенности.

Шел он, молился, однако через сколько-то шагов попал в полынью и провалился под лед. Течение унесло его далее. Он опустился на дно, весь сжался, понимая, что пришел конец. И здесь, в кромешной тьме ледяной стихии сознание его озарила истина, понял он, что несчастье постигло его за самонадеянность, за самомнение. Не его грешного молитва, а Господня милость вели его по жизни, а сам он ничтожен, слаб и не в силах преодолеть и малой тропы через реку. С этой покаянной мыслью открылось у несчастного путника как бы второе дыхание, он оттолкнулся от дна, и его вынесло к большой полынье ниже по течению.

Как бы ни были мы уверены в своих силах и, как нам представляется, заслугах перед Господом и в милости Господа к нам, не стоит самонадеянно бросаться в искушения, чтобы не открылась в них наша немощь.

«Это были образы для нас»
(1 Кор. 10, 6)

Как бы ни были авторитетны пророчества о судьбах мира, о сроках свершения, не следует забывать, что исполнение их остается в руках Божиих. И в Его власти выполнить или изменить Свой Замысел. «Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что

искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его» (Иерем. 18, 7–9), — говорит Господь через Пророка.

В Священном Писании есть для нас утешительный и поучительный пример такого изменения Определения Божия. За злодеяния жителей великого города Ниневии Господь обещал разрушить его. Пророк Иона ходил по городу и по слову Божию проповедовал: «Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена». И поверили ниневитяне Богу, и объявили пост. Сам царь «встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретище, и сел на пепле, и повелел провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его: „Чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищем люди и скот и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем“. И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Иона 3, 6–10).

Ниневитяне, чтобы прийти в себя, умертвить навык греха, наложили на себя пост. Привыкшие к роскоши, отказались от богатых одежд, оставили все будничные дела, даже не пасли скот — и покаялись.

Их искреннее покаяние переменило гнев Божий на милость.

О священной истории своего народа апостол Павел писал: «Все это происходило с ними, *как* образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11). Если мы обратимся к родной истории, то и в ней сможем найти назидательные образы для себя.

Начало XVII века. Россия переживает польско-литовское нашествие, Смутное время. «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные... Сердце трепещет от воспоминания злодейств... Всех твердых в добродетели предавали жестокой казни: метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов, в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: „Что же будет нам от Россиян, когда они и друг друга губят с такою лютостию?“ Сердца окаменели, умы омрачились: вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали, оно минует нас, или искали в нем личных для себя выгод... Гибли Отечество и Церковь; храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в алтарях; воздухами и пеленами украшались кони; злодеи пили из святых потиров, на иконах играли в кости; в ризах иерейских плясали блудницы... Люди уступили свои жилища зверям; медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях... Граждане и земледельцы жили в дебрях, в лесах и в пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них обсушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на

ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили их до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою — дома и скирды хлеба, да будет Россия пустынею необитаемою» («Летопись о мятежах»). Казалось, что оканчивалась история Отечества.

Православная Церковь все эти годы взывала к сердцу и сознанию соотечественников и наконец народ, измученный собственными грехами и не видя никакой внешней помощи, обратился всем сердцем к высшему миру, чтобы оттуда извлечь средства спасения. «По совету всей земли Московского государства, во всех городах, всем православным народом приговорили поститься — от пищи и питья воздерживаться три дня, даже с грудными младенцами; и по приговору, и по своей воле православные христиане постились: три дня в понедельник, вторник и среду ничего не ели и не пили, в четверг и в пятницу ели один хлеб. Так при господстве религиозного чувства выразилась в народе мысль о необходимости очищения всей земли, отделения себя от настоящего смутного и оскверненного общественным развратом времени» (М.В. Толстой «История Русской Церкви»).

И в который раз «пожалел Бог о бедствии» (Иона 3, 10) и отложил наказание ради покаяния народного. Иноземцы, занявшие уже Кремль, были изгнаны из родных пределов, общим желанием выбран Православный Царь, впереди были победы, создание великой Российской державы, трехсотлетнее царствование Дома Романовых.

Есть пример и из нашего времени. В начале сербской трагедии, которую мы наблюдаем уже много

лет, произошел военный конфликт между сербами и хорватами. Подготовленные НАТО хорватские войска выступили против сербов на спорной территории. Войска Сербской Крайны ответили на выступление неожиданно быстро и удачно и разбили хорватскую армию. По СМИ прошла навязчивая информация о геноциде и о необходимости наказать сербов. НАТО, поддержанный введенным в заблуждение общественным мнением, готовился нанести ракетно-бомбовый удар по Сараево и ввести войска. Уже было определено время бомбардировки. Со всего света в Сараево съехались корреспонденты. Они нашли и оборудовали удобные площадки для съемок, завезли аппаратуру. Но неожиданно по европейским телевизионным каналам прошли репортажи из Сараево, где показали православные храмы, наполненные верующими. Показали людей в праздничных нарядных одеждах, стоящих в очереди на исповедь и причастие. В два или три дня вся Сербская Крайна от членов правительства до живущих в дальних селах крестьян причастилась. Впечатление от происходящего было настолько сильным, что даже те телевизионные компании, которые поддерживали антисербские настроения, не сдержали удивления и показали по своим каналам это небывалое зрелище. Информация так подействовала на общественное мнение, что тогда бомбардировку пришлось отменить. Молитва народа была услышана. И вновь ради покаяния отодвинулись сроки.

Есть поговорка: «Беда не страшит, а путь кажет». Беда указывает путь покаяния, исправления жизни, молитвы.

«Приходит время покаянья и молитв»

По многим признакам, мы можем согласиться, что времена наши действительно последние или последние в каком-то историческом периоде. Божий мир, мир природы хищнически разоряется, разрушается и гибнет. У нас не осталось чистой, не отравленной почвы, чистой воды, чистого воздуха. Мир человеческий выслушал проповедь Евангелия даже в самых дальних своих пределах и однако не желает жить по заповедям любви. В человеческих отношениях все меньше искренности и тепла. Сегодня мы видим, что болезнь поразила не отдельные страны и народы, но весь мир в целом. О возможной катастрофе говорит не только Церковь, о ней говорят медики, экологи, экономисты, политики.

В России в последние годы сложилось особенно бедственное положение. И пока что трудно себе представить, как оно может измениться к лучшему. Не потому, что нет такой возможности, для Господа все возможно, а потому, что пока нет причины для изменения. За долгое время безверия и безбожия люди привыкли видеть только внешние причины своего неблагополучия. И в неблагополучии государственном большинство наших соотечественников обвиняют экономику и политику, да и надежды на изменение ситуации связывают только с изменением экономики и политики.

«Вы забыли Бога и оставили Его, и Он вас оставил Своим отеческим промыслом и отдал вас в руки собственного необузданного, дикого произвола», — пытался открыть глаза русскому народу, увлекшемуся материалистическими идеями, святой праведный Иоанн Кронштадтский. Забыли Бога в своих планах и надеждах русские люди. Уже целый век

строят и перестраивают Россию. И ничего из этой затеи не получается. Кажется, вот и вышло что-то, почти построили, а глядишь: то ли само развалилось, то ли сами зачем-то развалили. А иначе и не может быть: «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий» (Пс. 126, 1).

На протяжении многих веков, осмысливая любое бедствие и несчастье, русский человек смиренно говорил: «Бога прогневили». И, обращаясь к своей совести, в себе искал истоки беды, каялся, исправлял жизнь. Только последние сто лет стали полагать причиной несчастья ошибки правителя или властей, возлагая на них и заботу о исправлении их.

«Благо есть надеятися на Господа, нежели надеятися на человека. Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи» (Пс. 117, 8–9). Время невзгод и бедствий — это время гораздо больших надежд на Господа, нежели на политику, на правителей, на чудеса науки. Как часто видим мы в церкви родителей тяжело или безнадежно больного ребенка, родственников, молящихся за попавшего в беду близкого человека.

В самых отчаянных положениях люди, даже не церковные догадываются, куда им идти и к Кому обращаться. «Скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах» (Пс. 114, 3).

Если человек задерживается в церкви более, чем на время молебна и расстановку свечей, если он не «на всякий случай», а искренне пришел в храм, он обязательно задумается: «Почему это случилось, почему страдает мой сын или дочь?» И ответит в душе: «По грехам наказание». Хорошо, если человек правильно поймет это свое настроение.

Пришла на исповедь девушка, сразу видно, что в церкви она бывает редко. Пришла, чтобы испове-

даться и причаститься. Пришла, потому что у нее тяжело заболела мама. Но ведь заболела мама, при чем же здесь дочь? Она пришла очиститься и примириться с Господом. Чтобы потом разговаривать с Ним, молиться, просить. «Мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9, 31). Она поняла это сердцем.

В бедственном положении мы становимся строже к себе, внимательнее к своему сердцу. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19), — говорит Псалмопевец.

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман.
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Все население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!
Милуй народ и друзей его, Боже! —
Сам я невольно шептал...

Н.А. Некрасов «Молебен»

Удивительно чутко подмечено поэтом настроение строгости и внутреннего сокрушения в молящихся. Опять — «Бога прогневили». И отсюда отрезвление, строгость к себе, внимание, стремление к благочестию, сердечные обещания.

Господь обещал пощадить город ради десяти праведников (см.: Быт. 18, 32). Переживая тяжелые вре-

мена и в преддверии большей тяготы, мы должны ясно осознавать, что задача благочестия, праведной жизни выходит за рамки личной. Состояние сердца каждого человека оказывает влияние на мировые судьбы. Есть такая поговорка: «Не стоит город без святого, а село без праведника». То есть в каждом городе обязательно есть хоть один святой человек, а в каждом селе хоть один праведник. Но можно подойти к ней и иначе. НЕ СТОИТ город без святых и праведников, незачем ему стоять, как и селу без благочестивых людей. Для нас будет правильным не подсчитывать святых в своей округе, а самим всеми силами стремиться к благочестию.

Как простой человек, не политик, не облеченный властью чиновник, может поучаствовать в государственной жизни? Как может повлиять он на судьбу своего Отечества? Прежде всего своей праведностью, благочестивой жизнью, церковностью, то есть жизнью в лоне Православной Церкви, с ее Таинствами, ее Уставом. Это доступно каждому, а по силе воздействия на жизнь страны, да и всего мира, вряд ли сравнится с любой внешней деятельностью, во всяком случае благочестие одушевит все ваши действия. «Любовь к Отечеству возбуждается, действует и преуспевает только тогда, когда она одушевляется благочестием», — писал святитель Филарет Московский. Это не означает, конечно, что деятельность внешняя не должна совершаться, но хорошо, когда руководствуется и утверждается она помощью свыше, а для этого нужно стать достойным этой помощи.

«Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Флп. 4, 6), — учит Апостол. На нашу молитву, на молитву-прошение, просьбу о помощи Господь обязательно откликнется, «ибо всякий про-

сящий получает, и ищущий находит» (Мф. 7, 8). Кто-то говорил, что земля стоит молитвами праведников. Не исключайте себя из числа молящихся, даже если вы грешный человек. Господь благословляет даже за одно намерение стать добрым христианином. В Евангелии есть притча. У отца было два сына, один из них захотел, получив свою долю имения, жить от отца отдельно. Отец отдал сыну, что ему следовало, и отпустил его. В далекой стране юноша, живя в грехе, быстро истратил свое состояние и впал в бедность. Уже в изнеможении, погибая голодною смертью, вспомнил он о доме отца, где всего было вдоволь и последний слуга имел более, чем он сейчас. Понял неразумный сын свой грех, раскаялся в нем и решил: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему» (Лк. 15, 18–20). Отец увидел возвращающегося сына, когда тот был еще далеко. «И, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15, 20). Целовал, еще не слыша покаянных слов, не видя добрых поступков, исправления жизни. В притче в образе отца подразумевается Сам Господь, есть даже такое выражение: «Господь и намерения целует». Нам стоит только начать доброе дело покаяния, исправления и молитвы, а Господь поможет. Он выйдет навстречу.

Молитва о себе, о ближних, об Отечестве необходима и обязательна в нашей жизни. Но мы не может относиться к ней, как к надоевшей и скучной повинности. Рассказывают такой случай, очень характерный. Пришел в некий храм прихожанин, обращается к священнику: «Батюшка, у меня горе, жена тяжело заболела». «Что же, чадо, Господь милостив, молиться надо, — отвечает священник, —

молебен неплохо бы отслужить целителю великомученику Пантелеимону». «Хорошо, батюшка», — говорит воспрянувший духом муж. Через какое-то время идет через церковный двор соседка горемыки и видит: сидит тот на лавочке и птиц на заборе считает. «Что ж ты не в храме?» — спрашивает она. «А чего мне там делать? Я молебен заказал, свечи поставил. Пусть батюшка и молится», — был ответ.

Но не так это смешно, как грустно. Сколько людей «молятся» не молясь. Лев Николаевич Толстой вспоминает эпизод на охоте, после которого он перестал читать утреннее и вечернее молитвенные правила. Как-то во время охоты ему пришлось заночевать в поле. Перед сном он отошел на несколько шагов от костра и стал молиться, то есть произносить вечерние молитвы. Его спутник, кажется, старший брат, оставшийся сидеть на траве, спросил: «А ты все еще продолжаешь ЭТО делать?» Слова брата побудили Льва Николаевича откровенно взглянуть на свои «молитвы». С тех пор он навсегда перестал ЭТО делать, то есть отстал от молитвенного правила. Можно ли сказать, что до этой охоты он молился? Нет, конечно. Это было просто повторение знакомых с детства фраз. Молитва — это диалог, она одушевляется надеждой на диалог. Есть вера в Бога — есть молитва, есть диалог! Нет веры в Бога — нет молитвы, есть монолог в пустоту или обращенный к себе самому.

Символ молитвы — пламя. Всегда стремящееся ввысь, освящающее, попаляющее мрак. Не случайно мы зажигаем перед иконой лампаду или свечу — символ нашей молитвы. Такая горячая молитва радостна сама по себе, как радостно бывает пребывание на празднике, даже если вам почему-то и не досталось подарка. Хотя «подарок» обязательно бывает! Церковные люди, имеющие опыт молитвы, обяза-

тельно имеют и опыт «подарков»: чудесных исцелений, развеянных печалей, отведенных ударов, опыт тихих домашних чудес.

Сила молитвы необычайна. Спаситель говорил, что имеющий веру с горчичное зерно сможет передвинуть гору (см.: Лк. 17, 6). Молитвы праведников усмиряли бурю, укрощали ярость огня, воскрешали умерших.

У поэта Вл. Карпеца есть стихотворение-воспоминание. Может, кто-то не знает, а кто-то забыл, что в начале 60-х мир стоял на пороге третьей мировой войны. Причем это была бы атомная война. Период противостояния двух держав был назван «Карибским кризисом».

Мы снова в городе. Мне восемь.
Вдали от сосен и полей
Бушует ветреная осень,
Листву срывая с тополей.

И только тени, только тени
Молчат о чем-то в глубине...
Сказал физрук на перемене
О третьей мировой войне.

А в шесть четырнадцать с экрана,
Нам излагая наш протест,
Нездешний голос Левитана
Читал правительственный текст.

А после все затихло вроде,
И словно ветр во тьме ночей,
Гудели песни о свободе
И о войсках бородачей.

Пришел отец. Уже с порога
Взглянул нечаянно в окно.
Но где воздушная тревога?
Все было тихо и темно.

Мелькнула ночь. Все шло как прежде.
Коснулся окон луч едва,
И словно расцвела в надежде
Уже пожухлая трава.

И толпы, как земные воды,
Прорвав гранит ночного льда,
Текли в депо и на заводы,
Как встарь, как прежде, как всегда...

Никто не знал, что в осень эту
Там над Землей шел Зов на Зов,
И кто-то отмолил планету
В глуши, в избе, у образов...

Наверное, каждому понятен образ отмаливания, или вымаливания у Господа мира на земле.

В некоторых семьях в особенно тяжелых для страны обстоятельствах принято усугублять молитву об Отечестве. Начинается такое личное патриотическое участие с покаяния. В кризисных ситуациях последних лет некоторые наши соотечественники прилагали на небольшое время к обычному своему церковному правилу особенный день или два-три дня поста, чтение Покаянного канона, «внеплановую» Исповедь и Причащение Христовых Таин, может быть, чтение акафиста какому-либо святому. Доводилось мне слышать, а также самому наблюдать и радостный патриотизм малышей, присоединяющих свой добровольный, осознанный и потому приятный пост и поклончики «за Отечество» к молитвенному стоянию взрослых. Какой прекрасный урок и возможность почувствовать себя сыном Отечества!

Об унынии

Желание устраниться от повседневных жизненных забот, уйти от них вызвано унынием. Подчас совсем незаметным для нас унынием. Уныние — это настроение безнадежности, бессмысленности усилий, неверия в благость Божиих судеб. Религиозный человек не может унывать даже в самой безнадежной ситуации. Вернее, он ни одну ситуацию не видит как безнадежную и безвыходную.

Вспоминается замечательная матушка, Ирина Владимировна. Работала она в Даниловом монастыре. У нее, еще молодой женщины, нашли рак, обнаружили его слишком поздно, но операцию все же сделали. После операции, известно, — облучение, химия. Мучительное умирание. Сама Ирина Владимировна говорила, что после того, как ей назвали диагноз, она «тупо приготовилась умирать». Но когда прошло первое ошеломление, она победила свое уныние. Кто знал ее, помнят, что предсмертного настроения в ней никогда не было заметно. Она не оставила работы, отношений с ближними. Писала, была редактором, консультировала. Оставалась подругой, сотрудником, помощницей. Ее особенная приветливость, удивительная черта ее личности, никак не потускнела, не изменилась. Ирина Владимировна все так же, как до болезни, была настроена не на себя, а на тех, кто рядом. Она жила их заботами и особенно заботами родного монастыря.

Когда она окончательно слегла, ее часто навещали друзья и сотрудники. Ей и в больницу привозили работу. Приходя к ней в палату, мы видели все ту же приветливую, ласковую, умную и тонкую Ирину Владимировну. Однажды отец Роман, эконом обители, чтобы поддержать умирающую, спро-

сил: «Ну, матушка, когда вы выходите на работу?» — «Что вы, отец Роман! Жизнь окончена», — сказал она и при этом улыбнулась. Улыбнулась совсем не грустно. Ирина Владимировна не была красавицей, но незадолго до смерти от ее лица просто невозможно было отвести взгляд — так оно стало красиво. Мы приходили за тем, чтобы утешить смертельно больного человека, но получалось, что утешенными уходили от нее мы. Мы видели пример мира с Богом, мужества, христианской любви. Видели, что все это возможно. Впечатления, выносимые от встреч, были настолько замечательными, что отец Алексий Грачев предложил привести к Ирине Владимировне и наших матушек, а если получится, то и детей, чтобы и они могли увидеть реальность слов: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе» (Откр. 14, 13). Но мы не успели, Ирина Владимировна умерла.

Господь утешил ее, она почти не мучилась от страшных раковых болей. Как и мечтала, она встретила Пасху и умерла на Светлой седмице. В час смерти рядом с ней был ее духовный отец.

Человек, живущий в Господе, не может унывать. Господь всегда с ним, и ничто не может разлучить его с Господом: ни война, ни болезнь, ни Конец Света. «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? — вопрошает Апостол и отвечает, — ...я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8; 35, 38–39).

Уныние обличает таящееся в нас неверие, уныние — это один из смертных грехов, причем самый болезненный грех. У святителя Иоанна Златоуста

сказано: «Уныние есть тяжкое мучение души, неизреченная мука и наказание более горькое, чем всякое наказание и мучение». Уныние ослабляет более любой болезни. Про унывающего говорят: «Понурая голова и с рублем пропадет». Уныние порождает лень и безразличие. Не безразличие к еде и питию, к месту жительства, а безразличие к добрым делам, к голосу совести. Святые отцы говорят, что уныние часто прорастает в пьянство, блуд. От него же происходит тяга к развлечениям, праздношатание, любопытство, неразборчивость в средствах к удовлетворению прихотей.

Конечно, тяжелые обстоятельства или ожидание их обязательно сказываются на нашем настроении. Бывает, что человек страдает от уныния и по бесовским козням. Но мы должны исповедовать этот грех, не считать его «естественным». Нельзя считать, что если твое уныние никому не принесло вреда, то оно безвредно. В борьбе с грехом уныния мы может прибегнуть к помощи святителя Тихона Задонского, он при жизни сам часто страдал от этого недуга и помогает тем, кто молитвенно обращается с просьбой к нему.

«Уныние и непрестанное беспокойство могут сокрушить силу души и довести ее до крайнего изнеможения» (святитель Иоанн Златоуст), а вера в Бога, в Благость Его Святого Промысла способны дать спокойствие и в самых печальных обстоятельствах. За несколько часов до казни декабрист Кондратий Федорович Рылеев, уже оставивший с покаянием свои заблуждения, писал жене: «Я ни разу не возроптал во все время моего заключения, и за то Дух Святый дивно утешил меня! Подивись мой друг: в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашей малюткой, я нахожусь в таком утешительном спо-

койствии, что не могу выразить тебе. О мой друг, спасительно быть христианином!..»

Вдумайтесь: Рылеев пережил крушение всех жизненных планов, длительное одиночество, мысли его заняты близящейся казнью, судьбой жены и дочери — и такое светлое настроение в строках последнего письма! Мне вспоминаются слова другого русского поэта, которыми можно и закончить наши рассуждения:

Не отравляй минут успокоенья
Болезненным предчувствием утрат:
Таинственно Небес определены,
Но их закон ненарушимо свят.

И.С. Никитин

Не стройте вавилонской башни

Есть такая поговорка: «Знать бы где упасть, то соломки подтрусил бы». В нашем Отечестве очень хорошо знают, где нужно подтрусить соломки. Из всех бедствий, ожидаемых перед Концом Света, наиболее понятным и страшным для большинства наших соотечественников представляется голод. В России столько голодали, особенно в последнее столетие, что страх голода стал почти генетическим.

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Страшная истина этих некрасовских строк понятна русскому человеку и в самые хлебные и благополучные годы. Излишне объяснять, почему первой реакцией на всякое неблагополучие в стране и даже вне ее у многих россиян бывает забота об увеличении домашнего запаса. Сказывается печальный опыт.

Предвидение страшного времени, когда будут ставить на руку и на чело печать антихриста и «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание или имя зверя, или число имени его» (Откр. 13, 17), и желание независимости от торговли, колебаний цен, снабжения магазинов, от возможных перебоев с топливом, электричеством кое-кого настраивает на мысли о личном домике в деревне. Об огороде, корове или козочке, о русской печке, керосиновой лампе. Дров в лесу нарубил, печку затопил, свою картошку сварил, своей сметаной заправил, а на творог сапоги выменял. Разве плохо? Может быть, и неплохо. Только спасет ли российская глубинка? Спрячет ли?

Долгое время после потопа хранило человечество живое воспоминание о всемирном бедствии, о Божием гневе, излившемся на людей за грехи их. И однажды Неврод, внук Хама, царствовавший в Вавилоне, обратился к людям: «Что мы будем делать, если Бог вторично восхощет, как и прежде, навести потоп, чтобы погубить нас, как погубил он первых людей? Послушайте поэтому моего совета, о люди! Придите, созиждем великую и высокую башню, достигающую до небес; и когда восхощет Бог опять потопом покрыть землю, в то время мы взойдем на башню и избегнем потопа...» (святитель Димитрий Ростовский). И согласились люди на эту работу, чтобы сделаться независимыми от Бога, внимая Невроду, внуку Хама. Но Господь не дал совершить задуманного, Он смешал «язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Быт. 11, 7), и строители не смогли закончить здание. Однако строившаяся сорок лет, хоть и незавершенная башня стояла еще долгое время в Вавилоне как памятник человеческому безумию противостояния Богу.

Надежда на личное хозяйство в деревне или на мешок риса и бочонок масла в городской квартире в какой-то степени сродни надежде на вавилонскую башню. И так же нелепа. В Евангелии есть притча о богатом человеке, собравшем необычайно хороший урожай. Он сказал себе: «Сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12, 18–19). Казалось бы, разумное решение: построить большие хранилища и спокойно, беспечно жить. Однако Спаситель называет такого человека безумным. «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так *бывает с тем*, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12, 20–21). Разве не безумие надеяться на себя, на свое. На свой разум, свое здоровье, свое богатство, свое хозяйство, свой замок, бронежилет, талант, покровителей?.. Все это может отняться у нас в любую минуту. Говорят, смерть причину сыщет, и беда лазеечку найдет.

И еще говорят: не нива кормит, а Господь. А у Псалмопевца читаем: «Надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век» (Пс. 124, 1). Во всем и всегда наша надежда — Господь. Вспомним, как пятью хлебами и двумя рыбами Он накормил пять тысяч человек. «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных» (Мф. 14, 20).

Однажды перед Пасхою в Киево-Печерском монастыре кончился хлеб, так что не из чего было даже испечь просфор. Монахи пришли в крайнее уныние, но преподобный Феодосии, с полной надеждою на Господа, велел накрывать к Пасхе стол. И что же?

Перед заходом солнца какой-то благотворитель привез в монастырь несколько возов хлеба.

Подобный случай описан в житии Преподобного Сергия Радонежского. Как-то некоторые из братии Троицкой обители возроптали на игумена: «Слушаясь тебя, мы умираем с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить из монастыря». Но Преподобный с кротостью увещевал братию терпеливо переносить посланное испытание. Еще не окончил Преподобный Сергий своей беседы, как привратник объявил, что в монастырь привезли много хлебов и иной пищи. Помолившись Господу, все сели за трапезу. Хлебы были мягки и даже теплы.

Если в нас нет веры во всемогущество Господа и в Его милосердную заботу о нас, то мы лицемерные христиане. А что бывает с теми, кто не на Бога надеется, а на свою «вавилонскую башню», о том следующий рассказ.

В одной обители был обычай: в Великий Четверг сходились в монастырь бедные и сирые люди со всей окрестности и получали там некоторую помощь: немного хлеба, вина, меда и сколько-то денег. Но случился в той местности неурожай, и наступил голод. В Великий Четверг братия монастыря приступили к игумену с просьбой нарушить на этот год обычай, чтобы не было в самой обители недостатка. Как ни отговаривал игумен братию, но те упорно стояли на своем. «Делайте как знаете», — сказал опечаленный игумен.

Так и не роздали в Великий Четверг милостыни. В скором времени заведующий пшеницей пошел в хранилище и увидел, что вся монастырская пшеница проросла и сделалась непригодной для еды.

«Какую же пользу получили мы, чада? — сказал игумен. Поистине причинили себе сугубый вред.

Нарушили монастырский обычай и понадеялись не на Бога, но на пшеницу».

«Что вы *так* боязливы, маловерные?» (Мф. 8, 26), — упрекнул Спаситель апостолов, испугавшихся бури. Наша боязливость тоже происходит от маловерия, и так же, как апостолы, должны мы просить: Господи, «умножь в нас веру» (Лк. 17, 5).

В любом православном храме вы увидите немало многодетных семей. Про большинство родителей нельзя сказать, что они богатые люди и позволили себе много детей от того, что имеют на них средства. Нет, не средства, а веру имеют многодетные мамы и папы. И что же? Растут детки, и носочки, и ботиночки Господь посылает, и кашу. Один многодетный папа, он доктор наук и любит все считать, заметил, что большинство извещений об оплате его работ приходят перед церковными праздниками, как Божий подарок. Кстати, в прежней России и государственные ордена, и денежные награды чиновникам давались также в церковные праздники в гармонии с общей радостью.

Заметьте, как все апостольские послания проникнуты живым ожиданием Второго Пришествия Спасителя, окончания жизни мира. «Близок всему конец» (1 Пет. 4, 7), — пишет апостол Петр, но есть ли в его словах страх? Нет. Скоро наступит конец всякому несовершенству и откроется мир Правды. Это слова надежды. А без нее страшно жить не только в последние времена, но и во всякое время. Так, одна женщина, врач-педиатр, уже долгое время живя в браке, боится родить ребенка. Здоровая женщина. И муж у нее здоров. Но она по своей специальности столько видела нездоровых детей, столько знает патологий детского организма, что боится родить больного ребенка. А веры у нее нет. И надежды поэтому тоже.

Надежда на Господа вовсе не подразумевает личного бездействия. Как говорится: на Бога надейся и сам не плошай. Есть такая притча. После кораблекрушения бывшие на судне люди спасались кто как мог. Кто на шлюпке, кто держась за обломки корабля, а один человек вцепился в мачту и сказал: «Я надеюсь на Господа, и Господь спасет меня». Уже почти весь корабль скрылся в волнах, одна мачта возвышается над водой, а упрямец, держась за нее, все повторяет: «Господь спасет меня». Плывет мимо него доска, люди, устроившиеся на обломках корабля, кричат: «Хватайся за доску, спасешься», — а он твердит: «Господь спасет меня». Так и утонул. После смерти спрашивает он у Господа: «Как же так, я просил Тебя о помощи, надеялся, а Ты не спас меня». На это Господь ответил: «Я подал тебе обломок доски, почему же ты не ухватился за него».

Сейчас потерпели крушение многие привычные понятия и связанные с ними надежды. Образование, медицинская помощь, правовая защита, государственные обязательства. ...Все разрушается, извращается, исчезает у нас на глазах. Но будем верить, что Господь обязательно пошлет нам «дощечку», а мы непременно ухватимся за нее и станем грести. Правда, следует быть осторожным и не хвататься за всякий проплывающий мимо мусор, не способный удержать нас на плаву.

О времени

Последнее время... Говоря о последнем времени, мы понуждаем себя спешить. Спешить на исповедь, спешить исправить грех, загладить вину, сделать доброе дело, оказать помощь. Последнее время — значит, нельзя откладывать на завтра, на час, на полчаса.

Несколько лет назад умерла одна хорошая добрая женщина. Моя давняя знакомая. Умерла некрещеной. За некоторое время до смерти она заболела и готовилась к операции. Тогда же ей пришло на ум окреститься, но она отложила это событие на некое будущее. После операции больная вспомнила о своем намерении, но решила подождать еще сколько-то времени, чтобы своими ногами, уже здоровой пойти в храм. Время шло, а желание оставалось только желанием. Через близких людей я не раз напоминал ей о необходимости поспешить, но она отвечала: «Еще успею». Но смерть, как говорят, савана не ждет и приходит без зова. Панихидки мне по ней служить не пришлось.

Еще одна печальная история. Опять болезнь, больница, и опять решение принять Святое Крещение откладывается. «Мне уже получше, вот выйду из больницы и тогда...» Эта женщина не вышла из больницы и не окрестилась. И не проходит дня, чтобы дочь ее с горечью не вспоминала, что у ее мамы нет креста на могилке, что она не может подавать за нее записочку в церкви и за ее душу не вынимает священник частичку, не опускает ее в Чашу с Пречистой Кровью Спасителя. И что теперь никогда, никогда нельзя ничего изменить.

Время наше последнее, и медлить нельзя. Наша прихожанка М.В. назвала дочь в честь Великой княгини Елизаветы Федоровны и хотела окрестить ее в день памяти святой. Ждать нужно было более двух месяцев. В одну из летних ночей случилась страшная гроза с ураганом. Происходящее было настолько необычным и страшным, что М.В. подумала, что это начало Всемирного Конца. Ураганный ветер оборвал электрические провода, он с такой невероятной силой сотрясал дом, что казалось, тот сейчас

рухнет. Выйти из дома на улицу казалось еще более жутким — там безраздельно царствовала, бушевала стихия, и трудно было даже понять, что происходит.

К смерти церковный православный человек в какой-то степени всегда готов, но не за себя страдала М.В., бедная мать мучилась сознанием своей ошибки, свой вины перед дочерью, которую не успела окрестить. В критической ситуации она поняла, что Божие дело нельзя откладывать.

Мне часто вспоминается встреча, случившаяся лет пятнадцать назад. Мы шли из Троице-Сергиевой Лавры, моим спутником был отец Геннадий О. Навстречу нам спешил какой-то парень. Заметив нас, он торопливо подскочил к нам и спросил: «Где здесь... Где здесь грехи отпускают?» Отец Геннадий подробно объяснил незнакомцу, куда ему пройти, и тот побежал к воротам Лавры. Отец Геннадий поглядел ему вслед и обратился ко мне: «Надо же... «Где здесь грехи отпускают?» И ведь как спешит! Каяться спешит». И радостно закончил: «Жива, значит, Россия!» Эх, всем бы нам так спешить покаяться.

Кстати, вспомню еще один случай. Как-то во время обеда постучали в дверь церковной сторожки. Кто-то отворил дверь. На крыльце стоял бледный растерянный мужчина с кое-как перевязанной рукой. Из-под бинтов сочилась кровь. За спиной мужчины стояла бледная женщина. «Креститься!» — выдохнул раненый.

История их появления была такова. Жена объявила мужу, что уйдет от него, если он не крестится. Он обещал, но все откладывал. В один из воскресных дней она дала ему деньги и сказала: «Некрещеным не возвращайся». Муж пошел в церковь, но по дороге встретил соседа, и тот уговорил в церковь не ходить. Деньги они как-то совместно потратили,

а жене сказали, что крестины состоялись. Через пару дней муж стал что-то делать по хозяйству и рубанул топором по руке. Испугавшись и связав происшедшее со своим обманом, он бросился к жене и во всем ей признался. Кое-как они перевязали рану и бегом побежали в храм, даже не заглянув в медпункт.

Если доброе дело пришло вам на ум, нужно как можно быстрее совершить его, а то враг человеческий обязательно будет стараться похитить и саму мысль о нем, и возможность свершения. Когда мы делаем доброе дело сразу, оно совершается легко. Но если медлим, то совершаем его как бы с препятствиями.

Помню, встретил как-то знакомую старушку Н.Д. На лице ее был огромный почти во всю щеку синяк. «Что с вами?» спрашиваю. «Да вот, с лестницы упала, ударилась головой», — отвечает она. Я посочувствовал. «Ну что вы, это правильно, даже хорошо, что так случилось. Я когда пропущу срок Причастия, помедлю недельку, то со мной всегда какие-нибудь истории случаются. Вот помедлила недельку, бес меня со ступенечки и столкнул, да на три-то недельки я из строя и вышла. Надо все вовремя делать. Особенно исповедоваться, причащаться».

Такой опыт есть у многих верующих. Как пропустишь свой срок Причастия, собьешься с ритма, то обязательно в следующий раз появятся какие-нибудь препятствия.

«Как мне хотелось съездить в Иерусалим, все откладывала, а теперь уже не съезжу, не те деньги», — эти печальные слова слышал я не один раз. Кто-то не успел съездить в Иерусалим, кто-то в Почаев, кто-то в Дивеево. «Еще успею», — думаем мы о многих душеполезных делах и тратим деньги и время на обыденное, тленное, ветшающее. А давайте

подумаем: утешит нас в тяжелом горе или несчастье, да просто в нашей полной усталости жизни, новая мебель или платье, или посуда, или морские купания? Все это хорошие вещи и даже нужные, но они не утешат сердца и не защитят от беды. А молитва в Вифлееме, исповедь у Троицы, поездка в Оптину согреют душу и укрепят веру.

Времена наши последние... Сроки человеческой жизни и ее удивительная хрупкость подсказывают нам, что времена наши ВСЕГДА последние. Но не убегать, не прятаться нужно, «убояшася страха, идеже не бе страх» (Пс. 13, 5). А «прибегать». Не крепость строить, а спешить собрать в себе то, что не отнимется ни болезнью, ни войной, ни голодом, ни холодом, ни смертью.

Кто собирается креститься, — пусть скорее крестится. Кто живет в браке, но еще не обвенчан, — пусть поспешит с венчанием. Кто еще не воцерковился, — спешите жить церковной жизнью. Если вы можете оказать милостыню, — спешите милосердствовать. Спешите прочесть духовные книги, спешите, пока они лежат на прилавках церковных лавок, читайте, пока глаза ваши могут прочесть, а ум принять про читанное. Если вы задумали поклониться святыне, — поезжайте, пока есть транспорт, пока есть дороги, пока есть здоровье. Если вы кого-то обидели — примиритесь, покуда вы не расстались навеки. Спешите оказать свою любовь близким. Спешите на Исповедь и Причастие, пока открыты храмы и пока совершается Литургия. Спешите молиться о продлении мирных времен. Готовьте себя не прятаться от Господа, а выходить навстречу. Готовьте свое сердце к этой встрече, чтобы когда-то сказать:

«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое»
(Пс. 107, 2).

БОЛЬНЫМ И ЗДОРОВЫМ

«Здравствуйте», — приветствуем мы друг друга пожеланием здоровья. Да, из многих земных благ для большинства людей здоровье наиболее желанно. Все хотят здравствовать.

Однако... Однако все мы хоть иногда, да болеем. «Дние лет наших, в нихже седмьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь» (Пс. 89, 10), — говорит Пророк об общей для всех участи. Болезнь, хотим мы этого или не хотим, — часть нашей жизни. Некоторые вопросы здоровья и нездоровья, лечения и отношения к телесным недугам и будут рассмотрены в этой книге.

Когда-то в духовных семинариях был такой предмет — медицина. В одном из писем святитель Феофан Затворник высказывает радостное предположение, что эту нужную дисциплину вновь введут в семинарский курс. Действительно, ведь к священнику часто обращаются люди в какой-нибудь напасти, в горе. Например, в болезни. Обращаются, конечно, за духовным советом, но телесное и духовное в человеке так связано, что некоторое, хоть минимальное, знание медицины батюшкам ох как необходимо! А так как надежды святителя Феофана не оправдались и курса медицины в семинарии нет, то некоторые священники, и я в том числе, для своих рекомендаций пользуются помощью знакомых врачей.

Здесь, на этих страницах, большинство чисто медицинских советов было почерпнуто автором из бесед с кандидатом медицинских наук Л.Н. Соколовой и кандидатом медицинских наук Н.А. Мазеркиной. За что и приношу им благодарность, а также желаю помощи Божией в их нужном для людей деле.

Здоровье, как мы можем прочесть в толковом словаре, это «нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы». Добавим только, что такого состояния организма уже давно ни у кого нет. А когда-то было. Давным-давно. Когда первые люди еще не нарушили Божией заповеди, то есть не совершили первого греха. Вот тут-то «нормальное состояние всего организма» и разладилось. Появились болезни. А за ними пришла смерть.

В древнем мире любая болезнь воспринималась как наказание за грех. Свой или родительский. «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» — спрашивают ученики Христа о слепорожденном (Ин. 9, 2). Нездоровый человек считался грешником, то есть преступником, и ни в ком не вызывал жалости. «Сам виноват», — готов был суд для несчастного. И только с приходом Спасителя новое учение предложило человечеству повернуть взгляд внутрь своей души, увидеть свои грехи.

Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести...

У. Шекспир, «Гамлет»

Теперь, на фоне своих «черных пятен», пятнышки ближнего уже не казались такими мрачными. Ведь каждого из нас есть за что наказывать. И то, что мы пока что не на операционном столе, не на больничной койке, — так это только по милосердию

Божию. По Его долготерпению. Внимание к своей совести призывает и нас быть милосердными к другим. И особенно к больным, к страдающим. Они **уже** страдают. У нас же — все впереди.

Грех и болезнь обязательно связаны в человеке. Но связаны по-разному. Не всегда болезнь — только следствие греха. Иной раз болезнь может быть и освобождением от греха. «Но истина остается истиною, что и болезни тела все и всегда от грехов и ради грехов», — писал святитель Феофан Затворник.

Болезнь как лекарство

Что такое болезнь? Конечно, это трудное, неприятное или опасное для жизни состояние. Но ее нельзя назвать безусловным злом. Заметьте, что болезнь более чем что-либо может отвлечь нас от греховной жизни или пробудить от греховного сна.

К большинству из нас применима поговорка: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Лишь в опасности и несчастье мы вспоминаем Бога. Даже церковный человек именно в этих случаях активизирует свою духовную жизнь. «Скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах» (Пс. 114, 3), — сказано у Пророка.

Священник Александр Ельчанинов приводит слова безнадежно больной женщины, сказанные после операции рака, при непрерывных, страшных болях: «Мне кажется, я поняла, для чего Бог послал нам это несчастье: мы так погрязли в ежедневных мелочах, в мелкой злобе, раздражении, что Бог захотел встряхнуть нас. Как сейчас все изменилось, у всех открылись необыкновенные свойства души...» И далее отец Александр пишет: «Вот и смысл страданий! Господь бесконечно жалеет нас, но что делать, если мы

можем дать какие-то искры, какой-то святой огонь только когда нас поражают несчастья, катастрофы. В этом смысл войн, революций, болезней».

Духовная жизнь большинства людей вялая, беспечная. Душа еле дышит, придавленная горой мелких, привычных бытовых грехов. Совсем незаметных среди непрерывных забот и дел. Но «ничто так не отгоняет беспечность и рассеянность, как скорбь и печаль, они сосредоточивают душу и обращают ее к самой себе» (святитель Иоанн Златоуст).

На каждом приходе есть прихожане «по необходимости». Они заходят в храм время от времени и всегда по какому-то печальному случаю. Заболел сам (сама), заболел кто-то из родственников, запил муж или сын, замучили кредиторы. Это все верующие люди, в несчастье они искренне и подробно исповедуются, причащаются, а потом на какое-то время пропадают.

Вспоминаются мне слова одной женщины. Она необычайно ценит удовольствия и удобства жизни, умеет устроить свое домашнее счастье и дорожит им. Она — безусловно верующая, но в храм заходит очень редко, о молитве вспоминает только когда заболевают дети или муж, когда случаются какие-нибудь беды. Приходят на память ее слова: «Я точно знаю, что болезни и несчастья Господь посылает мне тогда, когда я не молюсь, не соблюдаю пост, не хожу в церковь. Он потерпит-потерпит и наказывает. Но я ничего не могу с собой поделать. Очень хочется пожить». Пожить значит поспать подольше в воскресенье, не удержаться постом от ватрушек и колбаски, а вечером не найти десяти минут для молитвы. И всего-то. Есть на что променять Царство Небесное!

Сколько жен и матерей благословляли болезнь, прервавшую безудержное пьянство их родных!

Помню, как мать пьющей дочери благодарила Бога за то, что с дочерью приключилась какая-то болезнь, сопровождавшаяся странными обмороками. Эта болезнь так напугала женщину, что та на несколько лет прекратила пить. Да и позже, когда страсть все же вернулась к ней, она пила уже умереннее, чем прежде.

Болезнь нередко прекращает недобрые противостояния в семье. Кого-то немощь и зависимость от близких делает более терпимыми. Попробуй, покажи свой характер, поругайся с человеком, который за тобой ухаживает! Волей-неволей станешь терпеть. В то же время сердиться или быть излишне требовательным к больному — слишком жестоко, и мы опять смиряем свое сердце.

В семье, где свекровь и невестка многие годы, мягко говоря, не ладили, случилось несчастье. Старушка-свекровь упала и сломала ногу. Находиться одной в своем доме она уже не могла, и ее привезли в дом сына. Принимая уход и заботу невестки, старушка сначала смирилась, а потом и раскаялась в своей нелюбви к жене сына. Ведь вся их вражда, как и в большинстве таких случаев, яйца выеденного не стоила. Но чтобы убедиться в этом, нужно было сломать ногу.

Еще воспоминание. Немолодой уже человек. Все возрастающие возможности и достаток в короткое время многое изменили в его жизни. Изменилось окружение, взгляды, привычки. Появилась мысль, что можно поменять и жену. Ту, с которой он достиг своего нового положения и достатка, но тоже теперь, увы, не очень молодую.

Претендентка на сердце и немалое имущество (или, скорее, наоборот — на немалое имущество и сердце) скоро нашлась. Но... Человек предполагает,

а Бог располагает. На отдыхе, забыв рядом с юной подругой о своем возрасте и комплекции, далекий от спорта бизнесмен решился на модное, но опасное развлечение. Развлечение, которому он никакими своими параметрами, кроме кошелька, не соответствовал. В результате — катастрофа, тяжелейшие травмы, неутешительные прогнозы.

Остатки (хорошо еще, что не останки!) смельчака привезли в Россию. Претендентка на сердце, оценив обстановку, ушла в тень. Кому охота связывать свою молодую жизнь с калекой, бизнес которого вот-вот уплывет в чужие руки.

А жена, еще не получившая официальной отставки, забыв свои обиды, стала сиделкой у постели больного. Именно она помогла ему преодолеть психологический кризис и вернула к жизни.

Надо сказать, что тот человек правильно понял причину своего несчастья. Он попросил призвать священника, исповедовался, соборовался. Его стремление к новой, но во многом неправедной жизни было так сильно, что только таким жестоким и болезненным способом можно было остановить и отрезвить его.

«Праведных постигают бедствия для возрастания их в добродетели, а грешных, как неисцелимо больных — для наказания и мучения, чтобы обратить их к иной жизни» (святитель Иоанн Златоуст).

За что? Почему именно меня постигло это несчастье? Мучительные вопросы невольно возникают в болезненном состоянии. Как много вокруг здоровых людей, думаем мы. Разве это справедливо, что заболел я?

Болезнь не может быть несправедливой. Стоит только внимательно и честно взглянуть на свою жизнь, и мы найдем не одну, а множество причин

нашего горя. «Горестное посылается от Бога достойным того, каждый же сам для себя бывает виновником этих бичей, собственным своим произволом уготовляя себе ожидающие его скорби», — учит святитель Григорий Нисский.

Иногда расплата за содеянное долгим и прихотливым путем находит нас. Расскажу давний случай.

Один человек, повздорив с женой, хлопнул дверью и уехал ночевать к приятелю. По дороге он кого-то подвез, и попутчик оставил на заднем сиденье бутылку пива. Паркуя машину у дома приятеля, сердитый муж не заметил люка, приподнятого над асфальтом, и благополучно, почти с разгона, посадил на него машину. Посадил крепко. Ни вперед, ни назад. А на улице ночь, ни одного прохожего.

Промучившись некоторое время, он решился позвать на помощь друга. Но даже вдвоем им было не под силу столкнуть «Жигули» со злополучного люка. Захотелось пить, взгляд упал на бутылку пива, на сиденье. Водитель сделал несколько глотков. Приятели возобновили работы по освобождению автомобиля.

И тут неожиданно подъехала патрульная машина милиции.

Представьте себе: глубокая ночь, двое молодых людей пытаются куда-то откатить «Жигули», а над ними в неподвижном ночном воздухе висит облако пивного аромата.

Что еще могло прийти в голову стражам порядка? Конечно, они подумали, что это попытка угона. Пока разбирались с документами, со стороны милиции и владельца транспортного средства было произнесено несколько горячих реплик. Победил, как всегда, сильнейший. Незадачливого шофера увезли в участок.

Там его страшно избили и только утром отпустили домой.

Боль от побоев проходила медленно. А через несколько месяцев вдруг вернулась. И продолжала усиливаться. И когда терпеть уже стало невмочь, он обратился к врачу. Диагноз — саркома, то есть быстро развивающаяся раковая опухоль. Метастазы уже поразили все внутренние органы. Операция невозможна. Причиной болезни, как объяснили врачи, явились внутренние гематомы, полученные в результате побоев.

Он умирал дома в мучениях. Прежде он никогда не говорил о религиозной жизни, не молился, а тут попросил отвести себя в церковь, пособоровался.

Жена хотела подать в суд на тех милиционеров, которые, собственно, отняли у нее мужа, а у сына отца. Но он запретил ей. Он сказал: «Это не из-за них. Несколько лет назад я обворовал церковь. Это я расплачиваюсь за тот грех. Они здесь ни при чем».

Подумать только, какой замысловатый путь избирает порой Промысел Божий, чтобы дать человеку возможность отрезвиться и покаяться! Нечаянная ссора с женой, случайно подвернувшийся люк, бутылка пива, которое он, вообще-то, терпеть не мог, но тоже случайно забытая кем-то в его машине, ПМГ с озлобленными на жизнь милиционерами... И все это, чтобы разбудить беспечную душу, чтобы обратить ее к самой себе. И к Богу.

Конечно, история эта трагична. Ужасен и сам грех, ужасны и страдания согрешившего. Но скорби, по словам преподобного Анатолия Оптинского, чем больнее, тем целительнее. И мне вспоминается та удивительная перемена, которая произошла с ним. Когда полное неведение и нежелание духовной жизни сменилось духовным прозрением. Он ведь

никогда не читал Евангелия, Святых Отцов, но он совершенно правильно понял, что ему делать. Через осознание своего греха, через покаяние он пытался примириться с Господом. И еще, что, конечно же, гораздо труднее для не имевших церковного опыта людей, он понял, что его обидчики были лишь орудием, и потому отказался от мести.

«Скорби нам необходимы для того, чтобы мы имели случай прощать ближним и тем получить отпущение собственных своих согрешений», — писал святитель Игнатий Брянчанинов.

У Л.Н. Толстого князь Андрей Болконский получает одно из самых болезненных ранений, осколочное ранение в живот. «Когда он очнулся, разбитые кости бедра были вынуты, клоки мяса отрезаны и рана перевязана». После перенесенных страданий князь Андрей видит рядом с собою раненого Анатоля, своего врага, отнявшего у него невесту, оскорбившего честь. И что же?

«Князь Андрей вспомнил все, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце». Куда делось уязвленное самолюбие, ненависть, презрение, жажда мести?! Раненый впервые вспоминает Бога и Его проповедь любви.

Болезнь как школа

В болезни, как и во всякой неприятной ситуации, или, как еще говорят, в искушении, необходимо найти нечто созидательное, нечто относящееся именно к тебе, к твоей душе. «Болеть можешь сколько угодно, ибо это нам очень полезно», — пишет в одном из писем преподобный Анатолий Оптинский. «Чего Господь ждет от меня, попуская мне это несчастье, какую духовную пользу я могу

извлечь из этой ситуации?» — вот вопрос, который мы должны задать себе.

Первое и самое главное, чему может научить нас болезнь, это смирение.

Она смиряет нашу самоуверенность, осаживает самомнение. О, эта самоуверенность! «Я сделаю! Я могу! Я достиг! Я!.. Я!..» Оно раздувается, это «я», совсем вытесняя Бога из нашей жизни. Но приходит болезнь, и наше «я» обретает свои истинные размеры.

«Болезнь — вот школа смирения, вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп», — записал священник Александр Ельчанинов в своем дневнике незадолго до смерти.

«О, как нужны нам недуги! — писал Н.В. Гоголь. — Из множества польз, которые я уже извлек из них, укажу вам только на одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует быть. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое беспрестанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей. Притом ныне, в мои свежие минуты, которые дает мне милость небесная и среди самых страданий, иногда приходят ко мне мысли, несравненно лучшие прежних, и я вижу сам, что теперь все, что ни выйдет из-под пера моего, будет значительнее прежнего. Не будь тяжких болезненных страданий, куда бы я теперь не занесся! каким бы значительным человеком вообразил себя! ...Смиряюсь я каждую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен.

Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла».

Скорби и болезни необходимы всякому человеку, как бы высока и праведна ни была его жизнь. Болеют даже святые. «Скорби помогают святым быть кроткими и смиренными, а не надмеваться от знамений и заслуг» (святитель Иоанн Златоуст).

Мы знаем, что апостол Павел страдал от некой болезни. «И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи. И поэтому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова», — говорил об этом апостол Павел.

Болезнь словно выхватывает нас из плена повседневной суеты, дает время поразмыслить о себе. Священник Александр Ельчанинов писал: «Болезнь самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль».

Разлучая нас с привычными делами и предметами, лишая возможности пользоваться многими благами, общаться с близкими людьми, болезнь подобна «малой смерти». Она ставит нас перед необходимостью ответственности за свои дела и мысли. Она побуждает нас к готовности нести эту ответственность.

Французский математик Блез Паскаль, известный нам из школьных учебников, был еще и глубоким религиозным мыслителем. В возрасте около двадцати четырех лет Паскаль тяжело заболел, к

этому времени относится его «Молитвенное размышление об обращении во благо болезней». Вот небольшая выдержка из его размышлений.

«Господи, когда в минуту смерти моей я окажусь в разлуке с миром, лишенным всего, одиноким в Твоем присутствии, и должен буду отвечать перед судом Твоим за все движения моего сердца, соделай так, чтобы в этой болезни я смотрел на себя, как бы на подвергшегося некоторого рода смерти, отделенного от мира, лишенного всех предметов моих привязанностей, одинокого перед Тобою, умоляющего твое милосердие об обращении моего сердца... Молю Тебя, Боже мой: как Ты предупредил меня о моей смерти, так да предварю я строгость Твоего приговора и испытаю себя прежде Твоего суда, чтобы обрести Твое милосердие, когда буду перед лицем Твоим».

Преподобный Иоанн Лествичник писал, что «душа, угнетенная бедами, покаянием восходит к Богу и спасается».

Болезнь может стать для нас и школой молитвы. Чаще всего мы молимся вяло, рассеянно, принуждая себя. Оно и хочется помолиться, но стоит начать, и охота потихоньку куда-то пропадает. Внимание рассеивается. Из всего утреннего или вечернего правила лишь несколько фраз произнесешь с теплым, живым чувством. И в то же время, читая о том, как молились святые или подвижники, о молитвенной радости, о силе молитвы, мы верим прочитанному. Верим потому, что даже самый скудный опыт молитвы несет в себе отблески, искорки того пламени, которым может быть настоящая молитва.

По свидетельству многих людей, пережить чудо пламенной, искренней молитвы им пришлось именно во время опасности. Для многих это была именно

болезнь, угрожающая либо его жизни, либо жизни близкого человека.

Интересно, что несмотря на угнетающее чувство опасности и несчастья, молитва переживалась как необычайная радость. В рассказах встречаются похожие описания: «Я совсем не чувствовала времени и усталости», «Я не чувствовал своего тела, словно оно потеряло в весе», «Это был настоящий диалог, во всяком случае я точно знал, что меня слушают», «Собственная беда, ради которой я встал на молитву, как-то удалилась, уменьшилась, что ли. Появилось чувство надежды, даже уверенности. И еще благодарности, хотя пока что ничего не произошло», «С этими молитвами я пережил счастье, больше со мною такого никогда не случалось».

Молитва во время болезни бывает особенной. Спокойной и сосредоточенной. О такой молитве писал наш современник, недавно ушедший в иной мир, православный писатель и поэт Виктор Афанасьев.

Ну да, я мужчина, но что же —
Поплачу пойду у окна, —
Устал я, прости меня, Боже,
Душа моя крепко больна.

В старинной московской больнице,
От всяких оторванный дел,
Молиться, молиться, молиться
Тебе бы я, Боже, хотел.

Вот здесь у окна и на ложе,
Твержу я и ночью и днем
Три слова: «Прости меня, Боже»
И думаю только о Нем.

Это стихотворение написано действительно в «старинной московской больнице», в Первой град-

ской. И вспоминается мне другой поэт, Женя Ш., он тоже часто лежал в этой больнице. И почти всегда Великим постом. «Очень удобно болеть постом, — говорил он. — Ничто тебя не отвлекает от молитвы».

Правильные и неправильные страдания

Для кого-то время болезни — это время наиболее активной духовной жизни. Время молитв, частой исповеди, частого приобщения Христовых Таин. В этом случае оно остается в памяти особенно благодатным, светлым. Временем близ Господа. Человек, правильно переживший время скорби, любит эти воспоминания.

«Болезнь не несчастье, а поучение и Божие посещение; больного преподобного Серафима посетила Матерь Божия, и нас, если мы смиренно переносим болезни, посещают высшие силы» (священник Александр Ельчанинов).

Люди переносят болезнь по-разному. Одни както могут извлечь из своего состояния духовную пользу, и их страдания заметно смягчены. Другие же страдают в озлоблении, нетерпении, и тогда их страдания усиливаются.

Святитель Тихон Задонский так и говорит: «Болезнь усиливается от нетерпения». Есть тип страдальцев, всецело поглощенных своим страданием. Им всегда сегодня хуже, чем вчера. У них всегда на устах вопрос: «Доколе же, Господи?» Они заглядывают в глаза священнику с неким упреком: «Когда же мне станет лучше?» Это тяжелые люди. И для себя, и для окружающих, а может быть, — и для Бога. Они приемлют жизнь только в здоровом состоянии. По-другому для них жизнь — не жизнь.

Они не находят в своей жизни и в совести достаточных причин для своего несчастья. Не радуются тому «остатку» здоровья, которым обладают. Им все кажется, что их положение хуже всех. И сердце их очень редко бывает благодарным. А ведь благодарность и доверие Богу значительно могут уменьшить наши страдания.

«Господи, за все благодарю Тебя, и за немощи и болезни. Благодарю Тебя, что они сносны и терпимы», — записал в дневнике святой праведный Иоанн Кронштадтский.

О доверии к Господу писал и преподобный Амвросий Оптинский. «Должно быть, Господь лучше нас знает, что для нас полезнее, а потому-то и посылает кому здоровье, а кому нездоровье. За все же слава и благодарение Милосердому Господу, Который... если и наказывает нас, то с пощажением».

Священник Александр Ельчанинов замечает: «Сколько прошло перед моими глазами случаев, когда безнадежно плотские люди под влиянием болезни делались тонкими, одухотворенными, умилительными. Иногда, впрочем, бывает и наоборот: человек под влиянием несчастий как-то грубеет. И это ясно, отчего — человек жадно кидается на жизнь, на счастье, ставит его выше всего, выше Церкви, Бога, любви к Христу, и обрушившееся несчастие застает его врасплох, озлобляет, огрубляет его».

Вспомним о двух разбойниках, распятых рядом с Христом. Один в озлоблении на свои мучения поносит Сына Божия, другой унимает его, напоминая, что «мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И признав, таким образом, свой грех, благоразумный разбойник просит: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» И что

же он слышит в ответ на смиренную свою просьбу? «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 41–43).

Так же и мы, если ропщем в несчастье, то только прибавляем к своим страданиям, если же принимаем посланное ради наших грехов и смиренно просим Господа о милости, то непременно эту милость получаем.

«В тот момент, когда человек с благодарностью примет от Бога посланные ему страдания, он сразу войдет из них в такой мир и счастье, что всем кругом него станет светло и радостно. Лишь бы пожелать этого — и Бог пошлет» (священник Александр Ельчанинов). «Ныне же будешь со Мною в раю», — обещал Спаситель, и преддверие рая мы можем ощутить уже здесь.

Особенно печально бывает видеть страдания человека неверующего или сомневающегося в вере. В одном из писем к больному, смущенному неверием и сомнением, преподобный Макарий Оптинский пишет: «Страдает тело, страдает и душа; а если бы душа была укреплена верою, то и тело могло бы получить укрепление при спокойствии духа; смущенный же дух имеет влияние и на телесный состав, и болезнь умножает».

Нетерпение горестного состояния не дает человеку жить реальной сегодняшней жизнью. В мыслях он постоянно возвращается в прошлое, когда горя его еще не было, когда все было хорошо. Он не может отвлечься от расчетов, когда же опять наладится его жизнь. Сознание его всегда между прошлым и будущим, всегда в печали потери и неуверенности в том, что его ждет. Если же «по православному жить полнотой каждого момента жизни, то несчастье будет этим сильно обезврежено, если не преодолено совсем» (священник Александр Ельчанинов).

Когда, по болезни, мы не можем совершать привычных дел, то надо заняться чем-то, что мы можем делать.

В жизни Блеза Паскаля был замечательный случай. Однажды с ним приключилась сильнейшая зубная боль. Ученый слег в постель. Мучения все усиливались. Надо вспомнить, что на дворе была середина семнадцатого века и на парижских улицах еще не пестрели вывески: «Стоматология без боли». Средства к лечению зубов были весьма ограничены, и потому сама зубная боль приравнивалась к адским мучениям, о чем и свидетельствует литература того времени.

Для облегчения своего состояния господин Паскаль задумал заняться чем-нибудь увлекательным, что позволило бы ему отвлечься от боли. Он вспомнил о некой геометрической задаче, которую никто не мог разрешить. Он так погрузился в это занятие, что зубная боль утихла. Когда, решив знаменитую задачу, он перестал о ней думать, то обнаружил, что исцелился от своей болезни. А что касается задачи, то она была настолько сложна, что позже, предложенная всем известным математикам Европы, она ни одним из них не была решена в течение полутора лет.

Шведская писательница Астрид Линдгрен свою первую повесть «Пеппи Длинныйчулок» написала, как она сама выразилась, благодаря болезни, когда не могла заниматься привычными делами.

Любопытно: Платон считал, что болезненность, телесная немощь располагают к занятиям философией.

Можно вспомнить удивительную судьбу талантливого поэта пушкинской эпохи — Ивана Ивановича Козлова. В возрасте около сорока лет с ним случилось несчастье, перевернувшее всю его жизнь.

Сначала паралич лишил его ног, а затем стало ухудшаться зрение. В сорок два года И. Козлов полностью ослеп. Но он не впал в отчаяние, он нашел в себе силы примириться с несчастьем. По свидетельству В.А. Жуковского, Козлов «переносил бедственную свою участь с терпением удивительным — и Божий Промысел, пославший ему тяжкое испытание, даровал ему в то же время и великую отраду: поразив его болезнию, разлучившею его навсегда с внешним миром и со всеми радостями, столь нам изменяющими, открыл Он помраченному взору его весь внутренний, разнообразный и неизменчивый мир поэзии, озаренный верою, очищенный страданием». Зная французский и итальянский языки, Козлов, уже слепым, выучил английский, немецкий и польский. По словам Жуковского, он «знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Шекспира» и многих других авторов. Наконец, Козлов знал наизусть все Евангелие. Жизнь его была разделена «между религией и поэзией».

При теплой вере — горя нет:
Она дружит нас с небесами.
В страданьях, в радости Бог с нами,
Во всем печать Его щедрот...

Так писал Иван Иванович Козлов. И еще хочется привести замечательный сонет, молитву, облеченную в поэтическую форму. Стихотворение так и называется:

МОЛИТВА

Прости мне, Боже, прегрешенья,
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;
Дай мне донесть венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа.

Думается, что судьба Ивана Ивановича Козлова служила и служит примером для многих людей, чью жизнь неожиданно и непоправимо изменил неизлечимый недуг. В болезни нам следует избегать ропота и уныния. И то и другое — грех и немало влияет на течение болезни.

«В болезни учитесь смирению, терпению, благодушию и благодарению. Что приходит нетерпеливость, это дело человеческое. Придет, — отгонять надо. На то и чувство тяготы положения, чтобы было, что терпеть. Если не чувствуется тяготы, то и терпения нет. Но когда приходит чувство тяготы и сопровождается желанием ее сбросить, то тут ничего нет грешного. Это естественное чувство! Грех начинается, когда, вследствие сего чувства, — душа поддается нетерпеливости и склоняется к ропотливости. Пришло чувство, надо его прогнать. Бога же поблагодарить» (святитель Феофан Затворник).

В «Древнем патерике» приводятся слова одного старца. «Старец говорил о бедном Лазаре: не видно в нем ни одной добродетели, которую бы делал он, и только одно находим в нем, то, что он никогда не роптал на Господа, как бы на не творящего ему милости, но с благодарностию переносил болезнь свою, и посему Бог принял его». То есть

Лазарь одним терпением болезни стяжал Царство Небесное.

Уныние же мешает как действию благодати Божией, так и действию лекарств. В этом согласны и святые отцы и медики.

Роберт Стивенсон, знакомый нам с детства писатель, автор знаменитого «Острова сокровищ» и многих других приключенческих книг, на третьем году жизни перенес тяжелое заболевание бронхов. В дальнейшем, почти всю свою жизнь, он болел и вследствие этого был даже вынужден покинуть свою родную Шотландию. Вот что написал он о себе:

«Я трудился, не отступая от своего долга и намеченного пути. Я писал в постели, писал, когда у меня шла кровь горлом, писал, когда меня бил озноб, писал, раздираемый кашлем, писал, когда у меня от слабости кружилась голова, и мне кажется, что я с честью поднял перчатку, брошенную мне судьбой, и одержал победу в битве с жизнью».

Мне знакома девушка, сейчас она студентка Московского Государственного Университета, она инвалид с детства. Практически ничего не видит. Однако она прекрасно учится, как-то справляется с домашним бытом. Очень общительна. В этом смысле существует даже очередь среди подружек по приглашению ее в гости. Кроме того, она прекрасно поет под свой аккомпанемент на гитаре, причем репертуар у нее самый изысканный. Еще она пишет стихи и коллекционирует наручные часы. Словом, интересов и талантов у нее множество.

Но самое главное — она верующий, церковный человек. В отличие от своих близких, которым трудно примириться с несчастьем, она не упрекает Бога, а просто живет и радуется жизни. И это прекрасный пример для тех, кто рядом.

Пусть сначала придет Господь

Священник Александр Ельчанинов писал в своем дневнике: «Велика очищающая сила страданий и смысл их. Духовный наш рост зависит главным образом от того, как мы переносим страдания. Мужество перед ними, готовность на них — вот знак «правильной» души. Но не надо искать их и выдумывать».

Сами по себе болезни и страдания — это еще не духовный рост. Их все же нужно лечить.

«В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвой», — учит преподобный Нил Синайский. Не отвергая ни в коем случае врачебного искусства, необходимо помнить, что первое действие в болезни — призывание на помощь Господа. Пусть сначала придет Господь, а за ним врач. Для многих верующих такой порядок естествен. Но разве не случается, что и церковные люди обращаются к Богу только после того, как убедятся в недостаточном искусстве врача или в бессилии лекарства?

Заболев, даже если это случилось внезапно, мы всегда имеем время на молитву. Пусть на самую короткую. При острой ситуации, протянув руку за таблеткой или каплями, хотя бы мысленно произнесем: «Господи, помоги и благослови».

У православного человека должен иметься молитвослов. А в нем, в разделе «молитвы разные», есть молитвы о болящих. Есть в молитвослове и Канон молебный ко Пресвятой Богородице, про который сказано, что он поется во всякой скорби душевной и обстоянии. Есть в молитвослове и молитва к святому великомученику и целителю Пантелеимону. Все эти «духовные медикаменты» хорошо бы применить в самом начале болезни. Но даже при отсутствии времени, между вызовом «скорой помощи» и

приездом врача, вполне можно прочесть если и не все, то хотя бы часть указанных молитв. А если кто не в состоянии сам читать, то можно попросить близких, родных, позвонить знакомым.

Молитва — это и просьба о помощи, и призывание благословения Божия на лечение, и, если хотите, на действие лекарств.

«Лекарь не сам лечит, а Бог через него лечит... Обратитесь к лекарю, но в то же время паче Господа и святых его молите, чтобы вразумили его угадать лекарство» (из письма святителя Феофана Затворника).

В болезни верующие люди стараются чаще исповедоваться и причащаться. В наше время священника можно пригласить и домой к больному, и в больницу. В переписке преподобного Макария Оптинского встречается рекомендация: «В болезни очень хорошо повторять приобщение сие; хотя бы и через неделю исполнять сие: для болящего утешение; у нас и два раза в неделю сообщают (причащают) больных».

У каждого священника есть многократный опыт наблюдений, когда течение болезни изменялось после исповеди и причастия.

У святителя Феофана Затворника находим: «Больному, прежде всякого другого дела, надо поспешить очиститься от грехов и в совести своей примириться с Богом. Этим проложится путь к благодетельному действию лекарств. Слышно, что был какой-то знаменательный врач, который не приступал к лечению, пока больной не исповедуется и не причастится Святых Таин; и чем труднее была болезнь, тем он настойчивей этого требовал».

Могу сказать, что такие врачи есть и сейчас. Верующие медики свидетельствуют, что после исповеди и причастия лечение проходит легче.

Испытание совести, исповедь в болезни очень важны. Случается, что человек каким-то образом сразу чувствует или угадывает причину своего несчастья. Обычно это случается, если есть грубые грехи, страсти.

«Если чувствуете и видите, что сами виноваты, то начните с раскаяния и жаления перед Богом, что не поберегли дар здоровья, Им вам данный» (из письма святителя Феофана Затворника).

Но в большинстве своем мы не видим причинно-следственной связи болезни и греха. Это бывает, как указывает преподобный Амвросий Оптинский, или от невнимания к себе, или в каком-либо увлечении. Он же говорит об одной из частых причин болезни — нечистой исповеди. То же встретим и у другого Оптинского старца: «Боли твои и тоска, пожалуй, от того, что нечисто исповедовалась» (преподобный Анатолий (Зерцалов)).

А потому так важно сосредоточиться в самом начале болезни и, пристрастно испытав свою совесть, как можно полнее исповедоваться. Кстати, нередко в несчастье душа сама стремится к такой откровенной, без саможаления и самооправдания исповеди.

Сын графа Владимира Сергеевича Толстого вспоминает, что отец его много лет был равнодушен к вере и часто повторял кощунственные и богохульные остроты французских философов. Когда он внезапно и опасно заболел, то просил жену читать ему Евангелие и Акафист Иисусу Сладчайшему. «Но самое замечательное явление этой болезни, — пишет сын, — составляет исповедь и причащение больного. Он с необыкновенной ясностию памяти рассказал духовнику грехи свои, совершенные в течение семи лет (ибо семь лет он не причащался). С верою и любовию приступил к приобщению Святых Таин».

Вспоминается мне одна знакомая, она говорила, что стоит ей заболеть, и она как-то совершенно иначе начинает исповедоваться. Вроде и в здоровье она не лукавит, а в болезни «то ли от испуга, то ли потому, что Господа рядом чувствуешь, открываются такие грехи, которых и не замечала; и видишь все как-то иначе, понятным становится, что главное, а что — нет».

Да, такая «в испуге» или «в просветлении» от болезни внимательная исповедь — явление не редкое. Но эта рекомендация не означает, что нужно бесконечно терзать себя, свою совесть, пытаясь извлечь из нее причину несчастья. А то бывают такие любители, которые выуживают у себя даже какие-то фантастические грехи. Это само по себе — уже путь в нездоровье.

Правда, по совету святителя Василия Великого, мы можем в молитве просить у Господа «сперва познания тех причин, по которым Он поражает нас, а потом избавления от скорби». Потому что причина скорби часто указывает и лекарство.

Могу привести такой пример. Хозяйка дома часто и очень настойчиво упрекала живших вместе с ней двух невесток, упрекала по всякому, даже малейшему, поводу. В неаккуратности, лени, нечистоплотности и прочих хозяйственных грехах. Претензии ее, наверное, были обоснованы, но жизнь в доме от этого не становилась лучше.

На объяснения и все попытки оправдаться у хозяйки были одинаковые ответы: «Ведь я же, почему-то, могу!», «Ведь у меня же получается!», «У меня же хватает времени».

И надо же было такому случиться, в самый разгар сельскохозяйственных работ (а дело было в сельской местности) хозяйка заболела какой-то необычной

болезнью. По временам у нее стали отказывать ноги. Порой она не то что работать, но и передвигаться по дому не могла. К тому же, получить врачебную помощь можно было только в ближайшем городе, а он только назывался ближайшим, до него было несколько десятков километров. Нужно было ждать какой-нибудь транспорт. Сколько ждать — неизвестно.

Замечу, что хозяйка была женщина верующая и совестливая. И должно быть, грех свой сразу «угадала», поняла. Через пару дней невестки уже не слышали привычных попреков. И теперь, если молодым родственницам приходилось просить извинения за свои просчеты или недоделки, хозяйка добродушно отвечала: «Ничего, потихоньку научишься», «всех дел не переделаешь», «Бог даст, завтра сделаем».

Скажу, что ножки ее, вопреки ожиданиям докторов, как-то сами собой стали здоровы. Но укорять почем зря невесток она перестала.

К священнику часто обращаются с просьбой: «Батюшка, благословите на операцию» или «лечь в больницу». Это хорошая церковная традиция, но она вовсе не означает, что батюшку приглашают поучаствовать в установлении диагноза или метода лечения. Священническое благословение — это призыв помощи Божией на лечебные действия, чтобы усилия медицины были к пользе больного. Это еще и просьба к священнику особо помолиться о больном.

Правда, иногда, испрашивая благословения, батюшку ставят перед выбором: «Какое лекарство благословите принимать?..» И называют препараты, про которые батюшка и не слыхал никогда, и названия-то их с первого раза повторить не сможет. Какое уж тут благословение!

Доктора и лекарства

Столько слов сказано о пользе болезней, о их благотворной роли, что у иного здоровяка, пожалуй, мелькнет мысль, что недодали ему чего-то в жизни, коль обделила его судьба хворобами. Повесит он печально голову и вслед за гоголевским Собакевичем произнесет: «Вот хоть и моя жизнь, что за жизнь? Так как-то себе... Вы посудите... пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело, веред или чирей выскочил... Нет, не к добру!»

А некто, сраженный недугом, решит, что, пожалуй, не станет пить лекарства и потерпит болезнь телесную во исцеление души.

Может быть, поболеть и неплохо, но выздороветь — все-таки лучше.

«И лекаря и лекарства Бог создал не затем, чтоб они только существовали, но затем, чтоб ими пользовались больные. Все от Него; Он попускает нас поболеть, и Он же окружил нас способами врачевательными» (святитель Феофан Затворник).

Всякий православный знает, что пост — особенно благоприятное время для жизни души. Однако постоянный пост не полезен душе и может привести к унынию. Болезнь также, хоть и приносит нам некую пользу, но в большинстве случаев все же требует лечения. «По слову святоотеческому, кому лечение помогает, лечиться смиреннее. А совсем не лечиться — никакой добродетели не составляет, только показывает меру веры...» (преподобный Амвросий Оптинский).

«Что лечиться нет греха, об этом и вопроса не должно быть. Но что многие не пользовались этим средством, по вере и для терпения — это не лишено цены. Надо только потом уж и терпеть благодушно,

чтоб не впасть в ропот. Ропот уже грех. Кто не чувствует мужества, каковы мы все грешные, то лучше прибегать к лекарям, все же помощи ожидая от Бога: ибо Он вразумляет лекарей» (святитель Феофан Затворник).

И еще у того же святителя читаем: «К лекарствам обращаться нет греха, ибо и лекарь Божий, и лекарства Божии, и рецепты Божии. Спросите у смиренных докторов. Они откровенно скажут, что не знают сами, как пишутся рецепты исцеляющие...»

Человеку верующему, особенно если он недавно обрел веру и Бога, хотелось бы, чтобы у него и друзья стали верующими, и сосед был верующим, и сослуживцы. И если случится идти к доктору, то и доктора хочется найти православного. Конечно, чего же лучше! Но беда в том, что православный врач не всегда может быть доступен. К тому же не всякий православный, будь то врач, инженер, или учитель, всем так сразу и сообщает, что он православный врач или православный инженер. Зачастую он просто трудится, делает свое дело, а коллеги или соседи не догадываются, что рядом не просто хороший человек, а еще и верующий.

Во время болезни тратить время на поиски православного врача не очень разумно. Ведь болезнь может перейти в новую фазу, и лечение ее усложнится или станет вовсе невозможным. Мне кажется, что лучше со смирением принять помощь от того врача, который МОЖЕТ вам помочь. Ведь врач-атеист — это тоже врач. Он окончил институт, и знает, как лечить. И еще: любой врач желает вылечить, а не навредить пациенту.

Что касается профессиональной пригодности и ответственности, то грехи и недостатки могут быть у всякого человека, и у верующего и у неверующего.

И православные студенты иногда получают двойки, и православные медики могут быть невнимательными.

В недоверии к врачу есть элемент гордыни, к тому же, не доверяя ему как человеку иного отношения к миру, мы уже заранее обвиняем доктора в предвзятости и желании навредить. То есть невольно клевещем на него.

Правда, существуют области медицины, когда мировоззрение врача крайне важно и может оказать решающее влияние на метод лечения. Это такие специальности, как психиатрия, некоторые вопросы акушерства и гинекологии. Но и здесь, имея дело с неверующим доктором, мы можем просто предложенную им программу рассмотреть на предмет греха. И если она не требует от нас нарушения Божьих заповедей, — принять ее. Ведь, еще раз повторяю, врач не желает нам навредить, он хочет улучшить наше состояние.

Хотя думать, конечно, надо. Расскажу случай. Женщина долго желала иметь ребенка. И вот, наконец, она, — в состоянии ожидания. Но работает она в школе. И в этой школе краснуха. Для тех, кто не знает, скажу, что во время беременности контакт с больными краснухой приводит к тяжелым последствиям для плода. Ребенок обычно рождается тяжелым инвалидом. Это и слепота, и глухота, и многое другое. Обычная и единственная практика в таком случае — прерывание беременности.

Однако православную женщину это решение не устраивает. Она долго думает: как ей быть? Молит Господа о вразумлении. Близкие советуют ей принять рекомендацию врачей. К тому же, муж у нее вовсе не церковный человек и ему совсем непонятно ее колебание. И все же она не может согла-

ситься на убийство, хотя понимает, что, оставив дитя, может лишиться мужа, добрых отношений с родителями, обрекает себя на трудное, очень трудное материнство.

Тем не менее, будущая мама решает положиться на волю Божию и оставить ребенка. Врачи и домашние — в панике. На всякий случай ей делают последний анализ крови на предмет краснухи... И выясняется, что когда-то ранее, незаметно для себя, она перенесла это легкое, вообще-то, заболевание, у нее есть на него иммунитет, и выходит, что сейчас она заболеть краснухой не может. А не прояви она твердости перед этим искушением, все пошло бы по накатанной давно дорожке и мальчишечки у нее бы не было.

Знаю еще случай, когда у беременной четвертым ребенком мамы заболели краснухой ее собственные дети. Несмотря на настойчивость врачей, она также не захотела сделать аборт. Нарочно ездила в Троице-Сергиеву лавру, молилась у Преподобного, просила молиться о себе знакомых, и... родилась здоровая девочка. Самая замечательная из всех четверых.

Есть и еще вид лекарей, с которыми нужно держать ухо востро. Это всевозможные служители парамедицины. Они не обязательно заявляют о себе как колдуны или маги, последователи древних культов, они даже могут сами заблуждаться по поводу природы своих действий. Их сейчас немало — полумедиков-полумистиков, предлагающих исцеление через какие-то пирамидки, через погружение в чье-то сознание и пр. Причем такая синтетическая врачебно-духовная медицина может предлагаться даже на базе районной поликлиники. Но это враждебная медицина. Ее-то и следует избегать. Несмотря, порой, на прекрасные отзывы и результаты.

«Когда ты подвергнешься тяжкой болезни и многие будут понуждать тебя облегчить страдание: одни — заклинаниями, другие амулетами, третьи — какими-либо другими чародейными средствами... а ты ради страха Божия мужественно и твердо перенесешь тяжесть болезни и предпочтешь лучше все потерять, нежели сделать что-нибудь подобное, это доставит тебе венец мученичества» (святитель Иоанн Златоуст).

У апостола Павла сказано, что сатана, порой, может принимать вид Ангела света. Точно так же современные чародеи и чародейки могут усвоить себе христианскую терминологию и атрибутику. В кабинетах их можно увидеть иконы, свечи, Библию. Они говорят о воле Божией, о благословении. Одна моя знакомая ведь... Не знаю уж, как и назвать ее! Словом, «потомственная целительница», нередко заходит в церковь и своим посетителям говорит, что на «целительную» деятельность ее благословили батюшки. Хотя ни один священник ее на эту деятельность, понятно, не благословлял.

Но именно то, что она бывает в церкви, многих вводит в заблуждение относительно ее занятий. Впрочем, это обычное дело. Можно вспомнить знаменитую Солоху из повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». Ночью она летает на метле, а в праздники стоит впереди всех в церкви.

Если мы, как говорит святитель, ради страха Божия, откажемся от общения с такими людьми, то сбережем не только душу, но и здоровье. Не помню случая, когда обращение к чародеям, экстрасенсам или бабкам не повлекло бы за собой еще большего несчастья, чем то, от которого они избавили. Пусть даже не сразу, а впоследствии, но некая порча жизни проявлялась.

И не помню также, чтобы мужественный отказ от их «помощи» привел бы к трагедии. Святитель Иоанн Златоуст писал: «Впрочем, последствием твоего доброго дела (отказа от участия в лечении волшебников) будут не одни только похвалы, но и самое скорое прекращение болезни, потому что и самая доблестная решимость подвигнет Бога к большему благоволению, и все святые будут сорадоваться твоему усердию и из глубины сердца молиться о тебе».

Приведу печальную историю. В одной семье тяжело болела мать. Это было время, когда многие увлекались экстрасенсами. Про них только-только стали печатать в прессе. Они только что появились на телевидении. Они были в моде.

Отец семейства вышел через кого-то на известного в своих кругах и дорогого экстрасенса и обратился к нему с просьбой помочь больной жене. Прошло немного времени, и чародей уже «лечил» всю семью. У каждого он определил какие-то изъяны в биополе и пристроился их «исправлять».

Мать, через некий срок, умирает в больнице, а далее, за ней — отец и сын. Но если женщина умерла от своего основного заболевания, которым страдала много лет, то муж ее, совершенно здоровый человек, будучи постоянно «на контроле» у экстрасенса, кончает жизнь самоубийством. Причем перед этим его сознание входит в контакт с другими мирами, с вселенским разумом и т.п.

Через год у сына начинаются похожие «контакты». И опять самоубийство. В короткий срок из всей семьи в живых осталась одна дочь. Она единственная, кто почти сразу отказался от «лечения» у чародея и от всякого общения с ним. А чародей звонил, он предлагал свою «помощь», предлагал «бескорыстно», предлагал сеансы по телефону. Но де-

вушка прервала знакомство. Она единственная была церковным человеком в этой семье.

Другая история. В семье, кстати, в церковной семье, заболел мальчик. Несколько раз ущемлялась паховая грыжа. Врачи предложили операцию. Тогда у нас еще была бесплатная и приличная медицина, но родители ребенка на операцию не решились. Страшно было отдавать малыша в больницу на три дня одного.

А вот к бабке обратиться у них хватило духа. Хотя к ней тоже идти было страшновато, и поэтому они решили взять благословение на свой поход. Вопрос благословения стоял не совсем обычно: «Если благословят, то пойдем к бабке, а если не благословят, то тоже пойдем к бабке».

Словом, к бабке они сходили. И первый год никаких рецидивов с грыжей у ребенка не было. Но через год, когда про болезнь уже стали забывать, произошло ущемление, да еще так неудобно, некстати, что мальчик чуть не погиб. И операцию делать все же пришлось. Но уже не спокойную плановую операцию, а более сложную.

История на этом не закончилась. Через несколько лет отец мальчика поднял что-то очень тяжелое и, как говорят, надорвался. У него тоже ущемилась грыжа. Это было внутреннее ущемление, и он не знал, отчего у него несколько дней болит живот. Начался перитонит, и операция была очень непростой. Последствия ее он переживает до сих пор.

Быть может, эти два ущемления и две хирургические операции не имеют между собой ничего общего, а может, и есть нечто, что связывает их.

Говорят, что многие так называемые «бабки» на своих сеансах или приемах читают молитвы. Но если повнимательнее вслушаться в слова этих «молитв»

или заклинаний, то станет ясно: хотя и употребляются там имена Иисуса Христа, Богородицы и некоторых святых, но не к ним обращена просьба о помощи, а к их преследователям. Чтобы не вводить в соблазн читателя, я не стану приводить здесь тексты таких заговоров, но поверьте, не к Сыну Божию и не к Богородице адресованы они.

Правда, отвергая услуги таких «целителей» как экстрасенсы, маги всяких белых и черных магий, колдуны и последователи древних или современных культов, излишне принципиальные христиане порой могут найти «духовную заразу» и там, где ее нет.

Например, кое-кто, узнав, что основоположником гомеопатии был мистик, мягко говоря, не православных взглядов, даже слышать не хочет об этом направлении медицины. Мне кажется, что это неверно. Гомеопатические средства не содержат в себе ничего мистического, колдовского. Это микродозы различных веществ, про которые известно, что они оказывают то или иное действие на те или иные органы или ткани. Действие это установлено опытным путем, а дозировка вещества настолько ничтожна, что иногда в той горошине, что предлагает вам врач, находится всего лишь считанные молекулы препарата. Навредить гомеопатическими лекарствами почти невозможно, разве что в тех случаях, когда вы неверно определили, что у вас за болезнь. Или когда требуется более радикальное лечение, например, — операция.

Отвергать гомеопатию, ссылаясь на дурную репутацию ее основателя, так же неразумно, как отказываться от риса, выращенного в мусульманских странах или не пользоваться компасом, изобретенным язычниками Китая.

В письмах Оптинского старца преподобного Анатолия (Зерцалова) есть строки, где он сообщает, что во время эпидемии инфлюэнцы (гриппа) лечился гомеопатическим аконитом, и очень удачно.

«Какова гомеопатия! — писал святитель Феофан Затворник. — Где аллопатия в продолжение пяти недель не имела успеха, она ощутительное действие оказала в полдня. Памятник ей надо воздвигнуть!»

Он же указывает и на удобство лечения гомеопатией. «Гомеопатия может помогать во всяких болезнях, но надо угадать подходящее лекарство. Угадать можно по симптомам или по тому, чем проявляется болезнь. Гомеопатиею можно лечиться, не видя доктора, — при посредстве переписки». А в наше время и при посредстве телефона.

До революции в Санкт-Петербурге было очень сильное общество гомеопатов. Они выпускали справочники, удобные для домашнего лечения. Этими справочниками мог пользоваться любой человек. Святой праведный Иоанн Кронштадтский рекомендовал гомеопатию как доступное по своей дешевизне лечение для бедных людей.

Сейчас разрабатывается и предлагается множество новых методик для лечения болезней. Методик удобных именно для самостоятельного домашнего пользования. Кто-то занимается очищением организма, кто-то лечится монодиетой, кто-то пьет настойку сабельника, кто-то делает дыхательную гимнастику, кто-то в восторге от ароматерапии. И отлично! Если вам помогает сабельник, пейте сабельник, если хорошо от гимнастики — делайте гимнастику. И если вам становится лучше, не забывайте благодарить Бога.

Когда-то практическая составляющая медицины была ничтожна. Было мало лекарств, методик ле-

чения, инструментов для обследования. Врач лечил, в основном, словом. Кстати, само слово «врач» происходит от «врать», то есть рассказывать, говорить. В древнем мире лечили жрецы, используя различные заклинания. Тогда христианину обратиться к врачу язычнику или иудею было невозможно. Это было обращение за помощью к чуждой христианству мистике. Но сегодня мы пользуемся практической медициной, лекарствами и методами лечения, разработанными для каждого человека, независимо от его мировоззрения. Мистическую, то есть таинственную, духовную составляющую мы можем добавить к лечению сами с помощью Церкви.

Наше православие не должно быть препятствием ни к общению, ни к сотрудничеству с врачом. И откуда знать, может быть, приняв помощь и доверившись доктору, который не без воли Божией оказался рядом с нами в тяжелое для нас время, мы сами как-то повлияем на его судьбу, приведем его к вере. И такие случаи были. Мне знакомы верующие врачи, на церковность которых оказали влияние именно их пациенты.

Духовная составляющая

«Как не должно вовсе избегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду» (святитель Василий Великий).

Верующему человеку есть что добавить к искусству врача. Мы уже говорили о исповеди и причастии во время болезни. О молитве. Но есть и еще духовные средства.

Это, конечно, святая вода. Крещенская утром натощак и вода с молебна, который могут заказать

ваши родственники. Например, с молебна великомученику и целителю Пантелеимону. Или врачам бессребреникам Косме и Дамиану. Воду с молебна в болезни можно пить и днем, и после еды. Некоторые употребляют воду, взятую на святых источниках. И она, если ее пить с благоговением, тоже приносит пользу.

Не забудьте про просфору. А есть и еще святыня, которую хранят православные нарочно на случай болезни, — артос. Кусочек благословленного хлеба, который раздают после Пасхи, в субботу Светлой Седмицы, в церкви. Крупицы артоса с богоявленской или крещенской водой потребляют, как и просфору — натощак.

Употребляют в болезни и святое масло. Это масло освящается у святых икон или у мощей. Есть немало случаев, когда больные получали исцеление, помазываясь таким маслом. Его можно также принимать и внутрь.

У одного молодого человека была болезнь щитовидной железы. Духовник дал ему святое масло, привезенное из Иерусалима. Больной ежедневно помазывал себе крестообразно горло с молитвами «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся» и пошел на поправку. Докторов он тоже не избегал, но случай был тяжелый, и, как он считает, без иерусалимского маслица он вряд ли бы выздоровел.

Не только масло или вода, но и песок, взятый на святом месте, при вере нашей может оказать благотворное действие.

Есть такой трогательный обычай у наших соотечественников: привозить со святых мест песочек, земельку, камушки. Лежит такая малая святынька дома, в достойном месте, а придет час, случится беда — достанет человек камушек или пакетик с зем-

лей, помолится тому святому, с чьим именем связана она, и приложит ее к больному месту.

Слышал я, что кое-кто не одобряет подобных действий, называя их православным язычеством. А зря. Так говорят, в основном, те, кто сам не имел подобного чудесного опыта.

В Деяниях святых Апостолов рассказывается: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19, 11–12). Там же говорится, что иерусалимские жители выносили больных на улицы, «дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них» (Деян. 5, 15).

Обращаясь за помощью к Господу, мы подсознательно хотим прикоснуться к Нему не только сознанием, но и телесным, чувственным образом. Через иконы, через святое масло, через мощи Его угодников, через их тень, платки, земельку с могилы, воду из благословленных ими источников. Как евангельская кровоточивая женщина протянула руку в толпе, чтобы коснуться одежды Спасителя, «ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею» (Мф. 9, 21), так и мы тянемся взором, устами, рукою к святыне, в надежде получить исцеление.

«Православный христианин обращается лицом к святым иконам — Спасителя, Божией Матери, ангелов и святых угодников Божиих — для того, чтобы наглядно показать свою веру в присутствие их, в близость их к себе; святые иконы реализуют, осуществляют веру нашу православную, а без святых икон мы как бы висели в воздухе, не зная, кому молимся».

Замечательные слова святого праведного Иоанна Кронштадтского! Духовной жизни необходимы и образ и действие.

Таким образом, иконой могут быть и святые храмы, монастыри, и места подвигов угодников Божиих. Множество паломников едут ежегодно, чтобы увидеть святыню, помолиться на святом месте. Бог, конечно, везде один, и угодникам Его молиться можно на всяком месте. Преподобному Серафиму Саровскому молятся и в Москве, и на Камчатке, и в Америке, и в Китае, и в Антарктиде, но с каким теплым чувством вкушают сухарики, высушенные в котелке Преподобного, привезенные из Дивеева! Они как личное благословение святого.

У чудотворных икон, у святых мощей, в местах жизни святых угодников собирают и записывают случаи чудесной помощи. В иных местах таких записей собираются целые тома.

Приведу несколько свидетельств о чудесной помощи святого праведного Симеона Верхотурского.

Из письма полицмейстера города Петропавловска Николая Алексеевича Протопопова от 14 ноября 1878 года: «У жены моей болели зубы, никакие лекарства не помогали, когда же она натерла десны и зубы землей, взятой из могилы угодника, болезнь прекратилась».

Из сообщения девицы Мельниковой, полученного в 1880 году: «1874 года, 28 апреля я пошла в Верхотурье к мощам святого праведного Симеона. В то время у меня сильно заболела нога. Боль что дальше, то сильнее умножалась, и болезнь эту редко можно встретить; ногу я обвязывала полотенцем... и на двух костылях едва шла... Утром встала с великим трудом и пошла в село Меркушинское, сходила к вечерне и приготовилась к принятию Святых Таин, и Бог допустил — причастилась. Тут я весьма много пролила слез. Утром встала — у меня опухоль прошла, и нога ровно не была больна».

Свидетельствуют и наши современники.

Зайцев Владимир Александрович, житель города Бузулука, услышав о святом праведном Симеоне Верхотурском, в 1997 году посетил Верхотурье и село Меркушино, попил воды из гробницы и, взяв с собой, пил ее в дороге. У него прошел остеохондроз, которым Владимир Александрович был болен с 1974 года, до этого он каждый день делал себе обезболивающие уколы.

Священник Михаил Кудрин рассказал, что у его младшей дочери Екатерины было сильное косоглазие. После молебна святому праведному Симеону Верхотурскому родители помазали ей глаза маслом из лампады над гробницей, а потом делали то же самое несколько раз, пока неожиданно не обнаружилось, что глазки уже не косят, а смотрят прямо.

Петрухина Нина Григорьевна из Москвы сообщила: «Появилась раковая опухоль, врачи хотели ее удалить. Я читала молитву святому Симеону Верхотурскому, помазывала лоб и больные места маслом, прикладывала землю к голове, один раз выпила воду (видимо, из гробнички). Через месяц пришел результат анализа: раковых клеток нет. Операцию отменили, но риск заболевания остался. Видимо, надо лечиться и молиться прав. Симеону...».

Встречаются болезни, которые не могут быть вылечены или облегчены лекарствами или усилиями медицины. Когда одни лишь духовные средства могут улучшить состояние.

Среди писем преподобного Макария Оптинского есть ответ отцу больной дочери. «Я вам писал уже, что эта болезнь не подлежит физическим лекарствам, но надобно искать исцеления в вере, просить Бога и угодников Его о ниспослании ей исцеления от сей болезни». Преподобный советует дома отслужить

молебен с акафистом святителю Митрофану Воронежскому, а потом побывать у его мощей: «Сколько было и бывает там исцелений молитвами святого угодника Божия прибегающим к нему, и Бог, молитвами его, исцелит и вашу дочь. Верующему все возможно».

Другой Оптинский старец, преподобный Амвросий, больному, страдающему от головной боли и не ожидающему помощи от врача, советует съездить в Афонскую часовню, отслужить там молебен святому великомученику Пантелеимону, взять масла из лампадки и мазать им голову на ночь. «При этом и дома обращайся почаще к целебному Пантелеимону и проси его помощи. Господь даст — и пройдет».

В трудных болезнях нередкая практика — обеты посетить то или иное святое место, съездить к мощам угодника. Оренбургский священник Филипп Ивановский, живший в середине XIX века, рассказывал о себе, что когда он учился в семинарии, после сильной простуды у него явилась некая непонятная болезнь нервно-психического характера. «Какая-то одурелость пришла на меня, соединенная с неимоверною, несносною тоскою, неверием и хульными мыслями». О своей болезни он не говорил ни врачу, ни товарищам, из опасения, что его отчислят из семинарии. «Все мое утешение, вся надежда и все врачевство заключались единственно в даваемых мною обетах по окончании курса сходить к некоторым чудотворным иконам и в Верхотурье». И что же? По окончании курса, когда обещания были исполнены, болезнь отступила.

«Есть болезни, на излечение коих Господь налагает запрет, когда видит, что болезнь нужнее для спасения, чем здоровье. Не могу сказать, чтоб это не

имело места в отношении ко мне», — писал святитель Феофан Затворник.

Случается видеть людей болезненных как бы неисцельно. Причем, это не всегда болезнь от рождения, от природы. Но что-то в природе характера человека есть такое, что болезнь, словно некая узда, необходима ему. Иной, заболев, вспоминает Бога, начинает вести церковную жизнь, борется со своими греховными привычками; но стоит ему выздороветь, как постепенно усилия его сходят на нет и Бог уже становится не так потребен.

Церковная жизнь, которую составляют молитва, пост, посещение воскресных и праздничных богослужений, регулярное участие в церковных Таинствах (то есть Исповедь и Причастие), любую болезнь делает более терпимой, облегчает. Особенно это заметно в отношении нервно-психических заболеваний. Даже тяжелых, наследственных.

Приходит на память случай, когда в церковь пришел молодой человек со странным заболеванием. Он угрюмо смотрел исподлобья, движения его были скованны и развязны одновременно. Он словно не владел своей моторикой. Плечи сведены вместе, голова опущена, речь похожа на карканье. Отрывистый, не всегда уместный хохот. Казалось, что это врожденное нездоровье невозможно преодолеть.

Но шло время. Молодой человек посещал церковные службы, он внимательно исповедовался, часто причащался. По мере сил участвовал в делах прихода. Постепенно изменился его внешний облик, выражение лица стало мягче, плечи расправились, речь сделалась внятной.

И было заметно, что в периоды, когда он по каким-либо причинам не мог посещать храм, болезнь его опять усиливалась. Когда же церковный

ритм жизни прочно установился, юноша, можно сказать, просто расцвел. Дальнейшая его жизнь сложилась хорошо.

И это не единственный, не редкий случай, такие истории вам расскажут на любом приходе.

В Евангелии упоминается «женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться» (Лк. 13, 11). Причиной болезни был назван диавол: «связал сатана вот уже восемнадцать лет», а освобождение от «духа немощи» пришло от Спасителя. Так от Христа, от единения с Ним, вместе с церковной жизнью, с церковными Таинствами, приходит освобождение многим людям.

Особенная милость

В затяжной или тяжелой болезни хорошо бы соборовaться. У нас нередко, даже в церковной среде, бытует суеверие, что к Таинству елеосвящения, или соборования, прибегают только перед смертью. Якобы соборование — это собирание на смерть. И потому кое-кто боится его. Однако грамотные церковные люди соборуются ежегодно Великим постом. Причем независимо от состояния здоровья.

В соборном послании святого апостола Иакова читаем: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем (маслом) во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14–15).

Эти слова Апостола и послужили к установлению церковного Таинства елеосвящения, или, иначе, соборования. Таинство известно в нашей Церкви очень давно, прибегают к нему, конечно, не очень часто. То есть в одной болезни принято соборо-

ваться один раз. Прежде на все время жизни обычно приходилось всего несколько соборований. Но позже, когда стали очевидными общий упадок духовной жизни, а с ним и здоровья, стало принятым всем православным собороваться ежегодно во время Великого поста.

Соборование — это особая милость падшему и немощному человеку. Можно было бы рассудить как бы «по справедливости»: нагрешил — заболел; теперь мучайся, сам виноват. Но Церковь молится о исцелении и даже о прощении грехов, нечаянно забытых и не исповеданных. А они есть у всех. Молится о изменении нашей греховности и страстей, с которыми мы никак не можем справиться.

Какие замечательные слова читает священник во время соборования! «Молимся Тебе, Боже наш, яко да наведеши милость Твою на елей сей, и на помазующиеся от него во имя Твое; да будет им во исцеление всякия страсти, и всякого недуга и язи, и всякия скверны плоти и духа. Ей, Господи, врачебную Твою силу с небесе ниспосли, прикоснися телеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся. Буди врач раба Твоего (имя), воздвигни его от одра болезненного и от ложа озлобления цела и всесовершенна, даруй его Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою».

Священник просит Господа воздвигнуть, то есть поднять больного с постели, чтобы он благоугождал Богу и творил Его волю, был членом Церкви. Все молитвы «Последования святаго елея», то есть соборования, — о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении и оставлении грехов, а вовсе не о кончине.

Помазывая святым маслом больного, священник молится: «Отче святый, врачу душ и телес, пославый

Единороднаго Твоего Сына Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющего и от смерти избавляющего, исцели и раба Твоего (имя) от обдержания его телесныя и душевныя немощи, и оживотвори его благодатию Христа Твоего, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии; предстательством честных Небесных Сил бесплотных, силою честнаго и животворящего Креста, честнаго славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, святых славных и всехвальных Апостол, святых славных и добропобедных мучеников, преподобных и богоносных отец наших, святых целителей и бессребреников Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Самсона и Диомида, Фотия и Аникиты, святых и праведных богоотец Иоакима и Анны и всех святых».

Семь раз священник произносит: «Исцели от телесной и душевной немощи, оживотвори...», да еще призывает на помощь нашу Милосердную Заступницу — Божию Матерь, все Небесные Силы, всю Церковь, поименно десять святых целителей. Целый консилиум! Соборование — это удивительное Таинство!

Не случайно люди часто говорят, что после соборования чувствуют легкую радость. И несмотря на то, что Таинство это занимает немало времени, кажется, что прошло всего несколько минут.

Неудобные пациенты

В отношении к лечению и своему здоровью есть две противоположные крайности. Одни больные слишком избегают встречи с врачом. Другие, напротив, излишне обеспокоены своим самочувствием и готовы обследоваться и лечиться бесконечно.

То, что русскому человеку не свойственно очень уж печься о своем здоровье — для нас привычно. Это, видимо, наша национальная черта, сложившаяся исторически: непопечение вообще о многих материальных сторонах жизни, в том числе, и о своем теле. Если посмотреть, например, на американца, то после сорока почти каждый из них знает, какой у него уровень холестерина, какое сегодня давление. И следит за тем, чтобы все было в норме. Для нашего человека это непонятно и не всегда приемлемо. Наверное, еще и потому, что кроме особенностей национального характера существуют и особенности национальной медицины, когда любое посещение врача, любой анализ или обследование подразумевают многочасовые поездки, ожидание в очереди, нервотрепку. Или немалые денежные затраты, не всегда оправданные качеством услуг.

И все же люди лечатся и в России. Но любопытно то, что у некоторых медиков есть претензии именно к православным пациентам. Считается, что они наименее охотно идут на контакт с врачом. Это понятно, ведь каждый верующий человек старательно охраняет свой мир, как личный, так и семейный. Ограждает его от чужого вмешательства. А врач это человек, профессия которого вторгаться в этот сугубо интимный мир. Собирая анамнез, он задает нескромные вопросы, осматривая больного, он прикасается к его телу. Врач может порекомендовать лечь в больницу, где больной окажется во власти совершенно чужих людей. Все это как бы усугубляет сложности лечения.

Поэтому православному человеку, да еще привыкшему жить в кругу единомышленников, нелегко решиться на визит к незнакомому врачу. Обычно ищут «своего», по знакомству. Или откладывают ле-

чение, надеясь на исключительно духовные средства: соборное масло, молебны о здравии, святую воду. Все это, несомненно, может принести пользу и принесет ее, но все же, как говорил святитель Феофан Затворник: «Молитва молитвой, а доктора докторами. И докторов Бог дал, и к ним обращаться Божия есть воля». Он же говорит, что если есть долг блюсти Божий дар жизни, то есть долг и лечиться, когда болен. «Можно не лечиться в ожидании, что Бог излечит, но это очень смело. Можно не лечиться для упражнения в терпении, в преданности в волю Божию, но это будет очень высоко, и при этом всякий «ох!» — будет в вину, уместно же только одно благодаренное радование...»

Многие ли из нас потерпят без охов и вздохов? «Ропот уже грех, — учит святитель. — Кто же не чувствует мужества, каковы мы все грешные, то лучше прибегать к лекарям...»

Конечно, бывают случаи, когда человек, достаточно разумно определив свое положение и силы, может отказаться от участия медицины, предав себя в волю Божию. Но это бывает редко.

Я был близко знаком с одним священником. Он заболел раком в пятьдесят лет. До этого он много и самоотверженно трудился на благо нашей Церкви. Восстанавливал и строил храмы, собрал около себя хорошую многочисленную паству. Дети его к тому времени выросли и не нуждались в особой поддержке. И когда ему предложили помощь, а существуют методики лечения даже онкологических заболеваний, он, поразмышляв какое-то время, посоветовавшись с матушкой, отказался. «Мы решили положиться на волю Божию. Пусть будет, как будет», — сказал он. Через год с небольшим он скончался.

Правда, он был биологом и очень хорошо оценивал свое состояние, у него был духовник, с которым он мог посоветоваться, к тому же, судя по его жизни, он был мужественным человеком.

Но это, повторяю, редкий случай. Чаще же отказ от лечения, искание окольных от привычной медицины путей, использование только духовных средств для выздоровления происходит не от веры, а, наоборот, от неверия в то, что кто-то в силах помочь, от уныния.

Уныние вообще очень характерное настроение сегодняшнего общества. И христианского в том числе. И происходит оно, большей частью, не от внешних опасностей и несправедливости, а от какой-то неправильной любви к себе и личному покою.

«В наше время уныние и разочарование особенно легко беспокоят многих христиан, а происходит это по причине оскудения решимости и готовности к злостраданию. Лишь только начинаются трудности, такой человек сразу же уступает в брани и сдается» (старец Иосиф Ватопедский). Мы совсем не находим у себя сил на страдание и отодвигаем его как можно далее.

Одна женщина обожгла язык. На нем образовалась язвочка. Она долго не заживала, но женщина не шла к врачу, мазала язык соборным маслом, мочила святой водой. Мазала месяц, другой, третий... Язва то затягивалась, то появлялась вновь. Прошел год. Больная впала в уныние, решив, что у нее рак. Теперь она и вовсе не хотела идти к больницу, страшась подтверждения собственного диагноза. Но ее все же убедили, что необходимо показаться доктору.

Потребовалось всего два или три прижигания, чтобы язва исчезла. Жизнь опять стала яркой.

Болезнь — неудобство, и лечение — неудобство. И болезнь, и лечение для нас повод к смирению. Как бы стыдливы, боязливы и недоверчивы мы ни были, порой нужно смириться с необходимостью открыться чужому человеку, позволить себя осматривать, смириться с болью, которую могут принести обследования и лечение.

Читая о христианских мучениках прошлого, мы восхищаемся их верой, их мужеством. И облегченно вздыхаем, тихонько, почти незаметно для себя, что в наше время христиан не бросают в клетки к диким животным, не колесуют, не распинают на крестах, не усекают мечом. Но и наше мирное время и сегодня наполняет жизнь человека страшными мучениями. Мучительными болезнями и часто еще более мучительным лечением их. Все большее и большее количество людей проводит жизнь в физических страданиях. Не львы и тигры терзают плоть, а раковые клетки; не палач, а скальпель хирурга. Но верующий человек в терпении этих страданий, в терпении без ропота на Бога, так же, как мученики первых веков, показывает свою веру.

Даже когда мы имеем личный негативный опыт общения с медициной, этот опыт не должен отвращать нас от всех врачей. Вспомните, что каждый врач, даже самый нерадивый, учился шесть лет в институте, а за такое время хоть что-нибудь да узнаешь. Поступить в медицинский институт трудно, учиться там тяжело. Поэтому в медицину идут, в основном, по призванию. Идут те, кому нравится лечить, кто хочет помочь больному.

Случается, что недоверие к медицине или к конкретному доктору возникает из-за того, что разные специалисты по одному и тому же заболеванию дают совершенно разные и даже противоположные со-

веты. Но это вовсе не означает, что они не правы или не понимают заболевания. Просто бывает, что существуют разные методы лечения. Вот тут-то и наступает время сугубо помолиться, дабы Господь как-то управил ситуацию.

В одной семье родился ребенок с дефектом ножки. Обнаружилось это не сразу. Затем двумя врачами были предложены два совершенно разных метода лечения. Родители молились, чтобы как-то, к пользе малыша, решилось дело. И вот один из докторов в связи с неожиданно открывшейся возможностью научной командировки отказался лечить ребенка. Зато другой метод достаточно быстро дал хорошие результаты.

Еще одна история про ребеночка. Ребенок родился преждевременно. Настолько преждевременно, что по закону не считался человеком. В справке было написано: «Плод такого-то пола». Выхаживать такого ребенка трудно, а главное, как считали врачи, — незачем. Родителям так и говорили: «Зачем вам такое дитя?» Лечащий врач занималась своим делом, мягко говоря, без воодушевления: «Все равно потом откажетесь». Но родители все время, пока ребенок был в больнице, читали ежедневно Канон и Акафист Божией Матери, надеясь на помощь Царицы Небесной. Доктор, словно нехотя, словно против своих убеждений, день ото дня становился все более лояльным в отношении к ситуации. У него проснулся интерес. А потом произошло чудо: ребенок выжил, укрепился и...

Теперь это уже совершенно взрослый человек. И глядя на него, трудно поверить, что двадцать с небольшим лет назад от него пытались отказаться врачи.

Прививки

Заболел как-то сынишка. Жена вызвала врача из поликлиники. Участковый доктор, осматривая мальчика, увидела на нем крестик. «Вы верующие? — спросила она. Тогда скажите, почему православные не делают своим детям прививок? Разве это грех?» Поговорив с доктором, я поинтересовался мнением других детских врачей, и оказалось, что действительно большинство отказывающихся от прививок люди религиозные.

Чем же объясняют они свой отказ? «Все в руках Божьих, — говорят они. — Мы более надеемся на Господа, чем на прививку». Что ж, слова о вере и надежде на Господа хорошие. Но отражают ли они нашу веру? Или больше наше мнение о своей вере? Как поведем мы себя, случись нашему малышу заболеть коклюшем или столбняком? Примем ли спокойно и беспечально волю Божию? Апостол Петр был уверен в своей готовности пострадать со Христом, но в ту же ночь трижды отрекся от Него.

Когда диавол искушал Спасителя, то предложил Ему броситься с высоты храма на землю, напомнив пророческие слова из Писания: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». На эти слова лукавого Иисус ответил: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4, 1–7). Не искушаем ли и мы Господа, когда декларируем меру своей веры?

Все в воле Божией: и болезнь, и здоровье, и смерть. Господь волен и защитить нас от инфекции, и попустить заразиться. Были блаженные и юродивые, ходившие зимой босиком или в ветхой одежде; Господь хранил их, они не простужались. Мы знаем об этом, но, однако, надеваем в мороз теплую обувь

и пальто. От воров наше имущество хранит тоже не замок, а Господь, тем не менее, мы запираем дом, хотя знаем, что нет таких замков, которые не открыл бы умелец. Так же и прививки, при всей нашей надежде на Господа, проще сделать.

Прививки от болезней давно стали привычной частью нашего быта. Согласен, как и многое другое, они имеют не только положительные, но и негативные свойства. Это и недостаточное качество вакцины, и то, что после вакцинации ребенок может какой-то срок плохо себя чувствовать, могут ненадолго обостриться хронические заболевания. Но все же вреда от прививок не так много, чтобы отказываться от них.

Часто у родителей хватает сил на то, чтобы отстаивать свое право не делать ребенку прививку, первые несколько лет. Пока ребенок находится просто дома. А потом наступает время идти в садик, в школу, ехать в летний лагерь. Требуются справки, а там графа о прививках. А чиновники, чувствуя свою силу, не уступают: «Или делайте прививки, как все, или...» А дома другие дети, которых надолго не оставишь и которым нужны не уставшие от споров, а бодрые и полные сил родители. И приходится уступить.

Так, одной девочке перед школой пришлось сделать все прививки за один месяц. Все, рассчитанные на семь лет. А иначе девочку не взяли бы в хорошую школу. Быть может, родителям следовало раньше смириться с неизбежностью прививок?

К тому же, живя в обществе, мы должны считаться с окружающими нас людьми. Сейчас редко можно встретить семью, где все — дети и родители, бабушки и внуки, тети и дяди, зятья, шурины и невестки — церковные люди. И часто отказом от лечения или, особенно, от детской прививки право-

славные родители искушают своих родственников. В семье возникают разногласия и споры, в которых неверующая сторона, по незнанию, выступает не против частного мнения своих родных, но против Церкви и Православной веры. Искушаются не только близкие, но и врачи детской поликлиники, воспитатели детского садика, учителя, сотрудники, соседи, если им доведется услышать об этом. Далекие от Церкви люди соблазняются возможностью осуждения религии и религиозности. И ради чего нужно наводить их на грех?

Как в самой прививке нет никакого греха, так и в отказе от нее нет добродетели. Принимая привычные для общества нормы, мы никак не умалим ни Всемогущества Божия, ни своей веры, но лишь проявим свое смирение.

«Все Святые Отцы согласны в том, что только основная добродетель смирения восполняет все другие добродетели» (старец Иосиф Ватопедский).

Неспокойные пациенты

Из беседы с сотрудником НИИ нейрохирургии, кандидатом медицинских наук Н.А. Мазеркиной

Есть такая крайность — от любого болезненного симптома искать себе лекарство. Чтобы сразу все прошло. Нужно понимать, что человек не механизм, не станок — одинаковый сегодня и завтра, зимой и летом, днем и ночью, в дождь и при солнечной погоде. Хотя с возрастом меняется даже машина. Наш организм не остается неизменным, но не всякое изменение в нем требует немедленной таблетки или микстуры.

Любому врачу знаком тип неспокойного больного, постоянно прислушивающегося к себе, не

способного оставить без внимания малейшего неприятного симптома или незначительного изменения в анализах. Тревога за здоровье у таких людей превращается в образ жизни, когда человек постоянно лечится, консультируется у различных врачей. Он словно пытается вылечиться до конца.

Но вылечиться «до конца» невозможно. Даже самый здоровый человек иногда страдает от головной боли, от вздутия живота, от запора, от насморка. И у здоровяка временами сосет под ложечкой, кольнет в боку, трепыхнется или замрет сердце. Только одни люди замечают это, а другие нет. Или не придают этому значения. Право же, обрекать себя на постоянное лечение неразумно. Так же неразумно, как и вовсе отвергать медицину. Этой наукой нужно пользоваться в меру.

Чувствительность к симптомам может обостриться, появятся предчувствия разных болезней и состояний. Это угнетает человека, снижает иммунитет, не позволяет радоваться жизни. И еще можно заметить, что такое пристрастное отношение к своему здоровью, как правило, позже «оправдывается». То есть человек получает все же какой-нибудь недуг, чтобы ему было с чем нянчиться.

Неспокойные больные потребляют, как правило, неоправданное количество лекарств, или слишком сильные средства, или, напротив, беспокоясь, что врач чего-то не предусмотрел, снижают рекомендованную дозу. Часто меняют врачей, ищут нетрадиционные средства. Они, не понимая того, предоставляют себя, свое тело, как прекрасный полигон для апробирования новых методик и лекарств, становятся «кормильцами» непорядочных лекарей и шарлатанов. Расходуют свои силы и средства не на пользу. Не помогая ни себе, ни ближнему, они жи-

вут в каком-то нереальном мире, и, к сожалению, вытащить их из него не легче, чем оторвать пьяницу от вина или заставить чревоугодника отказаться от лишней еды.

Бывает, что родители, разумно относящиеся к своему здоровью, слишком пристально смотрят на здоровье своих детей. «Я-то ладно, а дитя нужно непременно вылечить», — заботливо решают они. И вот всякую простуду начинают глушить антибиотиками, как было принято лет двадцать назад, в результате чего выросло целое поколение с ослабленным иммунитетом. Или обрекают ребенка на длительные и тяжелые обследования со стоянием в очереди, долгими поездками всего лишь из-за того, что у ребенка пару раз заболел живот или был неправильный стул, что, кстати говоря, случается у детей довольно часто. Причины тому разные. Например, боли в области живота у ребенка часто бывают из-за «несогласованного» роста скелета и внутренних органов. Но это нормальные, «здоровые» боли. А чаще живот болит из-за возрастной приверженности к газированной воде, чипсам, мороженому.

Таким родителям очень трудно объяснить, что с их ребенком все в порядке, что животу иногда положено болеть, что боли в боку или при беге не обязательно говорят о какой-нибудь патологии у ребенка, а многие другие неприятности легко уладить, если расстаться с жевательной резинкой, шоколадом, газированной водой, яркой карамелью и, конечно, чипсами. Все эти «детские» лакомства чрезвычайно вредны. Здесь-то и уместно сказать: «Мне-то что. Я могу и выпить пепси-колы, а вот ребенку не дам. Ребенок должен расти здоровым».

Как это ни парадоксально, но ребенок должен хоть немного, но поболеть. Замечено, что именно

здоровые сильные дети, которые никогда не болели, могут погибнуть в одночасье в эпидемию гриппа. Кстати, и взрослому человеку также неплохо иногда поболеть. Выкашлять, высморкать, выбросить из себя те вредные вещества, что неизбежно накапливаются в любом организме. Преподобный Амвросий Оптинский в одном из писем пишет: «Когда в теле человеческом заведутся испорченные соки, то они не иначе изгоняются, как лихорадкой или горячкой». Это вполне врачебное высказывание. А «испорченные соки» обязательно заводятся в наших телесах. Особенно сейчас, особенно с неправильным нашим питанием, образом жизни, современной экологией.

Особенности пожилого возраста

Есть еще одна категория людей, никак не желающих смириться с неизбежностью болезней. Это пожилые люди. Не все, конечно. Некоторые. Они много и часто излишне лечатся, беспокоя себя и врачей по ничтожному поводу или поставив целью вернуть то, что уже немного поизносилось. Они обижаются, когда врач пытается объяснить, что печени, сердцу или сосудам пора измениться, что прошлого не вернешь и что нужно стараться только поддерживать себя в соответствующем возрасту состоянии, облегчая, по возможности, неприятные, но уже, увы, неизбежные симптомы.

Разрушения и немощь, приходящие с возрастом, заставляют пожилого человека более, чем в молодости, заботиться о своем здоровье. Что ж, это правильно, когда старики следят за здоровьем, продлевая для себя активный период жизни, чтобы можно было самому обеспечивать свое существова-

ние, не зависеть от близких, словом, жить привычной жизнью. Но привычки бывают разные. Есть привычки, которым возраст говорит: хватит, прощайте. Хорошо, когда человек может это сделать вовремя, и, напротив, жаль бывает людей, никак не желающих расставаться с суетными обычаями, свойственными молодости. Когда меняющуюся, слабеющую деятельность поджелудочной железы, печени, желудка, а также половую функцию пытаются до бесконечности стимулировать различными препаратами и методами. Не для того, чтобы продлить здоровую активную старость, замечательное время видения мира, душевного покоя, время молитвенного стояния перед Богом. А лишь для того, чтобы подольше остаться в мире страстей и продлить время привычного наслаждения. И хотя в самих радостях жизни, в удовольствии от привычной работы, во вкусной еде, в долгих веселых пиршествах, в близком отношении супругов нет ничего греховного, но все это радости чисто здешние, чувственные, земные, они не имеют продолжения в будущей жизни.

К старческой немощи, удаляющей нас от них, не стоит относиться, как к ангине, от которой нужно непременно вылечиться. Это забота Божья о человеке, возможность подготовить себя к жизни вечной. Возможность выйти из привычной деловой суеты, осознать себя, помолиться о себе и о других. Ведь, чем старше становится человек, тем ближе время его полной или частичной зависимости от близких. Осознавая это, пожилые люди часто пересматривают свое отношение к родным, свою требовательность и нерасположение. Они сердечнее поминают их в своих молитвах. Многие люди к старости становятся мягче, терпимее.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать, ...время искать и время терять, время сберегать и время бросать...» (Еккл. 3, 1–6), — говорит Екклезиаст. Мы должны быть готовы к тому, что с годами оставим свою интересную, но ставшую тяжелой работу, откажемся от какой-нибудь пищи, уступим другому человеку свое главенство. Старость — время смирения. Кстати, люди духовные даже радуются, когда увядающая плоть смиряет свою требовательность, положить предел которой не всегда хватает воли.

«Посему мы не унываем: но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16), — писал апостол Павел. Мы не унываем, если этот внутренний человек есть, живет в нас. Но бывает, что внутренний человек не только не обновляется, он давно уже в коме. Его принесли в жертву «сладостям мира сего». Вот тутто старость невольно и отрывает нас от «сладкого».

Старость человека — последнее время перед переходом в вечность. Как Великий пост перед Пасхой, так и возраст старости должен стать годами смирения плоти и обновления духовной жизни. И для многих людей он действительно становится последней дорожкой, с которой уже можно увидеть иной, небесный мир, где Вечная Пасха со Христом Спасителем.

Здравствуй, старость, утро жизни новой,
Запах зимней зелени еловой.
Здравствуй, старость, малое оконце,
Где сияет жизни вечной солнце.
Здравствуй, старость — снег, летящий к раю.
Я тебя уже люблю и знаю...

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

В вашей семье — больной

Страдания причиняют нам не только наши болезни, но и болезни близких людей. Особенно тяжело родителям переносить болезнь ребенка. Все кажется в ней неправильным и бесцельным. Ну чем, думают они, провинилось малое дитя, какой урок оно может извлечь из этих мучений? Как хотелось бы бедным родителям болеть и страдать *вместо* своего ребенка. Но это невозможно. Они обречены страдать *вместе*.

Родительское горе, как и всякое горе, должно призвать человека к работе, а ни в коем случае не к ропоту на Господа. Как старшие и опытные люди, родители обязаны поддержать больного ребенка молитвой, обеспечить врачебную помощь, уход. Размышления о несчастной судьбе, страх будущих трудностей не принесут пользы ни больному, ни близким, а только обессилят душу и тело. А молитва, может быть, даже какое-нибудь особенное дополнительное правило, взятое родителями по случаю болезни, обязательно будет иметь свой добрый плод. В прежнее время в случае тяжелой болезни ребенка родители нередко давали какое-нибудь обещание. Сходить на поклонение какой-то святыне, сделать вклад в церковь, иногда давали обет потрудиться год или два в монастыре. Случалось, что в монастырь, по родительскому обету, отдавали окрепшее, вошедшее в возраст дитя. «Я здесь по маменькиному обету, на два года. Я у нее вымоленный», — нередко можно было услышать от монастырского трудника.

И сегодня о здоровье больного ребенка заказывают молебны, сорокоусты, дают обеты съездить поклониться к святым местам, дают милостыню. Денежную или трудовую. Есть немало женщин, по-

мощниц при храмах и монастырях, которые безмездно трудятся ради судьбы детей.

Страдания ребенка, как и страдания всякого человека, — не бесполезны. Преподобный Амвросий Оптинский на письмо матери, скорбящей о болезни маленькой дочери, пишет: «Действительно, по-человечески нельзя не скорбеть матери, видя дочь свою малютку в таких страданиях, и страждущую день и ночь. Несмотря на это, вы должны помнить, что вы христианка, верующая в будущую жизнь и будущее блаженное воздаяние не только за труды, но и за страдания произвольные и невольные; и потому не должны безрассудно малодушествовать и скорбеть подобно язычникам или людям неверующим...».

Преподобный указывает матери и на возможную причину болезни дочери, которая, видимо, по возрасту, еще не могла сама совершить каких-либо особо серьезных грехов. «Впрочем, не должно забывать и мудреного настоящего времени, в которое и малые дети получают душевное повреждение от того, что видят, и от того, что слышат; и потому требуется очищение, которое без страданий не бывает; очищение же душевное, по большей части, бывает через страдания телесные».

С тех пор мир стал еще мудренее. Самые маленькие дети в собственных семьях получают душевное повреждение от бесконтрольного телевизора и соблазнительных разговоров. Это только кажется, что младенцу, по годам не способному понять увиденное и услышанное, можно видеть и слышать все. Картинка или фраза, порой, производят сильное впечатление, то есть запечатлеваются в памяти и «расшифровываются» позднее. И младенческие впечатления могут нанести серьезный ущерб душе ребенка.

Иногда единственный способ изменить образ жизни взрослых — это болезнь детей. Поэтому после рождения малыша родители должны быть вдвойне внимательны к себе. Теперь всякий их грех может стать причиной не только личного страдания, но и страдания ребенка. Такую связь между своим грехом и болезнью детей замечают многие мамы.

Когда заболевает близкий человек, особенно ребенок, мы лишаемся многих свобод. Рушатся наши планы и представления о будущем. Мы оказываемся под бременем неожиданных забот и трудов. Но вместе с тем, пусть невольно, нам дается возможность деятельной любви к ближнему, возможность положить жизнь «за други своя». И если мы со смирением примем эту ношу, то она не покажется нам тяжелой, «ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30). Со временем мы почувствуем и благость служения больному — в душевном покое, в особенном расположении к миру и людям. Куда-то в тень, на второй план уйдет вечно тревожащее нас «Я», раздражение от несоответствия желаемого и реальности.

Не ропот, слезы и растерянность должны наполнить нашу жизнь, а труд, ежедневный спокойный труд на благо больного.

Приведу случай. Мальчику было шесть или семь лет, неожиданно у него стала развиваться какая-то болезнь, он начал терять зрение. Мама с ребенком ходила в церковь и делала все возможное, чтобы повлиять на болезнь, но процесс продолжался. Многократные медицинские обследования говорили одно: в дальнейшем слепота. Но мама не растерялась, не впала в уныние, хотя к горю матери добавилось и горе оставленной супруги, брак распался. На каждый день у нее была задача. Необходимо было под-

готовить ребенка к дальнейшей жизни, необходимо было обеспечить его жизнь сегодня.

Женщина понимала, что главное — дать мальчику правильное воспитание, чтобы он не вырос озлобленным, угнетенным, с чувством обездоленности. Такое воспитание можно было дать только в Церкви, призвав на помощь Господа и Его Пречистую Матерь. Внешний меркнущий мир нужно было заменить миром внутренним, и мама старалась образовать этот мир в своем ребенке. Она много читала ему, подолгу беседовала, старалась развить различные интересы. С потерей зрения у мальчика обострился слух, ему по-новому открылся мир гармоничных звуков. Мама нашла возможность обучения сына игре на фортепьяно. Мальчик закончил специальную школу, поступил в музыкальное училище. Играет он замечательно и с удовольствием.

Казалось бы, страшная трагедия должна была отразиться печалью на лице матери, но, встречая ее, я каждый раз вижу привычную приветливую и необыкновенно легкую улыбку. Господь ей в помощь.

Подспудно чувствуя свою вину, родители нередко потакают ропотливым настроениям больного ребенка и этим увеличивают его страдания. Во время ропота и капризов, если объяснения не помогают, можно на время как бы «отвернуться», не в раздражении, а с любовью. Оставить больного на какое-то время наедине с собой. А затем опять терпеливо говорить о духовной стороне жизни, о Промысле Божием в мире, о созидающем душу терпении. Очень хорошо влияет на настроение больного человека чтение вслух духовных книг, серьезной классической литературы.

Чтобы отвлечь больного от грустных мыслей, переменить дурное настроение, родные иногда

предлагают ему некоторые развлечения. Чаще всего это телевизор, компьютерные игры и легкая литература. Такие занятия вполне возможны. Но на некоторое, ограниченное время. Так уж получается, что развлечения очень скоро переходят в удовольствия, от которых трудно отказаться. Особенно больному человеку.

Кстати, «нагружать» учебой, чтением, физическими упражнениями, общеполезными делами больного ребенка необходимо. Больной гораздо больше здорового нуждается в постоянном занятии. Именно оттого, что не все ему доступно, больной должен освоить как можно лучше то, что ему по силам.

Уход за больными — одно из самых замечательных служений человека. В Древнем патерике рассказывается:

Брат спросил старца: «Есть два брата, один безмолвствует в келий, продолжая пост до шести дней в седмицу и много налагая на себя трудов; другой же служит больным. Чье дело более приятно Богу?» Говорит ему старец: «Хотя бы тот брат, который держит пост в течение шести дней, за ноздри подвесил себя, и тогда он не мог бы сравняться с тем, который служит больным».

В письме к матери неблагодарного сына святитель Феофан Затворник пишет: «Хоть А. и не стоит того, но Господь по милости Своей, и ради вашей материнской любви, и терпения ради оскорбляющего вас примет уход за ним как уход за Собою».

Служение больному особенно благодатно влияет на душу. «Служение больным есть одно из сильнейших орудий хранения чистоты», — писал преподобный Анатолий Оптинский (Зерцалов).

Неважно, в каких отношениях мы были до болезни с нашим родственником, но если ему нужна

наша помощь — послужим ему. Это служение будет к пользе нашей души. Мне вспоминается женщина, много лет жившая в одной квартире со свекровью, которую очень не любила. Не знаю уж, кто там был у них прав, кто виноват, только пришла в дом беда: со старушкой случился инсульт. Хочешь, не хочешь, а пришлось за ней ухаживать. Через силу, с ропотом, иногда со слезами. Потом закончилась жизнь свекрови, закончилось и невольное служение. Только женщина та изменилась. Когда-то замкнутая на своей правоте, своих страданиях и своих добродетелях, она стала терпимее к близким, уважительнее к чужому мнению, мягче.

Говоря о Царстве Небесном, Спаситель упоминает о милосердии как отличительной черте праведника: «Тогда скажет Царь тем, кто по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; ...был болен, и вы посетили Меня... Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? ...Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 34–40). Русский человек во всем старался строить свою жизнь по Евангелию, и благочестивая традиция навещать больных и ухаживать за ними всегда жила в нашем обществе.

Навестить больного — как послужить Богу. Этой возможностью не пренебрегали, и к постели больного часто собиралась вся многочисленная родня. Здесь, ухаживая за близким человеком, нередко при-

мирялись давние враги. Выяснялись недомолвки и неясности в отношениях.

Свое участие проявляли не только по отношению к родным, но и по отношению к друзьям. А.И. Кошелев в своих «Записках» вспоминает: «Во время болезни Д. Веневитинова, за которым и днем и ночью мы ухаживали, я близко сошелся с А.С. Хомяковым, с которым прежде был только знаком».

«Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Притч. 17, 22), — говорит Писание. Больного навещали не только с целью ухода, но и просто, чтобы ободрить его, поднять настроение. Впрочем, эта традиция не умерла и теперь. Вспоминается мне священник Алексий Грачев. Будучи по первому образованию врачом, он прекрасно чувствовал потребности больного, и нередко предлагал кому-то из друзей: «Давай, купим какой-нибудь вкусноты и навестим такого-то». Среди многих дел он находил время утешить друга, покупал «вкусноту», брал гитару, ехал... Приходит на память одна женщина, она трудится при храме и постоянно навещает заболевших. И как это ей удается всегда быть в курсе событий?! Но стоит человеку заболеть, как она уже едет в больницу навестить его.

Заметим, что чувство милосердия, личного деятельного сострадания к больным и скорбящим присуще религиозному, в большей степени христианскому, сознанию. В языческом мире не было принято проявлять участие к страдающим. Более того, их всегда старались избегать, дабы не оказаться в «опасной зоне», не разделить с ними удары судьбы. Та же самая языческая боязнь «заразиться» несчастьем свойственна и современному западному миру. Большинство американцев, англичан и пр. вежливо, но привычно будут сторониться заболевшего или

попавшего в тяжелые обстоятельства приятеля и даже родственника. «Вот когда все уладится, тогда встретимся».

Совесть православного человека, напротив, станет обличать его, если он не навестил больного родственника или друга. Когда-то в традиции наших предков было в воскресный день навещать скорбящих: «Больницу, темницу и вдовицу». «Не ленись посещать больного, ибо за это ты будешь возлюблен» (Сир. 7, 38), — обещает Писание.

Как вести себя с безнадежно больным?

Такой вопрос возникает как у врача, так и у близких больного человека. Есть мнение, что врачебная этика не позволяет врачу открывать безнадежный диагноз, чтобы не ввергнуть его в уныние. Так же и родные, бывает, ложно понимая заботу о благополучии и спокойствии последних дней любимого родственника, оставляют его в неведении относительно возможности скорой смерти или откладывают неприятное известие до самого последнего момента. Из лучших побуждений.

Думается, что такая «забота» — это всего лишь желание уйти от проблемы, жалость не по разуму. Как ни тяжела участь печального вестника, как ни тяжел для близких труд быть рядом со смертельно больным человеком, но на это необходимо решиться. Молчание в подобном случае — грех против ближнего. И грех не против его имущества, его здоровья. Но грех, имеющий отношение к его будущей жизни.

Врачу, может быть, иногда и естественно промолчать, предоставить более близким людям, знакомым с характером своего родственника, сообщить ему тяжелую новость. Близкие могут более дели-

катно сделать это, подобрав подходящее время и настроение. И для больного важно услышать печальное известие от любящих его, а не от чужого человека. Много значит для него видеть в эту минуту родное лицо, слышать добрые слова искреннего сострадания. Но если родные люди не решаются или медлят с таким разговором, врачу лучше самому тактично, мягко сообщить больному о предстоящем. Сделать это нужно не на ходу, во время обхода, а выбрав удобный момент, располагая временем. Так, чтобы разговор состоял не из простой констатации факта, но в нем проявилось настоящее христианское сердечное участие. Православный врач обязательно должен знать, что и как порекомендовать больному, если того вскорости ожидает смерть. Очень важно, чтобы человек правильно использовал оставшееся ему время. Не для продления привычных земных радостей, а для устроения своей будущей жизни. Это время, особенно благодатное для напряженной духовной жизни, дается не всем. Оно — особая милость Божия.

«У больного та особенность, что смерть, если ей суждено прийти, придет не внезапно. В этом отношении — выгода у заболевшей от болезни. Она может подумать о себе и приготовиться к исходу по-христиански» (из письма святителя Феофана Затворника).

Зачастую духовная наша жизнь проходит не в полную силу. Нам словно не хватает решимости быть вполне Христовыми. Всю жизнь мы надеемся исправиться... когда-нибудь. Но в смертельной опасности уже некогда ждать. Пора готовиться к ответу. И тут человек замечает, что он не готов. Ему не хватило всего месяца, недели, одного дня...

В Печерском монастыре жил черноризец Еразм. Когда-то он все свое имение истратил на украшение

Печерской церкви. Но когда впал в бедность, то начал унывать. Дух злобы внушил ему, что он неправильно поступил. Еразм поддался унынию и стал жить нерадиво. Но милостивый Господь за его прежнюю щедрость спас его. Он наслал на Еразма тяжелую болезнь. На восьмой день болезни пришли к нему братия монастыря и, видя его тяжелое дыхание, говорили: «Горе, горе душе сего брата, в лености прожившего. Она видит что-то и мятется, не выходя из тела».

Внезапно Еразм очнулся. Действительно, на грани жизни и смерти было ему видение. Сама Царица Небесная явилась ему и обещала взять к Себе через три дня, если он покается.

Придя в себя, Еразм начал исповедовать грехи свои перед братией без стыда, потом пошел в церковь и был пострижен в схиму и в третий день преставился.

Вот на что пошли три дня, дарованные нерадивому иноку.

Время перед смертью дается не для тревожного ожидания часа кончины. Это время работы. Для больного это время «собирания себя» в новую жизнь, восполнение того, что было упущено в суете или по легкомыслию в прожитые годы.

Для близких — иная работа. Бесы вселяют в душу страх смерти, этот страх знаком даже праведникам. Страхом духи злобы пытаются лишить человека надежды на милосердие Божие. Близкие люди должны помочь умирающему справиться с этим страхом. Беседы на духовные темы, примеры из жизни святых, приведение высказываний Отцов Церкви помогут больному преодолеть бесовское наваждение.

Надо заметить, что часто именно в последние перед смертью дни человек становится необыкновенно

свободным, обретает духовное зрение, показывается нам с совершенно неожиданной стороны.

Одни мои знакомые все не решались призвать в дом священника, чтобы исповедовать и причастить свою родственницу, давно уже и тяжело болевшую. Та, хоть и была крещена в детстве, но в церковь давно не ходила и не любила, когда при ней говорили о религии. Теперь дело шло к смерти.

Наконец родные отважились и пригласили в дом батюшку, надеясь, что он как-то повлияет на старушку. И все же в доме боялись какой-нибудь выходки с ее стороны. Но больная, как только увидела батюшку, со слезами счастья воскликнула: «Как же долго я вас ждала!» Она поисповедовалась, причастилась и через день спокойно отошла.

Как бы ни были мы уверены в настроении больного, но говорить ему о Исповеди и Причастии нужно. В последние свои дни, даже часы, человек меняется. И то, что было невозможным вчера, становится возможным сегодня.

Особенно неполезно пробуждать в человеке надежду на выздоровление, если ее нет. Приведу здесь выдержки из воспоминаний монахини Амвросии (Оберучевой) о предсмертных днях ее горячо любимой матери, которую она даже в последние свои годы называла не иначе как «мамочка».

«...По пульсу и дыханию я почувствовала, что это уже смертельная болезнь. (Оберучева была врачом). Я сказала об этом мамочке. „Хорошо, деточка, что ты мне сказала, теперь мне надо пособороваться и причаститься“. С необыкновенным умилением она молилась за елеосвящением и приняла святое Причастие...

Всех она благословила. К ней приходили и родственники, и знакомые, приходило много детей.

Всегда такая молчаливая, теперь обязательно скажет каждому что-нибудь на пользу...

И мне почувствовалось, что в это предсмертное время еще более прояснились ее духовные очи, даже физически обострился слух. Люди не всегда решаются сразу войти, но она уже чувствует и начинает говорить именно то, что надо этому человеку...

Лицо у мамочки было оживленное, как и всегда, и поэтому приходящие говорили: «Разве можно при таком виде думать о смерти, она поправится». Боялась я, чтобы ее не смутили, не помешали такому хорошему, уже отрешенному от всего земного настроению: хотелось, чтобы ничто не возвращало ее к земному. Даже веер, предложенный для того, чтобы веять на больную, я не взяла — овеивала ее священными листками...»

За этими строками мы угадываем, чувствуем ту духовную атмосферу, в которой живут и сама умирающая, и ее близкие. Возвышенный характер их речей и действий открывает нам возвышенное состояние их духа. Готовясь к великому событию, все эти несколько дней они пребывают как бы в беспрестанной молитве, изливающейся не только в словах, но в каком-то удивительно благостном приятии Божией воли и преклонении перед ней.

И подумайте, если бы любящая дочь скрыла от матери правду, желая сохранить ее покой, опираясь на свой авторитет опытного врача, подала ей надежду на выздоровление... Ни мать, ни близкие ее не пережили бы этих светлых дней. Рассказ о них в воспоминаниях дочери написан в светлом, можно сказать, радостном настроении. Такое настроение бывает от чистой совести перед ушедшим.

Оберучева вспоминает и другую смерть, где хорошее, правильное расположение духа смертельно

больной женщины, когда «вся душа ее была занята переходом в другую жизнь», нарушили и разрушили упорными разговорами о возможном исцелении. «Больно было смотреть на страдалицу матушку, которая после всех этих разговоров и убеждений как будто получила какую-то надежду на исцеление и потеряла то необыкновенно благодатное спокойствие духа, которое было у нее, когда никто из окружающих не знал о ее болезни».

Медики знают, как надежда на выздоровление может «оживить» больного. Надежда усиливает действия лекарств. Человек надеется на жизнь до самой смерти. Но... Но все же неправильно, когда эта надежда на чудесное выздоровление полностью притягивает к себе все душевные силы смертельно больного человека и мешает ему готовиться принять волю Божию в любом ее проявлении.

Кроме врачей, пожалуй, еще только священнику выпадает так часто видеть человека в последний перед смертью срок. Конечно, эти дни и часы проходят у разных людей по-разному. Для церковного человека, подготовившего себя к будущему переходу церковными Таинствами исповеди, соборования, святого причастия, конечно же, характерно более спокойное состояние. В таких людях нередко можно наблюдать как бы некое просветление, какую-то удивительную мудрость. У Л.Н. Толстого Наташа Ростова понимает, что Болконский скоро умрет, именно потому, что замечает такую перемену в состоянии его духа. «Он слишком хорош», — говорит она.

У женщины умирал муж. Умирал несколько месяцев от неожиданно, как всегда, образовавшейся раковой опухоли. Все это время, а в особенности последние недели, она говорила о муже с каким-то не-

обычайным благоговением, словно это был совсем не тот суровый и часто несправедливый человек, которого она иногда побаивалась и на которого порой досадовала. Теперь каждый день общения с ним казался ей драгоценным. Ласковая мягкость, нежданно проявившаяся в последние дни в муже, напомнила ей первые дни замужества.

Прежде было принято, что умирающего человека навещали все родственники и близкие люди. К последнему совету или просьбе его относились с почтением, последние слова, услышанные от него, запоминались. Предсмертное состояние считалось особенно духовным. Приводили даже малых детей и просили сказать им что-нибудь. Теперь это редко бывает. А зря. Напрасно мы лишаем себя возможности услышать слова человека, уже как бы частично принадлежащего другому миру, возможности иметь хотя бы зрительный опыт, который, может статься, понадобится и нам в свой час.

Хорошо бы не печалиться,
Что так быстро жизнь идет
И о том, что смерть-начальница
На порог грядет вот-вот...
Язвы Господа гвоздинныя
Вспомни — ради жертвы той
Нету власти ни единыя
У нее на нас с тобой.
Наши души, свергнув брение,
Улетая в небеса,
Отдадут ей на хранение,
Как одежду, телеса.
Хорошо бы не печалиться...
Да никак не получается.

Виктор Афанасьев

Режим

Здоровье лучше сохранять, чем поправлять испорченное. В этом смысле режим полезен и для физического, и для духовного здоровья.

До грехопадения плоть человека не знала усталости и восстанавливающий силы сон ей был не нужен. Но после того, как в мир вошел грех, плоть изменилась, и теперь нам требуется ежедневный отдых.

В мире нет ничего случайного, ни одной мелочи, все участвует в благом Промысле Божием о человеке. Премудрый Творец разделил день на две части: светлую и темную. При свете человек трудится, с наступлением темноты, когда невозможными становятся привычные занятия, он отдыхает.

Примитивные светильники прошлого: костер, факелы, фитилек в плошке с маслом — немного отвоевывали у тьмы. Это сейчас, прикоснувшись к выключателю, мы можем прогнать мрак, можем целые сутки, да что сутки, целые годы жить при свете. Но многие века, тысячелетия люди жили в богоданном и благодатном режиме: днем — работа, занятия, труд; ночью — сон. Мы знаем, что режим — это одна из лучших профилактик здоровья. Но своевременный сон помогает не только телу быть здоровым и крепким, он помогает и душе.

Необходимость сна — это недолгое, но ежедневное напоминание о нашей немощи. Во сне человек становится беспомощным, и неизбежность такого состояния смиряет даже богатыря. Сон похож на ежедневную, естественную болезнь.

Точно так же, как болезнь может прервать грех и не дает ему полностью овладеть человеком, так и сон на время освобождает нас от власти греха и не

дает ему беспрерывно усиливаться в нас. И как пьяница после сна встает, несколько протрезвившись, так и душа наша несколько «отрезвляется» после сна.

Самое благоприятное время для сна — это ночь. К ночи все мы ослабеваем. Медики говорят: ночь — царство вагуса. Так называют блуждающий, или чревный, нерв, отвечающий за расслабление органов брюшной полости, влияющий на уменьшение тонуса различных мышц. К ночи расслабляются даже мышцы глаз и кровеносных сосудов; падает острота зрения, ослабевает внимание, умственная деятельность, слабеет воля.

Наша слабость делает нас в это время более доступными бесовскому воздействию. Мозг, как наш верный часовой, призван заграждать путь греховным помыслам, не впускать их в сознание, но к ночи он становится сонлив и вял, даже если мы выспались днем. От такого сторожа толку мало.

Ночью человека легче соблазнить на дурной поступок. Часто совесть и нравственность именно ночью склоняются к греховным компромиссам. Заметьте, что в ночное время свободнее становятся разговоры, более вольным обращение между людьми. Подавляется стыдливость. Особенно это заметно в подростковых и молодежных компаниях. Сколько несчастий, изломанных судеб, неосторожных поступков, приведших к неисправимой беде, совершилось именно «под покровом ночной темноты».

Мы нередко слышим выражения: ночная жизнь города, ночные развлечения, ночной ресторан, ночной клуб, ночная дискотека. И наверное, многим ясна особенность этих понятий, некая доля порочности, заложенная в них. Да, принятые обществом

грехи тоже чаще всего ищут ночного времени, пусть и в залитых ярким светом залах.

Правильный режим сна способствует и сохранению нравственности, и трезвости мыслей. Вот выдержка из письма преподобного Амвросия Оптинского:

«Спрашиваешь, как приучить питомицу твою к серьезным занятиям... Предложи сперва, чтобы из дня сделали день и из ночи — ночь; а когда в этом будешь иметь успех, тогда можно будет думать и о другом».

Порой, по необходимости, мы используем ночные часы для занятий, на которые не хватает времени днем. Чтение, подготовка к экзаменам, завершение работы. Мы как бы занимаем время у сна, надеясь отдать его позже. Но такие «займы» очень вредны для здоровья. Не случайно ночные работы всегда оплачиваются дороже, а ночные смены подразумевают более длительный восстановительный период, чем дневные. Поэтому ночная деятельность всегда должна быть обоснована. Оправдана действительной нуждой, а не просто неумением распорядиться своим временем. Как неумение обращаться с деньгами приводит к постоянной нехватке их, так и небрежное обращение со временем часто приводит к невосполнимой утрате здоровья.

Кроме того, проснувшись не отдохнувшим, легко соблазниться на небольшую «добавку» ко сну — лежание и потягивание в постели. А это тоже не к пользе. «Чем более держишь себя в постели поутру или днем, тем более хладеет сердце к Богу и к молитве, к духовной жизни», — писал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Святые отцы советовали, пробудившись от сна, сразу же покидать ложе.

Есть тип людей, для которых труд, работа становятся словно страстью. Трудоголики. Они готовы работать без выходных, просиживать за работой ночи. Часто принятая нагрузка не дает им возможности вовремя поесть, и они просто перекусывают почти на ходу или едят только перед сном. Нередко страстью становится карьера, стремление все больших и больших материальных благ. И эти страсти удовлетворяются, как правило, за счет здоровья. Как много людей, достигших желанных благ, не могут воспользоваться ими, потому что здоровье их подорвано неумеренными тратами. Таким трудягам нечего будет ответить, когда их спросят, на что и как потратили они данный Богом дар.

«Здоровье — что лошадка. Загонишь — ехать не на чем» (святитель Феофан Затворник). А ехать надо. В Царство Небесное только у святости дорога короткая, а нам — ехать и ехать.

«Работа, правильно религиозно поставленная, не может привести к переутомлению, неврастении или сердечной болезни. Если это есть, то это знак, что человек работает „во имя свое“ — надеясь на свои силы, свой шарм, красноречие, доброту, а не на благодать Божию» (священник Александр Ельчанинов).

Для некоторых болезней смена привычного, но неподходящего режима — лучшее лекарство. Так, например, головная боль, повышенное давление и бессонница, часто связаны с многозаботливостью. Не может человек оставить на волю Божию ни одного дела, ни одного решения, отсюда и головная боль и бессонница.

«Страдает бессонницей, это от многих забот, я это на себе испытал, очень изнурительно, надобно выкидать из головы многомятежные смущающие помыслы, возвергая попечения о вещах на власть

Божию и на помощь Его, ибо без Него мы не можем ничего творити» (из письма преподобного Макария Оптинского).

«Боль головы... Самая чувствительная. Отчего она у вас?.. Не от раздражения ли нервов неприятностями? Последнего ничем нельзя уврачевать, кроме совершенной преданности в волю Божию» (святитель Феофан Затворник).

Однако отрешиться от забот и неприятностей не так-то просто. Здесь можно посоветовать за два часа до сна прекратить деловые разговоры, сократить общение, в том числе и по телефону. Посвятить это время чтению, прогулке, несложным домашним делам, спокойной семейной беседе. Хорошо бы ввести в употребление домашнее чтение вслух, читать по вечерам духовную литературу или нравственную беллетристику. И, конечно, не забывать о молитве. При бессоннице можно читать молитву к семи Эфесским отрокам. Или по четкам Иисусову молитву, не заботясь о числе десятков.

Есть хорошее народное средство. Небольшую подушку набить сухой травой. Травы пусть будут разные, июльские. На такой подушке легче засыпается, или ее можно положить рядом, для запаха. Кстати, пуховые или перьевые подушки хороши только в очень холодном помещении, так как слишком «горячи» для нашей головы. Ведь у пуха и перьев задача сохранить тепло птицы, а у птиц температура тела намного выше, чем у человека: у курицы, — например сорок градусов. Так что подушка из перьев через десять минут превращается в грелку, что, согласитесь, не совсем полезно для головы.

При расстройстве сна можно рядом с подушкой положить тряпичный мешочек с сухими корневищами валерианы. Помогает уснуть и набитый сеном

матрас. Меньше всего мусора от болотной осоки, она же имеет приятный запах. Перед сном непременно проветривайте комнату.

И все же самое главное — хорошо «проветрить» голову, оставить хоть на несколько часов заботу о делах на волю Божью. «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает» (Пс. 54, 23).

Народная мудрость гласит: «Утро вечера мудренее». И это действительно так. Спокойный, с надеждой на Господа сон обязательно поможет вашей мысли поутру найти верное направление.

Сон все и сон, а как же ночная молитва? Ведь есть люди, которые привыкли молиться ночью, когда успокоится от забот сердце и разум, когда тихо вокруг, когда никто тебя не видит. Вспоминается замечательное стихотворение Л.В. Сидорова, положенное на музыку и ставшее песней.

Подожди еще спать,
Будешь днем отдыхать,
А теперь пришла ночь,
Все суетное прочь.
Ночь молитве дана,
Ей должна быть полна,
Ты проснись, подымись,
Встань и Богу молись...

Мы знаем о ночных молитвенных бдениях святых и христианских подвижников. В крестьянском быту прошлого было принято, что взрослые, особенно старшее поколение, молились уже после того, как молодые и дети лягут спать.

Ночная молитва тоже «вписывается» в режим. Когда пожилой человек, не имеющий особых семейных обязанностей, которые потребуют от него физической бодрости рано утром, станет молиться

ночью, это замечательно. Такая молитва даже прибавит ему сил. Но если после ночных молитв кто-то встанет разбитым, сонным, станет от усталости брюзжать, будет нелюбезным с близкими, то такая молитва только в грех. Есть пословица: «Без толку молиться — без числа согрешишь». На себя следует брать столько, сколько можешь нести. А лишнее — от лукавого.

Хотя недолгая молитва ночью, конечно же, возможна и очень утешает душу. Кстати, она не разрушает сна, а делает его более легким. Есть такая благочестивая традиция: если неожиданно проснулся ночью, немного помолись.

К сожалению, существует в этом смысле и обратное явление. Человек трудится до самого позднего времени и ложится спать, не прочтя молитвенного правила или сократив его. «Я, мол, не бездельничал, работал, мне и так Господь простит. Не отнимать же от сна еще время». На самом деле случаи, когда нам некогда помолиться перед сном, бывают очень редко. Кроме совета правильно устраивать свой день, отдавая, по заповеди, часть времени «Господу Богу твоему», напомню слова святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он говорил, что если мы, устав или не имея достаточного времени для сна, все же потрудимся и прочтем молитвенное правило, то Господь восполнит недостающее. Сделает наш сон более полноценным, и проснемся мы отдохнувшими. А в противном случае, хоть и поспим подольше, но такого отдыха не получим.

Самозванная болячка

Часть наших болезней приходится на травмы. И немалая — на самовольные травмы.

Мгновенно изменяющие жизнь так называемые дорожные происшествия... Как часто пострадавшие бывают сами виноваты в своей беде! Уж коли мы живем в нашем автомире, то к перечню грехов против своей жизни и здоровья, а также против жизни и здоровья ближнего следует добавить и грехи несоблюдения правил дорожного движения, правил технического содержания личного автомобиля, и беззаботность в отношении обучения детей поведению на дорогах.

Сам Спаситель не считал для Себя возможным несоблюдение законов общества, даже тогда, когда по отношению к Нему они были нелепы.

Сегодня заметно увеличился травматизм от развлечений. Не говоря уж об экстремальных видах спорта, привычными стали ушибы, сотрясения мозга, переломы и трещины костей у детей от простого катания на роликах, скейтбордах, прыжках на горных велосипедах.

Дети всегда падали. Главная их забота — познание мира — загоняла их на заборы, деревья, чердачные лестницы и шкафы. Не всегда такие уроки оканчивались благополучно. В уличных драках мерили свою силу и тоже порой с потерями. Но большинство детей все же оглядывалось на мнение и опыт взрослых и не так самозабвенно предавалось забавам, как современные школьники. В любой спортивной секции сначала преподают технику безопасности и уже потом учат спортивным приемам. Сегодня родители, покупая те же ролики и скейтборды, зачастую и не думают об опасности. Им кажется, что навыки катания входят в комплект игрушки и передадутся ребенку сами собой.

Вспоминаю трагический случай, когда мальчик, которому не объяснили, что при езде на роликах

корпус должен быть всегда немного наклонен вперед и что нельзя ставить ногу на пятку, не справился и на глазах у матери упал плашмя на спину, ударившись головой об асфальт. Это случилось на второй день после покупки роликов. Мальчик да и мама тоже, полагали, что раз вокруг катаются сотни и тысячи детей, то это совсем просто и не требует комментариев.

Дорогие родители, при всех возможностях современной медицины, каждая травма, полученная вашим ребенком, остается с ним до конца жизни. И когда-нибудь может проявиться и ухудшить, как теперь любят говорить, качество этой жизни.

Физические нагрузки, занятия спортом должны помогать ребенку расти сильным и здоровым. Спорт воспитывает волю и характер, качества, очень нужные молодому человеку. Однако следует помнить, что спорт — это культура. И познавать ее нужно планомерно, под чьим-то руководством, а не стихийно, перенимая на глазок.

Сейчас стали популярны опасные, или, как их еще называют, экстремальные виды спорта. Часто они привлекают людей малоопытных или просто не имеющих физических данных для занятий таким спортом. К их услугам множество фирм, предоставляющих краткие программы обучения, но без ответственности за возможные травмы. Травмы «по собственному желанию». И это желание настолько преобладает над разумом, что никакие доводы не в силах победить его. Приходилось слышать, как человек, решаясь на опасное удовольствие, уверенно говорил: «Я всегда с крестом и молитвой, что со мной может случиться?» Что это, свидетельство веры? Да нет.

Одно из искушений диавола, о котором мы читаем в Евангелии, очень похоже на такие спортив-

ные эксперименты. Искушая Спасителя, диавол поставил Его на кровле храма и предложил доказать Свое Божественное происхождение: «Если Ты Сын Божий, то бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедует о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». На это Спаситель ответил словами Писания: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего». Откровенный риск, с возложением ответственности на Бога, и есть искушение Господа.

Взвешивая возможность травмы, увечья и даже смерти, необходимо помнить и о близких, которых обязательно коснется ваша беда. Случись с вами несчастье — оно разрушит жизненные планы целой семьи, изменит ее судьбу.

Вспоминается такой случай. Молодая девушка увлекалась быстрой ездой на мотоцикле. Но байкерские забавы кончились неудачным падением и ампутацией обеих ног. Мало сказать о горе родителей, вырастивших и выучивших несчастную дочь, младшая сестра ее, красивая и привлекательная девушка, всегда пользовавшаяся успехом у юношей, не смогла создать свою семью. Теперь она была — сестра калеки. Не всякий молодой человек найдет в себе силы взять на себя такую, в общем-то, обузу.

Еще пример. Один человек в юности и молодости серьезно занимался альпинизмом. В очередной отпуск он решил осуществить свою мечту: одному пройти опасный маршрут. В этот раз ждать его дома остались жена и полуторамесячная дочка. А ночью в горах разразилась гроза. Палатку, в которой он спал, смыло потоком воды. Очнулся альпинист висящим над пропастью, к счастью, палатка или спальник зацепились за какое-то дерево. И пока он висел в положении Шурика из известного фильма, он понял,

какой грех против самых близких людей — жены и дочки — он совершил, решившись на это опасное восхождение, понял, что не имел права рисковать собой. Он каялся и горячо молился о том, чтобы Господь сохранил его ради близких. Больше он уже не ходил в горы, навсегда расставшись с одним из самых любимых занятий.

Откуда же берется это всемирное увлечение опасными играми? С одной стороны, обязательные физические нагрузки и зависимость от внешней среды становятся все меньше, и человеку хочется восполнить чувство преодоления, с которым он жил тысячи лет. С другой стороны, как ни странно, пережитая опасность дает нам чувство свободы. А чувство свободы врождено человеку и требует реализации. И если прежде свою несвободу он переживал как постоянную зависимость от природных стихий, то сегодняшняя несвобода рождается от благ цивилизации.

Но главная причина — скука. Скука, происходящая от уныния. А уныние — обычное состояние не живущего активной духовной жизнью человека. Часто мы и сами не замечаем этого своего уныния. Просто хочется все время чего-то новенького, захватывающего, что оторвет от привычной, но скучноватой жизни. Куда-то поехать, что-то купить... прыгнуть с парашютом.

* * *

Духовный человек, даже живя в одном месте, имеет перед собой всю вселенную. Вот примеры тому.

Однажды царю Иоанну Васильевичу доложили, что известный московский юродивый Василий, названный позже Блаженным, носит из реки воду

и льет ее на землю. Иоанн Васильевич поспешил к месту и спросил Василия, зачем он это делает. «Заливаю пожар в Новгороде», — ответил юродивый. Действительно, в это время начался пожар в Великом Новгороде. Телефонов тогда не было, но святой узнал о пожаре. Скажу еще, что по молитвам святого Василия Господь помиловал город.

Святой Стефан, епископ Пермский, питавший великую любовь к преподобному Сергию Радонежскому, проезжал из своей епархии в Москву. Дорога пролегала верстах в восьми от монастыря преподобного Сергия, но Пермский владыка очень спешил в город и не заехал в обитель Святой Троицы. Однако он велел остановиться напротив монастыря, прочитал «Достойно есть» и, сотворивши обычную молитву, поклонился преподобному Сергию со словами: «Мир тебе, духовный брат».

В это же время преподобный Сергий вкушал с братией за трапезой. Он тотчас поднялся. Немного постояв, он сотворил молитву, тоже поклонился и сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и благословение Господне да будет с тобою».

Иноки были удивлены поступком игумена и после трапезы стали расспрашивать его о происшедшем.

«В тот час против нашего монастыря остановился епископ Стефан на пути в Москву, поклонился Святой Троице и благословил нас, грешных», — сказал Преподобный.

Некоторые из учеников Сергия Радонежского тотчас поспешили к указанному месту, нагнали святого епископа и убедились, что все произошло, как и сказал Преподобный.

* * *

За нерадением о своем спасении обязательно приходит уныние, а потом и отчаяние. Разве это не отчаяние, когда человек бросается в пропасть со скалы, играя со смертью. Собственно, это каждый раз игра в самоубийство.

Церковная жизнь вовсе не исключает мотогонки, парашютный или какой-либо другой спорт. Мало того, можно согласиться, что иногда сильные, или, скорее, захватывающие виды спорта, бывают полезны человеку. Полезны, если они являются альтернативой греховной жизни. Особенно в подростковой и молодежной среде, когда подросток уже попробовал вино, наркотики или хулиганскую вольницу. Так, при заболевании раком применяют химическую или лучевую терапии. И та и другая разрушают организм, но на некоторое время замедляют рост опухоли. Выигрыш — несколько лет жизни. Антибиотики заметно снижают иммунитет, но есть болезни, когда кроме антибиотиков ничто не поможет. Так полезно малое зло, отвлекающее от большего. Как лекарство.

И все же: «Береги здоровье — храни себя от разврата, от небрежности и опрометчивости; не храни здоровья — не щади самой жизни, когда этого требует от тебя Бог, Отечество и твое вечное спасение» (Цветник духовный). Самопроизвольную потерю здоровья может оправдать лишь благородная цель. Было время, когда в нашем Отечестве не отпевали и не хоронили в церковной ограде «убившихся на качелях». Наравне с разбойниками или самоубийцами. Наша жизнь и здоровье — это дар Божий, и обращаться с ним небрежно, рисковать ради забавы, значит — наносить оскорбление Дарителю.

Божий светильник

«Как бы ни был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не может войти в Царство Небесное, которая должна сгореть; и вот грехи наши горят и сгорают нашими страданиями» (священник Александр Ельчанинов). Страдания неизбежны в судьбе каждого человека. Будь то житейские горести или болезни. Однако именно добродетель терпения болезни святитель Иоанн Златоуст называет «царицей благ по преимуществу и вершиной венцов».

Наша вера сегодня не имеет более тяжелого испытания, чем терпение болезни без ропота и в благодушии. А это, действительно, испытание из испытаний. «Ни потеря имущества, даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имел, ни лишение чести, ни изгнание из Отечества и отведение в чужую страну, ни мучение трудом и работою, ни жизнь в темнице, ни пребывание в узах, ни порицания, бранные речи и насмешки... ни потеря детей, даже если бы они были похищены все разом, ни непрерывно наступающие враги, никакое другое подобного рода действие, даже и самая вершина того, что считается печальным, — смерть, до такой степени страшная и ужасная, не так тяжела, как телесный недуг», — писал святитель Иоанн Златоуст. Потому-то, по словам преподобного Серафима Саровского, «кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому она вменяется вместо подвига и даже более».

«Вы — свет мира», — сказал Спаситель, обращаясь к ученикам (Мф. 5, 14). «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Таким светом перед людьми и добрым делом может

стать безропотное принятие воли Божией в болезни. Как пример, расскажу историю одной жизни. Лет тридцать назад в некой больнице умирал священник. Умирал тяжело, болезненно. Он знал, что умирает и, конечно, ему было жаль оставлять без всякой помощи молодую жену с тремя маленькими детьми. Однако он был спокоен и старался сам утешить свою матушку. В этой больнице работала одна женщина-врач. Тогда она была неверующей, вернее, просто не задумывалась о вере. Она часто нарочно заглядывала в палату, где лежал священник. Ей все хотелось понять, почему же он так спокоен, почему при сильных болях терпелив. Отчего прощается с женой, словно просто собирается ненадолго куда-то отъехать. Он был в полном сознании, и в нем не замечалось никакой апатии. Он не равнодушно, а спокойно, со смирением принимал выпавшее ему.

Это удивительное согласие с волей Божией оказалось лучшей проповедью христианства для врача. Она стала ходить в храм. С большой горячностью перестроила всю свою жизнь. Уже много лет она поет в церковном хоре, а сын ее недавно принял священный сан.

Святитель Иоанн Златоуст сравнивает подвиг терпения болезни с подвигом первых христиан-мучеников. Этот подвиг способен преобразить человека, сделать его проводником Божьего света. Мы можем вспомнить жизнь святых блаженных калек. Таких, как блаженная Матрона Московская или блаженная Матрона Анемнясевская.

* * *

Матрона Григорьевна Белякова из села Анемнясево Касимовского уезда Рязанской губернии до семи лет была обыкновенным здоровым ребенком.

В семь лет она заболела оспой и ослепла. Семья Беляковых была многодетной, и слепой девочке пришлось стать нянькой.

— Особенно тяжело было мне нянчить сестренку, которой было уже полтора года, — рассказывала Матрона, — я все роняла ее, а мать за это меня очень била, а я все роняла...

Однажды мать так сильно избила Матрону, что та уже не смогла ни ходить, ни сидеть.

«С этого времени началась для Матреши более тяжелая жизнь. Слепая изувеченная девочка навсегда лишилась возможности ходить и что-либо делать. Она стала совершенно беспомощной, могла только лежать, и уже не вставала с кровати во всю свою дальнейшую жизнь. Это была жизнь мученицы, пригвожденной к одру...

— Лежать было трудно, — вспоминает Матреша, — с самого начала мне не верили, что я больна, что не могу ходить; попрекали меня, а у меня все тело болело, особенно болела левая рука, и болела она лет до сорока...

Нужно сказать, что руки у Матреши оказались действительно изуродованными: левая рука была вывихнута в плече и впоследствии срослась неправильно, правая рука тоже была искалечена и, в конце концов, высохла....

Так лежала Матреша в родительском доме до семнадцати лет, терпеливо перенося всякие скорби и обиды и только в молитве находя себе утешение и отраду.

— С семнадцати лет, — говорит Матреша, — ко мне стал ходить народ.

Односельчане знали о страдальческой жизни девушки и относились к ней с чувством благоговейного уважения.

Первым за помощью пришел к Матреше крестьянин ее же деревни, по специальности пильщик.

— Матреша, — сказал он, — вот уж несколько лет, как ты лежишь, ты, небось, Богу-то угодна. Потрогай мне спину-то, может быть, и пройдет от тебя. Чего мне делать-то, лечился — доктора не помогают.

Матреша исполнила его просьбу — боли в спине действительно прекратились, и он встал на работу.

Крестьянин этот рассказал о случившемся одному из своих соседей, и тот говорит:

— Пойду и я к ней: нас замучили дети, скоро двенадцатый родится; попрошу ее помолиться, чтобы Господь прекратил у нас детей.

Пришел он к Матреше и попросил помолиться. Матреша помолилась, и детей у них больше не было.

С тех пор все больше и больше стали к ней люди ходить со своими нуждами, скорбями и болезнями («Житие святой блаженной Матроны Анемнясевской»).

Расскажу еще об одной судьбе, о светильничке, загоревшемся в больном убогом теле. На церковном кладбище храма Рождества Христова в селе Заозерье Павлово-Посадского района похоронена монахиня Евфросиния (Хрулькова). Родом она из деревни Песьяне Киржачского района. Родилась в 1873 году в крестьянской семье и с детства была инвалидом. У Евфросиньи были плохо развиты коленные суставы, и ходила она на согнутых ногах, как говорят — на корточках, вприсядку. До девяти лет девочка не замечала своего уродства. Бегала и играла на деревенской улице наравне со всеми. Одна из всех сверстников могла догнать курицу. Но все чаще слышала она обидные слова, дразнили ее калечкой, и пришло время, когда девочка осознала свою беду.

В девять лет ушла она в деревню Илейкино, где при церкви была богадельня. Здесь она прожила несколько лет при доме священника, помогая по хозяйству. Лет в десять Евфросинья перестала расти, оставшиеся после нее ряски и кофточки похожи на одежду ребенка.

Около тринадцати лет Евфросинья попала в монастырь, где и пробыла до закрытия обители в 1918 году.

— Ты думаешь, мне, калеке, матушка-игуменья меньше работ давала? Нет, столько же. Я и садовницей, и огородницей, и на пасеке, и швеей. Бывало, работаешь и плачешь: не осилить мне, мне, убогой. Однако осиливала. Зато как хорошо там было! Покойно. Самые счастливые годы, — вспоминала матушка.

В 1918 году монахиня Евфросинья вернулась в свою деревню. Первые годы ей пришлось жить одной.

Повседневный домашний труд — затопить ли печку, принести ли воды, вымыть ли пол — здоровый человек и не замечает всей этой работы, все делается как бы само собой. А для калеки всякая мелочь вырастает в тяжелую задачу. За водой матушка ходила с чайником. Обычно она сидела на лавке у окна и ждала, когда кто-нибудь придет за водой к колодцу, что был напротив ее дома. Выйдет к колодцу, нальют ей водички, и несет ее кое-как в дом.

Матушка старалась сама себя обихаживать, сама зарабатывала на жизнь. Она стала брать работу. Стегала ватные одеяла. Сначала маленькие детские, а потом и взрослые. Завела козочек, гусей, уток. Соседи помогли посадить огород. Вязала она и носки на продажу. Устраивалась, как могла. Приходилось ей и дрова колоть и пилить одной.

Брала матушка на день маленьких детишек, сидела с ними нянькой, пока мать трудилась в колхозе. Сама она потом рассказывала: «Принесет вас мамка, хлебушка оставит на день, а с вами и я сыта бывала».

«Здесь я хватила столько горя! Слезы лились ручьями», вспоминала она про эти годы. Однако всякую работу делала Евфросинья с молитвой, не допускала ропота и уныния. Она старалась обрести себя в Промысле Божием, верила в его благость.

Прижилась матушка Евфросинья в деревне, пригляделись, привыкли люди к калечке-монашке. Маленькая, слабая телом, но крепкая духом, в своей черной ряске, в черном платочке, она одним своим обликом, своим присутствием напоминала о Боге, о Церкви, о духовной жизни.

«В тридцатые годы церкви, почитай, все позакрывали. Духовенство сослали да расказнили, книг духовных никаких не было. Иконы по домам и то боялись открыто держать. А тут живая монахиня, Божий человек. Стали сельчане обращаться к матушке за помощью. Кого тяжкая странная хворь одолела, у кого в семье разлад, кто с вопросом, кто за советом, а у кого-то корова молока не дает. Евфросинья чем могла помогала. А что она и могла, немощная? Помолиться только. Вот она и молилась», — вспоминают односельчане.

Поможет одному, а он соседу расскажет, родственнику. Потянулись люди в Песьяне к матушке. Для многих людей со встречи и беседы с матушкой Евфросиньей начиналась духовная церковная жизнь. Не только от болезни живота или семейных свар излечивала она своим ласковым участием и молитвой, а от болезни безверия, от теплохладности, равнодушия к Церкви. Большинство из тех, кто вспоминает

матушку, обязаны ей своим воцерковлением и духовным становлением.

Рассказывает вдова священника Ольга Х.:

— Конечно, тогда-то мы и не замечали, как она духовно растила нас, как напитывала духом церковности, как учила жить в Промысле Божием.

В нашей семье, когда мы познакомились с матушкой, не было священников. А теперь и я была женой священника, и моя сестра замужем за священником. И детки мои, оба сына священники. И у сестры три сына священники. Брат у нас священник, и другой — иеромонах. И все это благодаря матушке. Это она учила счастью церковности, вкладывала в нас это сознание. Учила, что самое главное — жить с Господом, по Его воле. Это действительно так. Может, по-земному это и тяжело иногда бывает, но нужно покоряться, смириться и жить по Его воле.

Этим духом, сознанием пропиталась вся наша семья. Это наследие матушки, и оно помогает все пережить, все преодолеть, все перенести. И за все благодарить Господа...

Имея духовный опыт надежды на Бога в самых тяжелых обстоятельствах, монахиня Евфросинья, как могла, старалась передать его людям. А опыт у нее был. Она стяжала его своей нелегкой жизнью физически обделенного человека, «калечки», ненужного семье ребенка, инокини, лишенной обители, лишнего у близких человека, беспомощной одинокой сироты. Только вера, вера во всеблагой Промысел Божий, в котором нет случайностей и несправедливого, несозидательного горя, вера в неотступную заботу и милость Господа помогли ей без ропота и уныния вынести те скорби, что выпали на ее долю. Этот духовный опыт терпения и надежды

на Бога чувствовали в ней все, кто приходил в ее дом. Этому опыту верили и принимали его.

Прошло более тридцати лет, как умерла монахиня Евфросинья, а люди все идут и идут к ее могилке.

* * *

Никто из нас не может сказать, что ему полезнее: болезнь или здоровье, исцеление или продолжение страданий. Одно мы должны знать наверняка: Господь всегда предлагает нам состояние, наиболее удобное для нашего спасения. И в заключение опять приведу слова Блеза Паскаля из его «Молитвенного размышления об обращении во благо болезней»:

«Не прошу у Тебя, Господи, ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти; но чтобы Ты располагал моим здоровьем и недугами, моею жизнию и смертию в Твою славу, на мое спасение и на пользу Церкви и святых Твоих, в доле которых уповаю принять некоторое участие по Твоей благодати. Ты один ведаешь мою потребу. Ты — Владыка всяческих, да будет воля Твоя. Приложи мне или отними у меня по Своему изволению, но согласи мою волю с Твоею. Пусть в совершенной и смиренной покорности и с блаженным упованием, я буду расположен принимать повеления Твоего вечнаго промысла и одинаково буду поклоняться всему, что от Тебя исходит».

К этой замечательно четкой, как математическая формула, мысли знаменитого ученого можно добавить пожелание и нам с вами жить во всем в согласии с волей Божией о час и принимать Его заботу, какой бы она ни была.

ЧАС ПОТЕХИ

«Делу время, потехе час» — эту поговорку любил царь Алексей Михайлович, монарх не легкомысленный и бездеятельный, а, по словам современников, изрядный труженик и молитвенник. Забавы и увеселения не лишние в жизни верующих людей, они, скорее, необходимы.

Однажды некто, пришедший к преподобному Антонию Великому, был смущен, застав известного подвижника за шутливой беседой с иноками. Угодник Божий понял смущение гостя и вразумил его. Он подал пришельцу лук и велел натянуть. Гость натянул. Преподобный велел натягивать еще и еще. «Но так лук переломится», — возразил посетитель. Авва Антоний сказал: «Пойми же, что точно так же может повредиться и человек, если он непрерывно будет в труде телесном и душевном».

Для православного человека нет безусловных мелочей, вещей и явлений второстепенных. Все, что составляет и наполняет нашу жизнь, достойно внимания и определения. Отдых и развлечения занимают у нас не такое уж малое место, как нам иногда кажется. Но длинен ли, короток ли наш час потехи — определиться по отношению к нему следует.

Впрочем, определения и критерии здесь все те же — Божьи заповеди. Грех или не грех. Ассортимент удовольствий велик. Мы можем послушать музыку, сходить в музей, на концерт, в театр, навестить

друга, попеть, посетить привлекательную местность, порыбачить, почитать.

Выбор за нами. Правда, в каждом случае возможны варианты: Моцарт и тяжелый рок, задушевная беседа и осудительные сплетни, «Прощание Славянки» и блатная «Мурка», тихая лесная прогулка и шумная дискотека, «Братья Карамазовы» и «Анжелика», дружеское застолье и привычная пьянка, поэзия Тютчева и «улет» от наркотика.

С тем, что наркотики, пьянство, злословие — грех, согласится каждый. А вот такие удовольствия, как беллетристика, театр, музыка, живопись, мы привыкли считать безопасными и даже облагораживающими и возвышенными. «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12), — писал апостол Павел. Для нашего общества как раз характерна завышенная оценка этих тихих, так сказать, культурных удовольствий и нежелание видеть свою зависимость от них. Свою несвободу.

Мне нередко приходится иметь общение с людьми, увязшими в этих возвышенных забавах. Случается, что человек, заявляющий себя православным, не один год в Церкви, тем не менее, не имеет для себя авторитета Священного Писания и Священного Предания, предпочитая авторитет и большую веру художественному вымыслу, произведению искусства. В таком случае разногласия между светским автором и святым чаще решаются в пользу «мира сего». Состояние очарованности талантом иногда длится годами. Для кого-то искусство тоже может быть наркотиком.

Такие определения, как культура, мировая культура, культурное наследие, талантливое произведение искусства, мировой шедевр, ставят многие вещи

как бы вне критики. Иногда стоит посоветовать кому-то отказаться от чтения той или иной книги, предостеречь от просмотра фильма или спектакля, как в ответ слышишь: «Но ведь это талантливое произведение». Талант притягивает, располагает к доверию. К единомыслию. В мире давно вошло в привычку верить литературному или художественному таланту, проверять свое мнение тем или иным светским автором. Те христиане, чьи эстетические вкусы и отношения с искусством формировались не на церковной основе, нередко не могут противостоять очарованию таланта, общественному мнению, духу времени. Они пытаются совместить в сердце поклонение Творцу вселенной с поклонением многим земным творцам искусства. Это невозможно и нарушает первую заповедь: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии, разве Мене».

Еще в начале XIX века гуманист историк Иодль говорил о том, что пора «культ заменить культурой». Мы видим, что со временем это и произошло в среде образованных людей. «В ваших жилищах, поражающих изысканной роскошью, нет других священных сокровищ, кроме произведений мудрецов и песен поэтов... наука и искусство так завладели вашими сердцами, что для вечной и святой жизни не остается у вас никакого места и ваши чувства не имеют с нею ничего общего», — писал в это же время известный немецкий богослов Шлейермахер.

Из всей культуры человечества именно искусство взяло на себя роль ведущего, роль пророка. Науки и философия увлекают лишь разум. Искусство претендует на любовь, на сердце человека. Отсюда такой устойчивый пророческий имидж всех современных деятелей искусства от писателя до актера. Забавно, что когда-то эти занятия были не столь

престижны. Пушкин весьма не любил и гневался, если его представляли как литератора. Актеры традиционно имели псевдоним. Не для благозвучия или рекламы, а чтобы не позорить фамилию.

Нельзя не заметить, что многие серьезные произведения искусства, особенно литературы, стремятся и могут оказать какое-то положительное воздействие на нашу нравственность. Но не стоит преувеличивать значения этих стремлений. Хорошая литература может отрезвить или смягчить сердце злодея или безнравственного человека, но не способна воскресить его и наставить на путь истины. Это, по выражению одного оптинского старца, «окольная дорога». В самых талантливых и правдивых произведениях нравственные истины черпаются единственно в естественном законе совести человека, не оставляя места Божией Благодати. Их герой — герой дохристианский или, скорее, внехристианский. Литература дает нам портрет и путь ветхого человека. Этим и определяется слабость нецерковного искусства. Оно как отражение души, «не приносящей плода о Христе, пребывающей в падшем естестве своем, приносящей бесплодный плод естественного добра и довольствующейся им». Такая душа «не привлекает Божественного попечения о себе» (святитель Игнатий Брянчанинов), а потому и такое искусство не много может дать спасающемуся. Впрочем, это «естественное добро», преподанное в художественном слове, может быть полезно «как некое предварительное оформление хаоса души» для неверующего человека, для погрязших в житейской суете. Для церковного человека — это всегда вчерашний день, духовное ниспадение.

Православные христиане отнюдь не должны отказываться от удовольствий чтения светских авторов,

слушания хорошей музыки, посещения картинных галерей. Должно иметь лишь трезвый взгляд на эти удовольствия, не приписывая им того, чего в них нет. Не обращая искусство в «малую религию». Как везде и во всем следует помнить слова Спасителя: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13, 37), «Итак бодрствуйте на всякое время» (Лк. 21, 36).

Это бодрствование должно выражаться, в частности, и в том, чтобы исключать из своего чтения, хранить свой слух и взор от произведений страстных, пошлых. Такие произведения увлекают сопереживанием греховным поступкам, делают нас соучастниками греха. Рождают в душе греховные помыслы. Могут вызвать греховные воспоминания. И не стоит поддаваться очарованию или авторитету таланта. Для церковного человека вряд ли могут быть «своими» чувственные новеллы Бунина, грубоанекдотические ситуации Чехова, кощунственная бесовщина М. Булгакова.

Впрочем, чем более в книжном шкафу появится книг святых отцов и церковных писателей, тем менее останется места для светских авторов. И, конечно, первыми покинут полки наиболее чуждые по духу. Ведь нелепо поставить рядом том Василия Великого и потешки Ильфа и Петрова.

Я вспоминаю дом, где под временный иконостас приспособили одну из книжных полок. Небольшие иконы расположили непосредственно перед рядом книг, прислонив к корешкам. Через некоторое время хозяева убрали из этого ряда Дюма, Марка Твена, еще какие-то приключения, заменив их нейтральной справочной и специальной литературой, даже названия книг прикрыли цветной бумагой. Затем стало казаться странным соседство стоящих на ближайших полках фантастики и детективов. Со време-

нем было отказано в месте даже Драйзеру, Шекспиру, Бальзаку. Почти вся беллетристика переехала в другой шкаф, где и разместилась за непрозрачными деревянными дверцами. Такое соседство иконы и книги помогло людям трезво взглянуть на свои привязанности.

Со временем многие лишние удовольствия уйдут из жизни как ненужные. Старец Варсонофий Оптинский писал: «Когда я был в миру, то любил оперу, хорошая серьезная музыка доставляла мне удовольствие... Впоследствии, когда я узнал другие духовные утешения, опера перестала интересовать меня».

Одна женщина, уже в летах, достаточно искушенная в чтении, получила от духовника том Иоанна Златоуста. Это событие просто перевернуло всю ее жизнь. Она читала этот том, делала выписки. Она спрашивала всех своих верующих знакомых, читали ли они Иоанна Златоуста, и огорчалась, если получала отрицательный ответ. Вся нерелигиозная литература стала казаться ей пресной и совершенно неинтересной. «Как, имея такое замечательное чтение, можно увлекаться какими-то вымыслами? Что в них?» — удивлялась она. Все, на чем ни останавливалось ее внимание, она мерила по Златоусту. Все события общественной и личной жизни находили для нее свои параллели в беседах и речах Константинопольского архиепископа. Само имя святителя Иоанн — звучало в ее устах необыкновенно торжественно. С этого чтения Зинаида Николаевна заново открыла для себя духовную литературу и более не искала крох истины, падающих со стола беллетристики. «Это мутный источник», сказал о литературе старец Варсонофий. Да и много ли мы найдем в нем? Имея сердечную любовь к Николаю Гоголю, о «Мертвых душах» оптинский старец выразился, что

«вся книга представляет собой душный и темный погреб пошлости и низменности интересов».

Для каждого верующего когда-то наступает пора покинуть сад чувственных, эмоциональных наслаждений, отрезвиться от усыпляющего аромата цветов искусства. А потому нужно самому искать новых духовных утешений.

Одно время мне довелось петь в церковном хоре вместе с Александром К. — известным оперным певцом. Он закончил консерваторию, пел солистом в столичном музыкальном театре им. Станиславского, а позже в Большом театре. Когда его расспрашивали о спектаклях, о каких-то особенностях роли, он спокойно и грамотно отвечал на вопросы. О своей интереснейшей и любимой работе Александр говорил очень буднично. Но стоило ему коснуться церковного пения — он весь загорался. Он говорил горячо, эмоционально. Он говорил о празднике! В своем театре он всегда устраивал так, чтобы на большие праздники петь в храме.

Хочется вспомнить еще одного певца. Тоже консерваторское образование, роскошный голос. Как-то я, желая доставить Григорию удовольствие, поставил в дороге пленку с записью известного тенора, а потом задал ему как специалисту несколько вопросов. «Ах, этого всего так много, прекрасных арий, песен. Можно и так и эдак исполнять, можно полностью утопать в этом мире. А я вот сегодня Апостола в храме читал! Это действительно здорово! У меня вся жизнь от воскресенья до воскресенья. От Апостола до Апостола».

Таких случаев на памяти много, и они говорят, что все наши эстетические запросы лучшим образом могут удовлетворить храм и природа. Природа как непревзойденное божественное творение и

храм — средоточие лучших творческих сил человека. Храм — это высочайшее произведение зодчества, живописи, музыки, литературы, прикладных искусств и даже, если хотите, театра. Ведь первую силу, лучшее от своего таланта русский человек всегда отдавал Богу.

«Когда в сердце закроется клапан для восприятия мирских наслаждений, тогда открывается иной клапан, для восприятия духовных», — писал старец Варсонофий Оптинский.

Время от времени мы должны отказываться от привычных наслаждений, закрывать этот клапан. Чтобы дать возможность сердцу воспринять утешения духовные.

Писатель Борис Шергин, живший на Русском Севере, писал об обычаях своих земляков. Уезжая на рыбный промысел, поморы брали с собой грамотного мальчонку-сказочника. Была такая штатная единица на судне. Обязанностью сказочника было рассказывать сказки и истории, чтобы долгими вечерами или во время стоянки не овладела рыбаками тоска-печаль по дому, чтобы не родились от долгой вынужденной тесноты ссоры. Заметьте, заработок такой мальчонка получал наравне с рыбаками, работа сказочника ценилась. Так вот, постом сказки сказывать почиталось за грех, читали в эту пору «Четьи Минеи» или «Жития святых», полный комплект которых имелся на всяком судне.

По всей России во время поста было в обычае читать и слушать только «божественное». Пели псалмы, песни религиозного содержания.

Отказываемся мы от развлечений, чтения светских книг, слушания музыки не только во время поста, но и во время подготовки к Святому Причастию.

Такое временное ограничение на душевные и эмоциональные развлечения помогает освободить разум и сердце для молитвы, покаяния, духовной работы. Оно поможет сохранить нашу самостоятельность и свободу от очарования миром вымысла, миром искусства. Вспомним еще раз слова Апостола: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12).

В одной русской сказке на царев вопрос: «Что на свете всего милее?» — умница Дунюшка ответила: «Сон». Конечно, и пища, и вода, и сон для нас равно необходимы, но именно о сне мы скажем, что он мил нам. Причем мил и сладок не только физический сон «во упокоение немощи нашея и ослабление трудов многотрудныя плоти», за который мы благодарим Господа в утренних молитвах, но еще милее и слаще для нас фантазии, дремы, игры и развлечения, к которым привычно тянемся мы, чтобы уснуть наяву, уйти от действительности.

Среди всех искусств самой большой возможностью отвлечения от действительности обладает театр. В различных своих формах: классический театр, кинематограф, эстрада, цирк, аттракцион. Театр как наглядное действо есть у всех народов, хотя бы в форме народного танца. Всю историю человечества он живет рядом с нами, но давность соседства не сделала наши отношения с театром простыми и естественными. Что касается Церкви, то «за 2000 лет христианства нет, кажется, ни одного святого учителя Церкви (ни на Западе, ни на Востоке), который бы учил о пользе театра, и все, которые затрагивали этот вопрос, неизменно высказывались против театральных развлечений, отвлечений», — писал архиепископ Иоанн (Шаховской). И все же «театр уж по-

лон, ложи блещут», в зале сидят не только атеисты и язычники, но и православные христиане, на сцене есть верующие актеры, почти во всех домах есть телевизор. Зрелище как магнит притягивает нас. В чем же дело?

«Дние лет наших, в нихже седмьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь...» (Пс. 89, 10), — говорит Пророк. Труд, скорби, несчастья, притеснения, болезни, несправедливость — вот чем богата жизнь даже самого счастливого человека. Зрелище помогает человеку хоть ненадолго покинуть несовершенный мир, утишить боль несправедливости, одиночества, боль жизни. Мир вымысла и игры дает возможность забыть свои печали и, быть может, увидеть жизнь лучшую, спокойную, радостную. Театр может показать и нравственные высоты, поднимая от унылой пошлости мира. Он способен показать такое горе, рядом с которым наши беды не стоят, кажется, и одной слезы. Он возвращает веселье. В этом и состоит притягательность театра для человека.

Казалось, что же в том плохого, если мы отдохнем некоторое время от забот, горестей в театре или у экрана? Отчего это святые отцы так не принимали театр и зрелища?

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28), — говорит Спаситель. «Придите...» Но какого труда стоит человеку этот путь! Путь длиною и ценою в жизнь. Путь в жизнь вечную. «Приди ко мне. Я успокою твою боль, я дам тебе радость, ничего не прося взамен. Покой душевный не будет тебе стоить труда», — говорит театр, обещая спасение без Бога, без креста.

Не случайно известный богослов назвал театр обезьяной Литургии.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!» (Мк. 12, 30), — говорит Господь.

Театрально-кинематографическое зрелище пытается овладеть всем сердцем, всею душою, всем разумом зрителя. Захватывающий спектакль, захватывающий фильм — вот высшая похвала зрелищу! Не картинную галерею, не мастерскую скульптора, не кабинет писателя, а театр принято называть храмом. Храмом искусства.

Так вот на какое место претендует театр! «Бодрствуйте», — говорит Спаситель! «Усни, я помогу тебе забыться», — говорит театр! Даже во сне встречаясь с собою, я вижу себя верующим, с памятью о Боге, о грехе, о покаянии. Многие имеют привычку прерывать ненадолго ночной сон для молитвы. Днем православного человека не оставляет мысль о Боге. Просьбы о помощи, благодарение Господу, мольба о прощении сопровождают все наши самые мелкие дела. Посмотрите на лицо театрального или кинозрителя. Действие поглотило всю его личность. И час, и два, и три не вспомнит он о молитве. Здесь уже «сон непробудный, ближайше со смертию сходный» (Гомер).

Вспомним опять слова божественного Апостола: «Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12).

Увлечение зрелищем истощает нашу психику. Свойство сочувствовать ближнему, заложенное в человеческой природе, заставляет зрителя откликаться на вымышленные горести и печали, смеяться и плакать вместе с автором.

Персидскому царю Сапору II, жившему в IV веке, донесли, что некоторые из его придворных тай-

ные христиане. Их арестовали. Царь приказал бить христиан плетьми. Святые мученики не издавали ни стона, ни крика. Царь не выдержал напряжения и потерял сознание (день памяти святых мучеников Акиндина, Пигасия, Аффония, Елпидифора, Анемподиста и иже с ними до семи тысяч пострадавших 2/15 ноября). Таково устроение человека — увиденное действует на нас и помимо нашей воли.

Каждый раз, сталкиваясь с театральным или кинодействием, мы переживаем и волнуемся за его героя. Эти чисто психические переживания, напряжение эмоций не могут пройти безболезненно для нервной системы. Защищаясь от множественных стрессов, наша нервная система вынуждена снизить реакцию на происходящее вокруг. Мы грубеем в чувствах, становимся равнодушными. А через некоторое время уже не способны исполнить в жизни апостольскую заповедь: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15). Ближний, ищущий нашей любви, наталкивается лишь на черствое сердце.

Искусство театра только ставит перед собой задачу облагородить человека, вернее, только обещает. На самом деле таких облагораживающих серьезных пьес и постановок крайне мало. Театр, а особенно кинематограф, скорее можно назвать энциклопедией греха, чем зерцалом добродетели. Наивно полагать и то, что созерцание какого-то порока обязательно возбудит нашу совесть к покаянию. У. Шекспир, сам драматург и актер, не обманывался в возможностях театра. Можно вспомнить, как Гамлет, желая уязвить совесть цареубийцы Клавдия, устраивает для короля театральную постановку, сюжет которой обличает преступление отчима. И что же? Клавдий в испуге и в ярости покидает зал и...

готовит новое убийство. А преступная жена, прелюбодейка и кровосмесительница Гертруда — спокойна.

Пусть раненый олень кричит,
А лани горя нет.
Тот караулит, этот спит
Уж так устроен свет.

Впрочем, не ради благородных чувств посещаем мы зрелища, а потому, что нам хочется. Потому, что не можем преодолеть сложившейся привычки поглощения впечатлений. Оттого, что не можем отказаться «смотреть на танцовщицу или переживать в театральном кресле какую-нибудь высокую эмоцию». Оттого, что нам нечем себя занять.

И «тянутся люди к зрелищам, конечно, только от скуки, от пустоты духовной, от тонкого духовного уныния, и никакими софизмами невозможно христианскому сознанию защититься от этой истины» (архиепископ Иоанн (Шаховской)).

Большинство постановок и особенно фильмов, исходя из задачи удержать внимание зрителя, потакают низким, а зачастую самым низменным страстям. Можно сказать, что всякий, имеющий привычку смотреть телевизор, виновен в блудной страсти, страсти гнева, зависти.

Именно поэтому в первые века христианства театралам не позволялось стоять в священном притворе храма, но лишь снаружи, как одержимым страстью. Там они и пребывали до покаяния и исправления.

Святой Иоанн Златоуст называет театралов «совершенными прелюбодеями». «И если хочешь ты узнать и самый способ прелюбодеяния, то скажу тебе слово не мое, но самого Того, кто будет судить нашу жизнь. „Всякий, — говорит Он, — кто смотрит

на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем"» (Мф. 5, 28), — обличает Златоуст их словами Спасителя.

Большинство даже самых, казалось, невинных фильмов, на самом деле полны секс-символов. За шестнадцать веков ничего нового театр не придумал, и мы можем воспользоваться словами святителя: «развратные речи, блудные песни, любострастный голос, подкрашенные брови, нарумяненные щеки, наряды, подобранные с особенным искусством, поступь, исполненная очарования, и множество приготовлено других приманок для обольщения и увлечения зрителей» (святитель Иоанн Златоуст). Все это служит фоном, почти декорацией любого кинодействия. У зрителя довольно быстро притупляется реакция на грех — стыд. Недозволенное зрелище перестает огорчать и тревожить. Грязь делается своею. И нечистый взгляд, греховное пожелание, спровоцированные обстановкой, почти не уязвляют совесть.

«Смотря на прелюбодеев, невольно учатся прелюбодейству, тем более, что всеобщий разврат дает им право на открытое уважение; и женщина, пришедшая на зрелище, может быть, целомудренной, выходит из него бесстыдной» (священномученик Киприан Карфагенский).

Делилась как-то со мной своими наблюдениями одна мама, которая в течение нескольких лет ежедневно проводила по два-три часа на лавочке около детской площадки. На этих лавочках дворового скверика обычно собирались женщины-пенсионерки. Присматривая за играющими детьми, моя знакомая могла слышать, а иногда и участвовать в разговорах милого общества. По ее рассказам, старушки были необыкновенно милы. Их обходительность и вежливость порой доходила до чопорности.

Это была настоящая школа манер. Не было привычных для возраста длительных жалоб на здоровье, и — что еще более удивительно — разговор был всегда далек от злословия. Видимо, нравственные и авторитетные приятельницы своим примером задали когда-то тон бесед, изгнав из них осуждение.

Своей безусловной нравственностью это общество основательно влияло на жизнь двора. Даже обитателям песочницы не пришло бы в голову вести себя как-либо предосудительно рядом с известными скамеечками. Волна детских шалостей замирала, не докатившись трех-четырех шагов до заветного места. Всякая непочтительность и грубость были удалены от него.

Но заканчивались восьмидесятые годы. Перестраивались средства массовой информации. Появились первые любовные сериалы. И спустя некоторое время изменились темы и сам дух бесед на скамейках. Старые дамы теперь искренне переживали сердечные страдания очередной героини фильма, выбирая из вереницы поклонников наиболее достойного. Было странно и, конечно, не радостно слышать от милых старушек: «Нет, за Антонио я никогда бы не вышла», «Пауль, может, и неплохой человек, но слишком полный», «Доктор очень расчетлив, я таких мужчин терпеть не могу», «Ну, а этот, в сапогах, уж больно лохмат, я бы не пошла». Они совершенно серьезно примеривали к себе женихов, позабыв, что никто не зовет их замуж. Старческое ухо не позволяло вести разговоры вполголоса, поэтому впечатления передавались так громко, что некоторые мамы перевели своих подопечных в другую песочницу. Впечатление может разрушить то, что создавалось годами.

Мне случалось общаться с людьми чистыми в жизни, но позволившими себе из любопытства или

дав себя уговорить посмотреть один-два непристойных фильма. Полученное впечатление не давало им покоя, тревожило своей нечистотой. Их постоянно тянуло поговорить об этом, обличить увиденные грехи, сам фильм, телевидение, показавшее его, режиссера, актеров. Но множественные разговоры, даже обличительные, не возвращают утраченной чистоты, а, напротив, сами могут быть отнесены к греху. Не случайно святые отцы не благословляли слишком пристально рассматривать и подробно разбирать блудные грехи, в отличие от остальных, размышлять о которых необходимо и полезно. Если грех осквернения нечистым впечатлением совершен, то это впечатление можно изгнать или хотя бы ослабить только исповедью.

Особенность сегодняшних зрелищ — жестокость. Жестокость и еще — кровавость. По изощренности и масштабности убийств современный кинематограф давно затмил римские цирки и гладиаторские бои. А между тем вполне нравственные люди сидят у экранов и смотрят на эти убийства, быть может, иногда морщатся, как от кислого лимона, но жуют и глотают остренькое блюдо. Потом, конечно, можно и осудить фильм, но пока что невозможно оторваться.

Один древний христианский автор писал: «И зрители столь нечестивых, столь бесчеловечных и ужасных позорищ нимало не помышляют о том, что их кровожадные взоры главная причина кровопролития и убийства» (священномученик Киприан Карфагенский). Такая связь между производителем и потребителем не ложна и сегодня.

Чтобы напитать «кровожадные взоры», создана целая индустрия киноубийств и злодеяний. Где-то производятся сотни, а, может, и тысячи литров кинокрови. Эти тысячи литров льются при свете про-

жекторов, среди шума и хаоса. Запечатлеваются на пленку и тиражируются, разливаясь потом уже целыми реками с миллионов экранов. Нередко в сопровождении смеха.

Кровь человека священна у всех народов. Священна и мистична. Она таинственным образом связана с душой. Редкое слово встречается в Священном Писании так часто, как слово «кровь». Кровью скрепляли договоры. Кровью очищали грех, смывали вину. Место, где пролилась человеческая кровь, требует особого очищения. Насильственно пролитая кровь «говорит». Часто убийца, поставленный перед пятнами крови жертвы или окровавленным оружием, окровавленной одеждой, не может вынести их молчаливого обличения и сознается в содеянном. Это влияние вида крови жертвы на совесть преступника еще полтора века назад использовалось следствием при дознании.

Вина воина считалась до первой крови. Пролитой в бою кровью смывался позор бесчестья. Во время военных действий пролитие крови отмечали специальными нашивками за ранение.

Говорят, что хищник, отведавший человеческой крови, совершенно изменяется в поведении и становится как бы одержимым. Его действия уже невозможно предсказать.

Самый вид крови особенно действует на нас. Есть люди, которые могут при виде крови потерять сознание. Видеть кровь и даже слышать о кровопролитии мучительно каждому человеку.

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

Н.А. Некрасов

Все это указывает на то, что «кровь людская не водица», не игрушка. Пролитая кровь «вопиет ко мне от земли», — говорит Господь (Быт. 4, 10). За всякую кровь Он обещает взыскать не только с человека, но даже с животного. «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его; кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт. 9, 5–6).

Если мы выбрали для себя игрою кровавое убийство на экране, то вряд ли можем рассчитывать на «игрушечное» Божье возмездие. «О ваших зрелищах мы думаем, что нет большого различия, смотрит ли кто на смертоубийство или сам участвует в нем» (Афиногор).

Понятие игры защищает, вернее, блокирует наше сознание от ощущения вины за наши мысли и эмоции. Дает возможность безболезненно насладиться мщением, удовлетворить чувство личной справедливости. Окончательно решить все вопросы с помощью кинжала, пули, смертельного удара. «Еще!», «Достань его!», «Стреляй!» — эти восклицания-пожелания, кажется, просто висят в воздухе около глядящих на экран. Обида — тут же наказание, преступление — тут же казнь.

«Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12, 19), — говорит Господь. «Будете, как боги» (Быт. 3, 5), — говорит древний змей, диавол; «Будете, как боги», — повторяет театр-кинематограф, предлагая нам суд и мщение, и мы, захваченные происходящим перед нами, не задумываясь похищаем их у Того, Кому они принадлежат.

От вымышленного действия навык своего суда, неукрощаемой гневливости, нетерпимости выносится и за экран. Именно нетерпение и раздражи-

тельность отличают всеядного зрителя. В реальном пространстве уже невозможно ответить ударом на удар, отомстить. Пусть общественное положение, недостаток средств, а чаще совесть или даже боязнь греха не дадут любителю зрелищ последовать тем помыслам и пожеланиям, что посеяло в его сердце увиденное, тайные вожделения прорастут в постоянном неудовольствии.

Святой Иоанн Златоуст пишет: «Не отсюда ли развращение жизни, расторжение брачных союзов, брани и ссоры в семействах? Ибо когда ты, расстроившись тамошним зрелищем и сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь жену, тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись на зрелищах похотью и пленившись чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков... безумно ищешь повода к ссоре; с отвращением смотришь на всех домашних, предавшись совершенно в плен нечистой похоти, которою уязвился; и нося в душе запавшее в нее через звук голоса, поступи, взгляд, движения и все образы блудные, ни на что домашнее не смотришь с удовольствием».

Большинство кинодействий проходят в комфортной изысканной обстановке, одежда актеров всегда самого высокого стиля. Занятия у героев какие-то особенные. Путешествия, яхты, шляпы, автомобили, солнце, свобода, фрукты, курорты, цветы... А здесь, в действительности: детские портфели, больной зуб, опять на работу, грязный снег, усталая жена. И уже ненавистны скромная квартира, прошлогодние ботинки, немодный костюм и даже дождь.

Зависть. Зависть — причина этого недовольства. Ведь любой современный фильм — это в какой-то степени художественная реклама. Цель многих кадров, костюмов, предметов — возбудить желание иметь. И, как бы вы ни оборонялись от навязчивости этой рекламы, — она свое дело знает и выполнит.

Особенно преуспели в этом многосерийные фильмы. Многие дни, а то и месяцы проводит зритель с героями фильма. Он, можно сказать, становится участником их бесед, трапез, уик-эндов. Он решает вместе с героями их проблемы. Привыкает не только к обществу, но и к обстановке, мебели, гобеленам, посуде, лекарствам, одежде, шторам. Зрителю кажется, что будь у него такие же чашки или стулья, жизнь его станет хоть сколько-то похожа на ту, экранную. Правда, не всегда есть возможность иметь такие чашки, покататься на яхте. И вот уже появляется раздражение, недовольство, обида. На кого? «Завистливый порицает не вину человека, а суды Божьи... ибо не против человека, а явно против Бога возносится хулитель», — писал преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Здесь уже не до шуток про мыльные оперы. Здесь уже серьезное падение, ропот на Господа. Этот час потехи не для нас, а для демона. «Диавол радуется нашей гибели, сам пал от зависти и нас низлагает той же страстью» (святитель Василий Великий).

Еще одна причина настороженного отношения к зрелищам (впрочем, и к беллетристике тоже).

Всякому человеку в той или иной мере свойственна подражательность. Окружающий нас ландшафт, обстановка, лица близких оказывают влияние на наше поведение, настроение и даже внешность. Ребенок, наблюдая за родителями, перенимает мельчайшие их привычки, мимику. Долго живя вместе,

даже чужие люди становятся несколько похожи. Не только человек, но и животное имеет такое свойство передразнивать. Вы, наверное, замечали нечто общее в движениях, манере слушать или обижаться у хозяина и его собаки. С кем поведешься — от того наберешься.

Благодаря художественной литературе, театру, кинематографу, круг тех, с кем мы «водимся», расширяется. Новые знакомцы — люди яркие, запоминающиеся, характеры колоритные, необычные. Мы сами не замечаем порой, как начинаем подражать им в манере говорить, ходить, сердиться, умиляться... жить. «Ведь знал же я одну девицу... что... в бурную ночь бросилась с высокого берега, похожего на утес, в довольно глубокую и быструю реку и погибла в ней решительно от собственных капризов, единственно из-за того, чтобы походить на шекспировскую Офелию...» (Ф. Достоевский «Братья Карамазовы»). Это не вымысел писателя, Федор Михайлович имел в виду действительную историю.

Видеомагнитофон вошел в наш отечественный быт сравнительно недавно. Вошел он в наши дома не сам по себе, а с компанией заграничных фильмов, в основном американских. И как сразу изменились внешний вид и поведение наших соотечественников. Американская походка, американская улыбка, американское рукопожатие, жесты, манера есть, одеваться, садиться в автомобиль. Впрочем, не американские, а киноамериканские, голливудские стали манеры.

Есть такое понятие — имидж (англ. — образ, изображение), оно включает в себя не только внешний вид, но и образ поведения человека. Это понятие привилось у нас недавно, а в западном мире, особенно в Соединенных Штатах, используется давно.

Имидж — это не образ вашей личности, как она есть, а образ, принятый вами для жизни, это практически роль. Обычно психолог разрабатывает для человека модель поведения, соответствующую его характеру, социальному положению, кредитной карточке, привычкам. Предположим, кому-то подобрали имидж рубахи-парня, всеобщего приятеля, легкого на подъем, весельчака и балагура, беззаботного добряка. К этому характеру подходит определенная одежда из определенного магазина или от известной фирмы. Известны и домашняя обстановка, и даже марка автомобиля. Программируются лексика, жесты. Это похоже на известный конструктор «Лего», где из набора кирпичиков-деталей собирается аэродром или подводная лодка.

Деловая женщина с твердым характером, жесткая в обращении. Или капризная красавица, привыкшая к тому, что ее балуют. Каждый образ имеет свою прическу, сумочку, занавески, вид спорта.

Конечно, не каждый человек может воспользоваться услугами классного специалиста-психолога, способного квалифицированно просчитать программу образа. Тогда поступают точно так же, как при нехватке денег на дорогого портного. Одежду покупают в магазине готового платья, имидж частично берут из кино. Чаще всего моделью поведения служит образ, созданный актером или актрисой в определенном фильме или серии фильмов. Вместе с внешним видом и костюмом человек приобретает амплуа, фактически роль, в рамках которой он строит свою речь, движения, поступки на некотором жизненном отрезке.

Модель поведения можно сменить, если изменяются жизненные обстоятельства или если субъект «вырастет» из роли. Вчерашний добропорядочный

клерк, деловой малый, педант может сегодня оказаться взбалмошным шутником и забиякой, любителем шумных пикников.

Считается, что заданная программа, модель поведения позволяет человеку легче адаптироваться в жизни, облегчает общение, дает возможность избегать конфликтных ситуаций или недовольства, упрощает для окружающих контакты с ним. Ведь роль просчитана под определенный характер, внешность, достаток, у добровольного «актера» есть все для осуществления ее в жизни.

К чему сетовать и ужасаться перспективам генной инженерии с ее попытками создать искусственную личность с заданной программой, когда есть немало людей, согласных добровольно принять в свою жизнь чужие программы, изменить свое «я». А ведь даже такая, казалось, мелочь, как макияж (раскраска лица) имеет очень серьезные последствия. Лицо — это зеркало души. Лицо «умеет» отражать некоторые черты характера. С возрастом пережитое откладывает на нем свой след. Не случайно опытные люди иногда по лицу могут судить о свойствах человека. Свое лицо мы чувствуем. Как наши эмоции могут влиять на наше лицо, так и лицо может влиять на наши эмоции. Искажение посредством бритвы у мужчин или посредством краски у женщин естественного вида лица так же произведет изменение и в личности человека. Какую же какофонию создает в нас наложенная на свою, пусть и несовершенную, мелодию внутреннего мира чужая, даже самая красивая песня!

Кинематограф, особенно после изобретения телевизора, как бы узаконил, ввел в наш быт, сделал привычными ненастоящие лица, ненастоящий голос, ненастоящие чувства. Прежняя подмалевка

лица, подражание нескольким жестам сменились на полную маску. На настоящую роль. Отнюдь не психологи придумали эту забаву — вывести театр в жизнь. Он сам выплеснулся в нее с экранов. А психологи лишь только обнаучили всеобщую кинематографикацию.

Человек нецерковный не видит ценности своей личности. Ему не жаль Богом данного дара, и потому он постоянно готов приспосабливаться, мимикрировать. Есть такое свойство в живой природе — мимикрия, возможность принимать окраску и внешний вид, позволяющие слиться с окружающей средой. У неверующего человека нет задачи разбираться в своих волнениях, укорах совести, единственное желание — чтобы их не было. Не в силах «быть», он желает «казаться», создает, придумывает себе образ, роль в мире. Сознание раздваивается, растраивается, меняется в четвертый раз... Наконец, сознание как осознание себя вовсе утрачивается, и человек осознает только свои данные, «кирпичики», из которых можно собрать образ, изображение его «я». Глаза, нос, рост, кредитная карточка, образование, коммуникабельность, место работы, семейное положение, ближайшие задачи социальные, семейные, культурные и т.п. Личность выветрилась.

Для православного сознания характерно стремление всегда пребывать в истине, удаляться всякой лжи, игры, фальши. Православному человеку свойственно частое собеседование со своей совестью, внимательное отношение к своему душевному и духовному состоянию. Испытание себя: «Какой я?» Духовная бодрость и трезвение, позволяющие очищать себя от тщеславных представлений о своей личности, от самомнения. Понуждение к совершенству своего «я», к развитию своих дарований, своих

талантов, чтобы не уподобиться лукавому и ленивому рабу, что «пошел и скрыл талант... в земле» (Мф. 25, 25). Тем самым в Православии человек не обезличивается, а, напротив, старается выявить свою личность. Отыскать и восстановить в себе образ Божий. Не изменить, а воссоздать то, что видит в нем Господь.

Святые отцы возбраняли любое, даже самое малое перевоплощение, изменение своего образа, непочтительное отношение к нему.

62-е Правило Шестого Вселенского Собора запрещало мужчинам надевать женскую одежду, а женщинам — мужскую, а также использовать маски. «Не носити личин комических, или сатирических, или трагических».

У некоторых верующих существует мнение, что театр и кинематограф могут не оказать разлагающего действия на их совесть. Что бесстыдное зрелище — само по себе, а их душа — сама по себе. Здесь мне хотелось бы вспомнить одну историю.

Один старец увидел монаха, входившего в корчму. Подождав, когда юноша выйдет, старец стал говорить ему об опасности такой жизни для монаха.

— Ступай-ка себе, старче! Бог ничего не желает, кроме чистого сердца, — отвечал молодой инок.

— Слава Тебе, Господи! — воскликнул старец. — Пятьдесят лет я прожил в скиту, а чистого сердца еще не стяжал, а ты, юный, шатаясь по харчевням, достиг чистоты сердца!.. Бог да сохранит тебя и меня да не посрамит в уповании моем», — сказал в заключение старец («Луг духовный»).

Подводя итог сказанному, хочу вспомнить слова святителя Феофана Затворника. На вопрос, можно ли читать иное что, кроме духовного, святитель от-

вечал: «Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: пожалуй, можно, только немного и не без разбора... А повести и романы? Есть и между ними хорошие. Но, чтобы узнать, хороши ли они, надо их прочитать, а прочитавши, наберетесь таких историй и образов, что Боже упаси! Занавозите свою чистенькую головку. После поди, вычищай. Какая же стать накликать на себя такой труд? Потому, думаю, лучше не читать их. Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете почитать. Но все понемногу, и как бы для разнообразия».

Хорошая книга или даже пьеса временно могут стать альтернативой какому-то неблагочестивому занятию. Святой Иоанн Кронштадтский, называвший театр «богомерзким учреждением», все же соглашался, что «иногда... театр бывает меньшим злом для любящих злое». Тем же, кто стал на путь спасения, все же лучше последовать слову Церкви и отказаться от зрелищ. «Театр есть вещь не христианская», — писал святитель Феофан Затворник.

Хорошо отобранная беллетристика может быть использована для развития ребенка или, в малой мере, для убеждения неверующего человека, для недолгого отдыха. При этом нужно помнить, что «основной закон духовного совершенства: окружение себя обстановкой возвышающей, а не принижающей уровень души» (архиепископ Иоанн Шаховской).

Илья Ефимович Репин вспоминал о своем детстве, как по вечерам у них в доме читали «Жития святых»:

«Читали мы про Марка во Фраческой горе... А в другой раз читали житие преподобного Феофила... Когда кончили Феофила, стали читать житие преподобного Нифонта.

Маменька читает очень хорошо, ясно. И церковный язык так понятен, а непонятное слово сейчас же объясняет. Такой приятный голос у маменьки!

Я задумал сделаться святым и стал молиться Богу. За сарайчиком, где начинался наш огород, высокий тын отделял двор от улицы — уютное место, никто не видит. И здесь я подолгу молился, глядя на небо...» («Далекое близкое»).

Эти строки я выписал специально для тех родителей-христиан, которые боятся лишить свое дитя мировых шедевров, таких, как «Лебединое озеро» или «Королева Марго». Что за мечты принесут они в детскую головку? А здесь — «сделаться святым»! Жития святых, прочитанные матерью или отцом, может быть, бабушкой, неспешно, с объяснениями и толкованиями, даже несколько приспосабливаясь к возрасту, вполне могут составить почти энциклопедическое образование для вашего ребенка. Но, конечно, такое образование требует немалых усилий от родителей. «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. 10, 41–42), — «сделаться святым».

Любителям чтения должно следить, чтобы оно не превратилось в наркотик, привычную умственно-эмоциональную жвачку. Одна женщина рассказывала, что во время беременности она прекратила чтение всякой художественной литературы, чтобы избежать мечтательных размышлений и рассеянности мысли. Через несколько дней уже не образы, а просто сам текст стоял перед ее мысленным взором. Причем этот текст располагался на странице точно так же, как в прочитанных некогда книгах. При этом вспоминались и те произведения, что читались когда-то давно и всего один-два раза. Ей очень хотелось избавиться от это навязчивой мысленной би-

блиотеки. Такое состояние близко к «ломке» у наркоманов.

Еще один любитель чтения, когда впервые отказал себе на время поста в любимом занятии, через несколько дней почувствовал, что голова стала свежей, словно протрезвилась от чего-то. «Блажен бодрствующий» (Откр. 16, 15), — говорит Апостол.

При выборе книг или размышляя о зрелищах, хорошо бы помнить, что грех — это не то, что считаем грехом мы, но то, что определяет как грех Церковь, и «раз и навсегда покорно подчиниться требованиям Церкви, как бы ни были они стеснительны» (преподобный Варсонофий Оптинский).

Если кто-то, оправдывая свою приверженность нечестию, ссылается на массовость греха или на то, что и среди верующих есть немало любителей неблагочестивого чтения и театралов, то пусть вспомнит такой человек слова Спасителя: «широки врата и пространен путь, ведущие в погибель» (Мф. 7, 13). А значит, и пропускная способность этих врат немалая, тесно не будет.

«Нужно понять, что противление Царству Божию в мире — безумное. Гораздо более безумное по силе своей, чем это думают многие христиане, придышавшиеся в мире к тому нестерпимому зловонию духа, которое есть в самих людях и потому мало чувствуется ими.

И только очищающие свой дух начинают сперва замечать это зловоние, а потом и страдать от него» (архиепископ Иоанн Шаховской).

Подвиг спасения требует от человека постоянного усилия. Спасающийся подобен летящей птице, которая беспрерывно взмахивает крыльями, чтобы не упасть на землю и не разбиться. Что же касается наших снов-развлечений, то пусть примером для нас

послужит птичка стриж. Она умеет спать на лету, не теряя высоты и не падая на камни. Но этому надо учиться, и первое, что мы можем сделать, — удалиться от зла (Притч. 14, 16). Впрочем, когда человек находит настоящее сокровище, то безболезненно оставляет все прошлые кумиры. «Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45–46).

О СТЫДЕ И БЕССТЫДСТВЕ

> Я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно, я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек.
>
> *В. Соловьев. Оправдание добра*

Чувство стыда знакомо каждому. Нет человека, который хоть несколько раз не испытал его. Чувство это мучительно и сравнимо с сильной физической болью, а подчас и превосходит ее. Стыд — это тоже боль, но боль души.

Сочувствуя себе и своим современникам, заметим, что сегодняшний человек слаб и далек от желания мужественно переносить неудобства и неприятности. Разве что те, что связаны с достижением удовольствий. Такие, как, например, спортивные травмы, диеты для улучшения внешнего вида и тому подобное. Обращаясь к нашей слабости, нам пытаются навязать мнение, что стыд сегодня — это устаревшее понятие, атавизм, мешающий человеку наслаждаться жизнью. Некоторые психологи высказываются о стыде как о болезненном состоянии, не позволяющем полностью раскрыться личности. Массовая же культура, большей частью, старается о воспитании в человеке бесстыдства. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать хотя бы суточную дозу информации, которую мы получили через СМИ, — услышали, прочитали или увидели.

Кинематограф, театральная сцена, эстрадные шоу, популярные любовные и детективные романы адресованы сегодня, в подавляющем большинстве, человеку грубому, с угнетенным чувством стыда. Не подумайте, что это выпад против журналистов, писателей, режиссеров или артистов! Вовсе нет! В любой среде, в любой профессии есть люди разные. Немало честных, нравственных и совестливых работников есть и в шоу-бизнесе, и в СМИ. К тому же обижаться или злиться на журналиста, сделавшего безнравственный репортаж, все равно что злиться на палку, ударившую тебя по голове, и при этом совершенно не замечать руку, которая держит эту палку. «Наша брань не против крови и плоти, но... против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Против человеконенавистника диавола, который многими путями, и через людей, конечно, пытается помешать нашему спасению, лишить человека славы, дарованной ему Богом.

Именно он, лукавый враг наш, старается о разрушении стыдливости в обществе. Господь, создав человека, по словам пророка, «умалил еси его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его» (Пс. 8, 6). Господь поставил человека над всем творением Своим, «все покорил под ноги его» (Пс. 8, 7), а враг делает все возможное, чтобы человек уподобился скоту. Святые отцы говорят, что человек бесстыдный приходит в скотское состояние. Не в звериное, а именно в скотское. Скотина — животное, живущее рядом с человеком, отличается от зверя, оно не свирепо, не кровожадно, оно даже привязано к хозяину, ему знакомо чувство благодарности, но душа его неотделима от тела и не может господствовать над ним. Она знает лишь физические потребности и боль. К тому же оно подчинено хозяину.

Бесстыдный человек теряет свое благородство, которое возвысило его над всей природой, и которое он получил через приятие духа. Теряет он и свою свободу.

Так что отсутствие стыда нельзя представлять как невинное жизненное удобство, наподобие стиральной машины или чемодана на колесах.

Что же такое стыд, откуда и для чего он у человека?

Вспомним, что вначале, когда Господь только создал первую чету, человек не знал этого чувства. Он вообще не знал никакого неприятного ощущения и пребывал в блаженстве. «Были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2, 25). Но лишь только они нарушили Божью заповедь и вкусили плода с заповеданного дерева, как первое, что они почувствовали, был стыд. Они почувствовали его, увидев свою наготу, которой ранее не замечали. Причем Адам застыдился не перед кем-то незнакомым, не перед обществом, а перед единственным человеком, да к тому же своей собственной женой. И Ева не кого-то чужого застыдилась, а мужа. Чувство стыда было столь невыносимым, что они тут же сделали себе опоясания из листьев смоковницы, чтобы закрыть свою наготу. Такова, заметьте, первоначальная функция одежды — защита от взгляда. Не от холода, солнца, влаги и насекомых, а от глаз другого человека.

Нагота телесная

И по сей день мы можем сказать, что «наибольший стыд происходит от обнажения и наготы телесной» (святитель Димитрий Ростовский). Многие люди согласились бы на немалые физические страдания,

лишь бы не предстать перед чужими без одежды. Когда-то свойство человека стыдиться своей наготы использовали для наказания. Можно вспомнить публичные казни прошлого, когда преступника, лишенного всякой одежды, привязывали к позорному столбу.

Заметим, что человек воспитанный стыдится, находит для себя неприличным переодеваться при ком-то и обычно уединяется для этого. Человек богобоязненный помнит и о вездесущем Божьем присутствии и об Ангеле Хранителе, который всегда рядом с нами, и потому даже в полном одиночестве «помятуя, однако, всевидящее око Божие и представляя присутствие хранителя своего Ангела, во время скидования одежд всякую употребляет учтивость» (святитель Димитрий Ростовский). То есть старается не затягивать эту процедуру и избегает нескромных положений.

В комнате, где находятся иконы, человек так же несколько стыдится своей наготы. Так, одна женщина все планировала в своем доме особую комнату — образную, где хотела собрать все домашние иконы. «Потому что иногда выбежишь в общую комнату, к телефону или открывать дверь, не совсем одетая, а там — иконы. Нехорошо, стыдно», — говорила она. Однако Господь по какой-то причине не дал сбыться ее архитектурным планам. Видно, иконам необходимо все же находиться в каждой комнате.

Пожилая женщина рассказывала о своей маме, которая родила и воспитала восьмерых детей. «Даже в домашней сутолоке никто из детей не видел ее с распахнутым воротом или без рукавов, в халате или в ночной рубашке». Она воспитала двоих священников, две ее дочери стали женами священников и тоже воспитали сыновей-священников.

К сожалению, сегодня шаг за шагом, делая уступки нецерковному общественному мнению, потихоньку обнажается даже церковный народ. Вспоминается картинка из приходской жизни. Дама в крошечной, почти игрушечной юбке, над которой, и то не сразу, а через промежуток, прилепился к телу небольшой кусок ткани, призванный охранять ее достоинство российской гражданки. «Ай эм фром Раша! Ай эм нот фром Мадагаскар!» — говорит этот лоскут. Да, без лоскута был бы полный Мадагаскар!

Дама мнется у церковной двери, не решаясь войти. «Простите, мне так неудобно. Я пришла на службу, а платок забыла. Можно мне в церковь зайти без платка?» — робко спрашивает она. Ей действительно неудобно зайти в церковь без платка, остальной костюм в стиле Папуа-Новая Гвинея ее не смущает.

Теперь и мужчины редко отказывают себе в шортах. Не мальчики, а взрослые мужики и даже седовласые старцы запросто ходят в коротких штанишках. Не климат изменился. Ослабели! Хорошо еще, что пока голенастые дяди в храмы не часто заглядывают. А если и заглядывают, то виновато оговариваются: «Я по дороге на дачу» или: «Мы после службы купаться едем».

Что тут скажешь? Преподобная Мария Египетская сорок семь лет одна жила в пустыне. За эти годы платье ее истлело. Великая святая молилась, не имея на себе не единого лоскутка, и Господь слышал ее молитву. Он прославил подвижницу.

Молиться можно и в шортах, и без платка, и в еле-еле юбке. Но молиться и сокрушаться о своей слабости, о том, что презрели мы стыд обнажения, что не мы авторитетны для мира своим благоче-

стием, а он, со своим бесстыдством и вольностью, сделался авторитетным для нас.

Душа тонка и невидима, и голос ее тоньше тихого шепота. Мы можем, если захотим, и вовсе не слышать его. И тогда он становится еще тише. А потом умолкает. Позволяя нам наслаждаться своим бесстыдством. Потому что «презрение стыда есть бесстыдство» (преподобный Иоанн Дамаскин).

Всякий грех привлекает нас некоей сладостью, и когда ктото выставляет прилюдно свою наготу (не полную, а соответственно общепринятой моде), то он получает некоторое удовольствие. Ему приятно невольное внимание окружающих. Он ощущает прикосновение взгляда и наслаждается им, хотя и не задумывается над природой своего наслаждения.

Святые отцы говорили о глазах, как «дверях телесных, через которые выходит наружу созерцающая сила души» (святой Кирилл Александрийский). Считали, что из глаз исходит некая зрительная сила. Не случаен частый поэтический образ в плаче о умершем: «Погасли очи твои». То есть со смертью прекратилось некое излучение из очей.

Многим из нас знакомо физическое ощущение чужого взгляда, как прикосновение какой-то тонкой материи. «Прикосновение взгляда» — это не образ, а многократный опыт. «Если желаешь назирать чужую красоту, то оскорбишь... ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону. Ибо хотя ты ее не коснулся рукою, но коснулся своими глазами», — замечает святитель Иоанн Златоуст. Л.Н. Толстой, говоря о красавице в открытом бальном туалете, обращает внимание на то, что «на Элен был уже как будто лак от всех тысяч взглядов, скользивших по ее телу» («Война и мир»). То есть вольно или

невольно выражает мысль о физическом воздействии взгляда.

Вот в чем причина многих нескромных туалетов. «Безответственный блуд», сердечное прелюбодеяние. «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28), — говорит Спаситель. Ведь собственно «не глаз твой смотрит, но через него смотрит ум и сердце» (святитель Иоанн Златоуст). Очевидно, что грешит не только тот, кто смотрит с пожеланием, но и тот, кто, обнажая себя, провоцирует такой взгляд и наслаждается им.

Когда туалет девушки открывает для общего обозрения живот, украшенный пирсингом, то обнажается не только тело, или не столько тело, сколько душа ее. «Ибо из сердца исходят злые помыслы» (Мф. 15, 19), в том числе и желание выставить свою наготу.

Наивен и тот, кто думает, что нескромный туалет может существовать сам по себе, не вовлекая в свое бесстыдство душу. До нашей смерти, тело и душа неразлучны и взаимно влияют друг на друга. А из опыта мы знаем, что скорее доброе что-то портится, чем из испорченного создается доброе.

Но как же быть, спросят православные родители, как быть девушке-невесте? Во что ей одеться? Чтобы и благочестия не нарушить и жениха найти? Ведь это раньше выдавали и женили почти не глядя, по выбору родителей. А сейчас молодой человек сам хочет увидеть, увлечься, влюбиться. Кто же захочет брать в жены «кота в мешке»?

В мешок девицу упаковывать, конечно, не стоит. Но заметьте, что любая мода, хотя и диктует свои правила, все же оставляет некоторую свободу. И если немного подумать и приложить усилия, можно одеться и модно, и эффектно, и ярко и в то же время — благочестиво. Можно выбрать, наконец, ка-

кой-нибудь свой интересный стиль. Взгляд привлекает не только обнаженное тело, но и приветливое выражение лица; вежливость, видная в движениях, жестах и голосе; цельный облик, соединивший внешний костюм и внутреннее устроение девицы. Все это вызывает симпатию в любом обществе.

Конечно, одежда человека со временем меняется. Первые христиане мужчины не знали брюк, во всяком случае, в том виде, в котором мы видим их сегодня. Подол женского платья поднялся к коленям менее ста лет назад. Однако брюки, будь то узкие или широкие, серые или в полоску, вряд ли кто из наших современников назовет неприличной или нескромной одеждой. Так же и открытая голень у дам не говорит больше об отсутствии стыдливости. Отношение к этой одежде в обществе изменилось. Она стала традиционной.

Меняться одежда будет и в дальнейшем. Наверное, будет меняться и отношение к ней. Быть может, со временем появятся какие-то новые нормы в этой области. Не уверен, что они будут более целомудренными. Но не следует забывать, что в любой тенденции есть лидеры и есть люди, невольно вовлекаемые в нее. Верующему человеку вряд ли пристало становиться проводником бесстыдной традиции.

Чувство стыда — безусловное отличие человека

До грехопадения плоть человека была иной. Она не была смертной, не знала болезней, в ней не было неприятных ощущений, даже многие биологические процессы, например пищеварение, протекали в ней по-другому. Грех изменил плоть, разлил в ней некий яд, и она стала смертной. Разрушилась гармония,

первоначально соединявшая тело, душу и дух человека. Связь осталась, но изменилось соподчинение. Если в безгрешном состоянии дух человека, всегда стремящийся к Высшему Духу, своему Творцу, увлекал за собой и душу, которая, в свою очередь, влекла за собой согласное с ней тело, то теперь потерялось это согласие. И, по словам Апостола, «плоть желает противного духу, а дух противного плоти» (Гал. 5, 17). Тело, носящее в себе душу человека, часто не желает подчиняться ей. И даже человек самых строгих правил, проводящий жизнь в чистоте, подвиге и святости, может повторить за апостолом Павлом: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек!» (Рим. 7, 18–24).

Религиозный человек старается восстановить в себе утраченное когда-то прародителями согласие между духом, душой и телом, и при этом в первоначальном порядке, то есть — главенство духа над душой и души над телом.

«У души чувство стыда — безусловное отличие человека от животных, и если я стыжусь своей материальной природы, то я показываю на деле, что я не то же, что она, ибо я стыжусь, следовательно, существую не физически только, но и нравственно, я стыжусь своей животности, следовательно, я существую как человек с нравственным самосознанием». Мы стыдимся господства материальной природы в себе, своего подчинения желаниям и влечениям тела, потому что все это умаляет наше достоинство,

в силу которого мы должны обладать материей, а не она нами.

Всякая победа над потребностями нашей животной природы, даже вполне естественными, возвышает человека. Умение выдерживать голод; не спать, если этого требуют обстоятельства, например, ухаживая за больным; хранение верности любимому человеку; отказ от развлечений во время разлуки или во время траура, презрение личной опасности ради спасения ближнего, — все это вызывает в людях уважение, зачастую и невольное. Почему? Да потому, что всякий человек, как бы он ни любил сладкие удовольствия плоти, все же хочет быть господином над ней, а не рабом ее прихотей.

Плоть легко склоняется к излишествам. Что, кстати, и случилось в Раю, когда человек, имея все необходимое, пожелал большего и тем лишил себя блаженства. Мы стыдимся этой слабости своей плоти. Мы не стесняемся есть и пить, но стесняемся есть с жадностью. Воспитанный человек, как бы голоден он ни был, ест спокойно, не торопясь, аккуратно. Почему считается неприличным широко открывать рот во время еды, чавкать, говорить с набитым ртом? Потому что все это изобличает нашу несвободу и жадность. У сербов есть слово «стидак», что означает последний кусок на тарелке, то есть кусок, который каждый стыдится взять, чтобы не показать себя самым ненасытным.

Прежде даже есть на улице считалось неприличным. Есть на улице или на ходу мог только бездомный или дорожный человек, да и тот старался найти укромный уголок или отвернуться. Американцы навязали всему миру лозунг «время-деньги» и, не желая терять ни цента, ввели моду: не есть, а перекусывать в любую свободную минуту. «Не тор-

мози — сникерсни!» — теперь это не только американский образ жизни. К сожалению. И все же есть люди, которых трудно представить себе торопливо жующими пирожок на остановке или вкушающими мороженое в толпе на тротуаре. Культурный человек старается не распускать себя: есть за столом и вовремя. Для чего же тогда, скажете вы, продают на улице мороженое и пирожки? Скажу вам: для экстренных случаев, а в основном, чтобы получить прибыль от нашей слабости.

Стыд удерживает нашу плоть, не позволяет ей распускаться. Как бы мы ни устали, мы заставляем себя сидеть прямо, не разваливаться; мы считаем неприличным лежать при посторонних; нам неприятно, если чужой человек видит нас спящими. Не принято ярко проявлять свои эмоции: хохотать, вскрикивать. Люди терпят боль, сдерживают слезы. В кабинете стоматолога даже дети стараются не плакать. Стыдно. Стыдно показывать свою животность.

Мы заботимся о своих телах. Это наша привычная обязанность. Мы восхищаемся Творцом, создавшим их. «Тело человеческое!.. Эта чудотворная мастерская, которая воду претворяет в кровь, воздух в кости, хлеб в мясо, траву в минералы, минералы в жидкость! Невиданная мастерская чудес» (преподобный Иустин (Попович)). Мы не пренебрегаем своей плотью. «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф. 5, 29), — говорит Апостол. Однако старается не давать ей воли, ибо, по словам святых отцов, не укрощаемая духом плоть беснуется.

Религиозный человек знает, что такое пост. Можно сказать, что пост — это мораторий на всевластие плоти. Ограничивая на время количество и качество пищи, плотские удовольствия и развлечения, мы усмиряем ее, устанавливаем предел ее же-

ланиям. Потому что желания плоти, как говорит Апостол, не от Бога, но от мира сего. Во время поста плоть словно отрезвляется от пьянства желаний и дает место усиленной жизни духа.

Кому из опыта знакомы внутренняя легкость и свобода такой жизни, тому знакома и грусть при расставании с ней. «Мне всегда грустно от этого постепенного убывания духовной жизни после Пасхи. Сначала нарастание духовных сил по мере углубления в Великий пост. Все внутреннее делается много легче, чище и спокойнее на душе, больше любви, лучше молитва... Но вот наступает суббота Светлой недели, закрываются врата алтаря, как будто запираются двери небесные, и все становится труднее, душа ослабевает, малодушествует, ленится, всякое духовное усилие становится трудным», — писал священник Александр Ельчанинов.

Наши тленные «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор. 15, 50). И потому человек, призванный наследник этого Царства, стыдится в полную силу работать на них. На то, что принадлежит земле и тлению.

Перед Богом и людьми

Преподобный Иоанн Дамаскин стыд относит к разновидности страха. Причем страха, который может содействовать спасению. Вспомним, как страх физической боли оберегает нашу жизнь. Боль предупреждает: опасно, горячо, остро, колко. Боль же сообщает о недуге внутренних органов, побуждает обратиться к врачу, принять лекарство.

Точно так же и чувство стыда дано нам не без пользы и охраняет душу. Стыд — это часто реакция на грех. «Когда грех лишь зарождается, то он произ-

водит некоторый стыд» (преподобный Максим Исповедник). Чувство стыда иногда ранее мысли останавливает нас. Бывает, что греховная мысль еще не оформилась в слово или образ, она только приближается к нам, а чувство стыда уже на страже. Какой-то холодок вдруг разливается в груди, чуть стеснено дыхание. Невольный вздох, как передышка, позволяет остудить в нас желание оформить или принять эту мысль. Кстати, слово «стыд», или, по-старому, «студ», родственно словам: остудить, студить.

Стыд не дает нам колебаться между добрым и злым. «Колебанию ума препятствует стыд и страх», — говорит преподобный Исаак Сирин. И еще: «ум, под бременем страха Божия и стыда, с трудом совращается тем, что приводит его в колебание». Беспокойство, которое производит в нас стыд, подталкивает сразу же сделать правильный выбор.

Иногда мы испытываем стыд уже после совершения греха, и тогда он может пробудить в нас сожаление о содеянном, побудить к раскаянию. «И в сем случае он может подавать надежду спасения», — говорит преподобный Иоанн Дамаскин.

Даже люди, забывшие Бога, испытывают стыд. Стыд перед людьми. И он может послужить средством уклонения от греха. То, что человек не делает для Бога, он в состоянии сделать из страха посрамления от людей. «Стыд часто больше страха (перед Богом. — *С.Н.*) обучал избегать дел несообразных» (святитель Иоанн Златоуст).

Из сказаний о жизни святых отцов можно вспомнить случай с аввой Ефремом и блудницей, которая по чьему-то наущению пыталась соблазнить его. Долго женщина не оставляла Ефрема в покое, наконец он сказал ей: «Иди за мной». Та, обрадовавшись, что ей удалось склонить праведника к греху,

последовала за ним. Она думала, что старец ведет ее в укромное место. Но Ефрем привел блудницу на площадь, где толпился народ. «Здесь делай, как ты хотела», — сказал он. Блудница же отвечала: «Как можно нам делать это в присутствии такого множества людей? Не стыдно ли будет?» На это авва ответил ей: «Если мы стыдимся людей, то тем более должны стыдиться Бога, который обличает и тайное». И женщина ушла восвояси.

Как мы видим из этого рассказа, будучи бесстыдной по отношению к Богу, женщина все же сохранила чувство стыда по отношению к людям.

Иногда в человеке нет расположения к добрым делам, но стыд перед людьми заставляет его совершать эти добрые дела. Взять, к примеру, милостыню. Не всякий человек дает ее из расположения к добру или из сострадания. Многие — просто придерживаясь общественной традиции. Но и в этом случае милостыня приносит пользу. И нуждающемуся в ней, и творящему ее, так как умягчает его сердце.

Перед любимыми или близкими людьми проявить немилосердие или жадность не захочет даже самый немилосердный и жадный человек. Жених, коли случится ему иметь несдержанный и гневливый нрав, все же старается не проявлять его в присутствии невесты. Кстати, любовь или симпатия к кому-то могут и вовсе изменить характер человека. Любовь возбуждает стыд обнаружить свои недостатки перед любимыми.

Одна женщина, учитель словесности, рассказывала, что, когда она сама училась не то в пятом, не то в шестом классе, ей понравился мальчик-одноклассник. Мальчик был очень начитан и развит, а сама она тогда читала мало. Не любила чтения. Девочка грустила, понимая, что дружба между ними

невозможна. Она даже не могла подойти к этому мальчику, стыдясь своей неразвитости.

Тогда девочка пошла в библиотеку, взяла читательский формуляр понравившегося одноклассника и принялась читать книги, которые прочел он. Все подряд. Через некоторое время она втянулась в чтение, да так, что это определило ее будущую профессию. Как у нее сложились отношения с тем мальчиком, я не знаю, знаю только то, что словесник она замечательный.

Присутствие добродетельного человека тоже может оказать влияние на отношение к своим привычным грехам. Неожиданно мы начинаем стыдиться поступков, которые долгие годы казались нам безупречными, или, во всяком случае, нейтральными.

Вспоминается случай, как один знакомый, выйдя из дома, где его только что познакомили с благочестивым старцем, с грустью сказал: «Только сейчас я понял, сколько я натворил в своей жизни. Сколько у меня грехов. Стыдно». Он понял это, хотя о грехах с ним никто не говорил.

Сколько-то стыда сохраняется в каждом человеке, каким бы испорченным и порочным он ни казался окружающим. «Есть, подлинно есть и в бесстыдных людях несколько стыда», — говорит святитель Иоанн Златоуст. Только мера стыда у людей разная.

Обратим внимание на такой распространенный сегодня, к сожалению, грех, как сквернословие. Можно сказать, что сквернословие — это некий аттестат бесстыдства. Только отметки в нем разные. Один человек не затрудняется сквернословить в любых обстоятельствах, другой — только в своей среде, третьего стесняет присутствие женщин, четвертый сдерживается при ребенке. У каждого своя мера. А есть люди, которые испытывают сильный стыд,

всего лишь слыша скверные слова. Кто-то не может и мысленно повторить их. Это тоже мера.

Или знакомая многим сценка на автобусной остановке. Компания девушек, почти у каждой в руках яркая алюминиевая банка. Разговаривают и что-то прихлебывают. Питье заканчивается, а автобуса еще нет. Урны тоже. Самая шустрая бросает банку на асфальт, чуть приминает ногой и отфутболивает в сторону газона. Не моя, мол. Две другие относят свою тару к стеклянной стене остановки, быть может, надеясь на дворника, который здесь когда-нибудь появится. А одна подружка не решается избавиться от пустой банки ни тем, ни другим способом и мнет ее в пальцах. Ей неудобно.

Но вот подошел автобус, у дверей сразу же образовалась толкучка. Через минуту посадка окончена. Двери закрылись, и автобус тронулся. Под колесом хрустнула последняя банка. Ее временная хозяйка постеснялась мусорить у всех на глазах. А в толпе, когда на нее никто не мог обратить внимания, она просто «уронила» ее под автобус.

У каждой свой коэффициент стыдливости.

Не следует думать, что мера стыдливости и бесстыдства в человеке не меняется. То, что соседский мальчишка хамит взрослым или знакомая девочка одевается и ведет себя неподобающе, не обязательно означает, что они вырастут людьми без стыда. У стыдливости есть возможность восстанавливаться. Священник, как никто другой, имеет возможность постоянно убеждаться в этом.

Нарочно для родителей

Если стыд свойствен душе человека, откуда же берется в нем бесстыдство? Начинается оно чаще

всего в семье. Младенец не рождается грешником, он имеет лишь возможность грешить, так же как и возможность быть добродетельным. Существует понятие врожденного характера, например, может быть врожденной вспыльчивость, а может быть врожденной любознательность. Но разовьются или подавятся эти качества — зависит от самого человека и очень сильно зависит от ранней среды, то есть от родителей и воспитателей. Вспыльчивость может выразиться в грехе гневливости, а может найти себя в горячем религиозном чувстве. Так же и врожденная любознательность не обязательно оформится в стремление к наукам, а может выродиться в пустое любопытство и любовь к сплетням. Многое, очень многое зависит от семьи и воспитания.

Младенец ничего не знает о мире, но с самого начала, еще неосознанно, живет, словно руководствуясь пятой заповедью: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет...» Мир он познает через семью. «Что кошки котя, что княгини дитя» правила жизни «читают» с родителей. Авторитет их так велик, что ребенок принимает семейные нормы и привычки даже вопреки своим желаниям. Отсюда и огромная ответственность родителей.

Встречаются семьи, словно зараженные вирусом общего греха. Например, привычным злословием и сплетнями. Или лицемерием, когда дома говорят одно, а на людях другое. Есть семьи, где особенно привычна ложь. Малыш, слыша, что родители говорят неправду, обычно думает, что они ошиблись, и поправляет их. Но дома ему объясняют, что «так надо», что ложь иногда необходима. Маленькому человечку трудно осознать причины этой необходимости, он только и понимает, что таким хорошим и умным людям, как его родители, — можно все.

И лгать тоже. Теперь он будет стараться молчать, слыша неправду, и таким образом приобщаться к семейному греху.

Ничто так не развращает душу, как пример двойной морали в собственной семье. Этим примером подавляется чувство греха в ребенке. А на место стыда приходит бесстыдство.

И понял он самое страшное,
Что страшного нет ничего.

Н.В. Стефанович. «Страстная неделя»

Безусловно, есть семьи и с семейными добродетелями. Добродетель тоже может быть воспитателем.

Сразу же приходит на память знакомый церковный сторож. В церкви он только подрабатывает, а работает на каком-то местном предприятии. А надо заметить, что местность у нас просто сверх меры заражена сквернословием. Ругаются даже женщины и дети. Много лет вокруг себя — на работе, по соседству, в любом общении — наш знакомый слышит речь грубую, часто матерную, однако сам не ругается и разговор имеет удивительно деликатный. Помнится, свое беспокойство о здоровье сторожевого пса-кавказца он выразил так: «Шериф, кажется, приболел. Аппетит плохой и уже три дня в туалет не ходит». Хотя, конечно, трудно представить, что и здоровым лохматого грязнулю Шерифа кто-нибудь когда-нибудь видел идущим в туалет.

А ведь воспитывался наш сторож в рязанской деревне, в простой крестьянской семье, даже и не церковной. Просто дома у них говорили учтиво и без грубостей. Знаю, что трое уже взрослых детей его так же не имеют привычки к скверным или грубым словам.

Богу не важны ни должность человека, ни его положение в обществе, ни его пол, ни его возраст. Он любит всех одинаково, для Него все равны. Но в жизни равенства нет. Существуют известные отношения между старшим и младшим, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. Если эти отношения подчиненности и уважения разрушаются, то страдает воспитание, производство, обучение. Ни один начальник не сможет выполнить свою задачу, если позволит подчиненным вести себя вольно по отношению к себе. Поэтому существует целый этикет производственно-трудовых отношений. Учителю в достижении цели также более всего мешает не тупость и не рассеянность ученика, а его вольность, отсутствие стыда.

Но если на работе, на службе, в учении отношения регламентируются правилами, то в семье они складываются от любви. Печально только, что родительская любовь бывает зачастую неразумной. Любовь не требует от родителя позволять ребенку все, что он пожелает. Любовь не призывает к семейной демократии. Она не подразумевает вольного обращения младшего со старшим.

«Чти отца твоего и матерь твою...» Когда возраст инстинктивного следования этой заповеди у младенца заканчивается, наступает возраст сознательного почитания и уважения родителей. Бывают счастливые семьи, где такие любовно-почтительные отношения складываются как бы сами собой. Но чаще родителям приходится разными способами ограничивать ребячью вольность, излишнюю и слишком раннюю самостоятельность.

Ребенка, который, конечно же, любит родителей, должно приучать выражать свое почтение к стар-

шему и внешне. Не сидеть в присутствии отца и матери развалившись, в вольной позе; не хохотать, не кричать; не занимать долго домашний телефон; не настаивать на приглашении друзей, когда родителям это неудобно; не перебивать их; не уходить не дослушав... Вольность — это то же бесстыдство.

Старец Паисий Святогорец говорил, что «большинство озлобленных и ожесточенных детей становятся такими потому, что ведут себя с бесстыдством», у них нет навыка сдерживать себя перед старшими.

«А с чего все начинается? С бесстыдства, — говорит он. Разговаривая со старшими с бесстыдством, дети отгоняют от себя Благодать Божию. А когда уходит Благодать Божия, приходят тангалашки (бесы), и дети ожесточаются и бесчинствуют. И наоборот: дети, которые имеют благоговение, почтительность, слушаются родителей, учителей, старших, непрестанно приемлют Благодать Божию. На таких детях пребывает Божие благословение».

Непочтительность к родителям в детстве оборачивается тяжелой судьбой в дальнейшем. В древности ребенка, замеченного в непочтительных действиях по отношению к родителям, казнили. Общество ограждало себя от будущих преступников. В России полтора века назад непочтительного сына или дочь по жалобе родителя наказывали, даже если дитятко уже вышло из детского возраста.

Еще совсем недавно самые отчаянные шалуны, распущенные подростки останавливались в своих бесчинствах при появлении старших. Помню, что, приехав служить в провинцию, с приятностью отметил, что дети и подростки, молодые люди, в каком бы задоре они ни были, всегда стихали, стоило

кому-то из взрослых приблизиться к ним. Грубый хохот, визг и брань могли продолжиться через несколько мгновений, но не лицом к лицу со старшим.

Уважительное отношение к старшим — основа любого воспитания и обязательная черта всякого религиозного общества.

В ребенке обязательно присутствует здоровая детская стыдливость. Она словно пеленой повивает его несовершенное неокрепшее сознание, ограждая дитя от неразумных поступков. Но родители нередко сами нарочно лишают дитя этой ограды. Естественно, что родителей заботит, чтобы их ребенок со временем занял приличное место в обществе. Но так как мест хороших не очень много и на всех не хватит, то надо спешить. Спешить опередить своих сверстников. «А для этого неплохо бы детское сознание освободить от „пеленок“, в том числе и от стыдливости», — думают родители. И стараются побыстрее «вытащить» ребенка из детства.

Подростковый возраст — это возраст идеальных представлений о мире. Это возраст любви к справедливости и особенной детской веры в нее. Возраст, когда особенно стыдно быть предателем, трусом, ябедой, жадным. Когда стыдятся неблагородных поступков, пусть даже понятия о благородстве и не совсем верны. Когда немного стыдятся возрастных изменений своего тела, потому что представления о любви еще не соединены с желаниями плоти. Человек, правильно проживший этот возраст, на всю жизнь сохраняет в себе его возвышенные ориентиры.

Но воспитателям некогда, ведь одно дело идеалы, а другое — жизнь. Близкие, думая о пользе ребенка, сами спешат разрушить романтический и поэтиче-

ский мир подростка, рассказывая о неидеальной изнанке жизни, о том, что благородство хорошо лишь на словах, а на самом деле из него каши не сваришь и шубы не сошьешь. Что не надо стыдиться предательства, если из него можно извлечь выгоду. Дают понять, что лидерство проще построить на дерзости и бесстыдстве. А лидером надо быть во что бы то ни стало.

Все реже встречаются девочки-подростки с девичьей стеснительностью, угловатыми движениями. Их нет. Девичий возраст делится на малышек и маленьких женщин. Вернее, девочек, изображающих маленьких женщин. Прежде существовала особая одежда для девочек, теперь ее нет, есть женская одежда детских размеров. Причем часто более вызывающая, чем у взрослых. Что, мол, с ребенка спросишь? Девочкам тоже не дают долго задерживаться в детстве. Жизненным примером или словесно мамы очень рано дают понять дочкам силу воздействия телесной красоты, приятность власти над другой плотью. И вырастают потом из таких девочек-женщин взрослые женщины, занятые только собой, своей красотой, постоянно ищущие подтверждения своей привлекательности, не умеющие быть кому-либо близкими помощницами.

Для формирования сложной и душевно богатой личности нужно время. Как заметил И.А. Бунин, быстро созревают только простейшие организмы. Добавим, что скороспелые плоды скоро и портятся. Родителям стоит об этом помнить. Детская стыдливость и сдержанность — не тормоз, а хорошие помощники во время душевного становления ребенка. Их и беречь надо, как хороших помощников.

К женщинам

Стыд, безусловно, ограничивает нашу свободу. Но, заметьте, свободу греха. Особенно позаботился Господь о женщине, ведь женскому полу стыдливость присуща несколько более, чем мужскому.

Девичья стыдливость призвана охранять будущее потомство. Она удерживает девицу от необдуманного шага и понуждает вести себя так, чтобы не спровоцировать нежелательную для себя ситуацию. Большинство женщин стесняются переодеваться при посторонних и испытывают пусть небольшой, но стресс при посещении врача, даже если врач — тоже женщина. Помню, в нашей школе делали ремонт в раздевалках при физкультурном зале. Девчонки напрочь отказались переодеваться при всех, и им дали ключи от подвала.

У женщины порог внутреннего запрета чаще всего выше, чем у мужчины. Но если мужчина нравственно опускается, словно ступая со ступеньки на ступеньку, то с женщинами случается, что сделав шаг вниз, она как будто попадает на мчащийся эскалатор. Известно, что убийства женщины совершают гораздо реже, чем мужчины. Но если все же совершают, то часто очень жестокие. Женщина более склонна прощать и терпеть, но если она задумает мстить, то месть ее будет беспощадной. Женщины реже спиваются, однако мужчина может быть средним пьяницей десятки лет, в то время как женщина способна пройти путь от первой рюмки до алкоголизма за несколько месяцев. И по большей части — безвозвратно.

Пренебрегая своей стыдливостью, переступая через нее, женщина становится беззащитной перед силами зла и рискует сделаться безмерно бесстыдной. Она становится игрушкой демонов, разрушаясь сама

и сея разрушение вокруг себя. Бесстыдная женщина — неосознанно агрессивна. Она нарушает семейное спокойствие, смущает сознание, вовлекает в грех не только тех, кто чем-либо привлекает ее, но и тех, кто просто оказался рядом. В этом смысле она похожа на рысь, убивающую не только ради еды, но ради самого убийства.

«Благий Господь и в том являет великое о нас промышление, что бесстыдство женского пола удерживает стыдом, как бы некой уздой; ибо если бы женщины сами прибегали к мужчинам, то не спаслась бы никакая плоть», — писал преподобный Иоанн Лествичник.

Мы говорим сейчас о кризисе семьи. Но этот кризис в какой-то степени обусловлен также и потерей стыдливости у женщин. К сожалению, современные светские психологи брака часто говорят обратное. Что для поддержания интереса мужа женщина должна сбросить с себя все путы стыда, стать раскрепощенной. На самом деле браки, ориентированные лишь на плотские радости, как правило, скоро изживают себя. Плоть конечна, она мало изменчива, а если и меняется со временем, то в худшую сторону. Душа же бессмертна и имеет свойство обновляться, по словам Апостола. Она может изменяться, исправляться, улучшаться. Интерес к ней никогда не насыщается.

Здоровая стыдливость должна сохраняться и при самых близких отношениях, дабы не сводить их до чисто животных.

Да не подумают женщины, что сказано все это ради унижения их достоинства. Мы помним, что при приблизительно равном количестве мужского и женского населения в мире в храмах женщин заметно больше, а вот тюрем женских гораздо меньше.

Алкоголики и наркоманы чаще мужчины. А дела милосердия творятся все больше женскими руками. И заметьте, что именно на женщин — святую равноапостольную Марию Магдалину и преподобную Марию Египетскую — мы укажем, как на образец покаяния. И человек, которого мы более всех почитаем на этой земле, — тоже женщина. Наша мать. Не для того чтобы обидеть женщин, но чтобы остеречь их, пишутся эти строки.

Оберегайте свою стыдливость, не заглушайте ее голос страстными романами и любовными сериалами, вызывающей одеждой и дерзостью в разговорах. Ваша стыдливость — это ваш Ангел-Хранитель. И пусть он пребудет с вами до старости и самой смерти. Он поможет вам сберечь себя как свободную и полноценную личность. Сохранит ваше семейное счастье и счастливое материнство.

Вредный стыд

Иногда чувство стыда рождается в нас от тщеславия. Так, некоторые стыдятся своей небольшой зарплаты и тратят много усилий на то, чтобы хоть выглядеть более обеспеченными. Причем вовсе не для того, чтобы иметь от этого какую-нибудь выгоду, например, вес в обществе, от которого зависят, а просто так, потому, что им стыдно не иметь того-то или того-то, что есть у других. О таких и поговорка есть: «Шапка в руп, а щи без круп».

Стыдятся бедных, больных или необразованных родственников. Одна женщина рассказывала, что в молодости очень стыдилась своих необразованных родителей. Родители ее — простые работники, добрые честные люди — с большим трудом дали своим детям высшее образование, хотя сами не имели его.

И детки их стыдились. «Однажды на вопрос о родителях я ответила: «Они у меня — так, никто. С ними и разговаривать не о чем». За эти слова мне до сих пор стыдно», — вспоминала она.

Помню, еще в юности зашел я к знакомому. Ненадолго в комнату вошла его мама. Что-то спросила. Что-то сказала и через несколько минут ушла. «Ты извини, — засмущался приятель, — мать у меня глуповата». Хотя мама его ничего неумного не сказала и не сделала.

Кто-то стыдится сознаться, что не читал известную книгу или не знаком с общеизвестной истиной. И обманывает своих собеседников, говоря или показывая, что читал или случайно забыл.

Все это из тщеславия, желая создать о себе лучшее мнение.

«Тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство», — сказано у преподобного Иоанна Лествичника.

Тщеславный человек стыдится простого платья, простых родителей, простых слов и простых чувств. Он придумывает себе какие-то сложные, «умные» слова и чувства. И претворяет их в жизнь. Стыдясь и пряча себя настоящего.

«Мнение о нас других людей — вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура. Это стремление к обману так велико, что человек в жертву ему приносит, искажая свою природу, даже самого себя — единственное и неповторимое, чем является каждая человеческая личность.

Зато как пленяет всякий раз встреча с человеком, свободным от этой язвы, и как мы любим в детях, не вошедших еще в полосу сознательности, их полную простоту и непосредственность. Но возможна и сознательная борьба, приход к простоте от этой осложненности. Во всяком случае осознать в себе присутствие этого зла — половина дела» (священник Александр Ельчанинов).

Особенно страшно, когда люди «позируют» перед священником. Предваряя исповедь, священник говорит: «Се чадо, Христос невидимо стоит приемля исповедание твое, не устыдися, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене: но не обинуяся рцы вся, елика соделал еси... аще ли что скрыеши от мене, сугуб грех имаши». Скрытый из ложного стыда на исповеди грех не просто расценивается как сугубый, то есть двойной, но он усиливается, укрепляется в нас.

Приходит на память история одной пожилой женщины. Она из любопытства посмотрела по телевизору непристойный фильм. Сказать на исповеди постеснялась. «Я уже не в том возрасте, чтобы увиденное оказало на меня влияние, но должна же я знать, чем соблазняют наших соотечественников», — думала она. Потом она посмотрела еще один фильм. Потом еще. Покаяться на исповеди стало еще труднее, теперь это был уже не просто стыд, но позор. К счастью, быть может по молитвам духовника, она все же нашла в себе мужество и сказала о грехе. Интерес к ненужному познанию тут же прошел.

Обычно человек, стыдясь назвать на исповеди грех, успокаивает себя тем, что и сам справится с ним. Тем более что люди в Церкви сейчас начитанные, и многие средства борьбы с грехами им известны. Однако все эти средства полезны лишь после исповеди.

В Отечнике святителя Игнатия Брянчанинова встречается такой рассказ. Юноша-монах мучился от греховной страсти и стыдился открыть ее старцу. Только соберется к исповеди, как помысл говорит ему: «Ведь ты и сам знаешь, как поступить. Поступи сообразно прочитанному тобой и не тревожь старца». Юноша на время успокаивался. А потом, вновь измученный страстью, опять собирался к старцу. Но враг снова внушал ему: «Какая нужда тебе рассказывать что-либо о себе. Ведь ты и сам знаешь, как бороться с грехом». Так длилось три года. Молодой инок приходил к старцу, но открыться стыдился.

Однажды, увидев, что в келье у старца никого нет, юноша совсем было решился рассказать ему все, но ложный стыд вновь остановил его. Тогда он задал старцу некоторые духовные вопросы и, получив на них ответ, хотел уйти, как и прежде, не открыв своего сердца. Но старец догадался, что тот томим помыслами и не решается открыть их. «И я человек, — сказал старец, прикоснувшись к груди инока, — скажи мне, что с тобой». Юноша, стыдясь, отвечал: «Ты знаешь, чем я страдаю». Но старец сказал: «Нужно тебе самому обличить свое состояние». Тогда инок со всяким стыдом исповедовал свою страсть.

Старец сказал: «Чего ты стыдишься? Скажи мне, не человек ли я? Не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не исповедуя их? Теперь пойди — усиль свою молитву и не говори ни о ком худо».

Со временем, благодатью Божией и молитвами старца, страсть оставила юношу.

Нередко мы особенно стыдимся какого-то определенного человека. Например, своего приходского священника. В церковных приходах между священником и прихожанами со временем складываются

какие-то личные отношения. Бывает, что боязнь потерять расположение батюшки затрудняет исповедь. Кающийся часть грехов называет своему приходскому священнику, а другую часть приберегает для священника с другого прихода. Здесь половинка и там половинка, вроде бы все грехи исповеданы. Но такая лукавая исповедь только осложняет жизнь, сама является грехом и не дает успокоения совести. А если вам дорого мнение о вас вашего знакомого священника, то помните, что ничто так не огорчит его, как утаенный на исповеди грех, и ничто так не порадует, как мужественное обличение своих грехов, пусть даже они будут самыми ужасными или «стыдными».

Разделяя исповедь между двумя батюшками, «своим» и «чужим», мы унижаем церковное Таинство. А это уже грех кощунства или святотатства.

Стыд, который мешает нам сказать о грехе на исповеди, дан нам не для того, чтобы убежать от нее, но чтобы усилить исцеляющую силу Таинства. Те грехи, что мы называем со стыдом, как бы сжигаются им. Преодолев ложный стыд и назвав грех, мы получаем особенное облегчение и радость.

* * *

Современное общество, и религиозное также, ищет для себя легких путей. Широких и удобных. Люди не хотят вспоминать и говорить о неприятном. Религиозный мир Запада сегодня скорее можно назвать полурелигиозным. Большинство западных христиан, даже католики, представляют себе загробную жизнь как вечную радость в исполнении всех накопленных на Земле желаний и избавлении от всяческих неприятностей. О аде стараются забыть. Нет ни ада, ни воздаяния за грех. Всем, всем сладкие подарки! Сплошной Новый год!

Такая полурелигиозность отвечает духовным потребностям части и нашего общества. К сожалению. Но там, где нет воздаяния за грех, нет и самого греха. Нет греха — нет и стыда. «Беззаконник не знает стыда» (Соф. 3, 5). «Легкая» религиозная жизнь без стыда и закона — обычная уловка диавола.

Но ад все-таки есть. И мучения адские есть. И тех, кто здесь проводил жизнь нечестивую, заглушая в себе голос совести и стыда, ждет там «тягчайшее из всех мучений — вечный позор и вечный стыд» (святитель Василий Великий). Не забудем же об этом!

ЛЕГКИЙ КРЕСТИК

На дверях некоторых храмов появились рекомендации прихожанам касательно внешнего вида. В первую очередь они касаются, конечно, женской одежды. Это — непременный головной убор и юбка. Казалось бы, все понятно: есть благочестивая традиция, основанная не на пустом месте. И чего же проще: спокойно подчинись ей. Однако среди прихожанок оказались и обиженные. Знаю даже случай, когда барышня, несколько лет ходившая в церковь, в ответ на замечание относительно одежды так расстроилась, что перестала вовсе посещать богослужения. «Раз в брюках нельзя, то и совсем не приду. Вот вам!» Как говорится, осердясь на вшей, да шубу — в печь.

Рекомендации повесили, в книжках да газетах православных печатают всякие разъяснения, а брючницы все настойчивее. И объясняют они свою настойчивость очень просто: брюки удобнее, практичнее. Возможно, и так. Но когда речь идет о духовной жизни, то часто именно неразумное, некомфортное с бытовой точки зрения скорее и вернее приводит к цели. Довольно вспомнить о широком пути, ведущем к погибели, и узком, тесном пути, ведущем в жизнь вечную (Мф. 7, 13–14).

Сын Божий пострадал за нас на кресте. Принял мученическую казнь. И для православного сознания всегда было естественным желание тоже хоть немного потрудиться, пострадать плотью за Христа.

Если мы представим себе площадь перед каким-нибудь сельским храмом в праздничный день, лет этак сотню назад, то вряд ли увидим на ней крестьянских лошадок, ждущих хозяев. Разве что одну, на которой в телеге или санях привезли на службу больного человека. А сам-то храм полон народа! И все люди пришли пешком. Хотя церковный приход порой включал и весьма отдаленные деревни. Моя бабушка с ее родителями, например, ходили в церковь за восемь километров и всегда — пешком, несмотря на то что имели лошадь. Да и никто из их деревни на лошади в церковь не ездил.

На поклонение святыням — в Киев, в Москву, в Задонск, по дальним монастырям — тоже ходили пешком. Или шли пешком хотя бы часть пути. Опять же потому, что хотели «пострадать ради Христа». Кому-то может показаться нерациональной такая трата сил и времени. Но любовь вообще иррациональна. Наташа Ростова, чтобы доказать свою любовь к Соне, прижигает себе руку раскаленной линейкой. И этот поступок вовсе не кажется глупым ни Соне, ни ее взрослому брату-офицеру. Да и нам, читателям.

Любовь подразумевает жертву. Она всегда жертвенна. Когда любишь, то хочется все отдать любимому человеку. Отсюда и выражения: возьми мою жизнь, возьми мое сердце, я все для тебя готов сделать!

Отношения между Христом и Церковью уподобляются в Писании отношениям между женихом и невестой. Это удивительно точное сравнение! Чем же мы можем выразить свою любовь к Небесному Жениху? Для большинства христиан сегодня такая возможность — это подвиг благочестивой жизни, который включает в себя и особенности внешнего вида.

Мне знакома одна маленькая девочка. Она учится в малолюдной сельской школе и уже несколько лет терпит обиды и насмешки от своих одноклассников. Ее треплют за косы, портят ей одежду и учебники, бывает, что и ударят. За что? За то, что она не такая, как другие. Она не красит волос, а красить волосы и лицо сейчас начинают, к сожалению, в пятом-шестом классе; не пользуется косметикой, не носит брюк. Это красивая, спокойная и общительная девочка, прилежная ученица, готовая на дружбу и приятельские отношения. Однако жизнь у нее нелегкая.

Малышку можно назвать настоящим Христовым воином. И раз благочестивая внешность так раздражает — нет, не деток из ее класса, мы-то с вами знаем, кого она раздражает, — то значит, косички, юбку и чистое личико имеет смысл отстаивать.

У Господа нет преимущества ни иудею, ни эллину, ни рабу, ни свободному, ни мужскому полу, ни женскому. Все члены Церкви призываются на воинскую службу, становятся воинами. Наша земная Церковь так и называется — Церковь воинствующая. Так что женщины вполне могут считать платок на голове и юбку своей воинской формой.

Согласен, жизнь за последние годы очень изменилась. В некоторых бытовых и рабочих ситуациях женщина в юбке выглядит нелепее, чем в брюках. Хотя таких случаев, на самом деле, и не так много. Но пусть уж прихожанки считают для себя ношение воинской формы обязательной хотя бы «на параде», когда приходят в храм, когда молятся.

Казалось бы, какая разница — во что одеться? Ведь Господь смотрит не на внешнего, а на внутреннего человека. Не на лицо, а на сердце. Однако именно внутренний человек одевает внешнего.

И поэтому можно сказать, что дело не в одежде, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбрать эту одежду.

За нежеланием принудить себя и хоть на время расстаться с привычными туалетами чувствуется уныние. Идут прихожанки на праздничную службу, а праздника в душе нет. Есть привычка, чувство обязанности, но не праздник. Потому и нет желания одеться как-то нарядно, не по-будничному. «Сойдет и так». Не хочется и покупать для церковной службы особую одежду. Зачем? Подумаешь, раз в неделю надеть на пару часов. К чему и тратиться?

А всего-то век назад наши соотечественники нарочно приобретали, или, как тогда говорили, «справляли» праздничную одежду. Ее еще кое-где называли «обеднешной», то есть одеждой, в которой ходили только в церковь, к обедне. Потому что церковные праздники и воскресный день наши предки понимали как дни особого торжества, которому нужно было соответствовать.

Посмотрите, как прекрасны наши православные храмы! Как причудливо построены! Какое в них убранство! Как искусно сшито облачение священнослужителей! Все это для вас. Для вас, дорогие прихожане и прихожанки. Чтобы ввести вас хоть ненадолго в Царство Небесное. Чтобы вспомнили вы, что мало чем умалил Господь человека от Ангелов, славою и честью венчал его (Пс. 8, 6). Чтобы познал «человек свое благородство и достоинство; как драгоценен ты, брат Христов, друг Царев, невеста Жениха Небесного» (преподобный Макарий Египетский). Разве эти ни с чем не сравнимые почести, что даровал нам Господь в Своей Церкови, не вызывают в вас чувства благодарности? Не обязывают? Разве застиранные джинсы и маечки уместны в этих стенах?

Разумеется, у представительниц прекрасной половины человечества есть и другие грехи, даже поважнее, чем посещение храма в несоответствующей одежде. Кто-то заметит, что, может быть, лучше заняться ими. Оно так и получается на исповеди: все-то расскажут, а про брюки — молчок. Словно это уже и не грех, во всяком случае, очень маленький и легко объяснимый: мне далеко ехать, в юбке неудобно; у меня дети маленькие, с ними в юбке трудно. Кстати, о детях и неудобствах. На нашем приходе самые нарядные, чистые, «выглаженные» и причесанные дети — это дети самой многодетной семьи, жизнь которой отягчена многими обстоятельствами и постоянной нехваткой денег. Причем детки приносятся и приводятся на службу мамой не по асфальтовой дорожке, а по тропинке, не всегда сухой и чистой. Но мама их никогда не жаловалась на неудобство юбки.

В военных сводках Великой Отечественной иногда звучала фраза: «Наши войска отошли на заранее подготовленные позиции». Так говорили, чтобы не тревожить население. Вроде мы не отступаем, а проводим запланированную операцию. В духовной войне мы тоже, случается, отступаем, но если мы отступаем без сожаления или, чтобы не тревожить свою совесть, объясняем правомерность своего отступления, то мы так же лукавим. Мы действительно отступаем на заранее подготовленные позиции, только подготовил их для нас враг рода человеческого.

В культуре любого народа всегда было четкое разграничение между мужской и женской одеждой. Даже тогда, когда эта одежда состояла всего лишь из красочных узоров на коже. Одежда должна была подчеркнуть разницу, данную нашим телам Творцом. Мужчины и женщины акцентировали свой пол.

Зачем? Для того чтобы каждый помнил о своих особенностях, из которых вытекали многие права и обязанности человека, которыми определялось его место в жизни семьи, племени, народа.

Осознанное природное различие не подразумевает угнетения одного пола другим, но помогает воспитывать себя и развивать в себе свойства и качества, присущие именно своему полу. Чтобы мужчина воспитывал себя как мужчину, а женщина — как женщину. Тогда, соединяясь, они дополнят друг друга. И их союз будет прочным.

Так, если мы добавим в чай сахар, то есть соединим два совершенно разных вещества, то получим сладкий чай, который уже невозможно разделить на составляющие, сколько бы мы ни делили, ни разливали его по чашкам. Но если мы соединим сладкий чай со сладким чаем, то разделить смесь опять на две чашки не составит труда.

Сегодня эти различия между мужским и женским пытаются стереть. Появилась даже одежда среднего пола, так называемый «унисекс». Конечно, женщина вместе с брюками приобретает некоторую свободу. Но заметьте, как изменилась женская пластика! Не так давно я видел старый, еще черно-белый, фильм «Отчий дом». События происходят в колхозной деревне конца пятидесятых. Одну из колхозниц играет народная артистка Нонна Мордюкова. Есть там кадры, где она бежит по тропе. Крупная, уже не очень молодая крестьянка в недлинном ситцевом платье. Ничто, кажется, не мешает ее шагу. Но как она бежит! Даже в быстром беге движения по-женски сдержанны и удивительно целомудренны. Сейчас так уже не бегают. Брюки нанесли большой урон женской стыдливости. Теперь различить по пластике мужчину и женщину не просто.

Раскованная в движении женщина уже менее нуждается в помощи мужчины. Это когда она была в юбке с оборкой — хотелось подать ей, поднести, достать. Сам ее облик напоминал мужчине, что рядом совершенно иное создание, и он брал у нее чемодан, подавал руку, помогая пройти сложный участок пути. А теперь она и сама сможет, справится.

И она действительно справляется. Но когда-нибудь она скажет: «Перевелись настоящие мужики. Остались одни никудышные». Конечно, ведь мужчины тоже незаметно принимают свою долю свободы: отступаются от лишней нагрузки. Зачем напрягаться, ведь рядом не женщина, а унисекс. Чем мужественнее становится женщина, тем женственнее — мужчины.

И браки с такими перекосами в характерах — очень тяжелы. Так, уступая в пользу удобства в одном, можно потерять в другом. И еще. Выросшие в джинсах девочки, как правило, менее терпеливы и покладисты. Что тоже не подарок для будущей семейной жизни. К тому же они нередко тяготятся своей женственностью. Не случайно общество, в том числе и через Церковь, остерегало от вольного обращения с одеждой. «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок перед Господом Богом всякий делающий сие» (Втор. 22, 5), — читаем в Священном Писании. А на Шестом Вселенском Соборе было определено «таковых отлучать от общения церковного» (62 Правило).

Благочестивая одежда — самый легкий, «текстильный» крестик, который вручает женщине церковная традиция. Но он способен оказать значительное влияние на ее духовную жизнь. Эта одежда может быть и удобной и модной. Стоит лишь при-

ложить желание и фантазию. Но уж если и есть в юбочных туалетах какое-то неудобство, то тем большего почета достойна та, которая терпит его.

По своей слабости мы, современные христиане, редко способны на великие подвиги. Господь и не требует их от нас. Нам остался лишь подвиг благочестия и терпения. Слава Богу, нет сегодня языческих императоров, требующих под страхом смерти отречения от Христа. Открыты наши храмы, мы можем приходить на церковную службу, исповедоваться, причащаться, крестить детей, не боясь тайных соглядатаев и притеснительных законов. Нас не бросают в темницы, не отдают диким львам и тиграм. Наш подвиг — благочестивая жизнь в неблагочестивом обществе. Легкий женский крестик — праздничная юбка — может стать первым шагом на этом пути. Примите его как некоторое мученичество. И Господь не оставит вас без награды.

О ГРЕХЕ НЕВЕЖЕСТВА

Жаркий летний день в Галилее. Ни одного облака на лазурном небе. По дороге из Капернаума движется большая толпа народа. Каждый хочет подойти поближе к Человеку, идущему впереди и о чем-то говорящему со Своими спутниками. Многие пришли сюда издалека в надежде услышать слова нового учения, получить утешение или исцеление от различных болезней. «И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Мф. 4, 25). Летний зной и долгий путь от родного дома отзываются жаждой и голодом, но голод духовный, жажда Слова Божия заставляют забыть о страданиях плоти.

Вот Божественный Учитель взошел на невысокую гору, сел и «отверзши уста Свои, учил их, говоря: ...Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...» (Мф. 5, 2, 6).

Для того, кто определил свое отношение к Богу и стал на путь спасения, естественным должно быть стремление к познанию Бога, Его свойств, к знанию Закона Божия и путей, которыми можно достичь цели — оправдания перед Богом и блаженства жизни с Ним.

Православная Церковь обладает всей полнотой этого знания, возможностью руководства и помощи человеку на пути спасения. Более того, без Церкви никакое знание, никакая правда не будет Правдой

Божией и не даст нам оправдания и соединения с Богом. Церковная жизнь православного человека состоит не только из сердечного расположения к Богу, вера подразумевает еще и конкретные действия. Это регулярное посещение общественного богослужения в храме. Не хождение в церковь за святой водой и установление свечей перед иконами, а осмысленное участие в церковной службе. Участие в Таинствах Церкви, сюда относится регулярная сознательная исповедь и Причащение Христовых Таин. Чтение Священного Писания и Предания Церкви, святоотеческой и житийной литературы. Применение на практике евангельских истин — жизнь по Евангелию. Обязательная молитва. Устроение внешнего порядка жизни по уставу Православной Церкви и в ритме церковного календаря.

Трудно ли это? Всем ли по силам? Всем. Вспомним, что именно так жили наши предки. И неплохо жили. Нашу Родину называли не только Святою Русью, но и Великой Россией.

Об одном из обязательных аспектов церковной жизни, а именно о постоянном духовном образовании и чтении духовной литературы мы и поговорим.

Мы говорим: мы православные. То есть мы правильно славим Бога, правильно Его понимаем, исповедуем. А много ли мы знаем о Нем? Действительно ли мы православные или это просто термин?

Сегодня религиозной литературы печатается, слава Богу, достаточно. Кое-где при храмах есть воскресные школы. Священники почти на каждой службе говорят проповеди. При храмах есть катехизаторы, которые ответят на вопросы, да и священник никогда не откажет в беседе, совете. Но при всем при этом сложилась удивительно парадоксальная ситуация. Немалая часть верующих не только

не знает основ веры, но считает для себя даже излишним восполнять этот пробел, довольствуясь неизвестно где почерпнутыми полуязыческими представлениями и собственными домыслами. Иногда наше православие сводится к присутствию на непонятной службе и чтению «Отче наш» дома. Причем недостаток знания, как правило, восполняется следованием всяческим приметам и обычаям, соблюдением каких-то нелепых внешних форм вроде невозможности передать свечу через левое плечо или непреложного правила ставить свечу на подсвечник только своей рукой, способа подвязывания платка, манеры вхождения и исхождения из храма. И такое христианское язычество может продолжаться годы.

Есть «верующие», которые заходят в церковь лишь за святой водой или поставить свечу. Вспоминаю одну такую посетительницу (по-другому не скажешь), пробирающуюся в Великий Четверг в плотной толпе молящихся к подсвечнику: «Да пустите же меня, не нужна мне ваша служба, мне только свечку поставить». Любопытно, что даст ей эта свечка без отвергнутой церковной службы?

Бывают и «домашние христиане», у кого (как они это называют) «Бог в душе». Некая знаменитость на вопрос «Верит ли она в Бога?» — ответила: «Да, я верующая. Конечно, там (взгляд на небо) что-то есть. Но в церковь я не хожу, не хочу быть как все. Вера — дело сугубо личное». И бродят такие «личности» со своей сугубо личной верой, ища свое легкое, индивидуальное царствие небесное у личного бога. Впрочем, плутать в потемках религиозной безграмотности могут и ходящие в церковь.

Одна верующая дама, двадцать лет посещавшая православное богослужение, позже, уже уйдя к сек-

тантам, упрекала Русскую Православную Церковь в том, что за эти годы она так и не поняла, что и для чего поется и читается в храме за службой. Для нее все богослужение сводилось к целованию Евангелия и опусканию денег в церковную кружку. Но чем же виновата Православная Церковь? Можно день за днем ходить в институт, смотреть, как педагог что-то пишет на доске, объясняет, и не давать себе труда сосредоточиться, разобраться, заглянуть в учебник, спросить. А потом обвинить педагога в несданной сессии.

Эта же дама упрекала не кого-либо, а опять же Русскую Православную Церковь в том, что за двадцать лет она не смогла найти и прочесть Евангелие, которое даже в страшные двадцатые-тридцатые годы сохранялось почти во всех православных семьях, а уж в наше-то время есть даже в семьях атеистов. Теперь она, благодаря братьям-сектантам, обрела желаемую книгу, правда, уже с частными толкованиями и прочим. Трудно представить себе эту христианку бросившей домашние дела, может быть, овечек или козочек, огород, и в зной идущей несколько десятков километров по проселкам, чтобы услышать слово Божие. Именно такие христиане, желающие без труда и усилия достичь Царства Небесного, и становятся легкой и удобной добычей всяческих сект, предлагающих удовлетворить жажду Божественного без хлопот и забот. Но «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его», — говорит Спаситель (Мф. 11, 12).

Легко сказать: «Я верующий». «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2, 19). Одно из первых и необходимейших дел веры — стремление к познанию Бога. Если мы не будем постоянно насыщать себя знаниями о Боге

и Законе Божием — вера наша зачахнет и умрет. Наше христианство должно быть сознательным.

Россия — страна православная, и, конечно, многие религиозные истины у нас как бы на слуху с детства. Язык Священного Писания настолько слился с обыденным языком, что даже в годы религиозного террора оказалось невозможным исключить из русской речи библейские слова и выражения: «блудный сын» (Лк. 15, 11–32), «бесплодная смоковница» (Мф. 21, 19), «краеугольный камень» (Мк. 12, 10), «тьма кромешная» (Мф. 22, 13), «зарывать талант в землю» (Мф. 25, 18), «строить дом на песке» (Мф. 7, 26), «скрежет зубовный» (Мф. 22, 13), «малая лепта» (Мк. 12, 42), «камень преткновения» (Рим. 9, 32), «заблудшая овца» (Мф. 18, 12), «соль земли» (Мф. 5, 13), «волк в овечьей шкуре» (Мф. 7, 15). Эти выражения известны многим, хотя и не все знают, откуда они. Иногда в нашей обыденной речи попадаются и крупицы религиозного знания, привычные фразы из Писания: «Много званых, да мало избранных» (Мф. 22, 14), «Поднявший меч от меча и погибнет» (Мф. 26, 52), «Дерево познается по плоду» (Мф. 12, 33), «Нет ничего тайного, что не стало бы явным» (Мф. 10, 26), «Кто не работает, тот да не ешь» (2 Фес. 3, 10), «Суета сует и всяческая суета» (Еккл. 1, 2), «Не хлебом единым живет человек» (Мф. 4, 4), «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39).

Русская литература и живопись до октябрьского переворота не изгоняла Бога и религию со своих страниц и полотен, а потому наше соприкосновение с отечественной культурой напоминает нам и об отечественной религии. Даже быт наш сохранил кое-какие православные традиции. Например, когда мужчина входит в помещение, он всегда снимает головной убор. Ведь раньше, как только входили в дом,

сразу крестились с молитвой на святые иконы, а, по словам Апостола, мужчина при этом должен обнажить голову: «Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову» (1 Кор. 11, 4). Традиции гостеприимства и почтительного отношения к гостю восходят к библейским временам. Когда-то праведный Авраам принимал под мамврийским дубом Господа и двух Ангелов, явившихся ему под видом путников (Быт. 18, 1–33). Поцелуй при встрече с близкими людьми тоже христианская традиция. «Приветствуйте друг друга лобзанием любви» (1 Пет. 5, 14), — завещали Апостолы.

В России православным быть естественнее и проще, чем где-либо в Бразилии. Но здесь также легко можно ощутить себя православным и не будучи таковым.

«Знаю кое-что, да и ладно, а чего не знаю, то у бабы Кати спрошу. Она давно в церковь ходит», — думает иной или иная. Так и довольствуются бабыкатиным богословием, несколькими привычными евангельскими фразами да погодными приметами, связанными с христианскими праздниками. Вот и все православие. Таким не имеющим и не ищущим духовного знания христианам можно напомнить слова Спасителя: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13, 12).

Приходской опыт говорит, что даже чтение Евангелия некоторые христиане считают для себя необязательным, не говоря уж о другой духовной литературе. «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4, 4), — читаем в Писании.

Евангелие — это и есть слово Божие, это хлеб наш духовный. Во время церковной службы Евангелие символизирует для нас Самого Господа нашего

Иисуса Христа. При чтении Евангелия сам Патриарх стоит с непокрытой головой. Евангелие полагается на святом Престоле. Мы украшаем эту драгоценную книгу драгоценными по мастерству и материалам окладами. В прежние времена оклады часто делались из серебра и украшались ценными камнями. Эту ли книгу не читать, пренебрегать ею!

Здесь все в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущаго в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И Вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

И. Никитин

Евангелие есть основание нашей веры. «Как христианин от веры, так вера от Евангелия начинается», — писал святитель Тихон Задонский. Вера человека, не читающего Священного Писания, неустойчива, и путь его, как путь идущего во тьме. Священное Писание — это наш духовный руководитель. В житейских ситуациях мы можем определить наш выбор из Священного Писания. В скорбях мы находим утешение в словах тех же священных книг. «Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильною, мужественною и мудрою, не позволяет ей увлекаться неразумными страстями...» (святитель Иоанн Златоуст).

Читать Священное Писание необходимо постоянно. Некоторые монастырские уставы запрещали

монаху иметь какую-либо собственность в монастыре (вплоть до одежды), но не запрещали иметь духовных книг. В других монастырях инок не мог иметь кружки воды в келье, но держал в ней книги.

Случается встречать верующих, особенно среди людей образованных, читавших Священное Писание и знающих внешнюю, так сказать, сюжетную сторону Божественного Слова. Иногда по неведению или по самомнению они довольствуются своими вольными толкованиями какой-либо притчи или события. Такое частное богословие принято в протестантизме, но никак не уместно в Православии. «Мы должны думать так, как говорит Священное Писание, но не заставлять его говорить так, как мы думаем», — читаем в «Цветнике духовном». От этого своевольного умствования предостерегает апостол Павел своего ученика: «О Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословии лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры» (1 Тим. 6, 20–21).

Священное Предание — творение святых отцов, как крепкая стена, хранит нашу веру от лжеучений. Ум смиренный, преклонившись перед авторитетом святости, сохранит себя от ереси. Ум же своевольный и гордый, не оградивший себя учением святых отцов, уклонится от истины. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6). Вот что писал о Священном Предании святитель Игнатий Брянчанинов: «Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? Это их согласие, согласие чудное, величественное. Осьмнадцать веков в устах их свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное!

Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами столь раз-

личных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь Божественную, тогда говорю себе: таковы писания Отцов».

Те, кто читают и образовывают свой ум учением святых отцов, «из которого составляется догматическое и нравственное предание Церкви» (святитель Игнатий Брянчанинов), утверждают веру на надежном основании. «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бые утверждены на основании Апостолов и пророков» (Еф. 2, 19), Часть верующих на вопрос о чтении духовной литературы отвечает: «Мы люди темные, нам это непонятно. Мы к этому не привыкли». Евангелие написано для всех. И для мудрецов, и для простецов. *Евангелие* — по-русски *Благая весть.* Благая весть о жизни Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери, святых Апостолов. Евангелие — это проповедь Спасителя, слово Божие, правда о «Свете истинном», «который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1, 9). Всякого человека. Впрочем, «если ты не понимаешь Слово Божие, так бесы понимают, что ты читаешь, и трепещут» («Цветник духовный»). «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему» (Иак. 1, 5), — советует апостол Иаков.

Чтение житийной литературы не требует какой-либо подготовки, оно доступно каждому, даже ре-

бенку. Жития святых были излюбленным чтением русского человека в любом звании. Такое чтение позволяет увидеть отражение Божиих свойств в земных людях, укрепляет духовное мужество, дает утешение в скорбях, помогает в житейских раздумьях. «Дивен Бог во святых Своих» (Пс. 67, 36).

«Мы читаем духовные книги, но почти ничего не понимаем и не запоминаем», — сетуют те, кто имеет несколько более воли к доброделанию. Что же, в «Древнем патерике», где собраны рассказы о святых старцах, есть и такой. Один инок, придя к старцу, пожаловался: «Отче, я читаю Божественное Писание, но лишь только закрою книгу, уже ничего не помню. Что мне делать? Мне кажется занятие это бесполезным для моей души». Старец отвечал: «Возьми этот кувшин. Налей в него несколько воды. Поболтай. Вылей. Посмотри, есть ли в кувшине вода?» «Нет, отче», — ответил ученик. «Зато кувшин стал чище, — сказал старец. — Так и ум твой — после чтения святых слов».

Несколько лет назад в нашем храме была создана воскресная школа. Класс для взрослых наполнился не сразу. Не так-то просто оставить домашние дела, огороды, скотину и потратить полтора-два часа после службы на слушание Закона Божия. Кроме того, трудно признать себя неграмотным, имея иногда и высшее образование, и положение на службе, и высокую квалификацию, общее уважение и опыт церковной жизни. Нелегко смириться и назвать себя школьником взрослому человеку. Но «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3), — сказал Спаситель.

Начались занятия. Новые взрослые школьники действительно были как дети. Усердие к Слову Бо-

жию не могло остаться без награды: из туманных представлений о Боге стали вырисовываться вполне конкретные черты Личностного Совершенного Духа, потому что Бог — это Личность со своими личными свойствами. Долгая и непонятная служба сделалась радостной и знакомой, что позволило им из зрителей стать участниками ее. Отвлеченные слова молитв стали родными, как будто их родило собственное сердце. Теперь в храме глаза встречали знакомые лики святых. Знание жизни угодников Божиих сблизило Церковь земную с Церковью Небесной. Те, кто когда-то сочли свой ум детским и сказали: «Я ничего не знаю, но хочу знать», — сегодня сами могут ответить на многие вопросы, научить.

Духовное знание преображает человека, делая ум его чистым и здравым. «Светильник тела есть око» (Лк. 11, 34), а светильник души — ум, — говорит святитель Феофан Затворник, — как при неповрежденности ока телесного все вокруг нас во внешнем быту нашем видно для нас и мы знаем, как и куда идти и что делать, так при здравом уме видно бывает для нас все во внутреннем быту нашем, в нашем отношении к Богу и близким и в том, как держать самих себя». Здравым и чистым умом святитель называет ум, *согласующий себя со словом Божиим*. «Мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 16), — по словам апостола Павла.

Знание Закона Божия призывает к исполнению этого Закона, и если не сразу меняются внешние поступки человека, то внутреннее отношение к ним, понятие добра и зла делаются устойчивыми. Богомыслие изменяет и саму внешность. Людей, привыкших читать духовную литературу, узнаешь сразу. Так некогда изменились и лица наших школьников.

Но духовную мудрость нельзя принять в себя раз и навсегда. Размышляя об образовании христианина, Николай Васильевич Гоголь писал: «Друг мой! Считай себя не иначе как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты был уже стар для того, чтобы учиться, что силы твои достигли настоящей зрелости и развития и что характер и душа твоя получили уже настоящую форму и не могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса: он вечно ученик, и до самого гроба ученик...

Но если только возомнит он хотя на миг, что учение его кончилось, и он уже не ученик, и оскорбится он чьим бы то ни было уроком или поучением, мудрость вдруг от него отнимется, и останется он впотьмах, как царь Соломон в свои последние дни». А апостол Павел предупреждает: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (1 Кор. 8, 2).

Священное Писание и Священное Предание должны быть нашими учителями до конца дней. А потому будем понуждать себя к учению, заставляя глаза читать, уши — слушать, а ум — размышлять. «Итак умоляю вас, братия... представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 1–2). Аминь.

НУЖНА ЛИ ВНЕШНОСТЬ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ?

«Бог в душе»

Обращаясь к христианам греческого города Коринфа, апостол Павел писал: «...К стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога» (1 Кор. 15, 34). Апостол упрекает не язычников, действительно не знавших истинного Бога, а своих же братьев по вере. Почему же? За что? Да потому, что представление о Боге у немалой части христиан коринфской общины не выходило за рамки: «Он существует». Дальше начиналось неведение. Неведомы были ни свойства Божии, ни дела Его. Вера жила сама по себе, не имея плода, не имея практики, не воплощая себя в делах и стремлениях. Каким был человек до просвещения словом Христовым, таким и оставался.

Минуло почти две тысячи лет, ушли в мир иной те, кого пытался устыдить невежеством Апостол, славный город Коринф потерял былое величие и название, кажется, чего и вспоминать *«дела давно минувших дней»*? Однако и сегодня очень ко времени звучат слова: «некоторые из вас не знают Бога». Как часто вера и наших современников ограничивается лишь признанием существования Бога! Многие ли смогут сказать, в какого Бога они верят? Где Он находится и откуда взялся? Чем занимается? Какой Он? Что Ему от нас нужно? Одни не знают Его *еще,*

пока что, до времени, но стремятся узнать. Не о них речь. Другие упорно знать не хотят. Им довольно верить в *«нечто и ту манну даль»*. Вот от них-то, *упорных*, чаще всего и приходится слышать: «Бог у меня в душе».

На чем же основано нежелание *«знать Бога»*? На нежелании менять свою жизнь. Ведь знание о свойствах Бога непременно вмешается в нашу жизнь. Разделит все наши деяния, слова и мысли на *Божьи* и *не Божьи*. Среди *не Божьих*, или греховных, могут, и даже обязательно окажутся, привычные и приятные для нас дела и вожделенные цели. А когда к своему греху нет неприязни и расставаться с ним нет охоты, да к тому же неприятно ощущать себя грешником, вот тогда-то — самое время туманной фразе: «Бог у меня в душе». Оно так удобно — незнание Бога и Божьего закона: нет закона — нет и греха. Нет греха — нет и ответственности.

Веря в *«незнаемого»* Бога можно любой безнравственный поступок представить (даже самому себе) как высоконравственный. Муж уходит из семьи к другой женщине, потому что разлюбил жену, и считает для себя безнравственным притворяться любящим. Или жена уезжает от мужа, потому что считает его пример вредным для детей. Знаю случай, когда женщина, многодетная мать, покинула мужа, потому что он был недостаточно церковен.

Или еще, пришли как-то на церковный двор два молодых человека и протягивают мне большой золотой нательный крест: «Мы хотим передать его в церковь». Я спросил у них: «А это ваш крест?» «Нет, это крест одного нехорошего человека». «Он сам отдал вам его?» «Нет, мы забрали у него крест, потому что этот человек не имеет права носить его». Кстати, они забрали у него и еще некоторые вещи, на кото-

рые, по их представлениям, он так же не имел права. А вот каким образом они определили, что *нехорошесть* того человека превосходит их личную *нехорошесть*, они не объяснили. Понятно, что крест я не взял. Вот вам пример *своей* правды, *своей* нравственности, *своего* «Бога в душе».

Кому-то «Бог в душе» не мешает (конечно, из «высших» побуждений) сообщать о проступках одних ближних другим ближним, и при этом не считать это сплетней. «Это ведь скрывать правду от общественности — безнравственно, а открыть чужой грех — очень даже нравственно», — думает общительная соседка или шустрый журналист. Думает так, потому что не знает, что перед Богом грех, а что — нет. Не знать Бога — величайшая беда. «Неведение не ведает своего неведения, неведение удовлетворено своим ведением... Оно способно наделать множество зла, нисколько не подозревая, что делает его», — писал святитель Игнатий Брянчанинов.

«Бог в душе»... А как ты смог пригласить Его туда? Высшее Существо, Всесовершенный Дух? Да к тому же Личный Дух, то есть Личность, имеющую Свои личные свойства, или, как говорят о людях, характер. Как ты определил, что Он там? Ты ведь совсем не знаком с Ним. Скорее всего, то, что ты ощущаешь в душе и о чем говоришь — это *бог твоей души*. То, что ты *сам* назвал богом. Твое персональное божество, по законам которого ты и стараешься жить. Вообще-то, и законы эти — твои собственные законы. И получается, что у всех людей они разные. И если на уровне третьего класса они разные у двоечника и отличника, то что же дальше?

Когда словами «Бог в душе» исчерпывается вся духовная жизнь, нелепо говорить о вере. Точнее — это тоже вера, но мертвая. «И бесы веруют» в Бога, по

словам Апостола (Иак. 2, 19). Как может проявиться вера у «не знающего Бога»? Она мертвым, не созидающим грузом будет лежать в его душе. Именно грузом, неудобным и тяжелым. Потому что состояние *признания* Бога без *призывания* Бога, то есть без активного действенного желания общения с Ним, без проявления веры в Него, очень тяжко для человека.

«Невидимая» вера

О вере также можно услышать: «Он очень верующий человек, но верит в душе. Без всяких внешних атрибутов». Говорят, полагая, что вера в Бога, как явление духовное, должна быть невидимой. На самом деле вера всего лишь отчасти невидима, потому что живая вера непременно выразит себя внешним образом. Так же как Бог, который есть Всесовершенный Дух, невидим, но проявления Его могут быть видны. Тому пример — весь наш сотворенный Господом видимый мир.

О *вере в душе*, или, еще усугубляя, — *вере в глубине души*, обычно говорят с оттенком некоторого превосходства перед верой видимой, с *внешними атрибутами*. Еще бы! Ведь внешнее так легко подделать, а в глубине души нет надобности фальшивить. Все равно никому не видно, что там, на донышке, находится. Поэтому считается, что вера-невидимка — более *настоящая* и заслуживает большего уважения. Правда, чем отличается глубинно-верующий человек от неверующего, не совсем понятно... Да мы и не станем сравнивать, а лучше предоставим слово святителю Феофану Затворнику: «Вера, когда жива и пламенна, не может укрываться в сердце без обнаружения, а сама собой выходит и в слове, и во взоре, и в движении, и в делах».

В доказательство того, что истинная вера выражает себя и во взоре, и в движении, приведу некоторое воспоминание. Это сейчас в церковные праздники все могут беспрепятственно посещать храм. И верующие, и просто любопытные. Лет сорок назад попасть на пасхальную службу *просто так, поглазеть*, было не так-то просто. Перед церковными калитками и дверями стоял кордон из дружинников-комсомольцев. Они должны были пропускать в церковь верующих и не пускать — любопытствующих. Задание деликатное и на первый взгляд — трудное. Ладно еще, если лишний десяток случайных зевак проглядишь и пустишь на службу, а если верующему человеку вход преградишь? Ведь вся эта пропускная компания была устроена якобы исключительно в *интересах верующих*. Частично оно, конечно, так и было. Но что интересно, сколько я не наблюдал за дружинниками, не помню, чтобы они хоть раз ошиблись именно в отношении верующих и кого-то не пустили. Хотя они не спрашивали: верит человек в Бога или просто посмотреть пришел. Верующих они сразу определяли. Значит, невидимая вера как-то видимым образом проявлялась «и во взоре, и в движении».

Вера непременно выражает себя и в образе жизни, а именно — в благочестии, то есть в благом почитании Бога, в устроении своей жизни по Божьему закону. «Благочестие — это признак духовно живущего человека», — говорит святитель Тихон Задонский. К сожалению, сегодня расхожее понятие духовной жизни несколько иное, чем в Церкви. Сегодня духовной жизнью принято называть чтение журналов, посещение концертов, выставок, клубов, светских тусовок. В этом смысле самые духовные люди в нашем обществе — это артисты, художники,

телеведущие. Попробуйте сказать, что художник такой-то или артист сякой-то не живет духовной жизнью. Вас засмеют. В духовности слесаря или повара еще могут усомниться, но в духовности артиста или модельера — никогда.

Правда, такая духовность ни к чему не обязывает и благочестие ей ни к чему. Она вполне совместима и с самой грубой лексикой, и с участием в развращающих нравы телепроектах, и с грехами против естества. Но речь не о ней.

Вера в Бога подразумевает стремление к праведности, то есть к состоянию правоты перед Богом. Не некое сердечное стремление, не видимое постороннему оку, а вполне конкретное, проявляющееся в делах, поступках, словах. Вера человека усматривается не из его заявления о ней, не из его душевного устроения и интеллекта, а из его действий, поведения, отношений с другими людьми, из его оценки своих поступков.

Веришь в душе? Но во что? «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением», — говорит Апостол, (1 Пет. 3, 15). Веруя, мы непременно должны знать *во что веруем.* Именно поэтому при крещении взрослого человека от него требуется прочтение Символа веры, то есть молитвы, где последовательно перечисляются объекты его веры, понятия и явления, составляющие ее. А как же иначе? «Правило веры нашей начинается знанием, проходит чрез чувство и завершается жизнью, овладевая через это всеми силами существа нашего и укореняясь в основах его» (святитель Феофан Затворник).

Когда о своей вере говорят: «Верю, но в душе», — чаще всего лукавят. Лукавят из боязни жизненных изменений, боясь духовной жизни как лиш-

ней нагрузки. Так проще — верить *в глубине души*, не давая воли своей вере, никак не обозначая ее. Но есть ли смысл в такой *законсервированной вере*? Приближает ли она к спасению? Дает ли надежду на жизнь вечную?

Зачем нужны посредники?

Количество верующих и церковных людей не одинаково. Ведь церковная жизнь включает в себя правила, обязанности, ограничения. Не говорю, что она состоит только из ограничений и обязанностей, но они есть. Эти-то ограничения и останавливают немалое число верующих на пороге Церкви. Таинство крещения да маленький нательный крестик на шнурке или цепочке остаются для них единственной связью с Православием.

Есть люди добрые, трудолюбивые, порядочные от природы или благодаря воспитанию. Казалось бы, зачем им нужна Церковь? Может, они могли бы достичь Царства Небесного и без нее? Человеку, никогда не совершавшему дурных поступков, трудно поверить, что его душа может погибнуть, что и ей нужна помощь. Однако попробуйте спросить такого, во всем *порядочного*, человека, откуда у него взялось мнение о своей порядочности? Отсутствие упреков совести? Но есть люди, у которых совесть вообще молчит. У нас немалая часть преступников считают себя невинно пострадавшими. Может быть, это мнение других людей? Но, если это друзья или знакомые, где уверенность, что они объективны? Личное мнение? Но можно привести множество примеров, когда человек рассматривает свою порядочность просто на фоне непорядочности других. «Пью, но на свои», «часто упрекаю, но не бью», « беру взятки, но

борзыми щенками». Священник Александр Ельчанинов писал: «Слепота к своим грехам — от пристрастия. Мы, пожалуй, много *видим*, но *оцениваем* неправильно, извиняем, даем неправильное соотношение: чувство почти инстинктивное». Грех познается лишь на фоне *отсутствия греха*, то есть Истины. А это возможно только в Церкви, где пребывает эта Истина, которая есть Христос.

Прожить жизнь порядочным, честным человеком можно, но спастись без Церкви нельзя. Надеющийся достигнуть Царства Небесного своими силами подобен человеку, который прочитал дома учебник по вождению самолета и думает, что уже может самостоятельно долететь до нужного места.

Спаситель пришел в этот мир и пострадал в нем ради создания Церкви. И до Него были на земле пророки и учителя, учившие, *как* надо жить. Однако пример и благодатная помощь, без которой невозможно следовать в своей жизни этим заповедям и учениям, были даны только Христом. «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20), — обещал Он. И пребывает с нами невидимо в таинствах Своей Церкви, через которые нам даются силы проводить жизнь честно и двигаться в сторону Царства Небесного.

Самое главное таинство — причастие. В Евангелии от Иоанна Господь говорит: « Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53). Без причастия о Небесном гражданстве можно и не мечтать, да и здесь, на земле, трудно оставаться *в рамках* духовного закона. Если вне Церкви греховная жизнь практически норма, то внутри нее это скорее исключение. Обратим внимание на курильщиков. Сколько из них хотели бы бросить курить?! Но как мал процент тех,

кому это удалось. А вот в Церкви курящий человек — редкость. То же и со сквернословием. Такова реальная благодать церковной жизни, помогающая человеку преодолеть свой грех. В Церкви, конечно, есть и грешники. Но вне Церкви — нет святых.

Так называемые «внешние ритуалы Церкви», которые кажутся ненужными нецерковному человеку, оказываются необходимыми, исходя из двухсоставности человека. Человек имеет видимую и невидимую составляющие. Получая благодать в таинствах, человек по своей природе нуждается в телесном подтверждении того, что таинство совершилось.

При крещении человека погружают в освященную воду и при этом вслух произносят слова молитвы. Исповедуясь, мы называем свои грехи, преклоняем голову, а священник покрывает ее епитрахилью и читает разрешительную молитву. Соединяясь с Христом в Таинстве причастия, мы принимаем Его Пречистую Плоть и Кровь под видом хлеба и вина. И так далее. Духовные переживания очень тонки и не всегда могут быть правильно восприняты человеком, потому так премудро устроено в Церкви, что в ней есть и внешняя составляющая.

Сам Господь сопровождал какое-либо духовное действие внешним — преклонял колена, возводил очи. Так как в человеке душа и тело связаны, то состояние души естественно отражается и на состоянии тела. И наоборот.

Кроме того, внешние обряды Церкви показывают, что Церковь и все мы едины, в какую бы православную церковь мы ни пришли, даже в другой стране, везде служба совершается одинаково, везде есть иконы, горят лампады, священнослужители облачены в одинаковые одежды, совершают одинаковые действия. Церковь — это общество людей, объ-

единенных Таинствами. Мы говорим, что Церковь — это тело Христово. Но такое объединение в единое тело вряд ли возможно без единых церковных обрядов. А значит, — они нужны.

Человека спасает не честная жизнь, не поступки, потому что тогда незачем было бы воплощаться и страдать Сыну Божию, человека спасает Сам Господь. Но как? Через благодать, которая дается ему в Церкви. По словам святителя Филарета Московского, как необходима человеку для рождения в жизнь утроба матери, так же необходима ему для духовного рождения духовная утроба Матери-Церкви.

«Верить в душе», не будучи членом Церкви, все равно как носить фотографию любимого человека в кармане, избегая встреч с ним. Такой «роман» обречен. «Вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц», — писал святитель Феофан Затворник. То, что многие принимают за духовную жизнь «без посредников», на самом деле просто букет эмоционально-интеллектуальных переживаний в комплекте с религиозно-бытовой атрибутикой. Разговор о Боге за чаем, при свечах и под иконами.

И, чтобы не заканчивать разговор на этой грустной и кому-то обидной ноте, еще раз напомню — будущая наша жизнь начинается здесь, на земле. Узнать, что такое вечное мучение, пусть в микроскопической дозе, можно и вне Церкви. Но получить представление о будущем блаженстве возможно только в Церкви. И каждый церковный человек испытал это на собственном опыте. Господь каждому по-своему дает почувствовать его. Бог, как говорил старец Паисий Святогорец, иногда дает человеку конфетку просто так, незаслуженно, чтобы показать, какая ему на небесах уготована небесная кондитерская. Желаю и вам этого сладкого знания.

ЖИЗНЬ КАК ЧУДО

ПЕРВАЯ ИСПОВЕДЬ

Из многих святых, прославивших имя Христово, есть один, удостоенный особенной чести. Семь раз в году совершает Православная Церковь память святого Пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня. «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя», — говорит о нем Христос Спаситель (Мф. 11, 11). Не будем сегодня останавливаться на необычной и героической судьбе великого человека, а обратимся к той величайшей задаче, которую Господь Промыслитель возложил на него и которую угодник Божий достойно выполнил.

Предтеча, или идущий впереди, он должен был приготовить народ к принятию Христа, приготовить путь Господу, сделать прямыми стези Ему (см.: Мф. 3, 3). К тому времени, когда должно было явиться Иисусу Христу, народ израильский, хоть и ожидающий Спасителя, не был способен принять Его. Находясь в порабощении у римлян и чая освобождения и возрождения государственного, люди не видели своего порабощения греху, их мало заботило возрождение духовное. Очистить сердце покаянием призывал их пламенный Пророк: «Покайтесь, ибо

приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2). «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф. 3, 5–6). Только очистившие сердце и сотворившие «достойный плод покаяния» (Мф. 3, 8), то есть оставившие злые дела, люди могли принять должным образом Спасителя.

Покаянная дисциплина известна с древних времен. Ветхий Завет не один раз говорит о покаянии как отдельных личностей, так и целых городов. Но лишь в христианской Церкви покаяние получило силу Таинства, в котором Господь не только прощает грех, но дает свою благодатную помощь устоять в чистоте и не возвращаться более к этому греху.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), — обещает Спасителя людям с чистой совестью. «Бога узрят...» Но как удостоиться этого блаженства? Наше искреннее желание не грешить и наше усердие не всегда могут сохранить от ошибки. Апостол Павел, человек высочайшей нравственности, говорит о себе: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19). «Тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха» (Рим. 7, 25). Трудно избавиться от греховных привычек, рожденных и ошибками и воспитанием, и соблазнами среды, и неведением, и равнодушием к своей судьбе. Трудно уберечься от случайных падений, трудно не соблазниться оправданием обычности греха вокруг нас.

Но причина падения не является оправданием его, а лишь может послужить объяснением. Главное же при любом падении — снова встать. Сколько бы раз и как бы ни пал человек, но для дальнейшей жизни он должен встать. Иначе — смерть. А встаем мы покаянием. В Таинстве исповеди мы приносим

свое сожаление-раскаяние в содеянном, сказанном или даже помыслимом и через священника получаем от Всемилостивого Бога разрешение, освобождение от исповеданного — сообщенного — греха.

Исповедь называют вторым крещением. Желание жить с Богом заставляет внимательно наблюдать свою совесть, чаще прибегать к Таинству исповеди. Кроме того, исповедь обязательна перед принятием Христовых Таин, перед Причастием. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Во все дни, когда в храме совершается Божественная Литургия, бывает и исповедь. Последние годы число исповедующихся сильно увеличилось, но практика показывает, что пришедшие на исповедь не всегда должным образом подготовлены к этому событию. А потому не лишним будет нам с вами совершить небольшую паломническую поездку. Мысленно, конечно.

Есть в Троице-Сергиевой Лавре небольшая изящная церковь. Пять золотых глав ее горят прямо над вратами в святую обитель. Это надвратная церковь Иоанна Предтечи. Всего семь раз в году бывает в ней служба. В дни памяти святого. В остальные дни здесь проходит исповедь.

Рано утром от основного потока паломников, спешащих к службе в Лавру, изредка отделяются по одному, по два человека и скрываются за небольшой дверкой, расположенной в северной стене Предтеченской церкви. Последуем и мы за ними. Узкая крутая лестница выведет нас на гульбище — внутреннюю галерею, окружающую храм. Сам храм невелик и едва вместит сотню человек. Обычно в нем проводят общую исповедь. Назначенный на этот день иеромонах читает положенные перед исповедью молитвы, затем перечисляет наиболее часто со-

вершаемые грехи, напоминая кающимся то, что могло ускользнуть от их внимания при подготовке к исповеди. Потом следует небольшая проповедь, призванная укрепить и углубить покаянное чувство. И наступает черед частной исповеди. Кающиеся подходят по одному к иеромонахам, стоящим на галерее. Рядом с каждым священником небольшая тумба-столик. Это аналой, на нем лежат крест и Евангелие. Перед крестом и Евангелием исповедник тихим голосом чистосердечно перечисляет батюшке все, что тяготит его совесть. Около каждого священника стоит небольшая очередь. Иногда исповедник долго не отходит от аналоя, но его никто не торопит. Человеку, привыкшему испытывать свою совесть, более открыты его грехи, чем человеку, невнимательному к себе. Потому одна исповедь длится долее, чем другая.

Все сказанное на исповеди остается тайной между кающимся и священником. Вот как образно говорит об этой тайне святитель Димитрий Ростовский: «Грехи — камни, нас отягчающие. Милосердие Божие — море. Как камни, в море ввергнутые, никому уже не ведомы, так должно быть и с грехами, ввергаемыми исповедью в море милосердия». Мы никогда не узнаем, что сказал исповедник священнику, но посмотреть и сделать кое-какие наблюдения мы можем.

Разные люди приходят сюда на исповедь. Старики и юные, простецы и мудрецы. И дети. Маленькая девчушка с рыжими кудряшками, выбившимися из-под платка, плачет. Тихо текут слезы мимо веснушек. Это не слезы обиды, не слезы каприза. Светлая Иорданская струя, омывающая маленькое сердце. Мне рядом с этой печалью по чистоте страшно за свое окамененное нечувствие. А она уже идет от свя-

щенника. Счастливая. «Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14).

Напрасно кто-то скажет: «Я уже стар, мне поздно меняться, поздно идти в церковь». Не поздно. За духовным младенчеством следует юность, а потом и зрелость. Но только для тех, кто живет жизнью Церкви. То есть участвует в ее Таинствах. Исповедуется и причащается. Иначе, прочтите хоть все книги мира, всю духовную литературу, ходите в церковь, ставьте свечки, заказывайте молебны: мальчик, стоящий в Предтеченском храме Лавры со списочком грехов, всегда окажется впереди вас.

Духовная жизнь — дело сугубо индивидуальное, она тайна для окружающих. Но есть внешние действия, говорящие о внутренней жизни. К одному пожилому уже священнику, настоятелю храма, обратилась женщина с просьбой провести беседу с сотрудниками некой организации. Священник спросил: «С верующими?» На что женщина ответила: «Ну кто может сказать, верующий человек или неверующий. Я сама, может быть, христианка». «Очень просто, — ответил священник, — определить верующего. Тот, кто исповедуется и причащается, — тот верующий, а тот, кто не исповедуется и не причащается, не может назвать себя христианином».

Ожидают своей очереди две женщины, на лице одной беспокойство. Она часто обращается к своей соседке, спрашивает ее о чем-то. Должно быть в первый раз пришла с родственницей или подругой. Страшно ей: как же она будет открывать перед чужим человеком то, что и самой-то не хотелось бы знать о себе. «Ведь Бог всеведущ. Ему известны все наши помыслы, не только дела. Он видит мое сокрушение о грехах. К чему слова?» — думает не-

опытная дама. Не-опытная. Не имеющая опыта исповеди. Кто исповедуется, тот знает разницу между внутренним раскаянием и Таинством исповеди.

Но что можно ответить неопытной душе? Если малое дитя (а все мы чада Божии) совершило какой-либо проступок, и это не укрылось от родителей, справедливо ожидать и даже требовать, чтобы ребенок все же сам подошел к ним со словами: «Папочка (или мамочка)! Я сделал то-то и то-то, прости меня. Я больше не буду». Оставлять дитя при его внутреннем сожалении опасно. В следующий раз сожаления может и не быть, его может поглотить какое-нибудь другое переживание, недосуг времени и так далее.

Так же и нам необходима словесная исповедь в присутствии свидетеля, через которого мы получаем ответ на свое покаяние. «Не довольно исповедоваться перед Богом, надобно исповедоваться также перед теми, которые получили от Бога власть исповедовать» (Блаженный Августин). Стыдится нужно самого греха, а не открытия его. К одному праведному мужу приступала блудница, уговаривая совершить грех. Он долго ее вразумлял, но безумная женщина не отставала, тогда он сказал ей: «Хорошо, будь по-твоему, пойдем на городскую площадь и согрешим там». «Зачем же на площадь? Там люди. Пойдем и укроемся в моем доме», — возразила женщина. «Если я Бога не стыжусь, то чего же мне людей стыдиться», — ответил ей праведник. И тогда женщина отошла от него. «Бог не покроет, если мы не откроем» («Цветник духовный»). Но что же открывать, если не видишь грехов, не знаешь их, если совесть давно уже спит. Если на каждый грех столько оправданий найдешь, что он обернется для тебя добродетелью. Стоит перед батюшкой пожилая женщина, на лице недоумение. «Иди, матушка, иди, подумай,

вспомни, какие у тебя грехи». «Да какие же грехи, нет у меня грехов», — спорит женщина. «Что же, до семидесяти лет дожила и грехов нет?» — «Да нет же, какие грехи?» — «Ну, может, хоть один вспомнишь?» — «Нет, не помню, нет грехов!»

Как же так! Святые находили в чем каяться, считали себя великими грешниками, а здесь — «нет грехов». Не «нет грехов» — а «не знаю», «не вижу», «не хочу знать».

Есть другая формула такого безгрешного покаяния: «всем грешен», «всем грешна». И ни одного конкретного греха. А священник не следователь, он не будет доискиваться, уличать. Да, он имеет власть отпускать грехи. Но только исповеданный, сообщенный ему определенный грех, а не некое «всем грешен».

Отчего же мы не видим своих грехов? «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши», — поется в Великом покаянном каноне. Если за нами нет никакого большого «злодейства», если мы живем, как все, то, кажется, и говорить на исповеди не о чем. Но эти-то незаметные, привычные в обществе и потому не осуждаемые им грехи, ежедневные и ежечасные, и делают нашу совесть слепой и глухой — спящей.

С этим грузом миллионов песчинок она уже не в состоянии шевельнуться, когда мы обременим ее и тяжким грехом, может быть, смертным. Поэтому хорошо бы каждое свое действие, каждое слово проверять Законом Божиим, а не собственным мнением, не мнением среды, не привычкой. И каяться в своей слепоте, молиться, да дарует Господь видеть свои грехи. Это уже путь к спасению. По словам святых отцов, тот, кто сподобится видеть свои грехи, выше сподобившихся видеть Ангелов.

Вот женщина что-то долго рассказывает священнику. Наконец исповедь окончена, прочитана раз-

решительная молитва. Женщина отходит, но лицо ее остается озабоченным. Мы, конечно, не знаем, в чем дело. Но часто бывает так: тяготит нечто совесть, а сказать не решаешься, ходишь вокруг да около, исповедуешь даже помыслы, подчищаешь все уголки и закоулки, а одно пятно так и остается. Вспомни тогда слова, с которыми священник обращался к тебе перед исповедью:

«Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не усрамися, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене: но не обинуяся рцы *(говори)* вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами, аз *(я)* же точию *(только)* свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне. Аще ли что скрыеши от мене, сугуб *(двойной)* грех имаши. Внемли убо, понеже бы пришел еси во врачебницу, да не неисцелен отыдеши *(уйдешь)*».

Таким образом можно подойти к исповеди с одним грехом, а отойти с сугубым, двойным.

Нужно иметь мужество обличить себя, то есть показать свое лицо. И тогда произойдет чудо: ты говоришь о себе плохое, а становишься лучше. Короста греха сползает и проглядывает образ Божий. Никогда человек не бывает так прекрасен, как в минуты истинного раскаяния и когда он, преображенный после исповеди, с легким сердцем целует Евангелие и крест в знак примирения с Господом и обещания не возвращаться на неправедные стези.

Сегодня мы были на исповеди учениками и зрителями, но пусть добрый пример подвигнет на доброе, а печальный преподаст нам урок. Уйдем с миром. А недоверчивым я расскажу еще одну небольшую историю с нравственным приложением.

Лет десять назад довелось мне побывать в Боровском Пафнутьевом монастыре, находящемся тогда еще в ведении советов. Директор краеведческого музея, расположенного в одной из церквей, любезно согласился провести экскурсию. Рассказ его носил явную антирелигиозную направленность. В конце экскурсии директор подвел нас к проигрывателю. Включил. Знакомый шаляпинский голос наполнил и преобразил пространство: «Жили двенадцать разбойников, жил атаман Кудеяр...» Мы слушали об удивительной судьбе покаявшегося и ушедшего в монастырь атамана. «Господу Богу помолимся, чудную быль возвестим...» — пел Федор Иванович. Наш экскурсовод определил свою мысль: «Вот как учила христианская церковь: убивай, грабь, а потом покаешься и все в порядке, станешь чуть ли не святым».

Тогда такая трактовка известной баллады показалась мне комичной. Но со временем пришлось не раз столкнуться с подобным мнением. Некоторых смущает легкость прощения, других легкость покаяния. Что касается легкости прощения, то оно смущает нас, в основном, в отношении ближних, а не себя. «Вот ты, такой и сякой, всю жизнь был таким и эдаким, а теперь покаялся, и все — хорошим стал?» — думаем мы. Господь — сердцеведец. Он знает глубину и искренность покаяния. Он и воздает за него. Если человек оставил зло и не возвращается к нему, то и нам бы радоваться, как «бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15, 10).

Но бывает, что греховная язва не может уврачеваться одним покаянием. Тогда священник определяет кающемуся епитимию, некоторые особые духовные упражнения, призванные глубже осознать грех и избавиться от греховного навыка. Это могут быть молитвы, поклоны, пост, милостыня, подвиг

добрых дел, призванный загладить принесенный ущерб. «Сотворите же достойные плоды покаяния» (Лк. 3, 8), — призывал Иоанн Предтеча.

Если говорить о легкости покаяния, то она зависит от нашего отношения к делу. Апостол Петр свой грех отречения оплакивал всю жизнь. По преданию, слезы беспрерывно текли из его глаз и источили на щеках глубокие борозды. А если кто-то, хладно исповедуя грех, не положил в душе своей твердого намерения оставить его, то пусть перед тем, как поцеловать Евангелие, вспомнит он Иуду, предавшего Христа целованием.

«Господи, я согрешил, но Ты, Милостивый, прости меня. Я же обещаю не совершать более этого греха. Помоги и укрепи мою волю к добру», — вот такой или приблизительно такой должна быть наша молитва при покаянии. И тогда нам действительно станет легко. «И найдете покой душам вашим, — как обещает Спаситель, — ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 29–30).

О МОЛИТВЕ

Дыхание соединяет нас с миром, в котором мы живем. Прерывается эта связь — и прерывается жизнь. Молитва дыхание нашей души, она соединяет нас с Богом. Когда нет этой связи, душа наша страдает и, хотя, будучи бессмертной, не может умереть, можно говорить о духовном небытии.

Сочетая в себе природу материальную и духовную, мы не можем все свои заботы сосредоточить на одном лишь физическом теле. Неразрывно связанные в земной жизни душа наша и тело, естественно, оказывают друг на друга влияние. И неизбежно страдания забытой нами души влекут за собой скорби плоти. Первая и главная наша забота о душе — молитва. Ей мы и посвятим сегодняшнюю беседу.

Солнце всходит и утро наступает для всех: для верующих и неверующих, для язычников и христиан. И так же как все люди, христианин, пробудившись от сна, встанет, оденется, приведет себя в порядок. Но далее, прежде чем отдаться заботам дня, верующий человек освятит свой день молитвой. С молитвой он сядет за трапезу, с молитвой покинет дом, с молитвой приступит к дневным занятиям. Память о Боге сопутствует ему весь день. И перед тем как отойти ко сну, Ему же, Всемилостивому, предаст христианин заботу о себе в молитве «В руце Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой...»

Молитва есть благоговейное собеседование человека с Богом. Именно в общении с Господом состояло райское блаженство первого человека. Об утрате этого счастья плакал всю свою жизнь Адам. Молитва помогает нам вернуть утраченное. И нужна она прежде всего нам. Наивно полагать, что наши славословия прибавят что-либо к совершенной славе Господа. Или что Ему неведомы наши нужды. Наши слова ничего не прибавят и не убавят от Бога. Не сообщат неведомую Ему информацию. Но в наших словах — наше сердечное расположение, а именно оно есть залог спасения. Залог будущей жизни с Господом.

Как ребенку свойственно обращаться к отцу (а все мы усыновлены Богу нашему единением с Иисусом Христом, Сыном Божиим и Сыном Человеческим), так и нам должно быть свойственно обращаться к Богу в радости и печали, с благодарением и просьбой, славя Его, Небесного Отца и принося обещания, ища у Него утешения в скорбях и испрашивая прощения за грехи. И как дитя воспитывается в общении с родителями, так воспитанию «внутреннего человека», нашей души, помогает молитва. Она помогает и усвоить истину, и устоять в ней.

Есть ли у вас близкий, человек, постоянно заботящийся о вас, всегда щедрый, неизменно милосердный, неизмеримо богатый, всемогущий, справедливый, любящий вас независимо от обстоятельств? Вряд ли кто-то обладает всеми этими качествами. Но именно такого собеседника имеем мы в молитве — Господа. И Он нам ближе, чем кто-либо. Господь, по словам святого праведного Иоанна Кронштадтского, ближе к нам, чем наша собственная рубашка.

Вспоминаю слова пятилетней малышки, обращенные к подруге: «Ты только начни молиться, а Господь тут как тут. Тут как тут». Такое ощущение

реального присутствия Господа должно всегда сопутствовать нашей молитве. И вера. Безусловная и непоколебимая вера в то, что Он не только в силах разрешить любую нашу заботу и нужду, но обязательно исполнит это самым лучшим образом для нас. «По вере вашей да будет вам», — говорит Христос Спаситель (Мф. 9, 29). Каковы же должны быть время, место и предмет молитвы?

Домашние молитвы христианина состоят из обязательных утренних и вечерних молитв, так называемого молитвенного правила, молитвы перед едой и по окончании трапезы, а также призывания помощи Божией на всякое дело.

Кроме того, многие личные обстоятельства, как то: болезнь близких, предстоящая дорога, притеснение или нужда, страх за родных, — могут стать поводом для особой молитвы. Христианин не забывает и поблагодарить Бога за Его благодеяния. Ведь, согласно словам святых отцов, благодарение за благодеяние — это рука, протянутая за новым благодеянием. Господь не оставит ее пустой.

В воскресные и праздничные дни христиане посещают храм, участвуют в общественной молитве. Такова еще одна обязанность верующего человека. Приходилось не единожды слышать скептическое возражение: «Если так молиться, то и работать некогда».

Царь Алексей Михайлович ежедневно, кроме утренних и вечерних молитв, выстаивал двухтрехчасовую службу. А Великим постом и по пять-шесть часов. Клал по тысяче и более поклонов в день. А между тем служение царя в России было всегда личным трудом. Любое государственное дело, будь то политический шаг, закон или новшество в экономике, обдумывал и наблюдал за исполнением

сам государь. А потому личный труд царя превышал труд любого подданного. У Алексея Михайловича же находилось время и для семьи, и для занятий музыкой, и для охоты.

Александр Данилович Меншиков, губернатор Санкт-Петербурга и ближайший соратник Петра I, каждый день начинал с того, что отстаивал церковную службу. Каждый день... До конца жизни не оставлял он этого правила. А дел у всемогущего министра было столько, что хватило бы на современный парламент. Время он ценить умел.

Михаил Васильевич Ломоносов был человеком очень религиозным, читал наизусть не только обычные молитвословия, но и всю Псалтирь. А его недаром назвали «Российской академией».

Александр Васильевич Суворов почитал церковную службу и сам пел на клиросе, а для воинов при любых обстоятельствах не сокращал молитвенного правила.

Русский поэт и министр Гаврила Романович Державин, также человек действия, немало потрудившийся на благо Отечества, оставил нам много духовных стихов и поэтических переводов псалмов, из которых видно, что молитва часто была предметом его размышлений, а имя Божие не редко было на устах.

Не нехватка времени, не обремененность делами не позволяют некоторым из нас обратиться к Богу с молитвой — а маловерие, нерадение о себе, душевная лень. Несколько минут для молитвы всегда можно найти даже при самом плотном житейском графике. Но...

Люди, которые молятся, знают, как по-разному складывается день в зависимости от утренней молитвы. Одна православная женщина рассказывала: «Если я помолюсь утром как положено, то у меня в

сутках как будто часов прибавляется. А если молюсь на ходу, кое-как, то день сокращается часов до пятишести. Да и дела идут вкривь и вкось».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский советовал не оставлять вечернего молитвенного правила, даже если очень устали. Пусть вы отнимите у сна несколько минут, но все же потрудитесь помолиться, и сон ваш будет более полноценным, и проснетесь вы отдохнувшими. Примите этот совет.

Молиться можно во всякое время и на всяком месте. Святитель Иоанн Златоуст советует не смущаться никаким местом. Князь Владимир Мономах в своем поучении предлагает и в дороге, если нет дела, повторять молитву «Господи, помилуй», что, конечно же, лучше, нежели «думать безлепицу ездя». «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия» (1 Фес. 5, 18), — учит Апостол.

Не надо ждать некоего «молитвенного настроения» или «внутренней потребности» молиться, на которые ссылаются некоторые ленивые молитвенники. Так можно прождать всю жизнь. Или обратить молитву в тщеславный монолог, о котором Спаситель сказал: «...чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8). Пусть молитва будет трудовой, с понуждением. «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12), то есть дается с трудом.

За личной или частной молитвой не следует забывать молитвы общественной, храмовой. «Помни день субботний *(день покоя)*, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему» (Исх. 20, 8), — еще и еще раз повторим заповедь. Воскресный день, сменивший ветхозаветную субботу (его прежде называли неделей, в отличие от седмицы, которую мы сейчас называем неделей;

в церковном календаре эти названия сохранились и поныне) посвящался всегда церковной службе и различным богоугодным делам: посещению больных родственников, стариков, родителей, острога, для раздачи милостыни.

Пребывание в храме по воскресным и праздничным дням обязательно для верующих. «Ибо здесь есть нечто большее соединение многих, союз любви, молитвы священников, говорит о церковной молитве святитель Иоанн Златоуст. Для того и поставлены священники, чтобы молитвы народа, которые могут быть слабыми, соединяя с более сильными, возносить на небо». Домом молитвы называет храм Спаситель.

Церковно дисциплинированные люди знают, как отзывается на душевном состоянии, на ходе всех дел пропуск воскресного богослужения. «Нет радости, нет праздника в душе», — говорят многие в таком случае.

Посещая церковь, мы покупаем и зажигаем перед иконами свечи. Не надо забывать, что свеча — это лишь символ нашей молитвы, нашего горения к Богу. Дело же молитвы остается за нами.

Предметом молитвы может быть любая наша просьба, благодарение или прославление Имени Божия. Чаще всего мы обращаемся к Богу с просьбой, помня Его обещание: «И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14, 13). «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7, 7–8).

Правда, полезно помнить и то, что «уста могут просить всего, но Бог исполняет только то, что полезно» (преподобный Ефрем Сирин). А потому «с вели-

кой осмотрительностью должно делать прошения, сообразуя их с волей Божией» (святитель Василий Великий).

Нередко случается слышать вопрос: «Можно ли молиться своими словами или нужно использовать только установленные, обязательные тексты?» Можно молиться и своими словами. В этом нет ничего плохого. Но прочтите молитвы, содержащиеся в «Молитвослове». Разве сможем мы так выразить свою любовь к Богу? Свою веру в Его всемогущество, милосердие, человеколюбие? Веру в то, что он простит наши грехи и исполнит наши просьбы? Молитвы эти написаны святыми людьми. Читая их, мы становимся единомысленны с этими святыми. И, кроме того, мы имеем их как бы ходатаями за нас перед Господом. Все равно как если бы в каком-то прошении мы поставили свое имя рядом с именем очень знаменитого и заслуженного человека.

Слова молитвы, составленные Божиими угодниками, способны не только выразить наши мысли, но и направить их, способны усилить и развить молитвенное чувство, укрепить в сознании многие понятия. Такие молитвы подобны школе. Но при некоторых обстоятельствах естественнее молиться своими словами.

Есть молитвы, слова которых мы просто обязаны знать. Это Молитва Господня — «Отче наш...», данная нам самим Господом. Это, конечно, молитва «Богородице Дево, радуйся...», в основу которой легли приветственные слова Архангела Гавриила и праведной Елисаветы. Это Символ веры, в котором в краткой форме содержится то, что составляет основу христианского вероучения.

Удивительную историю о молитве пришлось мне слышать от одной родительницы. Женщина расска-

зала, что раньше она была довольно равнодушна к религии. Молиться или ходить в церковь ей было, скажем, не интересно. Но однажды ее семилетней девочке приснился сон. «Мне снилось, — рассказала дочка маме, — что я стою на каком-то празднике. Рядом стояли мама, бабушка, дедушка и много знакомых. Я увидела очень красивого человека с длинными светлыми волосами на прямой пробор и с бородой. Я думаю, что это был Иисус Христос. Он подошел ко мне и взял меня и мою подругу Таню за руки. Мы пришли в какую-то комнату. Там стояли парты, почти как в школе, за ними сидели дети. Этот человек стал учить нас. Мы выучили две молитвы». И здесь девочка без ошибок прочла «Отче наш...» и «Богородице Дево, радуйся...», которые раньше не слышала. Сейчас это церковная и образованная в религиозном смысле семья. Не показывает ли этот случай еще раз нам, что есть молитвы, текст которых имеет Божественное, небесное происхождение.

Есть у нас чудотворная Иисусова молитва. О ней написаны книги, она источник многих замечательных чудес. Слова ее: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, *помилуй мя грешного*» — привычны многим верующим. Именно об этой молитве М.Ю. Лермонтов написал замечательное стихотворение, которое хотелось бы напомнить:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Молитвенный опыт, переданный в стихотворной форме, принадлежит двадцатипятилетнему светскому офицеру. Михаил Юрьевич не определил на дело молитвы и покаяния годы старости, как некоторые из нас. Старости у него не было, он погиб двадцати семи лет. А можем ли мы быть уверены, что доживем до таких лет, когда физическая немощь сделает для нас невозможными развлечения и труд, и мы, как нам кажется, сможем всецело посвятить себя молитве? Не будет ли поздно? Не желая в этом мире отдать несколько минут в день общению с Богом, смеем ли мы надеяться на это общение в будущем? Наша будущая жизнь начинается здесь. Всего несколько слов молитвы. И они у нас есть.

Сколь содержательна и выразительна такая короткая молитва, как «Господи, помилуй». В ней исповедание Господа нашим Владыкою и Начальником, признание Его могущества и милосердия, осознание нашей немощи и греховности, и вера, что Господь переменит нашу участь, в ней надежда на спасение. Все это в двух словах, сказанных от сердца.

Плоды молитвы трудно переоценить. Вот что говорит о ней святитель Иоанн Златоуст: «Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех. Напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, слабее всех».

Веря, что молитва — это великое благо, повторим и мы вслед за учеником Христовым: «Господи! научи нас молиться» (Лк. 11, 1). Аминь.

«ВРЕМЯ ВЕСЕЛОЕ ПОСТА»

Всемирное понятие — пост

По-разному встречают православные пост. С разным настроением. Может, это и неплохо. Как говорится, Господь и землю не сравнял. Где горы высокие, где долины, а где и болото ягодное. А уж люди-то и подавно разные. О разном думают. Слабый здоровьем тревожится: выдержит ли. Слабый духом сомневается: справится ли. У хозяйки домашние заботы на уме: чем кого накормить. Кто-то надеется сбросить свою духовную лень, встрепенуться. Кто ждет обновления жизни, угашения страсти-беды. А кому-то всегда мило встречать это время особенной духовной работы, позволяющей нам подниматься над обыденной суетой, хоть и необходимой в жизни, но незаметно уводящей с горных вершин на клюквенные россыпи.

Словом, иной раз душа радуется, а в иное время плоть трепещет. А в общем, большинство православных пост любят, кто не сильно любит — терпеливо уважает, а кто поста не уважает, тот и не православный. Может, кому и обидны эти слова, но это так. Пост, его не придумали, это дар Божий. Заповедь о посте была дана Господом первому человеку в раю. Пост — дар благодатный, ограда, спасающая

от смертоносных страстей, греховных привычек. Пост отгоняет и саму смерть.

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16–17). Но человек нарушил заповедь, искусил его диавол, и с нарушением заповеди поста вошла в человека смерть. Была проклята земля за грех его. Теперь уже не в саду Едемском, а на неприветливой земле в тяжелых трудах и скорби был обречен жить Адам. Умножился род человеческий и расселился по всей земле, и в каждом народе, в каждом племени жива память об охраняющей жизнь заповеди поста, и всякий народ в своей вере, пусть зачастую и неправой, имеет какое-нибудь добровольное воздержание — то есть пост.

Испытание верности

Для Адама пост, данный Господом, являлся испытанием верности. Для нас сегодня пост — это также, главным образом, испытание нашей верности. Когда Адам и Ева подвергли сомнению слова Господа и вкусили плоды запретного дерева, то были изгнаны из рая. Точно так же по 69-му Правилу Святых Апостолов отлучаются от церковного общения те, кто не доверяет установленным Церковью постам и самовольно нарушает их. Как говорится: вольному — воля, а спасенному — рай.

Когда мы говорим о себе, что мы православные, то этим определяем свою принадлежность к Православной Церкви, а проявляем мы свою принадлежность к Православной Церкви, выполняя ее установления. Например, соблюдая посты.

Как-то во время Великого поста поехала одна моя знакомая в монастырь на престольный праздник. Хотела она исповедаться и причаститься в знаменитой обители. Отстояла вечернюю службу и пошла на исповедь. Подошла она к незнакомому иеромонаху и подала ему листок, на котором дома записала свои грехи, чтобы ненароком не забыть их от волнения. Глянул иеромонах на тот листок, прочел первую строку и тут же принялся ее ругать. Удивилась моя знакомая, грех тот не казался ей каким-то значительным, неудобным было только, что батюшка ее при всех отчитывал. Стал батюшка дальше список читать. Где головой кивнет, где помолится: «Прости ей, Господи. Помоги ей, Господи». И вдруг опять остановился. Глянул на женщину и не то что громко, а чуть не в крик на нее: «Да как же ты, матушка, такое себе позволила? Да верующая ли ты? Ты ведь небось причащаться думаешь?! Не допускаю!» Долго он ей еще выговаривал, та растерялась, плачет, умоляет, обещает исправиться, больше не нарушать... Кое-как успокоились оба. Батюшка дальше читает, тихо бормочет: «Помоги Господи. Ну ладно... ну понятно... ну это бывает...». И опять запнулся: «Вот что, матушка, уж вторая неделя поста прошла, а ты, я вижу, еще и не приступала к покаянию. Не могу я тебя до Чаши допустить. Иди с Богом».

Опечалилась паломница, что не допустили ее причаститься в престольный праздник, да делать нечего. Пока ехала домой, все думала: почему иеромонах «придрался» к этим таким несущественным, обычным, да почти «формальным» грехам? Только у самого дома додумалась: все это были грехи против Устава. Против в общем-то нетяжелого устава мирянина. И смирилась она, прошло у нее сердце на сердитого иеромонаха. Действительно, если мы уж са-

мого простого не можем потерпеть, что уж там о каком-то исправлении говорить, о духовной жизни, о Православии.

«И с той поездки, — рассказывала моя знакомая, — как в дни Святой Четыредесятницы Великого поста помыслится... нарушить свое обещание, так и вспомнится строгий батюшка, как он ругал меня, ну и понудишь себя, постараешься не нарушать. Правда, в памяти тот духовник уже и не такой сердитый».

Вспоминается мне и еще один пример соблюдения или, вернее, несоблюдения церковного Устава. Когда-то пел я в церковном хоре, и была у нас певица по имени... ну, скажем, Вера. Заболела эта певица некой смертельной болезнью и через некоторое время умерла. Была она женщина верующая, но до болезни не особенно церковная. Конечно, в последнее время религиозная жизнь Веры изменилась, но духовная жизнь — тайна, и как проходило ее воцерковление, мы, конечно, не знали. Однажды, после смерти Веры прошло уже несколько месяцев, ее близкая подруга, тоже певица хора, подошла ко мне и спросила: «А что такое Типикон?» Я ответил, но в свою очередь поинтересовался причиной вопроса. Верина подруга рассказала следующее.

Ее очень заботила судьба умершей, она много размышляла о ней и молилась, чтобы Господь открыл ей Верину участь. Недавно ей приснился сон. Увидела она Веру и спросила: «Ну, как ты? В раю?» — «Что ты, — ответила Вера, — к Красному Крыльцу даже не подпустили. Молись Тихвинской иконе Божией Матери». А потом Вера наклонилась и прошептала: «Типикон», и еще раз внятно повторила: «Типикон». После этого сна и пришла подруга спросить, что же за странное слово сказала ей Вера.

Типикон — это Устав, церковный Устав. О необходимости жить соответственно Уставу и предупреждала из загробного мира Вера свою подругу.

О воздержании

Но оставим пока разговор о посте религиозном и вспомним о привычном в жизни воздержании, о посте бытовом. Его роль в нашей судьбе настолько значительна, что мы можем сказать, что именно умение ограничить себя позволяет человеку сохранить в себе образ Божий или, по крайней мере, не выйти из биологической категории «хомо сапиенс» (человек разумный). Заметим, что безумие, психические заболевания у человека часто проявляются или сопровождаются именно невозможностью сдерживать себя.

Кстати, умение владеть своими, пусть даже естественными или врожденными желаниями, отнюдь не возвышает человека над животными, а лишь позволяет «подтянуться» до обычной для бессловесных нормы. Им как бесперспективной и безответной твари вместо разума дан инстинкт, вместо свободы выбора — одно единственное, правда, абсолютно верное решение. От Бога или, как говорят неверующие, от природы. Насытился — заканчивай трапезу, зачала потомство — пора прекратить брачные отношения, принесла приплод — корми и воспитывай.

Высшим есть чему поучиться у низших. Вот запечатленная на пленке сцена: около пообедавшей буйволиным мясом львицы пасется нежная антилопа, а сытая львица лениво наблюдает за возможным вторым блюдом и не соблазняется легкой добычей, не желая перегружать желудок и печень. Или другой естественный закон: никакой самый хитрый

лис, будь он даже в самой роскошной шубе, не выманит на свидание вынашивающую или вскармливающую потомство лисицу.

У человека нет такой жесткой подчиненности биологическому закону пользы и самосохранения. Человек свободен в выборе. Овсяной каши мы, пожалуй, съедим тарелку; если очень голодны — то две. А как быть, если на столе «появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским?..» (И.А. Бунин «Ида»). За таким обедом, пожалуй, соблазнишься на лишние калории. Римляне после взятия Карфагена завладели огромными богатствами. Пиры в домах даже самых простых граждан приняли чудовищные размеры. Римляне услаждали свой вкус небывалыми изысканными яствами. Ели и пили дни и ночи. Насытившись, насильно извергали пищу вон из желудка, чтобы дать место новому наслаждению. И снова садились за трапезу. Может, вы подумаете, это были дикие, некультурные или неожиданно вырвавшиеся из голодной бедности люди? Нет. Точно так же «наслаждались жизнью» поэты, философы, ученые, высокообразованные государственные деятели, тонкие ценители искусства.

Желание вкусной и несвоевременной пищи формируется и возрастает в человеке постепенно, незаметно, хотя и не очень медленно. И, окрепнув, начинает властвовать над ним, понуждая, быть может, не всегда явно, на неразумные, опасные для здоровья и даже бесчинные дела: на лицемерие, ложь, притеснение слабого. «Глава страстей есть объяде-

ние», — прочтем у преподобного Иоанна Лествичника. Желание повкуснее и поболее поесть противоестественно человеку. Вспомним, что дикие животные не имеют такого желания и не страдают от объядения, от ожирения, но только домашние или живущие рядом с человеком твари могут иметь этот недуг, или грех чревоугодия, словно заражаясь им от нас. При этом они и мучаются от тех же болезней, происходящих от невоздержания.

«Сколько различных искусств, веществ, орудий употребляет разумный человек для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Как унижается разум, когда истощается в изобретениях, чтобы дань, ежедневно требуемая чревом, как неумолимым владыкою, была ему приносима как можно в большем изяществе, и была им приемлема как можно в большем количестве. И как ругается над сим раболепствующим разумом чрево, концом всех его забот о изяществе полагая нечистоту и смрад», — писал святитель Филарет Московский. Согласитесь, что пылающее от стыда лицо обличит многих из нас при этих словах.

Не мил нашему обществу и естественный режим брачных отношений, обеспечивающий возможность рожать и воспитывать здоровое потомство. Невоздержанность в этом смысле становится в последние годы просто чудовищной. Редкий брак сегодня не страдает от излишеств супружеских отношений. Святитель Иоанн Златоуст говорил, что брак дан человеку «для погашения естественного пламени», но большинство современных супружеских пар более пекутся не о погашении, а о разжигании чувственного пламени.

Ориентация на наслаждение ставит настроение супругов в сильную зависимость от возможности

получить его. Малейшая неувязка в интимных отношениях вызывает сильнейшее раздражение и обиду. Незаметно накопившееся раздражение нередко прорывается в ссорах. Даже недолгое вынужденное воздержание из-за болезни, отлучки или беременности кажется невыносимым. Супруг или супруга в этом случае очень быстро теряет свою привлекательность и незаменимость в глазах отлученной от супружеского ложа половины. Известно, что немало супружеских измен случается именно в такой период. На память приходят сразу несколько супружеских пар, где муж за время беременности жены успел не только впасть в грех прелюбодеяния, но и фактически создать новую семью.

Излишества ложа, незаметно истощая организм супругов, обязательно отразятся на их потомстве. Невозможность себя ограничить или боязнь за свое положение, действительно зачастую основанное только на плотских отношениях, толкает супругов на забвение и попрание законов природы. Ни женская немощь, ни беременность, ни кормление ребенка, ни болезнь супруга не является препятствием к удовлетворению требований распущенной плоти. И как результат такой «африканской страсти» — больные слабые дети.

«Воздержанием начинается духовная жизнь», — по слову святителя Василия Великого. Воздержанием начинается и всякая разумная здоровая жизнь.

Воспитание

Понятие воспитания, воспитанности также неразрывно связано с навыком сдержанности. Терпение — первое, чему учится человек. У маленького

крохи только что прорезались зубки. Набухли, чешутся десны. Так хочется сжать острыми зубками материнскую грудь. Но сердитый окрик или легкий, но неприятный толчок нарушает неразумное удовольствие, гасит желание. Теперь малыш будет сдерживаться.

А вот ребенок уже постарше. Он сидит в высоком креслице за столом, ждет своего обеда. Ему хочется есть, а мама все медлит у плиты, не несет тарелку. Может, покричать? Постучать ножками? Закатиться в плаче? Но дитя уже знает, что в действиях мамы есть свой порядок, что плач не ускорит дела, и малыш ищет в себе силы немножко потерпеть.

Дитя постепенно учится владеть своими «хочу» и «не хочу», его уже не нужно каждый раз поправлять и останавливать. Пришли гости, принесли коробку конфет к чаю. Хочется взять себе не две, а пять и даже десять вкусных конфет. Но отрок уже знаком с воздержанием, он и не спрашивает у родителей, сколько ему можно взять конфет из коробки. Он ждет, пока мама или папа положат ему на блюдце одну, может, две. И только когда все уйдут, или на следующее утро, напомнит он маме, что в коробке осталось еще несколько конфет, чтобы она случайно не забыла об этом.

А гости, придя домой, обязательно вспомнят о хорошем мальчике и расскажут своим детям, что Мишенька весь вечер **не** шумел, **не** вмешивался в разговоры взрослых, **не** капризничал, **не** канючил, чтобы ему дали кремовую розу с торта, **не** требовал себе самое большое и красное яблоко из вазы. Словом, произвел приятнейшее впечатление как воспитанный мальчик. Вот так-то, детки!

Что ж, продолжим наши наблюдения. Когда начнутся школьные занятия, потребуется первый на-

стоящий подвиг воздержания: разве просто сидеть за домашними уроками, когда на улице прекрасная погода, веселый смех и игры во дворе?

Чем старше дитя, тем более укрепляется в нем чувство личной ответственности, которое обязательно влияет на волю, на умение сдерживать желания. Посмотрите, один шестиклассник, сделав наскоро «письменные», катается беззаботно весь вечер на ледяной горке, а другой, написав положенное, сидит читает и географию, и историю, и какие-то необязательные, но полезные книги, или готовится к контрольной работе. Один школьник, задыхаясь, втягивает дым предложенной приятелем сигареты, а другой сдерживает свое любопытство.

В девятом классе кто-то бродит с шумной ватагой сверстников по улицам или сидит полдня на бульваре, а кто-то вообще до минимума сократил время прогулок, посвятил его учебе, потому что хочет в будущем заниматься любимым делом, получить интересную профессию. А ведь погулять, да помечтать, да с друзьями повеселиться тоже очень хочется!

А дальше? Училище, техникум, институт... В юные годы все вокруг привлекает нас. Все думаешь, как бы не опоздать, успеть. Успеть интересно, весело пожить, а не на лекцию, конечно. А любовь? Откуда она и берется-то? Разве легко прервать свидание с любимой даже ради подготовки к зачету. «Ну еще часок погуляем, еще полчасика, еще десять минут. Ночью посижу над конспектами, наверстаю». Только наверстает ли? И за конспектом думы-мечты все не уходят, попробуй, отгони их. Ох, как нужна в юности уздечка — привычка воздержания! Сколько уныния и скуки вырастет в дальнейшей взрослой жизни из запущенной за хоккеем геометрии или из не сданной за романтическими прогулками сессии.

Сосед и приятель по детским годам известного московского батюшки отца Алексия Грачева вспоминает, что в детстве Алешу называли во дворе «мальчик со скрипочкой». Осталось впечатление, что он все время спешил на занятия, то с портфелем, то с нотами и скрипкой. Вспоминается он всегда в белой рубашечке, в аккуратных глаженых брюках и начищенных ботинках... Мальчик со скрипочкой... А ведь он был очень веселым, общительным, подвижным и несколько озорным ребенком. Успевал реализовывать себя даже в шалостях, но умел и отказаться от веселого удовольствия ради главного, если это было необходимо.

Кто знал отца Алексия, помнят, что свою недолгую жизнь он прожил так наполненно и интересно, что хватило бы на десяток долгих лет. Воспитанная с детства внутренняя дисциплина позволяла ему втиснуть в одни сутки неимоверное количество дел. И при этом жил он как-то легко, свободно и весело.

Да, хорошее воспитание обязательно отразится во взрослой жизни. Оно сделает эту жизнь более покорной нам. Поможет ей стать свободной, радостной, интересной. Разумные ограничения не свяжут, а напротив, дадут личности расцвести всеми талантами. Выгода, как говорится, налицо. А какую пользу может дать нам ограничение религиозное, то есть пост?

Послушание Церкви

Маленький ребенок не понимает, почему ему нельзя лазить на подоконник или садиться за стол, не помыв рук. Он сначала просто слушается маму, а уже позже, когда подрастет, пожнет плоды своего воспитания. Хорошо когда и взрослые чада, в простоте и особо не мудрствуя, слушают свою Мать-

Церковь и выполняют то, что она установила для них: соблюдают посты, читают положенные молитвы. Но как бывают в семье капризные дети, которые хотят выйти из-под маминого руководства, так и некоторые церковные чада, случается, задают детский вопрос: а что мне за это дадут? Или в более взрослом варианте: а какой в посте прок?

Мы уж говорили, что пост — это, в первую очередь, испытание нашей верности. Нашего сыновства, нашего послушания Церкви, признание ее святости. В Символе веры мы произносим: «Верую... во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». То есть верим, что Церковь свята и установления ее святы.

Друг Алексея Степановича Хомякова, русского философа и литератора, вспоминал о нем: «С юности и до самой кончины он неуклонно соблюдал церковные установления. В Париже, где в первый раз он был еще в молодых летах, им во время Великого поста не был нарушен строгий пост. Хомяков рассказывал, что, когда в Петербурге он был юнкером и потом офицером, товарищи его, мало знавшие установления своей церкви, говаривали ему: «Уж не католик ли ты, что так строго соблюдаешь посты?» — Он это делал не потому, что считал сухоядение верным путем ко спасению, а потому, что посты установлены нашею Церковью, что он не признавал за ее исповедниками права самовольно изменять ее установления...» (А.И. Кошелев).

Кто признает материнскую власть Святой Церкви и отвечает сыновним послушанием, тот пребывает в Церкви, как в родном доме. Как послушное дитя счастливо безграничной материнской любовью, миром собственного сердца и всеми благами родного дома, так и послушные церковные чада особенно

счастливы миром и покоем, которые дает им церковная жизнь. Они чувствуют, что они «уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным *камнем*» (Еф. 2, 19–20). И заметьте, как бы ни был значителен человек в Церкви, каким бы великим святым он ни стал, он всегда остается по отношению к ней чадом, ребенком, то есть находится в послушании у нее.

Против власти плоти

Мы хотим совершать поступки хорошие, сердцем тяготеем к добрым делам, а себялюбивая своекорыстная плоть желает иного: нежиться в лени, потакать своим греховным привычкам. «Ибо плоть желает противного духу, а дух противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5, 17), — писал Апостол, и далее: «Дела плоти известны: они суть, прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царства Божия не наследуют» (Гал. 5, 19–21). И поэтому, чтобы ослабить неблагодатную власть плоти, мы с помощью поста ограничиваем ее требования, смиряем ее. А если ее не ограничивать, то на удовлетворение своих прихотей она заберет все наше время, все силы. Что же останется душе?

«Те, которые Христовы, распяли плоть со страстьми и похотьми. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны» (Гал. 5, 24–25), — читаем у

Апостола. Усмирение плоти умертвляет и грех. «Чего только не исцеляет пост! Какого душевного недуга не уничтожает! Изгоняя пресыщение и надменность, он обновляет сердце, уничтожая роскошь, подавляет пыл гнева, утишает жестокую ненависть, снимает бремя вожделений, уничтожает горячку страстей, изгоняет надменное тщеславие...» (святитель Иоанн Златоуст). «Воздержание есть истребление греха, отчуждение от страстей» (святитель Василий Великий).

Случается, привяжется к человеку грех, и просто так, одним волевым усилием не прогонишь его. Или овладеет страсть. Как избавиться от беса винопития или пустого любопытства, или любоначалия? С чего начать? С поста. По словам Спасителя, «сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21).

Воздержание в пище нужно не для ослабления телесных сил, а для ослабления той силы, с которой плоть стремится подавить дух в человеке. «Воздержание от пищи нужно для того, чтобы ослабить силу плоти и сделать покорным этого коня», — говорит святитель Иоанн Златоуст. Пост приучает человека к дисциплине, ущемляя плоть, дает власть духу. Даже нецерковный мир признает, что жизнь не может осуществляться без лишений. Не имеющий религиозного поста, он создал себе свой «пост», который позволяет держаться «в форме», владеть собой. Это различные диеты, спорт, тренажеры. Правда, все эти мероприятия помогают только **прожить жизнь**, но **не приобретают вечности**.

Боязнь поста

«Приимите пост, больные, — это матерь здоровья», — говорит святитель Василий Великий, и еще: «Приимите пост, здоровые, — это охрана вашей те-

лесной крепости». Пост и здоровье, пост и телесная крепость действительно связаны. Но в расхожем мнении или, скорее, в малоцерковной среде, то есть у людей, не имеющих опыта поста, связь эта видится иною, чем она есть на самом деле. Достаточно часто на вопрос о посте можно услышать: не пощусь по состоянию здоровья. Причем тон такого сообщения очень напоминает заявление о законных льготах, хотя редко кто может объяснить, где и кем ему были предоставлены льготы на несоблюдение поста.

Обычно священник просит поконкретнее определить это «состояние здоровья», то есть назвать причину, мешающую православному человеку поститься. А потом пытается объяснить, что артрит, или «ноги не ходят», гипертония, холецистит, ревматизм, «голова кружится», атеросклероз, стенокардия, «поясницу ломит», панкреатит, диабет, а также подавляющее большинство остальных известных недугов никак не могут препятствовать посту. Скорее напротив, при большинстве болезней пост, как говорят, показан. И оказывается, что значительная часть людей не постится не потому, что «здоровье не дозволяет», а просто оправдывает свое отношение к посту нездоровьем. А это грех лукавства. Святые отцы советуют: «Если ты постишься, то не отказывайся от поста под предлогом болезни; ибо и непостящиеся часто подвергались таким же болезням» («Древний патерик»).

Даже в тех редких случаях, когда кому-то приходится ради сохранения жизни или попав в особые обстоятельства нарушить пост, помните, что вам все равно есть что сообщить на исповеди. Ведь грехи бывают вольные и невольные. И невольный грех тоже содержит нечистоту, его обязательно нужно упомянуть на исповеди. Кстати, если для неопытного в церковной жизни человека ситуация, когда

он не может поститься, или, лучше сказать, когда он может не поститься, — отрадна, то для более церковного она горестна.

Часто вспоминаю ушедшего уже друга Николая С. Николай был татарином, вырос в татарской деревне под Уфой. Вырос на мясе, на баранине, на традиционной татарской кухне. В зрелом возрасте крестился. Устав Православной Церкви считал для себя обязательным. А пост для него был не легок. У Николая было две язвы и, кроме того, он не мог есть многие привычные для нас блюда и продукты. Помню, как он говорил: «Ты дай мне баранину, я из нее все витамины достану. Я к вашей картошке и капусте не привык, у меня от нее брюхо болит». Каждый пост он собирался попросить разрешения на молоко: «Вот недельку еще протяну, а потом пойду просить разрешение». Так и откладывал каждый раз до конца, ни разу не просил. Работал Николай в Университете и обедал в столовой. Когда постом я его спрашивал: «Как дела?» — он иронически отвечал строчкой из меню: «Сайда припущенная». Рыбу он тоже не любил. Наверное, если бы коты умели говорить, то с таким же выражением какой-нибудь Барсик произнес: «Смородина красная, в меру кислая».

Было видно, что плоть его страдает, утомляется от поста, но было заметно и другое. С каждым постом духовная жизнь в нем активизировалась, каждый пост поднимал Николая на следующую ступеньку. Не было в его посте самонадеянного безумия, жертвы ради буквы закона. Была правильно найденная мера. Погиб Николай в нечаяной трагедии — автокатастрофе — на третий день Рождественского поста, уже успев пошутить насчет «сайды припущенной». Часто, и особенно постом, я вспоминаю его, вспоминаю как особенный пример веры и стойкости.

В XIX веке упадок благочестия, особенно среди высших слоев российского общества, выразился и в пренебрежении постами. В сердцах наших соотечественников нашли отклик западные, якобы научные теории, о вреде постной пищи. У Л.Н. Толстого есть пьеса «Плоды просвещения». Там мужик на слова кухарки о том, что господа не постятся и совсем забыли, какой такой пост бывает, замечает: «Дело господское, по книгам дошли, потому умственность». Эта «умственность», подсчитав все необходимые для жизни человека элементы, не позволяет ему разлучаться с животной пищей даже на короткий срок, однако она же не позволяет обойтись и без диеты.

Однажды два опытных и, кажется, даже «остепененных» педиатра втолковывали родителям маленькой девочки, что ребенок не может расти без участия каких-то аминокислот и потому пост для него невозможен. Впрочем, то же самое они относили и к взрослому организму. В процессе беседы выяснилось, что девочка слаба, что у нее плохой аппетит. Тогда те же доктора посоветовали исключить на время из меню ребенка животную пищу, то есть те же животные белки, которые только что защищали от «православных фанатиков». По врачебной науке следовало, что ребенка, особенно слабого ребенка, необходимо периодически, на срок от двух недель до месяца, а то и более, держать на растительной, фактически на той же постной пище. Стоило ли ученым людям так долго и с таким рвением нападать на пост?

В жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского был такой случай. Когда он заболел, то врачи единодушно принялись его убеждать отказаться от поста и есть мясное. Больной не соглашался, но, чтобы не расстраивать заботящихся о нем людей, предложил написать письмо матери в Архангельск и

спросить ее благословения. Доктора написали старушке, что если ее сын не станет есть мясную пищу, то непременно умрет. Было в ту пору такое «научное» мнение о некоторых болезнях. Мать ответила. Благословения на нарушение поста она не дала. Мяса отец Иоанн так и не стал есть. Вскорости он выздоровел.

Русский помещик и ученый Александр Николаевич Энгельгард, наблюдая трудовую жизнь народа, заметил, что «все время самых трудных работ проходит без мяса. Петровки, когда производятся земляные работы — а это самое лучшее время для таких работ: сухо и день велик, — пост, да и пост-то самый неудобный, потому что даже огородина не поспела. ...Потом опять пост — спасовки, время уборки хлеба. Да еще постоянно середа и пятница, середа да пятница». Он обратил внимание и на то, что и при постной пище работники не становятся слабее. «Что мясо для полного производства работы не составляет крайней необходимости, что растительных и азотистых веществ ржаной муки и гречневой крупы совершенно достаточно, это видно из того, что при достаточном количестве жира (имеется в виду растительное масло. — *С.Н.*) и на постной пище можно выработать то же, что на скоромной... люди привычные и на трудных земляных работах едят очень часто, даже в скоромные дни, кашу с постным маслом» (А.Н. Энгельгард «Из деревни»). Это писал очень ответственный ученый и практик земледельческого труда. Мы можем вспомнить русских святых постников — преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, который в течение нескольких лет питался лесной травой, известной под названием сныть. Про каждого из этих угодников Божиих известно, что он «имел силу двух человек». Да что го-

ворить, еще совсем недавно пост соблюдали все русские люди, а сил у них и здоровья было не менее, чем у нас.

Моя прапрабабушка Ольга, по рассказам близких, каждое утро, затопив печь и управившись со скотиной и стряпней, шла на службу в село, а отстояв обедню, бежала домой, поспевая как раз к завтраку семьи. И так каждый день. Она неукоснительно придерживалась церковного Устава, соблюдала все посты и была при этом очень здоровой и сильной. Последнюю, младшую дочку она родила, когда ей было уже за пятьдесят.

«И все же, существует же какое-то послабление поста для больного?» — спросит кто-то. Конечно. Но общую рекомендацию тут дать трудно. Можно привести слова из письма преподобного оптинского старца Анатолия (Зерцалова), написанного к немощной женщине: «Святой Василий Великий учит: что мы не должны быть плотоубийцами, а страстоубийцами, а сему помогает более смирение и сознание своей немощи. Кушай себе чаек и булочки во славу Божию! И не смущайся! Только смиряйся. Впрочем, это другим не объявляй, потому что каждому свое приличествует. Как бывает у лекарей; приходят двое: одному прописывается слабительное, а другому — совсем противное. Вообще не объявляй никому, что тебе дается от старца». Каждому человеку, в зависимости от его устроения, от его болезни может быть дан свой особый совет относительно поста, но этот совет духовника не универсален. Он вряд ли подойдет другому человеку, а скорее всего он послужит соблазном, и поэтому свои «нарушения по благословению» лучше не объявлять другим людям. Ведь кто-то может применить чужое лекарство к себе, кто-то искусится и осудит нас, кто-то может осудить давшего нам совет.

Именно совет. Потому что даже священник не может дать разрешение не поститься. Он может только принять покаяние нарушающего пост.

Что можно сказать будущей маме?

Нужно ли поститься беременной женщине? И каким должен быть ее пост? Все будущие мамы мечтают о здоровом малыше. Они стараются дать ему все необходимые «кирпичики» для построения здорового тельца, дать ему различные витамины для жизненной силы, и поэтому будущие мамы так внимательны в выборе продуктов к своему столу. Заметим, что одни женщины, увлеченные своими обязанностями будущей мамы, совсем выпадают из ритма церковной жизни и не различают постных и непостных дней, а другие, напротив, становятся еще более внимательными к церковным заповедям, понимая, что возрастающее в них имеет не только тело, но и душу, и душе тоже нужны свои «кирпичики».

Отказываются женщины от поста на время беременности по маловерию, прислушиваясь к рекомендациям «всезнающей» и «всепонимающей» науки, которая подсчитала, сколько и каких веществ должна съесть женщина, чтобы родить здоровое дитя. Будущей маме страшно ошибиться и недодать чего-нибудь своему малышу, поэтому она и верит нецерковным и малоцерковным специалистам, совершенно не задумываясь над тем, что их рекомендации постоянно меняются, что научных мнений много, что то, что посоветуют ей сегодня, завтра уже может подвергнуться критике. Мне рассказывала одна многодетная мама, что со старшими детьми ей советовали есть как можно более творога, особенно в последние месяцы, а с младшими детьми ей совето-

вали в последние месяцы не есть много творога, но лишь раз или два в неделю. В другом случае врач объяснил женщине, что исключение из ее питания животных белков даже на короткий срок отрицательно скажется на будущем малыше, но он же посоветовал ей два разгрузочных фруктовых яблочных дня в неделю. Конечно, она выбрала для разгрузки среду и пятницу.

Впрочем, всего предусмотреть не может никакой доктор и никакая наука. И правильно поступит та, что надеется более на Бога, чем на расчеты, а «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 9).

Прежде беременные женщины постились так же, как и остальные члены семьи. Если бы пост как-то негативно отражался на потомстве, то такой практики несомненно бы не существовало. Никакой народ не узаконит традицию, ведущую к вырождению. Не так строго на соблюдение поста смотрели после родов. Некоторое время, обычно месяц или полтора, а иногда и весь период кормления грудью мать могла позволить себе молоко и в постный период. Хотя некоторые женщины и не пользовались этой традиционной привилегией. Одна старушка, вспоминая о рождении дочери, заметила: «А с дочкой было мне трудно. Родилась она в марте, и потому молока у меня было мало — Великий пост».

Зачатие и рождение человека — это Божия тайна. И таковой она останется до скончания века, сколько бы дотошное человечество не пыталось разложить ее на клеточки, хромосомы и ДНК. Это великая тайна. Ею тысячелетия восхищались народы, и все религии говорили о ней как о чудесном даре высших сил, о высшем благоволении к человеку в даровании ему потомства. Во время плодоношения даже в самых

диких обществах к женщине всегда было особое отношение. Да и сама она, чувствуя себя участницей Божиих замыслов, старалась быть достойной этой чести. Она старалась соблюдать себя в чистоте, удалялась греха и соблазна. Заметьте, что часто распущенные и даже порочные натуры во время беременности, пусть ненадолго, меняются, приходят в себя, пытаются отстраниться от нечистоты.

Для женщины-христианки эта пора ожидания всегда была временем духовной работы и очищения, она подобна посту, предваряющему радость праздника и позволяющему духовно «дозреть» до его таинственного смысла. В это время, удовлетворяя внутреннему стремлению к праведности, женщина старается выполнять все установления Церкви. В том числе и поститься. Кстати, период плодоношения часто сопровождается токсикозом, ощущаемым как недомогание, тошнота, головокружение, потеря аппетита. Час то женщины вообще почти ничего не могут есть, причем более яркая реакция бывает на животную пищу. Само естество предлагает женщине пост, да еще обычно в самый ответственный период беременности — в первые три месяца, когда в будущем человеке закладываются все органы. Изменившаяся, увеличившаяся во время беременности нагрузка на почки также «требует» растительной диеты. Мясо, особенно в последние сроки, и вовсе не полезно, так как способствует излишнему мышечному напряжению, замедляет перистальтику, и так вялую в это время, да к тому же дает много токсинов. Так что пост беременным скорее полезен. Множественный опыт православных мам, выносивших и родивших крепких здоровых детишек, не нарушая Церковного Устава, служит лучшим доказательством безопасности поста во время беременности как для матери, так и для ребенка.

Пост, молитва и секрет молодости

Пост — это не диета. Апостол замечает, что «пища не приближает нас к Богу» (1 Кор. 8, 8). В видимом воздержании плоти нет совершенства, его могут иметь и неверные по необходимости или лицемерию», — говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Воздержание в пище — это только основание для дальнейшей постройки, им «сохраняется в должной чистоте и трезвении наш ум, в должной тонкости и духовности наше сердце» (святитель Игнатий (Брянчанинов)).

Воздержание должно иметь высшие цели, поэтому оно и поддерживается молитвой. Но и молитва поддерживается трезвостью ума, легкостью и чистотой сознания, которые дает нам воздержание. «С постом всегда должна быть соединена молитва», — говорит святитель Иоанн Златоуст. Они словно связаны друг с другом — молитва и пост. Внешние ограничения как бы освобождают душу, она хочет говорить, она ищет духовного делания. Постом молитвенное настроение, желание молиться чаще и явственнее побуждают нас к беседе с Богом. Обратите внимание на людей, стоящих на службе. В периоды постов в храмах заметно больше молящихся. На вечернее богослужение иные заходят по дороге домой, как бы мимоходом. Хочется хоть четверть часа побыть в храме.

Но есть и другая зависимость. Преподобный Макарий Египетский говорит: «Воздерживающийся без молитвы, как устоит без ее помощи?» Действительно, постящийся без молитвы обязательно впадает в раздражительность. В семьях, где не все члены семьи расположены к духовной жизни, именно постом случаются ссоры и недовольства. К примеру, в одной семье жена, мать троих детишек, достаточно

церковный человек, и ребят старается воспитать в духе Православия. А муж, хоть и верующий и очень хороший семьянин, заботливый отец, но малоцерковный. Правда, домашним своим никак не препятствует соблюдать Устав. Однако во время поста его, как говорится, «заносит». И понятно. Жена с детишками пост сочетают с усиленной молитвой, с покаянием, частым посещением храма, укрепляют себя приобщением Христовых Таин, а муж только постится «заодно» с домочадцами. Конечно, ему и трудно, и скучно, и срывается он иногда.

У отца Александра Ельчанинова есть запись: «Пост усиливает дух в человеке. В посте человек выходит навстречу Ангелам и бесам». Постом утончается грань между видимым и невидимым, между телесным и духовным мирами. Человек становится более доступен духовному влиянию. Но духовный мир — это не только ангелы и души святых. Это еще и демоны. Поэтому так необходимы постом частая Исповедь, Причастие, молитва.

У святителя Тихона Задонского сказано: «Многие соблюдают пост в пище и питии, но не постятся от злых помыслов, дел и слов. Какая им от этого польза?» Конечно, никакой. Это лицемерный пост. Одна женщина спрашивала у старца, чего нельзя есть постом. Зная ее осудительный характер, старец ответил: «А тебе, матушка, скажу: не ешь людей». Святитель Иоанн Златоуст спрашивает: «Какая польза изнемогать от поста и злословить ближнего? Какая польза воздерживаться от пищи и похищать чужое?» Смысл поста в очищении. В физическом очищении тела и в очищении сердца. А это возможно только тогда, когда пост соединен с покаянием и молитвой.

Бывая в храме, вглядитесь в лица, как меняются они во время поста. К концу поста они становятся

моложе, в них появляется покой, светится чистота. Особенно это заметно на женщинах. Растворяются, пропадают с лиц прихожанок характерные черты журливой свекрови, капризной женушки, любопытной соседки, и даже растерявшая в легкомысленных заботах свою красоту ветреница словно возвращается в светлое детство и выглядит милой и доброй сестрицей. А дети! На детских лицах, наоборот, как бы прибавилось возраста. Добавилось сознания. Кажется, еще месяц назад почти с первого взгляда можно было определить, кто получил за контрольную двойку, а кто пятерку. А теперь все почему-то кажутся отличниками. Да разве только женщины и дети? У мужчин разглаживаются морщины забот, куда-то пропадает напряжение, уходит суровость. И уже нет директора или столяра, водителя «КамАЗа» или коммерсанта. Теперь в лицах проглянуло то, что видят в них матери, жены и сыновья. Это любимые лица. И старики. Обычно отстраненные в своих мыслях от молодого поколения, привычно сосредоточенные на службе, близкие только со своими, они вдруг по-детски открываются для всех, необычайно молодеют. И становится заметно, что все мы вместе, и в духе возраста нет.

Жизнь бывает всегда молода,
Если в Боге она протекает.
Ани струятся, звенят и сверкают
И насыщены светом всегда...

— поется в одной современной духовной песне. И заметьте, у молитвенников, у людей, которые привыкли молиться, действительно не бывает «старческих» глаз, взгляд их ясен, лучист, а в лицах есть что-то юное. «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на

день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Церковная жизнь — вот секрет вечной молодости... И Вечной жизни.

Пост не только на пищу

Понятие поста содержит в себе не только воздержание в пище. «Есть воздержание и в слухе, владеть слухом и не поражаться пустой молвой», — читаем у преподобного Ефрема Сирина. Пустословие, длительные бесполезные беседы, болтовня, конечно же, неуместны во время поста. Но пустая молва может быть напечатана на бумаге и дойти до нас через газету или книгу. Поэтому у наших соотечественников и прижилась благочестивая традиция убирать в пост все недуховные, или, как их еще называли, небожественные книги с глаз долой. Прежде во многих домах шкафчики с книгами имели занавеси. Именно для этой цели. Впрочем, и в наши дни не умерла эта традиция, мне доводилось в некоторых домах встречать подобное благочестие. Только теперь пелена закрывает не корешки книг, а экран телевизора — основной на сегодняшний день источник «пустой молвы». Основанием к тому могут послужить слова преподобного Ефрема Сирина: «Есть воздержание и для глаз владеть зрением, не устремлять взора или не смотреть внимательно на все приятное или на что-либо неприличное».

Когда-то в России во время поста прекращали работу все балаганы и театры. Позже некоторые театральные спектакли позволялись, но не в строгий пост и в определенные дни. Репертуар, конечно, подбирался соответствующий. Святитель Григорий Нисский замечает: «Часто глаз становится входом многих смертей: видит он раздраженного и сам возбуждается к той же страсти, видит благоденству-

ющего не по достоинству и воспламеняется завистью, видит горделивого и впадает в ненависть. Или видит красивое лицо и впадает в вожделение». Охраняя, удерживая свой взгляд, мы охраняем свои чувства. Церковь совсем не против средств массовой информации. Современную жизнь трудно представить без телевизора, радио, газет. Но то полезное, что они могут дать нам, сегодня очень сильно разбавлено или отравлено вредным. Поэтому стоит хоть на время оторваться от того же телевизора, чтобы отрезвиться. Часто именно ТВ незаметно «подпитывает», «кормит» наши страсти или страстишки: пустого любопытства, гневливости, самомнения, мечтательности, услаждения блудными помыслами, зависти. Постом у нас есть возможность оторваться от этой «кормушки» и умертвить или хотя бы связать свои страсти. Да и вне поста лучшим дополнением к черной панели телевизора могла бы служить надпись: «Храни очи твои и сердце твое не узрит зла» (преподобный авва Исаия).

Почти до самой революции режим развлечений подчинялся церковному календарю. Балы, светские рауты, именинные родственные застолья были невозможны на первой и последней неделе Великого поста. Во время поста модницы не позволяли себе щеголять в легкомысленных и слишком ярких туалетах, не надевали драгоценностей. И в наши дни мы удаляемся на время поста от плотских, эмоциональных удовольствий. Ненадолго становимся аскетами. Аскет, аскетизм, слово из греческого, означает оно упражнение, подготовку к борьбе. Пост — это и есть упражнение. Упражнение воли и помыслов. Нашу задачу, задачу каждого христианина можно отчасти уподобить задаче спортсмена. Только в духовной жизни не ставят рекордов и нет места соперн-

ничеству. Но, как пловец, прыгун или атлет совершенствуют, тренируют свое тело, чтобы оно могло показать максимальный результат, все, на что способно, так и христианин упражняет, тренирует, или, лучше сказать, дает возможность своей душе достигнуть максимального результата, чтобы она проявила все то, что вложено в нее Богом. И, как спортсмен свои тренировки чередует с отдыхом, жизненными удовольствиями и, может быть, забавами, но тем не менее регулярно возвращается к ним, чтобы не утратить навыков, так и мы чередуем наши «тренировки» — пост, с периодами отдыха и свободы.

«Сладости мира сего», всякое погружение в слепую телесность губят духовную жизнь. Почему? Теряется трезвенность духа, ясность мысли, контроль над собой, рассеивается внимание, слабеет воля, ослабляется, растрепывается, растекается личность. Аскетизм призывает к отказу от всякой приятности — в пище, одежде, постели, общении с людьми и так далее. «Сублимация, переход к высшим ценностям», — писал священник Александр Ельчанинов. Сладости мира, как хмель, туманят сознание, пост возвращает к реальности. Он, как добрый товарищ, вытаскивает нас из придорожной гостиницы, говоря: «Нет, еще не время, это не дом твой. Наша цель впереди, пора опять в дорогу».

О «постных грехах»

Поразмыслишь о том, сколько благ приносит пост, и согласишься, что нет надежнее лекарства от грехов и телесных болячек. Однако и пост имеет свои типично «постные» грехи.

Пост — дело доброе и полезное, но и он должен иметь свою меру. Что толку от поста, если результат

его лишь вялость тела и тупость ума? Ведь поститься не значит голодать. Есть даже поговорка: «Что пьяного молитва, то голодного пост». По мнению святых отцов, «сколь вредно невоздержание, столь вреден (или еще более) неумеренный пост. Слабость тела, происходящая от недоедания, не позволяет совершать молитвы в должном количестве и с должной силой» (святитель Игнатий (Брянчанинов)).

Иногда, казалось бы, для большей пользы, некоторые христиане самовольно ужесточают свой пост. Там, где можно бы употребить маслице, жуют пустые сухарики с сольцой. Да еще так жуют-то, что все окружающие про те сухарики знают, и за щи свои пустые смущаются: не грех ли? А еще чаще бывает, что сложившиеся местные традиции, хотя и благочестивые, но не вошедшие в Устав, а лишь дополняющие, оживляющие пост, признают и проповедуют как обязательные, производя там неразбериху и сумятицу. Вспоминается мне один нелицемерно благочестивый человек, по годам уже старец, настоятель храма. Он Великим постом не пил чаю и не ел сахару. Пил кипяточек с медом. Воспитания он был старинного и много знал православных традиций. Была и такая: не пить чаю и не есть сахара постом. Ведь чай в прежнее время в простом народе считался за баловство, за лакомство, а сахар когда-то пропускали через говяжью кость и потому относили к скоромным продуктам. Кстати, среди пожилых людей и по сей день кое-кто на пост покупает себе фруктовый сахар, или, как его называли раньше, — постный. Так вот, старец настоятель сам чаю не пил и очень огорчался, когда кто-либо другой позволял себе это.

Раз задержался где-то дьякон по своим делам и пришел в сторожку уже после ужина. Настоятель подошел к нему, глянул в глаза и, возвысив голос,

спросил: «Ты где был? Небось, чаю напился? По глазам вижу, что пил». И ушел в свою комнату, не дожидаясь ответа. Расстроился. Впрочем, воспоминание это более трогательное, чем смешное.

Но приходят на память и печальные воспоминания. Малышка вернулась из воскресной школы и отказывается за обедом есть белый хлеб. «Нам сказали, что кто постом будет есть белый хлеб, не спасется. Постом можно есть только черный». Можно было бы и не обращать внимания на эти слова, пусть себе ест черный хлеб, если ей хочется, если бы не больной желудок у девочки и врачебная рекомендация не есть ржаного хлеба. И родители смутились, пришли с вопросом: действительно ли грех есть белый хлеб постом?

Белый хлеб по своему составу ничуть не «скоромнее» ржаного, но традиция есть Великим постом только ржаной хлеб, тем не менее, была. Не везде, а скорее в сельской местности Средней России или в особенно благочестивых семействах. Ржаной хлеб привычен на столе у крестьянина, а белый — это уже роскошь. Вот и утесняли себя от этого «роскошного» продукта благочестивые крестьяне, не ели в пост булку, как называли, да и сейчас кое-где называют белый хлеб.

Традиции печь блины на сырной седмице или «жаворонки» на сорок мучеников, или не есть в день Усекновения главы Иоанна Предтечи ничего круглого — всего лишь традиции. Они, конечно, украшают наш православный быт, делают его более «живым», дают возможность нам выразить во внешнем действии наше чувство, но никак нельзя требовать от всякого человека их соблюдения и осуждать за нарушение. Даже если кто-то не съест по каким-то причинам в Светлое Воскресенье крашеного

яичка — не согрешит. Хотя лучше, конечно, красное освященное яичко на стол поставить.

Люди сильного духа почитаются у всякого народа. Православные любят постников. Почитают вериги, босые ноги и вретище ради Христа, трудные пешие паломничества. Но «иное дело о подвижнической жизни думать и рассуждать, и иное самою жизнию это испытывать», — писал преподобный Амвросий Оптинский и вспоминал: «Один наш сосед барин в прошлую Святую Четыредесятницу захотел себя наказать за слабую прежнюю жизнь строгим постом. Приказал для себя толочь семя, и ел эту толченку с квасом и черным хлебом, и такою непостепенною и необычною суровостию так испортил себе желудок, что доктора в продолжение целого лета не могли его исправить».

Нельзя подходить к посту, как к спорту, самовольно «поднимать планку» или «увеличивать скорость». Все равно «быстрее» не прибежишь к финишу. Не стоит и устраивать соревнования, кто кого «перепостит». Все это «подвиги» самомнения и тщеславия. К тому же есть много примеров, когда излишняя горячность в отношении поста приводила потом к полному охлаждению, к неуважению поста и даже пренебрежению им. «Кто будет превышать меру строгости, тот неизбежно превзойдет и меру послабления» (преподобный Иоанн Кассиан Римлянин). От чрезмерного поста можно надорваться и духовно, и телесно. «Многие, возжелавши чрезвычайного, не могли впоследствии совершать и малого».

Есть даже церковное наказание для без разума постящихся. В «Книге Правил Святых Апостолов» читаем: «Аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень (то есть воскресенье), или в субботу кроме единыя токмо [Великия субботы]:

да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен» (Правило 64-е Святых Апостолов). Или: «Аще кто, ради мнимаго подвижничества, постится в день воскресный: да будет под клятвою» (Правило 18-е Гангрского собора).

Когда мы воздерживаемся от какой-либо пищи, то это не означает, что мы пренебрегаем ею потому, что считаем ее греховною. От подобной ошибки предостерегал Апостол: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою» (1 Тим. 4, 1–5). Святитель Иоанн Златоуст замечает, что «иные воздерживаясь по заповеди поста от пищи, мало-помалу достигли того, что гнушаются пищей, а это приносит им величайшее наказание». Об этом можно прочесть в «Книге Правил Святых Апостолов», где говорится, что если кто не ради подвига воздержания, а по причине гнушения не вкушает мяса и вина и удаляется от брака, то, если это священник или диакон, «будет извержен из священного чина и отвержен от Церкви. Также и мирянин» (Правило 51-е Святых Апостолов).

Слабость человеческая никак не может быть причиною нашего тщеславия. Соблюдение поста не возносит нас над грешниками. Вспомним из Евангелия. «Сказал также к некоторым, которые уверены были в себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, мо-

лился сам в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18, 9–14). И заметьте, фарисей упоминается в рассказе первым, и молитва его приводится первой, однако, вспоминая о рассказе Спасителя, мы говорим: «Притча о мытаре и фарисее», и неделя, когда читается в храме эта притча, называется неделей о мытаре и фарисее, а не неделей о фарисее и мытаре. Действительно, последние стали первыми, а первые последними.

К тому же вспоминается один случай. В православной семье супруги никак не могли определить, как им лучше поститься. То молочка по немощи выпьют, то маслице по незнанию себе разрешат. А то, напротив, сухарики с водой кушают. Наконец, духовник благословил их оставить своеволие и поститься, как весь православный люд. Тут бы душе и успокоиться, ан нет. Враг, он тут как тут. Сам хозяин постится, как благословили, а по сторонам-то поглядывает: как там другие православные, не вольничают ли? Вроде и слов осудительных не говорит, а ошибки чужие все же озвучивает. Констатирует факты. Да при этом плечи-то расправит, а глазки эдак долу опустит: «Я хоть и праведник, а смиренный».

Тут же он, не мешкая, на второй неделе Великого поста и попал впросак, или, по церковному сказать, в искушение. И даже дважды. Не то что маслица постного в неуказанный день пришлось съесть, а са-

мое сдобное да скоромное пирожное, да с кремом. Не имея опыта отказать начальнику, с тайным страданием, а съел. Затем, через денек-другой новое унижение потерпел. Мало того, что в ресторан на веселый банкет попал, да еще и от танцев, опять же по неопытности, не смог уклониться. Тоже, согласитесь, не лучшее занятие Великим постом. Правда, такого двойного удара оказалось достаточно и для покаяния, и для смирения.

Когда собственная праведность служит лишь поводом к осуждению и обличению — это мнимая праведность. Она никак не послужит к пользе и назиданию ближнего. В таких случаях мне вспоминается ирония одного шекспировского персонажа: «Думаешь, если ты такой святой, то на свете больше не будет ни пирогов, ни хмельного пива?» (В. Шекспир «Двенадцатая ночь»). И потому не станем заглядывать в тарелку приятеля, и не будем демонстрировать всем начинку своего пирожка.

Дорога, работа, больница

Хорошо, когда от нас самих зависит, что приготовить и что поставить на стол. Но может случиться, что не мы окажемся хозяевами положения. Как быть, например, если пост, а вы в дороге или, еще безысходнее, — в больнице? Что делать, если вы обедаете на работе в столовой или кафе? Умереть с голоду?

Давайте рассмотрим поближе непостное меню, предлагаемое нам так называемым общепитом. Ведь постились православные христиане и в советский период нашей истории. Знаете ли вы, что для путешествующих пост несколько ослабляется? То есть в день, когда нет разрешения на масло, дозволяется пища с маслом, в некоторые безрыбные дни — рыба.

Начнем с вами с этого воспоминания, приравняв к особым дорожным обстоятельствам и заводскую или институтскую столовую, и больницу. Итак, закуски. Винегрет, салат из капусты, огурцы. Уже неплохо, с хлебушком-то! Далее глянем первые блюда. Суп вегетарианский или, по-нашему, — постный, да рыбный суп достаточно часто встречаются в меню столовых. А если его сегодня и нет, то денек-другой можно и без первого. Затем посмотрим горячее, или второе блюдо. Здесь совсем просто. Ешь один гарнир. Или два гарнира. Картошку, кашу, рис, макароны. На третье: чай, компот, кисель. До конца работы, пожалуй, дотянешь, а дома можно восполнить те калории, что не добрал за обедом.

А можно поступить иначе. Моя тетушка, когда работала, постом носила с собой баночки с постной снедью: вареную картошку, маринованную рыбку. Многие так выходят из положения. Хуже всего в больнице. Тут ни домашнего завтрака, ни домашнего ужина. В больнице приходится смиряться, есть, что дадут. Но желательно, по возможности, отказываться хотя бы от мяса. В этом случае пост более выражается в несвободе положения, в связанности обстоятельствами, в самой болезни. И все-таки на исповеди говорить о своем вынужденном нарушении поста нужно обязательно. «Эх, не допускает меня грешного Господь попоститься. Недостоин, видать», — сокрушался один мой знакомый, часто попадавший в больницу.

Существует еще как бы «не своя» ситуация: когда мы оказываемся за столом в нецерковном обществе. В гостях. Как поступить в этом случае?

Если хозяева — близкие вам люди, то предупредите их заранее и попросите поставить на стол что-нибудь постное, а если это невозможно, то, поев дома, за общим столом положите себе на тарелку

что-нибудь подходящее, пусть это будет даже ветка петрушки с куском хлеба, и примите участие в застольной беседе. Вы можете принести также к столу и какое-то дополнение. Салат из морковки или замаринованную с брусникой селедку, фрукты. Объясняясь с хозяевами, поставьте свое блюдо на стол около себя и ешьте себе на здоровье.

Кстати, о здоровье. Рассудите, что, когда нашему здоровью грозит какой-либо ущерб от предлагаемой пищи, мы находим способ отказаться от нее. Давайте поступать так же и ради духовного здоровья. И все же постом лучше не ходить в нецерковные компании. Воздержаться.

Нередко случается такое искушение. Придет православный человек в гости к нецерковным родственникам или друзьям, а те ради него приготовили хороший, но не постный стол. Неудобным покажется пришедшему огорчить хозяев, и он принудит себя нарушить пост. Вроде бы не для себя, а для ближнего, чтобы не опечалить друзей. Съест он котлету, а некто невидимый запишет на длинном свитке: «Грех человекоугодия». Грех.

Что же делать? И съесть — грех, и огорчить ближнего грех. Вспомните известную из жизни или хотя бы из кинематографа ситуацию. Сильно пьяный человек уговаривает более трезвого приятеля выпить с ним: «Если не пьешь, то меня не уважаешь! Ты не друг...» И так далее. Как же поступить приятелю? Тоже напиться, как говорят, «в стельку», из уважения? Нет. Но мудрый друг поведет себя так, что и не выпьет, и не доведет ситуацию до рукопашной разборки по поводу уважения. Он найдет, как проявить свою любовь к приятелю и без выпивки, переведет беседу в другое русло... Да мало ли как можно избежать принуждения!

Точно так же и православный христианин должен уметь пройти между двух искушений, если попадет в пост за непостный стол. Ведь христианин — это воин. А воин это не всегда только боец, но и тактик. Вот и проявите свою солдатскую смекалку, примените какую-нибудь военную хитрость.

Особый пост — среда и пятница

Церковный Устав разделил время на две половины. На постный и непостный периоды. Но есть и среди постных дней особые. Каждую неделю в среду и пятницу мы постимся. Откуда взялся этот пост?

«И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» (Мк. 2, 19–20), — читаем в Евангелии. Преподобный Амвросий Оптинский объясняет: «Женихом здесь Господь назвал Себя, а сынами брачными — Своих учеников, а в лице их и всех верующих. Отнят же жених у сынов брачных в среду и пяток, то есть в среду Господь предан был на распятие, а в пятницу распят. Поэтому святая Церковь и установила освящать сии дни постом».

Итак, день, когда Иуда предал Спасителя и день, когда совершилась крестная жертва, мы особо выделяем. Еще в начале XIX столетия, наблюдая упадок благочестия, преподобный Серафим Саровский предупреждал, что Россия погибнет, если русские люди перестанут соблюдать среду и пятницу. Он не ставил судьбу России в зависимость от каких-либо политических веяний, от войн, революций, мировых процессов. Напротив: войны, революции и антироссийские правительства — следствия отступле-

ния от веры. А отступление от веры начинается с пренебрежительного отношения к постам.

Именно среда и пятница позволяют нам постоянно находиться в духовной трезвости. Не может человек полноценно участвовать в праздничной молитве воскресного дня, если он не прошел через среду и пятницу. Отношение к этим дням вполне может определять степень церковности. Когда к преподобному Серафиму Саровскому однажды обратилась барышня, чтобы узнать его мнение о своем женихе, он ответил, что не может разбирать качеств ее избранника, но посоветовал обратить внимание: постится он в среду и пятницу или нет. И если постится, то идти за него замуж.

В «Древнем патерике» есть рассказ. Однажды некий старец встретил погребальную процессию и увидел двух Ангелов, сопровождающих гроб с телом. Он стал просить Господа, чтобы Ангелы открыли ему, зачем, будучи Ангелами, они сопровождают мертвого? И сказали ему Ангелы: «Один из нас Ангел среды, другой — пятка, и поскольку до тех пор, пока не умер он, душа его не переставала поститься в среду и пяток, то мы сопровождаем его труп. Так как даже до смерти своей сохранял он пост, то и мы прославляем его, добре подвизавшегося для Господа».

Пост по обету

Воспитание чад, по утверждению святителя Иоанна Златоуста, — самая ответственная и трудная работа для семейного человека. Воспитываешь, воспитываешь, а дитя вдруг так себя покажет, что только руками разведешь: «Уж и не знаю, что это более — Божие благословение или Божие наказание».

Непослушные детки, а также нездоровые детки, конечно, нуждаются в усиленной материнской опеке, в неотступной заботе, в непрестанной молитве. Иногда мамы таких детишек дают какой-нибудь обет, то есть обещание. Берут на себя какой-нибудь подвиг ради своего чада. Чаще всего это бывает добавление третьего постного дня на неделе — понедельника. В церковной жизни понедельник посвящен бесплотным силам, Ангельскому миру. Вот мамы и постятся в честь детского Ангела-хранителя. И, конечно, они не забывают, что ограничение в пище — это только средство для духовной трезвости, помогающее нашему молитвенному настроению и угашающее страсти.

Само по себе ограничение в пище без молитвы, без соблюдения себя, без внимания к своей совести не может принести нам ожидаемых плодов. Оно может стать даже источником раздражения.

Так, упрекала одна дочка матушку: «На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтобы не облаять кого-нибудь» (А.Н. Островский «Свои люди — сочтемся»). Ну, литература литературой, а мамы, любящие мамы, способны на многое ради своих деток.

Илья Ефимович Репин вспоминал, что был очень болезненным ребенком. Один раз с него даже сняли мерку для гробика. Он угасал, и никто, кроме матери, не верил, что Илюша поднимется на ножки. Смерти ждали со дня на день. Никто уже не молился о его выздоровлении, так он был безнадежен. Только мать. Мать молилась и просила у Господа жизни ее мальчику. Она обещала не есть мяса во все дни, если ее милый Илюша поправится. И случилось чудо. Материнская молитва и обет мясного поста помогли сохранить для нас великого русского художника. По

словам Ильи Ефимовича, его мать до конца жизни не ела мяса.

Можно вспомнить еще один материнский обет ради спасения сына. Брат писателя Ивана Бунина за участие в революционном кружке и какое-то антигосударственное деяние был арестован. Ему грозило очень серьезное наказание. Материнские хлопоты были бессильны, но материнская молитва помогла.

Мать молилась и дала обет: если ее мальчика освободят, то она все дни своей жизни будет поститься. Юношу, в результате всех разбирательств, освободили. Хотя и оставили под наблюдением. Мать исполнила свое обещание Богу. До конца жизни она постилась. Современник вспоминает, что пост ее был очень строгим.

Траур

«Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39), — учит Спаситель. Любовь к ближнему подразумевает и молитву о нем. Причем наша молитва нужна не только живым, но и умершим ближним. Каждому известно такое понятие, как траур. Траур — время скорби. Слово это из немецкого и означает печаль, скорбь. У разных народов существуют различные обычаи, относящиеся к траурному времени. Для православного человека траур, боль утраты не так печальны, как для неверующего. Это время особенной заботы о душе умершего, молитвенного предстояния перед Богом с просьбой о упокоении близкого человека. Именно поэтому время траура — время особой духовной трезвости и оно сопряжено с некоторыми ограничениями. В основном, это отказ от развлечений, сдержанность в костюме и поведении, в разгово-

рах. В это время уместно воздержание в супружеских отношениях.

В дореволюционной России во время траура по близкому родственнику нельзя было венчаться. Из отечественной литературы можно вспомнить свадьбу Кити Щербацкой и Левина, которую решили устроить до поста, потому что «после поста было бы уже и слишком поздно, так как старая родная тетка князя Щербацкого была очень больна и могла скоро умереть и тогда траур задержал бы еще свадьбу» (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Смерть такого близкого человека, как жены или мужа, переживается особенно тяжело и обычно сопровождается длительным трауром, а нередко и пожизненным. Наталья Николаевна Пушкина после смерти мужа несколько лет прожила одиноко в провинции, но позже все-таки вышла замуж. Во второй брак она вступила, исполняя предсмертную просьбу мужа, собственно, ради детей, чтобы они могли занять достойное место в обществе. Известно, что до конца своих дней на каждой неделе в пятницу (день смерти мужа) Наталья Николаевна ничего не вкушала. В этот день она уходила в свою комнату и молилась о упокоении души Александра Сергеевича.

Для большинства людей траур не связан с ограничением стола, но в остальном это время вполне можно приравнять к посту. В дни траура принято часто бывать на службе, исповедоваться и причащаться. Даже в атеистическом обществе в дни государственного траура сокращают развлекательные программы по телевидению, отменяют концерты и шоу.

Наказание за нарушенный пост

Как соблюдение поста приносит нам много пользы, так нарушение его может быть причиной многих горестей. Как пример, расскажу вам случай, который произошел с одной моей знакомой. Она работала на светской работе среди нецерковных людей. Как-то постом одна из сотрудниц принесла блюдо пирожных и стала всех угощать. Моя знакомая подумала, что пост уже почти кончается, что она провела его вполне достойно, и, конечно же, ничего не случится, если она съест половинку эклера. Так она и поступила. Еще не кончила она есть свой эклер, как почувствовала какое-то щекотание около уха, думая, что это выбившаяся из прически прядка, она поправила волосы, но щекотание не пропало. Затем она почувствовала, как что-то более плотное и объемное, чем прядка волос, вползло ей в ухо и прошло внутрь. Через некоторое время любительница эклеров заметила, что совершенно не может стоять на службе, что ей даже трудно войти в церковь. Она была женщина опытная и, взяв благословение, поехала в Печерский монастырь на специальный молебен, в просторечьи именуемый отчиткой. То есть поехала, чтобы избавиться от того беса, который проник в нее в момент совершения греха. Не буду здесь приводить ее красочного рассказа о тех страданиях, которые ей пришлось претерпеть на молебне, но дело было сделано, и она с помощью Божией освободилась от своей беды. Больше она старалась поста не нарушать.

Вспоминается и другая история. Женщине — назовем ее для удобства повествования Люба — так вот, Любе предложили «горящую», как их называют, путевку в крымский санаторий. Стоила путевка

какую-то ничтожную сумму, а обслуживание предлагалось высшего качества, как теперь говорят: пять звезд. Конечно, случай был уникальный, даже в отношении компании — по второй такой же путевке ехала в санаторий любимая Любина сестра. Казалось бы, что тут раздумывать. Но, однако, была здесь и одна сложность: путевка приходилась на Успенский пост. Правда, море, солнце, прекрасный номер и оздоровительные процедуры к посту никакого отношения не имели, но вот пятизвездочное питание в прекрасном, но советском санатории, никак не соответствовало православному календарю.

Муж советовал Любе не ездить, отказаться от путевки, предупреждая о трудности самостоятельного питания в тех условиях, о соблазне «быть как все». Но Люба словно оглохла и ослепла: «Мне никогда, никогда больше так не повезет, я очень давно не была на море. Эта поездка даст мне бодрости и здоровья надолго. Поеду». И поехала. Вернулась загорелой и счастливой. «Подумаешь, один пост не попостилась. Не могла же я отказаться от такого стола. Знаешь, как там кормили!»

Через пару месяцев Люба заболела. Сначала просто каким-то гриппом или ангиной. А потом пошло одно за другим. Болезни стали серьезнее. Потребовались обследования. Начались страхи. С Любой происходило что-то странное. Заболевало то одно, то другое. Ни один диагноз не держался долго, а здоровья не было. Ей казалось, что она уже больше никогда не будет такой веселой и сильной, как до Крыма.

Про Крым она догадалась давно и уже почти не удивлялась своим хворям.

Но Господь милостив. Покаяние и смирение перед волей Божией принесли свои плоды. Люба поправилась. Теперь у нее был свой личный опыт. Не

только опыт греха, но опыт сердечного покаяния, смиренного несения наказания за грех и милосердия Божия.

Особенно тяжкими могут быть последствия нарушения поста касательно супружеских отношений. В одном из посланий апостола Павла сказано в назидание супругам: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а *потом* опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 5). Из этих слов можно заметить, что пост включает в себя и временное прекращение плотских отношений.

В Православной Церкви регламент брачных отношений отразился, например, в днях браковенчания. Не венчают у нас во время постов, накануне постных дней, также накануне дня воскресного и накануне больших церковных праздников. Григорий Отрепьев, прозванный Лжедмитрием, например, очень подорвал свой авторитет тем, что венчался в четверг, да еще накануне дня Святителя Николая. Так и в песне, оставшейся с тех времен, вспоминается, как народ возмутило, что:

А свадебка та была под пятницу,
А в пятницу был Николин день.

Такие безвременные свадьбы бывают причиной беды и в наше время.

Пример другой. Бездетная пара. Узнали супруги, что у них редчайшая несовместимость каких-то биологических компонентов, случающаяся у одной из нескольких тысяч пар, только через восемнадцать лет мучительных лечений и обследований. Выслушав диагноз, муж сказал: «А чего мы хотели, свадьба была на Воздвижение». Как известно, праздник Воз-

движения Честного и Животворящего Креста — день строгого поста. Вот и отозвалась она, ошибка молодости.

Еще одна свадьба не по времени. Теперь уже Великим постом. Ведь предупреждали молодых, говорили им: подождите, а те не послушали. Как следствие — не сложившаяся судьба детей. Да и дети-то какие! Красивые, образованные, воспитанные, добрые. Всем нравятся. А семейная жизнь не сложилась. Через тридцать с лишним лет про ту свадьбу вспомнили, да теперь уже поздно.

По свидетельству врача, практикующего уже более сорока лет, дети, зачатые в пост, с большим трудом поддаются лечению. Такие наблюдения есть и у других медиков. Приходилось слышать мнение, что «постовые» дети труднее воспитываются. Кстати, Иуда Искариот, по преданию, был зачат в пост. Так грех невоздержанных родителей может послужить почвой греха или несчастья детей.

Привычка сдерживать свои желания поможет супругам сохранить чистоту ложа во время случившейся разлуки или в других обстоятельствах, пресекающих их плотскую близость. Святитель Василий Великий говорит, что «пост — самое лучшее убранство женщин, узда во цвете лет, охранение супружества». Супругам, строящим свою жизнь по церковному календарю, менее грозит падение, осквернение брака неверностью, даже в сегодняшнем мире, который давно уже живет в эпидемии блуда, в эпидемии, не щадящей ни детей, ни стариков.

«Время веселое поста»

В субботу перед всенощной на первой седмице Великого поста тихо, почти бесшумно передвига-

ются по храму молельщики. Кто-то ставит свечу перед иконой, другие проходят на привычное место или ближе к знакомым, к своим. Лица у всех удивительно радостные. В настроении, в движениях заметна необычная легкость. Даже веселость. И это после целой недели напряженной церковной жизни, когда каждый день, кроме обычных своих дел, нужно побывать в храме. Откуда такое? Что ж, к первому воскресенью уже большая часть прихожан причастилась, четыре дня слушали по вечерам Великий покаянный канон Андрея Критского, исповедовались сразу же вечером в четверг, а в пятницу утром причастились. А если кто в пятницу не смог, те в субботу утром подошли к Причастию. Такое у всех настроение, такое воодушевление, что не хочется и на день откладывать. За эти дни, что бывали на службе, что готовились к Исповеди и принятию Святых Таин, отвлеклись, отошли хоть немного от вседневных попечений, от суеты. Отдалились, ушли на второй план домашние дела и проблемы, еще неделю назад казались они большими и главными, требовали неотступного внимания, а теперь вошли в свою меру, заняли свое место, отпустили на свободу. Легкие лица, легкое настроение, легко на душе...

«Время веселое поста...» — услышим мы с клироса на второй седмице: «Время веселое поста...» Веселье это от чистоты, от любви чистой к Господу, от молитвы светлой, от пробуждающихся добродетелей. Вспоминается мне один приятель. «Эх, попостимся!» — говорил он часто накануне поста, счастливо блестя глазами и потирая руки одна о другую.

Удивительно, как пост проясняет сознание, словно врач исцеляет от близорукости. Картины окружающего нас мира становятся как бы прозрачными, позволяя взгляду проникнуть вдаль. За стены

комнаты, за сад-огород, за привычную обыденность. Сквозь кольцо плотно обступивших нас нескончаемых забот пост выводит нас на свободу. Замечательно, что даже люди, только-только входящие в церковную жизнь, когда начинают поститься, быстро постигают это чувство внутренней свободы и ощущение, что мир вокруг расширился.

Приходит на память одно июньское утро. Шел я краем большого поля, на котором работал трактор. Небо было ясное, благоухали травы. Вдруг трактор остановился. И из солнечной вышины донеслось нежное пение жаворонка. Я услышал его не сразу, несколько мгновений ухо настраивалось, забывало тяжелые грубые звуки, и вот сверху полилась чудная мелодия. А затем стали слышны стрекотание кузнечиков и легкий шелест листвы лесной опушки. Мир совершенно изменился, словно получил новую пространственную координату, вышел из плоскости. Точно так же пост будто останавливает какой-то «трактор» и до нас доносятся небесные мелодии.

Время поста — это не дни уныния и скуки, это время особенной жизни духа в человеке, особенной свободы духа. Он возносит нас над мелочной суетой повседневности, показывая наши заботы и трагедии в их истинном масштабе. И потому будем радоваться, что у нас есть пост, станем с веселыми лицами встречать его и в чистоте проводить. Да будет он нам «пост чистый, удаление от греха, отчуждение страстей, любовь к Богу, молитвы прилежание, слезы со умилением, и о убогих попечение...» — как поют на службе в Чистый понедельник, как «Христос в писаниях завеща».

ЧИСЛО И ПРАЗДНИК

Вы не задумывались, чем отличается один календарный день от другого? Например, восьмое октября от девятого? При одинаковой погоде — лишь порядковым номером? Но число безлико: 5, 8, 16, 30... А в православном календаре всякий день имеет свое лицо. Восьмого октября (нов. ст.) мы празднуем день памяти преподобного Сергия Радонежского, всея России чудотворца. А девятого — день апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Каждый день посвящен какому-либо святому, вернее, нескольким святым. И прежде православные христиане не забывали обратиться в молитве к дневному святому.

Знаменитый в наших местах Тихонов день, престольный праздник Христорождественского храма села Заозерье, почитается и верующими, и неверующими окрестными жителями. Верующими как день памяти святителя Тихона Амафунтского. Далекие ж от Церкви земляки чтут в нем древнюю местную традицию. Замечательная торжественность службы в этот день дополняется особым молебном под открытым небом, торжественным выходом духовенства к озеру, в которое изливается часть освященной на молебне воды. Купание в этот день после литургии издавна признавалось благодатным. Тем, кто с верою прибегает к помощи угодника Божия и купается 29 июня в озере, есть что рассказать об укреп-

ляющей и исцеляющей «живой» воде здешнего озера.

Но не все, наверное, знают, что начало благодатного покровительства святителя Тихона здешним местам было положено в XIII веке, и что замечательным Тихоновым днем мы обязаны благочестивому обычаю призывать в молитвенной просьбе о помощи дневного святого.

Предание говорит, что были здесь некогда прекрасные охотничьи угодья, и приезжал сюда на охоту благоверный князь Даниил Московский. Случилась раз с князем беда, отстал он от охоты, заблудился в дремучих в ту пору лесах. Стал князь молиться, просить Господа избавить его от неожиданной опасности. Призывал он и святого того дня — святителя Тихона Амафунтского. Молил князь угодника Божия о помощи и дал обет: там, где выйдет он из леса, поставит храм и посвятит его святителю Тихону. Вышел князь к светлому озеру, неподалеку от своей стоянки. Здесь же, на озере, велел поставить храм. И с того дня, как святитель Тихон помог благоверному князю Даниилу, помощь угодника не оскудевает на этой земле, чему свидетели многие и многие верующие.

Такая связь времени и лица, дня и святого особенно ощущается воинами, — людьми, чье дело пребывать в экстремальных ситуациях. В галерее храма Христа Спасителя в Москве были расположены доски с описанием победных сражений войны 1812 года. Над каждым описанием находилась икона того святого, в день которого произошло сражение. Каждому воину было понятно, что не только воинское умение и доблесть решали исход битвы.

В молебне перед сражением, если таковой можно было устроить, обязательно просили о помощи дневных святых. Если же внезапность происходящего не

позволяла отслужить молебен, имя святого естественно было на устах у сражающихся. Не только скорбь и тяжелые обстоятельства заставляют православного человека вспомнить о святом дня. С особенной радостью произносится имя дневного святого в день родин, а потом это имя с благодарностью вспоминается и всю жизнь.

Раньше часто эта связь святого и события дня упрочалась приобретением его образа. Бытописатель Императорского двора заметил, что у правительницы России Анны Леопольдовны любимым и наиболее украшенным был образ мучеников Фотия и Аникиты, в день которых родился император Иоанн.

В одной из теремных церквей Кремля существовал придел святого Онуфрия, на память рождения царицы Евдокии Стрешневой — матери царя Алексея Михайловича. А его супруга царица Мария Ильинична позаботилась о сооружении придела святого Никиты Столпника, которого она очень почитала и в день которого она родилась.

Нельзя сказать, что обычай молиться дневному святому исчез. Многие христиане с вечера или утром заглядывают в календарь и узнают, что сегодня не скучное 14 июля, а день святых врачей бессребреников Космы и Дамиана, не только 9 ноября, но день памяти преподобного Нестора Летописца, и не только 7 декабря, а день великомученицы Екатерины. К утренним молитвам всегда можно добавить кратенькое молитвословие дневному святому. Это тропарь или величание, слова которых есть в молитвослове. А можно и просто произнести: «Святая великомученица Екатерина, моли Бога о нас».

Уже много лет я знаком с одной благочестивой женщиной. Каждый раз при встрече она радостно произносит: «С праздником!» И хотя жизнь ее так

же, как и у всех, полна забот и скорбей, каждый день у нее праздник. Успевает она трудиться, успевает и радоваться. Каждый вечер открывает она большую книгу «Краткие жития святых» и читает из нее очерк (иногда две-три строчки) о жизни святого, память которого совершается завтра. А к утренним молитвам добавляет несколько слов, обращенных к угоднику Божию, становясь участницей его праздника.

«Братия мои, радуйтесь о Господе...» (Флп. 3, 1), — писал Апостол. Радость, постоянная тихая душевная радость, свойственна каждому православному христианину. Это радость о Господе. Радость ежедневного праздника со святыми.

Какой сегодня день? Загляните в православный календарь. С праздником вас, возлюбленные братья и сестры.

О МИЛОСТЫНЕ

Сострадание, способность переживать чужую беду или боль, тревожиться за чью-то судьбу в большей или меньшей степени свойственно каждому человеку. Это чувство как бы врожденно нам, и отсутствие его говорит о некоем изъяне психики человека, о болезненности. А вот проявление своего сострадания в поступках — милосердие — это дело свободной воли личности и ее особенное достоинство. Милостивого человека Господь удостаивает особенной благодати — блаженства, так высоко стоит милостыня в очах Господа. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7), — говорит Спаситель. То есть за милостыню нам обещана конкретная награда — милость Божия, помилование наших грехов.

Что же такое милостыня? Когда мы отдаем что-либо, принадлежащее нам, отдаем не по закону или долгу, не с целью получить от человека что-то большее, то по доброте сердца мы творим милостыню. Она может быть выражена в жертве от своего достатка, в жертве своего свободного времени, труда, душевного участия, в слове утешения, в прощении обиды, в молитве за кого-то. Святитель Иоанн Златоуст говорит о милостыне: «Великое дело милостыня. Возлюби ее, которой нет ничего равного, она может и загладить грехи, и избавить от суда. Ты молчишь, — а она стоит и защищает... Столько-то благ

от милостыни, а мы нерадим и не заботимся? Дай, по возможности, хлеба. Нет у тебя хлеба? Дай овол (мелкая монета). Нет овола? Дай чашу холодной воды. Нет и этого? Поплачь с несчастным, и получишь награду; ибо награда дается не за вынужденное, но за свободное дело».

Для верующего человека милостыня является естественным делом веры. «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы?» Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2, 14–17). Апостол Иаков говорит о бездейственном сострадании как о мертвом деле, о вере бездеятельной как о вере мертвой.

Милостыня, пожалуй, самое простое и доступное любому богоугодное дело, способное животворить нашу веру. Нет ничего легче и спасительнее, чем милостыня. А насколько она важна для христиан, мы можем судить по тому, как заботилась о милостыне первая Апостольская Церковь. В Деяниях святых апостолов читаем, что многие христиане приносили деньги для раздачи неимущим (см.: Деян. 4, 32–37). Что принято было «ежедневное раздаяние потребностей» (Деян. 6, 1–6) и для этого были выбраны и поставлены «семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости» (Деян. 6, 3). Апостол Павел советует: «Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9, 7).

Любит Бог... И на нашу щедрость отвечает щедростью. В нашем Рождественском храме один престол посвящен святителю Тихону Амафунтскому.

Святитель Тихон родился в семье хлебного торговца. Был он жалостлив к нищим, и еще отроком часто подавал милостыню. Не имея ничего своего, Тихон раздал отцовский хлеб. Отец был очень огорчен и выговаривал сыну за самовольство. Но мальчик отвечал ему: «Я слышал, что дающий нищим дает взаймы Господу. Пойди открой кладовые, и увидишь, что Господь уже вернул Свой долг». Отец открыл кладовые и увидел, что они наполнены прекрасным хлебом. Картину, изображающую милостыню отрока Тихона, можно увидеть на своде Тихоновского придела в Христорождественском храме.

Иногда люди проявляют разумную, как им кажется, бережливость и не спешат с делами милосердия, говоря себе: «Подожду, когда разбогатею, а сейчас и для себя-то не хватает». Для них можно вспомнить давнюю историю. В одной обители было принято в Великий Четверг раздавать монастырский хлеб нищим. Но однажды случился в этой местности неурожай, и братия монастыря, боясь остаться без пищи, упросила настоятеля не раздавать обычную милостыню. Когда же через некоторое время открыли житницу, то увидели, что пшеница проросла и не может быть употреблена в пищу. Так Господь наказал маловеров за неразумную экономию.

Но есть в истории Церкви и другой пример. Богатая женщина, похоронив мужа и не нуждаясь в большом имении, стала раздавать обильную милостыню. Она повсюду искала нуждающихся людей и благотворила им. Родные роптали на нее: «Ты совсем лишишься достатка, ты сама станешь нищей». Но милосердная вдова продолжала щедро раздавать. И вот она раздала все. Через день на город напали варвары, он был разграблен и сгорел. Лишь часть жителей спаслась бегством, и среди них вдовица.

Она единственная не потеряла ничего, ей нечего было оплакивать.

Милостыня станет нашей заступницей в день Страшного Суда. ...Жил очень скупой человек. Он никогда не подавал милостыни. Однажды он заболел. В горячке приснился ему сон. Видит он, что, умерший уже, стоит он на последнем суде. Перед ним Ангел держит весы. На одной чаше сложены его грехи. Их целая гора. И на другую чашу Ангел положил небольшую краюшку хлеба. И эта краюшка начинает перетягивать гору грехов. «Что это?» — спросил человек у Ангела. «Это твоя милостыня, она почти перетянула чашу греха». «Но я никогда не подавал милостыни», — удивился скупой. «Да, ты не подавал, но однажды в досаде ты швырнул в голодного нищего краюхой хлеба, чтобы прогнать его. Вот она, эта нечаянная милостыня», — отвечал Ангел. Человек проснулся. Он все понял. После выздоровления он воспользовался возможностью помилования — давал щедрую милостыню. «Блажен разумеваяй (понимающий) на нище и убога, в день лют избавит его Господь» (Пс. 40, 1).

В прежние времена воскресные и праздничные дни было принято посвящать делам милосердия. Православные после церковной службы посещали больных, заключенных, одиноких. Приносили кто что мог. Так и говорили: «навестить больницу, темницу и вдовицу». В один московский храм ходит очень пожилой человек. Ходит он на раннюю литургию. После службы он некоторое время отдыхает в храме на лавочке. Как-то мы разговорились. «Хожу после службы в дом престарелых. Рядом здесь. Принесу с собой батон, а иногда немного карамели. Им особо ничего не надо, кормят пока. А вот поговорить не с кем. Есть лежачие, им еще труднее. Вот и

хожу Христа ради. Поговорю, чаю попью с ними, им радость».

Спаситель принимает и самый малый дар: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды... истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10, 42).

Можно заметить, что люди милосердные, добрые, щедрые на милостыню более спокойны и оптимистичны. А те, кто разбирает нуждающихся на тунеядцев, бездельников и недостойных, отвечающие на жалобу или просьбу: «Сам виноват», «много вас», — эти люди больше боятся жизни, они более беспокойны. Конечно, ведь душа наша знает и чувствует все, и то, что не оказавши милости и мы не вправе рассчитывать на милость Господа.

Но есть один род милостыни особый. Во всякий день каждый верующий церковный человек, читая вечерние молитвы, произносит и такие слова: «Помяни, Господи, плодоносящих и доброделающих во святых Твоих церквах, и даждь им яже ко спасению прошения и жизнь вечную». Те, кто ходит в церковь, за каждой службой слышат слова священника или диакона: «Еще молимся... о создателях святого храма сего... о плодоносящих и добродеющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся...» Это сугубая ектения, или просьба к верующим помолиться особо о приносящих плоды своих трудов и трудящихся в храме людях. Кто же эти люди? И почему молятся о них особо, прося Господа исполнить их прошения (если они, конечно, ко спасению), прося даровать им вечную жизнь?

О Положив начало Церкви, Спаситель заботы о ее земном материальном существовании полагал в милосердии ее членов. Так, Сам Иисус, покинув родной дом, три с половиной года жил как стран-

ник и пришелец милосердием и участием некоторых людей: Марии и Марфы из Магдалы, их брата Лазаря, Своей родственницы Саломии, некоего Симона и других. И после крестной смерти Спасителя Ему послужили богатые люди — Иосиф из Аримафеи, отдавший свою гробницу для погребения Христа, и Никодим, купивший все необходимое для этого обряда.

Традиционно и для чад Православной Церкви заботиться о священнослужителях и о Доме Божием — храме.

Рождественский храм в селе Заозерье построен на средства и попечением Гавриила Васильевича Рюмина. Сын его, Николай Гавриилович, и купец Платон Михайлов позаботились пристроить приделы Никольский и Тихоновский. Семья местных фабрикантов Барановых щедро благотворила этому храму. Заботы о нем были уделом В.С. Чайкова. Он был старостой Рождественского храма в конце прошлого века. Эти люди жертвовали свои собственные средства, умение и время на строительство и украшение нашего храма. Естественно, что мы молимся о милостивцах. В архивах многих церквей сохранились имена благотворителей, на чьи средства были произведены те или иные работы, куплены иконы или утварь.

Конечно, не все имена сохранились в записях, но Господь принял их жертву и знает их. А мы молимся о «плодоносящих и доброделающих». Многие заботы, связанные с жизнью храма, берут на себя безвозмездно, то есть Христа ради, милосердные прихожане и даже нездешние верующие люди. Кто-то моет полы, кто-то поет, кто-то чинит и шьет облачение. И о них мы молимся.

Участие в строительстве и украшении церквей всегда очень ценилось нашими соотечественниками.

Глядя на величественные здания и благолепие убранства православных храмов, нелишне будет вспомнить, что свою лепту в это великолепие внесла каждая семья из окрестных селений. Из каких средств ни явилась бы сумма на строительство нового храма или на ремонт ветшающего, но часть ее всегда составляли милосердные приношения прихожан и даже нездешних незнакомых людей. Сборщики с кружками, собирающие «на храм», ходили повсюду. У Николая Алексеевича Некрасова есть стихотворение «Влас», где поэт подробно и удивительно ярко рисует жизнь сборщика милостыни на строительство церкви. Как он

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И дают, дают прохожие:
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной.

На храм Христа Спасителя в прошлом веке собирали средства по всей Руси пятьдесят лет. И хотя требуемая сумма никак не могла быть составлена из народных пожертвований (основные средства дала казна), но участвовать в строительстве храма мог каждый, ведь этот храм был задуман как благодарственная жертва, как свеча от всего русского народа.

Но храм нужно не только построить или отремонтировать. Для того, чтобы он мог жить, чтобы в нем могла беспрепятственно совершаться служба, кто-то должен заботиться о тепле, о свете, о чистоте, об утвари.

Вы приходите в храм, видите сияющие подсвечники, промытые окна, чистые пелены у икон. Кто потрудился над этим? В каждом храме есть свои трудолюбивые и милосердные прихожанки, которые поддерживают чистоту в храме, помогают чинно совершаться богослужению, наблюдают за порядком. Осень ли, весна, прошел ли дождь, много дорожной грязи остается на полу после службы. Все это нужно вымыть. Да еще вычистить подсвечники, вымыть стеклышки у икон, лампадки. Постирать и погладить облачение. Сменить пелены у икон к празднику. И много, много чего еще, что только они, труженицы, знают. Случится ли, придет на службу не знающий церковного порядка человек, они подскажут ему, при случае и поправят: «Уж не обессудь, в чужой монастырь со своим уставом не ходят». И все это они делают не за плату, а безвозмездно, Христа ради. Это их милостыня. Жертва.

Кто был в Рождественском храме и рассматривал центральный иконостас, тот, может быть, заметил, что верхний ярус представляют фигуры женщин с кувшинчиками в руках, поднимающихся как бы по горным уступам к каменному отверстому гробу Спасителя. Это жены-мироносицы, несущие ароматное масло, чтобы помазать тело распятого Иисуса. Масло и в древнем, и в современном религиозном искусстве — символ милости. Милостыня, оказанная Христу, то есть ради Христа, как бы поднимает этих женщин к Самому Воскресшему Богу. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). И стоит мне, придя в храм, лишь только взглянуть на изображения спешащих к Гробу Господню мироносиц, как в памяти сами возникают имена наших рождественских «мироносиц» — так иногда называют милосердных тружениц, подвизающихся в

церкви. «Еще молимся о здравии Анны, Марии, Антонины, Раисы, Лидии, Татианы...»

Казалось бы, милосердие никак не может быть подвергнуто осуждению. Но враг человеческий, ненавистник нашего спасения и здесь пытается помешать доброму делу. «Зачем такая трата средств на содержание и украшение храма? Можно ведь эти деньги отдать неимущим и тем послужить Христу», — повторяют вслед за приезжими проповедниками некоторые горе-христиане. В ответ на эти упреки можно вспомнить одну евангельскую историю. Однажды в доме, где трапезовал Спаситель, к Нему подошла женщина с алавастровым сосудом драгоценного мира и возлила ароматы на Иисуса. «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Ин. 12, 5), — вознегодовал один из учеников. Был это Иуда, позже предавший Христа. «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор» (Ин. 12, 6).

Так вот чьи слова повторяют некоторые «милосердные к неимущим» христиане! Что же ответил Иуде Христос? «Оставьте ее ... ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня — не всегда» (Ин. 12, 7–8). Благотворение Христу выше, нежели благотворение человеку. Храм мы называем домом Божиим, невидимо в нем пребывает Господь. Украшение и содержание храма — желанная и драгоценная для Господа жертва.

Преподобный Еразм, возлюбив Божии храмы, отдал на Печерскую церковь все свое значительное состояние. Но лукавый враг стал через некоторое время смущать его: «Лучше бы ты отдал свои деньги нищим. Они бы молились о тебе». Видно, лукавый не гонится за новшеством и пользуется привычными методами. Еразм впал в уныние, думая, что ошибся в доброделании. А потом и вовсе обратился к бес-

путной жизни. Но Господь не оставил его. Когда Еразм тяжело заболел и печерская братия была готова к тому, что он так и умрет без покаяния, и очень печалилась о нем, явилась болящему Божия Матерь и сказала: «Еразм! За то, что ты украсил церковь Мою, и Я украшу тебя и возвеличу славою в Царстве Сына Моего. Встань, покайся и прими ангельский образ (монашество), а в третий день я возьму тебя чистым к Себе, так как ты возлюбил благолепие дома Моего». Блаженный Еразм выполнил указанное и, очистившись покаянием, в третий день почил в мире. Это замечательный пример особого Божиего благоволения к устроителям и украшателям храмов.

К этой давней истории мне хотелось бы добавить и две современные. Одна из них случилась с прихожанкой нашего храма. Умер пожилой хороший, сердечный человек, прихожанин Христорождественского храма. Через некоторое время вдова его обратилась ко мне с вопросом. Дело в том, что племянница почившего увидела его во сне, и он сказал ей: «Со мной все хорошо, мешает только то, что мы забыли отослать деньги, которые обещали». Что это за обещание и что за деньги — племянница не знала и пересказала сон вдове. Та сразу вспомнила, что незадолго до смерти мужа смотрели они телевизор, передачу о храме святого апостола Андрея Первозванного. Назвали в передаче и расчетный счет. Супруги почему-то решили послать туда некоторую сумму. Да за делами — забыли. Теперь женщина пришла с вопросом: что же ей делать? Как поступить? Видно, не простое это дело — милосердие к Дому Божию.

Помню еще историю, рассказанную одной знакомой. Она пожилая женщина, каждое лето ездила работать каменщицей на реставрацию или строительство церквей. Помогала бесплатно — Христа

ради. Однажды она взяла с собой пятилетнего внука. Через некоторое время, уже по возвращении, мальчик рассказал ей: «Мне сегодня ночью Ангел Божий сказал, что меня записали в живую книгу за то, что я подносил кирпичики на стройке». Что это за «книга живая»? Пятилетний малыш был церковный мальчик, он знал про Ангелов, но о «живой книге», или Книге Жизни, слышал впервые. Что ж, может, из этих кирпичиков и сложится для него лестница в Царство Небесное.

Милосердная жертва доступна каждому. Придя в храм, вы покупаете свечу, ставите ее перед иконой. Что это? Нужна ли свеча Спасителю, или Божией Матери, или святому? Нет. Свеча — это символ вашей горячей молитвы. А заплатив за нее деньги, вы даете жертву на храм. Но если вы покупаете свечу с огорчением сердца, то лучше не покупайте ее вовсе. Господь примет вашу молитву и без нее. «Уделяй по расположению сердца», — говорит Апостол (2 Кор. 9, 7). Людей, редко бывающих в церкви, смущают ящички или кружки, имеющие надписи «на ремонт», «на общую свечу», «на масло». Некоторым кажется, что с них беспрерывно требуют деньги. Но это не так. На поднос или в кружку вы кладете деньги лишь тогда, когда сами этого желаете, и столько, сколько желаете. Но скажите, приятна ли Господу ваша жертва, если она дается не от чистого сердца, с огорчением, с пересудами или по принуждению? «Награда дается не за вынужденное, но за свободное дело». Но не будем заниматься математическими подсчетами: кто кому? Бог ли нам, мы ли Богу. Проще не сомневаясь исполнить заповедь «просящему — дай!» Каждый сколько может.

Во время строительства Константинопольского храма одна богатая вдова, римлянка по имени Мар-

ция, подарила храму восемь порфировых колонн необычайной ценности. На свои средства она доставила их морем из Рима в Константинополь. А Спаситель указал на бедную вдову, положившую в сокровищницу храма всего две лепты, как на самую щедрую благотворительницу. Кто сколько может.

Прежде каждый храм имел своих попечителей, богатых благодетелей, на средства которых, в основном, и содержался. После политического переворота 1917 года казалось, что о благотворительности для Церкви не могло быть и речи. Но никакая политическая система не может отменить Бога. Господь все Тот же, заповеди все те же. Известно множество случаев, когда люди, занимавшие значительные должности, не имеющие возможности открыто прийти в храм, благотворили ему. Кто-то помогал достать дефицитный, особенно после войны, стройматериал. Кто-то ставил свою подпись на разрешении подключить храм к энергосети. А какой-то, пусть даже начальник, оберегал от притеснений.

Сейчас директора, хозяева или владельцы предприятий, а также люди с большими возможностями беспрепятственно могут благотворить нашей Церкви. Появилось новое слово спонсоры. Слава Богу, некоторые люди входят в наши проблемы, помогают. Мы даже завели отдельную книжечку-синодик, поминать благотворителей. Без них в современных экономических условиях ни один храм не выжил бы, как, впрочем, и в дореволюционные годы. Отопление, свет, крыша, газ — это наши заботы. Но это и люди. За решением каждой проблемы стоит человек или несколько, которые не по долгу службы, не из какой-то корысти, престижа или моды, а по расположению сердца уделяют храму то, чем могут помочь. Будь то деньги, материалы, трудовые руки, квалифи-

цированный совет. Мы радуемся за них, ибо, по словам Апостола: «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9, 6).

И все же бывает грустно. Одна пожилая прихожанка сказала, что даже во время войны наш храм выглядел лучше, потому что люди больше заботились о нем. Их сердца лежали к храму, он был своим. Теперь всем все равно. Очень жаль, но похоже на правду. Не всем, но очень многим все равно. Все труднее найти помощников.

Да, иногда кажется, что уйдут от болезней или по старости наши «мироносицы» — и некому будет заботиться о доме Божием, некому петь на клиросе, печь просфоры. Грустно.

Но тогда я вспоминаю раннее утро, «утро глубоко», как поется в пасхальном песнопении, и группу женщин с кувшинчиками масла, спешащих к каменному Гробу. Вспоминаю наш Рождественский иконостас с фигурами мироносиц, поднимающихся в гору, и печаль проходит.

И верится, что опять кто-то придет, чтобы отдать свое любящее сердце и трудовые руки, свои таланты и умение ради Господа, ради Христа, как щедрую милостыню родному храму. Да и не может быть иначе. Без дел милосердия нам не спастись, не подняться к воскресшему Спасителю. А потому, братья и сестры, не будем забывать о чудесной милостыне. И пусть она стоит за нами, когда мы с надеждой взываем к Господу даже в самой короткой молитве: «Господи, помилуй». Аминь.

О ПОМИНОВЕНИИ УСОПШИХ И РОДИТЕЛЬСКИХ СУББОТАХ

«Молитесь друг за друга» (Иак. 5, 16)

Свой день православный человек начинает с молитвы. С утреннего молитвенного правила. Некоторая часть этого правила посвящена молитвам за близких. Родственников, друзей, знакомых, «начальников, наставников, благодетелей». Следуя заповеди о любви к ближнему, мы молимся за них, за живых и за умерших. Молитва — это и есть первейшее выражение и дело любви. Надеясь приклонить милосердие Божие к тем, кто дорог нам, мы произносим одно за другим их имена. И чем богаче любовью сердце, тем длиннее бывает и список этих имен.

«Для того поминаем на молитве живых или усопших, что Господу так же удобно и можно помиловать известные лица, как нам удобно выговаривать их имена», — рассуждает святой праведный Иоанн Кронштадский, — «...как нам не выговаривать в молитве по любви христианской имен праотец, отец и братий наших, сродников, друзей и знакомых». Конечно, Господь знает о человеке все. Все хорошее и все плохое. Но не по *хорошему* или *плохому* судит и милует Он его. А по любви. И по нашей любви также.

Не раз приходилось слышать, что «если не поскупишься утром вспомнить на молитве всех, кто как-то

с тобой связан (и живых и ушедших), то целый день все как-то особенно удается. И как-то легко он проходит. А когда пожалеешь времени на это, то дневные твои дела словно через великие препятствия делаются». А как же! С любящими Господь.

Особенно нужны наши молитвы умершим. Ведь окончившие свой земной путь, сами они уже не могут ни прибавить благих дел, ни покаяться в грехах, ни упросить Господа. Зато мы можем просить для них милости, просить упокоить их, «яко не мертвые восхвалят Тя, Господи, ниже сущие во аде исповедание дерзнут принести Тебе: но мы живые благословим Тя и молим и жертвы приносим Тебе о душах их».

О родительских субботах

В каждый субботний день, преимущественно перед другими днями, совершается в Православной Церкви поминовение умерших в православной вере. В этом отличие субботней службы. При этом некоторые из суббот имеют особый статус. Их называют родительскими субботами. Родительскими потому, что первая наша обязанность поминать тех, кто дал нам жизнь, — наших родителей, а также родителей наших родителей и других предков. Поминать умерших родных, друзей, знакомых. В эти особые субботы мы молимся за всех, кто умер в надежде воскресения и жизни вечной.

Надо заметить, что в родительские субботы в храмах бывает как никогда многолюдно. И еще, на службе в такой день особенно ясно понимаешь ту истину, что «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32), что разделение на живых и мертвых лишь временно и условно. В особенности отрадно в эти

дни бывает тем, кто с трудом переживает разлуку с ушедшими. Молитвами о упокоении «стеночка» между нашими мирами истончается и мы становимся ближе.

«Молясь о умерших, мы упражняемся в ощущении нереальности этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отшедшим» (дневниковая запись священника Александра Ельчанинова).

Старейший клирик Московской Епархии, недавно почивший протоиерей Виктор Шиповальников, рассказывал, что в бытность его в Рязани, служил вместе с ним с ним один священник — отец Константин. После службы о. Константин каждый день ездил на кладбище служить панихиду на могиле своей мамы. Ездил он на лошадке, а в возке у него всегда был с собой самовар, и после панихиды он там же на кладбище пил чай. Как-то отец Виктор был на кладбище и увидел там отца Константина с самоваром. Тот его пригласил: «Идите сюда, батюшка, чайку с моими покойничками попить». Этот священник реальным общением молитвы уже в этой жизни преодолел разделение на живых и мертвых. Для него и мертвые были живы.

Но вернемся к родительским субботам. Две из них называют Вселенскими, так как в эти дни поминают всех умерших православных христиан. Это предпоследняя перед Великим постом суббота, которая называется мясопустного Родительскою субботой, так как она бывает накануне мясопустной недели. (Неделя — еще одно название воскресного дня, происходит от *не делать*.) И Троицкая родительская суббота накануне праздника Пресвятой Троицы.

Мясопустная Вселенская родительская суббота бывает накануне воскресного дня, посвященного воспоминанию о Страшном Суде, и естественно, что Церковь как бы в день, предшествующий Суду, умоляет праведного Судию о всех «от Адама до днесь усопших в *благочестии и правой вере* праотец, отец и братий наших, от всякого рода царей, князей, монашествующих, мирян, юношей и старцев...», а также о всех утонувших, погибших в бою, от землетрясения, от рук убийцы, от молнии, засыпанных землей, растерзанных зверями и другой смертью «внезапно умерших и оставшихся без узаконенного погребения».

К тому же, приближаясь к подвигу поста, верующие стараются примириться со всеми: с близкими и дальними, с живыми и с умершими. Прощению обид и примирению с живыми будет посвящена следующая за мясопустной неделя, которую и завершит прощеное воскресенье. В Родительскую же субботу мы особо молимся о тех, для кого уже закончилась земная жизнь, отдавая тем священный долг любви.

Случается, что название субботы *мясопустная* неправильно понимают. Поясню: этот термин не отменяет мяса в субботу, так же, как не делает ее постной. Последний «мясной» день перед постом — воскресенье за Родительской субботой.

Собственно назначение родительских суббот — объединение Церкви. Родительские субботы дают нам возможность ощутить реальность объединения всех ее членов — и ее святых, и живущих ныне и умерших. День же Пресвятой Троицы, в который Святой Дух в виде огненных языков сошел на апостолов, называют днем рождения Церкви. Поэтому так понятно установление родительской субботы накануне этого дня.

Необходимо упомянуть об одном часто встречающемся заблуждении относительно Троицкой Родительской субботы. Мне не раз случалось слышать, причем говорившие обычно были в том совершенно уверены, что Троицкая суббота — тот единственный день, когда в церкви можно подавать записки о упокоении самовольно лишивших себя жизни, а так же о умерших некрещеными. Повторяю: это заблуждение. Хотя и очень устойчивое. Свое начало оно берет от бывшего некогда в нашем Отечестве обычая отпевать и хоронить перед Троицкой субботой всех неизвестных или от неизвестной либо нечестной смерти умерших (т.е. в драке, на разбое), а так же казненных. Теоретически среди таких покойников могли быть и некрещеные, и самовольно лишившие себя жизни. Но, естественно, на службе их не поминали.

Трогательный обычай Троицкого семика

Было прежде такое понятие — семик. Так называли четверг седьмой недели после Пасхи, как раз перед Троицкой родительской. В этот день совершали обряд погребения всех умерших несчастною смертью. Для этой цели за городом отводились особые места, где ставили так называемые убогие дома или сараи, в которых устраивалась одна большая общая могила. Сюда в течение нескольких месяцев свозились тела каз ненных, утонувших, сгоревших, странников, вообще всех, кто не принадлежал ни к какому приходу и о ком ничего не было известно. Патриарх Филарет приказал хоронить в таких могилах и тех, «которые вина обопьются, или зарежутся, или с качелей убьются, или купаючись утонут, или сами себя отравят, или какое иное дурно сами над

собой учинят». То есть тех, кого нельзя было хоронить на церковных кладбищах. Два раза в год: в Троицкий семик и перед праздником Покрова Богородицы, торжественно, крестным ходом отправлялись к убогим домам духовенство и благочестивый народ. Там совершалась общая панихида, за которой поминались души рабов от неизвестной смерти умерших, «их же имена Ты Сам, Господи, веси (знаешь)». Позже патриархом Адрианом было указано: «самоубийц и убитых на разбое и воровстве не класть на кладбищах и убогих домах, но зарывать в лесу или в поле без поминовения в семик».

Погребение и поминовение несчастных совершалось торжественно, при большом стечении народа и за счет богомольцев-благотворителей. Сохранилась запись XVII века с перечислением московского духовенства определенного патриархом на отпевание в семик: «Андроньевский архимандрит, Даниловский игумен, протопоп Черниговский с собором да Рождественский протопоп из-под колоколов с собором за Яузу; за Сретенские ворота: архимандрит Петровский, игумен Сретенский, протопоп Покровский во рву, протопоп Александровский с собором». Мы видим, что совершалось отпевание не как-нибудь потаенно или незаметно, но, можно сказать, с пышностью. Архимандриты, игумены, известные протопопы, да еще с собором, то есть с соборными священниками и дьяконами. Так высоко ценилась в глазах наших соотечественников всякая человеческая душа. После панихиды обычно добрые люди раздавали нищим щедрую милостыню на помин погребенных.

Благочестивый обычай подавать милостыню на помин сохраняется и в наше время. Иногда это единственная форма помощи (кроме домашней мо

литвы) тем, кто ушел из этой жизни, не присоединившись к Христовой Церкви, или своеволием.

Родительские субботы Великого поста и субботы поминовения воинов

Вы, вероятно, замечали, что Великий пост особенно объединяет верующих. Духовная жизнь постом становится активнее, молящихся в храмах — больше. Все мы живем в одном ритме, и внутренний наш духовный компас указывает нам одну цель. Общее делание сближает нас настолько, что к концу первой недели Великого поста мы даже внешне становимся как-то похожи. Как родственники. Уже и в транспорте узнаешь «своих», и на улице. И отношения друг к другу становятся теплее. Три родительские субботы Великого поста, на 2-й, 3-й и 4-й неделях соединяют нас со «своими» и другого мира.

А так как Великим постом в седмичные дни, то есть на неделе, не совершается обычного поминовения, то постовые родительские субботы имеют целью восполнить этот недостаток, чтобы умершие не лишились предстательства Церкви.

Говоря о родительских субботах, нельзя не упомянуть о субботах, посвященных воинам. Еще в ветхозаветной церкви было принято совершать поминовение воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных». В нашей Церкви тоже есть такая традиция. Поминовение православных воинов, погибших за веру и Отечество, совершается: 11 сентября, в день Усекновения главы святого пророка Иоанна Предтечи, в Димитровскую родительскую субботу, ближайшею перед 8 ноября, днем памяти святого Димитрия Солунского. Начало Димитровской родительской субботе положила торжественная панихида

по павшим на Куликовом поле воинам, которую отслужили в обители Живоначальной Троицы преподобного Сергия в 1380 году. Тогда же Великий князь Димитрий Иванович Донской, прославленный позже в лике святых Православной Церкви, предложил творить поминовение убитых воинов каждую Димитровскую субботу. В последние годы к этим двум субботам, в память о миллионных жертвах Великой Отечественной войны, среди которых большинство были крещеные русские люди, добавился как день поминовения воинов — день 9 мая.

Радоница

Пасха — главное событие церковного года. *Праздник праздников* и *торжество торжеств*. Такое событие требует и подготовки, и осмысления. Седьмая неделя Великого поста, предваряющая Пасху, называется Страстной седмицей, она посвящена воспоминаниям о последних днях и часах земной жизни Спасителя, Его крестной жертвы. Значение этих дней в духовной жизни христиан так велико, что к названию каждого дня прибавляется слово Великий: Великий Понедельник, Великий Вторник, причем пишутся они с заглавной буквы. Следующая за Христовым Воскресением неделя носит название Светлой, или Святой. Из сорокадневного праздника (Пасха празднуется тридцать девять дней) она выделена особо. Событие Воскресения невозможно пережить и осознать одним днем, и потому до следующего воскресного дня положены пасхальные службы с открытыми Царскими вратами, крестным ходом и особенным пасхальным звоном. В церкви в эти две недели не служат панихиды. Нет даже *тетрапода* (его еще часто называют — канон), похо

жего на куб или стол подсвечника, с распятием и множеством ячеек для свечей. Не ставят в эти дни свечек о упокоении. Потому что время такое. Время *наибольшей* заповеди: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим»* (Мф. 22, 37). Дни, когда к Крестной смерти и Воскресению Спасителя обращено *все* наше внимания и *все* чувства.

Накануне девятого дня Пасхи опять поставят в храме канон, и со вторника будут служить панихиды. В этот день в храмах бывает необычайно много народа. Все приходят помолиться о своих ушедших. Записки о упокоении в алтарь передают целыми пачками. Обычай особенного поминовения усопших вскорости после Пасхи был известен уже в первые века христианства. Основан он на желании разделить пасхальную радость не только с живыми, но и с теми, кто уже окончил свой земной путь. Большинство прихожан после торжественной церковной службы идут на кладбища, чтобы помолиться у родных могил. Вторник Фоминой, или второй недели после Пасхи обычно называют *радоницей*. Это древнее название имеет ту же «солнечную» основу, что и *радость, радуга* — ра (вспомните Древний Египет). И это действительно день радости для всех, потому что воскрес Христос!

Можно заметить, вернее, трудно не заметить, что и в сам день Пасхи, в Светлое Христово Воскресение, на кладбище тоже бывает много людей. Но так как в этот день в церквях нет поминовения усопших, то иные верующие смущаются: можно ли в Пасху посещать кладбище или нельзя? Может быть, это грех?

Прежде, в тех приходах, где кладбище находилось рядом с церковью, молящиеся в Пасху после церков-

ной службы шли на могилы близких с пасхальным приветствием: «Христос воскресе!» Возле могильного креста оставляли крашеные яички. Для нищих. Когда-то православный царь после пасхальной заутрени выходил из Успенского собора и шел в Архангельский, где захоронены его предки. Там он кланялся гробам и поздравлял: «Христос воскресе!» Государь тоже клал красное яйцо на какую-нибудь из плит. Это называлось *христосываться с предками*.

В советское богоборческое время многие боялись ходить в церковь. Особенно в праздники, когда разные уполномоченные и соглядатаи переписывали молящихся. Присланная на место работы или учебы бумага с сообщением, что такого-то или такую-то видели в церкви, могла очень осложнить человеку жизнь. Потому некоторые верующие и не решались в Пасху бывать на службе. Но праздник им все же хотелось отметить, и сложилась практика — приходить в этот день на кладбище и у родных крестов молиться. Сейчас все изменилось, за участие в богослужении не наказывают, но многолетняя привычка и семейный обычай все же приводят наших соотечественников в пасхальный день к могилам близких. Греха в этом нет. Конечно, если ходить туда после церковной службы, а не вместо нее.

Даже самая малая молитва много значит

Казалось, много ли может наше поминовение? Кто мы такие, чтобы наши молитвы могли что-то изменить? Духовные истины постигаются поразному. Кто-то сразу принимает их сердцем, кому-то необходимо испытание разумом, но полностью убеждает нас, как правило — опыт. И потому позвольте предложить вам историю, которая когда-то

раз и навсегда убедила меня в том, что наши поминовения необходимы усопшим, и никогда нельзя пренебрегать возможностью помочь им своей молитвой. Случилось это много лет назад. Подвизался я в то время певчим в двух московских соборах, а в отпуск, как обычно, поехал в деревню, откуда родом был мой прадед. Родные места, где все про всех и все знают. Поэтому и я знал, у кого можно позаимствовать лодку, необходимую мне для рыбалки. Через три дома жил Николай, по-уличному — Колька Бычок, к нему-то я и отправился со своей просьбой. Прежде это был самостоятельный мужик, хоть и пьющий, но, как говорится, в меру. Однако с тех пор, как вышел на пенсию, меру он эту потерял и быстро сравнялся с теми деревенскими пьяницами, которые ее никогда и не знали. В тот год у Бычка умерла мать, и он совсем опустился. Дом его превратился в ночлежку для всякого шатающегося и пьющего люда. Вот и тем вечером, когда я пришел за решением лодочного вопроса, у Бычка сидел или лежал самый горький из всех горьких пьяниц нашей округи — вор-рецидивист Борька. Хотя вор-рецидивист для Борьки — не совсем правильное определение. Был он скорее воришкой и лодырем, время от времени набиравшем грехов перед соседями и законом на небольшой срок. Виноват он был перед всеми, не было в окрестных деревнях дома, из которого Борька хоть чего-нибудь не украл.

Избу тети Дуни, всегда ухоженную и уютную, было не узнать. Мебели в горнице никакой не было, приятели сидели на полу, на каких-то обрезках досок. Но печальнее всего глядели из углов пустые полки от икон. Бычок без слов понял мой вопрос. «Гуляли после похорон долго, ничего не помню. Может, унес кто. А может, я сам продал. Вон, только

и осталось», — он кивнул в сторону угла. Там на голой доске лежала большая фарфоровая лампада, сквозь маслянистую грязь и копоть кое-где проглядывала позолота. Из любопытства я взял ее в руки. Сложная, как бы витая форма, ни одного скола, даже фарфоровые ушки для цепей целы, только позолота кое-где стерлась. Я уже хотел положить лампаду на место, но не выдержал: «А тебе она нужна? Может, продашь?», — спросил я Бычка. Бычок немного подумал. «Да ты так бери. Без денег», — сказал он. Я растерялся. Было заметно, что мужики мучаются с похмелья, и денег, скорее всего, у них нет. «Бери, бери», — подал голос Борька. — «Ты тут один в церковь ходишь, хоть помолишься когда о нас. За нас ведь никто не молится». Такого поворота я совершенно не ожидал. Тем временем хозяин поднялся и стал что-то искать по подоконникам и на полках: «От нее еще стаканчик был, такой белый... Только где он?» Борька принялся ему помогать. Совместными усилиями стаканчик был найден. Нашлись также и старинные латунные цепи для лампады. Угрюмые поначалу мужики повеселели, завернули в какой-то лоскут свой подарок и провожали меня так, словно это они, а не я, получили его.

Прошло несколько лет. Лампада прижилась у меня в доме, ее повесили перед иконой святителя Николая. Она напоминала мне о просьбе поминать Бориса и Николая. Однажды сынишка, спутав бутылки, залил в лампаду какой-то горючей жидкости, и она вспыхнула. Только чудом не случилось пожара, но матовый белый стаканчик с окошками лопнул, и на его место пришлось поставить новый. А через какое-то время пришло известие, что Колька Бычок умер, как раз за несколько дней до этого происшествия. Может и не связались бы эти два собы-

тия — лопнувший стаканчик и смерть Николая, вместе, если бы через год не погиб Борис. Нашли его убитым ранней весной, в каком-то заброшенном доме. Зная его жизнь, местные, как их называют, органы не стали допытываться, как и в какой из зимних дней она окончилась. Его просто похоронили. Когда мне позвонили с просьбой помолиться о новопреставленном Борисе и рассказали историю его смерти, то я сразу вспомнил, как февральским вечером прямо на глазах у нас неожиданно и безо всякой причины сорвалась с цепочки витая лампада и разбилась на маленькие осколки. Возможно, это был тот самый день, когда Бориса убили, и ему было необходимо напомнить о себе. У Господа нет ничего случайного.

Это происшествие, вернее, эта цепь событий не может не навести на размышления. За ними видны великая любовь и великое милосердие Божие ко всякому человеку. Чтобы оживить молитвенное внимание к двум бедолагам, Господь посылает Ангела — и разбивается подаренный ради молитвы стаканчик, падает лампада. И еще. Для меня это урок, который дал мне осознать, как нужна ушедшим молитва даже одного человека! Давно нет у меня перед глазами похожей на золоченую раковину лампады, но урок этот остался со мной.

Поминовение умерших — дело благодатное

Поминальные молитвы необходимы не только умершим. Молитва есть дело милосердия и Господь особенно благоволит к молящимся о других. Как-то в голодные годы один дьякон, отчаявшись от попыток достать продовольствие, спросил священника: «Батюшка, а вы-то как устроились с продуктами?»

«Да меня покойнички кормят», — ответил священник. Оказалось, он часто ходит на кладбище и служит там панихиды на разных могилках. «Хочешь, пойдем сегодня вместе?», — предложил он дьякону. Тот согласился и тоже отправился на кладбище. Отслужили они панихиду, а когда дьякон вернулся домой, на крыльце его стоял мешок с пшеницей. Этот дар неизвестного доброхота и помог дьякону пережить голод.

Когда мы поминаем людей, ушедших с грузом грехов, то своими молитвами приклоняем к ним милость Божию. А когда мы молимся о упокоении людей достойных, чем-то в своей жизни заслуживших милость Господа, то они, в благодарность за наши молитвы, просят у Господа и нам милости и участия в наших земных делах.

Эта история произошла в семье нашего прихожанина. Отец его имел в Москве квартиру, которую много лет сдавал, так как жил, обычно, у кого-нибудь из семи своих взрослых детей в Подмосковье. Деньги же за квартиру шли на поддержку того члена большой семьи, кто особенно нуждался в отцовской помощи. Когда стало заметно, что отец приближается к рубежу своих дней, квартиру решили приватизировать. Но тут выяснилось, что семья, снимавшая ее, уже давно ту квартиру приватизировала. Как ни пытались истинные владельцы отстоять свои права, сделать ничего было нельзя. Им так и говорили во всех инстанциях. Но родственники все же наняли адвоката.

Тут, исчерпав свой срок, тихо ушел из жизни отец. Про адвоката просто забыли. Отпевание, похороны, поминки, устройство могилы, крест. Через год дети решили сменить могильный крест на могиле отца. А тот, что остался не у дел, рассудили от

вести на могилу прадеда под Каширу, откуда они были родом. Вспоминали, что отец часто говорил им: «Вы поминайте деда Тита, он наш корень». Дед отца Тит был, по рассказам, человек особенно благочестивый и набожный. Был он одновременно деревенским старостой и старостой в церкви, уважаемый односельчанами и многочисленной родней. Память и почитание деда Тита были семейной обязанностью, усвоенной с детства всеми правнуками. Заменив старый обветшавший крест на могиле прадеда, правнуки и Богом данные родственники (среди них два священника), отслужили панихиду. И только умолкли последние слова, как раздался телефонный звонок. Звонил адвокат, от которого уже год не было ни слуху, ни духу, и про которого просто забыли: «Поздравляю, ваше дело о квартире выиграно в суде». Вот такая история с панихидой по деду Титу.

Молитва за других — особый род милостыни. Никогда не пренебрегайте возможностью совершить ее. Не смущайтесь поминать тех, кто даже случайно пришел вам на память. У Бога случайности нет. Поминайте дома, не забывайте поминать в церкви. И вы почувствуете, как уменьшится земное тяготение, станет легкой душа, потому что с вами будет милость Господа.